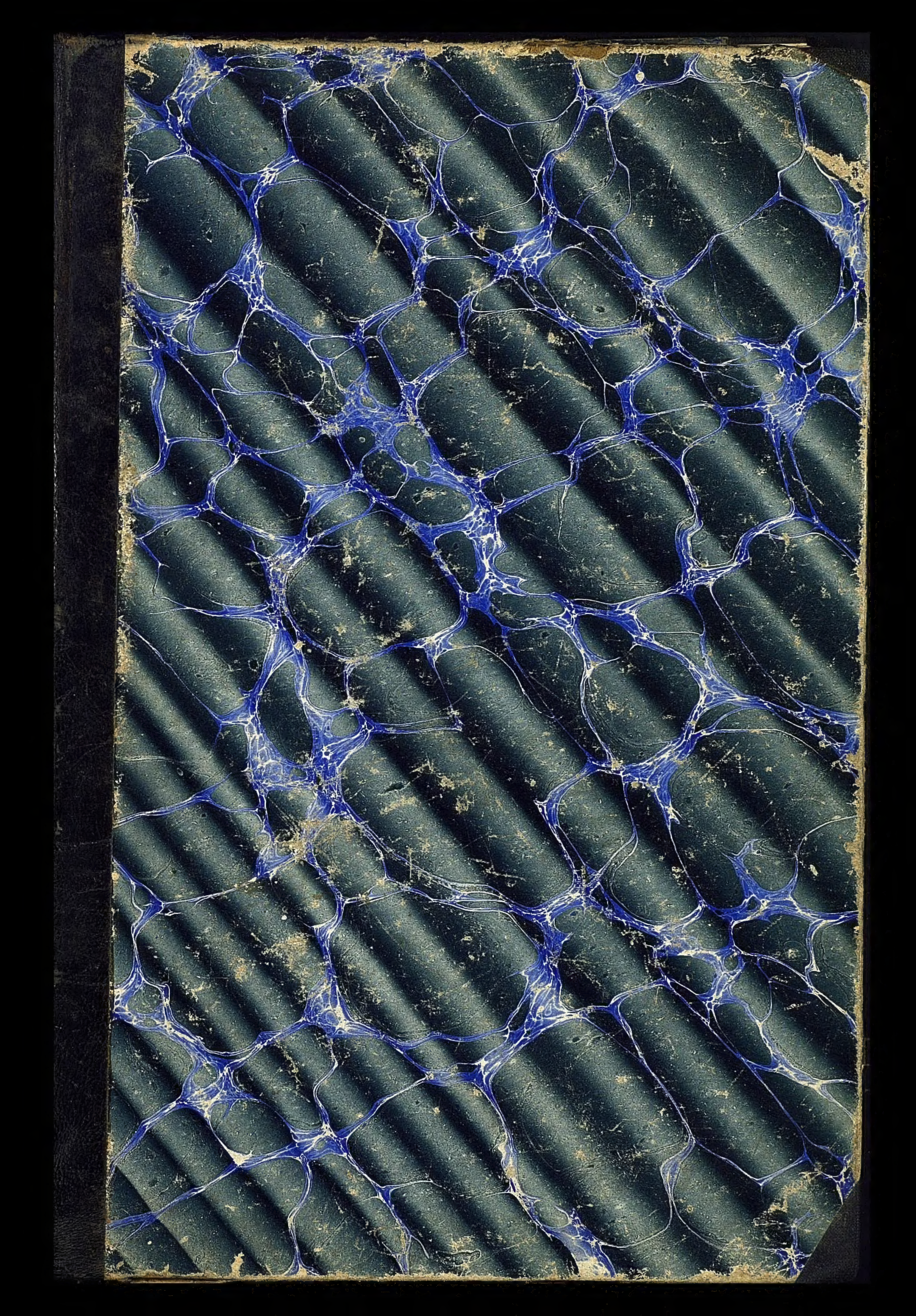
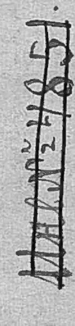

нимъ владычествовать. *Чехи потребовали причащенія подъ обоими видами* и отказались признать Сигизмунда своимъ королемъ. Предводителемъ Гусситовъ явился смѣлый, суровый старикъ Янъ Жишка. Напрасно Сигизмундъ хотѣлъ силою оружія усмирить Чеховъ, а папа проповѣдывалъ противъ нихъ крестовый походъ. Жишка оказался очень искуснымъ полководцемъ; а Чехи, одушевленные ненавистью къ Нѣмцамъ, сражались съ чрезвычайною храбростію. Рыцарскія ополченія Нѣмцевъ нѣсколько разъ были разбиты на голову, и съ позоромъ бѣжали передъ толпою ремесленниковъ и крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, цѣпами, пожарными крюками и т. п. Жишка обошелъ всю Богемію, безъ пощады разрушая монастыри,

050
Е.24
1913.X

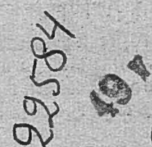
ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ОКТЯБРЬ.

16754

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА - КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.—ОКТЯБРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ 3½ до 4½ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ВОЗЛѢ БЕРЕГА.

I.

Алеша Бобровъ окончилъ юридическій факультетъ, и хотѣлъ приписаться въ адвокатуру, но потомъ раздумалъ и поступилъ на математическій. Два его старшихъ брата вели въ провинціи большое лѣсное дѣло. Завѣщанія отецъ не оставилъ. Чтобы не дѣлиться и не судиться, Алеша выговорилъ себѣ пожизненно полтораста рублей въ мѣсяцъ и съ тѣхъ поръ почти не пріѣзжалъ домой и жилъ въ Петербургѣ не совсѣмъ обыкновенной для молодого человѣка одинокой жизнью. Въ двадцать пять лѣтъ онъ еще не зналъ любви и боялся общества женщинъ.

При переходѣ на второй курсъ онъ заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и до начала апрѣля пролежалъ въ больницѣ. Лѣчившій его докторъ настойчиво совѣтовалъ провести лѣто и часть осени въ Крыму. Алеша написалъ объ этомъ братьямъ и въ отвѣтъ получилъ, кромѣ обычныхъ полутораста, еще пятьсотъ рублей и совѣтъ ѣхать въ Евпаторію, потому что тамъ меньше публики и чище воздухъ.

Ему было все равно.

Послѣ сѣраго финскаго залива южное море показалось необыкновенно синимъ, а солнце черезчуръ яркимъ. Но Алеша скоро привыкъ и къ свѣту, и къ жарѣ, и съ утра и до вечера лежалъ на морскомъ берегу съ аналитической геометріей Simon'а въ рукахъ. Думалъ онъ о томъ, какъ бы нагнать пропущенное время и сдать часть экзаменовъ въ сентябрѣ. Въ тайникахъ своей души онъ мечталъ рано или поздно сдѣлаться профессо-

ромъ чистой математики. Кромѣ того, изученіе аналитики давало забвеніе, похожее на пьянство. Безъ литографированныхъ лекцій и безъ мелко писанной тетрадки въ клеенчатомъ переплетѣ Алеша начиналъ невыносимо скучать. Беллетристики онъ не любилъ и считалъ всѣ романы и повѣсти ненужной выдумкой.

Музыка ему нравилась. И когда вечеромъ въ сосѣднемъ номерѣ кто-то очень хорошо игралъ на рояли, Алеша по цѣлымъ часамъ простаивалъ, приложивъ ухо къ стѣнѣ.

Въ десятомъ часу, обыкновенно, умолкали послѣдніе аккорды, затѣмъ слышались два женскихъ голоса и дѣтскій лепетъ.

Въ коридорѣ гостиницы Алеша познакомился съ другимъ квартирантомъ,—молоденькимъ артиллерійскимъ офицеромъ Завойскимъ. Нѣсколько дней подрядъ встрѣчались и разговаривали о математикѣ, о погодѣ, и казалось, понравились другъ другу.

Офицеръ узналъ, что по вечерамъ на роялѣ такъ хорошо играетъ барыня, фамилія которой Волжина, что живетъ она здѣсь съ маленькой дочерью Катей и француженкой бонной, ни съ кѣмъ не знакома, и до самаго заката солнца онѣ втроемъ сидятъ на морскомъ берегу.

Алеша вспомнилъ, что каждый день онъ видѣлъ недалеко отъ себя молоденькую смуглую, почти коричневую барыню, съ умными, печальными глазами.

Потомъ Завойскій сказалъ, что ему эта женщина представляется очень интересной и даже необыкновенной и онъ собирается «внезапно выѣхать на позицію и начать обстрѣлъ».

Алешѣ эта фраза не понравилась, но онъ промолчалъ и перевелъ разговоръ на другое.

Завойскій скоро перешелъ въ черезчуръ амикошонскій тонъ и однажды сказалъ:

— Вы, Алеша, если не влюбитесь, то непремѣнно сойдете съ ума или...

Офицеръ не договорилъ, потому что Алеша вдругъ покраснѣлъ и заикаясь отвѣтилъ:

— Я бы васъ па-а-прасилъ не называть меня уменьшительнымъ именемъ и не брать на себя роли пророка...

Онъ круто повернулся и убѣжалъ въ свою комнату. Здѣсь Алеша почувствовалъ, какъ дрожатъ его руки, и самъ не понималъ себя, почему такъ разволновался. Сердце билось неровно. Пришлось принять брому.

Офицеръ только посвистѣлъ ему вслѣдъ и ушелъ къ морю.

Послѣ брома Алеша принялъ еще тридцать капель валерьянки, раздѣлся, легъ и скоро крѣпко заснулъ.

Когда онъ открылъ глаза, вся комната была розовой подъ лучами только-что поднявшагося солнца, черезъ открытое окно тянуло утреннею свѣжестью и мокрымъ пескомъ.

Захотѣлось сейчасъ же, не пивъ чаю, на берегъ.

Былъ шестой часъ въ началѣ, но барыня съ дочерью и француженка уже сидѣли на разостланномъ пледѣ очень близко къ водѣ, возлѣ чьей-то маленькой собственной купальни.

Алеша легъ на песокъ шагахъ въ двадцати отъ нихъ и раскрылъ учебникъ, но читалось плохо. Невольно хотѣлось наблюдать за сосѣдками. Барыня почувствовала его взглядъ и сейчасъ же раскрыла большой парусиновый зонтикъ, какой берутъ на этюды художники. Ея головка и сѣдая прическа француженки перестали быть видны. Одна только пятилѣтняя Катя, похожая въ своей красной широкополой шляпѣ на живой грибъ, мелькала передъ глазами Алеши.

Дѣвочка осторожно взбѣгала по мосткамъ до самой купальни, тамъ круто поворачивалась и мелкими шажками возвращалась назадъ. Слышно было, какъ ей что-то крикнули по-французски какъ разъ въ ту секунду, когда она поворачивалась. Катя шагнула въ сторону и полетѣла въ воду.

Подъ зонтикомъ отчаянно завизжали два женскихъ голоса. Безъ малѣйшаго участья разсудка, Алеша по колѣни вошелъ въ море и бросился къ барахтавшейся дѣвочкѣ. Было очень мелко, какъ и на всемъ Евпаторійскомъ побережьи, но еще не обогрѣтая зноемъ вода показалась ужасно холодной.

Катя только испугалась, вся дрожала и вымокла. Какъ только - что пойманая рыбка, она ловила ртомъ воздухъ, но не закричала до тѣхъ поръ, пока ее не взяла на руки мать...

Алеша молча передалъ дѣвочку и, тяжело ступая по песку, прилипавшему къ его отяжелѣвшимъ ботинкамъ и брюкамъ, зашагалъ вдругъ по направленію къ гостиницѣ, чтобы переодѣться.

Сердце билось тяжело и неровно, и не отъ того, что онъ сдѣлалъ хорошее, хоть и не рискованное дѣло, а отъ убѣжденія, что теперь непремѣнно должно состояться знакомство съ Волжиной.

Въ коридорѣ встрѣтился Завойскій. Онъ не поклонился, только звякнулъ шпорами, посмотрѣлъ на мокрые испачканные пескомъ брюки Алеши и улыбнулся.

«Значитъ, мы больше не знакомы, подумалъ Алеша,—ну и слава Богу»...

Все еще волнуясь, онъ переодѣлся и потребовалъ самоваръ. Послѣ двухъ выпитыхъ стакановъ чая на душѣ вдругъ стало покойно и хотѣлось смѣяться.

Но какъ-то неловко казалось снова итти на берегъ. Алеша, улыбаясь, зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ легъ на постель и лежалъ до полудня. Вдругъ онъ вспомнилъ, что на пескѣ остались лекціи и навѣрное уже нѣсколько страницъ летаютъ по берегу, а, можетъ быть, попали и въ воду.

Купить новый учебникъ въ Евпаторіи было невозможно...

Алеша быстро вскочилъ, надѣлъ фуражку и пошелъ къ морю. Волжина и француженка сидѣли теперь подальше отъ купальни. Катя была не въ розовомъ, а въ бѣломъ платьицѣ. Но литографированныхъ лекцій не было на прежнемъ мѣстѣ, не было видно и отдѣльныхъ листовъ. Алеша еще разъ осмотрѣлся и подумалъ: «и кому здѣсь могутъ быть нужны интегральныя исчисленія»? Инстинктивно онъ обернулся и увидѣлъ, что къ нему идетъ, улыбаясь одними своими тихими лучистыми глазами, Волжина.

— Я васъ не поблагодарила, сказала она, останавливаясь, и протянула руку...

— За что? Случай такой обыкновенный. Маленькое купаніе— отвѣтилъ онъ и сейчасъ-же спросилъ: а вотъ вы не видали-ли моихъ лекцій и тетради въ клеенчатомъ переплетѣ?..

Волжина засмѣялась уже по настоящему.

— Видала... Ихъ ужасно трепалъ вѣтеръ, тогда Катя придумала и сказала: давай, мама, я зарою эти книги въ песокъ, этотъ господинъ, который вынулъ меня изъ воды, навѣрное скоро придетъ, и имъ ничего не сдѣлается, и засыпала. Вотъ здѣсь...

— Это остроумно... пробормоталъ Алеша и самъ удивился своей смѣлости.

— Да, въ такихъ случаяхъ дѣти бываютъ гораздо сообразительнѣе...

— Такъ что вы не очень испугались? спросилъ онъ и началъ откапывать свои учебники.

— Не очень. Вѣдь инстинктъ сильнѣе разсудка, ну я и mademoiselle, конечно, закричали, хотя обѣ знали, что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ и полуаршина глубины и вода тихая... А все-таки спасибо вамъ большое...

Катя стояла возлѣ матери и съ большимъ любопытствомъ разсматривала своего спасителя. Алеша поглядѣлъ на нее, стряхнулъ песокъ съ лекцій и спросилъ:

— Ну что, Катя? Страшно было?

— Нѣтъ... отвѣтила баскомъ дѣвочка и взяла мать за мизинецъ.

— Знаете что,—сказала Волжина,—мы сейчасъ идемъ завтракать. Не откажите раздѣлить съ нами скромную трапезу. Я могу вамъ предложить только кашку изъ топіока, яичницу и какао...

Онъ хотѣлъ было отказаться, но вдругъ вспомнилъ хвастливый тонъ Завойскаго, который хотѣлъ «внезапно выѣхать на позицію и начать обстрѣлъ». Алеша представилъ себѣ, какъ офицеръ посмотритъ на него, идущаго рядомъ съ Волжиной, и просто отвѣтилъ:

— Съ удовольствіемъ.

Но они не встрѣтили Завойскаго.

Въ первый разъ въ жизни Алеша не чувствовалъ себя плохо, разговаривая съ женщиной, да еще почти незнакомой. И поѣлъ онъ съ аппетитомъ, потомъ внимательно и долго разсматривалъ обстановку номера. Чемоданы и всѣ вещи были очень дорогія. На столѣ сверкало трехстворчатое зеркало въ серебряной оправѣ. Изъ подъ кровати выглядывало нѣсколько паръ очень изящныхъ туфель съ невысокими каблуками. Никелированную съ голубой шелковой сѣткой кроватку дѣвочки, вѣроятно, привезли съ собой. Бехштейновское краснаго дерева піанино было взято на прокатъ. Француженка показалась Алешѣ черезчуръ важной, и его удивило, что она, вѣроятно, уже давно покинувшая родину, не только не говорила по-русски, но и мало понимала.

II.

— Меня зовутъ Наталья Александровна, сказала Волжина, и поставила передъ Алешей стаканъ какао съ битыми сливками. А васъ?

— Алексѣй Ивановичъ...

— Мы здѣсь прожили почти цѣлую весну... Берите, пожалуйста, печеніе.

— Спасибо. Что-жъ, лѣчитесь?

— Лѣчусь, да и такъ... Есть разныя обстоятельства... А вы южанинъ?

— Нѣтъ, я петербуржецъ...

— И какъ вы тамъ можете жить?

— А такъ... Вотъ и нажилъ что-то вродѣ чахотки.

— Не похоже, сказала Наталья Александровна, отошла къ окну и начала зажигать спиртовку, чтобы еще вскипятить молоко.

Алеша нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее. Не было въ этомъ молодомъ женскомъ красивомъ лицѣ того отпечатка, который всегда кладетъ хоть разъ пережитое счастье. «Вотъ сразу видно, что она очень богата, а глаза, какъ у голодной курсистки. Почему»? спросилъ онъ мысленно самого себя и не зналъ, что отвѣтить.

Алеша выпилъ какао, поблагодарилъ и попрощался.

— Заходите, просто сказала Наталья Александровна. Между прочимъ, вы нашъ первый знакомый въ этомъ городѣ...

Онъ засмѣялся.

— Ну что-жъ, и я съ чистой совѣстью могу отвѣтить тѣмъже, что и вы здѣсь моя первая знакомая... Хотя у меня ихъ и въ Петербургѣ не очень много...

Еще разъ пожали другъ другу руки. Онъ снова ушелъ гулять. Раньше Алешу всегда пугали молодыя и красивыя женщины, и казалось, что каждая изъ нихъ непремѣнно хочетъ его обратить если не въ раба, то въ поклонника,—вообще «осчастливить униженіемъ», какъ онъ признался когда-то старшему брату. А Наталья Александровна держала себя и разговаривала такъ, какъ это бываетъ только между существами одного пола.

«Конечно, влюбиться—я не влюблюсь, думалъ Алеша,—это глупость, но познакомиться съ ней поближе, разсмотрѣть ея душу—это будетъ интересно. Завойскій не ошибся:—она не такая, какъ всѣ... Не нужно только надоѣдать ей... И какъ это хорошо, что я поссорился съ Завойскимъ, онъ бы все это милое знакомство непремѣнно высмѣялъ».

Гдѣ-то глубоко въ душѣ билась тайная радость отъ сознанія, что впереди больше не будетъ скучной жизни, и явилась, еще въ первый разъ въ жизни, глубокая, чисто инстинктивная увѣренность, что въ знакомствѣ съ Наталіей Александровной никогда не придется раскаиваться...

Въ теченіе недѣли онъ убѣдился, что всѣми его дѣйствіями по отношенію къ Наталіи Александровнѣ, кромѣ разсудка, руководитъ еще какое-то другое новое чувство,—то самое, которое подсказало ему, что не нужно надоѣдать слишкомъ частыми встрѣчами и разговорами.

Алеша сталъ заниматься меньше. Гуляя по берегу, онъ только издали кланялся Наталіи Александровнѣ и думалъ: «я подойду къ ней и поговорю въ субботу,—не раньше».

Такъ и сдѣлалъ.

И сразу было видно, что Наталья Александровна обрадовалась ему.

— Знаете, я такъ не люблю всякаго рода кавалеровъ, а вы не кавалеръ, вы просто человѣкъ и даже несмотря на то, что кончаете второй факультетъ,—юноша, это видно въ каждомъ вашемъ движеніи... сказала она.

— Можетъ быть. Товарищи и даже родные считаютъ меня какимъ-то уродомъ и только потому, что я никогда не пилъ, никогда не влюблялся и не игралъ въ карты... отвѣтилъ Алеша.

— Конечно, все это не естественно, но въ такомъ случаѣ я тоже уродъ.

— Почему?

— Да такъ... Вотъ удрала отъ мужа, но не къ любовнику, а такъ, просто, взяла да и удрала въ Евпаторію...

— Почему? еще разъ спросилъ Алеша и поднялъ брови.

— Да не хочется сейчасъ объ этомъ разсказывать. Будемъ жить настоящимъ. Посмотрите, какое чудесное сейчасъ море, какъ перламутровое,—знаете, бываютъ такія портмоне, неопредѣленнаго переливчатаго цвѣта...

— Жарко только очень, отвѣтилъ Алеша и помахалъ надъ головой фуражкой.

— Что-жъ. Это намъ съ вами полезно. Я вотъ какъ загорѣла...

— Отчего вы никогда не гуляете по вечерамъ?

— Да не съ кѣмъ. А француженка надоѣла...

— Вотъ вы сказали, что сегодня море красивое, а ночью при лунѣ оно будетъ еще лучше. Хотите, пойдемъ сегодня вечеромъ далеко, далеко, до самыхъ вѣтряныхъ мельницъ...

— Хорошо. Только не раньше десяти часовъ, когда заснетъ Катя, а теперь еще шесть... Вы тогда стукните мнѣ въ дверь.

Алеша кивнулъ головою, ушелъ къ себѣ и легъ на постель. Не хотѣлось ѣсть и не хотѣлось двигаться. Прямо черезъ стекло видно было только ярко голубое небо. Незамѣтно оно стало зеленоватымъ, а потомъ ярко синимъ. Также незамѣтно засверкалъ голубымъ серебромъ бѣлый подоконникъ и заблестѣли подъ луннымъ свѣтомъ спинки новенькихъ лакированныхъ вѣнскихъ стульевъ. Въ коридорѣ часы пробили девять. Алеша всталъ и растворилъ окно. Пахнуло свѣжимъ ласковымъ ароматомъ соленой воды. Далеко верстъ на восемь впередъ протянулась по морю искрящаяся зеленоватыми брильянтами лунная дорога къ счастью.

На рейдѣ стоялъ пароходъ русскаго общества и блестѣлъ своими иллюминаторами. Слышно было, какъ гремитъ цѣпь «лебёдки», и видно было нѣсколько большихъ черныхъ шлюпокъ у трапа. Точно клешни огромныхъ раковъ подымались и опускались ихъ весла.

Время шло досадно тихо. Когда было безъ пяти десять, Алеша легонько повернулъ ручку двери сосѣдняго номера.

— Я сейчасъ, коротко отозвался голосъ Натальи Александровны.

Вышла она стройная, спокойная, въ легкомъ батистовомъ платьѣ, чуть придерживая правой рукой юбку. Алешѣ бросились въ глаза ея изящные, на невысокихъ каблукахъ туфли. На плечахъ у нея была кисейная чадра.

— Итакъ въ путь?

— Въ путь, весело отвѣтилъ Алеша, только не туда, гдѣ играетъ музыка и флиртуютъ курортныя дѣвицы.

— Ну, конечно...

Сразу пошли молча и быстро возлѣ самой воды, — по влажному песку было легче ступать. А потомъ, когда усѣянный огненными точками городъ остался далеко и было слышно, какъ охаетъ басовая труба въ оркестрѣ,— они замедлили шаги.

Наталья Александровна улыбнулась и сказала:

— Въ первый разъ въ жизни иду съ существомъ не женскаго пола, вполнѣ увѣренная, что это существо не будетъ говорить о любви... И если-бы вы знали, какъ это пріятно. Мнѣ кажется, нѣчто подобное долженъ испытывать врачъ, котораго куда-нибудь приглашаютъ не въ качествѣ доктора, а просто какъ человѣка...

— Да, насчетъ разговоровъ о любви вы можете быть совершенно спокойны. Тѣмъ не менѣе, мнѣ очень и очень хотѣлось бы знать, какъ вы жили раньше? Видите-ли, я очень рѣдко видѣлъ вполнѣ искреннихъ женщинъ, а вотъ вы мнѣ представляетесь такой, которой всякая ложь, какъ и мнѣ, органически противна.

— Не знаю... Вѣроятно, вы не ошибаетесь. Я, видите-ли, держусь того мнѣнія, что женщинѣ лучше или совсѣмъ молчать или говорить всю правду. Я лично предпочитаю молчать, но съ вами, мнѣ кажется, могла бы говорить совсѣмъ откровенно. Потому... потому, что вы совсѣмъ чужой мнѣ, и еще потому, что вы чистый. Только знаете-ли, на ходу мнѣ говорить трудно, а шагать по песку даже въ такую ночь тяжеловато.

— Ну, какъ хотите. А ночь сегодня, дѣйствительно, ве-

ликолѣпная. Нѣтъ въ воздухѣ этой обычной сырости, и луна красивая, не пошлая, голубоватая, лучше всякаго прожектора освѣщаетъ. Вонъ, видите впереди темное пятно возлѣ берега? Это остатки разбитаго бурей баркаса, а поперекъ его лежитъ какъ-будто огромная иголка съ ниткой,—это свалившаяся мачта съ кускомъ каната, вотъ мы на ней сядемъ и отдохнемъ. Я вчера тамъ былъ... А пока, хотите, я могу предложить вамъ руку.

— Нѣтъ, ужъ лучше не нужно, а то все хорошее впечатлѣніе пропадетъ. Это уже предоставьте разнымъ Завойскимъ.

— А развѣ онъ вамъ предлагалъ когда-нибудь руку?

— Да, было. Какъ-то вышла одна посидѣть на бульваръ, потомъ возвращалась домой, ну, онъ... Не помню всего, что онъ говорилъ, я не отвѣчала и не оборачивалась. Помню только фразу, что подъ руку будетъ удобнѣе.

— Что онъ, по-вашему, нахалъ, или попросту влюбился въ васъ?

— Не знаю и знать не хочу, и говорить объ этомъ не хочу.

Наталья Александровна вдругъ остановилась, подняла голову и прищурилась.

— Послушайте, мнѣ показалось будто тамъ, возлѣ этого баркаса, промелькнула человѣческая фигура и гдѣ-то скрылась.

Алеша поглядѣлъ въ ту сторону.

— Нѣтъ, тамъ никого нѣтъ и не было. Это вамъ дѣйствительно такъ показалось, у меня зрѣніе хорошее... А вы развѣ боитесь?

— Да какъ вамъ сказать? Я вообще никого и ничего не боюсь, но у меня есть основаніе думать... А впрочемъ, идемте. И она тою же покачивающеюся походкой двинулась впередъ.

— Какія основанія?—спросилъ Алеша.

— Разскажу когда-нибудь въ другой разъ.

Минутъ черезъ десять они приблизились къ исковерканному парусному судну. Чуть лѣвѣе возлѣ самаго моря стояла небольшая сколоченная изъ досокъ купальня-раздѣвалка. На пескѣ были видны отпечатки сапогъ. Баркасъ лежалъ килемъ къ морю. Алеша обошелъ его со всѣхъ сторонъ. Луна ярко освѣщала лопнувшіе шпангоуты и доски.

— Ну, вотъ видите, никого нѣтъ, значитъ вамъ дѣйствительно показалось.

— Тѣмъ лучше.

Доски были влажныя, а мачта кое-гдѣ выпачкана въ смолѣ. Выбрали чистое мѣсто и сѣли,—Наталья Александровна повыше, а Алеша пониже, на обломкѣ громаднаго румпеля.

Было обоимъ хорошо. Чувствовали, что ни разговоромъ, ни молчаніемъ не измѣнятъ того особаго настроенія, которое навѣяли этотъ вечеръ, запахъ соленый воды, лунный свѣтъ, а главное, сознаніе независимости другъ отъ друга.

— Море дышетъ, какъ живое,—сказала Наталья Александровна.

Алеша вслушался въ равномѣрно, черезъ большіе промежутки, повторявшійся плескъ воды и сказалъ:

— Дѣйствительно дышетъ. Оно или въ хорошемъ настроеніи, или спитъ и видитъ счастливые сны.

— Эге, да вы поэтъ.

— Никогда не былъ поэтомъ и не то что стихами, а даже прозой не пробовалъ писать, и терпѣть не могу новѣйшей литературы,—не понимаю ее.

— А я понимаю, но тоже не люблю... Можетъ быть, потому, что было время, когда я слишкомъ близко подошла къ ея представителямъ. Мой мужъ два года увлекался издательствомъ и цѣлые дни, а иногда и ночи, возился съ писателями, ну, а я за компанію или въ качествѣ хозяйки, если собирались у насъ.

Снова помолчали. Подулъ теплый вѣтерокъ. Волны чаще подходили къ берегу и опять совсѣмъ ясно стала слышна военная музыка. Корнетъ-а-пистоны грустно выводили мелодію князя Синодала изъ «Демона»:

Оберну-у-вшись соколомъ яснымъ...

— Знаете,—произнесла Наталья Александровна, — иногда мнѣ думается, что самыхъ большихъ истинныхъ поэтовъ и ихъ мыслей люди никогда не знали и не узнаютъ, потому что каждое переживаніе, какъ только оно обратилось въ слово, уже теряетъ половину своей прелести, да и не только переживаніе, а просто кусочекъ природы, обращенный руками самаго искуснаго скульптора въ статую, уже не то... Айвазовскій или Беггровъ могутъ нарисовать вотъ такую ночь, какъ сейчасъ передъ нами. И на сценѣ можно поставить такую же декорацію, но все-таки будетъ тогда не то, что сейчасъ передъ нашими глазами: ни соленаго бодраго запаха мы не будемъ ощущать и не услышимъ, какъ дышетъ море...

Надъ освѣщеннымъ пароходомъ бѣлою спиралью поднялся

къ небу паръ и только секундъ черезъ десять сталъ слышенъ мощный гудокъ. Паръ поднялся еще два раза, и еще два раза прорѣзалъ ночной воздухъ этотъ звукъ, повторился эхомъ далеко съ лѣвой стороны за мельницами и оборвался. Робко, точно птичьи голоса, долетѣли два свистка капитана и загремѣла цѣпь.

— Уходитъ...—сказалъ Алеша.

— Слава Богу,—отозвалась Наталья Александровна.

— Почему, слава Богу?

— Да, такъ... Меня сегодня цѣлый день и цѣлый вечеръ преслѣдуетъ мысль, что на этомъ пароходѣ могъ пріѣхать мужъ и нарочно не сходилъ на берегъ, чтобы явиться совсѣмъ неожиданно, застать меня врасплохъ и въ чемъ-то уличить. Теперь на душѣ вдругъ легче стало.

«Сейчасъ ей захочется быть со мной особенно откровенной»—подумалъ Алеша и произнесъ вслухъ:

— Простите, можетъ это будетъ неделикатно, но мнѣ очень бы хотѣлось знать исторію вашего замужества. Навѣрное, она несовсѣмъ обыкновенная.

— Къ сожалѣнію, слишкомъ, слишкомъ обыкновенная,—два раза повторила Наталья Александровна.—Если не вѣрите, послушайте...

III.

— Я жила въ Москвѣ у богатой тетушки—сестры покойной матери, съ которой мой отецъ разошелся еще при жизни. Я иногда сомнѣваюсь, дѣйствительно ли онъ мой отецъ? Тетка рано овдовѣла и получила большое состояніе послѣ своего супруга, купца изъ интеллигентныхъ. Былъ у нея особнякъ въ такъ называемомъ декадентскомъ стилѣ и любила она принимать у себя всякихъ модернистовъ въ области живописи, скульптуры и поэзіи,—поэзіи въ ковычкахъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ все это были дилеттанты, кривляющіеся и, какъ мнѣ казалось, неумные, непонимающіе ничего, дѣйствительно прекраснаго. Я не любила слушать ихъ разговоровъ и къ великому неудовольствію тетушки рѣдко выходила въ гостиную. Но довольно съ меня было и того, что приходилось слушать за обѣдомъ,—у насъ каждый день обѣдалъ кто-нибудь чужой. Я больше всѣхъ молчала и за это меня дразнили «тихоней» и «монашкой». Я до сихъ поръ не могу безъ отвращенія вспо-

мнить одного длинноволосаго неумнаго господина, который каждый день и совершенно искренно доказывалъ, что Левъ Толстой никогда не былъ художникомъ. И это въ серьезъ... Честное слово, я не преувеличиваю... Честное слово! Въ голосѣ Наталіи Александровны прозвенѣло какое-то дѣтское отчаяніе.

Она помолчала, подумала и заговорила спокойнѣе:

— Тогда я была не въ силахъ, да и сейчасъ органически не могу уразумѣть, какъ это можно раздѣлять искусство на старое и новое? Слишкомъ ясно для меня было, что всякое произведеніе искусства можетъ быть только талантливымъ или бездарнымъ, идейнымъ или безыдейнымъ... Ну, конечно же... И Гомеръ писалъ не хуже Соломона, а Соломонъ не хуже автора «Слова о полку Игоревѣ», а этотъ не хуже Шекспира, а Шекспиръ не хуже Лермонтова, а Лермонтовъ не хуже Чехова и т. д. Манера, вѣдь, не главное, а главное оригинальность, искренность и красота самой мысли. А всѣ тетушкины гости думали иначе: что сущность искусства заключается въ способахъ передачи какой-нибудь идеи. Ну, и было мнѣ возлѣ этихъ господъ, во-первыхъ, скучно и во-вторыхъ, скучно.

Наталья Александровна машинально укутала свою шею чадрой, заложила руку въ руку и подняла голову.

— Смотрите, пароходъ только-что снялся съ якоря, а уже такъ далеко, а спирали освѣщенныхъ иллюминаторовъ все еще вьются по водѣ... Да... Такъ о чемъ я говорила? Можетъ быть, и не стоитъ разсказывать?..

— Нѣтъ, разсказывайте, пожалуйста, разсказывайте, взмолился Алеша,—я, ей Богу, въ первый разъ въ жизни слушаю такую женщину.

— Какую?

— Умную.

— Ну, это врядъ-ли такъ. Если бы я была умной, то, вѣроятно, устроила-бы свою жизнь иначе, а то ни два, ни полтора. Ну-съ, такъ вотъ, въ тотъ годъ, когда я окончила гимназію и поступила на филологическое отдѣленіе курсовъ, у тетушки началъ бывать мой теперешній мужъ, Петръ Георгіевичъ Волжинъ, онъ тогда уже въ третій разъ собирался держать государственные экзамены въ юридической комиссіи. Но и до сихъ поръ ихъ не выдержалъ,—помѣшала его любовь къ искусству, въ частности, къ художественной литературѣ. Тогда это былъ человѣкъ, дѣйствительно чего-то горячо искавшій и какъ будто искренно мятущійся. Онъ мнѣ очень понравился. Было въ немъ еще одно хорошее качество,—въ спорахъ онъ всегда терпѣливо выслуши-

валъ своего противника, и часто признавалъ себя побѣжденнымъ. Теперь, увы, онъ не терпитъ самыхъ деликатныхъ и самыхъ логическихъ противорѣчій. Инстинктомъ я почувствовала, что съ перваго-же дня нашего знакомства очень его заинтересовала. И между нами создалось то, что не поддается никакому анализу, взаимное, не отъ самого человѣка зависящее, тяготѣніе. Петру Георгіевичу очень понравилась моя теорія о томъ, что искусство не можетъ быть ни старымъ, ни новымъ, ибо оно вѣчно. И ему пришло въ голову создать журналъ, въ которомъ-бы объединились всѣ талантливые авторы, независимо отъ ихъ взглядовъ на творчество. Денегъ у него тогда было не такъ много, но все-таки тысячъ тридцать-сорокъ нашлось. Онъ успѣлъ убѣдить меня, что въ этомъ дѣлѣ я ему нужна, какъ воздухъ: «безъ васъ, Таля, задыхаюсь, не могу работать, а съ вами силы мои удесятеряются», говорилъ онъ и говорилъ искренно. До новаго года я все хотѣла провѣрить себя и его и ничего не провѣрила, потому что онъ успѣлъ разбудить во мнѣ женщину... После Крещенія мы повѣнчались. Тетушка была въ восторгѣ отъ моего выбора и подарила мнѣ ренту, приносившую шесть тысячъ въ годъ. Теперь я положила ее на имя Кати. Въ обычное свадебное путешествіе мы не поѣхали, а принялись за созданіе новаго журнала.

«Для успѣха необходимы знакомства и знакомства», повторялъ каждый день мужъ. И вмѣсто покоя, котораго просило мое первое чувство, началось шатаніе по ресторанамъ и чуть-ли не ежедневное посѣщеніе литературнаго кружка. Этотъ кружокъ напоминалъ мнѣ великолѣпный храмъ, съ чудесными произведеніями живописи на стѣнахъ, но среди посѣтителей котораго очень мало дѣйствительно вѣрующихъ и еще меньше тѣхъ, которые могли надѣяться попасть въ царство небесное. Здѣсь больше закусывали и жили дружно и, какъ мнѣ казалось, очень любили другъ друга.

Любили принять гостей и изъ другихъ городовъ. Но всѣ эти люди казались мнѣ большими эгоистами. Помню, какъ радостно они встрѣтили одного пріѣхавшаго съ юга беллетриста и называли его талантливымъ и необыкновеннымъ. Три дня они поили его, кормили устрицами и возили по Ярамъ. А когда этому беллетристу потребовались на дорогу деньги, никто ему не далъ ни рубля.

И въ то-же время въ видѣ авансовъ мужъ роздалъ больше трехъ тысячъ рублей. Я и тогда въ этихъ дѣлахъ ничего не понимала, какъ и теперь.

22384

Пріѣзжалъ туда и «критикъ», молодой и веселый, какъ фоксъ-терьеръ. Читалъ «рефераты» свои. Весело и просто обругалъ большого писателя, затѣмъ сказалъ, что Шевченко пилъ водку, а Некрасовъ игралъ въ карты. И я не въ силахъ была понять, какое это могло имѣть отношеніе къ творчеству Шевченка и Некрасова. И уже потомъ сообразила, что человѣкъ, самъ никогда не переживавшій ни дѣйствительно поэтическихъ минутъ, ни тоски за горькую участь своего народа, органически не можетъ представить себѣ психологію такихъ художниковъ, какъ Шевченко и Некрасовъ... И все сказанное имъ—чепуха... И поняла я тогда, что по тѣмъ же самымъ причинамъ изъ Петра Георгіевича никогда не можетъ выйти хорошаго редактора. Поняла, но еще боялась вѣрить самой себѣ и только теперь знаю и чувствую, что не ошиблась...

Изъ журнала у насъ дѣйствительно ничего не вышло. Петръ Георгіевичъ рѣшилъ, что Москва—это Москва, и нужно ѣхать въ Петербургъ.

Здѣсь публика оказалась, если можно такъ выразиться, богемистѣе и роздавать денегъ приходилось меньше. Но такъ-же, какъ и въ Москвѣ, писатели раздѣлялись на модныхъ и немодныхъ. Мнѣ лично больше нравились тѣ изъ нихъ, которые не служили моменту, а писали такъ, какъ они думали, чтобы ихъ повѣсти и разсказы съ удовольствіемъ читались и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ и чтобы понимать и чувствовать ихъ мысли могло большинство, а не меньшинство.

Мужъ все чаще и чаще не говорилъ, а уже кричалъ, что я ничего не смыслю.

Помню однажды ночью въ номерѣ гостиницы я лежала въ постели и читала только что вышедшій романъ. Петръ Георгіевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и дѣлалъ какія-то вычисленія. Онъ вдругъ отодвинулъ кресло, закурилъ новую папиросу и спросилъ, что я читаю. Я сказала.

— Нравится?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Да потому, что, читая этого автора, нужно все время напрягать мозги, и я испытываю такое ощущеніе, какъ человѣкъ, идущій въ гололедицу по тротуару,—прошелъ онъ мало, а ноги уже дрожатъ отъ усталости. А у меня уже голова начинаетъ дрожать...

— Потому, что ты дура,—спокойно сказалъ мужъ.

Я ничего не отвѣтила, но только съ этого момента онъ уже

навсегда сталъ для меня чужимъ человѣкомъ. И я, пожалуй, тогда-же уѣхала бы отъ него, но... Но я уже была матерью еще не родившейся Кати. Я вспомнила слово «дура» и расплакалась. Петръ Георгіевичъ вскочилъ съ кресла и началъ меня успокаивать. Его поцѣлуи были противны. Сдерживаясь изо всей силы, чтобы не оттолкнуть его, я отвернулась къ стѣнкѣ. Потомъ мнѣ пришло на мысль, что изъ-за этого человѣка я оставила курсы, и сдѣлалось еще обиднѣе. Во время беременности трудно, иногда почти невозможно владѣть собою, и я проплакала почти до самаго утра. А онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и злился.

На другой день мы какъ будто помирились, а черезъ недѣлю уѣхали въ Берлинъ покупать ротаціонныя машины. Понимаете: сначала ротаціонныя машины, а потомъ журналъ, вотъ такъ, какъ у тѣхъ поэтовъ, сначала форма, а потомъ уже поэзія... И для меня стало ясно, что Петръ Георгіевичъ и въ Петербургѣ не создастъ никакого журнала.

Я начала умолять его не выбрасывать денегъ на ротаціонныя машины.

— Бабья логика, бабья логика! отвѣчалъ онъ и съ досадой начиналъ ковырять у себя въ ухѣ.

И вѣроятно на-зло мнѣ все-таки купилъ-бы эти машины, но совсѣмъ неожиданно изъ далекаго приволжскаго города пришла телеграмма о смерти его отца. Мы быстро собрались и съ экспрессомъ снова уѣхали въ Россію. Я видѣла только гробъ своего тестя...

Мой мужъ сталъ владѣльцемъ нѣсколькихъ домовъ и получилъ больше полумилліона деньгами. Мысль о журналѣ какъ-то вдругъ улетучилась изъ его головы. Такъ-таки въ два, три дня совсѣмъ улетучилась. Я была рада этому и съ наслажденіемъ отдыхала отъ нелѣпыхъ споровъ, т. е. все свое время отдавала Катѣ.

Такъ было до тѣхъ поръ, пока Петра Георгіевича не выбрали городскимъ головой. Сознаніе, что теперь онъ послѣ губернатора первое лицо, опять рѣзко измѣнило этого человѣка и создало новыя идеи въ его головѣ. О писателяхъ Петръ Георгіевичъ уже говорилъ съ презрѣніемъ...

Онъ сталъ требовать, чтобы я дѣлала себѣ дорогіе туалеты, чтобы не ѣздила на извозчикахъ, а непремѣнно въ собственномъ автомобилѣ, а главное, чтобы я считалась визитами съ мѣстнымъ бомондомъ и чиновничествомъ. Я не могла этого... Скучно мнѣ стало. Постоянно приходилось быть неискренней и даже лгать.

Нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ думали, что я гордячка, а нѣкоторые рѣшили, что я просто глупа. Въ это время я поняла, насколько писатели, какіе бы они ни были, все-таки шире мыслятъ и живутъ шире и свободнѣе, чѣмъ другіе люди. Я протерпѣла еще три года, а затѣмъ, вѣроятно, отъ вѣчнаго моральнаго одиночества и безпросвѣтной тоски начала болѣть. Катя уже подросла и меньше отнимала времени.

Въ мартѣ у меня пошла горломъ кровь. Мужъ какъ будто испугался, созвалъ докторовъ и вмѣстѣ съ ними настаивалъ, чтобы я провела весну въ Nervi, а я взяла mademoiselle и Катю и уѣхала сюда, именно въ Евпаторію, а не въ Ялту, чтобы не встрѣтить никого изъ знакомыхъ. Теперь чувствую себя прекрасно, а Петру Георгіевичу кажется, что здѣсь у меня есть любовникъ, и насколько мнѣ извѣстно, онъ даже посылалъ сюда одного изъ своихъ агентовъ, съ спеціальнымъ порученіемъ последить за мною. Вотъ и сейчасъ мнѣ кажется, будто въ этой купальнѣ кто-то сидитъ и слушаетъ каждое мое слово.

— Хотите я ее осмотрю? сказалъ Алеша.

— Да нѣтъ, не нужно.

Но Алеша все-таки всталъ и прошелъ къ самой купальнѣ. Дверь оказалась запертой и не висячимъ замкомъ, такъ что нельзя было опредѣлить снаружи или снутри. Алеша прислушался. Ему показалось, будто что-то легонько звякнуло. «Нѣтъ, это волна объ лѣсенку хлюпнула», подумалъ онъ и вернулся назадъ.

— Какъ будто никого нѣтъ, сказалъ онъ.

Наталья Александровна вздохнула и продолжала:

— Впрочемъ, на-дняхъ о томъ, что за мной есть надзоръ, я узнала навѣрное и рѣшила не возвращаться къ Петру Георгіевичу ни въ какомъ случаѣ, а если будетъ возможно, даже начать дѣло о разводѣ. Боюсь только одного, что онъ самъ пріѣдетъ въ Евпаторію,—не его боюсь, а того абсолютнаго взаимнаго непониманія, которое установилось между нами въ послѣдніе два года... Ну-съ, вотъ вамъ и вся моя исторія, какъ видите, очень простая, а теперь будемъ шествовать домой, въ гостиницу, мнѣ немножко холодно... Ой, кажется, отсидѣла ногу.

Она улыбнулась, встала и, чуть прихрамывая, сдѣлала нѣсколько шаговъ по песку.

IV.

Когда прощались у дверей номера Натальи Александровны, Алешѣ очень захотѣлось поцѣловать ей руку, но онъ удержался, кивнулъ головой и пошелъ къ себѣ.

Долго не спалось.

Окно было открыто. Алеша придвинулъ стулъ, сѣлъ и началъ глядѣть на берегъ и море. За домами луны уже не было видно, но по водѣ еще стлалась чешуйчатая серебряная широкая дорога къ счастью. Уже спалъ весь городъ, и музыка не играла. Монотонно качались вправо и влѣво мачты турецкихъ фелюгъ и большихъ рыбачьихъ лодокъ.

На голубоватомъ пескѣ съ той стороны, гдѣ они сидѣли, показалась человѣческая фигура. Потомъ можно было уже разглядѣть, что на головѣ у этого человѣка фуражка, а еще черезъ минуту Алеша узналъ Завойскаго и подумалъ:

«Ему тоже не спится, одиночество давитъ и, должно быть, скучно, скучно... Въ двадцать три года лѣчиться отъ ревматизма, вѣроятно, очень непріятно. Я напрасно на него разсердился. Если Завойскій увлекся Натальей Александровной, такъ вѣдь ею нельзя не заинтересоваться. Нужно будетъ завтра поговорить съ нимъ въ шутливомъ тонѣ».

Но сейчасъ говорить ни съ кѣмъ не хотѣлось. Алеша, стараясь не гремѣть рамой, закрылъ окно, опустилъ штору и началъ раздѣваться. Слышно было какъ гдѣ-то далеко запѣлъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій...

«Значитъ, уже скоро разсвѣтъ», подумалъ Алеша и съ головой укрылся свѣжей простыней.

Проснулся онъ только въ десятомъ часу и почувствовалъ себя особенно бодрымъ и, какъ ему казалось, совсѣмъ новымъ человѣкомъ.

Захотѣлось пойти пить чай къ Натальѣ Александровнѣ, но онъ опять не позволилъ себѣ этого. Сквозь закрытыя окна чувствовалось, что на дворѣ сегодня очень жарко,—около сорока градусовъ на солнцѣ. Было досадно, что докторъ запретилъ купаться въ морѣ и что въ рукомойникѣ такая теплая вода. Онъ потребовалъ самоваръ, затѣмъ сѣлъ за столъ и попробовалъ сдѣлать нѣсколько задачъ на дифференціальныя вычисленія, но голова не хотѣла работать. Къ полудню захотѣлось ѣсть.

Алеша надѣлъ вмѣсто фуражки соломенную шляпу съ ши-

рокими полями, взялъ палку и пошелъ въ татарскую кофейню, гдѣ очень вкусно давали жареную на «шкарѣ» кефаль. Послѣ завтрака снова захотѣлось спать, и весь день прошелъ скучно и непроизводительно.

Завойскаго не было видно.

Когда уже стемнѣло, въ дверь кто-то легонько стукнулъ.

— Войдите.

Показалась головка Кати въ красной шляпѣ.

— Мама проситъ, чтобы вы пришли къ ней, а мы съ mademoiselle пойдемъ на бульваръ, тамъ музыка играетъ.

Алеша обрадовался.

— Скажи, что сейчасъ приду.

Немного дрожавшими руками онъ надѣлъ чистую тужурку и причесался.

Наталья Александровна встрѣтила его улыбкой. У нея въ номерѣ уже горѣло электричество, оба окна были закрыты и завѣшены сверхъ сторъ еще двумя одѣялами.

— Простите, если я, можетъ быть, оторвала васъ отъ занятій,—сказала она, но мнѣ хотѣлось подѣлиться съ вами нѣкоторыми фактами и наблюденіями. Во-первыхъ, вчера я невольно оклеветала передъ вами мужа. За мной дѣйствительно слѣдитъ одинъ человѣкъ, только это не агентъ Петра Георгіевича, а кто-бы вы думали?

— Завойскій?

— Да. Хотя онъ оказывается далеко не такимъ ничтожнымъ субъектомъ, какъ мы съ вами думали. И вообще всѣ люди, вѣроятно, гораздо лучше, чѣмъ мы ихъ себѣ представляемъ. Вчера мнѣ долго не спалось и все время казалось, будто подъ моимъ окномъ кто-то стоитъ. Я подкралась въ темнотѣ и быстро его отворила. Прошмыгнула какая-то тѣнь. И это испортило настроеніе на цѣлыя сутки. Сегодня я уже вотъ какъ забаррикадировалась на всякій случай—приспособила цѣлыхъ два одѣяла. Но съ часъ назадъ пришелъ почталіонъ и принесъ два письма: одно городское, а другое отъ мужа. Я очень удивилась—отъ кого могло быть городское? Даже подумала: не отъ васъ-ли? Оба эти письма разсмѣшили меня. А если хотите, даже и тронули своей наивностью. Я-бы не показала ихъ вамъ, но такъ какъ вчера вы узнали обо мнѣ все, или почти все,—то вотъ на-те, почитайте и, если можете, посовѣтуйте, какъ мнѣ быть.

Алеша взялъ первое.

«Многоуважаемая, хорошая, необыкновенная Наталья Александровна! Извиняюсь, что пишу, не будучи знакомымъ. Но

прочитавъ это письмо, Вы поймете, почему я не могъ его не написать. Я уѣзжаю на-дняхъ и мнѣ не хочется, чтобы такая женщина, какъ вы, думала обо мнѣ дурно. Вчера я сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ и слушателемъ Вашего разсказа... Но повторяю, невольнымъ. Когда Вы пришли со студентомъ Бобровымъ и сѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ купальни, въ которой я находился случайно,—я думалъ, что услышу обычный разговоръ влюбленныхъ, но услышалъ совсѣмъ другое. Выходить было уже поздно. Затѣмъ мнѣ очень хотѣлось вчера же вечеромъ поглядѣть на Васъ, какая Вы, когда совсѣмъ одна? Знаю, что виноватъ кругомъ, но прошу и умоляю: простите, не думайте обо мнѣ плохо. Если бы у меня были сестры, я-бы желалъ, чтобы изъ нихъ вышли похожія на васъ женщины, но, вѣроятно, на всемъ свѣтѣ Вы одна такая. Думайте обо мнѣ, что хотите, только знайте, что я не сыщикъ, все это случилось такъ же неожиданно для меня, какъ и для васъ. Еще разъ простите.

Подпоручикъ Завойскій».

— Знаете-ли... началъ Алеша.

— Читайте второе, перебила его Наталья Александровна.

«Дорогая Таля, я все жду, когда ты образумишься. Не вѣрю, не хочу вѣрить, чтобы ты, моя подруга, съ которой мы начали вмѣстѣ жизнь, покинула-бы меня тогда, когда эта жизнь стала настоящей общественной дѣятельностью. Думаю, что тебя сбилъ съ толку какой-нибудь мерзавецъ, или ты ненормальна. Во имя всего дорогого, прошу тебя еще разъ: образумься и возвращайся скорѣе, вѣдь ты сама писала, что уже совсѣмъ здорова. Посылаю тебѣ брошечку, я заплатилъ за нее три тысячи, и мнѣ не жаль этихъ денегъ. Цѣлую тебя нѣжно, нѣжно.

Петръ».

Алеша поднялъ голову, помолчалъ и сказалъ.

— Что-жъ, оба письма, дѣйствительно, очень наивны. Но первое лучше второго. Интересно, какъ-же вы собираетесь отвѣтить?

— Никакъ... Я съ вами тоже согласна, что первое письмо симпатичнѣе второго.

Она положила оба письма въ ящикъ письменнаго стола,

вернулась и сѣла, вздохнула, потомъ вдругъ ярко покраснѣла и быстро заговорила другимъ, металлическимъ, какъ будто чужимъ, полнымъ горькой обиды, голосомъ:

— «Жизнь стала настоящей общественной дѣятельностью, общественной дѣятельностью»... Вы знаете, въ чемъ эта дѣятельность?—въ лакействѣ передъ богатыми домовладѣльцами. У насъ главная улица вымощена торцами, какъ въ Петербургѣ, а пріютскихъ дѣтей, умершихъ отъ дефтирита, хоронить не на что... У Петра Георгіевича два автомобиля, а по городу до сихъ поръ вмѣсто трамвая ходитъ конка, и волокутъ ее лошади съ выхлеснутыми кнутами глазами. Ахъ, да что говорить... А моя общественная дѣятельность должна заключаться въ томъ, чтобы продавать шампанское въ кіоскахъ на благотворительныхъ вечерахъ, дающихъ девятьсотъ рублей дохода и требующихъ семисотъ расхода... И еще въ томъ, чтобы участвовать въ любительскихъ спектакляхъ... Впрочемъ, не стоитъ говорить. Онъ свой эгоизмъ всегда прикрываетъ громкимъ словами: «общественная дѣятельность», «радостные дни бѣдняковъ»... А самъ когда идетъ или ѣдетъ по улицѣ, только и глядитъ — отдалъ или не отдалъ ему городовой честь. Но лучше всего эта брошка... Насколько мнѣ извѣстно, въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ онъ купилъ такою-же брошкой любовь... актрисы—не актрисы, декламаторши—не декламаторши, попросту скучающей и малоразвитой барыни. Ну, и вотъ рѣшилъ, что и меня купить можно... Однако, я по пустякамъ разволновалась. Давайте-ка чай пить. Я эту брошку получу, но я знаю, что я съ ней сдѣлаю... Я знаю!..

Ея щеки и уши все еще горѣли, зрачки блестѣли, и была она въ эти минуты особенно хороша той рѣдкой красотой, когда внѣшность женщины одухотворяется общечеловѣческимъ негодованіемъ...

Наталья Александровна позвонила и прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Изъ за пустяковъ, въ сущности, разволновалась, повторила она. Вы, вы счастливецъ, что не родились женщиной.

Алеша хотѣлъ спросить почему, но въ это время вернулась гувернантка съ Катей. И хотя француженка не понимала по-русски, а дѣвочка была слишкомъ мала, но въ ихъ присутствіи уже не говорилось такъ искренно и просто.

— Отчего-же вы такъ рано пришли? спросила Наталья Александровна.

— Потому что на берегъ вдругъ стало немножко сиро, медленно отвѣтила француженка.

— Я, мамочка, еще не хочу спать, я еще картинки посмотрю, пропѣла Катя, склонила головку на-бокъ и стала очень похожа на мать.

— Ну, что-жъ, посмотри, сказала Наталья Александровна и зачѣмъ-то снова достала изъ ящика стола письмо мужа.

Алеша посидѣлъ еще минутъ десять, допилъ стаканъ чая и подъ предлогомъ, что ему нужно заниматься, вернулся въ свою комнату.

Въ номерѣ Натальи Александровны долго было тихо, потомъ заигралъ рояль. Алеша узналъ баркароллу Чайковскаго «Времена года», легъ на кровать и долго съ наслажденіемъ слушалъ. И казалось ему, что музыкой можно передать вообще гораздо больше, чѣмъ словами, и что теперь эта женщина, ставшая послѣ искренняго разговора на берегу, особенно интересной и близкой, хочетъ еще разсказать, какъ наболѣло у нея сердце за шесть лѣтъ нелѣпой жизни. И, вѣроятно, француженка и пятилѣтняя Катя понимаютъ ея настроеніе.

Когда звуки рояля вдругъ оборвались, Алеша еще долго лежалъ, не двигаясь и чего-то ждалъ, и такъ и заснулъ не раздѣваясь.

V.

Алешѣ всегда казалось, что сильное чувство къ женщинѣ должно мѣшать человѣку работать и дѣлаетъ его, если не навсегда, то надолгое время менѣе умнымъ. Съ понятіемъ «любовь» у него было связано представленіе о чемъ-то неизбѣжномъ. Сознаніе этой неизбѣжности злило и мучило, какъ и сознаніе неминуемости смерти.

Не отдавая себѣ отчета: зачѣмъ,—онъ старался какъ можно дольше не видѣть Наталію Александровну. Но это удалось только въ теченіе двухъ дней, а на третій стало невмоготу, особенно къ вечеру.

Море было тихое, бѣлесоватое. На рейдѣ стоялъ пароходъ, только что пришедшій изъ Севастополя. Алеша зналъ, что пароходъ снимается съ якоря на Одессу только въ одиннадцать часовъ вечера, и рѣшилъ поѣхать туда посидѣть въ рубкѣ перваго класса, выпить чаю, поглядѣть на новыхъ людей. Онъ пошелъ на далеко выходившую въ море досчатую пристань и вмѣстѣ съ

пассажирами сѣлъ въ огромную турецкую фелюгу. Медленно подымались и, казалось, безъ всякаго плеска, опускались въ перламутровую воду весла.

Легко дышалось

На палубѣ парохода была толчея и крикъ. Гремѣли цѣпи «лебёдки». Бранилъ кого-то съ мостика капитанъ. Алеша прошелъ въ уютную рубку перваго класса.

— Вы ѣдете? спросилъ оффиціантъ.

— Нѣтъ, только провожаю. Дайте мнѣ чаю.

Снизу, изъ каютъ-кампаніи вышла толстая, раскраснѣвшаяся барыня и стала громко говорить носильщику въ синей блузѣ и бѣломъ фартукѣ, что у нея не хватаетъ одной корзинки.

Алеша нѣсколько минутъ глядѣлъ на эту сцену и когда обернулся, то увидѣлъ возлѣ себя Завойскаго. Теперь непріятнаго чувства къ этому офицеру уже не было. Какъ-то неожиданно для самого себя Алеша поклонился первый. Завойскій привѣтливо отвѣтилъ и подалъ руку. Потомъ удивленно спросилъ:

— Вы что-жъ, въ Одессу?

— Нѣтъ. Такъ, просто, пріѣхалъ на пароходъ людей посмотрѣть. А вы?

— Я уже совсѣмъ. Кончился срокъ отпуска, и доктора, къ сожалѣнію, нашли, что я здоровъ. Въ Одессу, потомъ еще дальше, на границу, въ лагери.

Алеша глядѣлъ на его загорѣлое лицо, и ему казалось, что передъ нимъ стоитъ совсѣмъ не тотъ Завойскій, который, чтобы побѣдить сердце Наталіи Александровны, собирался «выѣхать на позицію и начать обстрѣлъ», а другой, симпатичный, много передумавшій и перестрадавшій юноша. И что причина такой перемѣны,—Наталія Александровна.

— Ну-съ,—сказалъ Завойскій,—позвольте вамъ пожелать всего хорошаго.

— Куда-же вы?

— Да, можетъ, я вамъ мѣшаю?

— Нисколько. Садитесь и себѣ спросите стаканъ чаю. Я, кстати, сказалъ оффиціанту, будто кого-то провожаю, а вотъ и на самомъ дѣлѣ такъ вышло.

Завойскій прищурился, поглядѣлъ на Алешу особенно внимательно и сѣлъ на лоснившійся кожаный диванъ. Отблески послѣднихъ лучей ушедшаго за горизонтъ солнца еще играли на зеркальныхъ стеклахъ рубки и на черныхъ и бѣлыхъ квадратахъ шахматнаго столика. И подъ этими запоздавшими лучами лицо

Завойскаго снова показалось Алешѣ другимъ: серьезнымъ и невеселымъ.

Долго молчали.

Офицеръ снялъ фуражку, провелъ себя рукой по лбу и сказалъ:

— Вотъ что, Алексѣй Ивановичъ, отвѣтьте мнѣ по чистой совѣсти на одинъ вопросъ.

— Я всегда отвѣчаю по чистой совѣсти.

— Она вамъ показывала мое письмо?

— Наталія Александровна?

— Да.

— Показывала.

Завойскій густо покраснѣлъ, пожевалъ губами и снова провелъ себя рукой по лбу съ полоской отъ тѣсной фуражки.

— Вы счастливый человѣкъ, произнесъ офицеръ.

— Думаю, что вы ошибаетесь, отвѣтилъ Алеша.

— Васъ полюбила такая интересная женщина...

Алеша искренно разсмѣялся.

— Ничего подобнаго, ничего подобнаго! Вы-же слыхали весь нашъ разговоръ. Какъ-же вы можете такъ думать?

— А такъ... Говорю то, въ чемъ увѣренъ, ибо мы больше, вѣроятно, не встрѣтимся. Ну, если еще не любитъ, такъ навѣрное полюбитъ.

— Да почему вы такъ думаете?

— Вотъ вы старше меня и до сихъ поръ, какъ я наблюдалъ, жили какой-то аскетической жизнью, да и вы сами говорили это еще когда мы съ вами были въ дружескихъ отношеніяхъ...

— Никогда я съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ не былъ...

Офицеръ чуть измѣнился въ лицѣ.

— Ну, хорошо, пусть не были, дѣло не въ этомъ. Я, видите-ли, больше знаю женщинъ, чѣмъ вы, хотя мнѣ двадцать три года, а вамъ двадцать шесть. Теперь слушайте. Если-бы вы были для нея безразличны, то она никогда не говорила-бы съ вами такъ искренно,—я это слышалъ по ея голосу. Затѣмъ самое главное: я также даю голову на отрѣзъ, что вы первый мужчина, которому она раскрыла свою душу, понимаете,—*первый*, а у такихъ женщинъ, какъ она, первый, обыкновенно, бываетъ и послѣднимъ. Затѣмъ, согласитесь, что такихъ писемъ, какъ мое, не показываютъ каждому и всякому. Такъ вѣдь?

— Не знаю, я объ этомъ не думалъ.

— А вы подумайте.

— Все-таки мнѣ кажется, что вы ошибаетесь...

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Вотъ вамъ еще и самое неопровержимое доказательство... Видите-ли, я ее люблю, полюбилъ съ перваго раза; какъ ни вышучивалъ я свое чувство, какъ ни боролся съ нимъ, но ничего подѣлать не могъ. Это какъ болѣзнь. Если все болитъ, чувствуется слабость, температура повышается въ опредѣленные часы, значитъ есть малярія, и сколько бы ее ни вышучивать, она не уйдетъ, пока не погибнетъ ядъ или пока больной не перемѣнитъ мѣсто жительства... Ну-съ, такъ вотъ, такая-же малярія по отношенію къ Наталіи Александровнѣ случилась со мной. А дѣйствительно любящій и особенно любящій безнадежно всегда, какъ собака, великолѣпно чуетъ, кому принадлежитъ или будетъ принадлежать эта женщина. Я вамъ говорю, что вы съ ней будете близки.

— Не говорите только пошлостей,—сказалъ Алеша.

— Больше не скажу ни одного слова, но только это будетъ...

— Во всякомъ случаѣ, ваши слова для меня новость.

— Ну что-жъ, поздравьте себя съ этой новостью.

И лицо Завойскаго вдругъ снова приняло то выраженіе, съ которымъ онъ говорилъ, что «собирается выѣхать на позицію и начать обстрѣлъ».

Алеша залпомъ допилъ простывшій чай и сказалъ:

— Знаете что, давайте прекратимъ объ этомъ разговоръ. Пойдемте лучше на палубу, походимъ. Ночь наступаетъ такая милая, настоящая южная, не будемте портить другъ другу настроеніе. На спардекѣ сейчасъ много народу, пойдемте туда, поглядимъ.

Они расплатились, вышли изъ рубки и поднялись по крутому съ мѣдными ступеньками трапу. Евпаторія была уже вся фіолетовая, въ огненныхъ точечкахъ, чуть краснѣли еще куполы мечети и собора.

О Наталіи Александровнѣ дѣйствительно больше не говорили, другихъ темъ какъ-то не находилось. Завойскій только пожаловался на свое здоровье и сказалъ, что съ удовольствіемъ бы поступилъ въ университетъ, но боится, что не хватитъ силъ подготовиться на аттестатъ зрѣлости.

— А вы все-таки попробуйте,—произнесъ Алеша и внимательно посмотрѣлъ на офицера.

— А потомъ что? Если не удастся, безъ куска хлѣба остаться? Вѣдь у меня ни кола, ни двора, и дѣлать я ничего не умѣю. Въ добавокъ, какъ только наступаетъ весна или осень, сейчасъ же начинается въ ногахъ ломота. Меня сюда послали въ Сакки,

а не въ Евпаторію... Нѣтъ, ужъ мнѣ личнаго счастья не видать, развѣ женюсь на богатой, да выйду въ отставку. А у васъ оно еще будетъ. Можетъ и недолгое, да за то настоящее, можетъ быть потому, что вы его слишкомъ долго ждали...

— Оставьте это!—махнулъ рукой Алеша.

Гуляли по спардеку, пока весь пароходъ вдругъ не затрясся отъ второго гудка.

Болѣли уши.

— Ну, мнѣ пора, а то, кажется, послѣдняя фелюга на берегъ отходитъ,—сказалъ Алеша.

Завойскій крѣпко пожалъ ему руку.

— Ну, не поминайте лихомъ...

Алеша кивнулъ головой и осторожно сталъ спускаться съ парохода по длинному, крутому, покачивающемуся траппу.

Кромѣ гребца турка, въ фелюгѣ онъ былъ только одинъ. Затѣмъ спустились еще два носильщика.

— Никто болше ніеттъ? — крикнулъ турокъ и поднялъ голову.

— Никого, отваливай,—отвѣтили сверху.

— У тебя есть шлюпка поменьше? — спросилъ у турка Алеша.

— Чиво?

— Есть у тебя лодка не такой большой,—кататься ѣхать въ море,—повторилъ вопросъ, коверкая слова, Алеша.

— Кататься?

— Ну, да.

— Ага, харашо, харашо, есть, есть. Кагда кататься хочишь, сиводни или завтра?

— Не знаю, на берегу скажу.

Послѣ разговора съ Завойскимъ уже не было силъ не увидѣть Наталію Александровну и не поговорить съ нею. Дома Алеша вымылъ руки, надѣлъ чистый воротничекъ, прошелъ по коридору и стукнулъ къ ней въ дверь.

— Минуточку обождите, я не совсѣмъ одѣта,—отвѣтилъ ея голосъ и показался ему давно неслыханнымъ, роднымъ и прекраснымъ.

«А что-жъ, можетъ, Завойскій и правъ, думалъ Алеша, только не можетъ этого быть,—не такой она человѣкъ, и я не такой. Сказать ей обо всемъ, что говорилъ офицеръ или не сказать? Лучше не говорить, дальше видно будетъ... Уѣхать-бы отсюда, что-ли? Но какъ уѣхать? Въ первый разъ въ жизни встрѣ-

тилъ интереснаго, совсѣмъ одинокаго человѣка и вдругъ покинуть его. Я вѣдь ей нуженъ».

— Теперь можно,—произнесъ голосъ Натальи Александровны.

И по ея глазамъ сразу было видно, что приходъ Алеши ей пріятенъ. Она улыбнулась и ласково спросила:

— Гдѣ вы пропадали?

— Да такъ, учился, бродилъ по окрестностямъ. Знаете что, поѣдемте сейчасъ покататься на лодкѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Mademoiselle ушла, а Катя спитъ и я не могу ее оставить. Говорите немножко тише. Садитесь.

— А сейчасъ я совершенно случайно провожалъ...

— Завойскаго?

— Да.

— Ну, слава тебѣ Господи!

— Онъ уже не такой неумный, какъ я думалъ, и даже сердечный. Просилъ вамъ кланяться.

Наталія Александровна помолчала и нахмурилась. Ея правая бровь поднялась чуть выше лѣвой и снова опустилась. Голосъ сдѣлался тише, но еще отчетливѣй, и зазвенѣло въ немъ искреннее отчаяніе:

— Помните, я сказала... Назвала васъ счастливымъ за то, что вы не родились женщиной. Тогда не успѣла договорить. Но вдумайтесь въ то, что я вамъ скажу сейчасъ, вѣдь это очень серьезный вопросъ, на которомъ базируется счастье. Женщинамъ моего типа жизнь ставитъ ультиматумъ: или будь одинока, какъ березка въ полѣ, или приближай къ себѣ господина, который, какъ только, легально или нелегально, станетъ мужемъ, сейчасъ-же наложитъ на тебя цѣпи. Для пассивныхъ натуръ это, можетъ быть, даже и пріятно, но для такихъ, какъ я, это медленная смертная казнь. Вы не думайте, что я преувеличиваю. Вотъ знаете, вчера и позавчера у меня снова показалась кровь горломъ. И я не сомнѣваюсь, что причина,—напряженное ожиданіе пріѣзда Петра Георгіевича. Утромъ я была у своего доктора, выслушалъ... говоритъ: солнечныя ванны, питаніе и полное спокойствіе. А какое тутъ можетъ быть спокойствіе, если мнѣ, матери его ребенка, онъ присылаетъ брилліантовыя вещи съ тайной цѣлью, какъ можно скорѣй купить мою физическую близость. Развѣ я виновата, что онъ изъ относительно интеллигентнаго, ищущаго человѣка обратился въ общественнаго дѣятеля въ кавычкахъ, которому нужна красивая жена для представительства... У меня есть отдѣльный

видъ, есть свои средства и то я не гарантирована отъ разговоровъ съ Петромъ Георгіевичемъ, который найдетъ меня вездѣ, а вы подумайте, каково тѣмъ, у которыхъ нѣтъ своихъ средствъ и которыхъ съ дѣтства научили ничего не дѣлать... Повертится, повертится она, да и попадется подъ власть еще бóльшаго хама.

Наталья Александровна разволновалась.

«Нужно перемѣнить разговоръ»,—подумалъ Алеша, и, когда наступила пауза, сказалъ:

— Вотъ вы просили меня, чтобы я говорилъ тише, а сами стали говорить совсѣмъ громко. Катя, кажется, проснулась.

Наталья Александровна на цыпочкахъ, мелкими шажками подошла къ кроваткѣ дочери, поглядѣла, поправила одѣяльце, вернулась и уже шепотомъ произнесла:

— Нѣтъ, ничего, спитъ. Знаете что, заходите завтра пораньше, и, въ самомъ дѣлѣ, поѣдемте на лодкѣ. Завтра у насъ среда? и нѣтъ ни одного парохода ни изъ Одессы, ни изъ Севастополя. Петръ Георгіевичъ, значитъ, не можетъ пріѣхать. Развѣ только на автомобилѣ, хотя врядъ ли. А пока, до свиданія, я не совсѣмъ хорошо себя чувствую...

Алешѣ очень захотѣлось поцѣловать ей руку.

«Нѣтъ, не нужно,—мелькнуло въ головѣ,—выйдетъ похоже на Завойскаго»,—онъ пожалъ ея холодные, длинные пальцы и вышелъ.

VI.

Теперь Алеша мысленно рѣшилъ не избѣгать ежедневныхъ встрѣчъ съ Наталіей Александровной. Самъ себѣ онъ говорилъ, что въ немъ не можетъ проснуться настоящая любовь къ этой женщинѣ, къ товарищу по одиночеству, и потому именно онъ и можетъ видѣть ее когда угодно, гдѣ угодно и сколько угодно.

А кто-то невидимый и очень хитрый шепталъ:

«Ты рѣшилъ такъ, ибо уже органически не въ силахъ пробыть безъ разговоровъ съ ней хоть одинъ день».

И не хотѣлось вѣрить этому голосу.

Трудно также было не ощущать радости при мысли, что Завойскій уѣхалъ и никогда больше не вернется.

Также пріятно было сознавать, что не потеряна способность учиться. Въ это утро особенно хотѣлось заниматься. Онъ всталъ въ восемь часовъ, выпилъ холоднаго молока, надѣлъ панаму, взялъ книжку Simon'a, карандашъ и тетрадку въ клеен-

чатомъ переплетѣ и медленно пошелъ по берегу. Какъ-то невольно потянуло къ тому мѣсту, гдѣ Наталія Александровна говорила съ нимъ искренно.

Жарища была настоящая іюльская. Море казалось густымъ и темно-синимъ. Алеша легъ возлѣ баркаса прямо на пескѣ, но читать не могъ: свѣтъ рѣзалъ вѣки, и щурились сами собой рѣсницы. Дверь въ купальню была открыта. Онъ всталъ, подошелъ и осмотрѣлъ ее. Замокъ былъ сломанъ, но съ внутренней стороны висѣлъ крючекъ. Подъ холщевой крышей чувствовалась прохлада и не такъ мучились глаза. Алеша осмотрѣлся и рѣшилъ запереться въ купальнѣ, а если кто-нибудь придетъ, отворить и извиниться. Онъ сѣлъ на скамеечку и старался себѣ представить, что могъ думать и чувствовать Завойскій здѣсь, слушая разсказъ Наталіи Александровны. Потомъ тряхнулъ головой, раскрылъ тетрадку и сразу увлекся, вѣроятно, во всей Евпаторіи одному ему понятной, поэзіей цифръ и знаковъ. Онъ обрадовался имъ, какъ музыкантъ давно неслышаннымъ звукамъ симфоническаго оркестра.

Исписавъ четыре страницы, онъ добился нужнаго ему результата и облегченно вздохнулъ.

Яркими красками рисовалось будущее, когда онъ, Алеша, сдѣлается профессоромъ и войдетъ въ ту самую аудиторію, въ которой слушалъ цѣлую зиму любимаго профессора Маркова.

И такъ же, какъ этотъ профессоръ, самъ начнетъ лекцію. Онъ проведетъ на доскѣ длинную бѣлую линію, обозначенную буквами: A, B, X и Y. Черезъ минуту создалось уравненіе, въ которомъ то по одиночкѣ, то группами, точно люди, выступаютъ ясныя для него величины. Вотъ онѣ уже заполнили всю доску. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ зачеркнетъ. Еще полъ-минуты и многія величины уже отпали, многія остались позади... И только A, чередуясь съ X и B съ Y, какъ солдаты порѣдѣвшей арміи, остались въ живыхъ, съ выдѣляющимся въ аріергардѣ свободнымъ членомъ. И результатъ икса, сначала такой запутанный и непонятный, вдругъ сталъ яснымъ и твердымъ, какъ брилліантъ, ожившій брилліантъ, который чувствуетъ, что на немъ сосредоточилось все вниманіе аудиторіи...

Алеша улыбнулся своей фантазіи, опять нагнулся къ тетрадкѣ, и по временамъ заглядывая въ таблицу логарифмовъ, принялся за новое вычисленіе.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, время пролетѣло быстро и незамѣтно. Поднявъ снова голову, онъ даже удивился, что находится въ купальнѣ.

Тихо и ласково плескалось море о поросшія мхомъ зеленыя ступеньки. Алешѣ послышался звукъ человѣческаго голоса, какъ будто дѣтскаго; не открывая двери, онъ поглядѣлъ чрезъ щель въ доскѣ и въ десяти шагахъ отъ себя увидѣлъ сидѣвшую на пескѣ француженку съ книжкой, ближе возилась съ жестянымъ блестящимъ ведрышкомъ Катя, а еще ближе, закинувъ прекрасныя руки подъ голову, накрытую полотенцемъ, лежала совсѣмъ обнаженная Наталія Александровна.

У Алеши вдругъ забило дыханіе и застучало въ вискахъ. Онъ хотѣлъ отвернуться, но продолжалъ смотрѣть. Было удивительно, что ея тѣло скорѣе похоже на тѣло дѣвушки, чѣмъ женщины. Чуть смуглое, оно поражало пропорціональностью своихъ частей и казалось еще красивѣе подъ горячимъ свѣтомъ солнца.

У Алеши стало сухо во рту и закружилась голова. Чтобы не упасть, онъ откинулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Какъ передъ смертью, съ огромной быстротой полетѣли мысли о томъ: стыдно или не стыдно глядѣть на нее, крикнуть ли ей, что онъ здѣсь, или ждать, и что дѣлать, если сердце будетъ биться еще сильнѣе?..

Мучительнѣе всего было сознаніе, что сейчасъ онъ поступаетъ не лучше, чѣмъ Завойскій въ ту ночь, когда Таля разсказывала о своей жизни.

Безпощадно сверлило мозгъ убѣжденіе, что у него не хватитъ храбрости сказать ей объ этомъ и не только сказать, а а даже написать, какъ сдѣлалъ Завойскій. Алеша смотрѣлъ такъ близко на тѣло знакомой ему красивой женщины въ первый разъ. Точно цѣлые сутки во время болѣзни, тянулись еще четверть часа. Наконецъ онъ увидѣлъ, какъ Наталія Александровна встала, спокойно надѣла желтый пеньюаръ, потомъ подозвала Катю, сняла съ нея красную, похожую на грибъ шляпу, достала изъ ридикюля гребенку и начала причесывать дѣвочку.

Еще черезъ четверть часа обѣ женщины и Катя ушли. Алеша спустился по ступенькамъ къ самой водѣ и рукой намочилъ себѣ затылокъ и виски. Изъ купальни онъ вышелъ, когда всѣ три фигуры скрылись въ городѣ. Пошатываясь, онъ медленно побрелъ по песку.

Хотѣлось отвѣтить самому себѣ, почему на картинѣ видѣть красивое женское тѣло не страшно и не стыдно и почему чужія, иногда очень недалеко купавшіяся, женщины не производили на него никакого впечатлѣнія. До сихъ поръ Алеша думалъ, что онъ не такой, какъ всѣ, что вѣчная работа и нездоровье убили въ немъ тѣ страсти, рабами которыхъ были

многіе изъ его товарищей. Но сегодня стало ясно, что и онъ такой, какъ всѣ, такой же, какъ и Завойскій.

Отъ всего пережитаго, отъ солнца и отъ мыслей невыносимо разболѣлась голова. Не хотѣлось итти обѣдать. Алеша заперся у себя въ комнатѣ, опустилъ шторы и долго лежалъ, потомъ закрылъ глаза и, какъ это съ нимъ часто бывало послѣ большой усталости, незамѣтно уснулъ. Но и въ эти минуты не было покоя.

Приснилось, будто онъ гдѣ-то въ большомъ, чужомъ городѣ, и здѣсь умерла Таля (мысленно онъ уже называлъ ее такъ), и казалось, что и ему самому уже незачѣмъ жить больше. Душили слезы... Затѣмъ приснился ея мужъ, котораго онъ никогда не видалъ, толстенькій, низенькій, съ краснымъ лицомъ и очень большимъ золотымъ брелокомъ на часовой цѣпочкѣ.

Когда Алеша проснулся, былъ уже вечеръ, и бѣлыя шторы на окнахъ казались ярко-оранжевыми. Голова еще болѣла, но эта боль сейчасъ же прошла, какъ только онъ умылся холодной, принесенной изъ колодца, водой.

Захотѣлось ѣсть. Въ кофейной ему показалось необыкновенно вкуснымъ приготовленное въ довольно грязной посудѣ рагу изъ баранины. Къ ночи онъ совсѣмъ успокоился и какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ къ Наталіи Александровнѣ.

— Ну, что жъ, поѣдемъ на лодкѣ,—спросила она.

— Поѣдемъ,—отвѣтилъ Алеша, вспомнилъ утро и почувствовалъ, какъ жарко стало всему его лицу.

Въ темнотѣ отправились на пристань къ знакому турку. И, чего до сихъ поръ никогда не случалось, Наталья Александровна сама взяла Алешу подъ руку. На душѣ у него стало до слезъ радостно.

— Сколько возьмешь въ часъ?—спросилъ Алеша турка.

— Сколько дашь.

— А вдругъ ничего не дамъ?

— Дашь. Тебѣ совѣсть есть.

— А можетъ быть, нѣтъ?

— Есть. Я знаю. Пускай барыня впередъ садится.

— Какъ тебя зовутъ?

— Ассанъ зовутъ.

Турокъ присѣлъ на корточки и, не спѣша, началъ зажигать фонарь. Огонь спички, а потомъ свѣчи, не колебался и освѣщалъ его здоровое лицо, огромный носъ и блестѣлъ въ черныхъ

ласковыхъ зрачкахъ двумя свѣтлыми точками. Кисточка на фескѣ болталась въ тактъ каждаго его движенія.

Прогремѣли въ уключинахъ весла. Шлюпка тихо отвалила, обогнула пристань и безшумно пошла въ глубокую безконечную темноту. Трудно было опредѣлить, гдѣ настоящія звѣзды, а гдѣ отражающіяся въ штилевой водѣ.

— Послушай, Ассанъ, почему ты здѣсь, а не воюешь съ итальянцами?—спросилъ Алеша.

— Еще не зовутъ; когда позовутъ, поѣду.

— Позовутъ...

— Какъ онъ спокойно къ этому относится,—сказала Наталія Александровна.

— Они вѣдь всѣ фаталисты.

Алеша и Таля заговорили на томъ языкѣ интеллигентныхъ людей, въ которомъ всѣ слова русскія, но котораго не въ состояніи понять ни кучеръ, везущій барина и барыню, ни деревенская горничная, ни лодочникъ-турокъ.

— Да, ихъ дѣла, кажется, плохи,—сказалъ Алеша. Пораженіе за пораженіемъ, а между тѣмъ, нельзя ихъ назвать и пассивными, и нельзя имъ отказать въ мужествѣ. Конечно, это только начало, въ самомъ недалекомъ будущемъ, европейцы ихъ выживутъ совсѣмъ. Жаль будетъ: красивый, честный народъ и несчастный, несчастный!

— А я не считаю ихъ несчастными. У нихъ духъ всегда сильнѣе тѣла. Они не практики, — они поэты. И если какой нибудь жадный коммерсантъ отниметъ у такого человѣка землю, семью и самую жизнь, то мои симпатіи всегда будутъ на сторонѣ побѣжденнаго, а не побѣдителя. Не знаю, можетъ, я уродъ, но такъ чувствуетъ мое сердце. И если бы на этомъ свѣтѣ всѣ люди были такіе, какъ я, то у нихъ вмѣсто пословицы: «горе побѣжденнымъ», явилась бы другая пословица: «горе побѣдителямъ»..

— Нѣтъ, Таля, вы не уродъ, вы дѣйствительно необыкновенная, удивительная женщина, за которую и возлѣ которой даже умереть было бы сладко и радостно,—вырвалось у Алеши.

Онъ самъ испугался своихъ словъ и того, что въ первый разъ назвалъ ее просто по имени и подумалъ· «а вѣдь это вышло объясненіе въ любви, даже больше, чѣмъ объясненіе».

Наталія Александровна ничего не отвѣтила, и голоса надолго замолчали. Почти безъ звука подымались и опускались весла. Казалось, что нѣтъ ни времени, ни пространства, ни печалей, ни радостей.

Не скоро первымъ раздался голосъ Тали:

— Знаете, повернемъ назадъ. Я боюсь, не проснулась-ли Катя и, кажется, подъ ногами у меня вода.

— Немножко вода всегда есть,—сказалъ турокъ.

— Ну, что-жъ, повернемъ опять къ дѣйствительной жизни,—отвѣтилъ Алеша, а жаль, какъ хорошо было и есть.

— И мнѣ хорошо, но нельзя думать только о себѣ.

Противъ носа шлюпки снова показался весь усѣянный огненными точками городъ, но гресть пришлось еще долго. Когда была уже видна пристань, Таля опять сказала:

— Слушайте, а воды у меня подъ ногами больше стало, приходится подбирать платье.

— Ничего, ничего, немножко вода всегда есть, — спокойно произнесъ Ассанъ.

— А вы перейдите на середину лодки, дайте руку,—сказалъ Алеша и всталъ.

— Ну, хорошо.

Путаясь въ платьѣ, она переступила черезъ лавочку и чуть не упала. Невольно схватилась за Алешу и, улыбаясь, сѣла съ нимъ рядомъ. И когда ея горячая ладонь на секунду коснулась шеи Алеши, онъ вдругъ понялъ, что вся Таля уже близкая и родная ему, и нѣтъ въ этомъ ничего худого и страшнаго, а есть только большое, не ко всякому изъ людей приходящее счастье.

Когда до пристани осталось всего нѣсколько саженей, Таля задумчиво произнесла:

— Мнѣ все время казалось, что мы сегодня непремѣнно утонемъ, но я стѣснялась объ этомъ сказать. И казалось еще, что вся моя жизнь до сихъ поръ была похожа на какое-то плаваніе въ морѣ, но только не въ такомъ ласковомъ и тихомъ, какъ сегодняшнее,—возлѣ самаго берега, но на берегу этомъ я еще до сихъ поръ не была... И еще теперь кажется, что я такъ и умру возлѣ берега.

VII.

Прошло три милыхъ дня, такихъ, какихъ до сихъ поръ не бывало еще ни въ жизни Наталіи Александровны, ни въ жизни Алеши. Еще не было произнесено слово «люблю», но уже ярко чувствовалось, что вдвоемъ легко и не страшно ни прошедшаго, ни будущаго. Не было между ними и «ты», но какъ-то само собою началось, что стали называть другъ друга по именамъ. Пе-

редъ вечеромъ ходили гулять вдвоемъ и брали съ собой Катю, и дѣвочка не мѣшала имъ. Француженка злилась, но на нее не обращали вниманія.

Безъ конца разговаривали, и это не надоѣдало, а наоборотъ когда разставались, то бывало досадно, что не все успѣли сказать

Не могъ только Алеша признаться Талѣ въ томъ, какъ видѣлъ ее изъ купальни, и что при этомъ чувствовалъ. Но теперь это не казалось важнымъ.

На четвертый день Таля сама пришла къ нему въ комнату грустная, грустная съ холодными дрожавшими руками, съ вдругъ впавшими глазами. Сѣла возлѣ окна и заговорила тихо:

— За всякую радость, за самую малую чистую радость бываетъ расплата. Сегодня для меня ужасное утро. Во-первыхъ, Петръ Георгіевичъ дѣйствительно прислалъ мнѣ брошку, ее ходила получать mademoiselle. Прислалъ на мое имя, какъ всегда, триста рублей, а затѣмъ отдѣльно на имя француженки еще двѣсти, наконецъ, только что почталіонъ принесъ заказное письмо, вотъ оно, если хотите.

Стараясь владѣть собою, Алеша взялъ листокъ толстой почтовой бумаги и прочелъ:

«Дорогая Таля, ты не отвѣчаешь на мои письма. Я слишкомъ хорошо знаю жизнь, и хотя я не видѣлъ тебя очень давно, но для меня ясно, что ты или обзавелась любовникомъ, или нездорова, хотя изъ послѣдней открытки mademoiselle мнѣ извѣстно, что ты и Катя чувствуете себя великолѣпно. Значитъ,первое... Но мнѣ не хочется этому вѣрить. Ты никогда не была легкомысленной. Поступай, какъ знаешь, я тебѣ далъ отдѣльный видъ на жительство, но не видѣть Катю—мою дочь я не могу, не хочу, не имѣю права. Поэтому прошу: или пріѣзжай сама съ Катей, или пришли ее съ француженкой не позже будущей недѣли, для чего я посылаю еще денегъ, считая и жалованіе mademoiselle за два мѣсяца. Вѣрю въ твое благоразуміе. Въ Крыму теперь черезчуръ жарко, это не полезно ни тебѣ, ни ребенку, а на дачѣ у насъ чудесно: тѣнистый садъ и рѣка, которая лучше всякаго моря. Въ среду на той недѣлѣ уже второе августа, пора домой. Посылаю тебѣ обѣщанную брошку и молю Бога, чтобы онъ просвѣтилъ твою обезумѣвшую головку. Крѣпко цѣлую. П. Волжинъ.

P. S. Къ намъ назначенъ новый губернаторъ, чрезвычайно обаятельный человѣкъ, онъ видѣлъ твой портретъ и назвалъ тебя красавицей, съ чѣмъ и я согласенъ.

Алеша положилъ письмо на столъ.

— Съ одной стороны, онъ какъ-будто-бы правъ, что ему

хочется видѣть Катю, а съ другой стороны, онъ какъ будто... какъ будто не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей.

— Какихъ?

— Да прежде всего, что онъ и вы настолько разные люди, что... Ну, да это само собой ясно.

— Къ сожалѣнію, не для всѣхъ, Алеша.

Она помолчала, сложила и спрятала письмо въ ридикюль.

— Я не знаю, какъ я должна поступить, но я знаю, какъ я поступлю. Я Катю не отпущу, пусть пріѣзжаетъ самъ, пусть беретъ, это будетъ другое дѣло. Но своими руками отдавать мое дитя человѣку, который изъ Кати сдѣлаетъ дурочку,—я не въ силахъ. Я пробовала говорить съ mademoiselle, но она ничего не понимаетъ. Она считаетъ Петра Георгіевича очень удобнымъ мужемъ и находитъ, что я не умѣю пользоваться своимъ положеніемъ. Чтобы волки сыты были и овцы цѣлы. А я такъ не могу, не могу!.. Вотъ вы говорите, что онъ съ одной стороны правъ, а мнѣ кажется, ни съ какой стороны не правъ... И такая злоба во мнѣ подымается. Не припадокъ, не аффектъ, а желаніе спокойно обдумать все, и затѣмъ исковеркать этому человѣку всю жизнь. Да, всю жизнь... Какъ онъ исковеркалъ мою...

Алеша старался мысленно представить себѣ мужа Тали. Потомъ вспомнилъ свой сонъ и спросилъ:

— Скажите, Петръ Георгіевичъ носитъ на часовой цѣпочкѣ такой большой золотой брелокъ?

— Да... А вы откуда знаете?

— Такъ, мнѣ казалось, отвѣтилъ Алеша, но о томъ, что видѣлъ во снѣ, почему-то не разсказалъ.

Онъ владѣлъ собою хорошо, но холодный безсловесный ужасъ давилъ ему горло и грудь. Такое-же состояніе онъ испыталъ только разъ въ жизни еще мальчикомъ, когда доктора по неосторожности сказали въ его присутствіи, что здоровье матери безнадежно.

— Вы, Алеша, когда-то назвали меня необыкновенной и хорошей и доброй, но я злая... И самое дорогое желаніе у меня теперь одно: отомстить Петру Георгіевичу не за себя, а за Катю, которую онъ исковеркаетъ безъ всякаго сомнѣнія. Не знаю, можетъ быть, я сама поѣду съ ней, а пока нужно успокоиться. Вотъ что, не приходите ко мнѣ до девяти часовъ вечера. Мнѣ хочется побыть совсѣмъ, совсѣмъ одной и все обдумать. А когда Катя и mademoiselle улягутся, я зайду за вами, и мы погуляемъ и еще поговоримъ.

Блѣдная, съ плотно сжатыми губами она вышла изъ комнаты.

Оставаться одинъ Алеша не могъ. Пошелъ въ кофейню. Въ этотъ день стояла такая жара, какой не было за все лѣто. Тѣни домовъ казались ярко-лиловыми, а песокъ совсѣмъ бѣлымъ. Море было темное, съ крупными бѣлыми «барашками» на горизонтѣ. Неподвижно сидѣвшіе возлѣ кофейни татары казались похожими на каменныхъ идоловъ.

Ѣсть не хотѣлось. Алеша попросилъ сварить себѣ самаго жидкаго кофе и выпилъ его четыре чашки. Разболѣлась голова. Онъ расплатился и медленно направился къ общественной купальнѣ. Здѣсь нельзя было ступить босой ногой на горячія доски пола. Термометръ въ водѣ показывалъ +23° R. Молодежъ и мальчишки невыносимо плескались и визжали. Купанье мало освѣжило Алешу, и голова стала болѣть еще сильнѣе. Пришлось вернуться къ себѣ и лежать не двигаясь, пока не стемнѣло на дворѣ.

Онъ думалъ:

«Въ первый разъ я встрѣтилъ дѣйствительно нешаблонную женщину. И вотъ какой-то Петръ Георгіевичъ только потому, что увидѣлъ Талю, когда она еще была гимназисткой и не умѣла разбираться въ людяхъ,—только поэтому—сдѣлалъ ее своей женой, имѣетъ отъ нея ребенка и можетъ взять ее и увезти, куда хочетъ. Можетъ поставить ее въ такое положеніе, что она сама поѣдетъ, а у меня никого, ничего не останется».

Зажглось электричество, стало какъ-будто легче, но въ воздухѣ было все-также душно. Море слилось съ небомъ, и только, когда мигала блѣдно-фіолетовая зарница,—на секунду открывался весь горизонтъ. Камни на ступенькахъ параднаго входа въ гостиницу были еще теплые. Хотѣлось мороженнаго или холоднаго клюквеннаго квасу и хоть маленькаго вѣтерка.

Таля была бодрѣе, чѣмъ ожидалъ Алеша. Она даже улыбалась, но были эти улыбки похожи на улыбки зарницы. Спокойно взяла его подъ руку. Пошли по берегу вправо и долго не разговаривали. Незамѣтно кончился городъ. Опять вспыхнула далекая молнія и освѣтила крышу одинокой дачи, жиденькія деревья и небольшую скамеечку возлѣ воды.

— У меня въ туфляхъ полно песку, нужно его вытряхнуть сказала Таля, освободила свою руку и быстро прошла къ скамейкѣ.

Алеша обождалъ, снялъ фуражку и сѣлъ рядомъ. Отъ воды чуть дохнуло свѣжестью. Громыхнуло гдѣ-то подъ горизонтомъ,—точно далекій залпъ артиллерійской батареи, и потомъ долго не было новой зарницы.

— Кажется, подходитъ настоящая гроза, — это хорошо. Только еще не скоро, соберется развѣ къ полуночи, сказала Таля.

«Сейчасъ она снова заговоритъ о Катѣ и о мужѣ», подумалъ Алеша. Но Таля начала не съ этого.

— Послушайте, Алеша, вы когда-нибудь увлекались политикой или революціей? спросила она.

— Нѣтъ. Какъ-то не приходилось... Семья у насъ была строгая, старинная и богомольная. И учиться много приходилось, у меня только душа болѣла отъ сознанія, что гибнетъ масса молодежи, что торжествуетъ принципъ: «цѣль оправдываетъ средства». Въ концѣ концовъ я совершенно пересталъ вѣрить и въ счастье родины, и въ свое личное. Не надолго,—оно возможно, хроническое же счастье ирраціонально. Вотъ за послѣднее время, возлѣ васъ мнѣ бывало такъ хорошо,—такъ остро хорошо! И не только потому, что мы существа разнаго пола... Но пріѣдетъ вашъ мужъ и увезетъ васъ.

— Меня никто не можетъ увезти, если я не захочу этого сама. Но я не о томъ васъ спрашиваю. Послушайте, нѣтъ ли у васъ какого-нибудь ссыльнаго друга или родственника?

Алеша подумалъ и отвѣтилъ:

— Былъ одинъ и даже не студентъ, а докторъ; онъ кончилъ срокъ ссылки, но въ Россію не вернулся и теперь служитъ гдѣ-то въ Забайкальѣ. Я слыхалъ, что тамошніе жители и ссыльные, и свободные просто на него молятся. И дѣйствительно, онъ великой доброты человѣкъ. Фамилія этого доктора Рублевъ.

— Вотъ, вотъ, мнѣ такого и нужно.

— Только я не знаю его адреса, но въ Петербургѣ могу узнать.

— Послушайте, Алеша, мнѣ пришла въ голову идея: я продамъ присланную мнѣ Петромъ Георгіевичемъ брошку, за нее дадутъ тысячи полторы, а можетъ и больше, и отошлю эти деньги вашему Рублеву,—пусть онъ поможетъ тамъ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ ни книгъ, ни газетъ, ни чистаго воздуха, а у нѣкоторыхъ даже и надежды когда бы то ни было вернуться домой. Вотъ какъ докторъ Гаазъ помогалъ. Я, Алеша, за всю свою жизнь никому пятака не подала. А могла бы помогать многимъ. И вотъ теперь мнѣ хочется наверстать прошлое. Не вздумайте опять называть меня необыкновенной, ибо въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ мой эгоизмъ... Въ послѣдніе два года Петръ Георгіевичъ сдѣлался невѣроятнымъ трусомъ. Больше всего онъ

боится прослыть человѣкомъ, сочувствующимъ какому бы то ни было прогрессивному движенію. Какъ только онъ узнаетъ, что я продала брошку и деньги отдала ссыльнымъ, онъ сейчасъ же отъ меня отмежуется и согласится на какія угодно мои условія, перестанетъ мнѣ писать, даже откажется получать письма отъ меня.. Вы понимаете, Алеша, тогда я стану воистину свободной. Кажется, дѣйствительно, нѣтъ худа безъ добра. И брошкѣ, присланной имъ и такъ гадко меня оскорбившей, этой же брошкѣ суждено сдѣлаться моей спасительницей... Ура, Алеша. Я нашла выходъ.

Таля радостно, по-дѣтски засмѣялась.

— Знаете, Алеша, вотъ намъ вмѣстѣ полъ-столѣтія, а ни вы, ни я еще не жили, т.-е. не жили для другихъ. И потому вкусныя, утонченныя блюда, которыя мнѣ подносилъ Петръ Георгіевичъ, а вамъ братья, и казались намъ прѣсными, а главное, ненасыщающими. Правда, Алеша?

— Правда.

— Но боюсь, Алеша, что пока взойдетъ мое солнце, роса выѣстъ очи. Послѣ сегодняшнаго письма у меня было отчаянное настроеніе, потомъ начались перебои сердца, и снова показалась горломъ кровь. Хотя я увѣрена, что это не на туберкулезной почвѣ. И надежда во мнѣ не тухнетъ. Главное, что я сама создала великолѣпный планъ безкровнаго мщенія и полнаго освобожденія..

Съ моря подулъ настоящій свѣжій вѣтеръ. И Алешѣ почудилось, что это прилетѣло новое настоящее счастье. Когда ясно и отчетливо загремѣлъ громъ,—показалось, что кто-то сильный взялъ нѣсколько красивыхъ аккордовъ на огромной клавіатурѣ.

— Что же вы молчите?—спросила Таля.

Алеша улыбнулся.

— Да нѣтъ словъ. Въ первый разъ чувствую каждымъ своимъ нервомъ, что такое счастье.

— Мой славный мальчикъ, тоже самое происходитъ и со мной. А еще сегодня утромъ я самымъ серьезнымъ образомъ рѣшила повѣситься.

Точно порывомъ вѣтра Алешу качнуло къ ней. Правая рука уже протянулась, чтобы обнять эту, казавшуюся ему единственной въ мірѣ, женщину...

Но Таля тихонько его отстранила.

— Не нужно, милый, *пока* ненужно. Я старше тебя, я больше чувствую, больше знаю, инстинктъ мнѣ говоритъ, что

освобожденіе и настоящее счастье нужно праздновать послѣ того, какъ мы ихъ завоюемъ на самомъ дѣлѣ.

И то, что она не позволила себя обнять, не обидѣло Алешу. Одно сознаніе, что такая женщина, какъ она, сказала ему «понимаешь», а не «понимаете», дало ощущеніе большей и сильнѣйшей радости, чѣмъ если бы они въ эту ночь стали близкими физически.

— Алеша, дождь! Милый, ненужно никуда прятаться. Пойдемъ домой и не будемъ спѣшить.

Точно сонный или одурманенный, шагалъ онъ, прижавшись къ ея горячей рукѣ, и когда вспыхивала молнія, радостно глядѣлъ на ея вдругъ ожившее лицо. И страшно было, какъ бы не очнуться и не узнать, что все это сонъ.

Черезъ пять минутъ на нихъ уже не осталось ни одного сухого мѣстечка, и это было только смѣшно и пріятно. Когда остановились у блестѣвшаго отъ воды, освѣщеннаго одной электрической лампочкой крыльца, Алеша взялъ Талю за обѣ руки и сказалъ:

— Вѣдь ты же простудишься.

— Ничего не будетъ, ничего не будетъ,— отвѣтила она и провела своей ладонью по щекѣ Алеши, но сейчасъ же смутилась и, путаясь къ мокромъ платьѣ, взбѣжала по ступенькамъ и отворила дверь.

Изъ своей комнаты Алеша долго слышалъ стонущій голосъ француженки, вѣроятно помогавшей Талѣ переодѣваться: o, madame, o, madame!..

VIII.

Лицо у Натальи Александровны какъ будто измѣнилось, стало гордымъ и спокойнымъ. При встрѣчѣ съ Алешей ея глаза загорались лаской. Она часто входила къ нему въ комнату, садилась у окна, и начинался одинъ изъ длинныхъ, никогда не надоѣдавшихъ разговоровъ на всякія темы.

Алеша до сихъ поръ не могъ самъ себѣ отвѣтить, кто онъ для этой женщины: братъ, сынъ или женихъ? Но сердце его уже давно навѣрное знало, что близкій, очень близкій и навсегда близкій. Иногда говорили другъ другу «ты», иногда сбивались на «вы». Катя часто прибѣгала къ нему вмѣстѣ съ матерью и тоже говорила ему иногда «ты», иногда «вы» и называла его просто Алешей.

Только француженка при встрѣчахъ почти перестала отвѣчать на его поклоны, а пройдя нѣсколько шаговъ, склоняла голову на бокъ и хитренько улыбалась.

Миновала еще цѣлая счастливая недѣля.

Однажды Таля сказала Алешѣ:

— Я еще до сихъ поръ не отвѣтила Петру Георіевичу и теперь рѣшила совсѣмъ не отвѣчать. Mademoiselle посылаетъ ему открытки, но я дѣлаю видъ, что это меня не касается.

— Ну, а если онъ самъ пріѣдетъ?

— Я этого только и хочу! Видишь ли, у меня свой расчетъ. У Петра Георгіевича много того, что онъ называетъ дѣломъ, т. е. свиданій и разговоровъ съ людьми, которые ему гораздо нужнѣе, чѣмъ я и Катя, и вырваться ему въ Крымъ, даже на недѣлю, не такъ легко. Значитъ, мы только выиграемъ время. Голубчикъ, Алеша, съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, и до этого лѣта, я еще ни разу не жила для самой себя, ни одного дня. А теперь такіе дни пришли. Впереди тоже предстоитъ не медъ. Я разлуки съ Катей не вынесу. Ты не понимаешь, что значитъ быть матерью... Ну и вотъ теперь, каждый часъ, когда я и съ ней, и съ тобой, я цѣню на вѣсъ золота. Знаю, что это самый свѣтлый промежутокъ въ моемъ существованіи. Тебя Петръ Георгіевичъ не отниметъ, а Катю отниметъ, поэтому я рѣшила ѣхать съ ней, чтобы хоть окружить ее хорошими людьми. Поживу, пока смогу, а затѣмъ въ Петербургъ, къ тебѣ. Какъ только Петръ Георгіевичъ узнаетъ, куда пошла его брошка, онъ чего добраго и самъ начнетъ дѣло о разводѣ... Одобряешь мой планъ?

Алеша кивнулъ головой.

— Да, это самый лучшій исходъ.

— И единственный. Только бы здоровье... Я больше всего на свѣтѣ боюсь заболѣть тамъ, у него. Здѣсь тепло, солнечныя ванны, а главное, абсолютная искренность, все это бодритъ, даетъ силы. А тамъ—тюрьма и брехня.

При словѣ: «солнечныя ванны» Алеша густо покраснѣлъ и подумалъ: «а все-таки я ей объ этомъ скажу, въ Петербургѣ скажу, она пойметъ».

Заниматься уже въ эти дни онъ не могъ и не хотѣлъ. Дорогъ былъ каждый часъ съ Талей, и Катя сдѣлалась точно младшей сестрой, любимой и родной. Француженки какъ будто не существовало.

Прежде представленіе о дальнѣйшей жизни у Алеши сводилось къ рѣшенію вопроса, въ какомъ году и по какой каѳедрѣ онъ начнетъ чтеніе лекцій. Теперь лучшее будущее рисовалось ему въ

цѣломъ рядѣ усилій создать для Тали совсѣмъ иную обстановку, въ которой она чувствовала бы себя дѣйствительно счастливой. И казалось, что чѣмъ труднѣе придется въ первое время, тѣмъ радостнѣе и легче будетъ дальше.

Петра Георгіевича, какъ ея законнаго мужа, онъ не боялся. Зналъ навѣрно, что она этого человѣка и не любитъ, и не уважаетъ, а, значитъ, жить для него и у него не захочетъ. Вѣрнѣе всего—поступитъ на курсы.

Шестого августа, день Преображенія, Алеша проснулся въ восемь часовъ утра. За стѣной, въ комнатѣ Наталіи Александровны, былъ слышенъ разговоръ. Совсѣмъ ясно раздавался мужской незнакомый голосъ. Алеша наскоро одѣлся и невольно подошелъ къ стѣнѣ. Въ сосѣднемъ номерѣ на нѣсколько секундъ стало тихо. Затѣмъ заскрипѣли тяжелые, спокойные шаги и снова заговорилъ мужской голосъ:

— Это всегда было и будетъ. Чѣмъ корректнѣе относишься къ женщинѣ, тѣмъ нелѣпѣе и непонятнѣе она себя ведетъ. Я пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы разыгрывать мелодраматическія сцены, а лишь съ цѣлью выяснить: жена ты мнѣ или не жена, т. е. есть у тебя любовникъ или нѣтъ.

— У меня нѣтъ любовника, но женой вашей я быть не могу. Затѣмъ, Петръ Георгіевичъ, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ говорить, когда мы не одни и особенно въ присутствіи ребенка.

— Да, пожалуй, ты права... Mademoiselle, prenez s'il vous plais Catia, mettez lui son grand chapeau et allez au bord de la mer!

Дѣтскій голосъ что-то недовольно прохныкалъ.

Опять заскрипѣли тяжелые шаги, и Петръ Георгіевичъ сказалъ что-то уже другимъ, ласковымъ тономъ, какую-то длинную фразу. Затѣмъ слышно было, какъ отворилась и затворилась дверь, какъ пробѣжала по коридору Катя и быстро прошла за ней француженка.

— Значитъ, ты мнѣ не измѣняла?

— Въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете, нѣтъ.

— Никому другому физически не принадлежала?

— Нѣтъ.

— Тогда все поправимо.

— «Нѣтъ не поправимо», отвѣтилъ ему мысленно Алеша, отошелъ отъ стѣны и сѣлъ возлѣ окна. Очень хотѣлось слушать этотъ разговоръ еще и еще.

«Значитъ, онъ совсѣмъ неумный человѣкъ—думалъ Алеша,— не понимаетъ такой простой вещи, что измѣна тѣломъ менѣе

страшна для мужа,—тѣло можетъ вернуться, а вотъ, если душа станетъ чужой, такъ ужъ навсегда».

Онъ не вытерпѣлъ и снова подошелъ къ стѣнѣ, даже приложилъ ухо. И мысленно успокоилъ себя: «Я разскажу объ этомъ Талѣ, она проститъ».

— Но въ такомъ случаѣ, я ничего не понимаю, медленно произнесъ Петръ Георгіевичъ. Отчего же ты не хочешь ѣхать со мной?

— Я поѣду, только ненадолго. Погляжу, соображу, какъ будетъ жить Катя... и снова...

— Убѣгу?

— Да.

— Куда?

— Еще не знаю, въ Москву, въ Петербургъ... Можетъ быть поступлю на курсы.

— Такъ вотъ оно что... Значитъ, это вліяніе того студента, о которомъ мнѣ писала mademoiselle.

— Это лишь мое собственное желаніе, и я говорила объ этомъ еще въ вашемъ домѣ.

— А по моему, все это истерія на половой почвѣ. Въ двадцать шесть лѣтъ замужней женщинѣ нельзя жить одной...

— Не говорите пошлостей!

Еще разъ проскрипѣли его шаги взадъ и впередъ по комнатѣ и вдругъ затопали на одномъ мѣстѣ. Голосъ мужа измѣнился и перешелъ въ молящій:

— Таля, милая, образумься.

— Ради Бога, ради Бога, не цѣлуйте меня, иначе я закричу.

— Ну, хорошо, хорошо, не буду. Пріѣдемъ домой, тамъ все образуется.

— Затѣмъ вотъ что, Петръ Георгіевичъ, я бы хотѣла переодѣться. Я не считаю себя вашей женой и въ вашемъ присутствіи не могу этого сдѣлать. Я никакъ не ожидала, что вы пріѣдете такъ рано. Пойдите пока къ Катѣ, она вамъ искренно рада. И хоть на полчаса оставьте меня одну, дайте прійти въ себя.

— Таля, милая, за что?—простоналъ голосъ мужа.

— Объ этомъ еще успѣемъ поговорить,—а пока оставьте меня одну.

— Ну, хорошо, хорошо.

Алеша снова подошелъ къ окну. Черезъ минуту онъ увидѣлъ спускающуюся по ступенькамъ крыльца фигуру полнаго

человѣка. Фигура на секунду остановилась, и было видно, что это господинъ въ бѣломъ костюмѣ и легкой панамѣ. Сразу бросился въ глаза большой золотой брелокъ на золотой цѣпочкѣ. Гдѣ-то въ Алешиной груди вдругъ закипѣла и застонала, до сихъ поръ неиспытанная, ненависть къ этому, совсѣмъ чужому, господину. Затѣмъ было видно, какъ толстенькая фигурка, помахивая тростью, направилась прямо къ берегу. Тамъ было уже много дѣтей, мелькала и красная шляпа Кати. Скоро француженка, Петръ Георгіевичъ и все время что-то говорившая отцу Катя отдѣлились и медленно пошли къ бульвару.

Алешѣ захотѣлось сейчасъ увидѣть Наталью Александровну. Онъ съ трудомъ удержалъ себя и подумалъ: «сама придетъ, непремѣнно придетъ»...

До встрѣчи съ Наталіей Александровной Алеша былъ глубоко убѣжденъ, что никогда и ни одна женщина, если бы онъ даже и полюбилъ, не овладѣетъ всей его жизнью и всѣмъ его существомъ. А теперь, какъ дважды-два четыре, было ясно, что это уже не такъ и что теперь онъ уже совсѣмъ другой человѣкъ. И не было жаль себя, когда-то независимаго ни отъ кого и ни отъ чего.

Пришло въ голову, что даже Менделѣевъ и Толстой когда-то любили и мучились. Значитъ *это*, какъ смерть, для всѣхъ живущихъ обязательно... И спрятаться отъ желанія любить и быть любимымъ—на этомъ свѣтѣ некуда.

IX.

Наталія Александровна вошла гладко причесанная, въ голубомъ батистовомъ платьѣ, блѣдная, спокойная, черезчуръ спокойная, похожая на дѣвушку. Алеша забылъ обо всемъ.

Поздоровались за руку, какъ всегда. Ея пальцы были холодны, и нельзя было понять, отъ свѣжей воды, которой она сейчасъ умывалась, или отъ всего пережитого. Таля подняла голову и сказала:

— Петръ Георгіевичъ уже здѣсь. Мы сегодня вечеромъ уѣзжаемъ.

— Знаю, я слышалъ, все слышалъ.

— Это Алеша нехорошо и хорошо. Хорошо потому, что мнѣ не нужно больше повторять всего того, о чемъ не хотѣлось бы и думать. Ну, да все равно, я бы сама сказала. Я, Алеша, отлично собой владѣю, гораздо лучше, чѣмъ ожидала. Вотъ что,

Алеша. Ты сейчасъ же, какъ только пріѣдешь въ Петербургъ, напиши мнѣ адресъ доктора Рублева. Я продамъ брошку и деньги отошлю доктору, затѣмъ мы уже поговоримъ съ Петромъ Георгіевичемъ иначе.—Таля оглянулась и сѣла въ кресло.

— Ты знаешь, Алеша, я никогда не лгу. Я до сихъ поръ не знаю, кто ты мнѣ, но я знаю, что съ тобой однимъ могу говорить искренно, что ты первый чистый мужчина, котораго я вижу. Можетъ быть, я даже дѣйствительно люблю тебя. Меня тянетъ къ тебѣ, какъ тянетъ, вѣроятно, мужчинъ къ невиннымъ дѣвушкамъ. Ты знаешь, я безъ ужаса не могу вспомнить того года въ Москвѣ, когда мужъ увлекался всякими модернистами, футуристами и т. д. Я была почти дѣвочкой и ничего не понимала въ ихъ утонченностяхъ, но иногда чувствовала въ разговорѣ, какъ такой господинъ мысленно меня раздѣваетъ и осматриваетъ, краснѣла и волновалась, а Петръ Георгіевичъ смѣялся... Но скоро наступитъ моя очередь смѣяться. Если бы не Катя, я бы уже давно убѣжала отъ такой жизни, но Катя... Ахъ, какъ я боюсь, что Петръ Георгіевичъ искалѣчитъ ее своимъ воспитаніемъ. Онъ ее любитъ, но въ этомъ и бѣда... Вѣдь онъ и меня любилъ и любитъ, да только любовь эта принесла мнѣ все, кромѣ счастья: и туберкулезъ, и неврастенію, и необходимость говорить не то, что думаешь... Слушай дальше, Алеша, вотъ я по лицу твоему вижу, ты волнуешься: и знаю твое большое чувство ко мнѣ. И я вѣрю, что ты поможешь мнѣ выйти на чистый воздухъ, а можетъ когда-нибудь поможешь и Катѣ.

Со слезами на глазахъ Алеша сдѣлалъ шагъ къ ней.

— Погоди, я хочу, чтобы ты понялъ меня до конца. Если мнѣ суждено погибнуть возлѣ самаго берега, то пусть хоть Катя спасется и доплыветъ до твердой земли. Но если я останусь съ Петромъ Георгіевичемъ, я вѣроятно сдѣлаюсь форменной истеричкой и тогда буду безполезна для Кати... А я уйду, наберусь силъ и тогда, можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать изъ нея счастливаго и хорошаго человѣка. Понимаешь, человѣка, а не только барышню. Дочери обыкновенно похожи на отцовъ, но Катя—это точная копія моей фотографіи въ дѣтствѣ, значитъ, и душа у нея моя. А такой душѣ нужно... Нужно, чтобы ее не только любили, но еще и уважали. Безъ этого жить не могу... Ну, Алеша, я заговорилась. Пойду въ городъ догонять мужа и дочь. Если они вернутся и не застанутъ меня, снова придется объясняться, а я за одно сегодняшнее утро такъ устала, какъ за цѣлый годъ... Алеша, мальчикъ мой, ты плачешь? Вѣдь самое

позднее, мы увидимся черезъ мѣсяцъ въ Петербургѣ, я пріѣду туда во что бы то ни стало.

Алеша какъ-будто успокоился. Она встала, быстро подошла къ нему и положила обѣ руки ему на плечи:

— Дай, я поцѣлую тебя въ лобъ... Ну, можно и въ губы, сегодня можно.

Алешѣ показалось, будто бѣлыя стѣны его номера покачнулись, и все тѣло его стало легкимъ, и каждый нервъ и каждый мускулъ безконечно счастливымъ...

Вдругъ покраснѣвшая Таля оторвалась отъ него. Сдерживая волненіе, она зашептала:

— Нужно итти, нужно итти... Если спроситъ меня Петръ Георгіевичъ, видѣлась ли я съ тобой, скажу, что нѣтъ. Солгу. Въ первый разъ въ жизни солгу... И не потому, что боюсь его, а потому, что онъ не пойметъ... Если бы Петръ Георгіевичъ увидѣлъ, что я тебя сейчасъ цѣловала, вѣдь не повѣрилъ бы онъ никогда, что мы не любовники. Знаешь, не только онъ, но даже сама судьба любитъ поиздѣваться надъ гордостью такихъ женщинъ, какъ я. Еще вчера, еще сегодня утромъ я была глубоко убѣждена, что не поцѣлую тебя до встрѣчи въ Петербургѣ и не поцѣлую первая, и что никогда не солгу. А вотъ и поцѣловала, и первая, и сейчасъ буду говорить мужу неправду. Значитъ, я такая, какъ всѣ,—самая обыкновенная.

Послѣднихъ ея словъ Алеша почти не слышалъ. Въ правомъ ухѣ у него звенѣло. Прислонившись къ стѣнѣ, онъ взялъ Талю за холодную, дрожавшую руку.

— Ну, Алеша, нужно итти, нужно итти... Еще просьба, исполнишь?

— Конечно.

— Не провожай насъ. Не стой даже возлѣ пристани. Уйди куда нибудь. Будетъ легче и тебѣ, и мнѣ. Ну...

Она еще разъ поцѣловала его въ лобъ и выбѣжала изъ комнаты.

Радость и печаль сплелись въ душѣ Алеши,—невыносимая боль и сладость послѣ горячихъ словъ и поцѣлуевъ Тали... И захотѣлось или все время быть съ ней, милой и близкой, или уже не видѣть ее совсѣмъ и никогда.

Казалось, что въ комнатѣ душно. Алеша открылъ окно. Милая фигура въ голубомъ платьѣ показалась изъ за угла и и быстрыми дѣловыми шажками свернула къ бульвару. Оглянулась. Еще разъ кивнула головой въ легкой англійской соло-

менной шляпѣ, и пошла быстрѣй. Миновала группу что-то горячо обсуждавшихъ татаръ и скрылась.

Алеша заторопился, но долго не могъ найти фуражку, наконецъ замѣтилъ ее на кровати.

Онъ вышелъ на улицу, сѣлъ въ извозчичій фаэтонъ и поѣхалъ въ Сакки. Здѣсь все показалось противнымъ: и рапныя ванны, и лица докторовъ, и постныя физіономіи больныхъ, и домашній обѣдъ у какой-то еле двигающей ногами толстой гречанки.

Сердце жалобно просилось назадъ въ городъ, а разсудокъ говорилъ, что не нужно, хотѣлось уйти отъ самого себя.

Назадъ Алеша пошелъ пѣшкомъ по морскому берегу. Отъ жаркаго солнца или отъ мыслей немного кружилась голова. Онъ намочилъ носовой платокъ въ морѣ, покрылъ имъ голову, легъ на песокъ и закрылъ глаза и лицо фуражкой.

Въ первыя минуты черная подкладка казалась красной, вдругъ на одно мгновеніе показались умные, скорбные глаза и тонко очерченныя брови Тали, но галлюцинація сейчасъ-же исчезла. Алеша лежалъ, не двигаясь, до тѣхъ поръ, пока не подошло къ горизонту солнце и небо вверху не стало розовымъ. Онъ всталъ и зашагалъ по берегу къ тому мѣсту, гдѣ двѣ недѣли назадъ на скамейкѣ ихъ застигъ дождь.

Быстро стемнѣло и Алеша долго не могъ найти ни той дачи, ни залива, наконецъ увидѣлъ слѣва темный силуэтъ крыши, а впереди скамейку. Онъ сѣлъ и вспомнилъ, какъ Таля вытряхивала песокъ изъ туфель, вспомнилъ ея проектъ продать брошку, присланную Петромъ Георгіевичемъ.

«Она его не любитъ, но она съ нимъ, а я здѣсь одинъ и увижу-ли ее когда нибудь еще—неизвѣстно», промелькнуло въ его усталой головѣ. И точно въ отвѣтъ раздался долгій и, какъ показалось Алешѣ, нахальный и злорадствующій гудокъ парохода. Черезъ полъ-часа онъ услышалъ второй такой-же гудокъ. И еще больнѣе стало на душѣ.

«Пока дойду въ городъ, будетъ третій и пароходъ отвалитъ, хоть огни его увижу», подумалъ Алеша, всталъ и зашагалъ быстро, быстро.

Пароходъ тронулся у него на глазахъ и, какъ всегда, долго еще былъ видѣнъ.

Въ коридорѣ гостиницы показалось особенно пусто. Дверь въ комнату Наталіи Александровны была открыта. Алеша поглядѣлъ и вошелъ туда. На поцарапанномъ полу валялись бумажки, картонки и веревочки, одиноко стояло прикрытое бре-

зентами піанино, на которомъ когда-то Таля игралъ баркароллу Чайковскаго.

Раскинувъ руки, въ углу лежала сломанная кукла Кати. На диванѣ бѣлѣлъ скомканный, но чистый, вѣроятно забытый впопыхахъ носовой платокъ. Алеша развернулъ его. Повѣяло ландышемъ. На углу были вышиты гладью буквы: «Н. В.».

Алеша поцѣловалъ платокъ и спряталъ его въ карманъ.

X.

На другое утро Алеша проснулся не скоро, онъ долго машинально ворочался подъ горячими лучами солнца и наконецъ открылъ глаза. Въ эту ночь ничего не приснилось, голова еще не понимала, но чувствовала, что случилось что-то важное, какъ будто непоправимое. Затѣмъ ясно вспомнился весь вчерашній день и послѣднія слова Тали: «нужно итти, нужно итти»...

Только къ полудню онъ овладѣлъ собой окончательно. Пошелъ и выкупался. Вода была свѣжая и подбодрила. Казалось, что и душа обновилась. Уже не было по инерціи живущаго вѣчнаго студента Алеши, мальчика, не знающаго, что впереди, а былъ взрослый человѣкъ, готовый всего себя отдать, чтобы помочь хорошей женщинѣ уйти изъ паутины условности къ свѣту и къ личной волѣ. Въ жизни Алеши затлѣлся новый смыслъ. И съ огромнымъ чувствомъ къ Талѣ сплелась нѣжная благодарность за эту перемѣну.

«Какъ и сегодня утромъ, я проснулся и поднялся не скоро, и открылъ глаза лишь оттого, что солнце засвѣтило мнѣ въ самое лицо,—такъ и для новыхъ ощущеній и цѣлей я проснулся не скоро, только въ двадцать шесть лѣтъ, оттого, что близко подошла ко мнѣ и ярко засвѣтила своей чистой душой Таля. Но теперь уже проснулся навсегда», думалъ Алеша.

Хотѣлось какъ можно скорѣй уѣхать въ Петербургъ, и не жаль было моря, синяго неба и теплыхъ, ласковыхъ вечеровъ. Уже не казалось, что у него начинается чахотка и не вѣрилось въ болѣзнь Тали. Алеша былъ увѣренъ, что личное счастье также обновитъ и ее. Кружилась голова отъ гордости и отъ сознанія, что это онъ дастъ ей новую жизнь.

Вечеромъ Алеша пошелъ на почту и послалъ двѣ телеграммы: одну старшему брату Николаю съ просьбой перевести по телеграфу двѣсти рублей, другую съ оплаченнымъ отвѣтомъ

своей квартирной хозяйкѣ, чтобы она оставила за нимъ прошлогоднюю большую свѣтлую комнату на Васильевскомъ Островѣ.

Хозяйка отвѣтила на другой-же день, что квартира свободна. А братъ не присылалъ денегъ цѣлую недѣлю, потому что, какъ оказалось, былъ въ отъѣздѣ. Четыре дня прошли мучительно. Жаль было времени, и приставалъ конторщикъ гостиницы съ требованіемъ поскорѣе заплатить и видимо не вѣрилъ, что деньги будутъ получены на-дняхъ. Тяжко было и въ номерѣ. До боли, до слезъ хотѣлось услышать звуки баркароллы Чайковскаго и звонкій голосъ Кати и даже картавыя слова француженки съ напудреннымъ носомъ.

Въ гостиницѣ Алеша только спалъ. Съ восходомъ солнца онъ отправлялся на берегъ, уже безъ книгъ, лежалъ, думалъ и вспоминалъ. Почему-то особенно часто и ярко приходила въ голову фраза Тали: «если-бы на этомъ свѣтѣ всѣ люди были такіе, какъ я, то у нихъ вмѣсто пословицы—горе побѣжденнымъ—явилась-бы другая—горе побѣдителямъ».

Смыслъ этихъ словъ былъ для него не совсѣмъ ясенъ, но сердце подсказывало, что Таля могла бы эту фразу произнести и такъ: «горе тѣмъ, которые побѣждаютъ насиліемъ и деньгами».

«Какъ только увидимся, я съ ней поговорю объ этомъ. Если физическая мощь и деньги сами по себѣ сила, то любовь еще бо́льшая сила. Я увидѣлъ это только теперь и дальше, вѣроятно, увижу еще яснѣе», думалъ Алеша.

Въ четвергъ къ вечеру одиночество стало невыносимо. И не приходилъ почталіонъ съ двумя стами рублями. Въ пятницу послѣ парохода Алеша пошелъ на почту самъ. Денегъ еще не было, но за то носившій въ гостиницу корреспонденцію почталіонъ узналъ его и подалъ только-что полученное, еще даже не опущенное въ сумку письмо съ отрывными краями.

«Все, какъ рѣшила, такъ и сдѣлаю. Сейчасъ легче и лучше, чѣмъ я ожидала. Петръ Георгіевичъ предупредителенъ и не говоритъ лишняго. Катя не капризничаетъ. Mademoiselle повидимому счастлива моимъ «счастьемъ». Ѣдемъ въ первомъ классѣ, но все-таки я чувствую, что не сама ѣду, а меня «везутъ», такъ же, какъ и арестантовъ въ прицѣпленномъ къ нашему поѣзду вагонѣ съ рѣшетчатыми окнами. На станціяхъ я наблюдаю, какъ конвойные солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ и съ такими же сѣрыми шинелями носятъ арестантамъ кипятокъ въ грязныхъ жестяныхъ чайникахъ. На нашей дорогѣ еще нѣтъ курьерскихъ поѣздовъ и потому ѣдемъ мы медленно и съ пересадками. Сейчасъ остановились на цѣлыхъ два часа на большой узловой станціи

Петръ Георгіевичъ, Катя и француженка отправились осматривать городъ, а я воспользовалась случаемъ, купила въ книжномъ шкафу «секретку» и пишу тебѣ, первому и единственному близкому душѣ моей человѣку. Отвѣчай «до востребованія» Т.»

Яркая радость разлилась по всему тѣлу Алеши. Онъ еще разъ прочиталъ письмо и подумалъ: «все великое просто, какъ въ математикѣ, такъ и въ жизни. Сама ѣдетъ поневолѣ, а еще успѣваетъ думать объ арестантахъ и обо мнѣ. Милая, святая»...

Опозданіе денегъ уже не сердило. Цѣлый вечеръ онъ посвятилъ на отвѣтъ Талѣ. Слова ложились негладко и были черезчуръ восторженные. Исписавъ цѣлыхъ восемь страницъ, Алеша остался ими недоволенъ и порвалъ письмо на мелкіе кусочки. Затѣмъ написалъ другое, всего въ десять строкъ, стараясь выражаться какъ можно проще и яснѣе. Запечатавъ его въ конвертъ, подумалъ:

«Вѣдь это *она меня передѣлываетъ*, даже издалека».

На слѣдующій день принесли почтовый переводъ, и въ три часа дня Алеша уже ѣхалъ въ автомобилѣ по направленію къ Симферополю. На вокзалѣ пришлось долго ожидать курьерскаго поѣзда, но это не злило.

Буфетчица приготовляла стаканы для чая и въ каждый изъ нихъ бросала по два кусочка сахару, и каждый звенѣлъ по своему. Получались правильно слѣдующіе одинъ за другимъ звуки, иногда диссонансы. Алешѣ пришло въ голову: «вотъ стаканы сдѣланы на одной фабрикѣ, изъ одного стекла, однимъ штампомъ, но каждый имѣетъ свой звукъ, и только очень рѣдко встрѣчаются поющіе въ унисонъ. Такъ и среди людей. Но мы съ Талей въ унисонъ... И какъ-то сразу это почувствовали и потому намъ не страшно ни Петра Георгіевича, ни Завойскаго, ни всѣхъ тѣхъ людей, которымъ она можетъ понравиться, но мысли которыхъ никогда не могутъ зазвенѣть въ унисонъ съ мыслями Тали».

Три часа ожиданія на вокзалѣ прошли не тяжело. Удалось и билетъ получить, и плацкарту на скорый поѣздъ. Въ купэ былъ всего одинъ пассажиръ, мирно спавшій подполковникъ. Мягко свѣтилъ голубой электрическій фонарь. Мягко было лежать на диванѣ, и хорошо думалось.

XI.

Въ Петербургъ поѣздъ пришелъ рано,—въ восемь часовъ. Длинное, грязное, туманное облако висѣло надъ черными трубами фабрикъ и семиэтажными домами. Сѣялъ дождь. Торговались и бранились извозчики у подъѣзда Николаевскаго вокзала. Мрачно опустивъ голову, стоялъ изваянный Трубецкимъ гигантскій конь. И такимъ же каменнымъ, неподвижнымъ, въ огромной медвѣжьей шапкѣ, казался старикъ-часовой, дворцовый гренадеръ, возлѣ памятника.

Но все это обрадовало Алешу и, казалось, безъ словъ обѣщало новую, очень интересную, а можетъ и счастливую жизнь. И какъ всегда при въѣздѣ въ Петербургъ, ему пришла въ голову мысль: «здѣсь нѣтъ неба, нѣтъ голубовато-зеленаго моря, нѣтъ горячаго солнца, но здѣсь грѣютъ искусство, наука и любовь, и люди думаютъ и чувствуютъ сильнѣе, хоть и погибаютъ скорѣе, но погибаютъ во имя чего-то огромнаго, трудно-выразимаго словами, необходимаго для счастья будущихъ поколѣній».

Обрадовался Алеша и своей комнатѣ и хозяйкѣ-старухѣ Хильдѣ Карловнѣ. Разбирая его вещи, она суетилась, трясла головой и говорила:

— Ай, ай, какой ви даровый тали, какой чорный, завсѣмъ, завсѣмъ ругой.

— Да, другой,—отвѣтилъ ей и самому себѣ Алеша.

Прежде всего онъ розыскалъ среди бумагъ жившаго въ Забайкальѣ доктора Рублева. Сѣлъ и написалъ: «Дорогой Миша, я сто лѣтъ молчалъ, зато сейчасъ сообщу нѣчто, весьма для тебя пріятное, отчего живущая въ тебѣ душа доктора Гааза возрадуется. Слушай, черезъ три-четыре недѣли на твое имя будутъ переведены нѣсколько сотъ, а можетъ и тысячъ рублей,—отъ кого, тебѣ это все равно,—деньги эти не украдены и не добыты грабежомъ. Такъ вотъ ты ими помоги сразу или послѣдовательно ссыльнымъ и свободнымъ людямъ, которые, по твоему, въ этомъ нуждаются. Деньги не мои, а потому воздержись отъ всякихъ благодарностей и сообщи, какъ ихъ послать: по почтѣ или черезъ банкъ, я думаю, лучше черезъ банкъ. Отвѣчай скорѣе».

Онъ самъ сдалъ это письмо заказнымъ на вокзалѣ и получивъ росписку, почувствовалъ себя веселымъ и счастливымъ.

Шелъ по Невскому и думалъ: «Таля — это аккумуляторъ

добра, которое такъ велико, что его хватитъ на долю даже тѣхъ, кто давно потерялъ всякую надежду на какую бы то ни было помощь. Таля скорѣе умреть, чѣмъ согласится на мѣщанское обыденное существованіе. Только я не дамъ ей умереть. Милая, святая,—на самомъ дѣлѣ святая».

Теперь нужно было, чтобы время до пріѣзда Тали прошло какъ можно скорѣе и незамѣтнѣе. Онъ зналъ, что единственное и вѣрное средство для этого—усиленная работа.

Алеша пошелъ къ единственному, когда-то близкому ему по духу человѣку, приватъ-доценту Бровко, и попросилъ его совѣта, какъ расположить матеріалъ, чтобы догнать пропущенное въ прошломъ году и держать экзаменъ въ этомъ же семестрѣ.

Испитой и молчаливый хохолъ Бровко, съ опущенными внизъ усами, былъ только на годъ старше Алеши, но уже горбился, и подъ глазами у него означались мѣшечки. Изъ всѣхъ понятій и словъ женскаго рода онъ выносилъ только одно: математика. Въ прошломъ году жизнь и дѣятельность этого молодого старика казались Алешѣ идеаломъ, а теперь безъ всякой видимой причины тотъ же Бровко показался ему только несчастнымъ, несчастнымъ... Тѣмъ не менѣе онъ записалъ его совѣты, какъ распредѣлить курсъ, и взялъ лекціи по аналитической геометріи.

Прежде жизнь по извѣстному расписанію представлялась Алешѣ необходимой. И тотъ день, въ который бывалъ законченъ какой-нибудь отдѣлъ, онъ считалъ радостнымъ. Теперь же радостными были тѣ дни, когда получались письма со штемпелемъ далекаго приволжскаго города, съ адресомъ, надписаннымъ крупнымъ, отчетливымъ, безъ всякихъ украшеній и хвостовъ почеркомъ.

Алешѣ приходилось и слышать, и читать, что въ первое время послѣ разлуки всѣ женщины пишутъ часто и длинно, а затѣмъ все рѣже и короче, и, наконецъ, умолкаютъ совсѣмъ. Таля писала сначала открытки и не чаще раза въ недѣлю, но къ концу августа отъ нея начали приходить письма въ большихъ, голубоватыхъ, изъ холщевой бумаги, конвертахъ. Самое длинное было отъ двадцать седьмого августа. Начиналось оно, безъ всякаго обращенія, такъ:

«Вчера у насъ было празднество, т. е. день моихъ именинъ. Наталіи бываютъ одинъ разъ въ году и, къ сожалѣнію, всѣ это знаютъ. Петръ Георгіевичъ, когда-то съ такимъ презрѣніемъ относившійся ко всѣмъ традиціямъ, упросилъ меня не отказывать гостямъ и въ добавокъ устроить нѣчто въ родѣ вечера. Утромъ онъ поднесъ мнѣ жемчужное ожерелье (завтра или

послѣзавтра оно будетъ продано вмѣстѣ съ брошкой). Когда я, наконецъ, согласилась на роль гостепріимной хозяйки, Петръ Георгіевичъ совсѣмъ расцвѣлъ. Онъ только улыбался и, зная меня, старался говорить поменьше. Но за то его глаза говорили: «зачѣмъ же ты корчила такую твердую въ своихъ убѣжденіяхъ женщину, а какъ только получила жемчугъ, такъ въ одну минуту стала моей единомышленницей,—продалась». Милый Алеша, можетъ, я ошибаюсь, можетъ, клевещу, но пусть Богъ проститъ мнѣ это. Можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ продалась, только этой цѣной я собираюсь себѣ купить свободу и и помочь людямъ, которые начали свою жизнь не такъ, какъ мы съ тобой... Тѣмъ не менѣе, продолжать такое существованіе дальше я органически не могу,—мнѣ стыдно. Чтобы спастись—всѣ средства хороши. До вчерашняго дня я даже какъ будто примирялась съ окружающей обстановкой и людьми. Но сегодня я прошу тебя, пришли мнѣ адресъ доктора Рублева, я знаю, вѣрнѣе, чувствую, что ты уже написалъ ему. Мнѣ не терпится. Двадцать шестого у насъ былъ обѣдъ, за которымъ пили мое здоровье, потомъ играли въ карты, а дамы сплетничали, затѣмъ былъ ужинъ и снова пили мое здоровье. Можетъ быть, потому сегодня я и чувствую себя такъ плохо; ужасная слабость, даже писать трудно. А вчера всѣ мужчины и женщины мнѣ льстили, я привѣтливо разговаривала со всѣми гостями и улыбалась. Вѣроятно, изъ меня могла бы выйти хорошая актриса,—потому что въ это время мнѣ хотѣлось спрятаться въ темную ванную, уткнуться лицомъ въ уголъ, и плакать, плакать... Но я улыбалась. Въ три часа гости разъѣхались, я усталая, шатающаяся, прошла къ себѣ въ спальню, раздѣлась и собиралась отдохнуть, но пришелъ все еще восторженный Петръ Георгіевичъ и вздумалъ предъявлять свои права... Алеша, какой ты счастливый, что не родился женщиной... Не стану тебѣ описывать того, что произошло дальше, потому что ты все равно не поймешь этого ужаса. Вотъ только поздно вечеромъ я настолько успокоилась, что могу сѣсть за письмо. Утромъ у меня шла кровь горломъ. Теперь уже инстинктъ самосохраненія мнѣ говоритъ, что нужно бѣжать и какъ можно скорѣе, но при одной мысли разстаться навсегда съ Катей, я вся холодѣю,—вѣдь она часть меня самой, и этого, Алеша, ты не поймешь... Завтра утромъ, если буду въ силахъ, поѣду къ одному ювелиру-армянину, а послѣзавтра переведу тебѣ деньги. До свиданія, мой хорошій, мой единственный близкій. Ты для меня и братъ, и отецъ, и мужъ. Устала я, ужасъ какъ устала! Т.».

Алеша еще два раза перечиталъ это письмо и легъ на постель. Заниматься въ этотъ день онъ уже не могъ и чувствовалъ, что не въ состояніи будетъ ничего дѣлать до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ точно, когда она пріѣдетъ. Цѣлыхъ четыре дня не было никакого извѣстія.

Онъ безцѣльно ѣздилъ на трамваяхъ, посѣщалъ музеи или сидѣлъ на верандѣ ресторана-поплавка за стаканомъ чая.

Погода вдругъ измѣнилась къ лучшему. Особенно хороши бывали вечера, когда вся вода въ Невѣ казалась розовой, а потомъ лиловой и загорались въ ней длинными, вибрирующими спиралями отраженія фонарей Троицкаго моста... Пробѣгали красные и зеленые огни фонарей финляндскихъ пароходиковъ, и въ гармоничныхъ аккордахъ сливались ихъ гудки съ фанфарами автомобилей. Мягко топали ноги лошадей по торцамъ набережной передъ воротами Лѣтняго сада... И все еще свѣтилось зеленоватыми пятнами небо надъ шпилемъ Петропавловской крѣпости. Пріятно было, что кругомъ люди, и всѣ незнакомые.

Четвертаго сентября почтальонъ принесъ два заказныхъ письма, первое отъ доктора Рублева, короткое:

«Милый Алеша, ужасно обрадовался вѣсточкѣ о тебѣ, обра-ся и за нашихъ несчастныхъ. Великое спасибо тому, кто со-ается имъ помочь. Сейчасъ, братъ, натуральная оспа здѣсь въ момъ разгарѣ и слѣдовало бы больничку устроить, хоть для дѣтей, а денегъ ни копѣйки. Не сегодня—завтра начнется настоящая зима, а много есть народу не только безъ полушубковъ, но и безъ сапогъ. Ждемъ. Мой фельдшеръ даже не вѣритъ... Прости, что не пишу больше. Времени у насъ такъ мало, какъ и денегъ. Адресъ вотъ какой...».

Алешѣ понравилось, что Рублевъ пишетъ: «мы», «насъ»,—значитъ о себѣ меньше всего думаетъ.

Во второмъ заказномъ былъ переводъ на полученіе въ Соединенномъ банкѣ шестисотъ рублей изъ того города, гдѣ жила Таля.

Алеша долго думалъ, почему денегъ только шестьсотъ рублей и почему нѣтъ никакой записочки. Въ эту ночь онъ долго не могъ уснуть, а подъ утро, когда забылся,—увидѣлъ Талю, блѣдную, всю въ крови, что-то шепчущую.

Онъ открылъ глаза и не могъ больше лежать. Быстро одѣлся и попросилъ Хильду Карловну сварить кофе. Ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и не могъ себѣ представить, какъ проведетъ день, если не получитъ письма. Когда финка принесла кофе, Алеша остановился и спросилъ:

— Слушайте, что значитъ видѣть во снѣ человѣка въ крови?

— Въ рови? Это знаситъ родной кто-то коро-коро ріѣдетъ, ратъ или мамаша, или невѣста... Та, та, та... Сто вы смѣетесь? Это равда...

Алеша дѣйствительно не могъ удержать улыбки. Удивительнѣе всего было, что эти исковерканныя, наивныя слова вдругъ успокоили его и даже обрадовали.

Настоящее письмо почталіонъ принесъ послѣ обѣда, оно было короче всѣхъпредыдущихъ, какъ телеграмма;

«Пріѣду десятаго утромъ. Не встрѣчай. Кажется, все уладилось. Разскажу сама. Крѣпко цѣлую. Таля».

XII.

Радость, какъ свѣжій воздухъ послѣ долгаго сидѣнія въ комнатѣ, вошла въ грудь Алеши. И все тѣло какъ будто стало крѣпче. Мысли пошли бодрѣе и предпріимчивѣе. Явилось желаніе хоть съ кѣмъ-нибудь, хоть немножко, не показывая всей своей души, подѣлиться этой радостью.

Алеша сѣлъ въ трамвай и поѣхалъ къ Бровко. Математикъ стоялъ передъ черной доской и, постукивая мѣломъ, что-то шепталъ; оглянулся, увидѣлъ гостя и махнулъ ему лѣвой рукой, чтобы онъ сѣлъ и обождалъ. Черезъ минуту онъ написалъ знакъ равенства, затѣмъ какую-то формулу съ тремя радикалами и двумя греческими буквами, положилъ мѣлъ и вытеръ носовымъ платкомъ руки, потомъ облизалъ пальцы.

— Здравствуйте, ну шо новаго?

— Да пока все хорошо. Вотъ на-дняхъ жду одну знакомую, умную и хорошую женщину.

— Шо она хорошая, это можетъ быть, а шо она умная, такъ это врядъ ли. Хотите чаю?—произнесъ ровнымъ голосомъ Бровко.

— Спасибо, выпью. Нѣтъ, она дѣйствительно умная, только ужъ очень несчастливая.

— О, видите, если бы она была умная, то конечно сумѣла бы свою жизнь сдѣлать счастливой. А то, значитъ...

— Ничего не значитъ.

— Нѣтъ, значитъ. Вообще не совѣтую интересоваться этими госпожами, а то вы знаете, математика тоже женскаго рода и, можетъ, потому такая и ревнивая... Я еще никогда въ своей жизни не видѣлъ ни одной дѣйствительно талантливой женщины.

Много сотъ ихъ окончило математическіе факультеты, а дѣйствительно серьезныхъ работъ и нѣтъ... Софья Ковалевская, Вѣра Шифъ, Надежда Гернетъ, это дѣйствительно таланты, а больше ни одной и не знаю. Ей-Богу, не знаю...

Все, что говорилъ въ этотъ день Бровко, не понравилось Алешѣ. Онъ наскоро выпилъ чай и такъ же торопливо попрощался.

— Вы на меня не сердитесь,—сказалъ ему вслѣдъ Бровко,—еще Тарасъ Бульба говорилъ Андрію: «не доведутъ, сынку, тебя бабы до добра», такъ и я вамъ говорю,—онѣ всѣ одинаковыя... Вы лучше купите себѣ курсъ анализа Іордана, да позубрите его поосновательнѣе, а иначе держать экзаменъ нечего и думать, все равно только оскандалитесь...

— Ну, хорошо, хорошо,—пробормоталъ Алеша.

И до самаго вечера онъ былъ сердитъ на самаго себя за то, что пошелъ къ хохлу. Чтобы не оставаться одному, онъ поѣхалъ на Невскій въ книжный магазинъ купить учебникъ варіаціоннаго исчисленія, но оказалось, что всѣ экземпляры распроданы.

— Къ четвергу мы вамъ можемъ достать,—сказалъ приказчикъ.

— Ну, хорошо. Тогда будьте добры, скажите по телефону.

Алеша написалъ на блокъ-нотѣ номеръ телефона на своей парадной лѣстницѣ, подалъ листочекъ приказчику и снова вышелъ на Невскій.

Тяжело и душно чувствовалось еще три дня. А десятаго сентября съ утра тошнило и дрожали руки. Хотѣлось поѣхать встрѣтить ее, но Алеша даже не зналъ, съ какимъ поѣздомъ и съ какого вокзала пріѣдетъ Таля,—могла и съ Царскосельскаго, могла и съ Николаевскаго, но не позже полудня. Алеша попробовалъ взять газету. Глаза читали, а голова не понимала.

Въ половинѣ одиннадцатаго пришелъ снизу швейцаръ и сказалъ:

— Господинъ Бобровъ, васъ просятъ къ телефону.

Алеша нехотя спустился по лѣстницѣ. Убѣжденный, что его зовутъ изъ книжнаго магазина, онъ взялъ трубку и произнесъ:

— Алло... Откуда?

— Изъ «N-ской Гостиницы». Сейчасъ съ вами будутъ говорить,—отвѣтилъ мужской голосъ и черезъ секунду прозвенѣлъ другой, женскій, какъ будто незнакомый:

— Это Алеша?

— Да.

— Я только что пріѣхала и остановилась въ «Сѣверной», жду тебя.

— Таля?

— Да.

— Какъ ты узнала номеръ моего телефона?

— Мальчикъ добился черезъ справочное. Ну, скорѣй, голубчикъ, пріѣзжай.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Извозчикъ ѣхалъ хорошо, но черезъ Литейный проходила похоронная процессія съ музыкой, съ блестящими эскадронами конногвардейцевъ, пѣхотой и артиллеріей. Пришлось обождать минутъ десять. Хотѣлось выскочить и побѣжать. Въ гостиницѣ онъ быстро поднялся по лѣстницѣ и наконецъ стукнулъ въ дверь номера девятнадцатаго.

— Войдите.

Отъ прежней Тали остались только голодные, вѣчно о чемъ-то спрашивающіе глаза. На впалыхъ щекахъ еще были видны слѣды загара. Подъ глазами легли темно-коричневые глубокіе круги. Проборъ на срединѣ головы, гладкая прическа на уши... Плечи какъ будто стали угловатыми и удлинились пальцы на рукахъ, и точно яснѣе сдѣлались на нихъ суставы. Сухія губы улыбались. Черезъ матерію еще не снятаго послѣ дороги капота чувствовалась худоба всего тѣла...

Молча обнялись. Алеша цѣловалъ ея лобъ, трепещущія рѣсницы, руки съ синими жилками и могъ только произнести:

— Голубчичекъ, голубчичекъ мой!..

Таля ласково отстранилась. На глазахъ у нея были слезы. Улыбнулась и сказала:

— Ну, сними же фуражку.

— Ахъ, да.

Онъ бросилъ фуражку на диванъ и заходилъ взадъ и впередъ по номеру. Обоимъ хотѣлось говорить и говорить и не знали съ чего начать. Алеша остановился возлѣ окна и, глядя на улицу, спросилъ:

— Съ вѣдома Петра Георгіевича уѣхала?

— Съ вѣдома. Подъ предлогомъ: къ докторамъ. Тѣмъ не менѣе, назадъ возвращаться не собираюсь.

— А съ Катей какъ?

— Сейчасъ ей не плохо. Пріѣхала мать Петра Георгіевича. Она очень ее любитъ. Дастъ Богъ и въ будущемъ не оставитъ Катю.

Отъ ея словъ «назадъ возвращаться не собираюсь» — вся душа Алеши радостно запѣла.

— Ну, а съ брошкой какъ?—спросилъ онъ.

Таля тряхнула головой и улыбнулась.

— Да скверно. Одинъ титулованный и какъ будто влюбленный въ меня господинъ посовѣтовалъ обратиться къ ювелиру-армянину. Сошлись на тысячѣ двухстахъ. Ювелиръ заставилъ меня выдать росписку на всю эту сумму. Я такъ и сдѣлала. Тогда онъ спряталъ росписку и вынесъ мнѣ шестьсотъ рублей и сказалъ, что остальныя деньги черезъ два дня. Я пріѣхала черезъ два дня. Армянинъ съ удивленіемъ заявилъ, что остальные шестьсотъ рублей получилъ еще вчера титулованный господинъ. Въ тотъ же день я встрѣтилась съ этимъ господинчикомъ, онъ нѣжно поцѣловалъ мнѣ руку и... только. И еще разъ онъ у насъ былъ, даже обѣдалъ. По его глазамъ я видѣла, что деньги онъ взялъ, но сказать объ этомъ мужу не рѣшилась. Поднялся страшный скандалъ и задержался бы мой отъѣздъ. Конечно, титулованный господинчикъ на это именно и расчитывалъ и не ошибся. Я махнула на все рукой. Ну, да это пустяки, у меня есть еще жемчугъ. Въ Петербургѣ мы сдѣлаемъ все это лучше. И брошку не слѣдовало тамъ продавать,—я сама виновата. Слушай, Алеша, я ужасно хочу ѣсть. Ты выйди... Я переодѣнусь,—до сихъ поръ не успѣла, слабость такая была послѣ дороги. А затѣмъ подымемся въ ресторанъ.

— Хорошо.

Алеша кивнулъ головой и вышелъ въ полутемный, устланный мягкими дорожками сводчатый коридоръ. Не было обидно, что Таля его стѣсняется. Сердце чуяло, что она уже вся его и пріѣхала сюда только для него. И если бы они не встрѣтились въ Евпаторіи, вѣроятно, осталась бы тамъ возлѣ нелюбимаго и возлѣ того, который могъ украсть шестьсотъ рублей, пользуясь безвыходностью ея положенія... Также было ясно, что она больна, очень больна, и никогда никого другого не полюбитъ, потому что жить ей осталось немного. И ужасъ отъ этой мысли переходилъ въ какую-то до слезъ страшную сладость. Алеша не слыхалъ своихъ шаговъ и не понималъ себя. На минуту остановился возлѣ двери ея номера. Черезъ матовое стекло была видна ея движущая фигура.

Гдѣ-то часы пробили два.

Алеша удивился, что такъ скоро пробѣжало время. Таля вышла въ гладкомъ темнозеленомъ шевіотовомъ платьѣ, улыбающаяся, но очень блѣдная.

— Дай мнѣ руку.

На первой площадкѣ она остановилась, отдышалась и спросила:

— Адресъ доктора Рублева узналъ?

— Узналъ.

— Это хорошо.

«Какъ она измѣнилась за одинъ мѣсяцъ... Что съ ней было? Только за одинъ мѣсяцъ!..»—мелькало въ головѣ Алеши.

Сѣли за колоннами въ нишѣ и спросили обычный завтракъ по карточкѣ. Подошелъ изящный метръ-д'отель въ длинномъ сюртукѣ и началъ говорить что-то о закускѣ.

— Нѣтъ, намъ ничего больше не нужно, вотъ дайте разсольникъ и телятину,—сказала Таля.

Въ ушахъ Алеши пріятнѣе всего прозвучало коротенькое слово «намъ».

Таля ѣла съ большимъ аппетитомъ. Алеша глядѣлъ на нее и не вѣрилъ, что они теперь будутъ всегда вдвоемъ.

Когда подали кофе, онъ спросилъ:

— Почему ты не хотѣла, чтобы я встрѣтилъ тебя на вокзалѣ?

— Такъ, боялась черезчуръ разволноваться.

Снова сошли внизъ въ номеръ. Заговорились и не замѣтили, какъ стало темно.

До этого дня еще никогда не было между ними такой искренности.

— Что ты такъ на меня смотришь? Я совсѣмъ не такъ больна, какъ это кажется по моей внѣшности. Это исхуданіе на нервной почвѣ. И ни къ какимъ докторамъ я не пойду, ни за что не пойду... Я жила въ полномъ комфортѣ и была свободна, а мнѣ казалось, что я въ одиночной камерѣ, до такой степени не съ кѣмъ было говорить. Петра Георгіевича иногда бывало жалко, а его матери, несмотря на всю ея доброту, я боялась... Боялась, что она сумѣетъ меня уговорить не ѣхать въ Петербургъ. Но она женщина и, вѣроятно, поняла меня. И когда я стала собираться, ничего не возразила противъ, даже совѣтовала полѣчиться. Какъ это ни странно, но откровенна я бывала только съ Катей. И мнѣ легче стало, гораздо легче, когда Катя однажды сказала, когда мы были однѣ:

— Ты, мамочка, поѣзжай къ Алешѣ, тогда будешь веселая.

— Ее никто не могъ научить этому. Любовь ко мнѣ научила. Она теперь рада за меня, я это знаю. Вообще дѣти замѣчательно набюдательны, и кто называетъ ихъ маленькими дурачками,—самъ ничего не способенъ видѣть. Одинъ настоящій, большой писатель и чудесный человѣкъ, съ которымъ я познакомилась въ

Москвѣ, часто говорилъ: «Кто не любитъ дѣтей и цвѣтовъ, тотъ почти навѣрное негодяй», это правда, Алеша. Знаешь, вотъ мы съ тобой однолѣтки, а ты еще ребенокъ въ сравненіи со мной, и можетъ быть потому я такъ тебя и полюбила. Женщина всегда старше... Знаешь, когда я только поняла, что люблю тебя и тебя одного? Не въ Евпаторіи, нѣтъ, а тогда, когда пароходъ снялся съ якоря. Дѣлала надъ собой огромныя усилія, чтобы не расплакаться въ присутствіи мужа. Ты чистый, Алеша...

— Нѣтъ,—вырвалось у него.

— Какъ нѣтъ?

— А такъ, былъ случай, когда я любовался твоимъ тѣломъ, когда велъ себя не лучше, чѣмъ какой-нибудь Завойскій,—сказалъ Алеша и съ ужасомъ подумалъ: «А вдругъ она за это почувствуетъ ко мнѣ презрѣніе? Пусть... Но теперь солгать ей, скрыть отъ нея я уже ничего не могу».

— Когда? — спросила Таля и недовѣрчиво покосилась на него.

Алеша разсказалъ о томъ случаѣ, когда онъ очутился въ пустой купальнѣ, затѣмъ видѣлъ ее всю и какъ, точно Завойскій, притаился и не заявилъ о своемъ присутствіи.

Таля едва замѣтно улыбнулась.

— Нѣтъ, Алеша, это не грязь, и даже не то, что сдѣлалъ Завойскій. Ты вѣдь шелъ туда не съ цѣлью подглядывать и подслушивать, а это совсѣмъ другое дѣло...

— Ну, и слава Богу, что ты поняла.

— Кто любитъ, тотъ все понимаетъ. Я знаю тебя больше, чѣмъ ты самъ себя.

Офиціантъ принесъ подносъ съ самоваромъ, ветчину, хлѣбъ и масло.

Таля снова ѣла съ большимъ аппетитомъ и спросила еще цѣлую бутылку молока.

Пока лакей былъ въ комнатѣ, Алеша отошелъ къ окну и глядѣлъ на мигавшіе внизу разноцвѣтные огни трамваевъ, поднялъ голову и увидѣлъ на освѣщенномъ циферблатѣ вокзала, что уже одиннадцать часовъ вечера.

Еще разъ вошелъ офиціантъ, поставилъ бутылку на столъ, поглядѣлъ на Алешу и безшумно скрылся.

Говорить уже не хотѣлось. Сидѣли на диванѣ рядомъ, онъ держалъ руку Тали и тихо гладилъ ея холодную, гладкую ладонь.

Оба не знали, что у нихъ впереди, что будетъ завтра, и кто они такіе другъ для друга, но не боялись будущаго.

— Отчего ты сталъ вдругъ грустный?—спросила Таля.

Алеша дернулъ плечомъ.

— Не хочется уходить.

— Такъ и не уходи, совсѣмъ не уходи. Все равно, вѣдь я навсегда и только твоя.

Что-то сладко сжало горло Алеши, не то никогда еще неизвѣданная спазма, не то обѣ ея худыя, еще не отгорѣвшія послѣ крымскаго солнца, нѣжныя руки...

Слышно было, какъ на площади гудятъ трамваи.

XIII.

Въ десять часовъ утра Таля еще спала. Алеша, уже одѣтый, не двигаясь, сидѣлъ въ креслѣ и глядѣлъ на ея, казалось, еще больше похудѣвшее, но и еще похорошѣвшее лицо. Хотѣлось понять себя и свое огромное счастье. Но ясно было только одно, что все пережитое въ эту ночь не стыдно и не гадко, потому что ихъ соединила не одна страсть, а желаніе уйти отъ нелѣпости того существованія, которое было раньше и у него, и у этой, какъ ему казалось, нерядовой и несовременной, прекраснѣйшей женщины.

«Мы не виноваты, мы не виноваты, думалъ Алеша, если ей мало быть только матерью и женой городского головы и если мнѣ мало одной математики. Что теряется въ скорости, то выигрывается въ силѣ. До двадцати шести лѣтъ я жилъ, какъ трава въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, было мнѣ холодно, и медленно тянулся я къ свѣту... И наконецъ взошло мое солнце, горячее и ласковое. Теперь выросту быстро и буду годенъ не только для того, чтобы надо мною подсмѣивались торгаши-братья, неумный Завойскій и, невидящій ничего дальше своей черной доски, Бровко».

Таля подняла голову, зажмурилась, снова открыла глаза и улыбнулась.

— Знаешь, сейчасъ я была увѣрена, что все это мнѣ приснилось.

Послѣ завтрака поѣхали на Невскій продавать ожерелье. Ювелиръ оцѣнилъ его въ семь тысячъ. Затѣмъ поглядѣлъ на показавшійся ему слишкомъ скромнымъ костюмъ Тали и сказалъ: что купитъ жемчугъ только тогда, если она предъявитъ ему свой паспортъ.

Таля засмѣялась.

Пришлось снова вернуться въ гостиницу и затѣмъ писать очень длинную расписку.

Получивъ деньги, они отправились на Островъ къ Алешѣ, гдѣ нужно было взять адресъ доктора Рублева. Отворившая ему дверь Хильда Карловна была очень удивлена.

— Да у тебя отличная комната, совсѣмъ не студенческая,— сказала Таля и сѣла на мягкій диванъ. — Я немножко устала, дай мнѣ воды.

— Я пью только чай, но я сейчасъ принесу.

Алеша побѣжалъ къ хозяйкѣ.

Финка налила стаканъ отварной воды и съ очень серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ произнесла:

— Вотъ вы тогда меня прашивали, что знаситъ ровь, вотъ родной ріѣхаль.

— Больше, чѣмъ родной,—произнесъ Алеша и понесъ стаканъ.

Таля жадно выпила всю воду, поглядѣла на другую заколоченную дверь и спросила:

— А тамъ кто?

— Тамъ двѣ курсистки, у нихъ тоже большая комната, но кажется немножко дороговата, и онѣ собираются ее оставить, такъ мнѣ хозяйка говорила.

— Вотъ и отлично, я эту комнату и возьму.

«Значитъ, все великое и важное въ жизни человѣка на самомъ дѣлѣ совершается очень просто», подумалъ Алеша и поглядѣлъ на Талю. Она была очень блѣдна. Алеша предложилъ отложить переводъ денегъ до завтра.

— Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно сегодня. Я сама не знаю, почему мнѣ хочется это сдѣлать сейчасъ, сію минуту, ужасно хочется. Ты понимаешь, что эти деньги жгутъ меня, вѣдь это цѣна моего позора. Петръ Георгіевичъ глубоко убѣжденъ, что если я была его фактической женой еще цѣлый мѣсяцъ, то это потому, что онъ купилъ меня этими вещами, но я не продажная. Я хочу все сдѣлать сейчасъ-же. Да, кстати, Петръ Георгіевичъ говорилъ, что это ожерелье стоитъ десять тысячъ. Солгалъ, значитъ. Ну, да Богъ съ нимъ. Знаешь что? Вотъ ты заговорилъ о курсисткахъ. Пока мы на островѣ,—давай заѣдемъ на Бестужевскіе и я внесу тысячу рублей. Тамъ, кажется, въ полугодіе полагается пятьдесятъ рублей, значитъ за двадцать бѣднѣйшихъ курсистокъ. «Отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ», какъ пишутъ въ газетахъ, а шесть тысячъ шестьсотъ рублей переведемъ черезъ банкъ Рублеву. Хорошо?

— Конечно, хорошо. Ты удивительная.

— Ничего не удивительная. Я уже тебѣ говорила, что во

всю свою жизнь, кажется, ни одному бѣдному человѣку и пятачка не подарила, а сама въ автомобиляхъ ѣздила. Это я свой долгъ отдаю. Я знаю, что все, что я сегодня дѣлаю, со стороны можетъ показаться очень наивнымъ, эксцентричнымъ и сентиментальнымъ, но это не такъ. Это даже не альтруизмъ, я прежде всего удовлетворяю свой голодъ...

Она помолчала и добавила:

— И свою месть. Алешечка, ѣдемъ, милый. Это мой первый счастливый день, понимаешь ты, во всей жизни первый... Что хочу, то и дѣлаю!..

И на курсахъ, и въ банкѣ пришлось пробыть гораздо дольше, чѣмъ это казалось необходимымъ. Спускаясь по лѣстницѣ изъ банка, Таля какъ-то судорожно прижалась къ рукѣ Алеши, — вцѣпилась въ нее пальцами. Въ гостиницѣ, входя въ лифтъ, она сказала:

— Мнѣ немножко нехорошо, но я полежу, и все пройдетъ. Это нервное.

Таля быстро сняла шляпу и легла на кровать.

— Не бойся, сказала она. Это пустяки. За то, какъ великолѣпно на душѣ... Позвони и скажи, чтобы намъ принесли обѣдъ въ номеръ... Дай мнѣ со стола носовой платокъ... Дай вод...

Она поперхнулась.

Бѣлая наволока подушки возлѣ ея губъ вдругъ заалѣла все увеличивающимся краснымъ пятномъ.

Алеша почувствовалъ, что у него самого отъ страха кружится голова. Сдѣлавъ усиліе, онъ бросился къ графину съ водой, затѣмъ къ постели.

Таля приподнялась, обняла его за плечо и выплюнула сгустокъ крови на коверъ.

Ея лобъ совсѣмъ побѣлѣлъ и сталъ, какъ будто, больше. Она вздохнула, улыбнулась и сказала хриплымъ шопотомъ:

— Это ничего, это со мной уже два раза было, тамъ, у него... Скажи, чтобы дали льду.

Но кровь снова хлынула и помѣшала ей договорить.

Алеша вдругъ овладѣлъ собой, подошелъ къ двери и позвонилъ. Когда принесли ледъ, кровь уже не шла. Таля лежала на спинѣ. Едва замѣтно дышала. Была она въ это время дѣйствительно похожа на святую, точно съ картины Нестерова. Горничная убрала коверъ и вымыла кипяткомъ паркетъ. Когда она ушла, Алеша осторожно пододвинулъ кресло къ самой кровати и сѣлъ. Голова не въ силахъ была думать, только глаза

слѣдили за каждымъ движеніемъ темныхъ, длинныхъ рѣсницъ Тали. Наконецъ она сдѣлала движеніе рукой. Алеша нагнулся.

— Пусть дадутъ стаканъ сливокъ и коньяку,—прошептали ея неестественно-красныя губы.

Алеша скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ. Снова позвонилъ, вернулся и тихо сказалъ:

— Таля, голубчичекъ, за докторомъ нужно послать.

Она едва замѣтно отрицательно пошевелила головой.

Къ шести часамъ вечера ей стало легче. Горничная перемѣнила подушку. Таля съ удовольствіемъ выпила чашку бульону и съѣла котлетку. Алеша снова началъ упрашивать.

— Ну, позволь съѣздить за докторомъ... Ну, я вызову его по телефону. Есть такой Николай Павловичъ Холодовъ, онъ лѣчилъ меня отъ воспаленія легкихъ,—онъ спеціалистъ... Талантливый человѣкъ... Ну, сдѣлай это, если не ради себя, то ради меня.

— Хорошо. Только пусть сейчасъ пріѣзжаетъ, а то я лягу спать.

По дорогѣ къ телефону, въ коридорѣ Алешу встрѣтилъ какой-то человѣкъ лакейскаго типа и сказалъ:

— Извините, господинъ. Позвольте васъ спросить, вы и сегодня здѣсь будете ночевать?

— Да, а вамъ что,—отвѣтилъ Алеша и покраснѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ нуженъ вашъ видъ на жительство, а затѣмъ позвольте вамъ доложить, что больныхъ мы держать не можемъ...

У Алеши заныло въ колѣняхъ, захотѣлось закричать на этого субъекта и схватить его за шиворотъ, но онъ сдержалъ себя и коротко отвѣтилъ:

— Все будетъ, все будетъ! Я иду къ телефону.

Доктора Холодова удалось вызвать сейчасъ-же.

Возвращаясь въ номеръ, Алеша пошатывался. Мысль о томъ, что жизнь Тали въ опасности, покрывала всѣ остальныя. Мерещилось: «вотъ оно счастье—показалось и уйдетъ, и погибнетъ она возлѣ самаго берега, но тогда и я съ ней»...

Въ нижнемъ коридорѣ Алеша вдругъ вспомнилъ о паспортѣ, бѣгомъ спустился въ швейцарскую, написалъ записочку Хильдѣ Карловнѣ и отправилъ съ посыльнымъ на Васильевскій.

Докторъ Холодовъ вошелъ почему-то въ пальто, съ какимъ-то огромнымъ портфелемъ подъ рукой, онъ тяжело дышалъ; видно было, что спѣшилъ. Ласково поздоровался, погладилъ свою рыжую бородку, снялъ наконецъ пальто, шаркая ногами, при-

близился къ креслу и сѣлъ. Затѣмъ началъ разспрашивать, въ чемъ дѣло. Онъ пожалѣлъ, что окровавленныя подушки и коврикъ уже убраны, досталъ изъ кармана стетоскопъ и началъ его свинчивать.

— А мнѣ, можетъ быть, уйти?—спросилъ Алеша.

— Какъ хотите... Хотя, пожалуй, лучше уйти.

Таля относилась къ разспросамъ доктора равнодушно. Ея глаза говорили: «все равно ничего не измѣнится»...

Стоя за дверью съ матовымъ стекломъ, Алеша видѣлъ, какъ наклонился надъ постелью докторъ. Было мучительно отъ сознанія, что другой человѣкъ прикасается къ ея тѣлу, и въ то же время до боли стыдно было своей ревности.

Когда онъ вошелъ, Таля уже застегивалась. Докторъ сидѣлъ въ креслѣ. Взглядъ у него былъ тревожный. Искусственно-равнодушно онъ сказалъ:

— Да, правое легкое не совсѣмъ въ порядкѣ, тѣмъ не менѣе безъ анализа мокроты ничего утверждать нельзя. Кровь могла быть и застойнаго происхожденія.

Докторъ повернулся къ Талѣ.

— Не приходилось-ли вамъ въ послѣднее время переживать какихъ-нибудь несчастій или крупныхъ волненій?

— Приходилось,—коротко отвѣтила она однѣми губами.

— Вотъ, вотъ... Это видно... Пока я могу посовѣтовать вамъ только хорошее питаніе и абсолютный покой. А затѣмъ, если хотите, я могу вамъ устроить консультацію у профессора С., только къ нему нужно являться непремѣнно съ анализомъ мокроты,—это вамъ сдѣлаютъ въ любой аптекѣ.

Докторъ Холодовъ сначала почему-то вздумалъ отказываться отъ гонорара, но потомъ взялъ маленькій золотой и надѣлъ пальто. Точно извиняясь, онъ сказалъ, что спѣшитъ домой, потому что у него боленъ шестилѣтній сынъ Павлюня, замѣчательный художникъ. Кажется, докторъ хотѣлъ вынуть изъ портфеля и показать рисунки сына, но потомъ раздумалъ, снова взялъ портфель подмышку и попрощался.

— Я вамъ позвоню по телефону,—сказалъ Алеша.

— Пожалуйста, пожалуйста, можно во всякое время, даже ночью.

Въ коридорѣ Алеша спросилъ доктора:

— Скажите, ея положеніе очень опасно?

— Нуженъ полный покой,—все время лежать.

Въ его словахъ Алеша услыхалъ грустную, фальшивую нотку.

Холодовъ еще разъ поклонился и, шаркая ногами, быстро пошелъ по коридору.

Алеша вернулся.

— Никому изъ нихъ я не вѣрю. И анализа дѣлать не буду,—капризно сказала Таля.

«Не нужно ей противорѣчить», подумалъ Алеша. Она передохнула, повела глазами и снова заговорила, тихо, тихо:

— Единственно чего бы я хотѣла... это поскорѣе переѣхать на Островъ въ ту комнату. Эти лакеи и горничныя уже начинаютъ меня раздражать, какъ и шумъ трамваевъ на площади...

— Что-жъ, я думаю, завтра или послѣзавтра можно и переѣхать...

Снова помолчали. Таля улыбнулась и заговорила громче:

— Ты, Алеша, струсилъ, а я нѣтъ... увидишь, что черезъ недѣлю я уже буду здорова. Въ этотъ разъ крови вышло очень мало. Мнѣ только досадно, что я сегодня-же не могу написать Петру Георгіевичу, ужасно досадно.

«Ей вредно много говорить», снова подумалъ Алеша. «Я поѣду на Васильевскій Островъ подъ предлогомъ переговорить съ хозяйкой, да и въ самомъ дѣлѣ поговорю, а Таля въ это время отдохнетъ».

Онъ сказалъ объ этомъ вслухъ.

— Хорошо, поѣзжай. Потомъ добавила тише: Милый, поцѣлуй меня.

Алеша сѣлъ на кровать, склонился къ Талѣ и какъ можно осторожнѣе приникъ къ ея холоднымъ губамъ. Тихо гладилъ ее по волосамъ. На секунду она отвела свое лицо и прошептала:

— Прижмись крѣпче, мнѣ холодно... Ну, вотъ такъ... Теперь поѣзжай.

Когда онъ надѣлъ пальто, Таля снова поманила его рукой и, точно извиняясь, добавила:

— Алешечка, вѣдь это мой первый, дѣйствительно, счастливый день. Въ немъ... сконцентрировалась вся моя жизнь. Мнѣ сладко и страшно. Я уже возлѣ берега. Только ты не бойся за мое здоровье. Теперь увидишь, какъ я скоро поправлюсь.

«Нельзя ей такъ много говорить», мелькнуло въ головѣ Алеши. Онъ отошелъ, взялъ фуражку и уже стоя у дверей съ волненіемъ произнесъ:

— И мой первый...

На улицѣ стало немножко досадно, зачѣмъ онъ отправилъ за паспортомъ посыльнаго, съ которымъ навѣрно разминется.

Хильда Карловна очень обрадовалась, когда узнала, что у нея будетъ богатая и постоянная квартирантка. Женскимъ чутьемъ она уже угадала, *кто* эта квартирантка для Алеши. Ее немного встревожилъ приходъ посыльнаго за паспортомъ, но услышавъ, зачѣмъ это было нужно, она сейчасъ же успокоилась. Затворяя двери, она, съ едва замѣтной улыбкой, снова повторила:

— Помните, я вамъ говорила, сто знаситъ видѣть ровь...

Алеша вдругъ припомнилъ свой сонъ, о которомъ уже забылъ, и тупой суевѣрный ужасъ шевельнулся въ его груди. Неудержимо потянуло, сейчасъ-же, сію секунду въ гостинницу. Но въ то же время казалось необходимымъ, чтобы Таля какъ можно дольше побыла совсѣмъ одна, не разговаривала и не волновалась. Алеша рѣшилъ возвращаться назадъ не на извозчикѣ, а въ трамваѣ, чтобы дольше протянулось время. Такъ и сдѣлалъ. Смотрѣлъ на входящихъ и выходящихъ людей, немножко отвлекся и успокоился. Но не могъ удержаться, когда вагонъ остановился, и выскочилъ преждевременно, не дождавшись, пока трамвай остановится возлѣ гостинницы.

Алеша почти побѣжалъ по панели. Не глядя ни на кого, задыхаясь, онъ поднялся по лѣстницѣ. Въ коридорѣ возлѣ номера Тали стоялъ толстый швейцаръ, затѣмъ тотъ господинъ, который напоминалъ о паспортѣ, околоточный надзиратель и посыльный. Посыльный размахивалъ руками и говорилъ:

— Я стукнулся къ нимъ разъ, потомъ обождалъ, опять стукнулъ... Ну, я такъ подумалъ, что онѣ спятъ, а тутъ бѣжитъ горничная дѣвушка, я говорю ей: «Даша, возьми вотъ пачпортъ и отдай девятнадцатымъ, когда проснутся», а Даша отвѣчаетъ: «да онѣ не спятъ. Да, говоритъ, не спятъ и дверь не заперта. Взяла у меня изъ рукъ пачпортъ, вошла, а потомъ назадъ, говоритъ, — барыня помираетъ... Тутъ управляющему, онъ за докторомъ, и я заглянулъ туда, т. е. въ номеръ, а тамъ кровищи, кровищи... Я такъ полагалъ, что это студентъ ее прикончилъ. Да... а сама съ лица бѣлая, бѣлая...»

Алеша слушалъ и не понималъ, потомъ сразу бросился къ дверямъ номера, но полицейскій загородилъ ему дорогу и спросилъ:

— Вы кто будете этой дамѣ?

— Я... а... знакомый ея, пролепеталъ Алеша.

— Ахъ, только знакомый, въ такомъ случаѣ я не могу вамъ разрѣшить войти туда,—эта дама скончалась...—Вотъ когда принесутъ гробъ, тогда только и въ моемъ присутствіи можете, потому что комната должна быть опечатана.

Весь коридоръ сталъ блѣдно-зеленымъ. Алеша покачнулся и грузно повалился на руки посыльнаго.

Онъ открылъ глаза уже внизу, въ конторѣ гостинницы. Сильный запахъ нашатырнаго спирта и мокрый холодъ на головѣ, кожаный диванчикъ, черезчуръ спокойное лицо какого-то господина, вѣроятно, доктора, все это снова спуталось и расплылось въ головѣ.

— Откройте окно, сказалъ чей-то голосъ.

Затѣмъ Алеша точно проснулся, сѣлъ на кожаномъ диванчикѣ, осмотрѣлся и все понялъ. Докторъ подалъ ему рюмку съ какими-то непріятно-пахнущими каплями. Онъ машинально сдѣлалъ глотокъ и, цокая зубами, поставилъ рюмку на столъ. Машинально вынулъ изъ кармана носовой платокъ и вытеръ имъ голову и лобъ.

Затѣмъ докторъ ушелъ, и явился помощникъ пристава вмѣстѣ съ околодочнымъ, который не пускалъ Алешу въ номеръ. Приставъ очень вѣжливо и очень подробно началъ разспрашивать о Талѣ и ея мужѣ. Прежде всего попросилъ сообщить ему точный адресъ мужа, но Алеша могъ только сообщить названіе города и сказалъ, что Петръ Георгіевичъ городской голова.

— Этого съ насъ совершенно достаточно. Скажите, у васъ есть деньги на срочную телеграмму господину Волжину?

— Есть.

— Можетъ быть, найдется и на гробъ и на расходы по выносу? Я думаю, лучше всего будетъ, послѣ оффиціальнаго осмотра тѣла, до пріѣзда мужа, поставить покойницу въ часовнѣ при N-ской церкви. Мы долго не задержимъ. Докторъ уже сказалъ, что признаковъ насильственной смерти не имѣется. Я только составлю протоколъ... Выпейте воды, выпейте воды...

— Да, н-нѣтъ, не нужно, я ничего... я спокоенъ,—отвѣтилъ Алеша, стараясь сдержать свою вдругъ запрыгавшую нижнюю челюсть.

— А скажите, госпожа Волжина пріѣхала въ Петербургъ прямо изъ дому или откуда нибудь изъ другого города?

— Изъ дому.

— Такъ значитъ, вы говорите, что у васъ деньги на гробъ найдутся? Тутъ хорошая погребальная контора есть близко... Найдутся?—переспросилъ помощникъ пристава и вынулъ изъ кармана серебряный портсигаръ.

Слова «погребальная контора» опять точно сдавили виски и горло Алеши. Онъ хотѣлъ отвѣтить: «найдутся», но произнесъ:

— Возлѣ берега, возлѣ самаго берега...

Помощникъ пристава съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, закурилъ папиросу и вышелъ изъ конторы.

Борисъ Лазаревскій.

* * *

Вы мнѣ писали: «Я приду,
Когда на листья брызнетъ осень,
И неба ласковая просинь
Блеснетъ сквозь золото въ саду».
Вы мнѣ писали: «Я приду».

На землю каплетъ бронза съ кленовъ.
Листва, какъ пурпуръ, у балконовъ.
Раскрылись астры... Садъ въ бреду.
Садъ умираетъ...
Я васъ жду.

Зинаида Тулубъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Н. Г. Чернышевскій. Оцѣнка общественнаго положенія 1855—1861 годовъ въ Россіи.

I.

Въ тиши и въ шумѣ кабинета—а въ кабинетѣ Чернышевскаго, при постоянномъ притокѣ новыхъ молодыхъ слушателей и собесѣдниковъ, становилось все болѣе и болѣе шумно—были выработаны цѣлые отдѣлы новаго философскаго и историческаго міропониманія, и заготовлены отвѣты на многіе частные практическіе запросы русской современности. Пробѣловъ въ новой системѣ общихъ взглядовъ было немало, но всетаки разработанныя части ученія о мірѣ и о призваніи человѣка были подогнаны другъ къ другу и согласованы довольно умѣло. Матеріализмъ, какъ ученіе о «началахъ», матеріализмъ, не слишкомъ строгій и не особенно глубокій; радикализмъ въ религіи, съ замѣною Бога человѣкомъ; утилитарная нравственность, съ рѣзкимъ оттѣненіемъ индивидуалистическаго принципа; эстетика на повседневной службѣ чисто реальныхъ житейскихъ явленій; наконецъ, цѣлая теорія прогресса, отказывающаяся разсуждать о всякихъ «конечныхъ» цѣляхъ бытія и не признающая за историческимъ процессомъ никакой цѣны, пока народныя массы не станутъ въ немъ главной руководящей силой—всѣ эти отдѣльныя области единаго знанія были искусно спаяны и объединены послѣдовательно проведенной, всѣмъ доступной мыслью и проникнуты единымъ настроеніемъ—что для того времени было, пожалуй, самое главное. Будь Чернышевскій

мыслитель по преимуществу—въ стилѣ людей сороковыхъ годовъ,—онъ могъ-бы дѣломъ всей своей жизни избрать теоретическое оправданіе всѣхъ этихъ, для Россіи столь новыхъ взглядовъ, и, принимая во вниманіе силу его теоретической мысли, можно съ увѣренностью сказать, что въ его лицѣ мы имѣли-бы перваго русскаго философа и историка—эмпирика, позитивиста по методу, съ явнымъ склоненіемъ къ матеріалистическому истолкованію историческаго процесса. Онъ могъ-бы расчистить дорогу и поставить крѣпкія вѣхи для той позитивной философской мысли, которая возобладала у насъ въ 70-хъ годахъ и, при большомъ числѣ послѣдователей средней силы, не имѣла, за исключеніемъ Лесевича, почти ни одного крупнаго представителя. Но не для этой роли строителя системы былъ рожденъ Чернышевскій. По натурѣ своей онъ былъ практикъ и въ тѣсномъ смыслѣ слова дѣятель. Какъ только вчернѣ набросанная система была закруглена и какъ только она стала предметомъ вѣры, онъ пересталъ думать о дальнѣйшемъ подкрѣпленіи ея теоретической части и все вниманіе свое сосредоточилъ на тѣхъ практическихъ выводахъ, какими могла бы воспользоваться непосредственно сама жизнь и, конечно, прежде всего, жизнь русская. Вѣдь для нея собственно была продѣлана вся эта трудная работа мысли, хотя она совершалась во имя безкорыстной истины, родина которой—вся вселенная. Но понятіе о вселенной, о которой русскій интеллигентъ—будь онъ мыслитель, художникъ или критикъ,—въ недавнемъ прошломъ думалъ такъ много, въ мысляхъ Чернышевскаго суживалось очень быстро. И ради русскихъ дѣлъ, дѣлъ будничныхъ, Чернышевскій поспѣшилъ покинуть свои философскія высоты, полагая, что тѣ скрижали новаго ученія, которыя онъ приносилъ съ этихъ вершинъ, вполнѣ довлѣютъ и ему самому, какъ вождю, и тѣмъ, кто за нимъ слѣдовалъ.

Должна была начаться новая работа и притомъ такая, плоды которой могли бы быть видимы самимъ работникамъ. Хотѣлось не только сѣять, но и наблюдать за всходами... а были и такія пылкія сердца, которымъ грезилось, что можно дождаться и жатвы.

II.

Работу надъ чисто практическими вопросами русской жизни Чернышевскій началъ очень рано, какъ только стало возможнымъ обсужденіе этихъ вопросовъ въ печати. Въ собраніи со-

чиненій Чернышевскаго статьи о нуждахъ текущаго дня занимаютъ бо́льшую половину. Крестьянскій вопросъ во всѣхъ его даже мелкихъ деталяхъ, вопросы финансовые и торгово-промышленные, откупная система, народное школьное дѣло, ближайшія задачи культурнаго развитія страны вообще—оставались очередной темой статей и замѣтокъ. Могла ли, однако, удовлетворить писателя такая работа? До извѣстной степени, конечно,—да, такъ какъ Чернышевскій не могъ не чувствовать самъ той силы, какую онъ въ этихъ статьяхъ развертывалъ; зналъ онъ и о томъ бо́льшомъ впечатлѣніи, какое его слова производили на рядового читателя, и иной разъ на читателя власть имущаго. Но съ другой стороны, именно сознаніе своей силы, а также и увѣренность въ своей правотѣ должны были постоянно повышать въ немъ чувство недовольства и неудовлетворенности. Считалась ли жизнь съ его работой? Легко представить себѣ съ полной ясностью психическое состояніе передового публициста, торопящаго наступленіе новой жизни, среди жизни косной, которая сама отнюдь торопиться не желала, среди людей властныхъ, которые боялись наступленія порядковъ, ими же самими признанныхъ желательными, и, наконецъ, среди огромнаго числа людей сильныхъ, которые были заинтересованы въ томъ, чтобы старую жизнь гальванизировать какъ можно дольше. Чернышевскому, по времени нашему первому типичному публицисту, было совсѣмъ незнакомо то чувство, которымъ потомъ обогатилась такъ прочно психика русскаго писателя: а именно — чувство вынужденнаго злобнаго смиренія передъ молчащей жизнью и апатичнымъ или непроницаемымъ читателемъ. Съ этимъ чувствомъ у позднѣйшаго, обстрѣленнаго публициста всегда могло быть связано сознаніе исполненнаго долга и невозможности претендовать на бо́льшее; и какъ бы велико ни было разочарованіе писателя, онъ, не сердясь на себя, могъ, высказавшись, считать свое дѣло сдѣланнымъ. Чернышевскій и его поколѣніе не испытывали такого въ своемъ родѣ успокоительнаго чувства; они могли надѣяться, что жизнь и тѣ, кто ею руководитъ, немедленно учтутъ ихъ помыслы и слова; и когда они увидѣли, что эти слова и помыслы совсѣмъ не учитываются, они могли сказать себѣ, что, очевидно, словъ недостаточно, и за словами должно слѣдовать нѣчто другое.

Блестящая, полная словесныхъ побѣдъ публицистическая дѣятельность не могла, такимъ образомъ, удовлетворить Чернышевскаго, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ себя совсѣмъ «новымъ» человѣкомъ. Ни за кѣмъ онъ не шелъ; онъ пролагалъ совершенно новый путь; онъ приносилъ съ собой новые взгляды,

идущіе во всѣхъ самыхъ существенныхъ вопросахъ жизни и духа въ разрѣзъ съ господствовавшими. Онъ могъ думать, что такая новизна, какія бы она ни встрѣчала противорѣчія, должна произвести большое впечатлѣніе и заставить съ собой считаться. Чѣмъ болѣе сильнымъ и оригинальнымъ онъ сознавалъ себя, тѣмъ, конечно, большаго онъ ожидалъ отъ своей дѣятельности. Ожиданія эти оправдывались лишь въ одномъ: росло число его единомышленниковъ—людей молодыхъ, только что вступавшихъ въ жизнь и надъ ней пока никакой власти не имѣющихъ. Сама же жизнь текла по старому, невозмутимо спокойная, полная лишь очень смутныхъ обѣщаній. Положимъ, хладнокровное историческое размышленіе могло-бы убѣдить Чернышевскаго въ томъ, что все новое растетъ и зрѣетъ крайне медленно; но вѣдь онъ самъ откровенно признался, что надо «обладать особой натурой, чтобы, желая чего-нибудь страстно, умѣть терпѣливо выжидать». Такой натурой онъ не обладалъ и счесть свои слова завершеніемъ намѣченнаго дѣла онъ не могъ.

Но въ какихъ же очертаніяхъ могло ему рисоваться это ближайшее и нужное дѣло? Выработка новаго типа интеллигента, его вооруженіе новыми идеями, согласными съ послѣдними словами науки, было несомнѣнно дѣломъ, какъ и разработка въ печати очередныхъ практическихъ вопросовъ текущей минуты; но ни то, ни другое дѣло на ходѣ самой жизни повидимому не отражалось, а темпераментъ писателя, да и весь его нравственный и умственный составъ требовалъ такого непосредственнаго отраженія.

Искомое дѣло должно было идти на пользу не отдѣльныхъ личностей, какъ бы велика ни была предстоящая имъ работа, а на пользу всей страны и преимущественно, конечно, народной массы. Чтобы такое дѣло не ограничивалось одними словами, необходимо было поставить его подъ охрану какой-нибудь общественной силы, которая была бы настолько значительна и могущественна, чтобы обезпечить за этимъ дѣломъ побѣду.

Мы знаемъ, какъ Чернышевскій оцѣнивалъ такія общественныя силы, на которыя можно было бы опереться при проведеніи въ жизнь прогрессивныхъ направленій. Въ его общихъ взглядахъ на ходъ прогресса соотношеніе этихъ общественныхъ силъ было опредѣлено точно. Теперь, когда общія положенія, добытыя наблюденіемъ надъ исторической жизнью человѣчества вообще, надо было примѣнить къ русскимъ дѣламъ—надлежало общіе выводы провѣрить на фактахъ отечественной жизни и убѣдиться въ томъ, что русская дѣйствительность не вноситъ ни-

чего новаго въ установленную общую формулу. А эта общая формула, мы помнимъ, была очень точная и ясная: изъ всѣхъ общественныхъ силъ—одна лишь сила народной массы дѣйствительно сильна, и одна лишь она способна дать жизни истинно прогрессивное направленіе, приближая жизнь къ идеалу соціалистическаго общежитія.

Но прежде чѣмъ начать производить оцѣнку общественныхъ силъ, имѣющихся на лицо въ Россіи, надо было установить, что Россія въ міровой исторіи не представляетъ собой исключенія и что къ ней примѣнимы тѣ же законы историческаго развитія, которые управляютъ судьбами иныхъ странъ. Надлежало такъ или иначе сосчитаться съ доктриной славянофиловъ, которая въ 1855—1861 годахъ дала новые, довольно сильные побѣги.

III.

Можно было ожидать, что Чернышевскій вступитъ съ славянофилами въ детальную и частую полемику. Славянофилы были единственной идейной партіей, которая на вопросъ: въ чемъ сущность историческаго процесса въ Россіи, каковъ желанный для нея государственный и общественный строй, и въ чемъ ея міровая миссія—имѣла опредѣленный отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ рѣзко расходился со взглядами Чернышевскаго и, конечно, вполнѣ заслуживалъ строгаго обсужденія, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ новаго царствованія количество славянофильскихъ органовъ стало множиться. Чернышевскій уклонился, однако, отъ всякой полемики, отъ всякаго спора по существу и ограничился лишь категорическимъ сужденіемъ, и то не о главныхъ основоположеніяхъ несогласнаго съ нимъ ученія. Быть можетъ, нежеланіе спорить о томъ, что не должно быть предметомъ спора и можетъ рѣшаться лишь вѣрою; быть можетъ, признаніе излишнимъ такого спора, въ которомъ по цензурнымъ условіямъ нельзя свободно высказаться о самыхъ существенныхъ догмахъ противника; быть можетъ, наконецъ, нежеланіе ссориться съ людьми, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть использованы какъ союзники—но только Чернышевскій весьма неохотно говорилъ на эту тогда достаточно ходкую тему. Ходъ мыслей его по этому вопросу былъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующій: всѣ основоположенія славянофильской доктрины настолько ненаучны и произвольны, что разсуждать о нихъ нѣтъ нужды; но необходимо отмѣтить, что это ученіе во многихъ своихъ деталяхъ, касающихся чисто практи-

ческихъ сторонъ жизни, заслуживаетъ полнаго признанія. «Нельзя, конечно, думать, чтобы славянофильство, въ какомъ бы видѣ ни являлось оно, могло пріобрѣсть многихъ приверженцевъ—оно слишкомъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ и положительнымъ потребностямъ русскаго общества. Но все-таки въ немъ, если разсматривать его въ лучшихъ его представителяхъ, нѣтъ ничего антипатичнаго. Оно—заблужденіе, но заблужденіе, могущее имѣть очень благородный характеръ и соединяться со многими прекрасными элементами». «Оспаривать мнѣнія славянофиловъ о древней Руси нѣтъ нужды, мнѣнія эти находятъ себѣ такъ много противниковъ и такъ мало защитниковъ, что вовсе нѣтъ надобности сильно огорчаться ошибками, въ которыя впадаютъ славянофилы при этомъ случаѣ; ошибки эти безвредны, потому что не находятъ себѣ сочувствія въ обществѣ. Между славянофилами и огромнымъ большинствомъ образованныхъ людей, отвергающихъ славянофильскія идеи о русскомъ воззрѣніи, существуютъ, помимо раздорнаго пункта, точки сходства во мнѣніяхъ, согласія въ желаніяхъ... Ошибаясь во многомъ и важномъ, они о важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросахъ жизни (потому что есть въ жизни нѣчто важнѣе отвлеченныхъ понятій) думаютъ правдиво и благородно. Образъ мыслей, называемый славянофильствомъ, заслуживаетъ если не полнаго одобренія, то оправданія и даже сочувствія, и есть частные вопросы, о которыхъ славянофилы думаютъ справедливѣе нежели многіе изъ такъ называемыхъ западниковъ... У славянофиловъ есть нѣчто важнѣйшее и лучшее, нежели идеи о русскомъ воззрѣніи... И какъ бы ни заблуждались въ своихъ понятіяхъ о до-петровской Руси люди, въ настоящемъ одобряющіе только то, что дѣйствительно достойно одобренія и желающіе всѣхъ тѣхъ улучшеній, какихъ долженъ желать образованный человѣкъ — мы почли бы такихъ людей въ сущности добрыми, потому что дѣйствительныя стремленія относительно настоящихъ дѣлъ важнѣе всякихъ отвлеченныхъ мечтаній о достоинствахъ и недостаткахъ отдаленнаго прошедшаго. Лучшіе люди славянофильской партіи—люди съ горячею преданностью своимъ убѣжденіямъ: ужъ этимъ однимъ они полезны въ нашемъ обществѣ, самый общій недостатокъ въ которомъ—не какія-нибудь ошибочныя понятія, а отсутствіе всякихъ понятій; не какія-нибудь ложныя увлеченія, а слабость всякихъ умственныхъ и нравственныхъ влеченій». «Изъ элементовъ, входящихъ въ славянофильскую систему, многіе положительно одинаковы съ идеями, до которыхъ достигла наука или къ которымъ привелъ лучшихъ людей исто-

рическій опытъ въ Западной Европѣ. Безпристрастный человѣкъ долженъ назвать предубѣжденіемъ мнѣніе, будто славянофилы враждебны европейскому просвѣщенію. Но то правда, что они не считаютъ слишкомъ завиднымъ нынѣшнее положеніе народной жизни въ Западной Европѣ. А когда мы подумаемъ о томъ, до какой степени у многихъ изъ такъ называемыхъ западниковъ темны еще понятія о томъ, что хорошо и что дурно въ Европѣ, и какъ до сихъ поръ очень многимъ кажется лучшимъ именно то самое, что есть худшаго въ Европѣ, то должны будемъ признаться, что критика европейскаго быта, которую славянофилы, прямо или черезъ вторыя руки заимствуютъ изъ лучшихъ современныхъ писателей, далеко не безполезна для очищенія нашихъ понятій о Европѣ. Конечно, эта критика соединяется, проходя черезъ уста славянофиловъ, съ примѣсями чуждыми, иногда прямо враждебными ея духу, — но мы настолько увѣрены въ здравомъ смыслѣ русскаго племени, мало расположеннаго къ отвлеченнымъ фантазіямъ, что эти примѣси внушаютъ намъ довольно мало опасенія. Здравый смыслъ и тактъ дѣйствительности, которымъ очень сильны русскіе, довольно легко отличаетъ фантастическую примѣсь отъ фактовъ. Притомъ же примѣси, особенно любимыя многими изъ славянофиловъ, выбраны ими изъ круга чувствъ, которыя очень антипатичны русскому характеру. Ни заоблачныя мечтанія, ни самохвальство не въ характерѣ у русскаго человѣка».

Такъ мягко и ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрежительно и свысока судилъ Чернышевскій о славянофильствѣ. Онъ давалъ ясно понять, что отвергаетъ всѣ религіозные и національные устои ученія и не желаетъ о нихъ разговаривать, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скупился на комплименты, желая увѣрить славянофиловъ въ томъ, что они вполнѣ благомыслящіе и полезные люди, когда въ мысляхъ и въ поступкахъ бываютъ съ нимъ согласны. Этотъ покровительственный и благожелательный тонъ оставался довольно ровнымъ во всѣхъ статьяхъ Чернышевскаго и принималъ лишь болѣе рѣзкій оттѣнокъ тогда, когда рѣчь заходила о призваніи Россіи, и объ ея исторической миссіи. Такія «заоблачныя мечтанія» казались Чернышевскому порожденіемъ именно того «самохвальства, которое не въ характерѣ русскаго человѣка». Къ миссіи Россіи среди славянскихъ народовъ Чернышевскій относился отрицательно. «Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго и, пожалуй, политическаго бытія подъ сѣнію могущественныхъ крылъ русскаго

орла—вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи. Такъ говорятъ славянофилы, но намъ кажется, что у могущественнаго русскаго орла очень много своихъ домашнихъ русскихъ дѣлъ. У насъ на рукахъ очень важныя внутреннія реформы, не оставляющія намъ ни времени, ни средствъ впутываться въ чужія дѣла. Да и что въ сущности мы теперь могли бы дать славянамъ для упроченія ихъ культуры и развитія ихъ политической жизни? Не изъ особеннаго расположенія къ австрійскимъ нѣмцамъ, а изъ заботливости о судьбѣ самихъ славянъ мы находимъ, что они должны разсчитывать исключительно на свои силы для произведенія улучшеній въ своемъ бытѣ».

Мечтать о томъ, чтобы облагодѣтельствовать Европу у насъ еще меньше основаній.

Въ разговорахъ на эту тему Чернышевскій былъ всего менѣе любезенъ съ славянофилами. Сопоставляя порядки западные и русскіе, онъ съ ироніей говорилъ по адресу своихъ противниковъ. «Люди, которые скорбятъ о томъ, что наше общество, наше просвѣщеніе и т. д. какъ двѣ капли воды походятъ на западное общество, западное просвѣщеніе и т. д., оскорбляются фактами, рѣшительно созданными ихъ воображеніемъ. Если бы мы раздѣляли ихъ понятіе, мы, напротивъ, повсюду видѣли бы поводъ къ радости: сходства между нами и западомъ пока еще не замѣтно ни въ чемъ, если хорошенько вникнуть въ сущность дѣла. И при такомъ несходствѣ, которое, конечно, не въ нашу пользу, мы хотимъ считать себя призванными нынѣ сказать западу нѣчто новое и придти ему чѣмъ-то на помощь!!». Когда такая гордая мысль гнѣздится въ головахъ славянофильскихъ, то можно улыбнуться и промолчать, но гордыня заразительна и случается, что она туманитъ голову и совсѣмъ не славянофильскую. Въ извѣстной статьѣ «О причинахъ паденія Рима» («Современникъ», 1861, май)—статьѣ, надѣлавшей много шума—Чернышевскій свелъ по этому вопросу свои счеты съ Герценомъ, который, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, уставшій въ борьбѣ со скептическимъ складомъ собственнаго ума и разочарованный въ западныхъ порядкахъ, позволилъ себѣ, по примѣру славянофиловъ, помечтать о великомъ призваніи Россіи, идущей на выручку своимъ просчитавшимся и сбившимся съ дороги учителямъ и старшимъ братьямъ.

«Разоблаченіе ошибочнаго взгляда на вопросъ ветхой старины—писалъ Чернышевскій съ нескрываемымъ раздраженіемъ—представляется дѣломъ довольно важнымъ для очищенія само-

хвальныхъ и, къ счастію, пустыхъ мыслей о нѣкоторыхъ живыхъ отношеніяхъ. Мы говоримъ не о славянофилахъ. Если бы спорить приходилось лишь противъ нихъ, не стоило бы спорить, потому что они малочисленны, но славянофильство лишь послѣдовательная, развитая форма чувства, проглядывающаго, къ сожалѣнію, даже у многихъ изъ людей, имѣющихъ вліяніе на мысли всей публики (подразумѣвается Герценъ). Всмотритесь хорошенько въ самаго заклятаго западника—онъ часто оказывается славянофиломъ. Мы далеко не восхищаемся нынѣшнимъ состояніемъ западной Европы; но всетаки полагаемъ, что нечѣмъ ей позаимствоваться отъ насъ. Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ (т. е. принципъ общиннаго землевладѣнія), нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы (т. е. къ соціалистическому строю), то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... У Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники. Кромѣ общиннаго землевладѣнія невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощью. Мы тутъ говоримъ, разумѣется, не о славянофилахъ; у славянофиловъ зрѣніе такого особеннаго устройства, что на какую у насъ дрянь ни посмотрятъ они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и пригодной для оживленія умирающей Европы... Мы говоримъ не о такихъ людяхъ, мы говоримъ не про чудаковъ, а про людей, разсуждающихъ по обыкновенному человѣческому смыслу... Европа гораздо лучше насъ понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какими способами вводить. Значитъ, оживлять намъ ее ровно ужъ нечѣмъ. Нечего намъ и хлопотать объ этомъ, она своими силами умѣетъ дѣлать что ей угодно, и своихъ силъ довольно у ней на все, что ей нужно дѣлать».

Итакъ, трудный и запутанный вопросъ рѣшенъ, повидимому, очень просто и ясно. Думать, что судьбы Россіи должны сложиться иначе, чѣмъ судьбы иныхъ народовъ—нѣтъ основанія. Никто намъ не запрещаетъ, конечно, мечтать объ особыхъ русскихъ народныхъ началахъ и ставить эти начала подъ непосред-

ственную охрану Божьяго промысла; мы можемъ восхищаться коренными добродѣтелями русскаго національнаго характера, выработанными самобытно, въ старыя времена, когда мы съ Западомъ не общались; мы можемъ ласкать себя гордой мыслью о томъ, что наступитъ время, когда нашъ образъ мыслей и наши нравственныя качества вернутъ истлѣвающій Западъ къ жизни; всю эту роскошь мечты мы можемъ себѣ позволить, рискуя остаться въ поражающемъ меньшинствѣ, безъ всякаго вліянія на общественное мнѣніе. Человѣкъ, здраво смотрящій на вещи, человѣкъ науки не захочетъ считаться съ такими мечтаніями. Онъ не станетъ закрывать глаза на недостатки жизни на Западѣ, но согласится, что въ нашей жизни недостатковъ несравненно больше; онъ признàетъ, что намъ, какъ и нашимъ западнымъ сосѣдямъ, предназначенъ единый общій путь развитія; что, вступивъ на этотъ путь, одни народы могутъ опережать другихъ или отставать, могутъ нуждаться во взаимной провѣркѣ и взаимной помощи, могутъ сообща дѣлать одно великое дѣло, не становясь другъ къ другу въ положеніе промотавшагося къ спасителю, или наоборотъ. Человѣкъ, усвоившій такой разумный взглядъ на совмѣстное движеніе народовъ къ желанной цѣли, къ болѣе совершенной и справедливой жизни, не станетъ въ трудную минуту возлагать свои надежды на помощь какихъ-то таинственныхъ силъ, отъ человѣка независящихъ, не будетъ уповать на какія-нибудь особенныя, полутаинственыя силы народнаго ума и характера, которыя совсѣмъ нежданнымъ образомъ разрѣшатъ всѣ трудности. Человѣкъ трезвой науки, ссылаясь на историческій опытъ всего человѣчества, постарается къ рѣшенію стоящаго передъ нимъ вопроса примѣнить общій методъ разсужденія и разработки.

Такъ и поступилъ Чернышевскій, когда ему надлежало отвѣтить на вопросъ: какое же «дѣло» должно слѣдовать за словами и на какія наличныя общественныя силы въ Россіи можно опереться, если рѣшено будетъ приступить къ этому «дѣлу». Къ одной цѣли и по одному пути, хотя и не въ ногу и не параллельно движутся и Россія, и Западъ. Какимъ же общественнымъ силамъ можно въ Россіи довѣрить руководство этимъ движеніемъ?

IV.

О правительственной власти, объ ея ближайшихъ сотрудникахъ и вообще о классѣ чиновномъ и дворянскомъ, т. е. о тѣхъ силахъ, отъ соглашенія которыхъ зависѣлъ въ данный моментъ

новый курсъ русской государственной и общественной жизни— Чернышевскій избѣгалъ говорить, хотя сужденіе его объ этихъ силахъ было вполнѣ опредѣленное.

Что онъ избѣгалъ разсуждать на эту тему въ печати—вполнѣ понятно. Живи онъ, какъ Герценъ, за границей и имѣй онъ въ своемъ распоряженіи свободный станокъ, онъ могъ дать волю своему восторгу (если бы таковымъ его душа была охвачена) при томъ или иномъ прогрессивномъ шагѣ или обѣщающемъ словѣ правительства; и онъ могъ, въ случаѣ, если бы такое обѣщаніе не сбылось и шагъ оказался бы ретроградымъ—дать также волю и своему негодованію. Но свободой слова Чернышевскій не располагалъ и потому молчалъ, чтобы не показаться одностороннимъ въ своемъ сужденіи.

Правительство, впрочемъ, вообще никогда не настраивало Чернышевскаго ни восторженно, ни даже радостно. Онъ былъ полонъ недовѣрія, и это недовѣріе родилось въ немъ очень рано, еще въ годы его юности. Поворотъ правительства на новый путь Чернышевскій считалъ въ гораздо большей степени вынужденнымъ, чѣмъ добровольнымъ; людей, которые принялись за реформаторскую работу, онъ зналъ хорошо и не вѣрилъ въ ихъ перерожденіе. Психологъ и историкъ, онъ понималъ, что люди, выросшіе въ извѣстныхъ условіяхъ и привычкахъ, со сложившимся за долгіе годы складомъ ума, способны въ извѣстныхъ случаяхъ на поступки, идущіе, повидимому, въ разрѣзъ съ ихъ недавнимъ образомъ мыслей, но, конечно, не способны полюбить то, что такъ долго ненавидѣли, или начать ненавидѣть то, что такъ долго любили. Чернышевскій, когда ему приходилось говорить о правительствахъ, настаивалъ на томъ, что всякое правительство всегда идетъ на встрѣчу потребностямъ времени лишь изъ-подъ палки; до послѣдней минуты затягиваетъ всякую уступку; въ любой моментъ готово взять назадъ то, что дано и всегда боится, какъ бы разумный его поступокъ не былъ истолкованъ какъ слабость или послабленіе, почему и старается, чтобы никогда ни одинъ изъ такихъ разумныхъ поступковъ не принесъ той пользы, какую онъ принести можетъ.

Чернышевскому было не трудно разцвѣтить эту мысль многими примѣрами изъ современной ему политической жизни въ Пруссіи, Франціи и Италіи. О русскихъ порядкахъ говорить откровенно не приходилось, но, несомнѣнно, что эти порядки не могли заставить Чернышевскаго смотрѣть иначе на дѣло. И онъ оказался правъ въ своемъ недовѣріи къ власти. Пусть такого недовѣрія и не заслуживали нѣкоторыя отдѣльныя лица, трудившіяся,

*

съ царемъ во главѣ, надъ начертаніемъ реформы и ея проведеніемъ въ жизнь—но общій ходъ всѣхъ реформъ царствованія Александра II оправдалъ опасенія Чернышевскаго: реформы всегда давали minimum того, что нужно было, и всегда вслѣдъ за реформами слѣдовали ихъ ограниченія, продиктованныя боязнью оказаться уступчивымъ или слабымъ.

Разсчитывать на помощь правительства и его чиновныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ преобразованія русской жизни въ томъ духѣ, какой Чернышевскому казался желаннымъ и исторически необходимымъ—было, по его глубокому убѣжденію, невозможно. Правительственная сила, вынужденная повернуть руль, дала все, что она могла дать, и въ дальнѣйшемъ, на какія бы новыя уступки она ни пошла, она должна была — въ силу укоренившихся традицій, стать во враждебное отношеніе къ тому движенію, которое началось повидимому съ ея согласія.

Съ такимъ же недовѣріемъ, если не съ бо̀льшимъ, относился Чернышевскій и къ русскому дворянству—этой второй по своему значенію силѣ, управлявшей ходомъ нашей внутренней жизни тѣхъ годовъ. Въ данномъ случаѣ Чернышевскій былъ не совсѣмъ справедливъ, часто забывая и о тѣхъ дворянахъ, которые съ конца XVIII вѣка приняли на себя всю тяжесть борьбы съ побѣдоносной и неуступчивой дѣйствительностью, и о тѣхъ изъ ихъ единомышленниковъ, которые въ его время отдавали свой талантъ и свои нравственныя силы въ услуженіе народу и готовы были на всяческія уступки и матеріальныя жертвы. Мало считаясь съ присутствіемъ такихъ лицъ въ дворянской средѣ, хотя и вспоминая о нихъ при случаѣ, Чернышевскій произнесъ суровое осужденіе всему сословію.

Онъ съ юныхъ лѣтъ былъ враждебно настроенъ противъ всякой аристократіи, и въ первые же годы своей литературной дѣятельности (1858), сталъ отчитывать дворянство и грозить ему. Воспользовавшись тѣмъ смѣшнымъ положеніемъ, въ какое попалъ герой повѣсти Тургенева «Ася»—безвольный неврастеникъ изъ дворянъ — Чернышевскій далъ полный ходъ своей демократической ироніи и раздраженію на всю среду, которая воспитываетъ такіе экземпляры. «Мы не имѣемъ чести быть его родственниками—писалъ онъ; между нашими семьями существовала даже не любовь, потому что его семья презирала всѣхъ намъ близкихъ; но мы не можемъ еще оторваться отъ предубѣжденій, набившихся въ нашу голову изъ ложныхъ книгъ и уроковъ, которыми воспитана и загублена наша молодость. Намъ все кажется, будто онъ (читай: дворянство) оказалъ какіе-то

услуги нашему обществу, будто онъ представитель нашего просвѣщенія, будто онъ лучшій между нами; это мнѣніе о немъ пустая мечта; есть люди лучше его, именно тѣ, которыхъ онъ обижаетъ. Безъ него нынѣ было бы лучше жить... Теперь приближается (для дворянъ) рѣшительная минута, которою опредѣлится на вѣки ихъ судьба... Мы все еще хотимъ полагать ихъ способными къ пониманію совершившагося вокругъ нихъ и надъ ними, хотимъ думать, что они способны послѣдовать мудрому увѣщанію голоса, желающаго спасти ихъ, и потому мы хотимъ дать имъ указаніе, какъ имъ избавиться отъ бѣдъ, неизбѣжныхъ для людей, не умѣющихъ во время сообразить своего положенія. Мы скажемъ имъ: для васъ, хотя быть можетъ и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, такъ счастливо, что единственно отъ вашей воли зависитъ ваша судьба въ рѣшительный мигъ. Поймете ли вы требованіе времени—вотъ въ чемъ для васъ вопросъ о счастіи или несчастіи на вѣки. Воспользуйтесь остающимся у васъ днемъ; предложите мировую вашему противнику (читай: крестьянству); онъ еще не знаетъ, какъ безотлагательна необходимость рѣшенія тяжбы между вами; теперь онъ еще согласится на полюбовную сдѣлку, которая будетъ очень выгодна для васъ и въ денежномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что ею вы пріобрѣтете имя человѣка снисходительнаго, великодушнаго, который какъ будто-бы самъ почувствовалъ голосъ совѣсти и человѣчности. Постарайтесь кончить тяжбу полюбовной сдѣлкой... Вспомните слова Евангелія: «старайся примириться съ твоимъ противникомъ, пока еще не дошли вы съ нимъ до суда, а иначе... не выйдешь ты изъ темницы, пока не расплатишься за все до послѣдней мелочи».

Какимъ судомъ грозилъ Чернышевскій дворянству? Конечно, не судомъ коронным. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Чернышевскій въ романѣ «Прологъ» вспоминалъ о тѣхъ годахъ, когда дворянство сводило свои первые счеты съ крестьянствомъ. Кромѣ словъ остраго негодованія и осужденія, онъ не нашелъ, что сказать по адресу первенствующаго сословія. Онъ изобразилъ дворянъ радующимися, когда имъ стало ясно, «что они могутъ безопасно оттягивать освобожденіе крестьянъ и тянуть его такъ, что и конца не будетъ проволочкамъ». Онъ признался, что никогда не любилъ дворянство и что, если бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему, то потому, что «жалкихъ рабовъ» ненавидѣть невозможно. «Ему становилось противно смотрѣть на этихъ людей, которые останутся безнаказанны и безубыточны—безубыточны во всѣхъ своихъ, заграбленныхъ у

народа доходахъ [1]), безнаказанны за всѣ угнетенія и злодѣйства. Ему было противно, обидно за справедливость, и онъ опускалъ нахмуренные глаза къ землѣ, чтобы не видѣть враговъ народа, вредить которымъ онъ былъ безсиленъ».

Не будемъ разбираться въ вопросѣ, насколько Чернышевскій былъ правъ въ такой огульной оцѣнкѣ умственныхъ и душевныхъ качествъ русскаго дворянства. Этотъ суровый судъ, съ его поспѣшнымъ обобщеніемъ имѣетъ для насъ значеніе постольку, поскольку онъ указываетъ на полное отрицаніе за дворянствомъ какой либо прогрессивной роли.

Ни правительственная власть, ни чиновничество, ни высшее сословіе, какъ общественныя силы, не могутъ служить союзниками въ предстоящей работѣ. Они нехотя кое-что сдѣлали, но отнынѣ станутъ врагами этого дѣла, и главной заботой ихъ будетъ стремленіе «устоять на скалѣ, и не дать коснуться ея тѣмъ волнамъ беззаконія, которыя восторжествовали на всемъ западѣ».

V.

Приходилось искать иного союзника. Быть можетъ, либеральные элементы, которые повидимому имѣлись въ Россіи въ достаточномъ количествѣ, могли служить нѣкоторой опорой? Въ какой мѣрѣ можно было расчитывать на интеллигенцію благомыслящую и не сторонящуюся отъ политической борьбы?

Интеллигента, какъ личность, вооруженную знаніемъ и энергіей, Чернышевскій цѣнилъ очень высоко. Всю свою ученую, публицистическую и литературную дѣятельность онъ посвятилъ выработкѣ новаго типа интеллигента, который, опираясь на народную массу и солидарный съ нею во взглядахъ, долженъ содѣйствовать побѣдѣ самыхъ широкихъ демократическихъ идеаловъ. Но такой интеллигентъ можетъ составить общественную силу лишь въ будущемъ, когда онъ станетъ настолько многочисленъ, чтобы вліять на общество и воспитывать его; когда сложится при его участіи новое общественное мнѣніе и когда это общество и его мнѣніе, съ своей стороны, будутъ способствовать созданію сильныхъ личностей.

Въ настоящую минуту наличныя силы русской интеллигенціи ничтожны. Если на западѣ «образованное общество составляетъ

[1]) «Они не имѣютъ права ни на грошъ вознагражденія; а имѣютъ ли право хоть на одинъ вершокъ земли въ русской странѣ, это должно быть рѣшено волею народа»

незамѣтную каплю въ морѣ населенія», какъ же можно говорить о какой-нибудь силѣ интеллигенціи у насъ, въ настоящую минуту (1855—1861)? Тотъ интеллигентъ, который нуженъ—его можно пересчитать по пальцамъ, а тотъ, который имѣется на лицо—для новаго дѣла не годенъ.

Какую общественную силу можетъ собой представить образованный классъ, воспитанный при старомъ режимѣ и страдающій «безсвязностью и внутренней разладицей въ сужденіяхъ»? Даже, если сбросить со счетовъ все огромное большинство ни къ какому живому дѣлу не пригодныхъ интеллигентовъ, то и малый остатокъ какъ будто-бы цѣнныхъ личностей—врядъ-ли можетъ быть использованъ для новаго дѣла. О типичныхъ консерваторахъ, неуступчивыхъ сторонникахъ существующаго, о представителяхъ власти и ихъ союзникахъ, владѣльцахъ большихъ и малыхъ помѣстій, говорить не стоитъ: интеллигенты этого покроя — сила враждебная прогрессу. Благомыслящіе консерваторы славянофильскаго типа—тѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть очень полезны, но число ихъ ничтожно, да, наконецъ, вся основа ихъ ученія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть согласована съ тѣми принципами идейными и практическими, на которыхъ русская жизнь въ будущемъ должна быть построена. Остаются одни только западники, «либералы»—союзъ съ которыми повидимому продиктованъ самой необходимостью.

Слово «либералъ» было въ устахъ Чернышевскаго чуть не браннымъ именемъ. «Для насъ нѣтъ лучшей забавы, какъ либерализмъ—признавался онъ однажды;—такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ-нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними». И Чернышевскій часто разрѣшалъ себѣ такую потѣху. Глумиться надъ русскими «либералами» въ печати было несовсѣмъ удобно, такъ какъ всего, что о нихъ думаешь, сказать было нельзя изъ опасенія раздражить не столько самихъ либераловъ, сколько ихъ противниковъ, да и, кромѣ того, нѣкоторые русскіе либералы, какъ бы плохи они ни были, были всетаки если не прямые союзники, то благожелательные сосѣди. А посему гнѣвъ на либерализмъ всего удобнѣе было излить по поводу событій иностранныхъ, не въ отдѣлѣ «внутреннихъ дѣлъ», а въ отдѣлѣ «Политики». Статьи Чернышевскаго по исторіи Европы въ XIX вѣкѣ и его обзоры иностранной политической жизни, дѣйствительно, переполнены выходками противъ либераловъ всѣхъ странъ, преимущественно либераловъ французскихъ. Имена, очень дорогія для нашихъ людей сороковыхъ годовъ, развѣнчаны и унижены. «Что такое знаменитый либерализмъ,

за который особенно прославлялись знаменитости въ родѣ Кузена, Тьера, Гизо [1])—спрашивалъ Чернышевскій.—Событія обнаружили пустоту и рѣшительную безполезность этого либерализма, хлопотавшаго только объ отвлеченныхъ правахъ, а не о благѣ народа, самое понятіе о которомъ оставалось ему чуждо. У лучшихъ проповѣдниковъ его это было легкомысленное заблужденіе относительно истинныхъ потребностей націи; другіе пользовались этимъ такъ называемымъ либерализмомъ какъ приманкою для привлеченія націи въ свою удочку—и для чего нужно было имъ привлечь націю, оказалось потомъ, когда они успѣли захватить власть: они искали власти для того, чтобы набить себѣ карманы». «Они не заботились о нуждахъ народной массы и тогда, когда они, казалось, готовы были о нихъ позаботиться; они въ рѣшительную минуту оказывались трусами или въ лучшемъ случаѣ мечтателями, которые любили вѣрить и восхищаться». «Всѣ эти люди—Токвиль, Фоше, Гизо, Маколей и тому подобные господа—люди такъ называемаго умѣреннаго и спокойнаго прогресса, иначе сказать люди, которымъ застой гораздо милѣе всякаго смѣлаго историческаго движенія». «Иногда человѣка за блестящія фразы считаютъ либераломъ, какъ напримѣръ Тьера, и не хотятъ видѣть, что ему любъ произволъ и что консерватизмъ его доходитъ до реакціонности. Всего обиднѣе, когда ученые и писатели записываются въ либеральный лагерь, когда они, какъ напр. Маколей, «доказываютъ, что демократическія учрежденія вообще вредны, вредны по своей сущности», или, какъ Токвиль, «не умѣютъ разобраться въ историческомъ вопросѣ, путаются и, будучи «страшными либералами», пишутъ противъ свободы книгопечатанья, не могутъ себѣ представить законнаго хода дѣлъ иначе, какъ въ бюрократическихъ формахъ, и слишкомъ откровенно выкладываютъ передъ нами сумбурную нескладицу своихъ мыслей»,

Такъ легкомысленно и наскоро «отдѣлывать» западныхъ либераловъ, не считаясь съ исторической перспективой и не желая стать на ихъ точку зрѣнія—можно было лишь въ пылу полемики, и притомъ не съ этими дѣятелями и учеными, а съ анонимными «либералами» русскими. Противъ нихъ собственно и написаны всѣ эти филиппики, направленныя по адресу запада.

Сводить счеты съ русскими либералами Чернышевскому приходилось не столько въ печати, сколько въ частныхъ бесѣ-

---

[1]) Къ нимъ позднѣе онъ добавилъ имена Маколея и въ особенности Токвиля, къ которому относился съ особеннымъ ожесточеніемъ, вѣроятно, въ виду его успѣха у русскаго «либеральнаго» читателя.

дахъ съ близкими людьми. Ясные слѣды этихъ разговоровъ остались въ романѣ «Прологъ». «Либералы» обрисованы въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Въ Петербургѣ—разсказываетъ Чернышевскій,—было тогда безчисленное множество прогрессистовъ. Всѣ, кто только могъ, лѣзли къ Рязанцеву (дѣйствующее лицо романа, профессоръ). По вторникамъ квартира Рязанцевыхъ была биткомъ набита прогрессистами... Ни въ одномъ изъ нихъ не было инстинкта политическаго дѣятеля. Когда ихъ щелкнули по носу, всѣ они повѣсили носы.—Вотъ какой народъ были эти господа либералы... дрянь!

Но, однако, откуда же взялись такіе русскіе «либералы»? Предположить, что Чернышевскій имѣлъ въ виду людей сороковыхъ годовъ—едва ли возможно: вѣдь не они наполняли кабинетъ Рязанцева, да и Чернышевскій врядъ ли бы рѣшился отнестись къ нимъ такъ презрительно, безъ оговорокъ. Онъ могъ смѣяться или сердиться, когда думалъ о «прекраснодушіи» нашихъ старыхъ идеалистовъ, объ ихъ мечтательности, непрактичности, объ ихъ непониманіи требованій времени, наконецъ объ ихъ оптимизмѣ. Онъ могъ ссориться съ Герценомъ и удивляться малому политическому чутью Некрасова, онъ могъ излишне сердито спорить и незаслуженно глумиться надъ ближайшими учениками людей сороковыхъ годовъ, напр. надъ Чичеринымъ, которому онъ не хотѣлъ простить недостатка демократическаго образа мыслей (Чичеринъ до конца дней своихъ не забылъ этой обиды)—но всетаки Чернышевскій не могъ не помнить о заслугахъ своихъ предшественниковъ передъ русской общественностью. И онъ, дѣйствительно, объ этихъ заслугахъ помнилъ. Въ статьѣ, посвященной поэзіи Огарева, онъ писалъ: «Быть можетъ теперь наше развитіе имѣетъ довольно твердыя опоры и безъ восторженныхъ чувствъ (а быть можетъ по недостатку ихъ и замедлилось оно), но то несомнѣнно, что двадцать лѣтъ тому назадъ энтузіазмъ — (людей сороковыхъ годовъ) былъ очень сильнымъ дѣятелемъ въ нравственномъ развитіи нашего общества или, чтобы выразиться точнѣе, лучшихъ его представителей; и преимущественно его энергическому стремленію обязана своею силою дѣятельность людей, которымъ, въ свою очередь, мы обязаны тѣмъ, что въ настоящее время имѣемъ хотя какую-нибудь литературу, хотя какія-нибудь убѣжденія, хотя какую-нибудь потребность мыслить... Быть можетъ многіе изъ насъ приготовлены теперь къ тому, чтобы слышать другія рѣчи, въ которыхъ слабѣе отзывалось бы мученіе внутренней борьбы, въ которыхъ все властнѣе являлся бы новый духъ, изго-

няющій Мефистофеля — рѣчи человѣка, который становится во главѣ историческаго движенія съ свѣжими силами; но когда-то мы услышимъ такія рѣчи? да и въ самомъ ли дѣлѣ многіе изъ насъ приготовлены къ тому, чтобы слышать и понять ихъ? И тѣ, которые дѣйствительно готовы, знаютъ, что если они могутъ теперь сдѣлать шагъ впередъ, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для нихъ борьбою ихъ предшественниковъ и больше, нежели кто нибудь, почтутъ дѣятельность своихъ учителей». Послѣ такихъ словъ нельзя было этихъ предшественниковъ отождествлять съ либеральной «дрянью».

Подъ рубрику русскихъ «либераловъ» не подходили и тѣ умѣренные прогрессисты, ученые, критики и литераторы, которые въ то время группировались вокругъ Каткова и его «Русскаго Вѣстника». Чернышевскій очень спокойно и правильно опредѣлялъ взаимоотношеніе, которое могло быть установлено между «Современникомъ» и «Русскимъ Вѣстникомъ» въ 1856 — 1861 гг. «Воззрѣнія, излагаемыя «Русскимъ Вѣстникомъ»—писалъ Чернышевскій—подготовляютъ людей къ принятію воззрѣній, излагаемыхъ нами... Справедливость этой мысли основывается на логическомъ законѣ развитія общественныхъ стремленій. Когда человѣкъ долженъ идти отъ отсутствія всякой дѣльной мысли къ ясному сознанію своихъ дѣлъ и средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, онъ не можетъ сразу сдѣлать окончательнаго вывода: полная истина была-бы слишкомъ сурова для него, ея требованія показались-бы ему превышающими его силы. Онъ идетъ къ ней постепенно, отдыхая на перепутьи... Такимъ перепутьемъ для мысли служатъ воззрѣнія, которыхъ держится «Русскій Вѣстникъ»... Мы считаемъ его очень полезнымъ для насъ подготовителемъ серьезныхъ людей къ принятію нашихъ понятій, мы считаемъ его педагогическимъ учрежденіемъ, въ которомъ читается приготовительный курсъ». Пусть эти слова отдаютъ нѣкоторой ироніей и гордыней, но они показываютъ, что либераламъ этого типа Чернышевскій не могъ отказать въ уваженіи.

Кого же, собственно, онъ тогда клеймилъ и бранилъ кличкой «либераловъ»?

Въ годы, о которыхъ мы говоримъ, люди разслабленно-либеральнаго образа мыслей начали повидимому встрѣчаться въ изобиліи. Литература, къ сожалѣнію, не сохранила намъ яркаго типа такой народившейся разновидности въ интеллигентной средѣ. Но легко себѣ представить, какъ такая новая общественная группа или, вѣрнѣе, такое накопленіе единицъ могли образоваться.

Эти «либералы» вербовались изъ не сильныхъ характеромъ, умомъ, темпераментомъ и волей людей, людей плывущихъ охотно по теченію, людей, пожалуй, способныхъ на добрыя чувства и справедливыя мысли, но лишенныхъ иниціативы и способности изъ чувствъ и мыслей ковать убѣжденія.

Въ эту группу могли попасть вялые наслѣдники людей сороковыхъ годовъ, усвоившіе отъ учителей лишь расплывчатый туманъ благихъ порывовъ и общегуманныхъ помысловъ; сюда могли попасть томные славянофилы, не прошедшіе строгой школы богословской, философской и исторической мысли, а на лету схватившіе нѣкоторыя славянофильскія поэтическія эмоціи и ими только живущіе; въ составъ этой группы могли войти столь же блѣдные и анемичные западники, и старые, и молодые, безъ широкаго философскаго образованія и развитаго общественнаго чувства,—сторонники либеральныхъ идей, способные уживаться съ какой угодно дѣйствительностью; въ эту группу могли быть зачислены и молодые люди, повидимому не отстающіе отъ вѣка, съ благороднымъ образомъ мыслей и, быть можетъ, красивой рѣчью, но ни для какой борьбы кромѣ словесной непригодные, за полнымъ отсутствіемъ выдержки и готовности чѣмъ-либо жертвовать; наконецъ, мало-ли могло быть вообще людей, хотя бы чиновныхъ, которые, плывя по вѣтру, выдавали себя за сторонниковъ новыхъ вѣяній и держались такого либеральнаго фарватера, откуда можно было въ любой моментъ причалить къ самой вѣрной консервативной пристани, еслибы того потребовали обстоятельства или начальство?

Обозрѣвая толпу такихъ «либераловъ» (а число ихъ могло быть очень значительно) Чернышевскій имѣлъ основаніе сердиться и глумиться. Для того дѣла, о которомъ онъ мечталъ, вся эта толпа была безполезна, даже вредна; и какъ общественная сила, она не только не могла способствовать прогрессивному движенію, а должна была тормозить его, размѣнивая на самую мелкую монету весьма большія идейныя и нравственныя цѣнности.

VI.

Но въ своемъ судѣ надъ либералами Чернышевскій пошелъ значительно дальше. Не только либералы неудачники средняго разбора казались ему людьми безполезными и вредными, но и либералы вообще, даже съ заслугами, сами по себѣ, по существу

своему, представлялись ему ничтожной общественной силой,—которая должна уступить мѣсто иной силѣ, болѣе современной и гораздо болѣе прогрессивной. Либераламъ, собственно, теперь дѣлать уже болѣе нечего; они кое-что сдѣлали и пѣсня ихъ спѣта. Они были у власти—теперь эту власть надо передать другимъ. Оставлять ихъ дольше у власти—значитъ тормозить ходъ историческаго прогресса. Этотъ прогрессъ требуетъ выступленія на арену иного героя. Герой этотъ — убѣжденный демократъ, т. е. исповѣдникъ соціализма.

Чернышевскій самъ очень ясно изложилъ свои взгляды на предстоящую въ ближайшемъ будущемъ передачу наслѣдства, оставшагося отъ либераловъ, въ руки побѣдоносныхъ демократовъ. Повторимъ его слова.

«Въ каждомъ обществѣ есть консерваторы и прогрессисты. Между прогрессистами есть множество подраздѣленій, но интересъ націи требуетъ, чтобы они понимали одинаковость главнаго своего стремленія и соединялись въ одно цѣлое для борьбы съ общими своими противниками, отвергающими прогрессъ. Исполняется или не исполняется это важное условіе національнаго блага, зависитъ отъ умѣренныхъ прогрессистовъ (т. е. либераловъ). Крайніе прогрессисты (т. е. демократы) такъ преданы дѣлу совершенствованія, что всегда готовы, принося въ жертву и самолюбіе, и мелкіе разсчеты, поддерживать умѣренныхъ. Если умѣренные прогрессисты одарены политическимъ тактомъ, они понимаютъ это и принимаютъ союзъ, предлагаемый имъ крайними прогрессистами. Тогда дѣло совершенствованія идетъ настолько успѣшно, насколько можетъ идти при данномъ состояніи національнаго расположенія. Но иногда умѣренные прогрессисты отвергаютъ союзъ. Отъ этого страдаетъ дѣло прогресса, т. е. благо націи».

«Къ несчастію, умѣренные должны фатально отвергать такой союзъ, потому что у нихъ и у крайнихъ совсѣмъ иные планы и цѣли. «У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно (!). Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ,

которые выше всего для либеральной партіи, именно къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству... Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному—аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства; потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы... Радикализмъ, собственно говоря, состоитъ не въ приверженности къ тому или другому политическому устройству, а въ убѣжденіи, что извѣстное политическое устройство, водвореніе котораго кажется полезнымъ, не согласно съ коренными существующими законами, что важнѣйшіе недостатки извѣстнаго общества могутъ быть устранены только совершенною передѣлкою его основаній, а не мелочными исправленіями подробностей... Изъ всѣхъ политическихъ партій, одна только либеральная непримирима съ радикализмомъ, потому что онъ расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы и для реформъ готовъ жертвовать и свободою слова, и конституціонными формами. Конечно, въ отчаяніи либералъ можетъ становиться радикаломъ, но такое состояніе духа въ немъ ненатурально, оно стоитъ ему постоянной борьбы съ самимъ собою и онъ постоянно будетъ искать поводовъ, чтобы избѣжать надобности въ коренныхъ переломахъ общественнаго устройства и повести свое дѣло путемъ маленькихъ исправленій, при которыхъ ненужны никакія чрезвычайныя мѣры... Такимъ образомъ либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страждетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять понемногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній... Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбой отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія... Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни раз-

суждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, не дорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ... Не переставая быть либераломъ, невозможно выбиться изъ этого узкаго понятія о свободѣ... Либерализмъ хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и даетъ возможность къ реальному осуществленію права... Нѣтъ ничего грустнѣе, какъ видѣть честныхъ, любящихъ васъ людей, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ отъ усердія осчастливить васъ тѣмъ, чего вамъ рѣшительно не нужно, которые съ опасностью жизни взбираются на Монбланъ, чтобы принести оттуда для вашего наслажденія альпійскую розу. Бѣдняжки! сколько истрачено денегъ, времени и сколько честныхъ шей сломано въ этомъ заоблачномъ путешествіи для вашего удовольствія! И не приходило въ голову этимъ людямъ, что не альпійская роза, а кусокъ хлѣба нуженъ вамъ, потому что голодному не до цвѣтковъ природы или краснорѣчія. И дивились они, и осыпали васъ упреками въ неблагодарности къ нимъ, въ равнодушіи къ вашему собственному счастію, за то, что вы холодно смотрѣли на ихъ подвиги и не лѣзли за ними черезъ скалы и пропасти и не поддержали ихъ, когда они съ своей заоблачной вышины падали въ бездну. Жалкіе слѣпцы, они не сообразили, что достать для васъ кусокъ хлѣба было-бы имъ гораздо легче, не сообразили потому, что и не предполагали, будто кому-нибудь можетъ быть нужна такая прозаическая вещь, какъ кусокъ хлѣба... Жаль ихъ потому, что почти всѣ они сломали себѣ шею, почти безъ всякой пользы для націй, о которыхъ хлопотали. Еще больше жаль того, что націи не всегда оставались холодны къ ихъ стремленіямъ, иногда обольщались краснорѣчіемъ и смѣлостью этихъ «передовыхъ людей», шли вслѣдъ за ними и вслѣдъ за ними падали въ пропасти».

Чернышевскій, высказывая эти соображенія, подчеркивающія такъ ясно его симпатіи къ соціалистамъ, имѣлъ въ виду политическую жизнь на западѣ. Но когда онъ писалъ эти строки, онъ, конечно, думалъ и о Россіи. Положимъ, никакихъ либераловъ, воспитанныхъ на конституціонномъ строѣ мы не имѣли, а тѣ либералы, которые были на лицо—о нихъ говорить не стоило... Но можетъ-же случиться, что съ теченіемъ времени и Россія

обзаведется «умѣренными прогрессистами», которые будутъ опираться на конституцію (мысль о конституціи, проступившая позднѣе ясно наружу заявляла о себѣ и въ 1855—1861 г.г.). Желательно-ли появленіе такихъ лицъ, такой общественной силы? Чернышевскій отвѣчалъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно. Онъ былъ убѣжденъ, что никакой либерализмъ ничего не сможетъ и не захочетъ сдѣлать для народнаго блага. Если можно избѣжать этой переходной стадіи въ развитіи русской общественности—это было-бы большимъ выигрышемъ для отечественнаго прогресса. Только возможенъ ли такой скачекъ отъ консерватизма и чахлаго либерализма прямо къ господству демократическаго образа мыслей? Чернышевскій не высказывался по этому вопросу и оставилъ за собой лишь право теоретическаго разсужденія, безъ всякаго примѣненія его къ практикѣ момента. Выводъ изъ этого разсужденія былъ ясенъ: какъ общественная сила, либерализмъ въ союзники не годился, не только либерализмъ русскій, отъ почтенныхъ людей до «дряни», но и вообще всякій либерализмъ. Иногда это недовѣріе къ либераламъ и раздраженіе противъ нихъ было такъ сильно въ Чернышевскомъ, что онъ готовъ былъ какъ будто помириться съ остановкой самаго прогрессивнаго движенія до тѣхъ поръ, пока не народятся въ достаточномъ количествѣ истинные слуги прогресса—демократы и соціалисты. «Такъ-то вотъ и у насъ — говорилъ онъ въ романѣ «Прологъ»—толкуютъ: «освободимъ крестьянъ». Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать—что выйдетъ?—сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость... Эхъ, наши господа эмансипаторы,—вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то»!

Никто, конечно, не подумаетъ, что Чернышевскій могъ когда-либо, хоть на одинъ мигъ, остановиться на мысли о несвоевременности освобожденія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе въ своихъ словахъ онъ былъ очень искрененъ; онъ хотѣлъ лишь сказать: въ настоящую минуту нѣтъ въ Россіи такой общественной силы, которая желала-бы народу дѣйствительнаго блага и могла бы дать народу то, что ему нужно, и въ той мѣрѣ, въ какой ему это нужно.

Правительственная власть, чиновничество и дворянство дадутъ кое-что, minimum необходимаго, и притомъ все время будутъ на сторожѣ, боясь, какъ бы не перепало народу чего-нибудь

лишняго. Либералы всѣхъ оттѣнковъ—тѣ народу дать абсолютно ничего не могутъ, если не считать красивыхъ словъ, благихъ помысловъ, нѣжныхъ чувствъ, и то не всегда, такъ какъ огромное большинство русскихъ либераловъ существуетъ лишь для собственнаго самоуслажденія.

Итакъ, если всѣ перечисленныя общественныя силы какъ двигатели истиннаго прогресса не годятся, на кого же можно въ концѣ концовъ разсчитывать, чтобы слово прогрессъ не стало для Россіи пустымъ или, что хуже, обманчивымъ звукомъ? Отвѣтъ напрашивался самъ собою: такихъ силъ оставалось только двѣ—сила народной массы и сила радикальнаго интеллигента.

VII.

Чернышевскій былъ всегда, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, какъ говорится, «народолюбцемъ». О чемъ бы онъ ни думалъ, по какимъ бы вопросамъ общественнымъ и политическимъ онъ ни писалъ, онъ всегда всѣ вопросы покрывалъ однимъ главнымъ и заключительнымъ: а что выиграетъ въ данномъ случаѣ народъ и какъ отразится на его жизни то или иное событіе, та или иная законодательная мѣра? Интересы народа—въ нихъ однихъ смыслъ и оправданіе политическаго порядка въ странѣ,—такъ думалъ Чернышевскій еще въ студенческіе годы; и странныя мысли роились тогда еще въ его головѣ. Онъ былъ увѣренъ, «что при современномъ ему положеніи вопроса о соціальномъ устройствѣ единственною и возможно лучшею формою правленія являлась диктатура или, еще лучше, наслѣдственная неограниченная монархія. Только такая монархія, стоящая сознательно внѣ и выше классовой борьбы, пойметъ свою задачу быть покровительницей угнетаемаго низшаго класса, земледѣльцевъ и работниковъ, но ей должно быть присуще сознаніе, что она временная власть, что она средство, а не цѣль» [1]). «Монархія должна искренно стоять за земледѣльцевъ и работниковъ» писалъ Чернышевскій въ своемъ дневникѣ 1848 г., должна поставить себя главою и защитницею ихъ интересовъ. Должна, конечно, знать, что ея роль перемѣнная, что назначеніе ея двоякое. Во первыхъ для того, чтобы въ настоящемъ правительствѣ быть представительницею низшаго класса, который нуж-

---

[1]) Е. Ляцкій, «Н. Г. Чернышевскій въ 1848—50 гг.—(«Современный Міръ» 1912, Февраль, 195—6).

дается въ покровительствѣ несравненно болѣе всѣхъ. Во вторыхъ, обязанность неограниченной монархіи состоитъ въ томъ, чтобы всѣми силами приготовлять и содѣйствовать долженствующему не формальному, а дѣйствительному равноправію этого сословія съ другими высшими классами, равноправію и по развитію, и по средствамъ жить, и по всему, такъ, чтобы поднять это сословіе до высшихъ сословій». Меньше чѣмъ черезъ годъ пришлось записать въ томъ же дневникѣ: «Я думалъ, что лучше всего, если абсолютизмъ продержитъ насъ въ своихъ объятіяхъ до конца развитія въ насъ демократическаго духа, такъ что, какъ скоро начнется народное правленіе,—правленіе de jure и de facto перешло въ руки самаго низшаго и многочисленнѣйшаго класса+земледѣльцы+поденщики и+рабочіе такъ, чтобы черезъ это мы были избавлены отъ всякихъ переходныхъ состояній—между абсолютизмомъ и управленіемъ, которое одно можетъ соблюдать и развивать интересы массы людей. Видно, тогда я былъ еще того мнѣнія, что абсолютизмъ имѣетъ естественное стремленіе препятствовать высшимъ классамъ угнетать низшіе, что это противоположность аристократіи, а теперь я рѣшительно убѣжденъ въ противномъ: монархъ, а тѣмъ болѣе абсолютный монархъ—только завершеніе аристократической іерархіи, душою и тѣломъ принадлежащій къ ней; это все равно, что вершина конуса аристократіи, т. е. когда самая верхушка у конуса отнята не все ли равно: низшіе слои изнемогаютъ подъ высшими, будетъ ли у конуса верхушка или нѣтъ». Итакъ, еще въ 1848-мъ году съ однимъ изъ мнимыхъ защитниковъ и опекуновъ народа пришлось проститься; и мы знаемъ, какъ скоро Чернышевскій разувѣрился и въ благожелательномъ отношеніи къ народу другихъ общественныхъ группъ. Народъ оставался одинокимъ.

Чернышевскій продолжалъ любить его все болѣе и болѣе. Въ романѣ «Прологъ» онъ позволилъ своей женѣ сдѣлать однажды такое признаніе: «Я хочу, чтобы о моемъ мужѣ говорили когда-нибудь, что онъ раньше всѣхъ понималъ, что нужно для пользы народа и не жалѣлъ для пользы народа не то, что себя — велика важность ему не жалѣть себя!—не жалѣлъ и меня!—и будутъ говорить это, я знаю!»

Понимать, что нужно народу, Чернышевскій, конечно, понималъ, но вѣдь весь вопросъ сводился къ тому: что «дѣлать», чтобы дать народу то, что ему нужно и въ какой мѣрѣ самъ народъ, своею силою можетъ участвовать въ этомъ дѣлѣ?

Изъ наблюденія надъ ходомъ всемірной исторіи Чернышевскій вынесъ убѣжденіе, что до сихъ поръ народная масса ни въ

одной странѣ не обнаружила той силы, какою она несомнѣнно обладаетъ. «Нынѣшнее состояніе массы, въ самыхъ передовыхъ странахъ—писалъ онъ,—достаточно ручается, что она до сихъ поръ почти вовсе не жила историческою жизнью, а продолжала искони вѣковъ дремать младенческимъ сномъ». «Масса населенія ничего не знаетъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своихъ матеріальныхъ выгодъ, и рѣдки случаи, въ которыхъ она хотя замѣчаетъ отношенія своихъ матеріальныхъ интересовъ къ политической перемѣнѣ... Иной разъ кажется, «что масса просто матерія для производства дипломатическихъ и политическихъ опытовъ. Кто взялъ надъ нею власть, тотъ и говоритъ ей, что она должна дѣлать—то она и дѣлаетъ». «Практическіе государственные люди дѣлали, а народы слушались». «Были люди, желавшіе измѣненія въ матеріальныхъ отношеніяхъ сословій, желавшіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія быта низшихъ классовъ, но масса объ этихъ пророкахъ либо ничего не знала, либо не шла за ними, такъ какъ вообще не умѣла находить своихъ вождей». «Необходимость слишкомъ тяжелаго и продолжительнаго физическаго труда для скуднаго поддержанія жизни не оставляла ей нигдѣ и никогда времени для постояннаго занятія государственными дѣлами. Не имѣя ни навыка къ тому, ни образованія, нужнаго для того, чтобы составить себѣ систему политическихъ убѣжденій, народъ обыкновенно даже не хотѣлъ присматриваться къ вещамъ, которыя дѣлаются и говорятся высоко надъ нимъ въ парламентѣ, въ журналистикѣ и въ административныхъ сферахъ».

Таково положеніе народа на Западѣ—стоитъ ли говорить о томъ, каково оно въ Россіи? И Чернышевскій избѣгалъ рисовать жалостную и вопіющую картину народной нищеты и тьмы—полагая, что молчаніе въ данномъ случаѣ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе... Онъ только благодарилъ тѣхъ людей — какъ напр. Н. Успенскаго — которые не стѣсняясь говорили правду о народѣ, сколь бы сурова и непривлекательна она ни была, и тѣмъ самымъ отучали насъ отъ «сострадательныхъ впечатлѣній, сладко щекотавшихъ нашу мысль ощущеніемъ нашей способности трогаться, сострадать несчастію, проливать надъ нимъ слезу, достойную самого Манилова».

Нерѣдко поднимался вопросъ, въ какой мѣрѣ Чернышевскаго можно назвать «народникомъ». Вопросъ былъ едва ли правильно поставленъ, такъ какъ смыслъ, придаваемый этому слову, часто мѣнялся. Были народники, которые въ народѣ цѣнили учителя, были другіе, которые цѣнили хорошаго ученика; были люди,

которые желали раствориться въ народной массѣ, другіе, которые хотѣли эту массу поднять до себя; люди мирной культурной работы и люди революціоннаго выступленія. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ народничество имѣло очень много оттѣнковъ, и въ сочиненіяхъ Чернышевскаго мы не должны искать параллелей всѣмъ разновидностямъ этой единой въ своемъ основаніи мысли. Но за то сама основная мысль: «все для народа и по возможности съ его помощью»—была несомнѣнно въ кругу Чернышевскаго и Добролюбова краеугольной мыслью, на которую опирались ихъ размышленія объ отношеніи интеллигента къ массѣ [1]. «Важнѣйшій капиталъ націи—нравственныя качества народа», и безсильны тѣ личности, которыя, слишкомъ полагаясь на свою силу, не ищутъ помощи своему начинанію въ самостоятельной дѣятельности всей народной массы». А вѣдь когда нибудь эта масса будетъ самостоятельна и нравственно сильна, въ какомъ бы приниженномъ состояніи она въ данную минуту ни находилась. «Каково-бы ни было настоящее состояніе (Испаніи), писалъ при случаѣ Чернышевскій, но эпоха возрожденія уже началась для нея. Въ этомъ убѣждаетъ постепенное распространеніе просвѣщенія, замѣтное усиленіе умственной дѣятельности въ націи, столь долго дремавшей—всего болѣе убѣждаютъ въ возможности возрожденія качества, сохраненныя (испанскимъ) народомъ. Онъ даровитъ, благороденъ и твердъ духомъ, и если онъ выдержалъ трехвѣковое бѣдствіе, не утративъ душевныхъ силъ, то конечно способенъ возродиться, когда вліяніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ на его судьбу ослабѣетъ... (Испанія) вошла уже въ такую тѣсную связь съ остальною Европою, что не можетъ оградить себя отъ сочувствія стремленіямъ вѣка. Единственные важные недостатки, которыми страдаетъ (испанскій) народъ—беззаботность невѣжества и равнодушіе къ улучшенію матеріальнаго быта—эти недостатки прямо противуположны потребностямъ и стремленіямъ нашего вѣка и потому нѣтъ нужды въ особенной отважности, чтобы рѣшиться сказать: недостатки эти должны исчезнуть и исчезнуть быстро».

---

[1]) Къ этому выводу пришли и тѣ два ученыхъ, которые этотъ вопросъ подвергли недавно новому пересмотру. «Надо признать тотъ историческій фактъ, что Чернышевскій, никогда не бывшій народникомъ, былъ однимъ изъ тѣхъ писателей, у которыхъ народники заимствовали сильнѣйшіе свои доводы» (Плехановъ). «Чернышевскаго можно признать однимъ изъ родоначальниковъ народничества, поскольку послѣднее характеризуется между прочимъ вѣрой въ то, что Россія минуетъ стадію капитализма» (Стекловъ).

Повидимому—очень оптимистическій взглядъ на будущее; но врядъ ли онъ былъ всегда такъ простъ и ясенъ въ сознаніи Чернышевскаго. На недостатки народа Чернышевскій глазъ не закрывалъ, онъ народа не идеализировалъ, онъ не молился на него, не раздѣлялъ ни славянофильскаго, ни позднѣйшаго народническаго восторга передъ его душой, его нравственными качествами, его умомъ... Трезвый реалистъ, онъ не самообольщался, и бывали, вѣроятно, очень тяжелыя минуты, когда, переходя отъ мечтаній о желаемомъ къ анализу настоящаго, Чернышевскій отчислялъ и народную силу въ разрядъ тѣхъ силъ, какими истинный прогрессъ въ настоящую минуту въ движеніе приведенъ быть не можетъ. Въ одну изъ такихъ минутъ, если вѣрить «Прологу», Добролюбовъ имѣлъ съ Чернышевскимъ разговоръ о народѣ, и вотъ что, рукой самого Чернышевскаго, Добролюбовъ записалъ въ своемъ Дневникѣ (Дневникъ Левицкаго). «Я вижу его (Чернышевскаго) недостатки. Онъ не вѣритъ въ народъ. По его мнѣнію народъ также плохъ и пошлъ, какъ общество. Понятно, почему онъ такъ думаетъ: ему не хотѣлось-бы террора; онъ и старается убѣдить себя, что терроръ невозможенъ. Онъ слишкомъ холодно совѣтуетъ терпѣть. Это явная логическая ошибка: намъ съ вами очень можно терпѣть, потому что намъ недурно—совершенно согласенъ, но потому, пусть и народъ потерпитъ. Народу не такъ легко терпѣть какъ намъ. Но все-таки Чернышевскій —человѣкъ преданный народу». Изъ этихъ словъ самого Чернышевскаго (словъ, въ которыхъ, какъ намъ кажется, нѣсколько подкрашена сила темперамента Добролюбова и слишкомъ замѣтно смягчена сила характера Чернышевскаго) можно сдѣлать очень опредѣленный выводъ, который и былъ сдѣланъ Плехановымъ, когда онъ утверждалъ, что Чернышевскій «не разсчитывалъ на народную иниціативу ни въ Россіи, ни на Западѣ и признавалъ, что иниціатива прогресса и всякихъ полезныхъ для народа перемѣнъ принадлежитъ «лучшимъ людямъ», т. е. интеллигенціи». Этотъ выводъ, однако, несовсѣмъ совпадаетъ съ мыслью самого Чернышевскаго о ничтожности всякой иниціативы отдѣльной личности, если она не поддержана массой.

Есть нѣкоторое противорѣчіе или, вѣрнѣе, нѣкоторая недосказанность во всѣхъ разсужденіяхъ Чернышевскаго о размѣрахъ народной силы. Такая недосказанность была, впрочемъ, неизбѣжна. Въ вопросахъ религіозныхъ, философскихъ, нравственныхъ и историческихъ общаго типа — опредѣленность и ясность была отличительной чертой мысли Чернышевскаго: онъ имѣлъ дѣло съ логическими операціями и теоретическими выкладками и могъ раз-

суждать спокойно. Но эта увѣренность и это спокойствіе должны были его покинуть, разъ онъ вступалъ въ сферу вопросовъ, которые были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ практикой дня, вопросовъ, которые страшно его волновали и при рѣшеніи которыхъ надо было имѣть дѣло не съ опредѣленными устойчивыми понятіями, а съ величинами неясными, колеблющимися и совсѣмъ неустановленными, какъ напр. сила русской народной массы или сила русскаго радикальнаго интеллигента. Сомнѣнія и колебанія (и, можетъ быть, очень рѣзкія) были неизбѣжны при всякой попыткѣ разъяснить самому себѣ и другимъ вопросъ о томъ, какъ эти силы должны быть учтены при составленіи плана, котораго надо держаться въ данную историческую минуту. Изъ оцѣнки всѣхъ общественныхъ силъ, имѣющихся на лицо въ Россіи, было ясно, что помочь народному дѣлу въ духѣ истиннаго прогресса, т. е. приблизить жизнь къ демократическому и соціалистическому идеалу, можетъ только народъ въ союзѣ съ радикалами. Какое участіе въ этомъ дѣлѣ выпадетъ на долю народной массы?

Какъ можно было отвѣчать на этотъ вопросъ опредѣленно, когда эта сила была загадкой, когда она пока ни въ чемъ не проявилась и, скованная, дремала вѣками? Начать превозносить ее, разукрашать ее собственной фантазіей, оказать ей огромное довѣріе въ кредитъ Чернышевской, какъ трезвый историкъ и зоркій наблюдатель, не могъ. Отказать народной массѣ въ огромной силѣ, хотя-бы и скрытой, отказать ей въ дарованьяхъ и видѣть въ ней лишь то, что всѣмъ видимо—онъ также не могъ, не нарушая своихъ общихъ историсофскихъ построеній и не отказываясь отъ всякой борьбы, что для него было равносильно нравственному самоубійству. Оставалось пребывать въ этомъ неловкомъ, тягостномъ состояніи вѣрующаго и невѣрующаго человѣка, который минуты сомнѣнія искупаетъ минутами самой пламенной любви и за эту любовь казнитъ себя же, произнося жестокій судъ надъ предметомъ своего увлеченія. Въ сочиненіяхъ Чернышевскаго мы, дѣйствительно, не находимъ яснаго опредѣленія размѣровъ народной силы; мы чувствуемъ, что народное благо для него—все; что онъ любитъ народъ безгранично; что онъ для него готовъ на всѣ жертвы; что онъ вѣритъ въ его силу—но нигдѣ не встрѣтимъ мы прямого, ободряющаго оклика, властнаго призыва, громкаго слова «впередъ», съ какимъ вождь обращается къ идущей за нимъ дисциплинированной и сознательной массѣ... Слово это было ежечасно на устахъ Чернышевскаго, но произнести его онъ не могъ, такъ какъ не

чувствовалъ за собой той сплоченной массовой силы, кото рая способна слово превратить въ дѣйствіе.

VIII.

Въ одномъ только случаѣ Чернышевскій былъ убѣжденъ, что онъ эту народную силу ясно нащупалъ. Общинное владѣніе землей казалось ему такимъ созданіемъ народнаго генія, которое богато очень большими обѣщаніями.

Чернышевскій, какъ извѣстно, былъ самымъ краснорѣчивымъ и самымъ ярымъ защитникомъ общины. Длинный рядъ блестящихъ статей, и нынѣ не утратившихъ своего значенія, говоритъ о томъ, какъ высоко онъ цѣнилъ этотъ институтъ, выросшій на самобытной народной почвѣ... Говоря о возможныхъ измѣненіяхъ въ экономическомъ бытѣ нашего народа, онъ съ необычнымъ для него паѳосомъ писалъ: «каковы бы ни были эти преобразованія, да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденство земледѣльческихъ классовъ Западной Европы». Много испытаній ждетъ Европу—но «отечество наше въ сторонѣ, именно благодаря нашимъ кореннымъ экономическимъ началамъ, сохраненіе которыхъ необходимо для огражденія нашего національнаго благосостоянія отъ испытаній» (1857).

Чернышевскій имѣлъ особыя причины такъ заступаться за общину: онъ думалъ, что она поможетъ намъ легче усвоить принципы, на которыхъ будетъ построенъ соціалистическій порядокъ и что ею можно будетъ воспользоваться при проведеніи этого порядка въ жизнь, хотя бы сначала въ видѣ земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли. Мысль была не новая (ее до Чернышевскаго высказывалъ Герценъ), но крайне заманчивая для теоретика-соціалиста. Эту мысль Чернышевскій, несомнѣнно, облюбовалъ, но едва ли онъ былъ въ ней твердо увѣренъ. Какъ въ вопросѣ о народной силѣ вообще, такъ и въ этомъ частномъ вопросѣ, возможны были сильныя колебанія. Оправдаетъ община надежду? Кто въ этомъ поручится? Съ одной стороны институтъ этотъ такъ крѣпко сроссся съ народной психикой, что дальнѣйшая жизнь и процвѣтаніе ему обезпечены; съ другой—условія, въ которыхъ этой общинѣ приходится раз-

виваться, таковы, что она можетъ захирѣть въ томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ она теперь находится. Такія сомнѣнія находили на Чернышевскаго и онъ готовъ былъ признаться, что «онъ былъ глупъ, когда хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія, что онъ хлопоталъ о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ» (1858). Но высказавъ эти опасенія, Чернышевскій сейчасъ же опять переходилъ къ своей любимой мысли и увѣрялъ читателя, что переходъ отъ общины прямо къ соціалистическому строю не противорѣчитъ законамъ исторіи и что нѣтъ необходимости проходить послѣдовательно всѣ стадіи общественно-экономическаго развитія, т. е., другими словами, что соціалистическій строй, быть можетъ, будетъ нами купленъ не столь тяжелыми жертвами и испытаніями, какія сопряжены съ обычной послѣдовательной эволюціей. Такія колебанія Чернышевскаго иногда истолковывались какъ отказъ отъ завѣтной мечты, но на самомъ дѣлѣ никакого отреченія не было. Было опять то томительное, минутами пріятное, минутами тяжелое состояніе колебанія между вѣрой и сомнѣніемъ, столь естественное при разсчетахъ, въ которые приходилось вводить величины совершенно неопредѣленныя.

И всетаки вся надежда была лишь на неизмѣренную силу самой народной массы. Теперь эта сила — большая туманность, но изъ этой туманности могутъ родиться новые міры. Въ ней все пока неопредѣленно, неясно, но полно обѣщаній; и потому первое, что надлежитъ сдѣлать — это привести въ возможную ясность наличный размѣръ этой силы, изучить ея психическій составъ и умственный строй, опредѣлить степень сознанія, съ какимъ она относится къ своему положенію и степень ея готовности что-нибудь предпринять для измѣненія своего положенія; однимъ словомъ, надо начать наблюдать и изучать эту массу, надо начать сближаться съ ней, надо спѣшить какъ можно скорѣй ей на помощь... Кому можно довѣрить такое новое дѣло? Конечно, лишь интеллигенту новой формаціи—интеллигенту радикалу, который одинъ изъ всѣхъ образованныхъ людей знаетъ, что народу нужно, и безкорыстно готовъ отдать себя ему въ услуженіе. Такого радикальнаго интеллигента надо выслать поскорѣй на выручку народа. Если народная сила сама по себѣ слаба и инертна, то, быть можетъ, въ союзѣ съ радикальной интеллигенціей она выростетъ и развернется, и размѣры ея станутъ болѣе опредѣленны?

IX.

Изъ всѣхъ вопросовъ, на которые у Чернышевскаго не было готовыхъ и увѣренныхъ отвѣтовъ, этотъ вопросъ о посылкѣ радикальнаго интеллигента на отвѣтственную и совсѣмъ незнакомую позицію причинялъ ему, надо думать, всего больше душевной тревоги. Положеніе было, дѣйствительно, очень сложное и острое. Итти народу на помощь было необходимо, и надо было торопиться, такъ какъ историческій моментъ былъ исключительный по своему значенію именно для народа, который имѣлъ много недоброжелателей и ни одного настоящаго защитника или вождя. Итти массѣ на помощь долженъ былъ несомнѣнно человѣкъ новый, радикалъ по убѣжденіямъ, такъ какъ только его помощь могла имѣть для народа существенное значеніе; но откуда было взять этихъ радикальныхъ интеллигентовъ въ томъ количествѣ, въ какомъ они, дѣйствительно, могли-бы представлять собою силу, и, главное, какую программу дѣйствія предложить имъ?

Программа могла быть, конечно, только революціонная. Начать воспитывать и образовывать безграмотную массу, прожившую нѣсколько сотъ лѣтъ въ рабствѣ—значило начать дѣло, на выполненіе котораго потребовалось бы также не менѣе столѣтія, и можно было, кромѣ того, не будучи пророкомъ, предсказать, что дѣло образованія и воспитанія правительство возьметъ въ свои руки и никакого радикала-интеллигента въ сотрудники не пригласитъ. Можно было пойти еще дальше въ догадкахъ и предположить, что правительство вообще постарается затормозить, насколько возможно, дѣло народнаго образованія и воспитанія, на всякаго частнаго волонтера въ этомъ дѣлѣ будетъ смотрѣть какъ на крамольника и аттестуетъ его революціонеромъ раньше, чѣмъ онъ самъ себя таковымъ признáетъ.

Начать политическое воспитаніе и образованіе народа прежде чѣмъ дать ему общее — было безполезно. Чернышевскій зналъ, что на чисто политическіе вопросы масса вообще откликается туго, даже въ странахъ, гдѣ она поставлена въ лучшія общественныя условія, чѣмъ въ Россіи. Но если-бы даже такое самое элементарное политическое воспитаніе массы было возможно—только наивный ребенокъ могъ предположить, что правительство его потерпитъ.

Оставался одинъ путь воздѣйствія интеллигента на массу:

интеллигентъ долженъ былъ опредѣлить—какова степень недовольства въ народѣ, преимущественно своимъ экономическимъ положеніемъ; онъ долженъ былъ разъяснить народу весь ужасъ этого экономическаго положенія; долженъ былъ разгорячить его фантазію и разжечь его аппетитъ картиной грядущаго благосостоянія; долженъ былъ убѣдить его въ томъ, что это благосостояніе ему никто дать не можетъ, кромѣ него самого; онъ долженъ былъ дискредитировать въ глазахъ народа всѣхъ его оффиціальныхъ благодѣтелей и опекуновъ и, наконецъ—главное—опредѣлить, насколько народъ готовъ къ выступленію, къ защитѣ своихъ правъ силой.

Программа во всѣхъ своихъ частяхъ была несомнѣнно революціонная, такъ какъ она имѣла цѣлью возможно скорое и насильственное измѣненіе существующаго порядка. Программа была смѣлая и стройная—но какую надо было имѣть смѣлость, чтобы предложить ее только-что нарождавшемуся типу молодыхъ людей, никакимъ житейскимъ опытомъ не умудренныхъ людей, совершенно затерянныхъ среди явныхъ и тайныхъ враговъ и безчисленнаго количества индифферентовъ?

Имѣлъ или не имѣлъ Чернышевскій такую смѣлость? Былъ ли онъ иниціаторомъ того революціоннаго движенія, которое уже къ 1861-му году стало совершенно ясно обозначаться въ нашей общественной жизни, а затѣмъ начало развиваться съ необычайной быстротой?. Этотъ вопросъ всегда ставился, когда рѣчь шла о Чернышевскомъ, и за послѣднее время онъ сталъ предметомъ очень обстоятельныхъ изслѣдованій. Разъ навсегда опредѣленнаго и неопровержимаго рѣшенія онъ не получилъ и, вѣроятно, никогда не получитъ. Печатныя статьи Чернышевскаго даютъ очень мало матеріала; его дневники и воспоминанія о немъ также полны лишь намековъ; судебное дѣло отдаетъ подтасовкой и ничего не установляетъ. То, что добыто тщательнымъ трудомъ изслѣдователей, сводится къ слѣдующему:

Въ годы своей студенческой жизни, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій 1848-го года и подъ впечатлѣніемъ чтенія преимущественно французскихъ публицистовъ и соціалистовъ, Чернышевскій бывалъ временами очень крайнихъ взглядовъ. Революціонная политика казалась ему возможной и въ Россіи, и иногда онъ самъ разрѣшалъ себѣ, по примѣру своихъ знакомыхъ изъ кружка Петрашевскаго, революціонныя рѣчи съ людьми изъ народа, съ которыми встрѣчался на улицѣ. Эти крайніе взгляды отошли въ тѣнь, когда на Чернышевскаго легла журнальная работа во всемъ ея объемѣ. Взгляды, конечно,

могли и не измѣниться по существу, но разработка ихъ пріостановилась въ виду того, что масса новыхъ общественныхъ и научныхъ вопросовъ отвлекла вниманіе писателя, а также и потому, что ходъ происходившей на глазахъ у Чернышевскаго реформы угадать на первыхъ порахъ было трудно. Прежде чѣмъ говорить о крайнихъ мѣрахъ, нужно было присмотрѣться къ тѣмъ некрайнимъ, которыя предпринимались. Въ той мѣрѣ, въ какой проэктируемая реформа не оправдывала надеждъ, радикализмъ Чернышевскаго долженъ былъ повышаться, въ особенности при томъ скептическомъ взглядѣ на чисто политическую борьбу, который Чернышевскому былъ свойственъ. Что радикальное настроеніе, дѣйствительно, повышалось, на это есть прямыя указанія въ статьяхъ Чернышевскаго, написанныхъ по поводу политическихъ событій на Западѣ. Симпатіи явственно клонятся влѣво, и даже рѣзко влѣво. Попадаются ясные намеки на возможность и необходимость революціонныхъ актовъ: «Кто берется за дѣло, тотъ долженъ знать, къ чему поведетъ оно, и если не хочетъ онъ неизбѣжныхъ его принадлежностей, онъ не долженъ хотѣть и самаго дѣла. Политическіе перевороты никогда не совершались безъ фактовъ самоуправства, нарушавшаго формы той юридической справедливости, какая соблюдается въ спокойныя времена. Перевороты волнуютъ народное чувство, взволнованное чувство забываетъ о формахъ; кто не знаетъ этого, тотъ не понимаэтъ характера силъ, которыми движется исторія, не знаетъ человѣческаго сердца. Человѣкъ, который принимаетъ участіе въ политическомъ переворотѣ, воображая, что не будутъ при немъ много разъ нарушаться юридическіе принципы спокойныхъ временъ, долженъ быть названъ идеалистомъ». Такимъ идеалистомъ Чернышевскій не хотѣлъ казаться. Говоря объ итальянскихъ патріотахъ, борющихся за независимость Италіи и за свободу итальянскаго народа, Чернышевскій писалъ— очень откровенно, подъ прозрачнымъ прикрытіемъ индифферентнаго съ виду сужденія—«мы не говоримъ, хорошо или дурно дѣло, которое взялись вести правители центральной Италіи (думавшіе разрѣшить вопросъ объ національномъ объединеніи болѣе или менѣе мирно), а говоримъ только, что они не умѣютъ вести его какъ слѣдуетъ, потому что не понимаютъ его сущности и боятся тѣхъ мѣръ, которыхъ оно требуетъ. Ихъ дѣло революціонное, а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленіе котораго они хотятъ—принципъ верховной власти народа—смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ пріобрѣсти помощь континенталь-

ной дипломатіи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ, средства, требуемыя этимъ дѣломъ дурны, этого мы не знаемъ; но если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало-бы и приниматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы». Тѣ, кто помнилъ размышленія Чернышевскаго о соотношеніи общественныхъ силъ, двигающихъ прогрессомъ, кто не забылъ о той роли, какую Чернышевскій отводилъ въ этомъ движеніи силѣ народной массы—могли читать и понимать эти слова совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ ихъ понимали люди, интересующіеся исключительно политическимъ возрожденіемъ Италіи.

Иногда среди относительно спокойнаго историческаго изложенія или даже въ экономическимъ трактатѣ, у Чернышевскаго срывались неожиданно фразы, которыя указывали на быстрый скачекъ мысли, очевидно возвращавшейся все къ одной и той же затаенной темѣ. По поводу одного политико-экономическаго трактата, Чернышевскій вдругъ заговорилъ объ убійствѣ Олоферна и о національномъ подвигѣ Юдифи. «Человѣкъ умный и дѣйствительно желающій пользы,—писалъ онъ,—разсчитываетъ какъ можно строже и если въ общемъ сводѣ окажется перевѣсъ пользы, онъ пойдетъ на все. Были люди, которые не смущались не только какими-нибудь пустяками—которые не жалѣли даже своей репутаціи, обратили свое имя на позоръ въ устахъ всѣхъ, такъ называемыхъ, благородныхъ людей, когда того требовала общая польза... Юдифь поступила не дурно. Не очень часто встрѣчаются обстоятельства, требующія такихъ же страшныхъ пожертвованій отъ человѣка, желающаго быть полезнымъ обществу, но постоянно, черезъ всю гражданскую жизнь каждаго человѣка тянутся историческія комбинаціи, въ которыхъ обязанъ гражданинъ отказываться отъ извѣстной доли своихъ стремленій для того, чтобы содѣйствовать осуществленію другихъ своихъ стремленій, болѣе высокихъ и болѣе важныхъ для общества. Историческій путь—не тротуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ

не принимается за общественную дѣятельность. Она — занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, можетъ быть, кажется, что, напр., Юдифь не запятнала себя». Тирада была исключительная по своему смыслу, по угрожающей новизнѣ и смѣлости. По поводу нея въ журналистикѣ поднялся шумъ, который, правда, скоро заглохъ, такъ какъ всякіе комментаріи къ этимъ словамъ Чернышевскаго были совсѣмъ неудобны.

Всѣ такія вспышки крайней мысли и революціоннаго темперамента имѣютъ свое автобіографическое значеніе, но ихъ не должно преувеличивать. Они смягчаются другими, гласными и интимными, признаніями Чернышевскаго, въ которыхъ звучитъ иная нота. Убѣжденія остаются крайними, но они какъ-то прячутся за благоразумный совѣтъ—не торопиться! Выступать надо, имѣя за собой силу, повторяетъ неоднократно Чернышевскій; онъ противъ всякой романтики въ революціонномъ дѣлѣ, какъ она, напр., выражалась въ тайныхъ обществахъ; надо, «по возможности, избѣгать риска—говоритъ онъ въ «Прологѣ».—Придетъ серьезное время. Пойдутъ вопросы о благѣ народа. Нужно будетъ кому-нибудь говорить во имя народа. Надо приберечь себя къ тому времени». «Охъ, нетерпѣнье! Охъ, иллюзіи! Охъ, экзальтація!» Грустно читать эти строки въ романѣ, написанномъ послѣ катастрофы, послѣ всѣхъ предосторожностей, которыя не спасли отъ бѣды: въ нихъ звучитъ какъ-будто упрекъ самому себѣ: а не поддался ли я экзальтаціи и иллюзіямъ?

Но все, что намъ извѣстно изъ гласныхъ рѣчей Чернышевскаго и изъ воспоминаній объ его поведеніи, не подтверждаетъ такого упрека и тайна души Чернышевскаго не разъясняется. Нѣкоторый свѣтъ на нее проливаютъ, какъ намъ кажется, слова г. Русанова: «Чернышевскій обладалъ не только необыкновеннымъ умомъ, но и исключительной твердостью характера. Пусть это не та энергія воли, которая поражаетъ насъ въ вожакахъ массъ или даже прирожденныхъ конспираторахъ: непрактичность, книжность не исключаютъ великой нравственной силы духа. Есть люди, у которыхъ волевые импульсы непосредственно реагируютъ на факты дѣйствительности: это по преимуществу практическіе политики. Но есть люди, которымъ реакцію на извѣстное внѣшнее явленіе нужно продержать въ холодильникѣ логическаго аппарата, чтобы она вышла оттуда въ видѣ непреклоннаго, обду-

маннаго во всѣхъ деталяхъ рѣшенія. Такимъ былъ Чернышевскій».

Холодильникъ всегда понижаетъ температуру; въ тотъ моментъ, когда «рѣшеніе» готово и вполнѣ обдумано, оно остается признанной истиной въ сознаніи, но у человѣка можетъ не найтись силы воли подчинить всецѣло этой истинѣ свою дѣятельность и оградить себя отъ минутъ выжиданія и нерѣшимости. Чернышевскій переживалъ такія минуты, но, кажется, что онѣ становились всѣ болѣе и болѣе краткими, по мѣрѣ того, какъ осуществляемая реформа расходилась съ желаемой. Съ каждымъ годомъ становилось все яснѣе и яснѣе, что проектируемая новая жизнь не приближалась, а удалялась отъ того строя, который Чернышевскому казался единственно разумнымъ, справедливымъ и современнымъ. Когда въ 1861-мъ году экономическія основанія этой новой жизни были утверждены въ окончательной формѣ и обнародованы, всякая надежда казалась уже явной наивностью и приходилось думать не о дипломатіи, а о борьбѣ.

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что именно къ 1861-му году рѣшеніе бороться во что бы то ни стало было Чернышевскимъ безповоротно принято и затѣмъ въ послѣдніе два года его жизни на свободѣ осуществляемо по мѣрѣ возможности. Увѣренный въ томъ, что народъ не помирится съ той «свободой» и тѣми условіями «свободнаго» труда, какія были ему дарованы, убѣжденный въ томъ, что и въ широкихъ общественныхъ кругахъ должно неизбѣжно возрасти раздраженіе противъ правительства, наконецъ ободренный тѣмъ приростомъ молодыхъ сторонниковъ, число которыхъ на его глазахъ увеличивалось и стойкость и смѣлость которыхъ крѣпли—Чернышевскій имѣлъ нѣкоторое основаніе начать вновь размышлять о тѣхъ крайнихъ пріемахъ борьбы, о которыхъ онъ не забывалъ и въ минуты менѣе раздраженнаго состоянія.

Возстановить ходъ этихъ послѣднихъ мыслей, надъ которыми Чернышевскому пришлось думать на свободѣ, врядъ ли возможно съ точностью, но вполнѣ допустимы догадки, основанныя на сопоставленіи отдѣльныхъ замѣтокъ, въ разбивку попадающихся въ его политическихъ статьяхъ, и кое-какихъ словъ, сохранившихся въ воспоминаніяхъ близкихъ Чернышевскому лицъ. Сопоставленіе это сдѣлано новѣйшими изслѣдователями, и они всѣ готовы признать, что въ своихъ революціонныхъ замыслахъ Чернышевскій былъ сторонникомъ програмы Бланки.

Эта программа сводилась, какъ извѣстно, къ проекту захвата

правительственной власти революціонерами-соціалистами, которые должны были установить революціонную диктатуру, дать народу свободно высказаться о всѣхъ своихъ нуждахъ и тогда утвердить тотъ строй, который-бы этой народной волѣ соотвѣтствовалъ. Предлагалась такимъ образомъ соціальная революція, которая должна быть организована интеллигентными единицами въ союзѣ съ революціонной массой, уступившей имъ на время свою волю.

Есть полное основаніе думать, что Чернышевскій, дѣйствительно, одобрялъ эту программу и предпочиталъ ее всякимъ инымъ длительнымъ пріемамъ борьбы. Такая рѣшимость можетъ показаться, однако, очень странной въ человѣкѣ съ такимъ трезвымъ умомъ, какимъ былъ одаренъ Чернышевскій. Но надо помнить, что этотъ русскій «бланкизмъ» могъ быть лишь однимъ изъ многихъ рѣшеній, которыя приходили въ голову человѣку, неустанно думающему надъ неразрѣшимой задачей. Мысль о соціальной революціи и о диктатурѣ радикаловъ была въ теоріи, конечно, самымъ простымъ рѣшеніемъ вопроса, и Чернышевскій могъ намекать на это и говорить объ этомъ открыто, не считая себя обязаннымъ немедленно дѣйствовать въ этомъ направленіи. Намъ, напр., ничего не извѣстно о томъ, какъ онъ рисовалъ себѣ самый процессъ образованія русской арміи демократовъ и соціалистовъ и какая форма выступленія ихъ въ союзѣ съ народомъ казалась ему возможной. А безъ указанія на способъ комплектованія такой арміи и на тактику борьбы, которой надлежало держаться, мечты о соціальной революціи оставались мечтами.

Но въ эти мечты былъ вплетенъ одинъ вопросъ, который требовалъ немедленнаго рѣшенія и немедленныхъ опытовъ на практикѣ. Сближеніе радикальнаго интеллигента съ народной массой должно было начаться какъ можно скорѣе и по какой угодно программѣ, лишь бы только оно способствовало ихъ взаимному довѣрію и пониманію. Необходимо было прежде всего, чтобы народъ освоился со своимъ будущимъ вождемъ, и будущій вождь долженъ былъ немедля опредѣлить, насколько масса сильна своимъ протестующимъ, а можетъ быть и революціоннымъ духомъ.

Сближеніе интеллигента съ массой казалось тогда дѣломъ очень простымъ и легкимъ; никто изъ ищущихъ этого сближенія не догадывался о предстоящихъ трудностяхъ этого дѣла— трудностяхъ, которыя создавались не только властью, но и въ значительной степени психикой самого народа. «Если вы одѣты не Богъ знаетъ какъ богато—писалъ Чернышевскій въ 1861-мъ году,—

если вы человѣкъ простой по характеру, и если вы дѣйствительно любите народъ, мужикъ не отличаетъ васъ ни по разговору, ни по языку отъ своей братіи, отпущенниковъ; это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ числѣ людей, принадлежащихъ по своимъ интересамъ къ народу, есть уже такіе, которые довольно похожи на насъ съ вами, читатель; свидѣтельствуетъ также, что образованные люди уже могутъ, когда хотятъ, становиться понятны и близки народу».

Въ послѣдніе годы своей жизни на свободѣ Чернышевскій и былъ, кажется, занятъ всего больше этимъ дѣломъ сближенія двухъ силъ, которыя должны столковаться прежде чѣмъ начать дѣйствовать. Соціальная революція и диктатура радикаловъ могли, какъ финальные аккорды, и не быть слышны въ тѣхъ разговорахъ, которые Чернышевскій велъ на эту тему.

У насъ, впрочемъ, очень мало свѣдѣній о томъ, какіе это были разговоры. Чернышевскій признавалъ своевременными и нужными всевозможныя попытки сближенія радикала съ массой, начиная съ ученыхъ этнографическихъ экскурсій въ деревню, кончая распространеніемъ среди народа революціонныхъ прокламацій. Утверждать, что онъ самъ писалъ эти прокламаціи—за недостаткомъ прямыхъ доказательствъ—нельзя, но что онъ зналъ о нихъ и былъ согласенъ на ихъ выпускъ—это несомнѣнно. Несомнѣнно также, что къ 1861-му году въ его ближайшемъ кругу были уже лица, которыя не только не уступали ему, но превышали его по силѣ революціоннаго темперамента. Эти лица—болѣе молодые, чѣмъ онъ, но не менѣе его убѣжденные, могли, разгоряченные имъ, съ своей стороны,—горячить и его. И Чернышевскій горячился; и въ той мѣрѣ, въ какой правительство, начиная съ 1861 года, стало обнаруживать неуступчивую рѣшимость отвѣчать сильными репрессивными мѣрами на всякую попытку революціонныхъ выступленій—въ этой же мѣрѣ возростало въ немъ боевое настроеніе. Его, какъ и всѣхъ за нимъ слѣдовавшихъ русскихъ революціонеровъ, репрессія только закаляла и укрѣпляла на занятой позиціи. Въ какихъ поступкахъ (а не словахъ) обнаруживалось такое повышеніе революціоннаго духа въ Чернышевскомъ,—объ этомъ могли знать лишь самые близкіе ему люди, и на судѣ слѣдовъ такихъ поступковъ обнаружено не было. Тѣмъ не менѣе, Чернышевскаго судили какъ признаннаго теоретика, организатора и руководителя народившагося революціоннаго движенія въ Россіи.

X.

Итакъ, оцѣнка общественныхъ силъ, руководящихъ или могущихъ руководить русской жизнью 1855—1861 гг., была сдѣлана. Правительство, чиновничество и дворянство были оцѣнены какъ силы консервативныя, даже ретроградныя, которыя по необходимости толкнули русскую жизнь на новую дорогу съ тѣмъ, чтобы послѣ первыхъ же шаговъ остановиться и не итти дальше, а по возможности и шагнуть назадъ. Интеллигенція либеральная, даже въ ея лучшихъ представителяхъ, не говоря уже о прогрессистахъ средняго разбора, была признана силой косной или направленной совсѣмъ не на ту цѣль, какую надлежало имѣть въ виду. Движеніе къ этой цѣли могло быть обезпечено лишь совмѣстнымъ дѣйствіемъ двухъ силъ: силы народной массы и интеллигенціи радикально революціонной. Работа надъ сближеніемъ и сліяніемъ этихъ новыхъ силъ, русской жизнью пока еще никогда не управлявшихъ,—вотъ очередная задача минуты. Всѣ, кому дорого благо народа, а потому и благо Россіи, должны отдать свои помыслы и силы этому дѣлу. Но какъ приступить къ нему? Какъ выразить эту новую формулу прогресса живымъ языкомъ повседневныхъ явленій?

На это ясныхъ указаній въ словахъ учителя не имѣлось; общій планъ былъ набросанъ, конечная цѣль указана, но никакого приказа на текущій день отдано не было, или, если таковой былъ данъ, то его знали лишь очень немногіе. Тому, кто согласенъ былъ съ общимъ планомъ, предлагалось самому, сообразно знаніямъ и темпераменту, изыскивать средства для его осуществленія.

XI.

Дѣло воспитанія и образованія «новаго» человѣка было, такимъ образомъ, двинуто впередъ быстро и рѣшительно. Молодые люди, недовольные стариной и живущіе мечтой о совершенно новыхъ порядкахъ, пройдя хорошую школу гражданскаго воспитанія подъ руководствомъ Добролюбова, получали въ статьяхъ Чернышевскаго цѣлую энциклопедію новаго знанія по вопросамъ, стоящимъ на ближайшей очереди европейской жизни и европейскаго знанія. Новымъ людямъ была значительно облегчена работа

мысли. Имъ былъ открытъ сразу доступъ къ цѣлому ряду «истинъ», которыя, какъ имъ казалось, провѣрки не требовали, а требовали лишь убѣжденнаго признанія. То, что учитель покупалъ иной разъ томительной борьбой сомнѣнія и вѣры—ученикамъ далось легко. За ними стоялъ авторитетъ, ими признанный и любимый, и сильна была въ нихъ увѣренность, что вся трудная теоретическая подготовительная работа за нихъ продѣлана... И наконецъ, всѣмъ этимъ молодымъ людямъ такъ хотѣлось дать жизни почувствовать ихъ активную силу, что на теоретическую работу мысли они смотрѣли какъ на школу, которую надо пройти какъ можно скорѣе.

Когда, подъ руководствомъ Чернышевскаго, эта школа была пройдена въ очень короткій срокъ—на того же Чернышевскаго были устремлены взоры молодежи, жаждущей «дѣла».

Опредѣленной, точной программы дѣйствія они изъ его рукъ не получили. Но это нисколько не помѣшало быстрому росту радикальной мысли и радикальнаго выступленія. Быть можетъ, даже способствовало ему... Молодая натура охотно идетъ за учителемъ въ области чистой мысли, но ревниво оберегаетъ свою самостоятельность въ области поступковъ. Строго очерченная программа дѣйствія способствуетъ обыкновенно образованію очень замкнутыхъ кружковъ и тщательно сортируетъ людей. Программа неопредѣленная въ деталяхъ, но съ ясно намѣченной цѣлью, наоборотъ, даетъ возможность самымъ разнообразнымъ людямъ сплотиться около одного дѣла, предоставляя каждому члену единомышленной въ общемъ группы примѣнить по своему усмотрѣнію къ этому дѣлу свои склонности, вкусы, таланты и свой темпераментъ.

Если Чернышевскій не давалъ точнаго плана, по которому надлежало двигаться, то направленіе и конечная цѣль были имъ намѣчены очень ясно.

Благо народа. Сближеніе съ народомъ на какой угодно почвѣ. Союзъ съ нимъ для общаго возстанія противъ существующаго порядка. Свобода всякихъ революціонныхъ выступленій и подготовка торжества соціалистическаго строя въ возможно близкомъ будущемъ...

Каждый вѣрующій въ разумность этой цѣли могъ итти къ ней по своему путеводителю. И много молодыхъ людей пошло по этой дорогѣ.

И вслѣдъ за ними по тому же пути двинулись ихъ сестры, невѣсты, жены и знакомыя.

Несторъ Котляревскій.

ОТЕЦЪ ВАРНАВА.

I.

Жаждущіе:

Широкія ворота лавры были открыты настежь, и въ нихъ вливался безконечнымъ потокомъ народъ. Въ мутномъ осеннемъ разсвѣтѣ фигуры людей проступали неясныя, какъ тѣни, и было ихъ нашествіе угрюмо и упорно. Стеклись изъ неизвѣстныхъ мѣстъ—всѣ разные: молодые, старые, среднихъ лѣтъ; мужчины, дѣвушки, женщины; оборванные и прилично одѣтые; больные и здоровые; сильные и калѣки; смѣлые и забитые; красивые и безобразные... Но всѣ одинаково тусклые въ прозрачномъ сіяніи разсвѣта, они сливались въ колыхающуюся, безпокойную, длинную змѣю. Хвостъ ея растекался за воротами лавры по тропамъ и дорогамъ осенней рощи, а голова прилѣпилась къ бѣлымъ церковнымъ стѣнамъ.

Тихій, но мощный шелестъ голосовъ стоялъ, какъ туча, надъ головами людей, и казалось, это шумитъ сухой листвой въ непогоду лѣсъ. По каменнымъ дорожкамъ двора плавной походкой проходили монахи. Ихъ черныя одежды напоминали о чемъ-то строгомъ, нѣмомъ и холодномъ, что грозитъ безмолвно. Бѣлые корпуса, окружавшіе церковную площадку, стояли замкнуто и величаво, и одинокіе тусклые глаза освѣщенныхъ оконъ смотрѣли испытуя.

Ударилъ колоколъ. Звукъ былъ тяжкій, какъ будто шелъ не сверху, а изъ нѣдръ земли. Онъ долго колыхался надъ лаврой, точно большая черная птица. Потомъ поднялся и замеръ наверху нѣжно и трепетно, какъ прощаніе. На смѣну улетѣвшему

пришли другіе, окрѣпшіе и властные. Они уже здѣсь не медлили, а шли размѣренно и тяжко куда-то въ несказанную даль, какъ стройная вереница бойцовъ.

Мертвыми, безстрастными тѣнями стекались въ церковь монахи. За ними робко, какъ незваные гости, проталкивались міряне. Ихъ было много, и скоро они наполнили весь храмъ, но снаружи еще стояли, по двору еще бродили и въ ворота еще вливались новыя волны.

Разсвѣтъ обнажилъ ихъ лица и одежды. Въ блѣдномъ неподвижномъ сіяніи, падавшемъ съ мутнаго неба и отраженномъ бѣлыми стѣнами, лица казались странными, точно испуганными, застигнутыми врасплохъ. Тревожно круглились глаза, мертво бѣлесились скулы, плотно сжатыя губы таили скорбь, и бороды не шевелились—мертвыя. И одежды, чудовищныя своимъ многообразіемъ, напоминали странный карнавалъ, гдѣ собрано все, что пестро и нелѣпо.

Нищіе въ сѣрыхъ лохмотьяхъ. Старики въ коричневыхъ сермягахъ. Мужики въ нагольныхъ, засаленныхъ, съ яркими новыми латками, полушубкахъ. Бабы въ желтыхъ платочкахъ. Странники въ порыжѣлыхъ подрясникахъ съ котомками за плечами и съ длинными падогами въ рукахъ. Бродяги въ рваньѣ. Старицы въ черномъ... Калѣки, слѣпцы, юродивые... Дряхлые, изсохшіе старики... Истощенныя лица съ воспаленными глазами; лица покрытыя язвами и болячками; лица безносыя; лица мертвыя, безъ проблеска жизни въ мутныхъ глазахъ; лица звѣриныя, упрямо и жадно высматривающія; лица, убитыя горемъ навсегда; лица тупыя, какъ маски—идіотовъ; лица обманутыхъ; лица потерявшихъ; лица замученныхъ; лица голодныхъ; лица ищущихъ; лица убійцъ, насильниковъ, воровъ, блудницъ, безнадежно растлѣнныхъ...

Кто ихъ согналъ сюда—это полчище, разбитое невѣдомымъ врагомъ? И что они ищутъ здѣсь?

Въ старой лаврѣ престольный праздникъ. Въ старой лаврѣ—отецъ Варнава. Онъ утѣшаетъ, врачуетъ, совѣтуетъ. Онъ прорицаетъ.

Это къ нему стеклось разбитое врагами полчище.

II.

Отецъ Варнава.

Келья Варнавы маленькая, тѣсная, но свѣтлая, нарядная, уютная, какъ комната молоденькой дѣвушки. Стѣны обиты голубыми съ цвѣточками обоями; потолокъ выбѣленъ, свѣжій; полъ выкрашенъ въ желтую краску; два окна съ кисейными занавѣсками, съ горшками растеній изъ теплыхъ странъ; въ переднемъ углу иконы—тоже свѣтлыя, съ ликами святыхъ, написанныхъ молодымъ живописцемъ, съ розовой висячей лампадой; кровать покрыта пикейнымъ одѣяломъ—дѣвичьимъ; на столѣ скатерть съ ажурными прошивками—тоже дѣвичья; шкапчикъ стѣнной; полка съ книгами въ разныхъ переплетахъ: то въ кожаныхъ, старо-церковныхъ, то въ легкомысленныхъ современныхъ; есть книги и безъ переплетовъ, совсѣмъ свѣжія.

Такъ и кажется, что въ кельѣ живетъ не монахъ, отрекшійся отъ живой жизни—живой мертвецъ, а юная, совсѣмъ еще зеленая дѣвушка, которая любитъ и почитать страшно-завлекательную книжку про любовь, и помечтать въ уединеніи о доблестномъ принцѣ изъ заморскихъ странъ, и посмѣяться до слезъ въ кругу такихъ же зеленыхъ, видящихъ въ жизни одни цвѣты, смѣшное да любопытно-щекочущее...

Варнава былъ средняго роста, худощавый, съ ласковыми карими глазами, съ черными, тронутыми сѣдиной волосами и рѣденькой прямоугольной бородкой. Никогда онъ не сидѣлъ спокойно, все тѣло его страшно дергалось, какъ будто онъ былъ не человѣкъ, а кукла, которую треплятъ безъ отдыха рѣзвыя дѣтскія руки. Глаза перебѣгали съ предмета на предметъ, ловили все и прятали куда-то глубоко—въ какую-то тайную кладовую. Мускулы лица неустанно сокращались, и лицо играло всѣми человѣческими чувствами, мгновенно набѣгавшими и ускользавшими мгновенно, какъ волны на береговой песокъ. Длинныя нѣжныя пальцы шевелились, всюду тыкались, стремительно перебирали зерна четокъ, хватались за вещи, за бороду, другъ за друга. Варнава не ходилъ, а бѣгалъ, не стоялъ, а танцовалъ какой-то легкій и странный танецъ, не сидѣлъ, а вертѣлся на стулѣ, какъ рѣзвый неугомонный школьникъ.

И когда молился Варнава, его тѣло продолжало свой танецъ: голова встряхивалась и кивала, пальцы съ бѣшеной быстротой скакали по кругу четокъ, и все тѣло нестройно колебалось, точно тонкое деревцо въ налетѣвшемъ вихрѣ.

И никогда не сбѣгала съ его губъ улыбка.

III.

Бѣсноватый.

За дверями кельи раздался шумъ. Кто-то ругался хриплымъ надорваннымъ голосомъ, и чьи-то тяжелые сапоги брякали по полу. Варнава распахнулъ дверь и вышелъ въ свѣтлыя сѣнцы.

Два мужика, парень и пожилой, тащили подъ мышки третьяго. Этотъ былъ страшенъ. Кафтанъ сползъ съ его плечъ, грубая пестрядинная рубаха задралась и обнажила втянутый животъ, штаны сползали, открывая желтое тѣло. Взлохмаченная голова неистово дергалась въ стороны, и темное костлявое лицо, напоминающее черепъ, лязгало черными зубами. Пытаясь вырваться изъ дюжихъ мужичьихъ рукъ, больной ругался площадной бранью, а въ промежуткахъ жадно втягивалъ воздухъ, со свистомъ врывавшійся сквозь стиснутые зубы.

Варнава остановился и, всматриваясь въ лицо безумнаго, тихо произнесъ:

— Подойди поближе.

Мужики подвели больного. Варнава вытянулъ шею и приблизилъ лицо къ его лицу. Двѣ пары глазъ скрестились, какъ острые враждебные клинки.

Кивая головою, играя четками, Варнава смотрѣлъ въ дикіе выпученные глаза и пѣвуче-ласково выговаривалъ:

— Молчи-ка! Молчи-ка! Молчи-ка!

Больной стихалъ. Онъ еще продолжалъ ругаться, но слова были глухи и неувѣренны. И голова уже не дергалась, а встала прямо и застыла.

Варнава поднялъ руку и мягко, всею ладонью, опустилъ ее на лохматую черную голову.

Сумасшедшій сжался, оскалилъ зубы и, закативъ глаза, такъ что остались лишь красноватые бѣлки, завылъ. Онъ вылъ,

какъ собака, которую бьютъ въ углу, дико и пронзительно, и острый звѣриный ужасъ былъ въ этомъ воѣ человѣка.

Варнава быстро читалъ молитву и когда кончилъ, безумный замолчалъ. Монахъ отступилъ и широкимъ размашистымъ движеніемъ благословилъ его.

Тотъ сдѣлалъ хитрое лицо и отчетливо-вѣско выговорилъ:

— Су-кинъ сынъ!—И засмѣялся.

И засмѣялся Варнава—ласково, какъ смѣются забавному ребенку.

IV.

Дура.

Вошла въ келью пожилая, тучная дама, одѣтая богато и безвкусно. Она съ трудомъ склонилась и, когда цѣловала руку архимандрита, умиленно всхлипнула.

— Зачѣмъ пришла?—улыбаясь, спросилъ Варнава.

Дама тяжело дышала.

— Садись. Жертвовать хочешь?

— Ахъ, батюшка!—просіяла дама.—Въ сердцахъ читаете! Точно, есть на сердцѣ. Но безпокоюсь очень: угодна-ли Богу моя жертва? Грѣшница я, батюшка!

— Мужа обманула?

Дама потупилась и поблѣднѣла.

— Прозорливецъ, отецъ святой!—пролепетала она и грузно, всей тушей жирнаго тѣла, сползла на полъ.

— Встань-ка!—сказалъ монахъ.—Эка вѣдь ты... Ну, ладно. Богъ-то проститъ. Встань!

Та съ усиліемъ поднялась.

— Хочется мнѣ оградку покрасить, святой отецъ. Оградка у васъ старая въ лаврѣ, облупилась вся, и такъ мнѣ больно на нее смотрѣть. Думаю, святое мѣсто, а ограда такая некрасивая...

— Къ эконому иди, къ Варсонофію,—все улыбаясь, проговорилъ Варнава.—Я на счетъ красокъ не того... не свѣдущъ. Къ эконому, къ Варсонофію прогуляйся.

Получивъ благословеніе, дама вышла.

Варнава поднялъ надъ головою руки и, сплетши пальцы,

потянулся всѣмъ тѣломъ. Въ суставахъ хрустнуло. Онъ крякнулъ и улыбнулся дѣтской улыбкой.

V.

Ищущій.

Минуту Варнава смотрѣлъ на образъ, и четки бѣжали въ его длинныхъ пальцахъ, торопились стремительно и трепетно, какъ бѣжитъ вода. Молился ли Варнава или только думалъ глубоко и тихо?

Когда онъ повернулся къ двери, у порога стоялъ огромный человѣкъ. И такъ массивно было его тѣло, такая мощь чуялась въ его неподвижной фигурѣ, почти касавшейся головою потолка, что Варнава невольно отступилъ.

— Эка! Выросъ-то! — съ дѣтскимъ удивленіемъ воскликнулъ онъ.

— Что за человѣкъ такой?

Гость сдѣлалъ шагъ впередъ, и оттого, что неподвижность была нарушена, стало казаться, будто его тѣло заполнило собою всю свѣтлую маленькую келью.

— Странникъ я, — не сразу отвѣтилъ великанъ.

Голосъ его, какъ и тѣло, былъ огромный, но странно глухъ и безцвѣтенъ. Казалось, онъ идетъ откуда-то издалека, какъ раскаты невидимой грозы, когда еще небо ясно, и только мглистъ горизонтъ.

— Хожу по землѣ, ищу.

— Чего это? — съ непонятной веселостью въ тонѣ спросилъ монахъ.

Великанъ покосился на стулъ и осторожно, точно боялся раздавить его собою, сѣлъ. На немъ была странная одежда: какая-то безцвѣтная, выгорѣвшая кацавейка, на шеѣ мотался скрученный платокъ, когда-то красный, теперь же бурый отъ грязи, и ноги были обуты въ чудовищные лапти. Присѣвъ на стулъ, онъ угрюмо осмотрѣлся, не двигая огромной головой, потупился и началъ:

— Ищу правой вѣры, чтобы человѣку тѣсно не было, чтобы человѣкъ какъ слѣдуетъ стоялъ, во весь ростъ, не гнулся. Обошелъ я всѣ города, въ Сибири, на Дону, на Кавказѣ бывалъ.

Къ Студеному морю пробираюсь, сказываютъ люди бывалые, древній монастырь стоитъ тамъ на островѣ. Да на пути монашка повстрѣчалъ, монашекъ малый идетъ. Куда? спрашиваю. Въ Покровскую пустынь, говоритъ, къ отцу Варнавѣ. А что, говорю, за Варнава такой у васъ? А, говоритъ, мудрый человѣкъ, прозорливецъ. Всѣхъ принимаетъ, и никто обиды отъ него не видитъ, а только утѣшеніе.

Великанъ остановился, помялъ руками свою рыжую шляпу, какую носятъ стародавніе дьячки.

— Рѣшилъ я дать малаго крюку, къ отцу Варнавѣ навѣдаться. Много отцовъ-то видалъ я, да ничего, по правдѣ, не добился. Все несуразные: то обругаетъ, накричитъ, то ласковъ, да безтолковъ, то наговоритъ тебѣ столько, — не прожевать... Къ тебѣ пришелъ, что ты скажешь?

Гость чуть замѣтно ухмыльнулся, моргнувъ глазами. Его крупная голова съ мягкими, нѣжнаго льняного цвѣта волосами, странно напоминала ребенка. И улыбка его не обижала, какъ дѣтская.

Варнава тоже улыбнулся едва замѣтной лукавой усмѣшкой.

— А я тебѣ ничего не скажу.

Великанъ поднялъ голову.

— Такъ ничего не скажешь?

— Ничего. Да и чего тебѣ сказать-то? Самъ большой. Вона—вымахнулъ! Эка! Силища-то, чать, а?

Великанъ хмыкнулъ и помялъ шляпу. Потомъ лицо его съ бѣлымъ на подбородкѣ пухомъ расплылось въ улыбку.

— Правый ты человѣкъ, отецъ Варнава! Нечего сказать, лучше промолчать.

Варнава вскочилъ и, неслышно приблизившись къ страннику, заглянулъ въ его дѣтскіе глаза и сказалъ тихо, съ огромной и нѣжной силой:

— «Я есмь хлѣбъ жизни. Приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда».

И отступилъ, танцуя свой странный танецъ.

Великанъ поднялся.

— Вотъ, говоришь и ты,—глухо загудѣлъ далекій громъ, а небо было яснымъ.—Это я, батюшка, слышалъ.

— Не вѣришь?—быстро бросилъ Варнава.

— Не вѣрю,—улыбнулся тотъ, точно сказалъ забавное.

— Ну, ищи! — весело крикнулъ Варнава.—Только знай: не повѣришь, не найдешь.

— Не найду?—задорно вскинулъ головою великанъ.

— А можетъ, и найдешь, да не то, чего ищешь.

— На что намекаешь? — нахмурился великамъ. И сталъ еще больше похожимъ на ребенка—обиженнаго.

— Бога ищешь? А Богъ-то вотъ Онъ!—крикнулъ Варнава и засмѣялся, танцуя.

— Гдѣ?—еще больше нахмурился великанъ.

— Да вотъ тутъ,—хлопая ладонью по могучей груди человѣка, сказалъ Варнава. — Чать, мухи не обидѣлъ, а? Вонъ какой, а козявку, чать, обойдешь, не наступишь? А?

И засмѣялся отецъ Варнава.

И засмѣялся, какъ дитя, великанъ.

VI.

Христова невѣста.

Вошла молодая дѣвушка въ скромномъ черномъ платьѣ. У ней были большіе черные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ. Изъ подъ платка, повязаннаго по-старчески, выбились мягкія пряди волосъ чистаго пепельнаго цвѣта. И это сочетаніе черныхъ глазъ и нѣжныхъ свѣтлыхъ волосъ производило странное, тревожно-чарующее впечатлѣніе. Старенькое платье, изъ котораго она выросла, плотно обтягивало тѣло, и молодыя, едва распустившіяся груди, выступали нѣжно и стыдливо, хотѣли спрятаться—не могли. Дѣвушка робко переступила порогъ и, шагнувъ впередъ, опустилась неслышно на колѣни.

И когда поднялась, встрѣтила странно мерцающій взглядъ Варнавы.

— Кому кланяешься?—съ улыбкой бросилъ онъ.—Богу али мнѣ?

— Вамъ, батюшка. Простите Христа ради.

— Мнѣ-ѣ? А зачѣмъ человѣку надо кланяться? Чтобы носъ задиралъ, а? Вѣдь я же вотъ тебѣ не кланяюсь.

— Что вы, батюшка!—смущенно пролепетала дѣвушка.

— Что, что... Я—ничего. А ты—ты-то вотъ что? Ты мнѣ будешь кланяться, я—тебѣ, и выйдемъ мы два дурака. Думаешь, съумничала?

— Простите, батюшка, Христа ради.

— Ладно, Богъ проститъ,—улыбнулся Варнава.

И вдругъ закипѣлъ опять, заплясалъ свой легкій и странный танецъ.

— Да нѣтъ, ты погоди! Я тебѣ такъ не спущу этого!

Упалъ на колѣни—легкій и упругій. Коснулся пола лбомъ и вскочилъ съ улыбкой.

— Ну, теперь квиты. Садись.

Дѣвушка сѣла смущенная, съ дрожащими кистями рукъ. Разсказывала долго, взволнованно и несвязно: о томъ, какая большая у нихъ семья, какъ страшенъ бываетъ отецъ, когда у него запой, какъ мучится-бьется мать, и какъ ей жалко ихъ всѣхъ.

— Въ монастырь хочу,—сказала въ заключеніе дѣвушка.

— Какъ тебя зовутъ?

— Татьяна.

— Зачѣмъ идешь въ монастырь?

— Хочу Господу послужить.

— А матери служишь?

Дѣвушка потупилась. Въ чуткой тишинѣ Варнава слышалъ ея дыханіе и тонкій скрипъ тугого платья на стянутой груди.

Вдругъ она выпрямилась, подняла голову и взглянула въ глаза монаху бездонными глазами. Въ нихъ страшно и нѣжно горѣло тихое безуміе.

Варнава подался къ ней.

— Что скажешь?—спросилъ онъ глухо. И тѣмъ же нѣжнымъ безуміемъ, что стояло въ глазахъ ея, загорѣлись глаза его.

— «Кто любитъ отца или мать больше, нежели Меня, недостоинъ Меня». Батюшка! Я люблю Господа больше родителей. Развѣ это грѣхъ?

— Грѣхъ—съ орѣхъ,—сорвался, заплясалъ, заулыбался Варнава.—Вотъ что, Танечка, дѣвушка милая! Выходи ты замужъ, голубынька! Да не гнѣвайся на меня! Слушай! Господа, говоришь, любишь? А Онъ вѣдь не здѣсь, Господь-то. Не въ монастыряхъ. Мало здѣсь Его осталось, совсѣмъ мало. Онъ больше вотъ въ эдакихъ,—ткнулъ пальцемъ въ сторону гостьи Варнава.—Вотъ Онъ, Господь-то. Ему я давеча и поклонился... Что глядишь? Не понимаешь? Ну и ладно. И не надо понимать тебѣ. Когда поймешь, тогда потеряешь. Бога-то. Слушай, дѣвушка! Въ монастырь не ходи, замужъ выходи. Да. Ну? Не гнѣвайся, правду сказываю, голубынька! Красотой Богъ тебя наградилъ. Утѣшеніе мужу дашь. Большое утѣшеніе. Люди-то

обижены, нерадостны. Утѣшь хоть единаго, а? Танечка! Не гнѣвайся Христа ради на меня! Людямъ послужишь, у Бога заслужишь. А въ монашки успѣешь...

— Батюшка!..

— Чшш!.. Помолчи! Послѣ скажешь, когда другой разъ придешь. А теперь подумай. Да жениха-то посматривай. Ну, Господь съ тобой, ступай. Посваталъ бы тебя, да... видишь? Не могу!

И засмѣялся Варнава.

Сердито сдвинувъ брови, вышла дѣвушка. А сердце отчего-то пѣло.

VII.

Мать.

— Батюшка, помогите!—сказала дама и хотѣла упасть къ ногамъ Варнавы, но тотъ не допустилъ.

Дама сѣла и подняла вуаль. Взглянула далекими, чуждыми глазами. Скорбная складка лежала у ней между бровей, и углы рта опустились, и выбились изъ-подъ шляпы сѣдые волосы. Но лицо было еще красиво.

Варнава встрѣтилъ ея взглядъ и съ радостнымъ чувствомъ состраданія погрузилъ въ ея глаза свои. Такъ много было муки въ этихъ прекрасныхъ человѣческихъ глазахъ.

— Сказывай!

Дама уронила руки, и руки безсильно утонули въ колѣняхъ. Сказала просто:

— У меня сынъ застрѣлился.

И помолчавъ, продолжала медленно:

— Единственный ребенокъ, гимназистъ. Ему было двѣнадцать лѣтъ... стихи писалъ! Красавецъ былъ и добрый-добрый... И я не знаю, отчего застрѣлился. Теперь такъ много случаевъ... Но вѣдь онъ былъ ребенокъ!

У дамы задрожали плечи и лицо, она отвернулась, но быстро оправилась.

— Онъ оставилъ записку: «Мама, прости меня. Такъ лучше». И больше ничего... больше ничего. Почему я не умерла, не знаю. Вотъ только посѣдѣла.—Она улыбнулась блѣдно.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ Варнава.

— Двадцать девять... Но это не все. Съ тѣхъ поръ мужъ мой пьетъ. Страшно. Ему отказали отъ мѣста. Мы почти нищіе. Онъ еще молодъ, ему 33...

Она потянулась къ Варнавѣ и, сложивъ руки, какъ на молитвѣ дѣти, сказала:

— Батюшка! Неужели нельзя иначе?

— Будетъ!—твердо отвѣтилъ монахъ.

Лучъ надежды засвѣтился въ глазахъ женщины.

— Онъ такъ любилъ Володю. Онъ не перенесетъ. Пьетъ уже четыре мѣсяца. Ужасно. Я никогда бы не повѣрила, что человѣкъ можетъ выносить такія муки... Ничто не помогаетъ. Ѣздили, развлекались... ничто не помогаетъ! А теперь нечѣмъ жить, все прожито... Батюшка! Я готова покончить...

— Чшш!..—улыбаясь, зашипѣлъ монахъ.

Женщина растерянно смолкла.

— Тише!—повторилъ Варнава. Голова его дергалась, какъ у картоннаго паяца, но глаза не отрывались отъ глазъ женщины.

— Что, батюшка?—испуганно прошептала дама.

— Ничего,—все улыбался Варнава.—Нѣтъ смерти, нѣтъ печали, нѣтъ ужаса. Ничего нѣтъ. Володя-то, вонъ онъ, твой Володя! При тебѣ. Живетъ! Въ сердцѣ у тебя живетъ! Да еще какъ живетъ! Великой любовью твоей питается. А ты говоришь умеръ. Эхъ ты! А еще образованная!—И смѣясь, затанцовалъ Варнава.

Невольно улыбаясь, смотрѣла на него дама.

— Ну, а тотъ, мужъ?—проговорила тихо.

— Мужъ?—подхватилъ Варнава.—А ты на что? Да ты, эдакая, не одного, а сорокъ мужей подымешь! Эка! Сказала! «Мужъ»... Иди-ка съ Богомъ, иди. Да приласкай его, съ нимъ и того... пройдетъ. Опохмелиться дай... малую чарку. Да лаской бери, лаской. Лаской дьявола возьмешь...

Дама улыбалась.

VIII.

Жертва.

Благославляя маленькую женщину, почти ребенка, съ дѣтскимъ наивнымъ личикомъ и невинными, но скорбными глазами, Варнава смотрѣлъ на ея вздутый круглый животъ, нелѣпымъ наростомъ сидящій на этомъ юномъ, почти дѣтскомъ тѣлѣ.

— Батюшка!—заговорила женщина слабымъ ребяческимъ голоскомъ.—Милый батюшка! Благословите на смертыньку. Жизни хочу рѣшиться.

Варнава заплясалъ свой танецъ.

— Жизни рѣшиться? Ишь, чего надумала! Да ты понимаешь, что говоришь-то? Какъ зовутъ? Откудова?

— Изъ Посада я, батюшка. Прожигу столяра знаете? Тятенька мой. А зовутъ Анной.

— А годковъ тебѣ сколько?

— Съ Успленья шешнадцатый.

— Шестнадцатый? Въ куколки играешь?

— Я, батюшка...

Дѣвочка не докончила. Она согнулась, припала лицомъ къ рукамъ и заплакала судорожнымъ плачемъ.

Монахъ смотрѣлъ, и пальцы его бѣгали по четкамъ, а въ глазахъ стояла печаль.

— Не плачь, дурочка ты моя! Разскажи-ка. Потомъ поплачешь.

Анна заговорила, всхлыпывая, размазывая по лицу слезы, какъ дитя.

— Не виновата я. Я, батюшка, хочу рученьки на себя наложить. Я, батюшка, всѣ ноченьки плачу, и слаще мнѣ смертынька, чѣмъ жисть на этомъ свѣтѣ.

— Кто тебя обидѣлъ?

— Онъ, тятенька.

Варнава переспросилъ:

— Отъ кого понесла?

— Отъ тятеньки, милый батюшка, порази Господь! Мамынька-то померла, пять годовъ, какъ померла. И живу я съ тятенькой, и никуда онъ меня не пущаетъ. А къ вамъ, милый батюшка, я тихонько убѣгла.

— Папаша твой?

— Папаша, батюшка, родной папаша. Давно онъ со мной, почитай, съ того самаго, какъ мамынька померла. А мнѣ стыдъ, люди-то пальцами тыкаютъ. А тятенька бьетъ. Ежели, говоритъ, скажешь кому, задушу и въ погребѣ закопаю, и отвѣчать не буду.

— А родные-то есть у тебя?

— Родственники? Нѣту, батюшка, никого нѣту. Былъ дяденька, мамынькинъ братецъ, да на войнѣ съ японцемъ убили. Никого нѣту, батюшка. А въ Посадѣ мы живемъ, какъ мамынька

померла, а допрежъ жили въ деревнѣ. А какъ мамынька померла, то и переѣхали въ Посадъ.

Варнава вскочилъ и забѣгалъ отъ стѣны къ стѣнѣ.

И вдругъ остановился передъ нею, взялъ ея голову руками и на мгновеніе прижалъ къ груди. Потомъ отпустилъ и, улыбаясь, засматривая ей въ глаза, въ которыхъ дрожали слезы, кивая головою, заговорилъ:

— Кого боишься-то больше? Тятеньки али Бога, аль людей? Бога? А Богъ-то не страшный! Онъ ласковый, Богъ-то. Онъ какъ взглянетъ на тебя, такъ и улыбнется. Эка, дурочка, скажетъ, дѣвочка маленькая, глупая, меня испугалась, а я и не страшный! Вотъ какъ скажетъ Богъ-то. А люди? Люди—ничего, не страшные. Они эдаки же, какъ ты, пугливые, сами боятся, вотъ и пугаютъ. А ты не пугайся! И тятеньки не пугайся. Болтаетъ онъ зря. Такъ, отъ скуки, а не то, чтобы со зла. И не перечь ему. Лаской бери. Лаской всѣхъ возьмешь. А грѣха не бойся. Грѣха на тебѣ нѣтъ. Богъ-то все понимаетъ, не по человѣчески, а по Божьему. Ну? Иди съ Господомъ!

Благословилъ, и когда дѣвочка, цѣлуя ему руку, уронила на нее слезу, слеза была теплая и свѣтлая, какъ и сердце, въ которомъ она родилась.

IX.

Сердце, обросшее шерстью.

— Батюшка! Грѣшникъ я окаянный, проклятый! Душу я загубилъ неповинную! Кровью чистой, младенческой упился! Нѣтъ мнѣ милости, нѣтъ мнѣ прощенія!..

— Встань-ка.

— Не встану, батюшка! Не встану, отецъ святой, молитвенникъ нашъ, заступникъ! Бей меня, топчи меня смраднаго, песъ я, червь я, губитель!..

— Эка! Встань, говорю, глупый! Несуразный какой. Встань-ка!

Но человѣкъ не всталъ, онъ продолжалъ валяться у ногъ Варнавы, и длинныя космы его волосъ пресмыкались, какъ сплетшіеся гады.

Наконецъ, разслабленно поднялся.

Лицо его, заросшее черными волосами, страннымъ образомъ совмѣщало въ себѣ что-то дѣтское, наивное и вмѣстѣ что-то лукавое и хищное. Какъ будто въ немъ сочетались двое: ребенокъ и звѣрь и, сочетавшись, дали этотъ грязный образъ въ черной монашеской одеждѣ. Онъ весь качался, точно пьяный или больной, хватался руками за грудь, за космы, а ротъ кривился, испуская глухіе вздохи.

— Исповѣдуйся Богу,—сказалъ Варнава и всталъ передъ иконами.—Вѣришь ли?

— Вѣрую, вѣрую, отче!—простоналъ человѣкъ.—Но грѣхъ мой великъ и страшенъ.

— Страшенъ? Ну-у? Разскажи-ка!

— Страшно мнѣ, отче!

— Не тяни! Экой ты вѣдь, человѣче!

Человѣкъ пересталъ ломаться и, опустивъ голову на грудь, сложивъ крестообразно руки, сиплымъ шепотомъ заговорилъ:

— Ребеночка убилъ я, дѣвочку малую, трехлѣточку, этимъ лѣтомъ въ городѣ задушилъ, истерзалъ окаянный! Сманилъ малую, глупую въ оврагъ къ рѣчкѣ и пряникъ далъ, она и пошла... охъ, Господи! Она и пошла. Посадилъ ее въ ямочкѣ, вечеръ былъ, солнышко садилось, въ ямочкѣ песочекъ чистенькой, играетъ она тѣмъ песочкомъ и пряникъ мой грызетъ, и такая красавица, какъ херувимчикъ, дѣвынька, и не боится меня ни капельки. Смотрю я, а дьяволъ мнѣ въ уши: эй, не зѣвай! эй, не зѣвай! Оглянулся: мать пустыня! Оврагъ глухой, на краѣ города, жилья не видать, только глина да песокъ, и на рѣченькѣ ни души. Взялъ я ее, погладилъ по головкѣ, а волосики бѣлые, какъ пухъ, шелковые. Смѣется. Дядя, говоритъ, дядя! Разстегнулъ я платьице, сталъ сымать, рубашечка подъ нимъ старенькая, чистенькая. А тѣльце розовое, пухленькое, нѣжное... Загорѣлся я адскимъ пламенемъ, сдернулъ рубашечку, чулочки, ботиночки, гляжу: она передо мной, какъ сахаръ... охъ, Господи! Заплакала. Взялъ я, да ея же рубашечкой ротикъ ей и заткнулъ, чтобы не слышно было. А глазки, голубые василечки, такъ въ меня и впились. И слезки бѣгутъ, глядитъ, не моргаетъ, а слезки изъ глазокъ, какъ росинки чистыя, бѣгутъ... Охъ, Господи!.. Искровянилъ, истерзалъ, живого пятнышка не оставилъ. Бьется, милая, какъ рыбка, подо мной. Взялъ я пригоршню песку этого самаго, которымъ играла то, да и забилъ ей въ ротикъ, въ горлышко... задохнулась горлица. А я, окаянный, проклятый, вынулъ ножикъ—ножикъ у меня былъ въ карманѣ, складной,

со штопоромъ, — раскрылъ и давай полосовать. Кровь такъ и брызжетъ, такъ и брызжетъ, такъ и брызжетъ...

— Ну, ладно! И этого довольно,—улыбаясь, оборвалъ Варнава.—Дальше-то не толкуй, не надо.

Человѣкъ умолкъ, тяжко и горячо дыша. Руки, черныя отъ волосъ и грязи, тряслись на втянутомъ животѣ, а ротъ сводила судорога.

Варнава, склонившись, заглянулъ ему въ лицо. Что-то было въ лицѣ человѣка, отъ чего невольно отпрянулъ монахъ.

— Эхъ ты-ы!—протянулъ онъ укоризненно, все улыбаясь.

Человѣкъ медленно поднялъ лицо.

— Не простишь?—просипѣлъ онъ трудно.

— Кто? Я-то? — заплясалъ свой танецъ монахъ.—Ты меня не обижалъ.

— Богъ не проститъ?

— Богъ-то? Богъ-то давно простилъ. Когда ты младенчика обижалъ, Онъ глядѣлъ на тебя да смѣялся. Богъ-то!

— Ты... что̀ говоришь?—поднялъ глаза человѣкъ. Щека его судорожно дергалась.

— Да вотъ такъ! Смѣялся Богъ-то. Надъ тобой смѣялся. Ты напугать Его хотѣлъ? Вотъ, молъ, я чего дѣлаю, вотъ, на! Стра-ашный я! А Ему смѣшно. Глядитъ на тебя да смѣется. Вотъ, думаетъ, человѣкъ-то напугать меня хочетъ, а я не боюсь. Я и взыскивать-то съ него не желаю. Чего съ него возьмешь, съ глупаго?

— Да ты... шутишь что ли со мной?—затрясся вдругъ человѣкъ.

На блѣдномъ лбу его каплями выступилъ потъ.

— Я? И то шучу!

— Шутишь? Ахъ ты... сволочь! — крикнулъ человѣкъ, отступивъ къ дверямъ. На лицѣ его былъ ужасъ, злоба, непониманіе, и лицо отталкивало, какъ нечеловѣческое.—Дьяволъ ты, а не святой! Самъ бабникъ, сукинъ сынъ!..

— А вѣдь вѣрно, ей-ей! — танцуя, засмѣялся Варнава.—Сны вижу. Не хочу, а вижу. Вотъ поди ты! Дьяволъ-то, а? Силенъ!.. Да ты не сердись, чудакъ человѣкъ! Чай самъ себѣ не радъ, а?

Человѣкъ минуту смотрѣлъ въ лицо Варнавы, широко раскрывъ воспаленные глаза, и вдругъ лицо его исказилось, задергалось, онъ шагнулъ впередъ, свалился къ ногамъ Варнавы и, поймавъ его сапоги, стукнулся о нихъ косматымъ лбомъ.

Глухой вой вырвался изъ его горла.

Потомъ онъ такъ-же стремительно поднялся и, не взглянувъ на Варнаву, выскочилъ изъ кельи вонъ.

X.

Варнава и толпа.

Весь день съ ранняго утра до поздней ночи тянулась передъ Варнавой цѣпь посѣтителей — безконечная ржавая цѣпь страдальцевъ. Усталъ онъ страшно. Но несмотря на утомленіе, его тѣло все также танцовало свой легкій танецъ, и освѣщала улыбка за день похудѣвшее лицо.

Всѣхъ жаждущихъ слова утѣшенія было такъ много, что невозможно было принять всѣхъ порознь, и отецъ Варнава уже въ сумерки вышелъ на крыльцо своей, отдѣльно стоящей въ углу сада, кельи.

— Братья-сестры!—сказалъ онъ весело, съ улыбкой, уже не чувствуя усталости,—къ ней уже привыкло тѣло.—Братья-сестры! Спасибо, что пришли, навѣстили старика. Скучно намъ здѣсь въ обители-то. Спасибо.

Толпа заволновалась, зашелестѣла, закачалась. Многіе проталкивались впередъ, ближе къ крылечку, бабы всхлипывали и кто-то сдержанно голосилъ.

Варнава продолжалъ еще веселѣе:

— Вы вотъ думаете, что я все могу. А чего я могу? Такой же я, какъ и вы.

— Батюшка! Отецъ святой! Заступникъ! Молитвенникъ!—загудѣли восторженные голоса. И уже потянулись къ нему руки, лица; падали на колѣни, рыдали...

И Варнава крикнулъ, взмахнувъ четками, точно платкомъ.

— У кого обиды—сымаю обиды! У кого горе—принимаю горе! У кого болѣзни, того Богъ вылѣчитъ! А кто грѣшенъ—проститъ! А я помолюсь за всѣхъ!

И, растопыривъ широко руки, онъ сдѣлалъ жестъ, точно держалъ въ охапкѣ что-то большое и тяжелое, засмѣялся и проговорилъ:

— Вотъ сколько набралъ! Богу передамъ, Онъ разберетъ.

Поклонился въ поясъ и скрылся въ кельѣ.

Народъ, сдержанно гудя, охая, всхлипывая, смѣясь восторженно, сталъ расходиться.

М. Премировъ.

* * *

Все не могу забыть твой взглядъ,
Твой взглядъ послѣдній, взглядъ прощальный,
Наивный, ласково-суровый.
На бѣлой шеѣ—перловъ рядъ,
На черномъ платьѣ—шарфъ лиловый.
Съ тобой простился я печальный
И навсегда унесъ твой взглядъ.

Я кудри цѣловалъ твои,
Золотопѣнистыя волны,
И опьяненный лихорадкой,
Склонялся въ пышныя струи.
Бродили тѣни надъ лампадкой,
Дрожали радостно-безмолвны
Широкіе глаза твои.

По небу облака летятъ.
Кто гонитъ ихъ нездѣшней силой?
Зачѣмъ твой жалобно-суровый,
Наивно-милый, дѣтскій взглядъ
Пророчитъ мнѣ о жизни новой?
Онъ здѣсь, мой вѣстникъ бѣлокрылый,
И сны мои летятъ, летятъ...

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

САМОУПРАВЛЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНАГО МЕНЬШИНСТВА [1]).

(Окончаніе).

Когда на основаніи деклараціи установлена національная принадлежность каждаго гражданина, получается возможность точно опредѣлить, какая національность является въ данной территоріальной единицѣ большинствомъ. Остальныя народности (одна или нѣсколько) разсматриваются, какъ миноритарныя. Каждая изъ нихъ признается за единое цѣлое, за юридическое лицо, надѣленное публичными правами. Теперь возникаетъ вопросъ о степени и объемѣ этихъ правъ. Каковы должны и могутъ быть функціи національныхъ органовъ? Гражданинъ, принадлежащій къ той или иной національной группѣ въ разноплеменномъ государствѣ, является не только членомъ своей народности: онъ также и гражданинъ своего государства въ цѣломъ, онъ въ то же время и житель своей области, своего города или села. Онъ принадлежитъ, такимъ образомъ, къ нѣсколькимъ союзамъ, и національный союзъ—только одинъ изъ нихъ; принадлежность къ каждому изъ союзовъ налагаетъ на него извѣстныя обязанности. Отсюда возникаетъ необходимость точно разграничить сферы вѣдомства союзовъ. Покуда рѣчь идетъ только о нѣсколькихъ территоріальныхъ союзахъ, разграниченіе не представляетъ никакого труда. Территоріальные союзы—государство, область, городъ—концентричны, предѣлъ ихъ компетенціи ясно вытекаетъ изъ самой географической очевидности, и граница между дѣлами чисто-мѣстными, провинціальными, государ-

[1]) См. сентябрь, стр. 117.

ственными выступаетъ довольно отчетливо. Но союзъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же національному меньшинству, построенъ не на территоріальномъ, а на персональномъ началѣ; онъ не концентриченъ съ территоріальными союзами—онъ лежитъ какъ-бы въ ихъ плоскости, но въ то же время на каждомъ шагу пересѣкается съ ними. Нужно, поэтому, тщательно выдѣлить тѣ стороны личнаго и коллективнаго быта, которыя должны и могутъ быть изъяты изъ вѣдѣнія территоріальныхъ союзовъ и переданы въ руки персональнаго общенія миноритарной народности. Какъ это сдѣлать?

Чаще всего на этотъ вопросъ отвѣчаютъ упрощенной формулой по образцу извѣстнаго изрѣченія: «воздайте кесарево кесарю, Божіе Богу». «Чисто національныя» дѣла подлежатъ вѣдомству національнаго союза, а «остальныя» вѣдаетъ территоріальный. Но эта формула совершенно неудовлетворительна. Нельзя провести точную границу между «національными» и «ненаціональными» переживаніями или отправленіями. Національное начало выражается не только въ разъ навсегда опредѣленныхъ, строго-перечисленныхъ областяхъ человѣческой жизнедѣятельности, но пропитываетъ ее всю, замѣтно или неощутимо сказывается во всемъ. Весь психическій аппаратъ личности національенъ въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова, и такъ какъ онъ является главнымъ орудіемъ всѣхъ нашихъ сознательныхъ и даже многихъ безсознательныхъ функцій, то нѣтъ такой сферы въ нашей активной жизни, которая такъ или иначе не отражала бы національныхъ различій, оттѣнковъ, симпатій, отталкиваній. Къ сожалѣнію, объ этомъ часто забываютъ именно при обсужденіи вопроса о правахъ національности, какъ таковой, и думаютъ, что все содержаніе національной индивидуальности исчерпывается однимъ изъ ея наружныхъ признаковъ—языкомъ. При такомъ пониманіи сфера національно-автономныхъ правъ чрезвычайно съуживается. Мы уже цитировали предложеніе юго-славянскихъ делегатовъ на Брюннскомъ партейтагѣ, гласившее: «каждый народъ, живущій въ Австріи, независимо отъ обитаемой его членами территоріи, представляетъ автономную группу, которая вполнѣ самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ свои *національныя потребности, касающіяся культуры и языка*». По мнѣнію авторовъ, нація, какъ таковая, никакихъ потребностей, кромѣ «культуры и языка», не имѣетъ, и удовлетворить ее въ этой сферѣ, значитъ удовлетворить ее всецѣло. Взглядъ этотъ получилъ впослѣдствіи широкое распространеніе; терминъ «національно-культурная авто-

номія» вошелъ, между прочимъ, и въ программы нѣкоторыхъ россійскихъ политическихъ группировокъ, въ качествѣ исчерпывающаго отвѣта на вопросъ о нуждахъ національности, въ особенности о нуждахъ національнаго меньшинства. Обоснованіе этого взгляда таково: единственный признакъ національности, имѣющій политическое и соціальное значеніе—ея особый языкъ; отсюда вытекаетъ для нея потребность создавать для себя всякаго рода просвѣтительныя учрежденія—школы разныхъ степеней, музеи, театры и т. д. Государство должно признать эту потребность, предоставивъ національности въ этой «культурной» сферѣ полную автономность. И только. Во всемъ остальномъ, во всѣхъ проявленіяхъ, которыя не связаны съ языкомъ и «культурой», гражданинъ выступаетъ не какъ членъ своей народности, а исключительно какъ участникъ соотвѣтствующаго территоріальнаго общежитія. Соціально-хозяйственная и политическая жизнь не имѣетъ никакого отношенія къ національности; компетенція національныхъ органовъ не можетъ и не имѣетъ нужды распространяться за предѣлы «чистокультурныхъ вопросовъ».

Эта терминологія неточна. «Культурой» въ научномъ смыслѣ называется рѣшительно все, что создано и накоплено человѣчестимъ творчествомъ въ области какъ духовной, такъ и матеріальной. Если даже сузить понятіе «культуры» до одной лишь духовной стороны, то и тогда въ это понятіе войдутъ, напримѣръ, законодательныя нормы—право, которое во времена исторической школы считалось именно чистѣйшимъ продуктомъ національнаго духа. Поэтому въ истинномъ смыслѣ «автономія въ дѣлахъ культуры» означала бы нѣчто гораздо болѣе широкое, чѣмъ дѣйствительно понимаемое теперь подъ этимъ лозунгомъ. Правильнѣе было бы формулировать его, какъ «автономію въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія».

Не трудно доказать, что обоснованное на этой теоріи рѣшеніе вопроса не можетъ быть названо рѣшеніемъ. Необходимость правового размежеванія отдѣльныхъ народностей въ національно-смѣшанныхъ мѣстностяхъ возникла потому, что между этими народностями происходятъ тренія; цѣль размежеванія—устранить по возможности всякіе поводы для національныхъ раздоровъ. Но такіе раздоры происходятъ далеко не на одномъ только поприщѣ «языка и культуры». Напротивъ, главная арена, гдѣ совершаются обычно національныя столкновенія,—арена экономическая и политическая; главные объекты борьбы—хозяйственное преобладаніе и государственное вліяніе.

Даже когда борьба ведется во имя правъ языка, подъ этой маской часто скрываются домогательства совершенно другого характера. Проф. Визеръ (извѣстный экономистъ) говоритъ о раздирающихъ Австрію спорахъ изъ-за служебнаго языка (Amtssprache) въ смѣшанныхъ провинціяхъ: «на словахъ рѣчь идетъ о языкѣ служебныхъ функцій, но на самомъ дѣлѣ имѣется въ виду національность чиновниковъ». Подъ видомъ борьбы за языкъ идетъ, въ сущности, борьба за захватъ должностей, т. е. за власть. Яснѣе высказывается, говоря о венгерскихъ условіяхъ, румынъ Popovici. «Истинная сущность всѣхъ нашихъ національныхъ споровъ—не въ вопросѣ о правахъ языка, а въ домогательствахъ государственно-правового характера». Еще опредѣленнѣе выражено это у Шпрингера, хотя его и считаютъ Колумбомъ «культурной автономіи». «Требованіе признанія языка въ школѣ и оффиціальномъ обиходѣ—говоритъ онъ,—«есть только признакъ, а не ядро національнаго стремленія. Воля сторонъ явно направлена на то, чтобы сохранить *нѣмецкое государство* или создать *чешское государство*... Національная проблема не есть только вопросъ о языкахъ—это государственно-правовая проблема».

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бросить бѣглый взглядъ на любую арену, гдѣ происходятъ національныя тренія,—и мы тотчасъ увидимъ, что за выдѣленіемъ «вопросовъ культуры и языка» остается еще непочатый уголъ ожесточеннѣйшихъ племенныхъ раздоровъ, прежде всего на экономической почвѣ. Итальянцы Тироля всегда жалуются, что нѣмецкое большинство сейма въ Инсбрукѣ систематически игнорируетъ ихъ хозяйственныя нужды, отдаетъ львиную долю областныхъ средствъ нѣмецкимъ округамъ и лишь крохи—итальянскимъ. Итальянцы составляютъ около 44% населенія Тироля; между тѣмъ бывали долгіе періоды, когда изъ общей суммы сельскохозяйственныхъ пособій сейма нѣмецкіе округа получали четыре, итальянскіе—всего одну пятую. Чешско-нѣмецкая борьба въ смѣшанныхъ пунктахъ Богеміи, какъ Будвейсъ, Пильзенъ и сама Прага, искони ведется главнымъ образомъ на почвѣ экономическаго вытѣсненія.

По словамъ К. Реннера (настоящее имя Шпрингера) въ муниципальномъ хозяйствѣ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было національная борьба ведется вокругъ вопроса *о моемъ и твоемъ*. Учебныя заведенія, больницы, дома призрѣнія, имущества, цѣнность которыхъ нерѣдко исчисляется сотнями тысячъ,—все это избирательный бюллетень передаетъ въ руки той или другой народности... все это колеблется, какъ военная добыча, между

націями, словно безхозяйное добро, которое принадлежитъ тому, кто его захватитъ».

Все это далеко отъ представленія, будто единственное поле столкновеній—вопросы языка, школъ и театровъ. Явственнѣе всего опровергается это представленіе тамъ, гдѣ стороны или, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ—не имѣютъ никакой возможности даже косвенно опереться въ своей національной борьбѣ на государственную власть: въ такихъ случаяхъ борьба цѣликомъ выносится на экономическую арену. Лучшій примѣръ—польско-нѣмецкая борьба въ Познани. Поляки создали цѣлую систему кредитныхъ учрежденій, чтобы усилить польскій элементъ въ противовѣсъ нѣмецкому; такимъ образомъ линія національнаго размежеванія дѣлитъ не только школы и музеи, но и совершенно чуждые «культурѣ» ссудо-сберегательныя кассы и банки. И это совершенно неизбѣжно, потому что національная рознь даетъ себя чувствовать и въ якобы нейтральной области кредита. Проф. Л. Бернгардъ, авторъ капитальнаго изслѣдованія: «Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat», разсказываетъ много такихъ случаевъ. Въ Иновраплавѣ еще въ 1868-мъ году—слѣдовательно еще въ довольно мирное время, когда правительство не вело противъ поляковъ такой отчаянной войны, какъ теперь,—поляки вышли изъ нѣмецкаго кредитнаго товарищества и основали свое, польское, такъ какъ они замѣтили, что у нѣмцевъ «они не пользуются равноправіемъ въ распредѣленіи ссудъ». Въ настоящее время поляки «жалуются, что векселя польскихъ банковъ неохотно учитываются имперскимъ банкомъ. Еще учитываемые нынѣ ихъ векселя являются преимущественно векселями нѣмецкихъ кліентовъ, случайно оказавшимися въ портфелѣ польскихъ банковъ. Настоящей кредитной поддержки польскіе банки не находятъ больше у имперскаго банка. На наши подписи взираютъ съ неудовольствіемъ». Самъ Бернгардъ не оспариваетъ этого мнѣнія поляковъ; напротивъ, онъ, повидимому, очень неодобрительно относится къ другому, частному нѣмецкому банку въ Берлинѣ, который позволяетъ себѣ оказывать польскимъ банкамъ кредитъ. Для Бернгарда, какъ и для всѣхъ, кто такъ или иначе заинтересованъ въ этой борьбѣ, нѣтъ, очевидно, сомнѣнія, что надо быть à la guerre comme à la guerre... Въ другомъ мѣстѣ онъ же сообщаетъ слухи «о несправедливостяхъ прусскихъ кассъ. Крестьянинъ слышитъ, что поляку изъ-за его національности было отказано въ ссудѣ», и въ результатѣ идетъ въ польскую кассу. Авторъ опять-таки не оспариваетъ достовѣрности этихъ слуховъ. Поляки въ свою оче-

редь не остаются въ долгу: въ ихъ кредитныхъ товариществахъ «неписанный законъ, обычай практики требуетъ открывать кредитъ только тѣмъ нѣмецкимъ крестьянамъ, которые достанутъ поручителями поляковъ». Національзація кредита, о которой пока только говорятъ въ Россіи, тамъ уже давно осуществлена, возведена въ систему. Приблизительно тоже нарождается теперь и въ русской Польшѣ, на почвѣ антисемитизма. Вся борьба противъ евреевъ ведется экономическимъ орудіемъ; цѣль борьбы—созданіе польской буржуазіи, переходъ въ ея руки всей торговли и промышленности края, хозяйственный бойкотъ и вытѣсненіе еврейскаго элемента. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь будутъ созданы чисто польскіе банки и постепенно тоже наступитъ національзація кредита. Рядъ примѣровъ можно было бы удлинить до безконечности. Нѣтъ такого закоулка соціальной жизни, гдѣ не могла бы проявиться національная рознь. Когда борются двѣ партіи, онѣ стараются переубѣдить другъ друга; но когда борются двѣ народности, онѣ стараются вытѣснить одна другую. Каждая дѣлаетъ все возможное, чтобы ослабить другую, и не хочетъ дѣлать ничего такого, что могло бы укрѣпить соперницу. Сильнѣйшее орудіе экономическаго могущества — кредитъ; поэтому каждая сторона прежде всего старается захватить банки, чтобы оказывать поддержку своимъ и отказывать въ ней чужимъ. Но затѣмъ и всякія другія учрежденія общественнаго и даже благотворительнаго характера могутъ сдѣлаться ареной или орудіемъ національной распри. Чешское бюро пріисканія труда въ Пильзенѣ ни за что не дастъ работы нѣмцу; чешская больничная касса очень неохотно приметъ въ свои члены нѣмца. Въ больницы пока принимаютъ всѣхъ, кажется и лѣчатъ одинаково, но à la longue и за это нельзя ручаться. Національная борьба проникаетъ во всѣ щели.

О раздѣленіи функцій управленія на «чисто-національныя» и «анаціональныя», слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи. Въ компетенцію національныхъ органовъ желательно было бы включить цѣликомъ всю жизненную сферу, весь гражданскій бытъ членовъ національнаго союза. Такъ оно и складывается для мажоритарныхъ народностей, у которыхъ автономія національная совпадаетъ съ территоріальной. Но для національнаго меньшинства такая полнота самоопредѣленія невозможна. Бо̀льшая часть функцій управленія неразрывно связана съ понятіемъ территоріи. Пути сообщенія, сельское хозяйство, эксплоатація лѣсовъ или земныхъ нѣдръ, финансы и т. д.—все это можно регулировать на опредѣленной территоріи; персональный прин-

ципъ здѣсь совершенно непримѣнимъ. Компетенція національно-миноритарныхъ органовъ ограничена самой силою вещей; предѣлъ ея—простая невозможность, практическая неосуществимость многихъ функцій управленія для экстерриторіальной группы. Національное меньшинство можетъ изъять изъ рукъ территоріальной власти и автономно вѣдать только ту часть своего быта, которая не связана съ территоріей. Эта часть, конечно, гораздо шире, чѣмъ одна только сфера «языка и культуры», но она все же весьма ограниченна сравнительно съ безпредѣльными возможностями самоопредѣленія мажоритарныхъ націй—и, въ силу этой ограниченности, допускаетъ даже болѣе или менѣе исчерпывающее перечисленіе входящихъ въ нее сторонъ національнаго быта.

Легче всего будетъ намъ составить этотъ перечень, изучая функціи существующихъ въ наше время національно-миноритарныхъ организацій, какъ публично-правовыхъ, такъ и частныхъ. Что касается до частныхъ союзовъ этого типа, то объ ихъ дѣятельности можно составить себѣ понятіе по всему тому, что мы выше говорили о методахъ національной самозащиты поляковъ, чеховъ, нѣмцевъ и т. д. Національные органы публично-правового типа встрѣчаются рѣже, широкой публикѣ даже неизвѣстно ихъ существованіе; но они все же встрѣчаются, обыкновенно въ соединеніи съ церковной организаціей. Къ этой категоріи принадлежитъ организація національной сербской церкви въ Венгріи (нынѣ она временно раскассирована), затѣмъ — общинныя конституціи грековъ, болгаръ, армянъ, евреевъ и другихъ не-мусульманскихъ народностей въ Турціи. Несмотря на примѣсь церковнаго начала, эти союзы нельзя разсматривать, какъ исключительно религіозныя общества: они носятъ ярко выраженный національный характеръ, имѣютъ особые органы какъ для религіозныхъ, такъ и для *свѣтскихъ* функцій, и объединяютъ только соплеменниковъ, а не единовѣрцевъ. Въ Венгріи, кромѣ православныхъ сербовъ, есть и православные румыны, но они не входятъ въ сербскую общину; греки и болгары въ Турціи исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, но принадлежатъ къ разнымъ общинамъ. Этотъ національный характеръ союзовъ отмѣченъ и въ ихъ оффиціальныхъ наименованіяхъ: высшій органъ венгерскихъ сербовъ носитъ оффиціальное имя «національнаго сербскаго собора», аналогичныя организаціи въ Турціи оффиціально обозначаются словомъ «миллетъ», что значитъ по турецки «нація». О внутреннемъ строѣ этихъ рѣдкихъ въ наше время образцовъ національно-персональнаго союза съ публичными правами намъ придется

говорить дальше; здѣсь мы займемся только вопросомъ объ ихъ функціяхъ, о предѣлахъ и объемѣ предоставленной имъ автономіи.

Автономія эта проявляется у всѣхъ названныхъ публично-правовыхъ организацій въ разносторонней дѣятельности, которую можно распредѣлить по слѣдующимъ семи рубрикамъ:

I. Дѣла чисто религіозныя, вопросы культа и ритуала: содержаніе церквей или синагогъ, назначеніе духовныхъ лицъ, наблюденіе за порядкомъ въ отправленіи культа, у евреевъ—за ритуальной чистотою пищи; наблюденіе за религіознымъ образованіемъ, назначеніе законоучителей, одобреніе учебниковъ закона Божія и прочихъ книгъ духовнаго содержанія, и т. п.

2. Дѣла народнаго просвѣщенія. Эта область самоуправленія слѣдующимъ образомъ опредѣляется въ конституціи турецкихъ армянъ (§ 45): при «гражданскомъ совѣтѣ» націи учреждается школьная комиссія изъ семи членовъ-мірянъ; на обязанности ея лежитъ «общее руководство и развитіе просвѣщенія, наблюденіе за школами, поддержка обществъ, преслѣдующихъ просвѣтительныя цѣли, забота о положеніи учителей и обезпеченіе ихъ будущности, подготовка преподавателей и учебниковъ, присутствованіе на годовыхъ экзаменахъ и выдача дипломовъ». У другихъ «миллетовъ» приблизительно та же организація этой отрасли.—Сербскій сборъ въ Венгріи избираетъ главный національно-школьный совѣтъ.

3. Дѣла соціальнаго благоустройства. Иногда эту вѣтвь общинной дѣятельности нѣсколько пренебрежительно именуютъ «благотворительностью», но врядъ-ли этотъ скромный терминъ соотвѣтствуетъ важности функцій, о которыхъ идетъ рѣчь. Армянская конституція установляетъ (§ 51), что національный госпиталь «раздѣляется на четыре секціи: для бѣдныхъ больныхъ, для призрѣнія стариковъ, для содержанія умалишенныхъ и для призрѣнія сиротъ»; уставъ еврейской общины (ст. 43) обязываетъ ея «свѣтскій совѣтъ»—заниматься свѣтскими дѣлами націи и ея матеріальными интересами», въ томъ числѣ «охранять имущество сиротъ». Уставъ греческой націи предписываетъ такъ наз. «смѣшанному совѣту» (гл. II, § 3) «наблюдать за національными госпиталями и другими учрежденіями общественной пользы»; этотъ послѣдній терминъ греки понимаютъ широко и включаютъ въ него и организацію дешеваго кредита, и бюро для прискания занятій, и многое другое. То же можно сказать и о другихъ общинахъ. Все это: цѣлая программа по важнѣйшимъ отраслямъ соціальной политики—по народному здра-

вію, общественному призрѣнію, трудовой и взаимной помощи и т. д.

Если отъ этихъ публично-правовыхъ организацій обратиться къ частнымъ національно-миноритарнымъ союзамъ, то мы увидимъ, что ихъ соціальная дѣятельность распространяется еще въ одномъ направленіи: колонизаціонномъ. Вся польская банковая система въ Познани приспособлена къ задачамъ уплотненія и закрѣпленія польскаго элемента въ сельскомъ и городскомъ населеніи края; ту же цѣль преслѣдуютъ и чешскія, и нѣмецкія экономическія организаціи въ районѣ ихъ борьбы. Считаясь съ этимъ фактомъ, Шпрингеръ включаетъ въ компетенцію національныхъ сеймовъ задачи «внутренной національной колонизаціи». Но нетрудно констатировать, что жизнь сплошь и рядомъ заставляетъ національные союзы вѣдать и внѣшнюю, заграничную колонизацію. Особенно много такихъ учрежденій создали евреи. Общество Jewish Colonization Association, обладающее капиталомъ около 200 милліоновъ франковъ, вѣдаетъ 7 колоній въ Южной Америкѣ и 8 въ Канадѣ; бо̀льшая часть ихъ основана этимъ же обществомъ. Въ Россіи оно содержитъ около 400 информаціонныхъ бюро для регулированія еврейской эмиграціи. Палестинскія колоніи также основаны большею частью по общественной иниціативѣ. Въ Лондонѣ имѣется спеціальный еврейскій колоніальный банкъ, съ шестью филіальными отдѣленіями въ Палестинѣ. Одесское «Общество вспомоществованія евреямъ-земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ» содержитъ шесть информаціонныхъ бюро для лицъ, эмигрирующихъ на Востокъ, и основываетъ въ Палестинѣ рабочіе поселки. Въ регулированіи эмиграціи евреевъ изъ Россіи и Румыніи на Западъ большую роль играетъ Hilfsverein des deutschen Juden. Дѣятельность всѣхъ этихъ учрежденій ясно говоритъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ сама жизнь включаетъ дѣло эмиграціи и внѣшней колонизаціи въ число задачъ національнаго органа.

4. Дѣла національной юрисдикціи. Греческій «смѣшанный совѣтъ» вѣдаетъ «тяжбы, возникающія по поводу монастырскихъ доходовъ, завѣщаній, пожертвованій на дѣла благочестія и благотворительности и установленія приданаго, и, кромѣ того, всѣ вообще гражданскія дѣла, какія Высокая Порта найдетъ нужнымъ передать на разсмотрѣніе патріархата». Тѣ же функціи принадлежатъ «смѣшаннымъ совѣтамъ» въ митрополіяхъ и епархіяхъ. Кромѣ того, патріарху принадлежитъ юрисдикція по всѣмъ дѣламъ брачнаго и разводнаго права, въ томъ числѣ въ спорахъ о брачномъ дарѣ, а также по искамъ объ алиментахъ. Армян-

ская нація обязана «справедливо примирять споры, возникающіе между ея членами; комиссія правосудія «рѣшаетъ внутренція тяжбы и служитъ первой инстанціей для процессовъ, передаваемыхъ Портой на разсмотрѣніе армянскаго патріархата. Бератъ, 4 августа 1890 г., болгарскому экзархату устанавливаетъ, что въ вопросахъ брака и развода или тяжбѣ между христіанами митрополитъ и его представители могутъ, съ согласія сторонъ, рѣшить споръ, для чего, при нуждѣ, приводятъ тяжущихся къ присягѣ въ церкви по ихъ обряду, безъ какого-либо вмѣшательства со стороны кадіевъ и наибовъ. Еврейскому «духовному совѣту» ввѣрена юрисдикція по дѣламъ брачнаго права и объ алиментахъ. На практикѣ всѣ вопросы наслѣдованія рѣшаются всегда по закону Моисея. При греческомъ «смѣшанномъ совѣтѣ», вѣроятно, и при органахъ другихъ націй, имѣется нотаріатъ. Національные суды могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, постановлять и уголовные приговоры.

5) Веденіе метрическихъ книгъ и актовъ гражданскаго состоянія.

6) Дѣла финансовыя; принудительное обложеніе. Сербскій національный соборъ въ Венгріи избираетъ исполнительный комитетъ для управленія національными фондами, которые (не считая монастырскихъ имуществъ) достигали еще въ 1868 г. безъ малаго пяти милліоновъ гульденовъ. Армянская финансовая комиссія (ст. 46) управляетъ всѣми имуществами націи и, очевидно, представляетъ «совѣту» бюджетъ. Установлено «всеобщее національное обложеніе». Греческая церковь, кромѣ общаго обложенія и платы за требы, взимаетъ судебныя и національныя пошлины. Доходы еврейской національной кассы составляются изъ прямого обложенія и изъ косвеннаго налога на кашерное мясо, вино, сыръ. Сдѣлки по продажѣ недвижимостей, принадлежащихъ немусульманамъ, контрасигнуются подлежащимъ національнымъ органомъ, который за это взимаетъ пошлину; впрочемъ, въ самое послѣднее время турецкія власти перестали соблюдать это.

7) Дѣла законодательнаго характера. Національные суды примѣняютъ національный законъ. Органы православныхъ націй судятъ по византійскому праву, еврейскіе—по моисеевымъ и талмудическимъ законамъ. Вопросъ о томъ, могутъ ли національные совѣты *измѣнять* или *дополнять* эти законы, приходится оставить открытымъ; во всякомъ случаѣ, право толкованія закона имъ принадлежитъ, и они могли бы, если бы пожелали, широко пользоваться имъ. Они часто надѣлены

обширными, почти-законодательными правами въ вопросахъ внутренней организаціи. Такъ, сербскій соборъ въ Венгріи самъ опредѣляетъ порядокъ національныхъ выборовъ, устройство общинъ и т. д.; его постановленія непосредственно восходятъ на санкцію монарха. Еврейскій національный совѣтъ недавно представилъ Портѣ проектъ реформы національныхъ выборовъ; проектъ былъ утвержденъ султанскимъ указомъ и получилъ силу закона.

Такова общая — какъ бы съ птичьяго полета — картина дѣятельности существующихъ національно-персональныхъ организацій, какъ публично-правовыхъ, такъ и частныхъ. Мы видимъ, что дѣятельность эта чрезвычайно разнообразна; разносторонность функцій подсказана и вынуждена самой жизнью. Намѣчая автономію національныхъ меньшинствъ, слѣдуетъ опираться на жизнь, принимать во вниманіе голосъ дѣйствительности. Конечно, въ приведенномъ нами перечнѣ есть элементы архаическіе, терпимые только потому, что общій строй Турціи архаиченъ; ихъ надо изъ нашей схемы устранить. Но нетрудно сразу выдѣлить изъ этого перечня здоровое ядро, обнимающее безспорно необходимыя функціи національно-миноритарнаго самоуправленія. Это—дѣла религіозныя, школьно-просвѣтительныя, заботы о народномъ здравіи, общественное призрѣніе, трудовая и взаимная помощь, руководство переселеніемъ и внутренней или заграничной колонизаціей, веденіе актовъ гражданскаго состоянія, право принудительнаго обложенія. Приблизительно такую же схему даетъ и Шпрингеръ: національный органъ «можетъ устраивать и поддерживать сельско-хозяйственныя и ремесленныя кредитныя учрежденія, банки и сберегательныя кассы для внутренней національной колонизаціи... Словомъ, національный совѣтъ осуществляетъ самое широкое попеченіе о духовныхъ и матеріальныхъ потребностяхъ соплеменниковъ».

Спорными остаются двѣ изъ указанныхъ нами рубрикъ: во-первыхъ, національный судъ, во-вторыхъ—національное «законодательство», или, точнѣе, сохраненіе въ извѣстной ограниченной сферѣ нѣкоторыхъ опредѣленій національнаго права. Здѣсь мы опять сталкиваемся съ современной концепціей правового государства, которой эти институты на первый взглядъ рѣзко противорѣчатъ. Остановимся на нихъ, поэтому, нѣсколько подробнѣе.

Вопросъ о притязаніяхъ національности въ области суда многіе сводятъ къ вопросу о языкѣ судопроизводства и думаютъ цѣликомъ разрѣшить его посредствомъ требованія, чтобы

судья зналъ мѣстныя нарѣчія. Это, однако, не полное рѣшеніе вопроса, прежде всего съ точки зрѣнія разумной постановки правосудія. Чтобы хорошо судить, судья долженъ знать не только языкъ, но и бытъ населенія, его душу, его особыя традиціи, его особыя горести. Это въ особенности необходимо для низшей судебной инстанціи, ибо ей-то и приходится разбираться въ тѣхъ мелкихъ столкновеніяхъ, которыя тѣсно связаны съ интимнѣйшими бытовыми чертами данной группы населенія. Поэтому даже не съ національной, а просто съ раціональной точки зрѣнія безусловно желательно, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обѣ стороны принадлежатъ къ одной національности, судья былъ ихъ единоплеменникомъ. Встарину это считалось совершенно понятнымъ и естественнымъ. Этвешъ разсказываетъ, что въ старой Венгріи офенскіе нѣмцы имѣли право избирать судью своей національности. Въ Россіи только въ 1844 г. упраздненъ спеціально еврейскій судъ «Бесъ-Динъ». Какія могутъ быть возраженія противъ національныхъ судовъ съ точки зрѣнія правильнаго функціонированія юстиціи—это не вполнѣ ясно. Въ 1856 г. русское министерство внутреннихъ дѣлъ, освѣдомившись, что «Бесъ-Динъ» у евреевъ, несмотря на запретъ, все-таки существуетъ, запросило новороссійскаго губернатора, въ чемъ состоитъ это учрежденіе и признается ли полезнымъ для евреевъ дальнѣйшее его существованіе. «Мѣстныя власти (три градоначальника—керчь-еникальскій, одесскій и таганрогскій, два губернатора—бессарабскій и херсонскій, а также бессарабское областное правленіе) высказались о «бесъ-динѣ» въ самомъ благопріятномъ смыслѣ, указывая, что примирительная дѣятельность бесъ-дина избавляетъ евреевъ отъ издержекъ, сопряженныхъ съ хожденіемъ по общимъ судебнымъ установленіямъ, быстро разрѣшаетъ возникающіе споры, искореняетъ ябедничество, освобождаетъ присутственныя мѣста отъ обременительной переписки по маловажнымъ дѣламъ. Указанными представителями власти было даже сдѣлано предложеніе присвоить рѣшеніямъ бесъ-дина судебную силу (соотвѣтственно словесному суду), придать имъ характеръ обязательной законной силы» [1]. Статутъ о. Крита (1867) вводитъ отдѣльные суды для христіанъ и для мусульманъ и «смѣшанные» суды для такихъ дѣлъ, гдѣ стороны принадлежатъ къ разнымъ національностямъ. Почти аналогичный пунктъ былъ включенъ, по настоянію Европы, въ законопроектъ

---

[1]) Еврейская энциклопедія, IV, статья «Бесъ-Динъ».

1880 г. объ управленіи европейскими вилайетами Турціи. Національный судъ есть, въ сущности, развитіе мысли, лежащей въ основѣ третейскаго суда. Чѣмъ плохъ институтъ третейскаго суда? Нарушаетъ ли онъ интересы правосудія, колеблетъ ли авторитетъ единой государственной власти? Почему принципъ распредѣленія подсудности по мѣсту выше принципа распредѣленія по національности? Первый опирается на чистую случайность—мѣстожительство или даже временное мѣстонахожденіе; второй, напротивъ, на глубокую связь, на взаимное пониманіе между судьей и сторонами. Это одинаково справедливо въ примѣненіи какъ къ гражданскому, такъ и къ уголовному процессу.

Вопросъ о сохраненіи національныхъ законовъ не имѣетъ существеннаго значенія для большей части миноритарныхъ группъ. Намъ еще придется говорить о неразрывной, органической связи законодательства и территоріи—связи, которая въ настоящее время товарно-мѣнового хозяйства значительно болѣе ощутима, чѣмъ провозглашенная Савиньи и Пухтой связь права съ національностью. Когда двѣ народности долго живутъ рядомъ, въ перемежку, и при этомъ между ними нѣтъ слишкомъ глубокихъ расовыхъ или религіозныхъ различій, то врядъ ли можетъ создаться такая пропасть въ ихъ правосознаніи, которая совершенно исключала бы нравственную возможность судиться по одному и тому же закону. Имѣются, пожалуй, «оттѣнки» въ пониманіи права, въ оцѣнкѣ важности тѣхъ или иныхъ правонарушеній; но, съ другой стороны, въ современномъ законодательствѣ существуетъ тенденція какъ можно меньше стѣснять судейскую совѣсть, особенно въ уголовномъ процессѣ, предоставляя судьѣ значительный просторъ въ опредѣленіи степени виновности и выборѣ кары; въ дѣлахъ гражданскихъ судья низшей инстанціи тоже всегда фактически считается съ обычаемъ, міровоззрѣніемъ, культурнымъ уровнемъ среды,—словомъ, съ «оттѣнками». Имѣются, такимъ образомъ, довольно широкіе предѣлы, въ которыхъ судья, не измѣняя закона, можетъ приспособлять его къ бытовымъ условіямъ данной народности. Главное—чтобы судья самъ къ ней принадлежалъ.

Но есть, безспорно, и исключительные случаи, когда духовная разница между сосѣдними національностями слишкомъ глубока. Таково положеніе христіанскихъ народностей въ Турціи, мусульманскихъ—въ Россіи, евреевъ—и здѣсь, и тамъ. Особенно трудно примирить эти столь несхожіе типы правосознанія въ такой интимной, неприкосновенно-тонкой сферѣ, какъ брач-

ныя и семейныя отношенія. Въ этомъ смыслѣ отсталое русское и даже турецкое право безспорно гуманнѣе, напримѣръ, французскаго. У евреевъ и мусульманъ разводъ дозволенъ, и русскій законъ предоставляетъ имъ въ этомъ отношеніи свободу, независимо отъ того, какъ смотритъ на расторженіе брака господствующая народность. Во Франціи или въ Италіи разводъ еврея такъ же затрудненъ, какъ и разводъ католика—потому что таково настроеніе господствующей народности. Доводить стремленіе къ единообразію закона до *этихъ* предѣловъ—значитъ грѣшитъ непозволительнымъ доктринерствомъ. Брачное и семейное право тѣсно связано съ тою психической сферой, гдѣ особенно явственно ощущаются національные и религіозные моменты; это—самая національная часть всякаго національнаго права, область noli me tangere, и тутъ слѣдовало-бы гордой Европѣ поучиться кое-чему у инстинктивной государственной мудрости турокъ. Совершеніе и расторженіе браковъ, регулированіе интимнѣйшихъ семейственныхъ отношеній есть неотъемлемая прерогатива національной общины, и если послѣдняя въ этой сферѣ издревле сохранила свое рѣзко-своеобразное національное право—надо предоставить ей и дальше жить въ этомъ отношеніи «по старинѣ».

Мы намѣтили объемъ національно-автономныхъ правъ миноритарной народности,—но намѣтили его, такъ сказать, только въ ширину, въ смыслѣ *количества* разнообразныхъ интересовъ, разнообразныхъ отраслей управленія, на которыя распространяется вѣдѣніе національнаго органа. Остается опредѣлить границы его компетенціи, если можно такъ выразиться, въ высоту, установить ту *степень власти*, которая можетъ быть предоставлена экстерриторіальнымъ органамъ націи въ каждой изъ отраслей управленія. Есть ли это власть законодательная, или только административная? Иными словами: есть ли это власть надъ *людьми*, входящими въ составъ данной народности, или только надъ *учрежденіями*, принадлежащими послѣдней? Установить точную границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ трудно; даже послѣ работъ Еллинека, Коркунова и др. вопросъ этотъ не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ. Дать исчерпывающее, окончательно-разграничивающее опредѣленіе того и другого понятія врядъ-ли когда либо удастся; приходится, поэтому, довольствоваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указаніемъ такихъ признаковъ закона и распоряженія, которые имѣютъ существенное значеніе съ точки зрѣнія спеціальныхъ задачъ и цѣлей даннаго автора. Для нашей

цѣли наиболѣе существеннымъ признакомъ закона является то, что онъ можетъ принудительно регулировать поведеніе отдѣльнаго гражданина, какъ частнаго лица. Административное распоряженіе, *говоря вообще*, этой силы не имѣетъ; административный указъ можетъ принудительно регулировать — при нормальныхъ условіяхъ — только поведеніе агентовъ, отправляющихъ тѣ или иныя функціи при подвѣдомственныхъ администратору учрежденіяхъ, и только въ предѣлахъ служебныхъ отправленій. Частнымъ лицамъ, какъ таковымъ, администраторъ (безъ прямого уполномочія закона) ничего не можетъ ни приказать, ни запретить, и если онъ это дѣлаетъ, то дѣйствуетъ въ качествѣ делегата законодательной власти. Такова, напримѣръ, роль городского самоуправленія въ тотъ моментъ, когда оно воспрещаетъ торговлю въ опредѣленные часы или дни: тутъ запрещеніе уже заранѣе содержится въ законѣ, городская дума только конкретизируетъ и приводитъ его въ дѣйствіе. Конечно, возможны исключенія — напримѣръ, городская административная [1]) власть воспрещаетъ ѣзду вскачь по мостамъ; но это есть выводъ изъ господства города надъ городскимъ имуществомъ и, быть можетъ, относится къ частному, а не къ публичному праву. Въ общемъ, если имѣть въ виду только нормальныя условія и не останавливаться на несущественныхъ исключеніяхъ, можно принять, что законъ господствуетъ и надъ людьми, административное распоряженіе — только надъ учрежденіями. Съ этой точки зрѣнія можно ли признать за національно-автономными правами миноритарной народности характеръ законодательной власти? Что предоставляется національному органу въ предѣлахъ его предметной компетенціи: издавать законы для членовъ данной народности или только распоряжаться ея институтами?

Наиболѣе авторитетные писатели, трактовавшіе національную проблему, по видимому, недостаточно продумали эту сторону вопроса. Иначе трудно объяснить, почему Шпрингеръ говоритъ о своемъ экстерриторіальномъ національномъ союзѣ: «онъ самъ даетъ себѣ *законы* въ предѣлахъ конституціи». Даже осторожные редакторы австрійской энциклопедіи по государствовѣдѣнію считаютъ возможнымъ опредѣлить внутреннія права сербскаго собора въ Венгріи, какъ «законодательныя». Намъ, напротивъ, представляется, что объ

[1]) Въ обычномъ словоупотребленіи «администрація» противополагается самоуправленію; мы здѣсь понимаемъ подъ этимъ терминомъ вообще функцію внутренняго управленія, независимо отъ того, кто является ея носителемъ.

экстерриторіальномъ законодательствѣ при современныхъ соціальныхъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи. Оно немыслимо, неосуществимо. Пространно доказывать это здѣсь не мѣсто, но достаточно напомнить о нивеллирующемъ характерѣ современнаго хозяйства, который съ трудомъ терпитъ несходныя правовыя нормы даже на сосѣднихъ территоріяхъ одного и того же государства (это ясно доказала исторія введенія имперскаго гражданскаго уложенія въ Германіи) и ужъ никакъ не потерпитъ ихъ сосуществованія въ одномъ и томъ же территоріальномъ районѣ. Препятствіе здѣсь будетъ не въ злой волѣ мажоритарныхъ націй, а просто въ объективной невозможности; если бы миноритарной народности въ культурномъ государствѣ дали сеймъ съ полными правами законодательства, она сама не знала бы, какіе для себя сочинить законы, кромѣ законовъ страны или провинціи. Ибо законы страны или провинціи являются, въ общемъ и цѣломъ, выраженіемъ тѣхъ объективныхъ соціальныхъ и хозяйственныхъ условій, въ которыхъ живетъ все населеніе края—значитъ, въ томъ числѣ и національное меньшинство. Другихъ законовъ въ данное время въ данномъ мѣстѣ быть не можетъ. Бываютъ, конечно, исключенія—именно тѣ правовыя нормы, которыя касаются интимнѣйшихъ сторонъ національнаго быта, тѣсно связанныхъ съ національной психикой и національнымъ культомъ. На эти исключенія я указалъ выше. Въ остальномъ національное меньшинство *не можетъ* не жить по закону, господствующему на всей территоріи. Если и признать, что нѣкоторыя функціи разсмотрѣнныхъ нами національно-персональныхъ союзовъ Турціи или Венгріи приближаются къ законодательному типу, то это—архаизмъ, о сохраненіи котораго не можетъ быть и рѣчи.

Каковъ бы ни былъ предметный объемъ національно-миноритарной автономіи въ смыслѣ количества охватываемыхъ ею функцій, законодательнаго характера эта автономія имѣть не можетъ. Поэтому къ ней въ сущности даже непримѣнимо самое слово «автономія», которое и филологически, и въ обычномъ политическомъ словоупотребленіи означаетъ право самостоятельнаго законодательства. Автономія—удѣлъ области, удѣлъ мажоритарныхъ націй. Для миноритарной народности можетъ идти рѣчь только о «національномъ *самоуправленіи*».

Единственный моментъ самоуправленія, который можетъ быть ошибочно истолкованъ какъ попытка законодательства, какъ непосредственное господство надъ поведеніемъ отдѣльныхъ членовъ націи—это принудительное самообложеніе. Но и тутъ

на самомъ дѣлѣ принудительная власть принадлежитъ государству и только делегирована имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ органу самоуправленія. Самостоятельная роль послѣдняго сводится только къ установленію степени обложенія, къ цифровой раскладкѣ; но въ моментъ принудительнаго взысканія налога онъ дѣйствуетъ не въ качествѣ представителя націи, а въ качествѣ делегата государства.

Самоуправленіе національнаго меньшинства можетъ выразиться только въ правѣ устраивать и поддерживать, въ предѣлахъ законной предметной компетенціи, соотвѣтствующіе институты, учрежденія, корпораціи, издавать для нихъ уставы и инструкціи, пріобрѣтать и отчуждать имущества и, слѣдовательно, взыскивать необходимые на то налоги. Это—все, что объективно возможно въ смыслѣ національно-автономныхъ правъ для миноритарной народности.

Это надо имѣть въ виду при обсужденіи даже такой слишкомъ узкой схемы, какъ идея «культурной автономіи». Даже въ тѣсной сферѣ школьно-просвѣтительной «автономіи» экстерриторіальный органъ можетъ только создавать соотвѣтствующіе институты, распоряжаться и управлять ими, но не издавать законы для населенія. Органъ можетъ устроить національную школу съ любой программой и любымъ языкомъ преподаванія, можетъ требовать (на основаніи делегированнаго ему государствомъ права принудительнаго обложенія) отъ каждаго члена данной народности уплаты національнаго школьнаго налога, можетъ отказать всѣмъ другимъ школамъ въ поддержкѣ; но онъ не можетъ приказать отдѣльному частному лицу обучать своихъ дѣтей непремѣнно въ этой школѣ, а не въ другой. Точно также можно учреждать національныя больницы или бюро пріисканія работы и взимать на это налогъ съ каждаго члена данной народности, но нельзя обязать его лечиться непремѣнно въ этой больницѣ и выбирать себѣ службу непремѣнно по указанію этого бюро. Всѣ эти вопросы рѣшительно не поддаются принудительной регламентаціи. Но (и въ этомъ суть дѣла) они въ ней и не нуждаются. Органы національнаго самоуправленія, при условіи раціональной избирательной системы, будутъ естественно выражать и обслуживать реальныя потребности населенія, слѣдовательно—учреждать именно тѣ институты, которые болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ этимъ реальнымъ нуждамъ. Вмѣсто принудительныхъ постановленій здѣсь будетъ дѣйствовать нѣчто гораздо болѣе могущественное: объективная необходимость. У

этой силы всегда бываетъ меньше ослушниковъ, чѣмъ даже у самаго закона.

Основываясь на всемъ изложенномъ въ предыдущихъ главахъ, мы можемъ построить слѣдующую схему организаціи миноритарной народности.

Всѣ члены одного и того же національнаго меньшинства, проживающіе въ предѣлахъ одного городского или сельскаго поселенія, составляютъ публично-правовой союзъ, именуемый національной общиной. Община избираетъ свои органы и черезъ нихъ осуществляетъ свои права національнаго самоуправленія.

Возникаетъ вопросъ, какое число членовъ данной народности признать достаточнымъ для образованія публично-правовой общины. Совершенно понятно, что упомянутый уже одинъ словинецъ, оказавшійся при переписи 1900 г. въ штирійскомъ округѣ Обдахъ, не можетъ фигурировать въ качествѣ общины. Необходимо установить минимумъ. Но минимумъ этотъ долженъ представлять абсолютное число, а не процентное отношеніе меньшинства къ общему населенію мѣстности. Нерѣдко приходится читать и слышать, что для признанія той или другой мѣстности національно-смѣшанной необходимо, чтобы меньшинство въ ней достигало извѣстнаго процента—чаще всего $^1/_5$ общаго населенія [1]). Но такое исчисленіе пріемлемо только при обсужденіи національно-*гражданскихъ* правъ меньшинства, т. е. когда идетъ рѣчь о томъ, признать ли данную мѣстность одноязычной или многоязычной, требовать ли отъ мѣстныхъ чиновниковъ знанія нѣсколькихъ языковъ, обезпечить ли меньшинству особое представительство при муниципальныхъ выборахъ и т. д. И то еще спорно, правильно ли рѣшается и этотъ вопросъ посредствомъ установленія процентной нормировки. Чехи въ Вѣнѣ далеко не составляютъ 20%, но ихъ тамъ все-таки больше 100 тысячъ, т. е. масса, равная населенію иного крупнаго города; игнорировать ее, считать Вѣну одноязычной только потому, что не достигнута законная пропорція, значитъ спорить съ самой жизнью. Признаки національно-смѣшаннаго характера мѣстности гораздо сложнѣе и не исчерпываются такимъ механическимъ подсчетомъ процентовъ. Но къ національно-автономнымъ правамъ меньшинства все это

---

[1]) Charmaty, „Der demokratisch-nationale Bundesstaat Oesterreich“, стр. 59.—Rauchberg, „Der nationale Besitzstand in Böhmen“. I, стр. 96.

вообще не можетъ имѣть отношенія. Здѣсь дѣло не въ томъ, какую часть населенія составляетъ меньшинство, а въ томъ, способно ли оно къ самоуправленію. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ Шпрингеръ; къ ней же примыкаетъ и положительное право. Богемскій областной законъ 1870-го года устанавливаетъ, что если въ данномъ поселеніи есть 40 дѣтей одной и той же миноритарной національности, для нихъ учреждается на казенный счетъ національная школа; иными словами— признаніе права на національную жизнь опредѣляется не процентомъ, а абсолютной жизнеспособностью меньшинства. Въ Моравіи § 44 областного школьнаго закона опредѣляетъ, что миноритарная школа получаетъ казенную субсидію, если въ ней не меньше 30 учениковъ. Сообразно этому, самой жизнью подсказанному принципу, слѣдуетъ признать права національной общины за всякимъ меньшинствомъ, которое окажется способнымъ содержать хотя бы одно національное учрежденіе— предположительно (но не обязательно) школу. Совершенно мелкія меньшинства, которыя и на это неспособны, придется признать вообще не-жизнеспособными и вычеркнуть изъ списка національныхъ общинъ,—не препятствуя имъ, конечно, устраивать по желанію частно-правовые союзы.

Сумма всѣхъ миноритарныхъ общинъ данной народности въ предѣлахъ государства составляетъ одно цѣлое, во главѣ котораго стоитъ представительный органъ—палата національныхъ депутатовъ или національный сеймъ, носитель всѣхъ національно-автономныхъ правъ миноритарной народности. Онъ устанавливаетъ организацію отдѣльныхъ общинъ, опредѣляетъ ихъ компетенцію, контролируетъ ихъ дѣятельность. Онъ учреждаетъ, если нужно, областные союзы общинъ и ихъ органы. Онъ устанавливаетъ избирательную систему для всѣхъ національныхъ выборовъ: въ общинный совѣтъ, въ областные съѣзды, въ сеймъ. Онъ вводитъ принудительное обложеніе на обще-національныя нужды, предоставляя общинамъ взимать налоги на мѣстныя національныя потребности. Онъ устанавливаетъ общіе принципы, которымъ должны подчиняться всѣ національныя учрежденія—учебно-просвѣтительныя, санитарныя, экономическія, колонизаціонныя и т. д., въ частности—школьныя программы и языкъ преподаванія, а также языкъ дѣлопроизводства для всѣхъ національныхъ органовъ и институтовъ. Онъ устраиваетъ высшія учебныя заведенія и вообще всякія національныя учрежденія высшаго, центральнаго типа и субсидируетъ мѣстныя учрежденія общинъ. Онъ утверждаетъ

бюджетъ, избираетъ исполнительный комитетъ націи, контролируетъ его дѣятельность и принимаетъ его отчеты. Онъ устанавливаетъ способъ и сроки своего созыва, свою резиденцію и внутренній распорядокъ.

Эта схема, въ общемъ, взята изъ наличнаго положительнаго права. Всѣ разсмотрѣнные нами національно-персональные союзы публично-правового характера, кромѣ болгарскаго экзархата, имѣютъ во главѣ центральный представительный органъ. У венгерскихъ сербовъ онъ называется національнымъ соборомъ и состоитъ изъ 75 выборныхъ членовъ, въ томъ числѣ $^2/_3$ мірянъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха; соборъ избираетъ исполнительный комитетъ и митрополичій совѣтъ и выслушиваетъ ихъ отчеты. Конституція турецкихъ армянъ говоритъ о національномъ собраніи изъ 140 депутатовъ (въ томъ числѣ 120 мірянъ); функціи собранія —избирать оба исполнительныхъ совѣта (для духовныхъ и для свѣтскихъ дѣлъ), утверждать бюджетъ и отчетность, вотировать налоги; оно же избираетъ патріарха. Нѣсколько отлична организація греческой націи: національное собраніе (т. наз. избирательный соборъ) обычно созывается только для выборовъ патріарха; постоянное веденіе свѣтскихъ дѣлъ націи возложено на «смѣшанный совѣтъ» изъ 4 митрополитовъ и 8 мірянъ, но послѣдніе избираются всѣмъ греческимъ населеніемъ по двухстепенной системѣ, такъ что и здѣсь отчасти сохраненъ характеръ представительнаго органа. Во главѣ еврейской народности въ Турціи стоитъ «національный меджилисъ» изъ 80 депутатовъ (60 свѣтскихъ, 20 раввиновъ), избирающій два исполнительныхъ совѣта (духовный и свѣтскій); для выборовъ главнаго раввина составъ «меджилиса» пополняется еще 40 депутатами. Въ построеніи исполнительнаго аппарата всѣхъ этихъ союзовъ проведена система «двухъ корпусовъ» (τα δύο σώματα)—для духовныхъ и для свѣтскихъ дѣлъ; на Востокѣ это умѣстно, въ виду огромнаго значенія религіи въ тамошнемъ гражданскомъ быту. Въ нашей схемѣ правильнѣе было бы предусмотрѣть объединенный органъ, раздѣляющійся на отдѣльныя вѣдомства по числу отдѣльныхъ вѣтвей національнаго управленія. Недостатокъ организаціи разсмотрѣнныхъ союзовъ—чрезмѣрно рѣдкіе или неопредѣленные сроки созыва національнаго представительства. Сербскій соборъ созывается обычно разъ въ три года; армянское національное собраніе должно по уставу имѣть одну сессію въ два года, но фактически не созывается. При современномъ темпѣ жизни этотъ порядокъ непріемлемъ. Такъ какъ у разныхъ народностей темпъ этотъ различенъ, въ зависимости отъ разницы культурнаго уровня

и. т. д., то разумнѣе всего передать вопросъ о срокахъ созыва каждаго сейма на рѣшеніе самого сейма.

Изъ остальныхъ деталей предложенной нами схемы необходимо остановиться на двухъ: о языкѣ національныхъ учрежденій и о принудительномъ обложеніи.

Вопросъ о правахъ національнаго языка играетъ особенно видную роль въ категоріи національно-гражданскихъ правъ. Здѣсь нація выставляетъ притязаніе на извѣстныя активныя уступки со стороны территоріальной власти, требуя, чтобы агенты послѣдней въ сношеніяхъ съ членами данной народности пользовались ея языкомъ; это требованіе налагаетъ на территоріальную власть извѣстную обузу и потому часто вызываетъ споры. Но въ области національно-автономныхъ правъ вопросъ этотъ разрѣшается гораздо легче. Разъ признано, что національность можетъ въ извѣстной сферѣ автономно вѣдать свои дѣла, права національнаго языка въ этой сферѣ обыкновенно уже не встрѣчаютъ возраженій. Всѣ законодательства, признающія въ принципѣ право національности, дозволяютъ вообще каждой самоуправляющейся группѣ вести свои дѣла на ея природномъ языкѣ. Это прежде всего надо сказать о разсмотрѣнныхъ нами національныхъ союзахъ венгерскихъ сербовъ, турецкихъ армянъ и пр.; но тотъ же принципъ можно прослѣдить и въ законодательствахъ, касающихся территоріальнаго и церковнаго самоуправленія. Знаменитый венгерскій «законъ о равноправіи національностей» 1868-го года устанавливаетъ, что городскіе и сельскіе совѣты сами избираютъ «языкъ своего протокола»; церковныя общины тоже сами опредѣляютъ языкъ метрическихъ записей, церковнаго дѣлопроизводства и церковныхъ школъ; то же право предоставлено и церковнымъ судамъ. Богемскій «законъ объ языкахъ» 1871 г., не получившій утвержденія короны, опредѣлялъ, что офиціальный языкъ каждой общины устанавливается общиннымъ представительствомъ, а въ случаѣ протестовъ—плебисцитомъ избирателей, Трансильванія (Семиградіе) получила въ 1863-мъ году особый законъ о языкахъ, впослѣдствіи отмѣненный; тамъ устанавливалось, что общины и муниципіи сами опредѣляютъ свой офиціальный языкъ, въ томъ числѣ и языкъ своего суда; то же постановлено было и о церковныхъ обществахъ. По австрійскому дѣйствующему праву, всѣ автономные или самоуправляющіеся органы тоже сами устанавливаютъ языкъ своего дѣлопроизводства. Все это относится къ территоріальнымъ и церков-

нымъ обществамъ, объединяющимъ сплошь и рядомъ разныя народности, такъ что тутъ возможно нарушеніе интересовъ меньшинства; слѣдовательно, тѣмъ большее право на свободное установленіе своего официальнаго языка имѣютъ *національныя* общины, гдѣ о меньшинствѣ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи.

Что касается, въ частности, до языка школы—основного момента національныхъ притязаній, — то врядъ ли нужно сколько нибудь подробно обосновывать въ этомъ отношеніи безспорное право народности. Ограничимся указаніемъ, что и тутъ всѣ законодательства, признающія за національностью права, предоставляютъ выборъ языка преподаванія учредителю школы, будь это частное лицо, частное общество или публично-правовая община. Венгерскій законъ даже устанавливаетъ, что такія иноязычныя школы, при соблюденіи извѣстныхъ условій, имѣютъ всѣ права министерскихъ. Тоже гласилъ и богемскій законъ 1871 г., предусматривавшій даже нѣчто въ родѣ національно-миноритарной общины, съ правомъ самообложенія на школьно-просвѣтительныя цѣли. § 18 семиградскаго закона 1863 г. опредѣлялъ: «выборъ языка преподаванія въ школахъ низшихъ, высшихъ или среднихъ зависитъ отъ воли учредившаго ихъ лица, общества или общины». Турецкій законъ 1869 г. о частныхъ и національно-общинныхъ школахъ и совсѣмъ не упоминаетъ объ ихъ языкѣ, отказываясь въ этомъ отношеніи отъ какой бы то ни было нормировки. Въ новомъ законопроектѣ, еще не разсмотрѣнномъ палатой депутатовъ, говорится, что въ частныхъ или національно-общинныхъ школахъ преподаваніе можетъ вестись «на любомъ языкѣ».

Эта послѣдняя формулировка намъ кажется самою правильною. Дѣло въ томъ, что остальныя цитированныя нами законоположенія, предоставляя выборъ языка въ школѣ, судѣ и другихъ учрежденіяхъ волѣ заинтересованной стороны, собственно имѣютъ въ виду только опредѣленные языки. Семиградскій законъ относится только къ мадьярскому, нѣмецкому и румынскому; богемскій—только къ нѣмецкому и чешскому. Въ Австріи вообще допускаются къ оффиціальному употребленію въ каждой области только «мѣстные» (landesübliche) языки, при чемъ никогда не прекращаются споры о томъ, является ли такой-то языкъ въ такомъ-то районѣ landesüblich. Для установленіи объема національно-гражданскихъ правъ миноритарной народности это все до извѣстной степени необходимо; но въ сферѣ національно-автономныхъ правъ вполнѣ возможно и слѣдуетъ предоставить ей неограниченную свободу выбора языка. Можно даже предвидѣть, что

выборъ этотъ не всегда и не для всѣхъ учрежденій падетъ на тотъ языкъ, который фактически является роднымъ, разговорнымъ для членовъ данной національной общины. Такъ, татары въ Россіи говорятъ и даже пишутъ на нѣсколькихъ діалектахъ; крымскіе и кавказскіе мусульмане не всегда въ состояніи понимать другъ друга. Вполнѣ вѣроятно—и есть фактическія на то указанія—что при свободѣ выбора они, въ цѣляхъ національнаго объединенія, предпочли бы ввести въ своихъ школахъ одинъ общій языкъ преподаванія, и этимъ языкомъ былъ бы литературно-турецкій, какъ наиболѣе богатый изъ тюрко-татарскихъ діалектовъ. Въ то же время имъ пришлось бы еще надолго сохранить свои разговорныя нарѣчія въ качествѣ оффиціальныхъ языковъ для сношеній между органами національнаго самоуправленія и населеніемъ, въ массѣ еще туго понимающимъ по-турецки. Въ аналогичномъ положеніи могутъ оказаться и евреи, если пожелаютъ ввести въ своихъ школахъ древне-еврейскій языкъ: имъ придется надолго сохранить жаргонъ въ качествѣ служебнаго языка различныхъ учрежденій. Бессарабскіе молдаване, быть можетъ, изберутъ школьнымъ языкомъ румынскій, и т. д. Все это разнообразіе условій и потребностей нельзя уложить въ рамки одного общаго регламента. Вопросы языка въ автономной сферѣ націи должны быть предоставлены ея безконтрольному усмотрѣнію.

Организація національнаго обложенія можетъ быть двоякаго рода: путемъ собиранія національныхъ налоговъ непосредственно съ обывателя, или путемъ пропорціональныхъ ассигновокъ изъ общетерриторіальной (государственной, областной, городской) кассы. Турецкіе «миллеты» пользуются первымъ изъ этихъ способовъ; впрочемъ, казна субсидируетъ нѣкоторыя національныя учрежденія, такъ что можно видѣть въ этомъ зачаточные признаки смѣшанной, двоякой организаціи обложенія. Въ богемскомъ областномъ законѣ 1871 г. имѣлось слѣдующее опредѣленіе: «по требованію каждой изъ курій («куріей» здѣсь называлась совокупность всѣхъ чешскихъ или всѣхъ нѣмецкихъ депутатовъ сейма), въ ея распоряженіе поступаетъ соотвѣтствующая доля смѣтныхъ суммъ или фондовъ, предназначенныхъ на дѣла народнаго просвѣщенія, пропорціонально суммѣ налоговъ, уплачиваемыхъ данной національностью. Курія имѣетъ также право облагать соотвѣтствующіе округа и общины особой податью на просвѣтительныя цѣли. Кромѣ того, долженъ быть изданъ законъ, дающій національному меньшинству каждаго округа или общины право распоряжаться суммами, пропорціонально отчисляемыми

изъ мѣстнаго бюджета, а также вводить самообложеніе для нуждъ національнаго образованія. Такимъ образомъ, и здѣсь предусматривалась смѣшанная организація, соединяющая оба способа. Дѣйствительно, это самое раціональное. Путь пропорціональныхъ ассигновокъ изъ общихъ кассъ удобенъ тѣмъ, что освобождаетъ миноритарные союзы отъ сложной организаціи и регистраціи податного дѣла; зато онъ ихъ принуждаетъ подчинять свой бюджетъ бюджетнымъ нормамъ большинства—расходовать, напримѣръ, въ области просвѣщенія ровно столько же рублей на душу, сколько расходуетъ большинство, хотя у меньшинства могутъ оказаться болѣе развитыя культурныя потребности. Могутъ быть и свои особенныя, специфическія нужды, которыхъ нѣтъ у большинства (напримѣръ, если среди миноритарнаго населенія развиты отхожіе промыслы или переселенческое движеніе, требующіе сложной организаціи информативнаго дѣла). Необходимъ, поэтому, и коррективъ—право непосредственнаго дополнительнаго обложенія. Технику пропорціональнаго отчисленія изъ общихъ суммъ можно себѣ представить приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Національный сеймъ получаетъ свои средства изъ государственной казны, отдѣльныя общины—изъ муниципальной. При этомъ, напримѣръ, изъ муниципальнаго бюджета прежде всего вычитываются «территоріальныя» ассигновки—тѣ, которыя имѣютъ общее значеніе для всѣхъ жителей мѣстности: расходы на канализацію, замощеніе улицъ, освѣщеніе, трамвайную сѣть и пр. Остальная часть подлежитъ раздѣлу пропорціонально численности и податной цѣнности отдѣльныхъ національныхъ группъ. Для государственнаго бюджета подсчетъ гораздо сложнѣе, но принципъ можетъ быть тотъ же; при этомъ, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду, что «пропорціональность» можетъ быть только приблизительною.

Такова, въ общихъ чертахъ, организація національнаго меньшинства. Остается выяснить ея отношеніе къ двумъ территоріальнымъ союзамъ: прежде всего къ тому территоріальному союзу, *внутри* котораго живетъ миноритарная народность — къ государству, области, городу; во-вторыхъ, къ тому территоріальному союзу, *внѣ* котораго она живетъ, но съ которымъ естественно связана—къ ея мажоритарному ядру, къ той области, гдѣ ея соплеменники составляютъ большинство.

Отношеніе государства и миноритарной группы, союза территоріальнаго и персональнаго, опредѣляются однимъ принци-

помъ: они не соприкасаются, они размежевались, у нихъ нѣтъ общихъ обязательныхъ функцій. Заботы управленія распредѣлены между ними такимъ образомъ, что государство разъ навсегда освобождается отъ обязанностей, переданныхъ націи. Дѣло народнаго образованія ввѣрено народному сейму; государство передаетъ ему соотвѣтствующія суммы и оставляетъ за собой только общій контроль. Такъ и во всемъ остальномъ. Національный сеймъ есть какъ бы мандатарій государства по всѣмъ дѣламъ, вошедшимъ въ сферу національнаго самоуправленія, но мандатарій съ неотъемлемымъ мандатомъ и неограниченной довѣренностью. Основной законъ государства долженъ установить, что ни центральная власть, ни областные сеймы не могутъ издавать законовъ, нарушающихъ полноправіе національнаго меньшинства. Учрежденія, созданныя націей, главнымъ образомъ ея школы всѣхъ типовъ и степеней и ея судебные органы, считаются какъ бы государственными, равноправны государственнымъ. Государство, конечно, не лишается права создавать параллельно и свои университеты, земельные банки, ссудосберегательныя кассы и пр.; о принципіальномъ отреченіи государства отъ права дѣятельности даже въ малой долѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ Швейцаріи высшія учебныя заведенія учреждаются кантонами, но это не помѣшало швейцарской республикѣ, какъ цѣлому, основать федеральный политехникумъ въ Цюрихѣ. Таково же взаимное положеніе государства и національнаго самоуправленія. Первое можетъ, если найдетъ нужнымъ, конкуррировать съ націей даже въ области ея специфическихъ потребностей—напримѣръ, устраивать школы съ преподаваніемъ на ея языкѣ. Но все это—послѣ того, какъ національному союзу выплачены всѣ причитающіяся суммы и за его учрежденіями признаны всѣ права аналогичныхъ государственныхъ учрежденій. Нація требуетъ отъ государства одного: обезпечить ей полную возможность самоудовлетворенія; разъ это сдѣлано, государство освобождается отъ соотвѣтственной доли своихъ обязанностей передъ членами этой націи,—но отнюдь, понятно, не лишается права параллельно предлагать имъ и свои услуги [1]). Фактически, при нормальныхъ отношеніяхъ между государствомъ и населяющими его народностями, это сведется къ тому, что первое будетъ приходить на помощь

---

[1]) Само собою разумѣется, что есть и функціи, совершенно недѣлимыя: таково, наприм., веденіе актовъ гражданскаго состоянія, совершеніе и расторженіе браковъ и т. п. Эта область должна быть всецѣло предоставлена націи, территоріальные органы отъ нея устраняются.

послѣднимъ тамъ, гдѣ у нихъ не хватитъ собственныхъ силъ или средствъ—чаще всего, должно быть, для устройства спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

На томъ же принципѣ должны быть построены отношенія между миноритарной общиной и городомъ, или между областнымъ сеймомъ и той частью миноритарной народности, которая живетъ въ предѣлахъ этой области—«областнымъ союзомъ общинъ». Тѣ функціи, которыя передаются національнымъ органамъ, eo ipso изъемлются изъ круга обязанностей соотвѣтствующихъ территоріальныхъ органовъ. Область и городъ предоставляютъ національнымъ учрежденіямъ всѣ права областныхъ или городскихъ учрежденій; національный органъ есть какъ бы мандатарій областного сейма или мѣстнаго муниципалитета, управомоченный дѣйствовать за нихъ среди данной части населенія. Если бы въ дополненіе къ этому территоріальный органъ пожелалъ на свои особыя средства конкуррировать съ органами націи—это его право. Иногда, если миноритарная община небогата, это могло бы, нисколько не нарушая ея автономности, сослужить ея членамъ полезную службу.

Но какъ установить отношенія между двумя сеймами одной и той же національности—миноритарнымъ и областнымъ? При тщательномъ проведеніи національнаго принципа въ многоплеменномъ государствѣ, почти для всѣхъ его народностей возникаетъ этотъ вопросъ. Національности чисто-миноритарныя, нигдѣ не имѣющія своего территоріальнаго района, какъ нѣмцы въ Россіи или евреи, составляютъ исключеніе; нормальнымъ явленіемъ будетъ то, что каждая мажоритарная народность получитъ областную автономію въ предѣлахъ занимаемой ею территоріи—и въ то же время отдѣльные отрѣзки этой народности, вкрапленные среди чужихъ мажоритарныхъ націй, сорганизуются въ публично-правовой персональный союзъ. Получится два польскихъ сейма, два чешскихъ, два нѣмецкихъ и т. д.—одинъ въ столицѣ національной территоріи, другой во главѣ миноритарнаго союза. Они, естественно, будутъ тяготѣть къ извѣстному общенію между собою, и передъ государствомъ возникнетъ задача оформить это общеніе. Заманчивымъ рѣшеніемъ вопроса было бы установить органическую связь между обоими сеймами — ввести, напримѣръ, делегатовъ миноритарнаго сейма въ составъ сейма родственной національной области. Но это внесло бы крайнюю запутанность отношеній. Областной сеймъ есть сеймъ области, его избираетъ населеніе территоріи, какъ таковое; что будутъ дѣлать въ такомъ собраніи депутаты, представляющіе населеніе, которое

въ этой области не живетъ и этому сейму не подчинено? Какъ они могутъ офиціально участвовать въ выработкѣ законовъ, которые для нихъ и для ихъ избирателей необязательны? Съ другой стороны, нѣтъ юридическаго смысла и въ допущеніи делегатовъ національной области въ составъ миноритарнаго сейма. Единственная юридически-осмысленная форма, въ какую можетъ вылиться въ области публичнаго права взаимное тяготѣніе этихъ двухъ однородныхъ національныхъ органовъ, есть форма договорныхъ отношеній между ними. Этого вполнѣ достаточно и для координаціи дѣйствій, и для обмѣна услугъ. Рѣшеніе вопроса, такимъ образомъ, заключается въ предоставленіи всѣмъ органамъ самоуправленія національныхъ меньшинствъ права вступать, по дѣламъ ихъ вѣдомства, въ оффиціальныя соглашенія съ другими публично-правовыми органами.

Вытекающая изъ вышеизложеннаго схема автономныхъ правъ національнаго меньшинства можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ:

1. Національнымъ меньшинствомъ или національно-миноритарной группой въ тѣсномъ смыслѣ называется такая группа гражданъ одной и той же національности, которая непосредственно вкраплена въ чужое большинство и не поддается выдѣленію въ особый территоріальный районъ.

2. Національная принадлежность гражданина устанавливается личной декларацiей, дѣйствительной или подразумѣваемой, и фиксируется въ актахъ гражданскаго состоянія.

3. Въ цѣляхъ осуществленія своихъ національныхъ автономныхъ правъ всѣ меньшинства одной и той же народности на всемъ пространствѣ государства организуются въ одинъ публично-правовой персональный союзъ; органами его является національный сеймъ, областные съѣзды и общинные совѣты.

4. Эти органы, по принадлежности, осуществляютъ права національнаго самоуправленія въ дѣлахъ религіознаго культа, народнаго образованія, народнаго здравія, общественнаго призрѣнія, трудовой или взаимной помощи, руководства эмиграціонными или переселенческими передвиженіями и въ прочихъ дѣлахъ соціальнаго благоустройства, а также вѣдаютъ всѣ дѣла гражданскаго состоянія, согласно принципамъ національной традиціи. Для всѣхъ этихъ цѣлей государство, область и муниципалитеты передаютъ въ ихъ распоряженіе пропорціональную часть своего бюджета; сверхъ того національнымъ органамъ предоставляется

вводить принудительное обложеніе, а также пріобрѣтать и отчуждать всякаго рода имущество, обязываться искать и отвѣчать на судѣ.

5. Учреждается національный судъ для разбора дѣлъ, возникающихъ между членами національнаго меньшинства, съ правомъ примѣнять національный обычай и традицію, особенно въ вопросахъ брачнаго и семейственнаго порядка.

6. Устройство и оффиціальный языкъ всѣхъ органовъ и учрежденій данной миноритарной народности опредѣляются ея національнымъ сеймомъ.

7. Основанныя національными органами учебныя заведенія всѣхъ типовъ и степеней, а также суды и другія ихъ учрежденія пользуются правами аналогичныхъ государственныхъ институтовъ. Исполненіе законныхъ постановленій національныхъ органовъ гарантируется государственной властью.

8. Права національныхъ меньшинствъ устанавливаются государственнымъ закономъ для всей территоріи государства и не могутъ быть отмѣнены законодательствомъ отдѣльныхъ автономныхъ провинцій.

Вл. Жаботинскій.

Въ государствахъ съ смѣшаннымъ, по племенному составу, населеніемъ вопросъ о самоуправленіи національнаго меньшинства неизбѣжно выдвигается на первый планъ, какъ только они вступаютъ на путь свободнаго политическаго развитія. Такъ было въ Австріи, съ самаго начала ея конституціонной жизни; то же самое мы видимъ и въ Россіи, гдѣ положеніе окраинъ стало предметомъ обсужденія еще до 17-го октября 1905-го года. Опытъ австрійскихъ провинцій показалъ, что одной областной автономіи недостаточно для удовлетворенія національныхъ стремленій; возникли планы дальнѣйшихъ преобразованій, интересные уже по новизнѣ и оригинальности взглядовъ, лежащихъ въ ихъ основѣ. На почвѣ, близкой къ этимъ планамъ, была построена статья г. Медема: «Къ постановкѣ національнаго вопроса въ Россіи», напечатанная въ прошломъ году въ нашемъ журналѣ (№№ 8 и 9); на той же почвѣ стоитъ и настоящая статья г. Жаботинскаго. Далеко не во всемъ соглашаясь съ обоими авторами, редакція нашла полезнымъ ознакомить читателей съ теченіемъ, которому несомнѣнно предстоитъ сыграть роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ національнаго вопроса. Мы думаемъ, что цѣль національно-миноритарныхъ учрежденій, проектируемыхъ г. Жаботинскимъ, не можетъ быть названа соотвѣтствующею настоящему положенію дѣлъ въ культурныхъ го-

сударствахъ. Аналогичные порядки, образовавшіеся и до сихъ поръ отчасти существующіе въ Турціи, самъ авторъ считаетъ архаичными, непримѣнимыми къ условіямъ нашего времени. Преобразованная и обновленная, система національно-миноритарныхъ учрежденій внесла бы въ современный государственный строй—особенно тамъ, гдѣ онъ еще не окрѣпъ, не всѣми даже признанъ —такую запутанность, такую сложность, справиться съ которою ему оказалось бы не по силамъ. Въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, примѣненіе этой системы встрѣтило бы, быть можетъ, менѣе препятствій— но позволительно думать, что тогда въ ней не будетъ настоятельной надобности: долгій періодъ истинной политической свободы и широкаго общественнаго прогресса настолько, быть можетъ, смягчитъ національную борьбу, настолько сгладитъ различія между національностями, что излишними станутъ искусственные способы охраны правъ и интересовъ меньшинства.

Возраженія, вызываемыя системой, какъ цѣлымъ, теряютъ значительную часть своей силы по отношенію къ тѣмъ ея частямъ, которыя касаются *мѣстнаго* самоуправленія. Здѣсь мысль г. Жаботинскаго кажется намъ спорной не столько въ своей основѣ, сколько въ деталяхъ. Онъ идетъ гораздо дальше г. Медема и раздвигаетъ сферу «экстерриторіальной автономіи» далеко за предѣлы «культурныхъ дѣлъ». Вѣдѣнію національно-миноритарныхъ учрежденій онъ предоставляетъ, напримѣръ, наряду съ народнымъ образованіемъ, народное здравіе, трудовую помощь, руководство переселенческимъ движеніемъ, дѣла гражданскаго состоянія; онъ высказывается за учрежденіе національнаго суда для разбора дѣлъ, возникающихъ между членами національнаго меньшинства. Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ предположеній, ограничимся двумя замѣчаніями, по которымъ можно судить о мотивахъ нашего несогласія съ уважаемымъ авторомъ. Охрана народнаго здоровья настоятельно требуетъ общихъ мѣропріятій, распространяющихся на всѣ элементы населенія; дробить ее между національностями, значило бы рисковать интересами цѣлаго, безъ всякой выгоды для какой-либо его части. Упущеніе со стороны одного изъ національныхъ санитарныхъ учрежденій грозило бы опасностью всему населенію данной мѣстности. Само собою разумѣется, что національное меньшинство не должно быть стѣсняемо въ открытіи и содержаніи своихъ больницъ, амбулаторій и т. п.; но это не должно освобождать его отъ участія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ большинствомъ въ расходахъ на лѣчебно-санитарное дѣло, ввѣренное мѣстному выборному органу и регулируемое мѣстнымъ представительствомъ. Что касается до національнаго суда, то онъ возможенъ и желателенъ въ

видѣ суда третейскаго, къ которому добровольно обращаются и рѣшенію котораго добровольно подчиняются обѣ стороны; именно такимъ и былъ еврейскій Бесъ-Динъ, о которомъ говорится въ статьѣ г. Жаботинскаго. Къ какой бы національности и къ какому бы исповѣданію ни принадлежалъ гражданинъ, *обязательнымъ* для него можетъ быть подчиненіе только одному суду—общегосударственному, для всѣхъ одинаковому; только онъ—если онъ правильно организованъ,—представляетъ достаточныя гарантіи безпристрастія. Знаніе мѣстнаго быта, мѣстныхъ условій, конечно, желательно для судьи; но оно можетъ быть достигнуто другими путями, не исключающими господства одного общаго для всѣхъ закона. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ здѣсь въ виду только обыкновенныя гражданскія дѣла; *духовный* судъ можетъ быть организованъ для каждаго исповѣданія согласно его особымъ требованіямъ—но вѣдь рѣшеніе духовнаго суда не должно касаться гражданскихъ правъ лица, къ нему обращающагося или призываемаго. Усилія законодателя должны быть направлены не къ тому, чтобы дробить подсудность, а къ тому, чтобы поставить судъ на должную высоту и окружить его гарантіями, обезпечивающими правильное отправленіе его функцій.

К. А.

РОЗОВЫЯ МАЛЬВЫ.

Разсказъ.

I.

Полевыя мальвы уже распустились.

Тамъ, гдѣ желтоватая, усыпанная рѣчной галькой дорога сбѣгаетъ черезъ мостъ и дѣлаетъ округлый поворотъ, подымаясь на крутой, поросшій кустарникомъ холмикъ, разрослись ихъ высокіе, пышные кусты, на которыхъ къ концу лѣта распускаются эти громадныя, блѣдно-розовыя чаши, съ зеленоватыми выпуклыми завязями посрединѣ. Тонкая придорожная пыль покрыла нижніе листы, отчего они поблекли и потемнѣли, но розовые цвѣты вверху остались незапятнанными и чистыми: они легко высятся, отчетливо выдѣляясь нѣжными розовыми пятнами на фонѣ голубого неба и плавно склоняясь порой подъ набѣгающимъ вѣтеркомъ...

Когда Леля увидѣла на знакомомъ пригоркѣ распустившіеся розовые цвѣты, сердце въ ней дрогнуло и упало. Вѣдь все было испорчено безповоротно, а между тѣмъ именно этотъ день былъ такъ удивительно хорошъ, какъ она давно не запомнитъ.

Лѣто нынче было очень грустное, очень тоскливое. Всѣ ходили подавленные, и на всѣхъ лицахъ читалась затаенная тревога и безпокойство. А это такъ тяжело, отъ этого такъ жутко и безпомощно дѣлается на душѣ, что нельзя, совсѣмъ нельзя жить съ этой неослабѣвающей тревожной возбужденностью, съ этимъ неизбѣжнымъ предчувствіемъ чего-то тяжелаго. Леля жадно взглядывалась въ лица старшихъ, жадно ловила выраженіе ихъ глазъ и тонъ ихъ рѣчи, но въ отвѣтномъ взглядѣ матери въ первый разъ не могла она уловить ласковаго ободренія: мама спѣшила отвести свой взглядъ, въ которомъ была та же тревога

и безпокойство. Передъ Лелей въ первый разъ вставало смутное и тревожное предчувствіе того, что жизнь несетъ въ себѣ порой такую тяжесть, тоску и тревогу, отъ которыхъ человѣку никакъ нельзя избавиться, которыя онъ долженъ принимать и нести, хотя бы вся душа его кричала и противилась этому.

А тутъ еще лѣто... Было просто что-то противузаконное, какъ нарушеніе всего естественнаго порядка вещей, въ томъ, что лѣто принесло съ собой эту тяжесть, тревогу и страхъ: лѣто дано для радости, лѣтомъ нельзя не быть упоеннымъ оттого, что далеко остался городъ, что надъ тобой синѣетъ вольное небо, что тебя снова встрѣчаютъ родныя горы, въ которыхъ такъ привольно пробираться верхомъ по зарослямъ кустовъ и узкимъ тропинкамъ или мчаться веселой и азартной гурьбой по пыльной и гладкой дорогѣ. Леля не знала, о чемъ она больше тоскуетъ зимой, когда ее увозятъ въ городъ, въ гимназію: о мамѣ-ли и братишкахъ, оставленныхъ дома, или о своемъ Гнѣдкѣ и вольномъ вѣтрѣ, который вѣетъ въ лицо, когда она мчится верхомъ, или родныхъ горахъ, съ темной зеленью ихъ подошвъ и суровымъ величіемъ ихъ снѣжныхъ вершинъ. Алтай, Алтай! Само слово это казалось Лелѣ красивѣй всѣхъ словъ и названій.

И вотъ съ каждымъ пріѣздомъ домой Лелю неизмѣнно встрѣчало родное приволье, встрѣчала любовь и ласка всѣхъ окружающихъ и съ перваго до послѣдняго дня наполняло такимъ захватывающимъ счастьемъ, такой глубокой радостью, которая дѣлала невозможной всякую мысль о душевной тяжести, тревогѣ или гнетущихъ предчувствіяхъ.

Нынче же лѣто пришло, какъ и всегда, въ свое время,— кругомъ были тѣ же горы, та же зелень и небо, но въ душѣ было что-то смутное и странное, словно вся жизнь была выбита изъ колеи. Весь домъ пропитала тяжелая тревога, которая болѣзненной тоской отзывалась въ сердцѣ. То тяжелое, скорбное и гнетущее, что всегда чудилось Лелѣ во взрослыхъ и отчего ей такъ страшно было выростать, сквозило теперь во всѣхъ движеніяхъ, словахъ и взглядахъ окружающихъ, и Лелѣ казалось, что всякая радость, всякій душевный покой исчезли навсегда у всѣхъ въ домѣ, исчезли и изъ ея души. Но вѣдь тогда... тогда это и значитъ, что ея дѣтству пришелъ конецъ... Правда, она уже давно не маленькая—ей уже четырнадцатый годъ—но такъ навсегда и безповоротно проститься съ дѣтствомъ и на всю жизнь уже стать придавленной, скорбной, тоскующей—это такъ страшно, такъ тяжело...

А въ домѣ поселилась тревога потому, что въ немъ была тяжело больная: хворала бабушка.

Когда Леля пріѣхала, то бабушка еще ходила, но и тогда было уже немножко страшно при взглядѣ на нее. Бабушка была словно и та и не та. Когда солнце врывалось и заливало весь домъ яркимъ, горячимъ свѣтомъ, бросая на полъ узорчатыя тѣни отъ стоящихъ по окнамъ ящиковъ и банокъ съ цвѣтами, и Леля, запыхавшись отъ хлопотливой возни въ садикѣ или на пригоркѣ и умирая отъ жажды, вбѣгала въ комнаты, чтобы напиться и передохнуть отъ жары, она сразу же обрывала свою пѣсню и звонкій топотъ, такъ какъ взглядъ ея падалъ на стоящую у окна, опершись на край цвѣточнаго ящика, безсильную, сгорбленную и словно уменьшившуюся въ размѣрахъ фигуру бабушки. Бабушка была почти слѣпа, — ея глаза уже не видѣли окружающихъ ее красокъ и блеска горячаго лѣтняго дня — она могла вбирать лишь теплоту солнца, могла лишь грѣться его лучами, и потому въ ней уже было что-то непонятное и немножко жуткое, будившее безпокойство и недоумѣніе. Леля чувствовала, что она не можетъ, какъ прежде, подбѣжать къ бабушкѣ, затормошить ее, схватить изъ ея рукъ кружку и, шумно захлебываясь и обливаясь водой, разсказать ей о томъ, чтó они дѣлаютъ сейчасъ тамъ, на улицѣ, какъ жаритъ сегодня солнце, какъ невозможно до вечера и думать о поѣздкѣ верхомъ, какъ она уже успѣла выкупаться, а мальчики даже два раза... о томъ, какъ они рѣшили подъ черемухой выстроить хуторъ — и настоящій, чтобы всѣ, всѣ постройки были, а кругомъ стога накосятъ... а лошадей и людей уже налѣпили изъ глины, и они теперь на полѣнницѣ — сохнутъ на сóлнцѣ... и вотъ ей надо теперь скорѣй, скорѣй бѣжать — посмотрѣть, чтобъ ихъ оттуда не сбросила Аннушка: вѣдь она же никогда не смотритъ, лежитъ ли что-нибудь на ея полѣньяхъ, а мама только сейчасъ крикнула, чтобъ она несла дровъ въ плиту...

А нынче Леля лишь по забывчивости вбѣгала иногда съ прежнимъ топотомъ, но сразу же притихала и старалась потихоньку и незамѣтно отыскать въ буфетѣ кружку, напиться и выскользнуть обратно. Въ саду и на дворѣ ярко свѣтило солнце, лѣто было во всемъ разгарѣ, и болѣзненная напряженность, тревога и страхъ улетали прочь.

Но вотъ бабушка перестала вставать съ своей постели. Она лежала тамъ тихая и молчаливая, не то въ дремотѣ, не то въ глубокомъ, обособленномъ отъ всего раздумьи. Лелѣ такъ хотѣлось понять, дремлетъ ли она, или думаетъ о чемъ, и какъ

можно такъ долго, такъ безпрерывно думать... Вѣдь вотъ прошло уже много дней,—и Леля не вспомнитъ даже, сколько она успѣла передѣлать за это время, но думала она... ну, развѣ нѣсколько минутъ — больше она никакъ не можетъ: или такъ тревожно станетъ, что она убѣжитъ скорѣй къ братишкамъ, или же она даже и не помнитъ, какъ броситъ думать.

А бабушка и утромъ, и вечеромъ, и ночью все такъ же лежитъ и все такъ же думаетъ... Или же она спитъ? Вѣдь она больна, а больные отъ слабости всегда много-много спятъ...

— Мама, бабушка хвораетъ?

— Да, Леля, хвораетъ.

Становилось почти совсѣмъ спокойно. Значитъ, правда, бабушка спитъ, и нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, что она все лежитъ, неподвижно, беззвучно: если-бъ и сама Леля хворала, она тоже все бы спала и лежала такъ же неподвижно дни за днями. Почти готовая смѣяться надъ своей тревогой, Леля взглядывала на мать, которая стояла съ ней у постели, но встрѣчала все тотъ же тревожный взглядъ, который былъ у всѣхъ въ домѣ, и отъ котораго къ Лелѣ сразу возвращались прежнее безпокойство и смутный страхъ...

Когда бабушка слегла, въ домѣ все затихло. Папа запретилъ Лелѣ и братишкамъ играть въ шумныя игры, кричать и бѣгать и даже кататься верхомъ. А Леля прямо не представляла себѣ лѣта безъ верховой ѣзды, безъ своего Гнѣдка, въ маленькомъ сѣдлѣ съ блестящими мѣдными стременами, съ котораго она почти не сходила. Не даромъ мама сказала, что она лишь по ошибкѣ родилась дѣвочкой. И вотъ теперь надо прожить все лѣто безъ того, чѣмъ оно всегда было наполнено, безъ того, что было совсѣмъ неотдѣлимо отъ него... Леля плохо понимала, какъ же оно теперь пойдетъ, и на душѣ была двойная тревога и недоумѣніе.

Эта смутная жизнь шла до тѣхъ поръ, пока не случился тотъ чудесный, тотъ удивительный день... Вѣдь если бъ только не мальвы; если бъ только не мальвы, то все миновало бы, какъ тяжелый, кошмарный сонъ, и кругомъ все оказалось бы по-прежнему — такъ радостно, покойно и счастливо. Если бъ только не мальвы... Но надо разсказать все по порядку.

Леля проснулась въ тотъ памятный день очень рано, на разсвѣтѣ, съ какой то громадной, острой радостью въ груди— словно разбуженная ею. Быстро вскочила съ постели.

На улицѣ было еще сыро и холодно. Туманъ заволакивалъ горы, трава бѣлѣла отъ росы, но птицы уже задорно го-

моздились въ деревьяхъ сада, звонко насвистывая разноголосымъ концертомъ.

Среди двора стоялъ Гнѣдко, привязанный къ телѣгѣ, съ зеленой и мокрой отъ росы травой, и лѣниво, повидимому уже давно насытившись, вбиралъ ее влажными губами, обдавая тепловатымъ паромъ своего дыханія.

Острая радость снова шевельнулась у Лели въ груди. Подбѣжала къ Гнѣдку. Насторожилъ уши, повернулъ голову, съ блестящими, словно тоже омытыми росой, глазами, дохнулъ теплотой въ холодную щеку. Гладила и ласкала его красивую голову. А туманъ постепенно рѣдѣлъ, и снѣговые хребты «бѣлковъ» на востокѣ все больше начинали открываться глазамъ, а ихъ снѣга все ярче зажигались отблесками разгоравшейся надъ ними зари.

Леля посмотрѣла туда и затѣмъ перевела свой взглядъ вверхъ, гдѣ смутно синѣло блѣдное утреннее небо, до котораго не дошли еще переливчатыя краски зари, и которое было такимъ высокимъ, нетлѣнно-холоднымъ и чистымъ... Закинувъ голову, Леля постояла такъ нѣсколько мгновеній и вдругъ, сорвавшись съ мѣста, помчалась въ домъ, легко прыгая черезъ двѣ ступеньки.

Черезъ минуту она показалась снова и побѣжала во весь духъ къ сѣновалу, часто мелькая тоненькими ногами въ черныхъ чулочкахъ и смокшихъ отъ росы башмакахъ, оставляя темный слѣдъ по травѣ и зажавъ что-то въ рукѣ. Подбѣжавъ къ сѣновалу, она легко взлѣзла по бревенчатому углу его и мигомъ очутилась на самой высокой точкѣ—на кучѣ свѣже-сметаннаго, зеленаго рыхлаго сѣна. Тамъ, напряженно вытянувшись и высоко закинувъ голову, замерла она въ торжественной и выжидательной позѣ, обернувшись лицомъ къ востоку...

А снизу, съ крыльца, ее уже нѣсколько секундъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ наблюдалъ отецъ.

Андрей Александровичъ проснулся отъ Лелиной бѣготни. Хотя, убѣжавъ въ домъ, она и старалась прокрасться въ дѣтскую какъ можно тише, но, роясь въ своемъ ящичкѣ, она зацѣпила подсвѣчникъ, вскрикнула, прыгнувъ и подхватывая его,— затѣмъ, спохватившись, топнула на себя ногой и, опять спохватившись, выругала себя дурой, заторопилась, хлопнула ящикомъ, схвативъ изъ него нужный предметъ, и, скрипнувъ половицами, выскользнула на улицу, впустивъ въ спящій, полный теплыхъ дыханій домъ струйку холодной свѣжести. Она медленно поплыла внутрь комнатъ и коснулась легкимъ дуновеніемъ лица разбу-

женнаго этимъ отдаленнымъ переполохомъ Андрея Александровича.

— Что за шорохи и стуки?.. и въ дѣтской... Кто-то вышелъ на улицу... Придется встать.

Онъ быстро и безшумно поднялся, прошелъ въ дѣтскую и, увидѣвъ пустую Лелину постель, не то нахмурился, не то улыбнулся и вышелъ на крыльцо.

Взглядъ его сразу же упалъ на странно-торчащую на верхушкѣ сѣновала маленькую, напряженно-вытянувшуюся фигурку, ярко освѣщенную отблесками багрово-красной зари. Спустя моментъ, краешекъ солнечнаго диска показался изъ-за горъ, и въ тотъ же мигъ Леля вдругъ высоко взмахнула правой рукой, въ которой оказался маленькій игрушечный револьверъ съ пистонами изъ селитры, и, выкрикнувъ что-то не непонятномъ фантастическомъ языкѣ, выстрѣлила вверхъ, въ небо—разъ! два! и три!.. Затѣмъ, очевидно еще не удовлетворенная совершеннымъ, она звонко прокричала все также въ пространство, но уже на обыкновенномъ русскомъ языкѣ, и Андрей Александровичъ услышалъ слѣдующее: «Это мы, огнепоклонники, привѣтствуемъ солнце, которому мы служимъ»... Тутъ Леля торжественно протянула руку на востокъ, собираясь выполнить какой-то церемоніалъ, но взглядъ ея какъ разъ упалъ на отца и, растерявшись, сконфузившись, она вмигъ скатилась на противоположный склонъ сѣновала и, минуту спустя, была уже въ огородѣ, который всегда являлся и ей, и братишкамъ вѣрнымъ прибѣжищемъ, гдѣ всегда можно было оправиться отъ какого угодно конфуза или переждать какую-угодно грозу. А Лелѣ было и стыдно, что увидали ея новое чудачество—ими,—говорятъ—она и такъ всѣхъ извела и, кромѣ того, на сѣновалъ лазить было безусловно запрещено,—такъ что грозы не миновать...

Но все обернулось совершенно неожиданно.

— Нѣтъ, этого отнимать у нихъ нельзя,—говорилъ за чаемъ матери Андрей Александровичъ.—Меня все это положительно потрясло. Вѣдь ты подумай,—исповѣдуетъ культъ солнца, вскакиваетъ до зари, караулитъ первый лучъ и палитъ въ небо... Нѣтъ, въ свое время также сильно почувствуютъ они и тяжелыя, отвѣтственныя стороны жизни, а сейчасъ уродовать ихъ солнечныя души, право, преступно.

Леля появилась только къ завтраку, но уже не трепетная и сконфуженная, а полная какой-то суровой и строгой серьезности. Съ ней почти всегда такъ бывало, и послѣ всякой выходки наступалъ этотъ періодъ суроваго самообличенія.

...Вотъ она опять забыла, совершенно забыла о томъ, что дѣлается въ домѣ, что бабушка больна, что всѣмъ тяжело и тревожно, — значитъ, она не умѣетъ любить и не умѣетъ помнить ни о чемъ серьезномъ и важномъ. А вѣдь сама же она всегда говорила и еще третьяго дня спорила до слезъ съ Сережей Ивинымъ о томъ, что только въ серьезномъ и тяжеломъ узнаются люди... настоящіе... отзывчивые... и что онъ ничего не понимаетъ, если смѣется надъ стихами: «Не шумной бесѣдой друзья познаются»... и что она этого ни за что никому не позволитъ. Тогда еще Сережа, въ отвѣтъ, принялся нарочно, дразня ее, смѣяться, не говоря ни слова и не останавливаясь, а она отъ бѣшенства и негодованія расплакалась—«какъ самая настоящая дѣвчонка»—закричалъ Сережа. И это, конечно, правда, и всегда такъ: ей кажется, что она многое понимаетъ и чувствуетъ, а на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ, и она просто глупая дѣвчонка, самая послѣдняя дѣвчонка... и вовсе и на мальчика не похожа ничѣмъ... Вотъ и сегодня—она продѣлала все это и ни капельки не помнила ни о бабушкѣ, ни о комъ на свѣтѣ. Ей вдругъ показалось, что она ужа давно-давно не видѣла солнца, и что она прямо задохнется отъ радости, когда увидитъ его. Сама не зная еще, что будетъ дѣлать, она сорвалась и побѣжала за револьверомъ, а тутъ почему-то вспомнились огнепоклонники... Вотъ надъ ней опять будутъ смѣяться, но вѣдь она и сама знаетъ, прекрасно знаетъ, что никогда никакіе огнепоклонники не палили изъ револьверовъ—она же знаетъ, когда появилось огнестрѣльное оружіе,—но все равно надъ ней нельзя не смѣяться: какой въ ней толкъ, когда она не умѣетъ... не умѣетъ... пользоваться тѣмъ, что знаетъ и... помнить того, о чемъ нельзя не помнить... Алексѣй Иванычъ вчера объ этомъ же самомъ говорилъ съ папой, и онъ сказалъ еще: «такихъ людей много и такихъ людей нельзя уважать: это просто умственная и моральная распущенность». Леля все это хорошо запомнила, а вотъ она такая и есть—ну, значитъ, и говорить нечего...

— Леля, Леля!.. Лелька!.. Уснула!..

Перегнувшись черезъ чайный столъ и заливаясь хохотомъ, уже нѣсколько времени кричитъ ей братишка, и отецъ тоже уже давно говоритъ ей что-то, улыбаясь. Всѣ тоже, смѣясь, смотрятъ на нее.

Леля очнулась отъ своей задумчивости.

— ... Ну, такъ ты за старшую и отправишься, слышишь, Леля? Колю и Митю подъ твое атаманство вручаемъ. Захватите

Сережу съ Зиночкой—ихъ навѣрно отпустятъ: я напишу записку Натальѣ Ивановнѣ. Ну, и валяйте себѣ хоть до вечера, и условіе только одно: всѣ головы назадъ привезти.

— Лелька, да ты слышишь?.. верхомъ, верхо-о-мъ!.. и одни!.. и куда угодно!.. Лелька! Оглохла!.. Лелька!..

Николай совсѣмъ взбѣсился и готовъ былъ перекувырнуться хоть на чайномъ столѣ. Высидѣть же за столомъ братья были положительно не въ состояніи, и мама, смѣясь, выгнала ихъ.

— Сѣдлать, сѣдла-а-ть!.. Алтайца, Гнѣдка, Любимчика!.. сѣдла-а-ть!.. — несся сверхъестественный крикъ со двора, отъ конюшни.

Леля вдругъ вскочила и, какъ сумасшедшая, бросилась туда. За столомъ всѣ разсмѣялись.

II.

— Нѣтъ, Гнѣдко рѣшительно отвыкъ ходить подъ сѣдломъ: встряхиваетъ, какъ кляча, сбивается съ рыси, злится и смаху такъ дергаетъ и крутитъ головой, что чуть не вырываетъ изъ рукъ поводья. Горячится онъ сильно... А вотъ у Алексѣя Иваныча на Сѣркѣ такъ совсѣмъ нельзя ѣздить въ компаніи: онъ прямо, какъ бѣсъ, рвется изъ рукъ и даже храпитъ отъ бѣшенства, когда его кто-нибудь норовитъ опередить... Нѣтъ, безобразіе! Этотъ Гнѣдко чуть не вырвалъ совсѣмъ изъ рукъ поводья. А Сережа ужъ ехидно улыбается, глядя на нее. Нѣтъ, ужъ, пожалуйста...

Леля вспыхнула и, ударивъ ногой, крикнула, отпустивъ поводья и подхватывая сразу сбитую порывомъ вѣтра шляпу. Она взлетѣла на бревенчатый выпуклый мостъ, а за ней гулкимъ грохотомъ застучали рванувшія вслѣдъ лошади остальныхъ всадниковъ. Восьмилѣтній Митя немножко поблѣднѣлъ на своемъ грузномъ, громадномъ Алтайцѣ, на которомъ такъ забавна была его маленькая фигурка, и незамѣтно ухватился за луку, но глазенки его вспыхнули и загорѣлись.

Забравши впередъ, Гнѣдко пошелъ ровной размашистой рысью, чутко улавливая настигающее дыханіе Сережинаго Каурки и легкимъ усиліемъ ускоряя свой бѣгъ. Каурый, прядая ушами, упорно настигалъ, но Гнѣдко такъ же упорно уходилъ и уходилъ. Становилось азартно и весело.

Вотъ и первый логъ. Немножко цѣпляясь ногами и встряхивая, лошади дружно сбѣжали по отлогому склону на спря-

тавшійся въ зелени ветлъ и высокой осоки мостикъ, и вдругъ Сережа дико гикнулъ, ударивши сзади плетью Лелинаго Гнѣдка. Гнѣдко, взметнувши головой, рванулъ изо всѣхъ силъ.

— Не отставать! Въ погоню!..

Но Гнѣдко летѣлъ, какъ сумасшедшій.

— Леля, будетъ... Митя не можетъ такъ больше... Лелька... Сдержать не можемъ... Да, Лелька же!..

Голоса испуганные и немножко злые.

Леля опомнилась.—Правда, что же это она... И Гнѣдко-то чуть не въ пѣнѣ... Она прямо себя не помнитъ...

Она натянула поводья, и Гнѣдко, все замедляя свой ходъ, наконецъ, совсѣмъ остановился. Леля повернула назадъ и встала среди дороги, поджидая отставшихъ.

Сразу же подъѣхалъ Сережа, который скакалъ слѣдомъ, и, отвернувъ въ сторону, бросилъ поводья. Вспотѣвшій Каурка, отфыркиваясь и тяжело дыша, жадно накинулся на траву. Сережа, немножко обозленный неудачей погони, не заговаривая, перегнулся съ сѣдла, выбралъ длинную и сочную травинку, торчащую изъ-подъ ногъ Каураго, и, расположившись въ сѣдлѣ такъ, словно приготовился ждать цѣлые часы, забралъ ее въ ротъ и принялся меланхолично покусывать.

У Лели же созрѣвалъ планъ мести за его ударъ плетью по Гнѣдку. Она замѣтила у дороги цѣлую заросль огромныхъ дикихъ репейниковъ и съ невиннымъ видомъ подъѣхала къ нимъ. Сережа хорошо придумалъ надуться и не глядѣть... Нарвала полную горсть колючихъ и цѣпкихъ шишекъ, затѣмъ, легонько тронувъ Гнѣдка, подъѣхала сзади и швырнула ихъ въ застывшаго на сѣдлѣ Сережу.

— Вотъ такъ! Это за плеть!

Сережа подскочилъ, далеко отплюнулъ свою травинку, заоралъ какой то дикій кличъ и бросился за ней.

— Война!—оралъ онъ:—ну, ужъ, берегись!..

Леля ускользала на своемъ Гнѣдкѣ, вертясь и описывая круги; Сережа гонялся, съ криками и ревомъ, норовя вплотную нацѣпить репейниковъ въ Лелины косы. Каурка, ничего не понимая, бросался въ одну сторону, отдергивался въ другую, горячился и спотыкался.

Съ звонкимъ топотомъ и раскраснѣвшимися, возбужденными и потными лицами подъѣхали остальные. Репьи полетѣли тучами. Захвативъ рукой волосы, кружась и нагибаясь, Леля отбивалась на всѣ стороны. Наконецъ взмолилась: «будетъ, будетъ!»..

Съ полчаса пришлось приводить другъ друга въ порядокъ и отдирать репьи. Наконецъ, тронулись дальше.

Возбужденіе улеглось, шалить уже никому не хотѣлось, и ѣхали молча по широкой, залитой солнцемъ дорогѣ, среди обступившихъ ее покосовъ и пашенъ. Высоко надъ головою синѣло чистое, бездонное небо, и отдаленныя горы на фонѣ его рисовались удивительно четко.

Въ этой прозрачности далей, въ этомъ ушедшемъ ввысь небѣ и желтѣющихъ краскахъ полей уже чувствовалось дыханіе осени, но горячіе лучи солнца еще говорили о лѣтѣ, которое какъ будто чаровало на прощанье затаенной дремотной силой своей маленькія человѣческія сердца, отуманивало смутной истомой свѣтлые, задорные глазки...

Дорога подошла къ крутому спуску. Степь кончилась. Внизу уже темнѣлъ сосновый боръ.

Въ бору стоялъ пряный, смолистый запахъ. Вѣтви порой сплетались надъ дорогой, но и въ тѣни ихъ было душно. Подъ ногами взрывались сухія, колючія иглы и опавшія темныя шишки.

Но вотъ потянуло сыростью, и въ просвѣтѣ сосенъ, искрясь солнцемъ, блеснула рѣка. Всѣ невольно подбодрили усталыхъ, разморенныхъ лошадей и выѣхали къ мосту. Это былъ тотъ самый мостъ, за которымъ, на каменистомъ пригоркѣ, росли стройныя пирамиды мальвъ...

Еще при видѣ блеснувшей впереди рѣки у Лели тревожно ёкнуло сердце: а вдругъ уже... вдругъ онѣ уже качаются тамъ... и, пустивъ Гнѣдка черезъ мостъ, она рысью вбѣжала на холмикъ и тамъ, у самой дороги, сразу же увидѣла высокій пирамидальный кустъ съ большими блѣдно-розовыми цвѣтами.

— Конечно... Такъ и знала...

На душѣ стало сразу тревожно и безпомощно, и трепетная радость, которая наполняла весь день, сразу сжалась, поблѣднѣла, потухла...

Дѣло въ томъ, что каждый годъ, какъ только расцвѣтали розовыя мальвы, и на знакомомъ холмѣ мелькали въ первый разъ ихъ большія нѣжныя чаши, Леля совершенно осязательно чувствовала, что лѣту пришелъ конецъ. Вѣдь какъ бы ни свѣтило, какъ бы сильно ни жгло еще солнце, все равно не больше, какъ недѣли черезъ двѣ, она вмѣстѣ съ Сережей и Колей, сядетъ въ тарантасъ, и, сквозь застилающія глаза слезы, передъ ней уже въ послѣдній разъ премелькнутъ знакомые дома, поля со стогами, боръ, каменистый пригорокъ и, наконецъ, эти плавно склоняю-

щіяся ей вслѣдъ большія розовыя чаши мальвъ. Этотъ прощальный поклонъ родимыхъ цвѣтовъ почему то дѣйствовалъ на нее всего больнѣй, и самый видъ ихъ будилъ уже не только тоску и мысль о скорой разлукѣ, но вызывалъ еще какую то болѣе смутную и властную тревогу, вселяя непреодолимую боязнь и предчувствіе чего-то тяжелаго. И потому розовый цвѣтокъ мальвы сталъ для нея символомъ неизбѣжнаго несчастія.

Смутная и тревожная возвращалась Леля домой. Остальные ѣхали усталые и тоже притихшіе.

III.

А несчастье, дѣйствительно, уже ждало ихъ: дома въ ихъ отсутствіе бабушка умерла,—умерла такъ тихо, что никто не замѣтилъ...

Леля слушала маму и чувствовала, что глаза у ней какъ то неестественно расширяются, тѣло слабѣетъ, и колѣни начинаютъ дрожать мелкой дрожью. Мама увела ихъ всѣхъ изъ комнатъ, и ихъ отправили къ знакомымъ.

Бабушку хоронили на третій день.

Леля, осунувшаяся, съ сухими, безпокойными глазами, въ первый разъ въ этотъ день подошла къ ея гробу проститься, Мама стояла и слѣдила за ней. Лелѣ было страшно, страшно съ самаго перваго момента, какъ прозвучало въ ихъ домѣ слово «смерть»,—но не покойницы и гроба, а страшно самой смерти. страшно тайны ея, которой никто не понималъ и не могъ объяснить—ни мама, ни отецъ Василій, никто-никто изъ живыхъ.

— Только тотъ, кто самъ причастится ей, пойметъ ея тайну, говорилъ ей отецъ Василій: теперь мы видимъ все словно въ зеркалѣ гаданія, тогда-же увидимъ лицомъ къ лицу.

Значитъ, бабушка вотъ все поняла и все знаетъ... Леля подошла къ гробу покойной.

Лицо въ гробу было странно заострившееся и желтоватое,—это не было живое, привычное, дорогое лицо, и въ то же время оно всего менѣе было мертво: оно затаило такое глубокое и просвѣтленное выраженіе, что вся душа рванулась ему въ отвѣтъ. Какъ въ туманѣ, Леля шагнула къ нему. Осмыслить, понять она по-прежнему ничего не могла, но видѣла лишь это свѣтлое, это покойное и новое лицо, которое даетъ человѣку смерть. «Которое даетъ человѣку смерть»... какъ будто звенѣло

и прорывалось ежеминутно сквозь хаосъ мыслей и чувствъ хлынувшихъ въ душу—«которое даетъ человѣку смерть»...

Гробъ вынесли изъ дома, медленно пронесли въ церковь и поставили на срединѣ ея.

Въ церкви, маленькой, деревянной, обросшей зеленью, стоялъ полумракъ, было прохладно и вверху, подъ куполомъ, плавали синія струйки кадильнаго дыма. Въ глубинѣ слабо и безпомощно звучалъ старческій голосъ священника, но отъ этого словно еще сильнѣе вставало величіе произносимыхъ имъ словъ и потрясающій смыслъ творящагося акта—смыслъ великій и простой, гдѣ примиряется жизнь со смертью, гдѣ смерть растворяется въ жизни.

Въ уголкѣ, въ полумракѣ, склонившись на колѣни, тихо и беззвучно, но неудержимо плакала Леля, но не съ отчаяніемъ или изступленностью, а съ какимъ-то новымъ, невѣдомымъ чувствомъ и боли, и примиренности, которое всю ее потрясало тихими рыданьями...

... но жи-и-знь безконечная,.. звучала, разростаясь, надгробная пѣснь, пѣснь смерти, поющая о вѣчности жизни.

Гробъ вынесли изъ церкви и тихо направились къ кладбищу.

Снова былъ яркій, сверкающій день, какіе посылаетъ, уходя отъ насъ, лѣто. Вѣтерокъ, налетая, игралъ краями одеждъ, прядями волосъ дьякона и развѣвалъ струйками дымокъ кадила въ его рукахъ.

Подъ горячими лучами августовскаго солнца, мягко утопая ногами въ желтѣющей лужайкѣ, медленно шли люди съ тѣломъ ушедшей отъ нихъ, и подъ высокимъ куполомъ неба такъ плавно, такъ мучительно-прекрасно звучало послѣднее рыдающее пѣніе «Святый Боже»... Напоенная солнцемъ, мягкая, дышающая паромъ земля принимала въ себя останки того, кто такъ же, какъ и она, былъ наполненъ тепломъ и жизнью, принимала, казалось, затѣмъ, чтобъ и въ сумрачныхъ нѣдрахъ ея тоже творилась великая, вѣчная тайна чудеснаго, непонятнаго намъ возрожденія..,

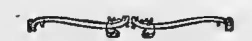
Въ вѣнкѣ полевыхъ цвѣтовъ, который кто-то повѣсилъ на крестъ, Леля увидѣла знакомый нѣжно-розовый вѣнчикъ мальвы. Вѣтерокъ, набѣгая, колыхалъ вѣнокъ, но розовый цвѣтокъ уже не склонялся подъ привычной лаской: онъ отяжелѣлъ, сморщилъ свои прозрачные лепестки и поникъ головкой.

Леля смотрѣла на него, и въ ней всплывали воспоминанія о страхѣ и темныхъ предчувствіяхъ, которыя неизмѣнно будилъ въ душѣ ея этотъ цвѣтокъ, но она чувствовала, что они отодвинулись въ какую-то смутную даль, и она вспоминаетъ ихъ,

какъ вспоминаетъ порой тяжелый, предутренній сонъ... Леля чувствовала, что она стала иною. Вотъ теперь, однако, въ самомъ дѣлѣ переставала она быть ребенкомъ,—но только въ ней не было ни тяжелаго страха, ни безпокойства, ни гнетущей скорби. Значитъ, она ошиблась, и взрослые не таковы, какъ думала она всегда? И жизнь не такова? Теперь она готова и рости, и сдѣлаться взрослой и пойти въ эту жизнь, для которой родятся люди: коснувшись страха смерти, душа ея раскрывалась для жизни.

Поднявъ глаза, Леля стояла у свѣжей могилы, а передъ ней на высокомъ крестѣ висѣлъ и медленно умиралъ подъ горячими лучами родимаго солнца розовый поникшій цвѣтокъ... А внизу шелестѣла желтоватая травка, которой поросло все сельское кладбище, и отъ свѣжаго, рыхлаго земляного холма подымался легкій, прозрачный, тепловатый паръ.

Е. Ватманъ.

КОНСТИТУЦІОННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ АНГЛИИ [1])

(Въ теченіе послѣдняго полувѣка).

II.

Паденіе палаты лордовъ.

Конституціонная эволюція, совершившаяся въ Англіи въ теченіе послѣдняго полувѣка, привела къ преобразованію палаты общинъ на демократической основѣ широкаго избирательнаго права. Но палата общинъ не одна, рядомъ съ ней стоитъ старый феодальный замокъ наслѣдственной палаты лордовъ, въ которой аристократія вѣками держитъ гарнизонъ. Что съ нею произошло за эти полвѣка, въ какія отношенія она стала къ представителямъ народа?

По традиціонной теоріи англійскаго конституціонализма, палата лордовъ есть органъ законодательной власти наравнѣ съ палатой общинъ и представляетъ противовѣсъ послѣдней, какъ равенствомъ правъ своихъ, такъ и различіемъ своего строя: она составлена изъ общественныхъ элементовъ, противоположныхъ народнымъ и независимымъ отъ народа, и въ то же время она облечена властью соглашаться или не соглашаться на изданіе законовъ, принятыхъ народными представителями. Теорія эта,

---

[1]) См. Сентябрь, стр. 174.

какъ то выяснилъ еще Бэджготъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи объ «Англійской конституціи», никогда не отвѣчала вполнѣ дѣйствительности, хотя совершенно вѣрно, что палата лордовъ состояла изъ аристократовъ и что законы должны были издаваться съ ея согласія. До 1832 г. палата общинъ рекрутировалась въ громадномъ большинствѣ своемъ изъ членовъ аристократическихъ семействъ или ихъ ставленниковъ, т. е. обѣ палаты состояли изъ тѣхъ же общественныхъ элементовъ, и благодаря этому между ними существовала не противоположность интересовъ, а единство; имъ не приходилось сдерживать или останавливать одна другую, онѣ тянули въ одну сторону. Реформа 1832-го года, открывъ доступъ въ парламентъ буржуазіи, нарушила это единство и ослабила это единеніе. Различіе состава обѣихъ палатъ, на которое прежде только претендовала теорія, теперь стало проявляться въ дѣйствительности, и ихъ равноправность поколебалась. Палата лордовъ скоро почувствовала, что она должна склонить голову предъ палатой общинъ, представительницей націи. По крайней мѣрѣ наиболѣе выдающіеся члены палаты лордовъ уразумѣли это, и во главѣ ихъ—Веллингтонъ. Онъ былъ архи-консерваторъ, всякая перемѣна внушала побѣдителю Наполеона непомѣрный страхъ. Онъ изо всѣхъ силъ противился избирательной реформѣ; до-реформенный режимъ съ его «гнилыми мѣстечками» казался ему идеальнымъ. Онъ предсказывалъ, что послѣ принятія реформы придется управлять страной при помощи штыковъ. Но тотъ же Веллингтонъ воплощалъ съ особенной яркостью свойство англійскаго консерватизма, преклоняющагося предъ совершившимся фактомъ и считающаго, что истинный консерватизмъ не только воспрещаетъ подкапываться подъ новый порядокъ—что было бы актомъ революціоннымъ,—но требуетъ, чтобы употреблены были честныя усилія приспособиться къ нему. Скорбно склонившись предъ реформой 1832-го года, Веллингтонъ старался заставить палату лордовъ итти въ ногу съ реформированной палатой общинъ; онъ внушалъ лордамъ, что они не должны настаивать на своемъ конституціонномъ правѣ противъ ясно выраженной воли народныхъ представителей, ибо несогласіе между палатами сдѣлало бы невозможнымъ государственное управленіе и, главное, поставило бы въ затруднительное положеніе корону. Изъ монархическаго лоялизма онъ требовалъ отъ лордовъ подчиненія народной волѣ. Авторитетъ его былъ такъ великъ, что лорды шли за нимъ и даже согласились на отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, такъ тяжко нарушавшую ихъ интересы, матеріальные и нравственные. Но когда опасность столкновенія съ націей была

менѣе велика, палата лордовъ не стѣснялась отвергать билли, принятые палатой общинъ, или извращать ихъ своими поправками.

Прозорливые умы, какъ напримѣръ Маколей, предвидѣли съ самаго начала, что совмѣстное существованіе реформированной палаты общинъ съ нереформированной палатой лордовъ создастъ политическій диссонансъ, полный опасностей. Но какъ реформировать наслѣдственную палату? Робкая попытка къ тому была сдѣлана. Въ 1856-мъ году, правительство, осуществляя несомнѣнную королевскую прерогативу, назначило пожизненнаго лорда. Палата лордовъ, не руководимая болѣе Веллингтономъ, отказалась принять въ свою среду вновь назначеннаго пожизненнаго пэра. Чтобы положить конецъ конфликту, лицо это, бывшее бездѣтнымъ, возведено было въ наслѣдственные пэры. Палата лордовъ упустила, такимъ образомъ, случай, открывавшій ей возможность квази-органическаго перерожденія.

Между тѣмъ жизнь общества шла впередъ; послѣ окончанія Крымской войны она пошла усиленнымъ темпомъ, духъ анализа и критики проникъ повсюду, ничего не щадилъ, дискредитировалъ все традиціонное. Отдѣленная отъ общества стѣной наслѣдственной привилегіи своей, палата лордовъ не могла пріобщиться къ «новому духу» и все болѣе изолировалась среди націи. Къ тому же она была раздѣлена внутри традиціоннымъ соперничествомъ двухъ аристократическихъ клановъ — торіевъ и виговъ. Вигійская аристократія, хотя и была не менѣе чужда демократическимъ тенденціямъ, чѣмъ торійская, представляла собой однако, вслѣдствіе партійныхъ связей своихъ, скорѣе центробѣжную силу. Не могла палата лордовъ найти поддержку извнѣ, въ ближайшемъ къ ней общественномъ классѣ, созданномъ расцвѣтомъ индустріи: въ высшей буржуазіи. Между аристократіей и плутократіей была непроходимая бездна общественнаго положенія, раздѣляющая лицъ изъ «общества» отъ людей, не принадлежащихъ къ нему. Бэджготъ писалъ въ 1865-мъ году: «ни въ одной странѣ бѣдняга милліонеръ не чувствуетъ себя такъ скверно, какъ въ Англіи. Попытки дѣлаются каждый день, и каждый день приноситъ доказательство тому, что однѣ только деньги не могутъ купить лондонское общество». Время внесло, какъ увидимъ, коренную поправку къ этому утвержденію Бэджгота, но тогда, въ 1865-мъ году, оно было почти вѣрно. Процессъ слiянiя плутократіи съ аристократіей едва только начинался. Взятая въ цѣломъ, плутократія, хотя и связанная уже съ аристократіей общностью матеріальныхъ интересовъ, держалась еще по-

отдаль отъ нея; еще не осуществившая всѣхъ своихъ вожделѣній, еще не удовлетворенная, еще жаждущая, она стояла политически не въ самыхъ рядахъ партіи прогресса, но, если можно такъ выразиться, въ полуоборотъ къ ней. Эта политическая поза плутократіи только подчеркивала одиночество палаты лордовъ. Волнуемая чувствами раздраженія и страха предъ надвигавшейся на нее народной волной, палата лордовъ продолжала дѣлать отъ времени до времени попытки сопротивленія, всегда кончавшіяся, однако, капитуляціями или компромиссами. Но передъ самымъ наступленіемъ полувѣка, который мы обозрѣваемъ, она рѣшилась на конституціонный конфликтъ съ палатой общинъ.

Въ 1860-мъ году Гладстонъ, въ то время канцлеръ казначейства (министръ финансовъ), провелъ чрезъ палату общинъ, не безъ труда, билль, отмѣнявшій налогъ на печатную бумагу. Предстоявшее благодаря этому удешевленіе газетъ и болѣе широкое распространеніе ихъ представляло для лордовъ горестную перспективу, и они отвергли билль. Но они разсчитывали безъ Гладстона. По его настоянію, министерство внесло въ палату общинъ резолюціи, торжественно подтверждавшія ея освященное вѣками исключительное право на распоряженіе народными денежными средствами. Въ дѣйствительности вопросъ о правахъ и ограниченіяхъ палаты лордовъ въ отношеніи финансоваго законодательства былъ менѣе безспоренъ. Ея «техническое» (т. е. формальное) право на осуществленіе законодательной власти въ финансовыхъ вопросахъ было несомнѣнно, и этого никто у нея не оспаривалъ; но отрицали ея «конституціонное» право, утверждая, что конституціонная практика, политическая давность утвердили за палатой общинъ распоряженіе финансами, а палата лордовъ потеряла его безвозвратно, и что ея выступленіе является, поэтому, «неконституціоннымъ». Гладстонъ придумалъ практическій способъ обойти палату лордовъ: онъ включилъ постановленія билля, отмѣнявшаго налогъ на бумагу, въ бюджетъ текущаго года, и палата лордовъ поставлена была предъ альтернативой—или отвергнуть весь бюджетъ, или принять его съ статьями, отмѣнявшими налогъ на бумагу. Лорды не рѣшились на первое и склонили голову предъ общинами.

Такимъ образомъ со времени реформы 1832-го года до наступленія послѣдняго полувѣка палата лордовъ обнаружила въ своемъ отношеніи къ новому строю три различныя тенденціи, представлявшія какъ бы три дороги у распутья. Какую изъ нихъ она выберетъ—будетъ ли она дѣйствовать въ соединеніи съ палатой общинъ и заставитъ позабыть о себѣ, какъ «честныя

женщины, о которыхъ не говорятъ», или же она дастъ реформировать себя въ дѣйствительную вторую палату, въ духѣ современности, или же, наконецъ, она будетъ непримиримо бороться за свои старыя привилегіи? Направленіе, по которому пойдетъ палата лордовъ, должно было опредѣлить ея судьбу и въ нѣкоторой степени судьбу всего англійскаго конституціонализма.

Самое вступленіе Англіи въ полосу демократіи, чрезъ реформу 1867-го года, совершилось, какъ мы видѣли, подъ руководствомъ консервативнаго министерства, и палатѣ лордовъ не пришлось противодѣйствовать ему. Но съ образованіемъ министерства Гладстона, послѣ выборовъ 1868-го года, и съ открытіемъ эры реформъ, духъ оппозиціи проснулся въ палатѣ лордовъ. Она противилась по мѣрѣ силъ отдѣленію церкви отъ государства въ Ирландіи, доведя свое сопротивленіе почти до конфликта съ палатой общинъ; она нехотя пропустила аграрную реформу въ Ирландіи; она остановила реформу арміи, отмѣнявшую покупку офицерскихъ чиновъ. Въ англійской арміи, состоявшей изъ наемниковъ, офицерскія мѣста продавались за деньги, и командованіе было всецѣло въ рукахъ людей, если не всегда малоспособныхъ, то во всякомъ случаѣ исключительно богатыхъ. Предложеніе реформы было принято враждебно офицерствомъ и высшими классами. Билль, прошедшій не безъ труда въ палатѣ общинъ, застрялъ въ палатѣ лордовъ. Тогда Гладстонъ рѣшился провести законъ помимо лордовъ. Основываясь на томъ, что въ силу закона временъ Георга III покупка чиновъ была опредѣлена королевскимъ декретомъ, онъ добился отъ королевы декрета (Warrant), отмѣнявшаго покупку чиновъ въ порядкѣ верховнаго управленія (въ іюлѣ 1871-го года). Конституціонность этой мѣры горячо оспаривалась, но палатѣ лордовъ былъ нанесенъ ударъ. Озлобленная, она жаждала реванша и не замедлила взять его. Когда вскорѣ затѣмъ на ея разсмотрѣніе внесенъ былъ изъ нижней палаты билль о тайной подачѣ голосовъ на парламентскихъ и муниципальныхъ выборахъ, она отвергла его громаднымъ большинствомъ. Но въ слѣдующемъ году палата общинъ приняла вторично этотъ билль; лорды не рѣшились настоять на своемъ отказѣ и пошли на компромиссъ.

Послѣ промежутка, занятаго правленіемъ Биконсфильда (1874—1880), и по возвращеніи Гладстона къ власти возобно-

вилась оппозиція палаты лордовъ, тормозившая либеральныя реформы, но по прежнему безсильная остановить ихъ и по прежнему кончавшая компромиссами. Однако агрессивность палаты лордовъ стала замѣтно возрастать, и она, по видимому, задумала вернуть себѣ то положеніе въ конституціонномъ строѣ, которое она потеряла, казалось, навсегда. Это движеніе получило не малый импульсъ отъ развитія партійной системы, на которомъ намъ еще не разъ придется остановиться для уразумѣнія конституціонной эволюціи послѣдняго полувѣка. Именно въ 70-хъ годахъ произошла сильная концентрація партій съ усовершенствованной организаціей на американскій манеръ. Партійный флагъ объединилъ разнообразные элементы; партіи сдѣлались большими политическими синдикатами. Таково становилось въ особенности положеніе консервативной партіи. Она образовала амальгаму аристократіи, государственной церкви, крупной буржуазіи и безсознательной черни большихъ городовъ; каждая изъ нихъ имѣла свои стремленія, свои интересы, свои понятія или свое недомысліе, но они всѣ помѣстили въ партію безвозвратно, такъ сказать, свой политическій капиталъ, свои избирательные голоса. Палата лордовъ сдѣлалась цитаделью этой партіи. Количество либеральныхъ пэровъ все таяло. Страхъ предъ надвигающейся демократіей и возрастающее богатство страны вызвали безостановочное «поправѣніе» высшихъ классовъ. Либеральныя министерства назначили со времени 1832-го года немало пэровъ, въ общей сложности больше, чѣмъ консервативныя. Особенно щедръ былъ въ возведеніи въ пэры Гладстонъ, полагавшій, что путемъ назначенія новыхъ пэровъ, хотя и наслѣдственныхъ, изъ либеральныхъ рядовъ можно будетъ привести палату лордовъ въ большее согласіе съ духомъ времени. Но разсчетъ этотъ совсѣмъ не оправдался. Атмосфера палаты лордовъ дѣйствовала разлагающимъ образомъ на либеральныхъ пэровъ; во второмъ поколѣніи ихъ потомки переходили большею частью въ консервативный лагерь, а нерѣдко и первое поколѣніе измѣняло политической вѣрѣ, которую оно исповѣдывало до вступленія въ палату лордовъ. Численность пэровъ росла, а пропорція либеральныхъ пэровъ все уменьшалась. Палата лордовъ, наконецъ, отождествилась, не считая ничтожнаго меньшинства, съ консервативной партіей. Маркизъ Салисбюри, сдѣлавшійся въ 1881-мъ году, послѣ смерти Биконсфильда, лидеромъ палаты лордовъ и консервативной партіи, выдвинулъ на первый планъ интересы партіи; палата лордовъ сдѣлалась лишь картой въ партійной игрѣ, которую онъ сталъ вести съ азартомъ и съ большимъ искусствомъ. Если при этомъ можно было выиграть

что-либо для тѣхъ или другихъ участниковъ партіи, для крупныхъ земельныхъ собственниковъ, для государственной церкви, для кабатчиковъ, — тѣмъ лучше, но всего важнѣе, въ его глазахъ, было то, чтобы «партія» выиграла, чтобы она набрала больше голосовъ на выборахъ, чтобы она получила или удержала въ своихъ рукахъ власть. Когда въ палатѣ общинъ консервативное меньшинство терпѣло пораженіе по какому-либо важному вопросу, лорды являлись къ нему на помощь, аннулируя въ качествѣ верхней палаты рѣшенія нижней палаты, т. е. либеральнаго большинства ея. Такимъ образомъ произошло полное смѣшеніе системъ двухпалатной и двухпартійной, лишавшее каждую изъ нихъ тѣхъ достоинствъ, на которыя онѣ претендуютъ, и дававшее противникамъ ихъ поводъ къ злорадству: «вотъ до какого абсурда доводитъ ваша двухпалатная система», «видите, какое опасное орудіе представляетъ двухпартійная система, какъ легко она можетъ быть обращена противъ представительнаго строя, который, по вашему утвержденію, на ней именно зиждется». Являлись ли эти результаты, и въ какой степени, послѣдствіемъ случайныхъ причинъ, вовсе не вытекающихъ изъ существа двухпалатной и двухпартійной системъ—здѣсь не мѣсто разбирать.

Самое крупное выступленіе палаты лордовъ, въ ея стремленіяхъ отстоять свою законодательную власть, состоялось въ 1884-мъ году, по поводу распространенія избирательнаго права на сельскія массы. Консервативная партія, не смѣя открыто воспротивиться самой реформѣ, задумала, какъ показано нами въ предыдущей статьѣ, задержать ее обходнымъ путемъ, и палата лордовъ выполнила этотъ маневръ. Ея образъ дѣйствій вызвалъ большое раздраженіе въ рядахъ либераловъ. Впервые весь вопросъ о палатѣ лордовъ, о самомъ существованіи ея былъ поставленъ ребромъ. Въ прессѣ и на митингахъ обсуждали съ большой горячностью, нужна ли вообще вторая палата, и если да, то должна ли она быть наслѣдственной. Джонъ (нынѣ лордъ) Морлей далъ тогда свою формулу, сдѣлавшуюся лозунгомъ: mending or ending—исправить или прикончить, реформировать верхнюю палату или упразднить ее. Джонъ Брайтъ, относясь съ неменьшей безпощадностью къ палатѣ лордовъ, предлагалъ рѣшеніе менѣе крайнее на видъ: сохранить ее, какъ она есть, но ограничить ея власть останавливать законопроекты, принятые палатой общинъ, постановленіемъ, что билли, троекратно принятые палатой общинъ, становятся законами, съ утвержденія короны, помимо лордовъ, такъ что-бы воля народныхъ представителей могла восторжествовать. Салисбюри и его единомышленники защищались, до-

казывая, что они не противятся волѣ народн й, а оспариваютъ лишь рѣшеніе господствующей партіи въ палатѣ общинъ, быть можетъ вовсе не выражающее воли народной. Пусть же выяснятъ это сомнѣніе производствомъ новыхъ выборовъ. На это Гладстонъ отвѣтилъ яростнымъ обвиненіемъ палаты лордовъ въ попыткѣ узурпировать королевскую прерогативу распущенія парламента; отъ короны и только отъ короны зависитъ распущеніе палаты общинъ, и не палатѣ лордовъ диктовать ей этотъ актъ и выбирать моментъ. Палата лордовъ—возражали ея защитники—отнюдь не требуетъ себѣ права роспуска, а лишь настаиваетъ на своемъ правѣ остаться при своемъ мнѣніи, пока народъ не выскажется положительно противъ него. Функція верхней палаты, по опредѣленію Салисбюри, должна состоять именно въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы въ учрежденія страны не было внесено ни одной крупной перемѣны безъ полнаго вѣдома и согласія народа, который и выскажется каждый разъ на выборахъ. Глава консервативной партіи и хранитель вѣковыхъ традицій предлагалъ, такимъ образомъ, введеніе въ англійскій государственный строй порядка въ родѣ плебисцита или референдума. И выходило, какъ будто, что палата лордовъ вовсе не стремится играть роль плотины противъ демократіи, а напротивъ того, желаетъ быть оплотомъ демократіи. Лишеніе палаты лордовъ возможности апеллировать къ народу и принужденіе ея всегда и во всемъ соглашаться съ большинствомъ нижней палаты есть не только антиконституціонное, но и революціонное стремленіе. Оно равносильно установленію деспотизма однопалатнаго парламента. Англія испытала этотъ деспотизмъ въ XVII-мъ вѣкѣ, во времена Кромвеля, и спаслась отъ него возстановленіемъ палаты лордовъ. Нигдѣ всемогущество одной палаты не представляетъ такихъ опасностей, какъ въ Англіи, ибо нѣтъ другой страны, столь беззащитной противъ него. Въ демократіяхъ, даже въ республикахъ существуетъ цѣлая линія укрѣпленій противъ капризовъ и увлеченій единой палаты: федеральный строй, ограничивающій компетенцію національной легислатуры; различіе между основными, конституціонными законами и законами обыкновенными, устанавливающее для первыхъ особую законодательную процедуру, которая гарантируетъ ихъ продуманность и ихъ соотвѣтствіе народной волѣ; наконецъ, писанная конституція, опредѣляющая ненарушимыя права гражданъ и предѣлы дѣятельности всѣхъ властей. Ничего этого въ Англіи нѣтъ: для англійскаго парламента не существуетъ никакихъ граней, простымъ вотумомъ онъ можетъ въ любой моментъ измѣнить въ одинъ присѣстъ весь государственный строй Британской имперіи. И хотятъ,

чтобы эта ничѣмъ не ограниченная власть осуществлялась безапелляціонно одной лишь палатой общинъ, т. е. партійнымъ большинствомъ минуты, можетъ быть случайнымъ и являющимся, благодаря несовершенствамъ представительной системы и партійнаго режима, извращеннымъ отраженіемъ народной воли.

Вся эта полемика не находила большого отклика въ народныхъ массахъ. За исключеніемъ болѣе демократическаго сѣвера, онѣ оставались равнодушными къ этому спору. Ихъ сердца отнюдь не зажигались злобой противъ аристократической олигархіи. Онѣ привыкли питать къ аристократіи совсѣмъ другія чувства. Аристократія составляла для классовъ, стоящихъ ниже ея, вплоть до народныхъ массъ, предметъ не ненависти и зависти, а уваженія, доходившаго почти до обожанія. Въ знаменитой статьѣ своей, написанной въ отвѣтъ Лоу и цитированной выше, Гладстонъ пишетъ: «по истинѣ самая любовь къ свободѣ едва ли сильнѣе въ Англіи, чѣмъ любовь къ аристократіи; сэръ Вильямъ Молесвортъ, не послѣдній изъ нашихъ политическихъ мыслителей, сказалъ мнѣ однажды относительно силы этого народнаго чувства: «это религія»... Великая сила палаты лордовъ въ народномъ мнѣніи, насколько я могу судить, лежитъ не въ ея законодательныхъ дѣяніяхъ, ни даже въ богатствѣ ея членовъ, но въ замѣчательномъ способѣ выполненія большинствомъ ея, безъ различія партій, публичныхъ и общественныхъ обязанностей въ своихъ мѣстныхъ сферахъ. Не любовь народа къ равенству, а любовь его къ неравенству дѣлаетъ аристократовъ почти королями въ ихъ маленькомъ, но далеко не тѣсномъ кругу и позволяетъ ихъ согражданамъ смотрѣть большей частью безъ малѣйшей примѣси зависти на ихъ привилегированное положеніе». Можно было бы прибавить къ этому, что не только ихъ заслуги и общественная роль возвышаютъ аристократовъ въ народныхъ глазахъ, но самымъ существованіемъ своимъ они властвуютъ надъ умами и сердцами; англичанинъ низшихъ классовъ испытываетъ чувство гордости при мысли о томъ, что въ его странѣ, въ его округѣ есть люди, поднимающіеся надъ простыми смертными, существа высшаго порядка, принадлежащія, конечно, къ роду человѣческому, но съ особой кровью, «синей кровью» въ своихъ жилахъ. Окружающее ихъ сіяніе падаетъ и на него, хотя бы едва отраженнымъ и отдаленнымъ свѣтомъ. Близость къ нимъ, даже чисто физическая, приводитъ его въ умиленіе. По этому поводу есть изреченіе, самая сатира котораго весьма характерна: it is an

honour to be kicked by a lord (получить отъ лорда ударъ ногой есть честь). Они являются въ народномъ воображеніи олицетвореніемъ высшихъ качествъ нравственныхъ, свойствъ истиннаго «джентльмена», и мощи матеріальной, богатства и вліянія. Если бы не было лордовъ на свѣтѣ, англичанинъ низшихъ классовъ былъ бы нравственно куда бѣднѣе, его скудное воображеніе находило бы еще меньше пищи; онъ не имѣетъ артистическаго темперамента латинской расы, дѣлающаго изъ простолюдина поэта и оратора; онъ лишенъ и томной сантиментальности тевтонской расы. Въ дни давно минувшіе онъ черпалъ силу, поднимавшую его надъ буднями повседневнаго существованія, въ общихъ источникахъ западно-христіанскаго міра — въ религіи и въ эпопеѣ рыцарства. Послѣ отдѣленія отъ Рима англійскому народу стала недоступна мистическая прелесть католицизма, съ его опьяняющимъ ритуаломъ. Взамѣнъ того онъ аннексировалъ библію, какъ онъ аннексируетъ заморскія земли, плохо лежащія; библія провозглашена была the English Bible, и онъ поставилъ на службу своему воображенію ея героевъ, съ Господомъ Саваоѳомъ во главѣ. Эти герои вели его войны съ врагами, съ царственными насильниками Стюартами, незримо они шли впереди ратей Кромвеля и вели ихъ къ побѣдамъ. Въ періоды упадка религіи, которые Англія переживала послѣ того и въ XVII, и въ XVIII-мъ вѣкѣ, культъ библіи и ея героевъ слабѣлъ; средніе классы, никогда не терявшіе традицій пуританизма, донесли его, правда, до нашего времени, но это время матеріализма и безвѣрія отстранило его на задній планъ, особенно для народныхъ массъ.

Съ другой стороны, традиція феодальнаго рыцарства и послѣ паденія его питалась безпрерывно территоріальными магнатами, съ лордами во главѣ. Они имѣли предъ героями библіи, героями не отъ міра сего, то преимущество, что предстояли предъ народомъ въ плоти и крови, въ замкахъ изъ камня и глины, въ блескѣ великолѣпныхъ выѣздовъ и большихъ охотъ. Ихъ знатность и богатство, ихъ власть надъ землей и завѣдываніе мѣстнымъ управленіемъ поддерживали, на протяженіи вѣковъ, истинно феодальный духъ въ ихъ отношеніяхъ къ остальному населенію. И по сей день духъ этотъ еще живъ въ сельскихъ округахъ, особенно въ южной Англіи; даже фразеологія феодальная еще не совсѣмъ исчезла въ устахъ народныхъ [1]). Расцвѣтъ индустріи лишь отчасти

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я посѣтилъ знаменитый паркъ лорда А. Стражникъ, сопровождавшій меня, говорилъ съ похвалой о своемъ господинѣ и прибавилъ: one is proud to serve under such a banneret (можно гордиться службой у такого баннерета). Баннеретомъ назывался въ средніе вѣка дворянинъ, имѣвшій право распускать знамя, рыцарь высшаго ранга, но ниже барона.

поколебалъ положеніе территоріальныхъ магнатовъ. Нарожденіе новаго класса богатыхъ parvenus выдѣлило ихъ, природныхъ и наслѣдственныхъ джентльменовъ, еще ярче на общественномъ горизонтѣ; они остались народными героями для массъ, не имѣвшихъ другихъ героевъ. Ихъ престижъ, правда, пострадалъ отъ духа отрицанія и иконоборства, распространяющагося въ обществѣ вширь и вглубь. Новая народная беллетристика, напримѣръ, пятачковые романы ярко сенсаціоннаго содержанія, называемые the penny dreadful, пользуются аристократіей какъ самой пикантной пряностью; роль злодѣя мелодрамы съ особенной готовностью дается лорду или баронету. Но трудно сказать, вызываютъ ли въ читателяхъ народныхъ эти виконты и маркизы—убійцы и отравители чувства презрѣнія и возмущенія или же чувства древнихъ грековъ, смотрѣвшихъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ трагедіи Еврипида, гдѣ выводились злодѣянія Атридовъ, къ которымъ неприложима была обыкновенная мѣрка человѣческой преступности. Только въ послѣднюю четверть вѣка у лордовъ явились сильные соперники въ народномъ воображеніи—герои спорта, игры въ крикетъ, въ футболъ, въ гольфъ, имена и дѣянія которыхъ нынѣ во всѣхъ устахъ. Ореолъ, окружающій аристократію въ англійской душѣ, служилъ защитой палатѣ лордовъ. Гладстонъ, съ яростью нападавшій на нее за то, что она становилась ему поперекъ дороги, и привыкшій ломать старыя учрежденія Англіи, не рѣшился, однако, коснуться строя и привилегій аристократіи; хотя моментъ, казалось, былъ весьма благопріятный, чуть не единственный. Онъ самъ былъ подъ вліяніемъ аристократическихъ чаръ, какъ рядовой англичанинъ [1]); онъ «зналъ, на что онъ руку поднималъ», и онъ опустилъ ее.

Конечно, самое существованіе наслѣдственной палаты въ вѣкъ демократіи было вопіющей аномаліей. Но изъ всѣхъ людей на землѣ англичане всѣхъ менѣе доступны соображеніямъ объ аномаліяхъ. Симметрія формъ и вообще архитектоника государственная оставляютъ ихъ совершенно равнодушными, вплоть до самыхъ рѣзкихъ уклоненій или несуразностей, если отъ того не происходитъ какихъ-либо практическихъ неудобствъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія хватились, что архіепископъ кентерберійскій назначаетъ какихъ то двухъ нотаріусовъ, и предложили передать право назначенія ихъ судебной власти. Предложеніе вызвало сопротивленіе: развѣ назначавшіяся архіепископ-

---

[1]) Гладстону, вызванному разъ свидѣтелемъ въ судѣ, предложенъ былъ вопросъ: Вы другъ герцога Ньюкестльскаго? Поскольку,—смиренно отвѣтилъ онъ,—человѣкъ моего положенія можетъ быть другомъ герцога.

помъ лица исполняли свои обязанности не какъ слѣдуетъ?—Нѣтъ, они хорошо дѣлали свое дѣло, но вѣдь не пристало архіепископу назначать на такія должности.—Да не все ли равно, кто назначаетъ? Зачѣмъ ломать существующій порядокъ, если онъ дѣйствуетъ хорошо?—Какъ порядокъ дѣйствуетъ, how does it work: вотъ основной критерій въ большомъ и въ маломъ. Палата лордовъ развѣ помѣшала проведенію великихъ реформъ XIX-го вѣка? Она иногда задерживала нѣкоторыя изъ нихъ, но въ концѣ концовъ пропускала ихъ. Что за бѣда, что она иногда торгуется съ палатой общинъ? Она, пожалуй, и хватаетъ чрезъ край иной разъ, но въ общемъ вѣдь у англичанъ всегда имѣютъ послѣднее слово «здравый смыслъ и умѣренность», эти common sense and moderation, которые всеблагое Провидѣніе дало въ удѣлъ англійской расѣ.

Намъ необходимо было остановиться на этихъ двухъ психологическихъ факторахъ—обожаніи аристократіи и равнодушіи къ аномаліямъ: иначе не вполнѣ понятны были бы ходъ и исходъ конституціонныхъ битвъ по поводу палаты лордовъ. Обѣ палаты дрались, какъ опереточные враги, съ шумомъ бряцающіе мечами и послѣ обмѣна ударами съ достоинствомъ уходящіе каждый чрезъ свою дверь за кулисы. Дѣло въ томъ, что англійскій народъ въ большинствѣ своемъ не хотѣлъ кровопролитія. Гладстонъ не пошелъ ни на mending, ни на ending палаты лордовъ, а, какъ намъ уже извѣстно, при посредствѣ королевы, вошелъ въ переговоры, и грозный конфликтъ по поводу избирательной реформы закончился компромиссомъ, а конституціонный вопросъ объ отношеніяхъ между обѣими палатами остался въ statu quo.

Палата лордовъ не вышла умаленной изъ конфликта 1884-го года. Послѣдовавшія затѣмъ событія принесли ей подкрѣпленія. Представленный Гладстономъ въ 1885-мъ году проектъ ирландской автономіи (Home Rule) вызвалъ великій кризисъ, измѣнившій ходъ англійской исторіи на долгіе годы. Умѣренные либералы, давно уже не сочувствовавшіе реформаторской политикѣ Гладстона и очень встревоженные въ 1885-мъ году радикальной агитаціей его министра Джозефа Чемберлена (тогда еще архи-радикала), нашли, что насталъ моментъ стряхнуть прахъ съ ногъ своихъ, когда Гладстонъ выступилъ съ своимъ планомъ ирландской автономіи, клонившимся, по ихъ мнѣнію, къ расчлененію имперіи. Вигійская аристократія, съ лордомъ Гартингтономъ во главѣ, перешла въ противный лагерь, забывъ старое соперничество. Около того же времени заканчивался процессъ другого соединенія—плутокра-

тіи съ аристократіей. Безпрерывный ростъ богатства въ странѣ поднялъ положеніе богатыхъ людей, независимо отъ ихъ происхожденія; увеличивавшаяся въ обществѣ любовь къ роскоши и удовольствіямъ дала деньгамъ большую общественную силу, золотой ключъ сталъ отпирать двери аристократическихъ салоновъ; партійныя связи, точнѣе говоря—щедрые взносы въ партійныя кассы, доставляли промышленникамъ титулы; богатымъ пивоварамъ уготовлялись мѣста въ палатѣ лордовъ; браки между представителями богатства и родовой знати все учащались; американскій долларъ натурализовался безъ формальностей въ лондонскомъ обществѣ. Плутократическая атмосфера все болѣе и болѣе окутывала аристократію. Палата лордовъ стала представительницей не столько родовой знати, съ ея феодальными традиціями и притязаніями, сколько собственности и страха предъ возможными посягательствами на нее со стороны законодательства. Органическій снобизмъ буржуазіи, заставлявшій ее подобострастно льнуть къ высшимъ классамъ, находилъ теперь удовлетвореніе съ большей легкостью. Съ другой стороны, у нея росъ страхъ предъ соціализмомъ, который сталъ выступать на англійскомъ горизонтѣ сначала едва замѣтно, а потомъ все ярче и ярче. Эти чувства съ сугубой силой толкали буржуазію въ ряды «партіи джентльменовъ». И на выборахъ 1885-го года большіе города, бывшіе до того времени оплотомъ прогресса и либерализма, впервые выбрали консервативныхъ депутатовъ. Буржуазія слилась съ консервативной партіей, а консервативная партія спаялась съ палатой лордовъ, и база послѣдней расширилась, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ.

Когда Гладстонъ вернулся къ власти въ 1892-мъ году, палата лордовъ съ запасомъ новой энергіи и увѣренности въ своихъ силахъ выступила противъ него и довела либеральное министерство до полной безпомощности, не смотря на большинство, которымъ оно располагало въ палатѣ общинъ. Она отвергала или «калѣчила» его билли по крупнымъ вопросамъ, и въ первую очередь—новый билль объ ирландской автономіи. Политическій центръ тяжести, который, казалось, безповоротно перенесенъ былъ въ палату общинъ, вдругъ снова оказался въ палатѣ лордовъ. Либералы попробовали-было поднять въ странѣ движеніе противъ палаты лордовъ, но страна не откликнулась. Гладстонъ тщетно искалъ въ политическомъ и парламентскомъ арсеналѣ оружіе противъ лордовъ. Онъ увидѣлъ, что такое оружіе придется сковать, но эту задачу онъ оставилъ какъ завѣтъ своимъ преемникамъ, а самъ, отягченный годами и удрученный безплод-

ностью, по милости палаты лордовъ, послѣдняго министерства своего, удалился на покой. Слѣдующіе выборы (1895 г.) дали консерваторамъ подавляющее большинство и какъ бы оправдали палату лордовъ: страна очевидно признала, что она явилась вѣрнымъ стражемъ народной воли, отвергнувъ ирландскую автономію и другіе либеральные билли. Палата лордовъ еще пуще возгордилась; консерваторы вообразили, что ея конституціонное значеніе возстановлено и что при ея помощи можно будетъ остановить потокъ демократіи.

Послѣ войны съ бурами, предпринятой во славу имперіализма, сдѣлана была рѣшительная попытка поворота назадъ во внутренней политикѣ: затѣяно было возстановленіе протекціонизма, для вящшей выгоды земельной аристократіи и части высшихъ промышленниковъ. Но угаръ имперіализма прошелъ въ странѣ, когда она подсчитала ужасныя жертвы войны, а страхъ предъ вздорожаніемъ хлѣба, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ протекціонизма, поднялъ рабочія массы и большинство среднихъ классовъ. Страна насилу дождалась новыхъ выборовъ и послала въ 1906-мъ году въ палату громадное, небывалое либеральное большинство. Но эта великая побѣда партіи прогресса была заранѣе аннулирована существованіемъ неизмѣннаго консервативнаго большинства въ палатѣ лордовъ. Либералы опять натолкнулись, въ первую же парламентскую сессію, на его противодѣйствіе; предъ ними предстала во всей безпощадности своей дилемма: «мы или они», а выхода не было. На почвѣ легальной и конституціонной палата лордовъ была неуязвима; на почвѣ политической она искусно лавировала. Старая тактика ея—не доводить дѣла до разрыва—была подкрѣплена оппортунизмомъ, все болѣе и болѣе проникавшимъ консервативную партію и побуждавшимъ ее жертвовать даже самыми принципами консерватизма, лишь бы сохранить партійную организацію и возможность полученія власти, лишь бы набрать побольше голосовъ на выборахъ. Этотъ образъ дѣйствій проявился съ особенной яркостью и цинизмомъ въ поведеніи палаты лордовъ по поводу билля 1906-го года объ отвѣтственности рабочихъ союзовъ. Послѣ того, какъ одно судебное рѣшеніе признало рабочіе союзы отвѣтственными за имущественный ущербъ, причиненный ихъ членами третьимъ лицамъ во время стачекъ, рабочіе стали добиваться закона, освобождающаго ихъ союзы отъ этой отвѣтственности. Либеральное правительство, идя имъ на встрѣчу, внесло билль, освобождавшій рабочіе союзы отъ отвѣтственности за всѣ дѣйствія, совершенныя не отъ ихъ имени, не ихъ представителями. Вновь возникшая около того времени рабочая

партія въ парламентѣ противопоставила министерскому биллю свой билль, безусловно освобождавшій рабочіе союзы отъ отвѣтственности, хотя бы инкриминируемыя дѣйствія совершены были ихъ представителями. Либералы, памятовавшіе о рабочихъ избирателяхъ и понадававшіе имъ обѣщаній во время выборовъ, не посмѣли противиться и приняли билль рабочей партіи, создававшій классовую привилегію, въ явное нарушеніе принципа равенства всѣхъ предъ закономъ. Тутъ былъ удобный случай для верхней палаты выступить въ присвоенной ей роли охранительницы устоевъ; но хитроумные лидеры палаты лордовъ разсудили, что консервативной партіи невыгодно вызвать неудовольствіе милліоновъ рабочихъ избирателей. Заявляя, что законъ, принятый палатой общинъ, возмутителенъ, они совѣтовали, однако, своимъ единомышленникамъ вотировать за него, ибо «время, которое переживаетъ палата лордовъ, требуетъ отъ нея большой осмотрительности»; пусть она выберетъ для боя «позиціи, наиболѣе выгодныя для нея». И палата лордовъ приняла этотъ завѣдомо «возмутительный» законъ.

Министерство (Кампбель - Баннермана), ожесточенное, но безсильное противъ палаты лордовъ, объявило ей войну, но безъ открытія военныхъ дѣйствій. Оно внесло въ 1907 г. въ палату общинъ резолюцію, признававшую необходимымъ ограничить законодательныя права палаты лордовъ въ томъ смыслѣ, чтобы билль, принятый палатой общинъ и трижды отвергнутый лордами, въ продолженіе одной легислатуры, получалъ силу закона послѣ утвержденія его короной, помимо палаты лордовъ. Это былъ, въ сущности, планъ, предложенный Брайтомъ еще въ 80-хъ годахъ XIX вѣка. Согласно плану, изложенному Кампбель-Баннерманомъ при представленіи резолюціи, за каждымъ отклоненіемъ билля палатой лордовъ должно слѣдовать собраніе согласительной комиссіи (конференціи) изъ небольшого числа членовъ, назначенныхъ обѣими палатами въ равномъ количествѣ. Въ случаѣ безрезультатности конференціи, отвергнутый билль вносится вторично въ палату общинъ примѣрно чрезъ шесть мѣсяцевъ и разсматривается въ сокращенномъ порядкѣ. Если билль будетъ вторично отвергнутъ лордами, собирается новая конференція, и въ случаѣ безуспѣшности ея онъ въ третій разъ вносится въ палату общинъ и по разсмотрѣніи его будетъ препровожденъ въ палату лордовъ, съ предупрежденіемъ, что если онъ не будетъ ею принятъ, то пройдетъ помимо ея; однако и въ послѣдній моментъ должна быть сдѣлана еще попытка привести обѣ палаты къ соглашенію путемъ конференціи. Въ концѣ кон-

цовъ обязательно должна восторжествовать воля палаты общинъ. А для того, чтобы въ палатѣ этой отражалась воля народная возможно вѣрнѣе, странѣ должна быть дана возможность обновлять составъ ея чаще: выборы въ парламентъ должны происходить разъ въ пять лѣтъ, вмѣсто семи.

Внесенная Кампбель-Баннерманомъ резолюція была принята значительнымъ большинствомъ, но практическихъ послѣдствій не имѣла никакихъ. О томъ, чтобы палата лордовъ добровольно согласилась на изложенный планъ, нельзя было и думать, а апеллировать къ странѣ, распустивъ парламентъ, министерство не рѣшалось. Ему оставалось продолжать смиренно терпѣть отъ лордовъ, и оно терпѣло, пока не возникъ въ 1909-мъ году великій конфликтъ между обѣими палатами, рѣшительно поставившій на карту права и притязанія каждой изъ нихъ. Дорого стоющія соціальныя реформы, въ родѣ пенсій старикамъ, незадолго предъ тѣмъ введенныхъ, и возрастающія вооруженія Англіи требовали новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Радикальный канцлеръ казначейства Ллойдъ Джорджъ нашелъ ихъ въ усиленныхъ налогахъ на земельную собственность, именно на ея стоимость, возросшую по независимымъ отъ собственника причинамъ (unearned increment), какъ-то вслѣдствіе увеличенія населенія, общественныхъ улучшеній и т. п. Затѣмъ онъ предложилъ увеличеніе пошлинъ на наслѣдства и нѣкоторыхъ другихъ налоговъ, перераспредѣленіе подоходнаго налога въ пользу менѣе имущихъ, и др. Бюджетъ 1909-го года, содержавшій въ себѣ эти нововведенія, встрѣтилъ крайне враждебное отношеніе со стороны имущихъ классовъ, примыкавшихъ къ консервативной партіи; они объявили его революціоннымъ, преслѣдующимъ задачи соціализма и клонящимся къ уничтоженію частной собственности. Поднятая въ этомъ смыслѣ отчаянная агитація естественно избрала своимъ операціоннымъ базисомъ палату лордовъ, гдѣ засѣдали главные представители классовъ, интересамъ которыхъ угрожали фискальныя реформы Ллойда Джорджа. Палата лордовъ должна была произнести свое вето. Но въ данномъ случаѣ рѣчь шла не объ обыкновенномъ законѣ, а объ установленіи налоговъ, давно уже изъятомъ конституціонной традиціей изъ компетенціи верхней палаты. Попытка лордовъ, въ 1860-мъ году, отвергнуть финансовый билль, была парализована, какъ мы видѣли, внесеніемъ этого билля въ составъ бюджета. Теперь палата лордовъ рѣшилась отвергнуть весь бюджетъ, принятый народными представителями.

Это было явно революціонное выступленіе, клонившееся

къ конституціонному перевороту. Если бы палата лордовъ могла безнаказанно отвергать бюджетъ изъ-за отдѣльныхъ статей его, ей неугодныхъ, то министерство вынуждено было бы представить новый бюджетъ безъ этихъ статей или съ измѣненіями по указаніямъ лордовъ, т. е. послѣднее слово по бюджету принадлежало бы лордамъ, бюджетное главенство нижней палаты пало бы и вмѣстѣ съ нимъ ея верховенство надъ исполнительной властью, основанное всецѣло на ея бюджетныхъ правахъ. Палата общинъ держитъ въ своихъ рукахъ министерство благодаря тому, что она держитъ въ своихъ рукахъ исключительное распоряженіе государственными средствами, и только та палата, которая располагаетъ судьбой правительства, можетъ располагать бюджетомъ. Это установленный принципъ конституціоннаго права, выработанный всей исторіей англійскаго парламентаризма и признававшійся до послѣдняго времени самими вождями консервативной партіи и палаты лордовъ. Въ 1894-мъ году въ дебатахъ о бюджетѣ, пришедшемся сильно не по душѣ лордамъ, маркизъ Салисбюри заявилъ, что палата лордовъ не можетъ дѣлать измѣненій въ бюджетѣ, «потому что она не имѣетъ власти перемѣнить исполнительное правительство, а отвергнуть финансовый билль и оставить то же исполнительное правительство на его мѣстѣ, значитъ создать тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода». Еще полнѣе высказался въ томъ же смыслѣ Бальфуръ во время обсужденія резолюціи Кампбель-Баннермана въ 1907 году, силясь доказать ея безполезность: «я отнюдь не отрицаю, что палата общинъ есть господствующая палата. Это, внѣ всякаго сомнѣнія, согласно практикѣ конституціи... Мы всѣ знаемъ, что власть палаты лордовъ, ограниченная и, я думаю, по справедливости ограниченная въ области законодательства и администраціи, еще болѣе ограничена въ силу того факта, что она не можетъ коснуться финансовыхъ биллей, и если бы она могла касаться ихъ, то несомнѣнно, что она могла бы остановить весь исполнительный механизмъ страны... Само собой разумѣется, разъ все это такъ, то ясно, что палата лордовъ находится въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ палатѣ общинъ».

Лорды приводили въ свою защиту, кромѣ разныхъ политическихъ соображеній, и юридическій тезисъ о томъ, что они имѣютъ право измѣнять всякій билль. На ихъ сторону сталъ такой выдающійся юристъ какъ Дайси. Перешедши, послѣ кризиса либерализма 1886-го года, въ консервативный лагерь, онъ сдѣлался непримиримымъ противникомъ не только ирландской автономіи, но и всѣхъ либеральныхъ министерствъ. Противъ

него выступили на защиту правъ палаты общинъ крупные юристы изъ консервативныхъ же рядовъ, какъ профессоръ сэръ Фредерикъ Поллокъ и лордъ Джемсъ офъ-Герефордъ. Послѣдній, въ блестящей рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ, доказывалъ, что «законное» (legal) право, хотя и несомнѣнное, будь это право короны или право палаты лордовъ, не можетъ быть осуществляемо въ противность конституціи, т. е. прецедентамъ и обычаямъ, установившимъ противоположный принципъ. А вся конституціонная практика подтверждаетъ исключительное право палаты общинъ распоряжаться бюджетомъ. Вся парламентская процедура и обрядность при вотированіи финансовыхъ биллей удостовѣряютъ это право. Въ тронной рѣчи, открывающей сессію, король обращается къ членамъ обѣихъ палатъ: «лорды и джентльмены», но затѣмъ, когда онъ доходитъ до вопроса о ежегодныхъ налогахъ, онъ говоритъ: «Джентльмены палаты общинъ, я прошу васъ дать мнѣ помощь и средства». Закрывая сессію, король начинаетъ свою рѣчь словами: «лорды и джентльмены», но затѣмъ обращается къ однимъ членамъ нижней палаты: «Джентльмены палаты общинъ, я долженъ поблагодарить васъ за щедрыя средства, которыя вы мнѣ отпустили». Нѣкоторые другіе лорды, хотя и враждебные бюджету, предупреждали палату, что если она отвергнетъ бюджетъ, въ нарушеніе основного принципа конституціи, то она поставитъ на карту самую судьбу второй палаты. Но всѣ эти соображенія и всѣ совѣты не выступать на анти-конституціонный путь не произвели дѣйствія на палату лордовъ. Изъ разоблаченій, сдѣланныхъ недавно [1]), оказалось, что и король Эдуардъ VII высказалъ совершенно тотъ же взглядъ лидерамъ лордовъ. Но лорды презрѣли совѣты короля: громаднымъ большинствомъ верхняя палата постановила, что она «не можетъ дать свое согласіе на этотъ билль, пока онъ не будетъ предложенъ на судъ страны». Палата общинъ тотчасъ отвѣтила на этотъ вотумъ резолюціей о томъ, «что дѣйствіе палаты лордовъ, отказавшейся дать силу закона постановленіямъ палаты общинъ о финансахъ текущаго года, есть нарушеніе конституціи и узурпація привилегій палаты общинъ».

Министерство, оставшись безъ бюджета, должно было волей-неволей распустить палату общинъ и объявить новые выборы.

---

1) Въ біографіи Эдуарда VII, напечатанной лѣтомъ 1912-го года сэромъ Sidney Lee въ приложеніи къ *Dictionary of National Biography*, и вызвавшей громадную сенсацію.

Бой былъ ожесточенный съ обѣихъ сторонъ; вопросъ о палатѣ лордовъ былъ поставленъ ребромъ. «Пэры противъ народа», «право народа на самоуправленіе» — таковъ былъ лозунгъ либераловъ. Лорды отвѣчали, что они, наоборотъ, защищаютъ права народа противъ неограниченной власти единой палаты. Либералы доказывали, что единопалатный режимъ устанавливается именно тогда, когда консерваторы находятся у власти, тогда палата лордовъ слѣпо идетъ за консервативнымъ большинствомъ палаты общинъ. Палатѣ лордовъ ставятъ въ укоръ не то, что она есть вторая палата, а то, что она не исполняетъ функцій второй палаты, которая должна быть независимой и безпристрастной ревизіонной инстанціей: при консервативныхъ министерствахъ она превращается въ «спящаго партнера» (sleeping partner), а при либеральныхъ правительствахъ дѣлается оппозиціею; если она и независима, то никогда не безпристрастна. Она утверждаетъ, что она стремится лишь провести истинную волю народную. Откуда же она знаетъ эту волю, почему же она выражаетъ ее вѣрнѣе, чѣмъ депутаты, только что избранные націей? Требованіе, чтобы избиратели высказывались опредѣленно относительно каждаго крупнаго вопроса въ отдѣльности, прежде чѣмъ ему дано будетъ законодательное разрѣшеніе, противно конституціи, которой неизвѣстны спеціальные мандаты. Эта новая теорія, выдвинутая лордами, есть, по выраженію профессора Поллока, якобинскій софизмъ того же рода, какъ и общественный договоръ. Самъ Бальфуръ ранѣе призналъ, что теорія мандата есть «въ основѣ и по существу ложная теорія; она дѣлаетъ совершенно невозможнымъ функціонированіе парламентскихъ учрежденій». Предложеніе вопроса на народное усмотрѣніе по требованію палаты лордовъ, путемъ новыхъ выборовъ въ палату общинъ, давало бы верхней палатѣ, не выборной, неизмѣнной, не подлежащей роспуску и свободной отъ отвѣтственности, право распускать палату народныхъ представителей, а такое право было бы узурпаціей королевской прерогативы. Вопросъ, предложенный теперь избирателямъ, касается не только бюджета Ллойда Джорджа. Необходимо разъ навсегда обезпечить финансовыя права палаты общинъ актомъ парламента; время неписанныхъ конституцій прошло. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо уничтожить вето верхней палаты въ дѣлахъ законодательства вообще.

Платформы гремѣли рѣчами во всѣхъ концахъ страны; лорды спустились самолично на арену и защищались съ чисто «англійскимъ мужествомъ» (English pluck), выступая на на-

родныхъ митингахъ. Однако народныя массы слабо реагировали на всю ярость бойцовъ; для нихъ, по видимому, вопросъ о прерогативахъ лордовъ и объ отношеніяхъ обѣихъ палатъ не представлялъ достаточно практической важности, это не былъ a bread and butter question (вопросъ о хлѣбѣ насущномъ). Исходъ выборовъ ни одну изъ воюющихъ сторонъ не удовлетворилъ; либералы и консерваторы получили почти одинаковое количество депутатскихъ мѣстъ. Но, благодаря союзу съ партіями ирландской и рабочей, либеральное министерство располагало большинствомъ въ 120 голосовъ, и оно рѣшило использовать его для того, чтобы обезвредить навсегда палату лордовъ путемъ законодательнымъ.

Законодательная перемѣна въ положеніи палаты лордовъ представлялась въ двухъ видахъ: измѣненіе ея организаціи и измѣненіе ея функцій, урѣзаніе ея правъ. О реформѣ строя верхней палаты въ соотвѣтствіи съ демократическимъ характеромъ новой государственности англійской давно уже была рѣчь. Сторонники двухпалатной системы не могли не признать, что наслѣдственный составъ палаты лордовъ лишаетъ ее авторитета въ глазахъ демократіи и обрекаетъ ее на безсиліе. Радикалы, принципіальные противники второй палаты, относились враждебно къ реформѣ палаты лордовъ; они боялись, что реформированная палата лордовъ получитъ нравственный авторитетъ, котораго она была до тѣхъ поръ лишена, и сдѣлается дѣйствительнымъ противовѣсомъ народной палаты. Они предпочитали, поэтому, наслѣдственную палату лордовъ, которая гнила бы на корню. Дальновидные члены палаты лордовъ были весьма озабочены тѣмъ, чтобы влить въ нее новые соки, съ цѣлью предупредить ея вымираніе. Уже въ 1888-мъ году лордъ Розбери предложилъ палатѣ лордовъ самой обновить себя ограниченіемъ наслѣдственнаго начала — установленіемъ, что наслѣдственные пэры лишь избираютъ изъ своей среды опредѣленное число лицъ для засѣданія въ верхней палатѣ, вмѣстѣ съ членами по назначенію короны изъ лицъ, заявившихъ себя въ общественной дѣятельности. Предложеніе это было отвергнуто. Вскорѣ затѣмъ самъ глава правительства, лордъ Салисбюри, внесъ въ палату лордовъ билль объ учрежденіи ограниченнаго числа пожизненныхъ пэровъ; но билль былъ принятъ холодно и не получилъ движенія. Въ 1895-мъ году лордъ Розбери возобновилъ, но безуспѣшно, свою попытку реформы. Послѣ объявленія войны палатѣ лор-

довъ резолюціей Кампбель-Баннермана, среди лордовъ проявилось движеніе въ пользу реформы, для того, чтобы предупредить борьбу. Спеціальная комиссія палаты, подъ предсѣдательствомъ Розбери, выработала планъ реформы, дѣлившій лордовъ на двѣ категоріи — наслѣдственныхъ пэровъ и лордовъ парламента, избранныхъ первыми изъ своей среды, въ числѣ двухсотъ, на срокъ легислатуры. Засѣдали бы по праву лишь принцы крови и оба архіепископа. Кромѣ лордовъ парламента, засѣдали бы также наслѣдственные пэры, занимавшіе должности министровъ, колоніальныхъ губернаторовъ и т. д., или состоявшіе въ теченіе извѣстнаго времени членами палаты общинъ. Независимо отъ того правительству было бы предоставлено назначать въ годъ не болѣе четырехъ пожизненныхъ пэровъ, съ тѣмъ, чтобы общее число ихъ не превышало сорока. Планъ этотъ учреждалъ верхнюю палату на основахъ болѣе или менѣе раціональныхъ, а не на случайности рожденія; онъ устранялъ аномалію наслѣдственнаго начала и возвышалъ умственный уровень палаты, но онъ не измѣнялъ партійнаго ея характера; она сохранила бы неизмѣнное консервативное большинство, которое могло бы продолжать игру теперешней палаты лордовъ, ибо наслѣдственные пэры избирали бы всегда лордовъ парламента своего же политическаго направленія. Поэтому предложенный планъ реформы не встрѣтилъ никакого сочувствія у либераловъ. Либеральные лидеры, по крайней мѣрѣ тѣ, которые заявили себя сторонниками двухпалатной системы, не считали пріемлемою иной реформы верхней палаты, какъ совершенное преобразованіе ея на демократическихъ началахъ, такъ чтобы она избиралась тѣми же избирателями, которые избираютъ палату общинъ. Но когда, послѣ отклоненія палатой лордовъ бюджета и неудачныхъ для нея выборовъ въ январѣ 1910-го года, для либераловъ насталъ моментъ дѣйствовать, радикальные сторонники министерства и союзныя съ ними партіи рабочая и ирландская настояли на томъ, чтобы поставить въ первую очередь вопросъ не о строѣ, а о правахъ палаты лордовъ, въ видахъ лишенія ея права вето въ законодательныхъ дѣлахъ.

Согласно этому министерство Асквита внесло во вновь избранную палату общинъ резолюціи, а затѣмъ и билль, регулирующій на новыхъ началахъ отношенія между обѣими палатами. Вопросъ о реформѣ палаты лордовъ отнюдь, однако, не былъ обойденъ молчаніемъ. Введеніе къ биллю содержало въ себѣ формальную декларацію о томъ, что существующая палата лордовъ будетъ замѣнена второй палатой на народной основѣ вмѣсто наслѣдственной,

съ новымъ опредѣленіемъ ея правъ, но что немедленное осуществленіе этой мѣры невозможно. Предлагая пока постановленія временныя, измѣнявшія права палаты лордовъ, Асквитъ опредѣлилъ функціи второй палаты, которая должна быть не координированнымъ, равноправнымъ органомъ законодательства, а вспомогательнымъ. Такое опредѣленіе роли второй палаты дѣлалось офиціально едва ли не впервые въ исторіи конституціоннаго законодательства. Асквитъ отводилъ второй палатѣ три функціи: консультацію, ревизію и замедленіе. Выставивъ эту трехчленную формулу, онъ почти воздержался отъ подробнаго раскрытія содержанія ея. Впрочемъ, смыслъ «консультаціи» очевиденъ: верхняя палата, составленная изъ людей, умудренныхъ опытомъ, будетъ проливать свѣтъ этого опыта на вопросы законодательства и предлагать свои рѣшенія. «Ревизуя», просматривая билли, поступившіе изъ палаты общинъ, она будетъ исправлять дефекты, пропущенные въ нихъ. Какіе дефекты? Пересмотръ второй палаты можетъ быть двоякій— политическій и юридическій, т. е. пересмотръ по существу, могущій дойти до коренного измѣненія законопроекта, и пересмотръ въ видахъ болѣе точнаго изложенія его и согласованія съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Опытъ многихъ странъ показалъ, что условія спѣшки и лихорадочнаго возбужденія, въ коихъ нерѣдко протекаетъ законодательная работа народной палаты, дѣлаютъ необходимымъ подобный пересмотръ [1]). Такъ какъ пересмотръ по существу входитъ уже въ функцію консультаціи, то Асквитъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду главнымъ образомъ пересмотръ послѣдняго рода. Третья функція—замедленіе (delay)—тоже отвѣчала слабости, въ которой часто обвиняютъ народную палату; говорятъ, что она склонна поддаваться внезапнымъ импульсамъ, дѣйствовать необдуманно, легкомысленно, подъ вліяніемъ настроенія минуты, давать выра-

---

[1]) Здѣсь можетъ быть замѣчено мимоходомъ, что по аналогичнымъ соображеніямъ учреждена была у насъ наказомъ первой Государственной Думы редакціонная комиссія. Авторы наказа имѣли въ виду, что неопытность юнаго парламента нашего, хотя и не лишеннаго выдающихся общественныхъ дѣятелей и юристовъ, можетъ отразиться невыгодно на формахъ его законодательскаго творчества и вызывать между прочимъ необходимость исправленія этихъ дефектовъ въ другой инстанціи. По указаннымъ соображеніямъ общаго свойства, а также и для того, чтобы не давать Государственному Совѣту повода выступать въ роли ментора, которая могла бы задѣвать самолюбіе молодого парламента и увеличивать тренія, и безъ того неизбѣжныя въ отношеніяхъ между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, авторы наказа признали предпочтительнымъ учредить ревизіонный органъ въ составѣ самой Государственной Думы, въ видѣ редакціонной комиссіи, хотя для того и не было прецедентовъ въ иностранномъ парламентскомъ строѣ. Имъ стоило нѣкотораго труда убѣдить Думу въ цѣлесообразности учрежденія редакціонной комиссіи, быть можетъ потому, что они не считали удобнымъ въ своихъ объясненіяхъ поставить точки надъ всѣми *i*.

женіе народнымъ страстямъ и капризамъ, а не велѣніямъ холоднаго разсудка и государственной мудрости. Вторая палата можетъ задержать на время стремительностъ народной палаты, предостеречь ее и дать ей и общественному мнѣнію возможность новаго, болѣе зрѣлаго обсужденія, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. Исходя изъ этихъ соображеній, билль устанавливаетъ слѣдующій порядокъ: палатѣ лордовъ воспрещается закономъ отвергать или измѣнять денежные билли. Для того, чтобы въ финансовые билли не могли быть включаемы постановленія нефинансоваго характера (что называется на парламентскомъ языкѣ *tacking*), съ цѣлью провести ихъ вопреки палатѣ лордовъ, спикеру палаты общинъ дается право опредѣлить, есть ли данный билль исключительно финансовый или нѣтъ. Права палаты лордовъ ограничиваются и въ отношеніи другихъ биллей: если билль, прошедшій черезъ палату общинъ въ трехъ послѣдовательныхъ сессіяхъ и внесенный въ палату лордовъ по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до конца сессіи, былъ отвергнутъ ею въ каждую изъ этихъ сессій, то онъ становится закономъ помимо палаты лордовъ, по полученіи королевскаго утвержденія, съ тѣмъ, однако, чтобы отъ внесенія билля въ палату общинъ въ первый разъ до принятія его ею въ третій разъ прошло не менѣе двухъ лѣтъ. Будетъ считаться отвергнутымъ палатой лордовъ всякій билль, не принятый ею безъ поправокъ или принятый съ поправками, на которыя палата общинъ не согласилась. Срокъ продолжительности парламента (т. е. легислатуры) опредѣляется въ пять лѣтъ.

Билль этотъ воспроизводилъ въ отношеніи вето лордовъ въ обще-законодательныхъ дѣлахъ сущность резолюцій Кампбель-Баннермана 1907-го года, но опускалъ систему согласительныхъ конференцій и не требовалъ болѣе, чтобы билль, отвергнутый лордами, былъ трижды принятъ тѣмъ же парламентомъ, т. е. въ теченіе одной и той же легислатуры. Для этихъ биллей устанавливалась преемственность въ томъ смыслѣ, что принятіе билля палатой общинъ предшествующаго созыва зачитывалось при окончательномъ исчисленіи троекратности принятія.

Палата лордовъ пыталась было, по настоянію лорда Розбери, сдѣлать встрѣчный ходъ, вотировать резолюціи, признававшія необходимымъ преобразованіе палаты, дабы сдѣлать изъ нея «сильную и полезную вторую палату», и принимавшія принципъ, въ силу коего «званіе наслѣдственнаго пэра недостаточно для участія въ палатѣ лордовъ». Послѣдняя резолюція была принята лордами скрѣпя сердце. Никто, впрочемъ, не разсчитывалъ, чтобы эта запоздалая декларація въ пользу самореформы могла разрѣшить грозный кон-

фликтъ. Обѣ стороны готовились къ рѣшительному бою. Но король Эдуардъ VII внезапно скончался, и онѣ замерли на занятыхъ ими позиціяхъ. Разсмотрѣніе билля, внесеннаго министерствомъ, было остановлено. Партіи, враждующія, но объединенныя въ чувствахъ монархическаго лоялизма, не захотѣли омрачить первые дни новаго царствованія тяжкимъ конституціоннымъ конфликтомъ. Сдѣлана была попытка уладить его мирно. Приватная конференція лидеровъ обѣихъ партій взяла дѣло въ свои руки и постаралась выработать компромиссъ. Но послѣ цѣлаго ряда совѣщаній они разошлись, не успѣвъ прійти къ соглашенію. Тогда Асквитъ рѣшилъ апеллировать въ странѣ, распустивъ парламентъ. Какъ потомъ обнаружилось, онъ получилъ отъ короля обѣщаніе, что въ случаѣ побѣды министерства на выборахъ, корона используетъ свою прерогативу назначенія новыхъ пэровъ, чтобы составить въ палатѣ лордовъ большинство въ пользу билля объ ограниченіи ея правъ (потребовалось бы назначить сразу до 500 новыхъ пэровъ). Избирательная кампанія немедленно открылась. Либералы приглашали избирателей дать формальное одобреніе свое министерскому биллю. Консерваторы, съ своей стороны, выступили предъ страной съ контръ-проектомъ, оказавшимся прямо революціоннымъ. Они начали съ того, что предложили реформу палаты лордовъ, болѣе демократическую, чѣмъ прежніе ихъ планы: треть лордовъ была бы выбрана пэрами изъ лицъ, занимавшихъ видныя должности или изъ бывшихъ депутатовъ, другая треть избиралась бы окружными избирательными собраніями, составленными изъ мѣстыхъ депутатовъ, и, наконецъ, послѣдняя треть назначалась бы короной, по указаніямъ министровъ, въ политической пропорціи, соотвѣтствующей численной силѣ партій въ палатѣ общинъ. Верхняя палата перестала бы быть наслѣдственной и партійной съ неизмѣннымъ большинствомъ одной партіи. Въ случаѣ разногласія между обѣими палатами, онѣ собирались бы въ общее засѣданіе и рѣшали бы спорные вопросы большинствомъ голосовъ, а въ случаяхъ особенно важныхъ вопросы эти предлагались бы на разрѣшеніе страны путемъ референдума. Давно уже палата лордовъ, угрожаемая наступавшей на нее демократической волной, искала опоры въ самой демократіи, убѣждая ее, что она осуществляетъ свои привилегіи для защиты правъ народныхъ, для предоставленія народу возможности изъявлять свою волю по поводу отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ. Но это прямое вмѣшательство народа представлялось довольно туманнымъ. Какимъ образомъ онъ будетъ постановлять свои рѣшенія, имѣя возможность

высказываться лишь на выборахъ, гдѣ рѣчь идетъ и о личности кандидатовъ въ депутаты, и о многочисленныхъ и разнородныхъ вопросахъ законодательства? Къ чему же будетъ относиться народный «вердиктъ»? Смутный призывъ консерваторовъ къ народу теперь облекался въ опредѣленную конституціонно-юридическую форму—референдумъ, форму, заимствованную у самыхъ передовыхъ демократій, гдѣ народная воля есть не только источникъ власти, но сама власть, непосредственная и окончательная. Изъ объясненій, данныхъ консервативными лидерами во время выборной кампаніи, выяснилось, что они готовы согласиться на примѣненіе референдума не въ однихъ только случаяхъ разногласія между обѣими палатами, а даже при согласіи палатъ, по требованію меньшинства, состоящаго изъ опредѣленнаго количества депутатовъ, и по любому вопросу. Либералы, съ Асквитомъ во главѣ, выступили со всей силой противъ референдума, доказывая, что если народъ будетъ принимать окончательныя рѣшенія, то незачѣмъ тогда имѣть вторую палату, ревизіонную инстанцію, да и палата общинъ потеряетъ всякій авторитетъ, если ея рѣшенія могутъ быть аннулированы—словомъ, весь представительный строй пойдетъ на смарку, и вся англійская конституція будетъ перевернута вверхъ дномъ.

Выборы дали побѣду коалиціонному большинству, поддерживавшему министерство Асквита въ предыдущемъ парламентѣ. Билль о правахъ палаты лордовъ былъ тотчасъ снова внесенъ въ палату общинъ и принятъ, не смотря на отчаянное сопротивленія оппозиціи, пытавшейся добиться изъятія отъ дѣйствія новаго закона биллей, касающихся основъ государственнаго строя. Въ палатѣ лордовъ внесены были въ тѣхъ же видахъ поправки къ биллю, устанавливавшія народный референдумъ для законодательныхъ измѣненій по ряду предметовъ, особо перечисленныхъ. Министерство не соглашалось ни на какія поправки [1]), оно требовало, какъ Шейлокъ, свой фунтъ мяса. Когда Асквитъ опубликовалъ данное ему обѣщаніе короля назначить столько новыхъ пэровъ, сколько нужно для проведенія билля, наиболѣе уравновѣшенные изъ членовъ консервативнаго большинства разсудили, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, что изъ двухъ золъ нужно выбрать наименьшее, ибо назначеніе новыхъ 500 пэровъ, взятыхъ съ бору да съ сосенки, поведетъ къ деградаціи палаты лордовъ и всей англійской аристократіи, подобно тому, какъ масса фальшивыхъ ассигнацій, выпущенныхъ на рынокъ, обезцѣниваетъ и

---

[1]) Кромѣ одной, исключавшей отъ дѣйствія билля предложенія о продленіи легислатуры на срокъ свыше пяти лѣтъ.

настоящія. Консервативнымъ пэрамъ данъ былъ лозунгъ воздержаться отъ голосованія, но не всѣ на это согласились, многіе предпочли «честную смерть»: зачѣмъ приносить такія жертвы для сохраненія палаты лордовъ, лишенной ея прерогативъ и ея достоинства? При воздержаніи большинства эти непримиримые могли бы провалить билль. Чтобы предупредить эту возможность и имѣвшее послѣдовать затѣмъ массовое назначеніе новыхъ пэровъ, вожди палаты лордовъ рѣшили прямо вотировать за билль; нѣкоторое количество консервативныхъ пэровъ, въ томъ числѣ архіепископы и епископы, присоединились къ либеральнымъ пэрамъ, и билль прошелъ.

Такъ въ августѣ 1911-го года рухнула одна изъ послѣднихъ капитальныхъ стѣнъ старой конституціи Англіи. Это паденіе нисколько не потрясло народную душу; страна слѣдила съ напряженнымъ интересомъ за драмой, разыгрывавшейся подъ сводами Вестминстера, но это было скорѣе возбужденіе зрителей въ театрѣ, нервно ждущихъ развязки. Палата лордовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала цѣлые вѣка, отошла въ исторію «неоплаканной, не почтенной и не отпѣтой», потому что она давно пережила себя. Вокругъ нея все мѣнялось, все обновлялось, всѣ отношенія общественныя, политическія, экономическія, религіозныя, а она застыла въ прошедшемъ. Она не слышала все громче раздававшихся требованій новой жизни, она не видѣла, какъ силы нарождающейся демократіи подтачиваютъ сваи общественнаго вліянія и богатства, на которыя она опиралась; она не вняла предостереженію, данному, въ 1866-мъ году, великимъ противникомъ парламентской реформы, напомнившимъ, что если дѣло доходитъ до борьбы между силой соціальной и силой политической, то конечная побѣда достается не первой изъ нихъ. Она пыталась заклинать духъ времени хитростью и циническимъ отреченіемъ отъ принциповъ, которые она была призвана защищать; природный оплотъ консерватизма и конституціонный барьеръ противъ стремительности демократіи, она сама выбрасывала ярко-красное знамя демократіи, какъ преслѣдуемый пиратъ, выбрасывающій чужой флагъ, или какъ игрокъ, спутывающій карты. Поглощенная своими эгоистическими интересами, она не выполняла дѣйствительныхъ функцій второй палаты, и занимая, тѣмъ не менѣе, ея мѣсто, она вогнала англійскій конституціонализмъ въ тупикъ: nec tecum, nec sine te vivere possum.

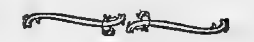
Парламентскій актъ 1911-го года не вывелъ конституціонный строй изъ этого тупика. Онъ, если можно такъ выразиться, хлороформировалъ палату лордовъ, но не произвелъ надъ ней

операціи, которая устранила бы злокачественныя ткани и дала бы ей новую, здоровую жизнь. Авторамъ акта, озабоченнымъ судьбою нѣсколькихъ важныхъ мѣропріятій, которыя они рѣшили провести вопреки палатѣ лордовъ, и въ первую очередь—ирландской автономіи, существенно было, пока что, парализовать палату лордовъ. Но если она продолжаетъ существовать, то она должна имѣть опредѣленныя функціи и соотвѣтствующіе органы. Какія функціи, какіе органы —это остается открытымъ вопросомъ. Преобразованіе верхней палаты обѣщано правительствомъ, но когда и на какихъ началахъ оно осуществится? Попытки реформы, сдѣланныя въ средѣ самой палаты лордовъ, показали, съ какими громадными трудностями сопряжена эта задача. Какъ сохранить палату, созданную вѣками, не порвавъ съ прошедшимъ? Какъ ее приспособить къ духу и потребностямъ настоящаго? Какъ составить ее изъ людей опыта и знанія, не превращая ее въ бюрократическую касту. Какъ сдѣлать, чтобы она представляла общественныя силы, не отдаваясь классовымъ интересамъ, чтобы она была отзывчивой на политическіе запросы дня, не будучи партійной, чтобы она дѣйствовала въ единеніи съ народной палатой, оставаясь органомъ критики свободной и независимой, но благожелательной. Какъ приблизить ее къ народу, отдаляя ее отъ искушеній демагогіи?

Удастся ли Англіи разрѣшить эту задачу и преподать міру новые уроки государственнаго строительства—покажетъ будущее. Пока опытъ ея палаты лордовъ даетъ намъ лишь отрицательныя указанія. Главное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что при существованіи двухъ палатъ, различныхъ по происхожденію и по строю, но равныхъ въ правахъ и притязаніяхъ, между ними неизбѣжны конфликты, легко превращающіеся въ хроническую болѣзнь представительнаго режима.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Острогорскій.

М. П. ДРАГОМАНОВЪ ВЪ ИЗГНАНІИ.

I.

Былъ жаркій августовскій день. Незадолго предъ тѣмъ очутившись въ Женевѣ, послѣ побѣга изъ кіевской тюрьмы весной 1878 г., я вскорѣ усвоилъ себѣ заграничный обычай знакомиться съ новыми лицами, сидя въ какомъ-нибудь кафэ за «консомаціей».

Насъ собралось послѣ обѣда нѣсколько человѣкъ около популярнаго тогда среди русскихъ и французскихъ изгнанниковъ «Café Armand». Мы расположились за однимъ изъ столиковъ, находившихся на тротуарѣ.

Кромѣ насъ троихъ бѣглецовъ или «хлопцевъ», какъ прозвалъ насъ старый другъ мой П. Б. Аксельродъ, и его самого, тамъ былъ еще неизмѣнный участникъ всякаго сборища, Николай Ивановичъ Жуковскій и, кажется, знаменитый «отщепенецъ»,—бывшій полковникъ генеральнаго штаба, Николай Васильевичъ Соколовъ.

Шла очень оживленная бесѣда. Собственно, говорилъ,— вѣрнѣе, кричалъ на всю тихую улицу,—одинъ лишь Жуковскій; женевскіе «старожилы-эмигранты» только изрѣдка вставляли по нѣсколько словъ. Мы, новички, молча слушали выкрики экспансивнаго Николая Ивановича. Онъ доказывалъ, по присущему ему обыкновенію, что Россія—страна варварская и излюбленный имъ тезисъ аргументировалъ приблизительно такъ:

— Вотъ вы говорите,—обращался онъ къ намъ, новичкамъ, хотя, какъ я сказалъ, мы все время молчали,—что Россія уже вышла изъ варварскаго состоянія. А я сейчасъ докажу вамъ обратное: скажите, мыслимо-ли, чтобы въ цивилизован-

ной, культурной странѣ имѣлся городъ съ такимъ нелѣпымъ названіемъ, какъ тотъ, изъ котораго я родомъ:—У-ф-ф-а!—долго растягивая это слово, выкрикивалъ онъ во всю мочь. — И въ странѣ, имѣющей такіе города, вы полагаете, возможна революція!

Въ другихъ своихъ очеркахъ я уже говорилъ о своеобразной логикѣ этого несомнѣнно оригинальнаго, умнаго и талантливаго человѣка. Но въ описываемый мною полдень я и мои товарищи еще не знали о свойственномъ ему странномъ способѣ аргументировать свои мысли. Мы, поэтому, съ большимъ вниманіемъ слушали его разсужденія. Жуковскій являлся еще невиданнымъ нами типомъ. Изящно одѣтый, тонкій, стройный, съ мефистофельской наружностью, онъ своими манерами поражалъ всякаго слушателя. Увлекаясь собственной рѣчью, Николай Ивановичъ не только кричалъ, нисколько не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, но при этомъ до того энергично жестикулировалъ, что, какъ это случилось въ описанную бесѣду, попалъ рукой по подносу, на которомъ «garçon» несъ для насъ консомацію, и вся посуда съ напитками съ трескомъ покатилась на тротуаръ.

Мы, новички, помню, взялись-было за наши портмонэ, намѣреваясь внести свою долю за убытокъ, невольно причиненный Жуковскимъ хозяину кафэ. Но, замѣтивъ наше движеніе, «garçon» съ улыбкой произнесъ: «ça ne fait rien!» Убравъ осколки посуды, онъ вскорѣ вновь принесъ все нами заказанное.

— Вотъ вамъ новое доказательство отличія Зап. Европы отъ нашей благословенной родины! — нисколько не смутившись происшедшимъ, воскликнулъ Жуковскій.—Тамъ, когда посѣтитель трактира разобьетъ самую ничтожную вещь, съ него слупятъ не только ея стоимость, но сдерутъ втридорога за убытокъ. А здѣсь мнѣ случалось уже опрокидывать столъ съ посудой и кушаньями, и съ меня за это ничего не взыскивали. А почему? Опять же потому, что Россія варварская страна, въ которой купеческіе и другіе сынки бьютъ въ трактирахъ не только посуду, но и зеркала изъ озорства...

— О чемъ шумите вы, а драки нѣтъ!—произнесъ вдругъ появившійся изъ-за угла господинъ въ лѣтнемъ костюмѣ.

— Ошибаетесь: драка была уже, — вотъ Николай побилъ посуду!—съострилъ Соколовъ, указывая на слѣды происшедшаго.

— Присаживайтесь къ намъ, Михаилъ Петровичъ! — съ веселымъ радушіемъ воскликнулъ Жуковскій.—Вы еще не знакомы: это—бѣжавшіе изъ Россіи...

— Вѣрнѣе будетъ сказать — изъ тюрьмы,—поправилъ его,

улыбаясь, вновь подошедшій къ намъ и, протянувъ каждому изъ насъ руку, назвалъ себя. То былъ Драгомановъ. На видъ ему можно было тогда дать лѣтъ 35—36. Онъ былъ средняго роста, недурно сложенъ, съ правильными чертами лица, носилъ длинную темнорусую бороду, имѣлъ большой покатый лобъ и очень умные, выразительные глаза. Говорилъ Драгомановъ съ небольшимъ малорусскимъ акцентомъ и по внѣшности отчасти походилъ на украинца. Одѣвался онъ прилично, но, повидимому, мало обращалъ вниманія на костюмъ свой.

Всѣ съ веселымъ смѣхомъ встрѣтили его поправку на счетъ насъ.

— Такъ о чемъ же шумѣли «народные витіи»?—спросилъ Драгомановъ, присѣвъ и заказавъ себѣ какой-то напитокъ.

— «Шумѣлъ», по обыкновенію, только Николай Ивановичъ, стараясь убѣдить насъ, что въ Россіи невозможна революція,—сказалъ Аксельродъ, смѣясь.

— Какъ же рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, изъ-за котораго другіе пролили много крови, а вы, Николай Ивановичъ, вижу—много краснаго вина?—все въ томъ же шутливомъ тонѣ спросилъ Драгомановъ.

Когда кто-то, смѣясь, повторилъ аргументацію Жуковскаго, Драгомановъ, хорошо знавшій послѣдняго, напомнилъ ему о существованіи въ Россіи еще такихъ городовъ, какъ Малмыжъ, Мамадымъ, Царевококшайскъ...

— Ну, вотъ видите!—воскликнулъ, обрадовавшись, Николай Ивановичъ.—Вѣдь европейцу и не произнести этихъ словъ!

Вспомнилъ затѣмъ Драгомановъ и названія нѣкоторыхъ городовъ близкой ему Полтавщины—Кобеляки, Гадячъ,—замѣтивъ при этомъ, что онъ родомъ изъ послѣдняго, а по поводу Полтавской губерніи сообщилъ, что въ Малороссіи она не безъ основанія считается самой кляузной, въ виду чего для поступающихъ изъ нея дѣлъ въ сенатѣ, будто-бы, имѣется два стола, между тѣмъ какъ для остальныхъ полагается лишь по одному на каждыя двѣ.

Повидимому, Драгомановъ не прочь былъ, какъ говорится, пройтись—конечно, добродушно—и на счетъ своихъ земляковъ—украинцевъ, расточая о нихъ шутки и анекдоты.

Жуковскій, въ свою очередь, старался не отставать отъ него и передавалъ большею частью всѣмъ извѣстные курьезы про восточныхъ инородцевъ — мордву, чувашей и другихъ.

Шутки и остроты, вызывавшія громкій смѣхъ, продолжа-

лись довольно долго. Наконецъ, мы вспомнили, что пора расходиться по домамъ.

II.

Совсѣмъ не то впечатлѣніе произвелъ на меня Драгомановъ, какое я ожидалъ. По наслышкѣ я зналъ его за много лѣтъ до этой встрѣчи. Какъ кіевлянину, мнѣ часто приходилось слышать о его дѣятельности въ качествѣ лектора въ университетѣ, сотрудника мѣстной либеральной газеты «Заря» и члена «Юго-западнаго отдѣла Географическаго общества». Въ виду крайне революціоннаго тогда нашего настроенія, дѣятельность «либеральнаго профессора» не внушала намъ ни малѣйшаго къ нему расположенія. Наоборотъ, зная, что Драгомановъ является украинофиломъ или, какъ мы говорили, «хохломаномъ», мы склонны были даже видѣть въ немъ «вреднаго реакціонера». По нашему мнѣнію онъ своими «скучными и никому не нужными предпріятіями», вродѣ «сборника малорусскихъ народныхъ преданій» или «пѣсенъ», отвлекалъ передовую молодежь, и безъ того склонную къ украйнофильству, отъ единственно насущнаго и полезнаго дѣла — отъ обще-русскаго революціоннаго движенія. У иныхъ изъ насъ нерасположеніе къ «хохломанамъ» не имѣло, поэтому, границъ, и они посылали по ихъ адресу всевозможныя, далеко нелестныя клички.

Въ нѣкоторой, хотя и очень незначительной степени, болѣе умѣренные изъ насъ измѣнили къ лучшему свое мнѣніе о Драгомановѣ, когда распространился по Кіеву слухъ, что онъ «по 3-му пункту» былъ уволенъ изъ университета, и ему предложили уѣхать за границу. Но болѣе ярыхъ изъ насъ бакунинистовъ-«бунтарей» даже и это обстоятельство не особенно подкупило въ пользу «хохломана».

«Мало-ли какихъ глупостей не совершаетъ наша администрація!» — говорили они. — Своими стѣсненіями и преслѣдованіями всего малороссійскаго она добьется того, что у насъ дѣйствительно возникнетъ украинское-сепаратистическое направленіе, для котораго до послѣдняго времени не было ни малѣйшей ни у кого охоты».

Лица эти отчасти оказались пророками. Съ отъѣздомъ Драгоманова за границу, кіевскіе и другіе украинофилы, сплотившись тѣснѣе, дали ему возможность приступить въ Женевѣ къ изданію обширнаго, хотя и непеніодическаго,

журнала «Громада», а также разнаго рода брошюръ и листковъ на малорусскомъ языкѣ. Получаясь на югѣ контрабанднымъ путемъ, эти произведенія оказывали нѣкоторое вліяніе на молодежь, въ чемъ мы, мѣстные революціонеры, видѣли прямой ущербъ нашимъ задачамъ и стремленіямъ.

До лѣта 1878 г. я лично почти ничего не зналъ о жизни Драгоманова за границей. Только незадолго предъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Женеву, мнѣ впервые пришлось услышать отъ Кравчинскаго чрезвычайно лестный о немъ отзывъ.

— Интереснѣйшій человѣкъ! Выдающійся человѣкъ!—говорилъ онъ.—Непремѣнно постарайся поближе узнать его: онъ совсѣмъ нашъ!—говорилъ этотъ энтузіастъ, склонный приходить въ восторгъ отъ каждаго новаго человѣка, у котораго находилъ симпатичныя и оригинальныя на его взглядъ черты ума или характера.

Кравчинскій, послѣ освобожденія изъ итальянской тюрьмы, въ которой онъ сидѣлъ за участіе въ такъ называемой Беневентской попыткѣ вызвать возстаніе, прожилъ нѣкоторое время въ Женевѣ, гдѣ познакомился и довольно близко сошелся съ Драгомановымъ.

Хотя и не въ такомъ приподнятомъ тонѣ, но все же очень благопріятно отозвался о Драгомановѣ и другъ Кравчинскаго, — Дмитрій Александровичъ Клеменцъ, съ которымъ мы свидѣлись въ Швейцаріи еще до встрѣчи съ Драгомановымъ.

Аналогичнымъ образомъ отзывались о послѣднемъ рѣшительно всѣ видные и невидные эмигранты, съ которыми мы познакомились въ первые дни нашего пріѣзда—Кропоткинъ, Жуковскій, Ралли, Эльсницъ, Черкезовъ. Но особенно высоко цѣнилъ Драгоманова, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, П. Б. Аксельродъ.

Хотя Драгомановъ почти цѣликомъ поглощенъ былъ работой для своего украинскаго народа и по-русски лишь изрѣдка писалъ ту или иную статью, — главнымъ образомъ по злободневнымъ политическимъ вопросамъ,—тѣмъ не менѣе по всему видно было, что онъ за короткое время своего пребыванія въ Женевѣ успѣлъ пріобрѣсти огромное вліяніе на руководящую группу, издававшую въ то время журналъ «Общину», бакунинскаго направленія. Редакція этого органа не только помѣщала въ немъ статьи Драгоманова, но въ сильной степени считалась съ его взглядами. По словамъ П. Б. Аксельрода, «члены редакціи «Общины», подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Драгоманова, чуть-чуть не подмѣнивали «анархію» «федерализмомъ», и мысль

о «конечной цѣли» улетучилась изъ нашего сознанія, замѣнившись представленіемъ о «федералистическомъ строѣ». По признанію Аксельрода, редакція «Общины» считала Драгоманова «умѣреннымъ анархистомъ, отличавшимся отъ бакунистовъ только меньшей «революціонностью», но близко къ ней стоявшимъ по своимъ идеаламъ, по «конечной цѣли».

Если ко всему этому присоединить, что Драгомановъ отличался тогда довольно ровнымъ характеромъ, что онъ былъ очень простъ, привѣтливъ и предупредителенъ и несомнѣнно являлся крупнѣе почти всѣхъ эмигрантовъ по уму и эрудиціи, то неудивительно, что въ русской колоніи онъ игралъ тогда чуть-ли не первую роль. Эта роль мало чѣмъ отличалась отъ той, какую незадолго предъ тѣмъ играли въ эмиграціи Бакунинъ и Лавровъ. Правда, Драгомановъ не имѣлъ еще своей «школы» и послѣдователей среди обще-русскихъ изгнанниковъ; но все же авторитетъ его былъ очень значителенъ и, повидимому, постоянно возросталъ.

Все это намъ, вновь пріѣхавшимъ, отчасти сохранившимъ о Драгомановѣ впечатлѣніе не какъ объ «умѣренномъ анархистѣ», а какъ о «либералѣ» и «хохломанѣ»,—казалось не только въ высшей степени страннымъ, но даже огорчительнымъ и обиднымъ. Подтвержденіе своему сомнѣнію на счетъ рѣзкаго измѣненія, происшедшаго, по мнѣнію редакціи «Общины», въ его взглядахъ, мы находили чуть не въ каждой его статьѣ и брошюрѣ. Читая такія его произведенія, какъ «Внутреннее рабство и война за освобожденіе» и «До чего довоевались?» или статью его въ «Общинѣ»: «За что старика обидѣли и кто его обижаетъ?»—написанную послѣ оправданія присяжными засѣдателями Вѣры Засуличъ,—мы находили въ нихъ «чисто конституціонные взгляды». Поэтому, въ качествѣ ярыхъ бакунистовъ, отрицавшихъ всякія политическія учрежденія, мы приходили въ недоумѣніе, а то и въ негодованіе, видя, что редакція анархическаго органа допускаетъ печатаніе у себя такой ужасной ереси? Терпимость къ Драгоманову со стороны нашихъ единомышленниковъ намъ казалась прямо «возмутительной» и «преступной».

Кромѣ того, въ русскихъ, а особенно въ малорусскихъ произведеніяхъ Драгоманова,—съ которыми, къ слову, никто изъ членовъ редакціи «Общины» не былъ знакомъ, вслѣдствіе ихъ незнанія малорусскаго языка,—мы находили, какъ намъ казалось, несправедливое и даже оскорбительное отношеніе къ русскому революціонному движенію и его участникамъ. Мы, поэтому,

считали, что Драгомановъ распространяетъ вражду и злобу къ намъ среди украинскаго народа.

Легко себѣ представить какой переполохъ вызвали эти наши указанія и нападки на произведенія М. П. Драгоманова среди женевскихъ эмигрантовъ, до нашего пріѣзда вѣрившихъ въ него глубоко и высоко его цѣнившихъ!

III.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Женеву мы, новички, присматривались, знакомились съ новыми условіями и лицами, читали не попадавшія намъ въ Россіи въ руки заграничныя произведенія. За исключеніемъ П. Б. Аксельрода, да отчасти Кропоткина, мы ни у кого изъ остальныхъ эмигрантовъ не бывали, такъ же какъ и они у насъ. Встрѣчались мы съ ними въ кухмистерской, у Armand или на собраніяхъ эмигрантскаго общества.

Послѣ описанной бесѣды возлѣ кафе Armand, во время которой Драгомановъ произвелъ на насъ благопріятное впечатлѣніе своимъ остроуміемъ, разговорчивостью и простотой, мы не прочь были ближе съ нимъ познакомиться. Но вторая, случившаяся вскорѣ послѣ первой, встрѣча съ нимъ отбила у насъ на нѣкоторое время охоту къ этому.

Въ началѣ августа насъ пригласили на эмигрантское собраніе. По обыкновенію, публика собиралась медленно. Когда мы зашли въ помѣщеніе библіотеки, гдѣ должно было состояться это собраніе, тамъ было всего нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Левъ Ильичъ Мечниковъ, котораго я увидѣлъ тогда впервые. Не успѣли мы съ нимъ обмѣняться нѣсколькими словами, какъ въ комнату быстрыми шагами вошелъ Драгомановъ. Достаточно было бросить взглядъ на него, что-бы убѣдиться, что съ нимъ произошло нѣчто особенное: лицо его покрыто было красными пятнами, глаза смотрѣли не только сердито, но прямо враждебно. Сухо поздоровавшись съ нами, новичками, онъ обратился къ Мечникову съ вопросомъ:

—Читали телеграммы?

Когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, Драгомановъ сталъ сыпать какія-то неопредѣленныя, но злыя замѣчанія.

Мы, новички, еще не знавшіе о случившемся, очевидно крупномъ политическомъ событіи, спросили, въ чемъ дѣло?

— Въ Петербургѣ на улицѣ убитъ ген. Мезенцовъ,—отвѣтилъ со злобой Драгомановъ.

— Убійца скрылся или арестованъ? — спросилъ кто-то изъ насъ.

—Ихъ было двое, и оба спаслись въ заранѣе приготовленномъ экипажѣ.

—Такъ чего же вы взволнованы? Неужели вамъ такъ жалко Мезенцова?—спросили мы въ недоумѣніи.

—Только безчестный человѣкъ могъ совершить такое дѣло!—воскликнулъ онъ сильно.

Еще до отъѣзда за границу я зналъ про намѣреніе убить шефа жандармовъ. Момента осуществленія этого плана, очутившись за-границей, мы ждали со-дня на-день, желая поскорѣе узнать объ участи главнаго исполнителя, — нынѣ можно уже открыто сказать это: Сергѣя Кравчинскаго, — съ которымъ мы незадолго предъ тѣмъ познакомились и очень близко сошлись.

Въ виду всего этого, зная, притомъ, какъ Кравчинскій хорошо относится къ Драгоманову, я готовъ былъ наговорить Драгоманову самыя рѣзкія слова. Но присутствіе и постепенный приходъ мало или совершенно еще мнѣ незнакомыхъ лицъ, заставили меня сдержаться. Я сказалъ только:

—Если-бы вы знали, кто это совершилъ, вы не произнесли-бы такого приговора.

—Всегда скажу, что только безчестный человѣкъ можетъ пырять кинжаломъ, не предупредивъ объ этомъ своего противника!—закричалъ Драгомановъ.

Я вновь долженъ былъ сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы на оскорбленіе моего друга не отвѣтить тѣмъ же. Въ нашъ разговоръ вмѣшались нѣкоторые изъ присутствовавшихъ—Стефановичъ, Аксельродъ и другіе. Я все же со злобой бросилъ Драгоманову:

— Запомните, вамъ стыдно будетъ за ваши слова, когда вы узнаете, кто это.

— Никогда!—заявилъ онъ запальчиво.

— Помилуйте, Михаилъ Петровичъ, нельзя быть столь категоричнымъ, нельзя осуждать, не зная всѣхъ обстоятельствъ! Подождемъ подробностей!—послышалось со всѣхъ сторонъ. Но Драгомановъ не сдавался и повторялъ, что для него фактъ очевиденъ и ясенъ; онъ допускаетъ лишь такіе акты мести, какъ совершенный Вѣрой Засуличъ, которая при этомъ себя сама отдала. Убійство же съ подготовкой шансовъ для собственнаго спасенія онъ всегда будетъ считать безчестнымъ актомъ.

Не помню, что именно мы рѣшили на этомъ собраніи и принималъ ли Драгомановъ участіе въ дебатахъ. Знаю только,

что, уходя, я старался прошмыгнуть такъ, чтобы не нужно было обмѣняться съ Драгомановымъ рукопожатіемъ. Послѣ этого разговора у меня не могло уже быть желанія поближе съ нимъ сойтись.

IV.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1878 г. въ Кіевѣ произошли студенческіе безпорядки, не на почвѣ обычныхъ неудовольствій студентовъ тѣми или иными академическими условіями: они имѣли чисто политическій характеръ.

Въ томъ бурномъ году, послѣ русско-турецкой кампаніи, происходившаго въ Петербургѣ «Большого процесса» (193-хъ), оправданія присяжными засѣдателями Вѣры Засуличъ и многихъ другихъ крупныхъ политическихъ фактовъ, все русское общество воспрянуло духомъ. Особенно возбуждена была учащаяся молодежь.

Въ Кіевѣ жандармами арестованъ былъ студентъ Подольскій, по подозрѣнію въ участіи въ покушеніи на жизнь товарища прокурора Котляревскаго. Подозрѣніе рѣшительно ни на чемъ не было основано; арестованный студентъ былъ неповиненъ въ этомъ дѣлѣ. Но мало-ли до этого случая происходило у насъ арестовъ невинныхъ студентовъ, и противъ такихъ арестовъ никто изъ ихъ товарищей не протестовалъ. Не то вышло весной 1878 г. Собравшись на сходку, студенты выбрали изъ своей среды депутацію, которую уполномочили потребовать отъ ректора, чтобы онъ добился освобожденія невинно арестованнаго товарища. Ректоръ отказался; тогда депутація отправилась къ попечителю учебнаго округа; ничего не добившись и у него, студенты обратились къ генералъ-губернатору. Эти «волненія» продолжались три или четыре недѣли и закончились, какъ обычно у насъ, исключеніями, арестами и высылками. Когда при провозѣ черезъ Москву группы кіевлянъ, отправляемыхъ въ административную ссылку, мѣстные студенты устроили имъ овацію, охотнорядскіе мясники набросились на молодежь и сильно избили ее. Это возмутительное насиліе вызвало взрывъ негодованія въ лучшей части нашего общества.

Драгомановъ, постоянно требовавшій активнаго протеста противъ всевозможныхъ насилій и несправедливостей, чинимыхъ администраціею, казалось, долженъ былъ сочувственно отнестись къ кіевскимъ студентамъ, заступившимся за невиннаго своего товарища. Не такъ отнесся онъ къ данному случаю.

Сообща съ группой, издававшей «Общину», Драгомановъ владѣлъ въ Женевѣ типографіею, въ которой набирались «Громада» и другія его произведенія. Одни и тѣ же наборщики—конечно, эмигранты-соціалисты—производили работу для группы «Община» и для Драгоманова.

Однажды, — это было вскорѣ послѣ нашей съ нимъ размолвки,—я зачѣмъ-то зашелъ въ эту типографію. Одинъ изъ наборщиковъ, — малороссъ, бывшій студентъ одного изъ южныхъ университетовъ,—въ отвѣтъ на мой вопросъ, что онъ набираетъ?—протянулъ мнѣ рукопись, предложивъ прочитать ее въ виду представляемаго ею интереса. То была статья Драгоманова по поводу мартовскихъ безпорядковъ въ Кіевѣ. Изложивъ причины, вызвавшія волненіе, авторъ доказывалъ, что не дѣло студентовъ заниматься политикой. Ихъ обязанность—учиться, а свободу добывать должны ихъ отцы, люди общества. Всего, конечно, теперь не помню, но за смыслъ ручаюсь.

Хотя я самъ тогда, какъ бакунистъ, былъ противникомъ политической борьбы, но, въ качествѣ сторонника всякаго рода «дезорганизаторскихъ» выступленій, вполнѣ сочувствовалъ вообще студенческимъ волненіямъ, въ особенности такимъ, какъ кіевскія. Поэтому, познакомившись съ статьею Драгоманова, я вознегодовалъ.

— И вы соглашаетесь набирать такую реакціонную вещь?—накинулся я на наборщика.—Вы, значитъ, согласны съ тѣмъ, что здѣсь пишетъ Драгомановъ? Но въ такомъ случаѣ вы крайне непослѣдовательны: вѣдь вы—бывшій студентъ, а теперь—эмигрантъ; значитъ, вы то же въ чемъ-то были замѣшаны?

Молодой человѣкъ сталъ оправдываться тѣмъ, что, какъ наборщикъ, онъ не можетъ вмѣшиваться въ содержаніе рукописи.

— Значитъ, вы стали бы набирать и въ «Москов. Вѣдомостяхъ»?—уязвилъ я его. Затѣмъ я удалился и вскорѣ совершенно забылъ про эту бесѣду.

Въ тотъ же вечеръ къ намъ въ квартиру, которую мы, бѣглецы, занимали почти на окраинѣ Женевы, неожиданно явился Драгомановъ. Не говоря уже про нашъ рѣзкій споръ, послѣ котораго мы больше не встрѣчались, посѣщеніе его было тѣмъ страннѣе, что мы, вновь прибывшіе, ни разу еще не были у него на дому.

Какъ ни въ чемъ не бывало, словно между нами рѣшительно ничего не произошло и мы лишь накапунѣ видѣлись, Драгомановъ, съ добродушной улыбкой, обратился ко мнѣ:

— А, знаете, что вы взбунтовали всѣхъ наборщиковъ нашей типографіи?

— Какъ такъ?—изумился я.

— Вы доказали имъ, что моя статья реакціонна, и они всѣ отказываются набирать ее.

— Могу только этому радоваться,—сказалъ я.

— Но, позвольте, вы меня не вѣрно поняли.—Онъ сталъ доказывать, что онъ правъ, а я, конечно, неправъ. Однако, чувствовалось, что дѣлаетъ онъ эти возраженія лишь для формы, чтобы не сразу сдаться.

Теперь, понятно, я не могу воспроизвести его аргументовъ, да едва-ли это и интересно. Помню только, что мы вели бесѣду въ самомъ мирномъ и добродушномъ тонѣ, хотя она и касалась наиболѣе спорныхъ для насъ съ нимъ вопросовъ. Мы не сходились ни на одномъ, кажется, пунктѣ, и тѣмъ не менѣе во время этой бесѣды Драгомановъ, помню, произвелъ на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Въ его словахъ чувствовалась искренность; въ немъ не было ни малѣйшей рисовки или желанія поддѣлаться, показаться болѣе радикальнымъ, болѣе крайнимъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Наоборотъ, онъ не стѣснялся высказывать мысли, которыя нами, крайне революціонно тогда настроенными молодыми людьми, могли быть признаны черезчуръ умѣренными, а то и прямо реакціонными. Драгомановъ не политиканствовалъ: онъ говорилъ то, что думалъ. А думалъ онъ своеобразно, оригинально, не такъ, какъ остальные. Временами могло даже казаться, что онъ нарочно высказываетъ умѣренныя воззрѣнія, что-бы не походить на другихъ и прослыть оригинальнымъ. Но, вслушавшись въ его слова, въ интонаціи его голоса, легко было убѣдиться, что это не такъ.

Драгомановъ былъ тогда несомнѣнно соціалистомъ, даже «анархистомъ», хотя и «умѣреннымъ». Человѣкъ съ большой эрудиціей, особенно по исторіи, онъ былъ знакомъ со всѣми соціалистическими ученіями, начиная съ утопическихъ и кончая современными. Но, какъ во всемъ, Драгомановъ и по отношенію соціализма былъ своеобразенъ. Онъ рѣшительно ни съ одной изъ соціалистическихъ системъ не былъ согласенъ, находя въ каждой изъ нихъ тѣ или иные изъяны, невѣрности. Но онъ не выработалъ и не старался пропагандировать какую-нибудь свою самостоятельную теорію. Для него соціализмъ былъ важенъ лишь какъ идеалъ, болѣе или менѣе отдаленный: «когда-то онъ еще осуществится!» Или, какъ онъ довольно недвусмысленно выразился въ одномъ изъ своихъ малорусскихъ произведеній: «се діло за-

тяжне!» Поэтому не стоило, молъ, терять время на споры объ этомъ отдаленномъ идеалѣ.

Болѣе интенсивно, чѣмъ структура будущаго общества, Драгоманова интересовала политическая его организація въ настоящемъ. Заявляя себя «анархистомъ», онъ, какъ мы уже видѣли, въ сущности, былъ лишь федералистомъ, сторонникомъ свободнаго союза областей и народовъ. Какъ сынъ Украины, раздѣленной между тремя государствами, Драгомановъ являлся ярымъ противникомъ всякаго централизма. Но какъ человѣкъ очень умный, образованный и склонный къ реалистическому мышленію, онъ не вѣрилъ въ тотъ анархическій идеалъ, который рисовался воображенію Бакунина и его послѣдователей, т. е. въ абсолютное безвластіе.

На эту тему Драгомановъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ, не велъ, однако, особенныхъ споровъ съ ярыми бакунистами. Не по его винѣ, а вслѣдствіе ихъ собственнаго заблужденія, они принимали его за своего единомышленника, какимъ въ дѣйствительности онъ никогда не былъ. Слыша горячіе его нападки на всякаго рода централизмъ, они, по недоразумѣнію, принимали это за излюбленныя ими воззрѣнія. Въ своихъ нападкахъ на централизмъ Драгомановъ являлся самобытнымъ, своеобразнымъ націоналистомъ: онъ требовалъ полной самостоятельности рѣшительно для всякой народности, какъ-бы незначительна она ни была. Онъ желалъ, чтобы каждому предоставлена была возможность всесторонняго развитія его языка, литературы, искусства, общественной жизни. Онъ требовалъ, чтобы пропаганда всякихъ прогрессивныхъ, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и соціалистическихъ идей, велась на языкѣ того народа, среди котораго данное лицо желаетъ работать, а не на господствующемъ въ государствѣ. Въ Россіи, напр., онъ считалъ необходимымъ для соціалистовъ вести пропаганду чуть не на языкахъ всѣхъ народовъ, входящихъ въ ея составъ. Задолго до появленія «бундистовъ» онъ утверждалъ, что необходимо къ еврейскому населенію обращаться на жаргонѣ. Того же требовалъ онъ и по отношенію латышей, литовцевъ, армянъ и др., не говоря уже, конечно, о малороссахъ.

Вопросъ о языкахъ являлся, такимъ образомъ, самымъ радикальнымъ для Драгоманова. По поводу его онъ готовъ былъ вести безконечные споры, во время которыхъ чрезвычайно горячился и даже доходилъ до колкостей и рѣзкостей, обзывая несогласныхъ съ нимъ якобинцами, «государственниками», что въ тѣ времена

считалось бранными словами, а то и просто «великорусскими чиновниками, переодѣтыми въ соціалистическій мундиръ».

Между тѣмъ, по тому времени—по состоянію нашихъ силъ и средствъ, по крайне незначительному контингенту лицъ, участвовавшихъ въ движеніи,—въ виду полицейскихъ и другихъ условій, осуществленіе требованія Драгоманова на дѣлѣ привело-бы къ разсѣянію и безъ того ничтожныхъ революціонныхъ силъ. Но Драгомановъ и слышать не хотѣлъ о невозможности въ тѣ времена подѣлиться небольшому числу дѣятелей обще-русскаго движенія на народности, къ которымъ они принадлежали по своему происхожденію. Не разъ и послѣ описанной миролюбивой бесѣды на нашей квартирѣ, происходили у насъ съ нимъ схватки по этому вопросу.

Жизнь какъ будто оправдала взглядъ Драгоманова, но я все же думаю, что тогда онъ являлся въ этомъ вопросѣ большимъ утопистомъ, чѣмъ мы: онъ требовалъ немедленнаго осуществленія того, что стало возможно лишь съ ростомъ оппозиціонныхъ силъ, лишь при измѣнившихся условіяхъ, два десятилѣтія спустя. Да и теперь еще далеко не осуществлены всѣ тогдашнія требованія Драгоманова.

V.

Послѣ описаннаго выше вечера, у насъ съ Драгомановымъ установились довольно миролюбивыя отношенія. Мы стали чаще встрѣчаться, заходя запросто другъ къ другу. Никто изъ насъ не напоминалъ Драгоманову о крупной нашей размолвкѣ въ библіотекѣ: его приходъ къ намъ ясно показывалъ, что, узнавъ имя убійцы ген. Мезенцова,онъ молчаливо сознаъ свою ошибку. Для насъ этого было довольно.

Вскорѣ затѣмъ,—кажется, въ концѣ октября или въ началѣ ноября, — Кравчинскій пріѣхалъ въ Женеву, вынужденный эмигрировать вслѣдствіе усиленныхъ розысковъ его полиціею. Какъ я уже упомянулъ выше, у него съ Драгомановымъ установились наилучшія отношенія еще во время предыдущаго его пребыванія въ Женевѣ. Эти отношенія никогда не измѣнялись, не смотря ни на существовавшія между ними разногласія, ни на разныя происходившія въ эмиграціонной жизни происшествія, служившія поводами къ столкновеніямъ и расхожденіямъ многихъ съ Драгомановымъ.

Въ томъ же 1878-мъ году пріѣхали въ Женеву еще нѣ-

сколько молодыхъ русскихъ и польскихъ соціалистовъ. Въ эмиграціи замѣтно стало нѣкоторое оживленіе. Почувствовалась потребность обмѣниваться взглядами, ближе узнать другъ друга.

Драгомановъ, занимавшій съ семьей—женой и двумя дѣтьми,—болѣе обширную квартиру, чѣмъ кто-либо изъ остальныхъ эмигрантовъ, предложилъ собираться у него еженедѣльно, въ опредѣленный день. На это почти всѣ охотно согласились.

Однако, не смотря на радушіе хозяевъ, эти журфиксы какъ-то не клеились. Хотя Драгомановъ и старался занимать своихъ гостей разсказами,—на что онъ былъ большой мастеръ,—публика все же разбивалась по комнатамъ, и общаго разговора не выходило. Къ тому же, вскорѣ сосѣди-швейцарцы стали жаловаться, что посѣтители Драгоманова производятъ шумъ, расхаживаютъ по комнатамъ и тѣмъ мѣшаютъ имъ спать. Тогда рѣшено было перенести собранія въ нейтральное мѣсто—въ какое-нибудь кафе, гдѣ, за «консомацію», посѣтителямъ на цѣлый вечеръ предоставляли отдѣльную отъ посторонней публики залу. Такъ и было сдѣлано: эти регулярныя собранія пошли очень успѣшно и продолжались въ теченіе многихъ лѣтъ.

Помню хорошо первое наше русское собраніе. Чтобы «развязать языки» у собравшихся и дать толчокъ къ обмѣну взглядами, рѣшено было начать съ какого-нибудь общаго вопроса, по которому кто-нибудь долженъ былъ представить небольшой докладъ. Сдѣлать докладъ вызвался Драгомановъ. Темой его онъ выбралъ ближайшія задачи въ Россіи. Въ общемъ онъ развивалъ тѣ свои взгляды, которыхъ я отчасти уже коснулся выше. Во время этого перваго своего выступленія Драгомановъ видимо конфузился, — не находилъ словъ, останавливался, повторялъ одно и тоже. Это тѣмъ болѣе было странно, что Драгомановъ, вообще любившій и умѣвшій говорить, выступалъ почти передъ тою же публикой, которая незадолго предъ тѣмъ собиралась у него на дому. Болѣе оффиціальная обстановка подѣйствовала даже на опытнаго лектора. Нечего и говорить о другихъ выступавшихъ на первыхъ собраніяхъ «ораторахъ»: за исключеніемъ Кропоткина, остальные — въ томъ числѣ и я,—совсѣмъ не находили въ нужный моментъ необходимыхъ словъ и, пробормотавъ нѣсколько фразъ, неожиданно умолкали. Такъ въ тѣ времена россійскія условія вліяли на умѣнье излагать публично свои мысли!

Изъ этихъ собраній, кромѣ перваго, въ моей памяти особенно запечатлѣлся рядъ засѣданій, посвященныхъ дебатамъ по поводу нашей попытки вызвать возстаніе среди крестьянъ чигиринскаго уѣзда путемъ подложныхъ царскихъ грамотъ. Докладчи-

ками поочередно, на двухъ или даже трехъ собраніяхъ, явились Стефановичъ и я. Мы подробно изложили всѣ обстоятельства, заставившія насъ прибѣгнуть къ этому пріему. Единственнымъ нашимъ оппонентомъ выступилъ Драгомановъ. Онъ доказывалъ, что «чистое дѣло требуетъ и чистыхъ средствъ» и что мы въ этомъ случаѣ являлись «обще-русскими чиновниками на-изнанку».

Вполнѣ соглашаясь съ указаннымъ принципомъ о необходимости чистыхъ средствъ — принципомъ, который онъ всегда и всюду проповѣдывалъ,—мы все же старались доказать, путемъ многочисленныхъ иллюстрацій изъ условій жизни чигиринскихъ крестьянъ, что при сложившихся обстоятельствахъ мы вынуждены были такъ дѣйствовать.

Изъ остальныхъ участниковъ въ этихъ дебатахъ насъ поддерживали Кравчинскій, доказывавшій, что нами руководили не личныя, тѣмъ менѣе—своекорыстныя цѣли, и особенно Кропоткинъ, сославшійся на то, что и во Франціи, до великой революціи, были случаи ложнаго пользованія именемъ монарха.

Во время этихъ дебатовъ произошелъ небольшой трагикомическій инцидентъ. Отвѣчая нашимъ оппонентамъ, мой товарищъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ ожидалъ услышать товарищескую критику, а вмѣсто этого встрѣтилъ «профессорское отношеніе». Принявъ эти слова на свой счетъ, Драгомановъ, поднявшись съ мѣста, направился къ выходу. Нѣсколько человѣкъ бросилось вслѣдъ за нимъ, уговаривая его остаться. Вѣроятно изъ желанія успокоить Драгоманова и показать Стефановичу несостоятельность произнесенныхъ имъ словъ, Жуковскій, вскочивъ, сталъ кричать: «я самъ тоже профессоръ!» Предполагая, что это восклицаніе удивитъ присутствующихъ, такъ какъ имъ это званіе его до тѣхъ поръ не было извѣстно, онъ прибавилъ: «здѣсь и во Франціи каждый учитель называется профессоромъ, а такъ какъ я преподаю ариѳметику своему Степѣ, то и я профессоръ». Публика съ трудомъ удержалась отъ смѣха, и это комическое вмѣшательство вездѣсущаго Николая Ивановича способствовало успокоенію обидившагося Драгоманова.

Въ общемъ публика вынесла благопріятное впечатлѣніе изъ этихъ засѣданій, и даже Драгомановъ, въ концѣ ихъ, шутя сказалъ по нашему адресу: «виновны, но заслуживаютъ снисхожденія!».

Эти собранія, происходившія регулярно, несомнѣнно были полезны для многихъ изъ наѣхавшей въ Женеву молодежи, выясняя очередные государственные и общественные вопросы. Въ этомъ отношеніи съ ними не могли итти ни въ какое срав-

неніе описанныя мною въ другомъ мѣстѣ собранія швейцарской анархической секціи, руководимой Кропоткинымъ.

Роль Драгоманова въ нашихъ русскихъ собраніяхъ безспорно была положительная и, вспоминая объ этомъ теперь, я не могу не выразить своей ему признательности. Но лично для него и для ближайшихъ его друзей—украинцевъ, эти собранія нерѣдко служили поводами къ горячимъ спорамъ и столкновеніямъ.

VI.

П. Б. Аксельродъ очень бѣдствовалъ въ то время въ матеріальномъ отношеніи: онъ съ семьей занималъ на самой отдаленной окраинѣ Женевы болѣе чѣмъ скромную квартирку, плохо питался и одѣвался. Однажды зимой онъ пригласилъ насъ троихъ «хлопцевъ», В. И. Засуличъ и Драгоманова на «обѣдъ». Какой именно у него былъ поводъ къ этому «торжеству»—теперь въ точности не помню. Кажется онъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ хлопотъ, получилъ, наконецъ, причитавшійся ему за статью гонораръ, который редакторъ одного погибшаго либеральнаго журнала растратилъ. Устраивая этотъ «торжественный обѣдъ», нашъ другъ, по всей вѣроятности, преслѣдовалъ при этомъ «общественную цѣль».

П. Б. Аксельродъ, по присущей ему склонности видѣть въ людяхъ одни лишь хорошія стороны, въ сильной степени огорчался тѣмъ, что мы, его «хлопцы», не относились къ высоко имъ цѣнимому Драгоманову, какъ къ своему человѣку. Для насъ Аксельродъ являлся тѣмъ объектомъ, на которомъ мы вымѣщали наши неудовольствія Драгомановымъ. Чуть не съ первыхъ дней нашего пріѣзда въ Женеву у насъ съ нимъ шли безпрерывные и по временамъ довольно горячіе споры относительно «умѣренныхъ», а то и «реакціонныхъ», съ нашей точки зрѣнія, взглядовъ симпатичнаго ему человѣка. Лишь только мы съ нимъ встрѣчались, что происходило ежедневно, какъ тотчасъ же набрасывались на него по поводу тѣхъ или иныхъ вычитанныхъ нами «возмутительныхъ» взглядовъ въ русскихъ и особенно въ малорусскихъ писаніяхъ Драгоманова. Въ виду бо́льшей терпимости Аксельрода къ чужимъ убѣжденіямъ, бо́льшей широты его взглядовъ, чѣмъ то было у насъ, онъ находилъ не столь «ужасными» указываемыя нами ему мѣста. Иногда онъ даже

считалъ вполнѣ правильнымъ то, что насъ возмущало. Наше нерасположеніе къ Драгоманову, Аксельродъ считалъ отчасти плодомъ недоразумѣнія, недостаточнаго личнаго нашего съ нимъ знакомства. Отсюда, по его мнѣнію, проистекало и невѣрное толкованіе нами его произведеній и взглядовъ. Поэтому нашъ другъ всячески стремился сблизить насъ съ Драгомановымъ. По всей вѣроятности, упомянутый званный обѣдъ онъ затѣялъ съ этой же цѣлью. Считая Драгоманова интереснымъ собесѣдникомъ, легко привлекающимъ на свою сторону даже и недовѣрчиво относившихся къ нему людей, Аксельродъ, быть можетъ, разсчитывалъ, что онъ и насъ обворожитъ. Дѣйствительно, въ небольшомъ, тѣсномъ кружкѣ Драгомановъ былъ очень привлекателенъ, неисчерпаемъ въ разсказахъ и остроуменъ. Во время «торжественнаго обѣда» онъ былъ особенно въ ударѣ. Кромѣ анекдотовъ, шутокъ и разныхъ случаевъ, Драгомановъ многое сообщилъ намъ изъ своего прошлаго,—изъ дѣтства, изъ времени его пребыванія въ гимназіи и университетѣ. Многое изъ этого вошло въ біографическій очеркъ, составленный г. Б. К. [1]). Разскажу только объ интересномъ эпизодѣ полемики Драгоманова, когда онъ былъ еще студентомъ, съ Добролюбовымъ, а также о характерныхъ его сношеніяхъ съ генералъ-губернаторомъ, насколько, конечно, то и другое удержалось въ моей памяти.

Когда Пироговъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, назначенъ былъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, онъ засталъ неограниченное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній къ учащимся въ низшихъ и среднихъ школахъ. Знаменитый ученый и педагогъ былъ противъ этого жестокаго средства исправленія, но, не желая производить давленія на учителей, онъ предоставилъ рѣшеніе вопроса о примѣненіи въ исключительныхъ случаяхъ тѣлеснаго наказанія педагогическимъ совѣтамъ. Такая уступка со стороны Пирогова вызвала рѣзкіе на него нападки Добролюбова въ «Современникѣ». На защиту любимаго попечителя выступилъ юный студентъ кіевскаго университета, М. П. Драгомановъ, доказывавшій, что попечитель, будучи лично противникомъ тѣлесныхъ наказаній, не желаетъ лишь нарушать принципъ автономіи педагогическихъ совѣтовъ. Добролюбовъ подписывалъ свои статьи иниціалами «Д-въ». Предполагая, что ни для кого не тайна, кто подъ ними скрывается, Драгомановъ назвалъ въ печати полностью фамилію автора статей «Современника». За это Добролюбовъ

---

[1]) См. предисловіе къ изданію сочиненій М. П. Драгоманова (Москва).

рѣзко обрушился на неопытнаго поклонника Пирогова, заявивъ, что «этотъ юноша далеко пойдетъ». Незначительный, въ сущности, случай этотъ впослѣдствіи причинилъ немало огорченій Драгоманову: при полемикѣ съ нимъ, нѣкоторые его противники напоминали объ этомъ его промахѣ и о злой характеристикѣ, данной ему выдающимся нашимъ критикомъ и публицистомъ. За время моего пребыванія за границей по этому поводу прохаживались въ печати П. Н. Ткачевъ и В. Черкезовъ.

Разсказывая намъ объ этой своей полемикѣ съ Добролюбовымъ, безъ малаго двадцать лѣтъ спустя, Драгомановъ все же не считалъ своего выступленія неудачнымъ. Онъ находилъ, что Пироговъ былъ послѣдователенъ, а нашъ знаменитый критикъ былъ неправъ и придрался къ разоблаченію его подписи лишь какъ къ предлогу, что-бы еще болѣе унизить своего литературнаго противника.

Сношенія Драгоманова съ генералъ-губернаторомъ интересны въ другомъ отношеніи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ, по тому времени, довольно либеральнымъ администраторомъ юго-западнаго края. Мысль основать отдѣленіе императорскаго географическаго общества въ Кіевѣ онъ не только встрѣтилъ сочувственно, но и самъ принялъ живое участіе въ этомъ новомъ учрежденіи, такъ какъ считалъ его очень полезнымъ для края. Какъ любитель и знатокъ прошлаго дорогой ему Украйны, Драгомановъ, ставъ однимъ изъ наиболѣе активныхъ членовъ кіевскаго отдѣла географическаго общества, отдался ему душой и тѣломъ и очень многое внесъ въ его труды. На этой почвѣ ему приходилось нерѣдко встрѣчаться съ генералъ-губернаторомъ. За короткое время юго-западный отдѣлъ географ. общества пріобрѣлъ огромную популярность не только среди мѣстнаго населенія, но и далеко за предѣлами южныхъ губерній. И тогда на это невиннѣйшее и наиполезнѣйшее учено-культурное общество посыпались доносы, какъ на разсадникъ «украинства», «сепаратизма» и т. п. Заступничество всесильнаго въ другихъ отношеніяхъ генералъ-губернатора не помогло, и по приказу свыше кіевскій отдѣлъ общества былъ закрытъ. Дондуковъ-Корсаковъ съ грустью сообщилъ объ этомъ безкорыстнымъ ученымъ-труженикамъ и, если память мнѣ не измѣняетъ, имѣлъ объ «интимныхъ» сторонахъ такого финала откровенную бесѣду съ Драгомановымъ. Когда же, рѣшительно безъ всякаго основанія, лишь вслѣдствіе доноса объ украинофильствѣ Драгоманова, онъ былъ уволенъ отъ доцентуры, тотъ же, кажется, генералъ-губернаторъ сказалъ ему: «берите загра-

ничный паспортъ и уѣзжайте себѣ съ Богомъ, пока еще не поздно, пока не угодили въ прохладныя мѣста!»

Не объ одной только «старинѣ глубокой» разсказывалъ намъ тогда словоохотливый Драгомановъ. Рѣчь его касалась и современныхъ вопросовъ и условій, характеристики нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей и многаго другого.

Хотя, въ сущности, въ описываемое мною время Драгомановъ,—какъ и самъ онъ это неоднократно заявлялъ въ печати,—признавалъ необходимость дѣятельности русскаго общества, но онъ очень мало вѣрилъ въ него и мало придавалъ значенія даже самымъ передовымъ его представителямъ. Я почти не встрѣчалъ другого человѣка, который подвергалъ бы,—особенно въ частныхъ бесѣдахъ,—такой ѣдкой критикѣ нашихъ тогдашнихъ либераловъ. Устно, а также и въ своихъ многочисленныхъ политическихъ брошюрахъ, онъ зло прохаживался на счетъ ихъ умѣренности, робости и непослѣдовательности. Но, рядомъ съ пессимистическимъ на ихъ счетъ взглядомъ, у Драгоманова въ то же самое время можно было встрѣтить и какъ разъ противоположный. Приведу нѣкоторые примѣры.

«Пусть каждый, — обращался онъ къ либераламъ, — въ своей сферѣ, въ земскихъ, сословныхъ, городскихъ, мѣстныхъ собраніяхъ и управахъ, въ печати, въ ученыхъ и частныхъ обществахъ поставитъ ясно вопросъ о необходимости реформъ («неприкосновености личности безъ суда, отмѣны административныхъ наказаній, свободы печати, собраній и т. п.), настаиваетъ на постановленіи о необходимости просить ихъ, требовать, и, наконецъ, *откажетъ въ повиновеніи, и прямо сопротивляется дѣйствіямъ и учрежденіямъ имъ противнымъ, гонитъ вонъ изъ своего дома* и т. д.».

Еще болѣе рѣшительные совѣты давалъ Драгомановъ тѣмъ же апатичнымъ представителямъ общества, годъ спустя, призывая ихъ къ «открытымъ сопротивленіямъ» и даже къ «открытымъ нападеніямъ» на деспотизмъ, цитируя при этомъ слова Рылѣева:

«Но гдѣ жъ, скажи, когда была
«Безъ жертвъ искуплена свобода!

Едва ли можно признать такіе призывы послѣдовательными со стороны Драгоманова.

Не менѣе, если не болѣе еще, непостояненъ былъ онъ въ своихъ отзывахъ о дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи революціонерахъ: онъ то ставилъ имъ въ заслугу ихъ самоотверженность,

мужество, преданность дѣлу, то очень рѣзко на нихъ нападалъ за малѣйшій ихъ промахъ, а нерѣдко и безъ всякаго къ тому основанія. Такъ, въ семидесятыхъ годахъ многіе подсудимые, во время политическихъ процессовъ, заявляли себя членами «русской соціально-революціонной партіи», хотя ея въ подлинномъ смыслѣ слова еще и не существовало тогда. Всѣмъ было ясно, что этимъ терминомъ члены разрозненныхъ кружковъ желали лишь указать на связывавшую всѣхъ соціалистовъ общую цѣль, а также и на средство, которое, по ихъ мнѣнію, вело къ ея осуществленію. За рѣдкими исключеніями, даже прокуроры не находили ничего претенціознаго въ такомъ наименованіи. Не такъ относился къ этому Драгомановъ. При каждомъ поводѣ онъ то саркастически, то добродушно вышучивалъ эту «русскую соціально-революціонную партію». Въ мирномъ тонѣ онъ на этотъ счетъ, помню, прохаживался и на «званномъ обѣдѣ» у Аксельрода.

— Что бы вы сказали, — говорилъ онъ намъ, — если бы, положимъ, увидѣли надпись на вывѣскѣ: «мебельно-топорный магазинъ»? Вы, конечно, нашли бы это по меньшей мѣрѣ страннымъ. А между тѣмъ, въ этомъ случаѣ, хозяинъ магазина поступилъ бы лишь аналогично вамъ, называющимъ свою партію «соціально-революціонной». Какъ мебель не производится однимъ лишь топоромъ, а для нея требуется еще много другихъ инструментовъ, точно также и соціалистическій строй не можетъ быть достигнутъ одной лишь революціей: для этого необходимы всякіе еще другіе пути и средства, необходима разнообразная культурная работа.

Не буду здѣсь приводить нашихъ возраженій ему. Укажу только на то, что и обозначеніе этой партіи эпитетомъ «русская» Драгомановъ также считалъ совершенно неправильнымъ. — На какомъ основаніи,—разъ вы уже присвоили себѣ неподобающее названіе,—вы насъ, украинцевъ, исключаете изъ нея? Вѣдь мы не русскіе, а малороссійскіе соціалисты!

Зашла у насъ рѣчь о «легальной работѣ», Драгоманова—о статьяхъ его, печатавшихся въ «Вѣст. Евр.», сотрудникомъ котораго онъ состоялъ съ 1872 г. Теперь, въ виду печатающейся переписки редактора-издателя этого журнала, полагаю, небезъинтереснымъ будетъ сообщить мнѣніе Драгоманова о покойномъ основателѣ «Вѣст. Евр.». Какъ я уже упомянулъ, Драгомановъ былъ чрезвычайно скупъ на похвалы. Но о М. М. Стасюлевичѣ онъ всегда отзывался самымъ лестнымъ образомъ, считая его «въ высшей степени корректнымъ», «джентльменомъ», что, въ

виду взгляда Драгоманова на большинство русскихъ, какъ на людей «некультурныхъ» и «безалаберныхъ», являлось большимъ комплиментомъ въ его устахъ.

VII.

Драгомановъ,—какъ это нерѣдко можно наблюдать у писателей съ живымъ, «боевымъ» темпераментомъ, былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ въ частной, интимной бесѣдѣ, чѣмъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ бесѣдахъ всѣ находили его мягкимъ, терпимымъ: съ нимъ можно было толковать о самыхъ жгучихъ, острыхъ вопросахъ, не только не вынося тяжелаго осадка, но, наоборотъ, находя его пріятнымъ собесѣдникомъ. Не то испытывали нѣкоторые изъ насъ при чтеніи его писаній: въ нихъ онъ нерѣдко бывалъ придирчивъ, несправедливъ, подчасъ взводилъ на несогласно съ нимъ мыслившимъ разныя обвиненія, задѣвалъ правыхъ и виноватыхъ.

Мы, вновь пріѣхавшіе, находили необходимымъ познакомить русскихъ читателей съ нападками Драгоманова на насъ, революціонеровъ, заключавшихся въ его малорусскихъ произведеніяхъ. Послѣднихъ, какъ я уже упомянулъ, не читалъ никто даже изъ членовъ редакціи «Община».

Въ качествѣ малоросса, за эту задачу взялся Стефановичъ и вскорѣ доставилъ редакціи довольно обстоятельную статью. Она появилась въ № 8—9 «Общины», подъ названіемъ «Украинскій сборникъ «Громада». Тамъ же редакція предоставила и Драгомонову возможность отвѣтить его рецензенту. Такъ какъ «Община» и собраніе сочиненій Драгоманова мало извѣстны нашей публикѣ, а также въ виду дальнѣйшаго моего разсказа, считаю необходимымъ остановиться на этой полемикѣ.

Выше я уже упомянулъ про то, что, на ряду съ восхваленіемъ русскихъ революціонеровъ за ихъ стойкость, смѣлость и т. п., у Драгоманова нерѣдко срывались упреки по ихъ адресу за отсутствіе у нихъ этихъ именно чертъ.

«Мы—говоритъ онъ въ «Громадѣ»,—умѣемъ носить красное знамя только въ карманахъ, а если между нами попадаются смѣльчаки, выносящіе это знамя на площадь, то при одномъ появленіи полиціи, они обращаются въ бѣгство, бросая на площади тѣхъ, кто не можетъ сказать ничего, кромѣ «знать не знаю».

Лица, знакомыя съ нашимъ прошлымъ, конечно, догадались, что *такъ объективно* Драгомановъ изображалъ своимъ украин-

скимъ читателямъ первую политическую демонстрацію, происшедшую 6 декабря 1876 г. на Казанской площади. Полагаю, мнѣ не зачѣмъ здѣсь доказывать, что изложеніе Драгоманова далеко не точно. По поводу этой же демонстраціи Драгомановъ обвинялъ русскихъ соціалистовъ «въ примиреніи съ религіей, церковью», такъ какъ они заказали въ соборѣ панихиду, къ тому же «по живому человѣку» (Н. Г. Чернышевскомъ).

Возражая Стефановичу по поводу его упрековъ, зачѣмъ Драгомановъ въ ложномъ свѣтѣ изображаетъ русскихъ революціонеровъ, редакторъ «Громады» сослался на другія мѣста своего журнала, гдѣ, наоборотъ, онъ о нихъ лестно отзывался, говоря, что «это самая смѣлая и наиболѣе организованная изъ всѣхъ политическихъ партій въ Россіи, хотя всетаки въ ней есть недостатки по части смѣлости и организаціи».

Мы видимъ, что Драгомановъ не всегда одинаково отзывался объ свойствахъ русскихъ революціонеровъ той эпохи. Но, какъ бы то ни было, намъ незадолго лишь предъ тѣмъ прибывшимъ, такъ сказать, съ поля сраженія и знавшимъ, какимъ жестокимъ преслѣдованіямъ продолжали подвергаться оставшіеся на родинѣ наши единомышленники,—не могло не казаться крайне обиднымъ и вмѣстѣ несправедливымъ, что Драгомановъ, пребывавшій за границей, даже въ своемъ опроверженіи все же упрекалъ русскихъ революціонеровъ «въ недостаткѣ по части смѣлости!» Мнѣ и теперь, по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій, это кажется несправедливымъ.

Но, рядомъ съ этимъ, въ другихъ пунктахъ своего возраженія моему товарищу,—а, слѣдовательно, и мнѣ, такъ какъ я былъ съ нимъ тогда солидаренъ,—правъ былъ Драгомановъ.

Въ своемъ отвѣтѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ политическихъ своихъ статьяхъ, Драгомановъ вполнѣ основательно доказывалъ, что русскіе революціонеры того времени, сами того не сознавая и даже возставая противъ этого, чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще выступали на борьбу за политическія свободы, за конституцію. Драгомановъ даже указывалъ на «опасность, какъ-бы соціальная сторона дѣятельности не отошла слишкомъ на задній планъ у русской соціально-революціонной партіи, какъ бы и самая политическая борьба ея не разбросалась на части: на истребленіе отдѣльныхъ шпіоновъ и чиновниковъ тайными уголовными судами». Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Драгомановъ проявилъ большую политическую прозорливость, а также послѣдовательность соціалиста.

Не менѣе правымъ оказался онъ, доказывая въ своемъ

отвѣтѣ Стефановичу, что «соціалистическое движеніе нашего времени есть результатъ всего соціально-экономическаго и нравственнаго прогресса, и что только это положеніе даетъ нынѣшнему соціалистическому движенію силу политическаго ученія, а не вѣрованія секты или мечты утопистовъ стараго времени».

Въ описываемое время—въ 1873-79 г.г.—у Драгоманова, не смотря на явное нерасположеніе его къ нѣмецкому соціалистическому движенію, въ виду централистическаго его характера, больше было точекъ соприкосновенія съ нимъ, чѣмъ съ анархистами, къ которымъ онъ самъ себя причислялъ. Но для насъ, ярыхъ тогда противниковъ «нѣмцевъ», высказываемыя Драгомановымъ воззрѣнія казались полнымъ противорѣчіемъ соціализму. А его утвержденія, что мы, въ сущности, ведемъ политическую борьбу, приводили насъ чуть не въ бѣшенство. Дальнѣйшій ходъ нашего революціоннаго движенія показалъ, что правъ былъ онъ, а не мы.

Изъ всѣхъ актовъ этой борьбы, которую мы, бакунисты-народники, называли тогда «дезорганизаторской», Драгомановъ вполнѣ одобрительно относился къ оказываемымъ при арестахъ вооруженнымъ сопротивленіямъ, такъ какъ въ нихъ, по его словамъ, наглядно проявлялась защита принципа неприкосновенности лица и жилища. Меньшимъ сочувствіемъ пользовались съ его стороны прямыя нападенія на должностныхъ лицъ, но съ теченіемъ времени онъ и къ нимъ перестал относиться столь рѣзко-враждебно, какъ отнесся къ убійству ген. Мезенцова.

VIII.

Печатное выступленіе Стефановича противъ малорусскихъ произведеній Драгоманова не привело къ обостренію нашихъ личныхъ съ нимъ отношеній. Помню, наоборотъ, что вскорѣ послѣ этого обмѣна мнѣніями, у меня одинъ-на-одинъ, вышла довольно откровенная бесѣда съ Драгомановымъ на тему о его политической дѣятельности.

Встрѣтившись съ нимъ однажды, въ началѣ весны 1879 г., на одной изъ улицъ квартала Оивъ въ Женевѣ, мы разговорились о русскихъ дѣлахъ. Я съ другими товарищами собирался вскорѣ «нелегально» вернуться въ Россію, о чемъ зналъ Драгомановъ. Это-ли обстоятельство, или что-либо другое было тому причиной, только мы заговорили совсѣмъ необычнымъ—хоро-

шимъ, теплымъ и самымъ откровеннымъ тономъ. Между прочимъ, я чистосердечно признался ему, почему мы, вновь пріѣхавшая молодежь, недовольны имъ.

— Какъ отъ болѣе насъ знающаго и болѣе стараго соціалиста,—сказалъ я,—мы въ правѣ отъ васъ требовать, чтобы вы указывали намъ, что̀ именно слѣдуетъ намъ дѣлать для успѣшнаго хода соціалистическаго движенія въ Россіи. Вмѣсто этого, мы въ печатныхъ вашихъ русскихъ произведеніяхъ находимъ лишь проповѣдь необходимости завоеванія обществомъ политической свободы, которая насъ интересуетъ, какъ прошлогодній снѣгъ. Намъ же, молодежи, вы, въ сущности, говорите: «сидите за книжками, не суйтесь,—это не ваше дѣло», и всякій нашъ шагъ, всѣ наши попытки быть полезными родинѣ, стоющія многимъ большихъ мученій и страданій, вы критикуете самымъ злымъ и враждебнымъ образомъ.

Многое еще въ этомъ же духѣ говорилъ я тогда, горячо, съ увлеченіемъ, Драгомановъ взялъ меня подъ руку и также откровенно сталъ объяснять свои взгляды. Въ это время съ нами поравнялся Аксельродъ, но, замѣтивъ, что мы съ Драгомановымъ заняты серьезнымъ разговоромъ, прошелъ мимо, раскланявшись. Въ тотъ же день онъ съ веселой и довольной улыбкой передавалъ своимъ близкимъ, какъ о необычайномъ событіи, что встрѣтилъ меня, гуляющимъ подъ руку съ «непримиримымъ нашимъ врагомъ»—Драгомановымъ.

Въ аргументаціи Драгоманова не было для меня ничего новаго. Главный смыслъ его доводовъ былъ тотъ, что онъ не предназначаетъ себя въ политическіе дѣятели, избирающіе своей ареной одну лишь Россію; такъ какъ земляки его раздѣлены между тремя государствами, политическія условія которыхъ различны, то и характеръ его писаній сообразуется съ этими условіями. Въ Россіи еще нѣтъ политической свободы, безъ которой немыслима дѣйствительная пропаганда соціализма, а въ Австро-Венгріи, хотя и плохенькая, все же имѣется конституція; поэтому для галицкихъ своихъ читателей онъ пишетъ о соціализмѣ, а для Россіи—о необходимости сперва завоевать политическую свободу.

Для меня во время этой бесѣды, въ сущности, не важно было, что именно доказывалъ Драгомановъ; французы правильно говорятъ: c'est le ton qui fait la musique, а тонъ былъ тогда у Драгоманова самый задушевный.

IX.

Очутившись лѣтомъ 1880 г. въ Россіи, нѣкоторые изъ насъ въ практической дѣятельности, а также и въ бесѣдахъ и спорахъ съ мѣстными товарищами, не разъ убѣждались, насколько правъ былъ временами Драгомановъ въ своихъ, хотя подчасъ и довольно рѣзкихъ, нападкахъ на тѣ или иные наши пріемы. Вотъ примѣръ.

Въ февралѣ 1878 г. въ Кіевѣ, послѣ покушенія на товарища прокурора Котляревскаго, мѣстной группой революціонеровъ выпущена была прокламація, объяснявшая мотивъ этого акта, а внизу ея приложена была печать «Исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи». Съ тѣхъ поръ всякій «дезорганизаторскій актъ», производимый южными бунтарями-народниками, сопровождался выпускомъ прокламаціи, скрѣпленной печатью несуществовавшаго «комитета». Никто изъ насъ, тогдашнихъ послѣдователей Бакунина, въ этомъ нечаевскомъ пріемѣ не видѣлъ ничего особеннаго, а тѣмъ болѣе—предосудительнаго; почему не прибѣгать къ санкціи фиктивнаго «тайнаго комитета», разъ это производитъ своего рода дѣйствіе на всякихъ должностныхъ лицъ?

Только впервые отъ Драгоманова намъ пришлось услышать энергичные и основательные нападки по этому поводу.

— На какомъ основаніи группа лицъ присвоиваетъ себѣ неподобающую ей роль исполнителей воли всей русской соціально-революціонной партіи?—спрашивалъ онъ съ негодованіемъ.—Я также принадлежу къ этой партіи, но меня никто не спрашивалъ, и я никого не выбиралъ въ «Исполнительный комитетъ!» Ну, чѣмъ этотъ самозванный «тайный комитетъ» лучше такого же, подъ названіемъ «Народная расправа», выдуманнаго Нечаевымъ? Вѣдь это такое же примѣненіе принципа: «цѣль оправдываетъ средства», какое практиковалъ этотъ, въ концѣ концовъ, дошедшій до Геркулесовыхъ столбовъ мистификаторъ! Нѣтъ, чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ,—заканчивалъ обыкновенно Драгомановъ своимъ излюбленнымъ правиломъ [1]).

Хотя мы, вновь пріѣхавшіе за границу, старались доказать Драгоманову, что онъ сильно преувеличиваетъ, что онъ не

[1]) Считаю нужнымъ обратить на эти вполнѣ справедливыя слова вниманіе г. Богучарскаго, утверждающаго, будто „Нечаевское дѣло было исключительнымъ эпизодомъ“.

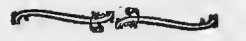
считается съ русскими условіями, и т. д., но въ душѣ мы не могли не признать, что онъ безусловно правъ.

И вотъ, по возвращеніи въ Россію, мы стали доказывать нашимъ тамошнимъ товарищамъ, что слѣдуетъ уничтожить названіе несуществовавшаго «комитета». На это не соглашалась та часть членовъ общества «Земля и Воля», которая вскорѣ затѣмъ приняла наименованіе партіи «Народная Воля». Но все же въ результатѣ длинныхъ переговоровъ они согласились отбросить слова «русской соціально-революціонной партіи». Такимъ образомъ, благодаря отчасти вліянію Драгоманова, исчезло неимѣвшее никакого основанія наименованіе несуществовавшаго «тайнаго комитета». Вмѣсто него появился просто «Исполнительный комитетъ». Какъ основательно доказывалъ Драгомановъ, большого смысла не было и въ новомъ названіи, такъ какъ у всякаго естественно возникалъ вопросъ: «чью же волю исполняетъ онъ?»

Другимъ крупнымъ вопросомъ, въ которомъ также сказалось вліяніе Драгоманова, стало наше отношеніе къ принципу федерализма. Органъ нашъ—«Черный Передѣлъ»—назывался органомъ «соціалистовъ-федералистовъ». Могу констатировать здѣсь, что, при содѣйствіи Аксельрода, присоединившагося, послѣ раздѣленія общества «Земля и Воля», къ намъ, «чернопередѣльцамъ», нѣкоторые взгляды, пропагандировавшіеся Драгомановымъ, признавались и нашимъ направленіемъ. Нѣкоторыя изъ насъ отказались отъ кое-какихъ пріемовъ и замашекъ, имѣвшихъ «якобинскій» или «нечаевскій» характеръ.

Менѣе существенно было вліяніе этого выдающагося дѣятеля на такъ называемыхъ «народовольцевъ». Но и они кое-что позаимствовали у него: въ одной изъ рукописныхъ ихъ программъ, составленной Л. Тихомировымъ, они тоже объявляли: «по основнымъ нашимъ воззрѣніямъ мы—народники-федералисты». Желябовъ въ 1880 г. вступилъ даже въ непосредственныя сношенія съ Драгомановымъ, чтобы привлечь его на сторону своей партіи, на что послѣдній, по разнымъ соображеніямъ, не согласился. Тѣмъ не менѣе, въ описываемое время, т. е. въ началѣ 1880 г., Драгомановъ довольно миролюбиво и пріязненно относился къ дѣйствовавшимъ тогда въ Россіи народовольцамъ. Вражда, приведшая къ полному его разрыву почти со всѣми русскими и польскими соціалистами, возникла лишь лѣтомъ 1880 г. О ней и о причинахъ, ее вызвавшихъ, разскажу особо.

Левъ Дейчъ.

АВІАТОРЪ.

Повѣсть нашихъ дней.

Леонарда Адельта.

I.

Книга одиночества.

Ach, zu des Geistes Flügeln wird so leicht
Kein körperliches Flügel sich gesellen.
Goethe «Faust». *)

Первое впечатлѣніе моего дѣтства, оставшееся у меня въ памяти—это несущееся по небу солнце. Я сижу въ колясочкѣ, которая катится, не спѣша, и небо какъ будто движется въ томъ же направленіи. Подростая, я слѣдилъ взглядомъ полетъ птицъ и бѣгъ по небу облаковъ и ощущалъ вокругъ себя дыханіе Божества, наполняющее весь міръ.

Въ ночь, полную ужаса и красоты моей испуганной душѣ впервые внятенъ сталъ иной языкъ—языкъ познанія.

Днемъ я лежалъ въ степи. Вокругъ меня паслись наши овцы. Пригрѣтая солнцемъ степь сладко благоухала; надъ ней повисла алая дымка, пронизанная солнечными лучами. Въ знойномъ воздухѣ стояло жужжанье тысячъ насѣкомыхъ. Сосновые лѣса, обрамлявшіе степь съ юга, отбрасывали отъ себя короткія зубчатыя тѣни; далеко на сѣверъ тянулись поля, рѣзко освѣщенныя, съ красными и синими бликами. На горизонтѣ, надъ колосьями, виднѣлась мшистая, соломенная кровля моего родного дома. Гдѣ-то вдали угадывалось море. Дымъ изъ трубы надъ кровлей шелъ столбомъ кверху, а дальше спиралью.

*) Ахъ, къ крыльямъ духа не такъ-то легко присоединить тѣлесныя крылья.

Но вотъ, оглушенная зноемъ степь проснулась и зашелестѣла. По небу, словно изъ солнца, поползли перистыя облачка, ежеминутно мѣнявшія формы. Это были то сплетшіяся руки, то распростертыя птичьи крылья, то одинокіе островки, мгновенно расплывавшіеся. Козы жадно щипали траву; овцы встревожились и сбились въ кучу; сквозь кроткое позвякиванье ихъ колокольчиковъ прорывалось порою глухое блеянье. Наша овчарка, Тирасъ, безшумно обходила ряды ихъ, покачиваясь на ходу. Я заперъ овецъ въ хлѣвъ и сталъ ждать ночи.

Солнце соскользнуло внизъ, стало большое, плотное и спустилось въ болото, сплошь курившееся красноватымъ туманомъ. Багряная тѣнь его стояла точно памятникъ на мутно-желтомъ фонѣ вечерняго неба; а сѣрая тѣнь земли все выростала, заслоняя красную полоску на востокѣ. Сверкнула Венера и погасла, и весь міръ потонулъ въ зловѣщемъ блескѣ зарницы. Степь словно кровью залило, но тотчасъ же невидимая рука спустила на нее черную завѣсу. Порывъ вѣтра закружилъ въ дикой пляскѣ сорванные съ деревьевъ листы.

Зашлепали по землѣ первыя круглыя, какъ глобусы, капли дождя. Вспыхивали молніи, и на мигъ озарялись фіолетовымъ свѣтомъ горы тучъ и темные, нѣмые лѣса. Дождь хлынулъ потоками; снова сверкнула молнія, и тотчасъ вслѣдъ за нею прокатился громовый ударъ, на который всѣ тучи откликнулись грознымъ рокотомъ.

Обезсилѣвъ, гроза утихла; дождь лилъ уже безшумно, и земля жадно пила его. Мы сѣли ужинать при свѣчахъ и при открытыхъ дверяхъ: отецъ, богатырскаго роста и сложенія, бородатый, на верхнемъ концѣ стола, мать и староста надъ всѣми батраками по обѣ руки его; за ними, по старшинству и рангу, работники и работницы, и ниже всѣхъ я—послѣдній батракъ, единственный сынъ и наслѣдникъ.

Хозяинъ прочелъ вслухъ молитву и призвалъ благословеніе Божіе на нашу трапезу. Но въ это мгновеніе раздался оглушительный трескъ. Что это?—домъ рушится, или весь міръ? Земля тряслась, стѣны шатались, стекла со звономъ разлетались вдребезги, отъ ослѣпительно яркаго свѣта сами собой закрывались глаза. А по полу, словно упавшее съ неба, горящее солнце, катился огненный шаръ, кидаясь то въ одну, то въ другую сторону, словно ища добычи. И вдругъ—выскочилъ въ окно и исчезъ во мракѣ. А за огненнымъ шаромъ ползъ вонючій дымъ, пахнувшій сажей и порохомъ. Мы всѣ оцѣпенѣли на мѣстахъ; къ рукамъ и ногамъ нашимъ словно были подвѣшены пудовыя

гири. Однако, отецъ громкимъ голосомъ дочиталъ молитву до конца. И, сказавъ: *аминь*, велѣлъ батракамъ осмотрѣть домъ: не загорѣлось ли гдѣ; но они ничего не нашли, кромѣ сажи и золы, выброшенныхъ изъ трубы ударомъ молніи.

Смерть была среди насъ и пощадила насъ.

Потрясенный, я вышелъ на воздухъ. Пахло сыростью и чѣмъ-то прянымъ; я закрылъ глаза, еще болѣвшіе отъ яркаго свѣта. И, когда открылъ ихъ, увидалъ на рисовавшейся смутною тѣнью опушкѣ лѣса огоньки, горѣвшіе на деревьяхъ, какъ свѣчи на елкѣ. Огненная стрѣла, слетѣвшая съ неба, снова вонзилась въ землю, грянулъ громъ, и огоньки на темныхъ вершинахъ вдругъ погасли.

Я долго прислушивался, но ночь не выдавала своей тайны.

Вы, силы, открывающіяся въ пламени и бурѣ,—кто вы и кто далъ вамъ право надъ жизнью и смертью? Кто повелѣлъ солнцу творить вѣтеръ и тепло? Кто повелѣлъ тебѣ, луна, управлять моремъ, его приливомъ и отливомъ. Кто послалъ тебя кружить вокругъ земли, а землю вокругъ солнца? Великая Земля, ничтожная мошка, зачѣмъ ты съ такой тоской кружишь около свѣта, озаряющаго тебя изъ-за предѣла смерти? Или жизнь не что иное, какъ ослабленная смерть, а смерть—могучее единство, въ которомъ суждено растаять несовершенной формѣ?—Ахъ, я былъ глупъ и глухъ и безпомощно вопрошалъ ночь, не зная, что каждый вопросъ, ведущій отъ сна къ сознательности, самъ по себѣ уже отвѣтъ.

Мать моя стояла на птичникѣ, нѣжная и тонкая, какъ дѣвушка, въ своемъ синемъ ситцевомъ платьицѣ. Правой рукой она прижимала къ себѣ блюдо съ зерномъ, лѣвой приглаживала каштановые волосы, растрепанные непочтительнымъ голубинымъ крыломъ. Голуби садились на края блюда; куры устремились къ мискѣ съ дымящимся кормомъ, поставленной на-земь работницей. Серебристый пѣтухъ расхаживалъ около нея съ такою важностью, какъ будто это онъ добылъ корму; его пернатые жены толпились у краевъ тарелки и, жадныя даже среди изобилія, отталкивали младшихъ и слабѣйшихъ. Жирная желтая курица вертѣлась возлѣ хозяйки, кудахтая и выпрашивая лишній кусокъ. Маленькій итальянскій пѣтушокъ, ржаво-красный съ синимъ, весь въ шелку и бархатѣ, съ высокимъ зубчатымъ алымъ гребешкомъ, золотымъ воротничкомъ и переливчато-зеленымъ пышнымъ хвостомъ, колеблясь между голодомъ и тру-

состью, осторожно обходилъ болѣе сильнаго соперника и незамѣтно присоединялся къ стаѣ куръ. Подскочила курица-насѣдка съ толпой цыплятъ за нею, похожихъ на комочки шерсти, поставленные на двѣ палочки, и урвала львиную долю. Каренъ, служанка, сама молоденькая и свѣженькая, какъ цыпленокъ, поставила передъ цыплятами мелкую миску молока, и всѣ они одновременно, вмѣстѣ съ насѣдкой, опускали желтенькіе клювики въ бѣлую влагу и одновременно поднимали ихъ кверху, довольные и чинные.

Каренъ стояла возлѣ цыплятъ, по временамъ взглядывая на мою мать голубыми дѣтскими глазами. Разъ она украдкой заглянула и въ мое окно. Я заслонился съ обѣихъ сторонъ ладонями и ниже нагнулся надъ учебникомъ. Но изъ-за мертвыхъ фразъ чужого языка выдвигался образъ дѣвушки, стоявшей на дворѣ. Какая она здоровая и сильная рядомъ съ моей матерью; вокругъ головы которой голуби вьются, и словно ореолъ!.. Я вскочилъ со стула и незамѣтно выглянулъ въ окно. Дворъ былъ пустъ, но въ курятникѣ двѣ загорѣлыхъ руки обвились вокругъ тѣла дѣвушки, которая безмолвно, но яростно отбивалась. Вся кровь во мнѣ вскипѣла, горло стиснуло; хотѣлось крикнуть, съ кулаками броситься на обидчика—а съ устъ не сорвалось ни звука.

Голосъ хриплый, срывающійся, крикнулъ:

— Оставь дѣвку!

Передъ Хейномъ и Каренъ стоялъ староста; кустистыя брови его грозно сошлись надъ крючковатымъ носомъ. Хейнъ, младшій батракъ, грубо и задорно крикнулъ: «Не твое дѣло!»—однакожъ, выпустилъ Каренъ.

Трррахъ! Трудно сказать, что было дальше. Два тѣла свились въ одинъ клубокъ, два голоса слились въ одинъ ревъ... Наконецъ, Хейнъ опрометью выбѣжалъ изъ сарая.

Пришелъ отецъ. Съ холоднымъ спокойствіемъ, котораго мы всѣ боялись больше, чѣмъ его вспышекъ гнѣва, онъ спросилъ:

— Что тутъ происходитъ?

Староста нагнулся поднять разбитую трубку, валявшуюся на землѣ. Не получивъ отвѣта, отецъ властно прикрикнулъ:

— Чего же ты дерешься?

Старикъ медленно выпрямился; глаза его злобно сверкали. Оба высокіе, сильные, смѣрили взглядомъ другъ друга. Отецъ первый выговорилъ, строго и внушительно, прервавъ тягостное молчаніе:

— Тебѣ мало, что ты одного ужъ укокошилъ?

Я зналъ, о чемъ онъ говоритъ, хотя отецъ никогда мнѣ не разсказывалъ объ этомъ. На нашемъ дворѣ найденъ былъ парень зарѣзаннымъ. И теперешній нашъ староста тогда тяжко поплатился за это. Ссора и тогда вышла изъ-за дѣвки, хотя и по другому поводу.

Старый работникъ вздрогнулъ, раскрылъ ротъ — и снова закрылъ его—и молча пошелъ къ дому. Я слышалъ его тяжелые мужицкіе шаги на лѣстницѣ, скрипнула дверь рядомъ съ моей—и посыпались удары безъ числа и сдавленныя хриплыя проклятія, такія злобныя, свирѣпыя, что я блѣднѣлъ, слушая ихъ. Старикъ, отводя душу, неистово колотилъ по подушкамъ своей собственной постели.

Шумъ въ сосѣдней комнатѣ улегся. Снизу доносился ласковый голосъ моей матери и всхлипыванья Каренъ. Почему это люди всегда обращались къ моей матери, когда хотѣли чего нибудь добиться отъ отца? Словно стѣна стояла между батраками и хозяиномъ — а, между тѣмъ, вѣдь онъ былъ такой же крестьянинъ, какъ и прочіе, и свято хранилъ всѣ старыя традиціи. Гордость-ли его отталкивала ихъ, или бóльшая, чѣмъ у нихъ, образованность, которую онъ старался передать и мнѣ? И меня, вѣдь, это отталкивало, и мнѣ было жутко при мысли о далекомъ, чуждомъ городѣ — и однакожъ, во мнѣ росло безпокойное стремленье и тоска.

По направленію въ городъ, степной дорогой, проѣхалъ охотничій кабріолетъ. Куры взлетѣли на заборъ и растерянно уставились на незнакомую охотничью собаку. Неужели и я, какъ онѣ, вѣчно буду только смотрѣть изъ-за забора? Я хочу знать, понимать: уже скоро, какъ только на полѣ лягутъ снопы, этотъ же путь поведетъ изъ степного хутора въ городъ и меня.. Я зажалъ руками уши и принялся твердить вокабулы.

На другое утро вѣтеръ подулъ съ сѣвера и принесъ съ собой солоноватый запахъ моря. Словно зыбь ходила по полю, и спѣлые колосья гнулись подъ вѣтромъ до самой земли. Скрипѣли искривленныя вѣтви стараго дуба на нашемъ дворѣ; громко шумѣли лѣса. Овцы пугливо жались въ кучу, и я загналъ ихъ за стогъ на краю поля, защищавшій ихъ отъ вѣтра. Отъ стога и изъ подъ навѣса, гдѣ было сложено сѣно, пахло сладкими травами и тлѣніемъ. Въ сѣнѣ что-то зашевелилось— высунулась бѣлокурая голова Хейна.

— Хейнъ, ты здѣсь?

Онъ вылѣзъ весь и сѣлъ возлѣ меня. Потъ крупными

каплями катился по его лицу; лицо у него было не задорное, какъ всегда, а жалкое, растерянное.

— Я былъ на селѣ, у своихъ родителей; тамъ меня тоже вздули и прогнали. Нѣтъ ли у тебя чего поѣсть?

Я отдалъ ему свой хлѣбъ, захваченный на завтракъ; онъ ѣлъ съ жадностью. И, насытившись, спросилъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

Я посовѣтовалъ:

— Иди себѣ домой и дѣлай свое дѣло. Я поговорю съ матерью.

Это его успокоило. Онъ высморкался и ушелъ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ и видѣлъ молодое, здоровое тѣло Каренъ, извивавшееся въ его смуглыхъ рукахъ. Съ трудомъ я отогналъ эту картину и заставилъ себя смотрѣть на другое.

Передо мной вѣтеръ игралъ небольшой стаей воронъ, которыхъ онъ, налетая, срывалъ съ земли. Съ хриплымъ крикомъ онѣ взвивались кверху и въ вышинѣ начиналась борьба двухъ силъ: черныя крылья то, распростершись, борясь съ напоромъ вѣтра, опускались книзу, то съ быстротою молніи устремлялись вверхъ, то круто поворачивали, такъ что тѣло птицы принимало перпендикулярное положеніе, и она, сразу свернувъ крылья, вмѣстѣ съ вѣтромъ стрѣлою слетала на землю; но тотчасъ же снова описывала кривую и спускалась на то же мѣсто, уже противъ вѣтра: вѣтеръ, налетѣвъ, кружилъ ее и подбрасывалъ вверхъ.

Захваченный этой борьбой, я забылъ и о книгѣ, которую держалъ въ рукахъ, и о близости экзамена.

Крикнувъ вѣрнаго пса, Тираса, я взбѣжалъ на вершину холма, поросшаго верескомъ, дрокомъ и тимьяномъ. Здѣсь вѣтеръ дулъ вдвое сильнѣе. Вдали колыхался послѣдній возъ сѣна; сверху на немъ лежали на животахъ работницы. Хейнъ, насвистывая, окапывалъ картофель. На западѣ, неслышно скрипя, вертѣлись крылья мельницъ. Темно-бурые паруса, похожіе на осенніе листья, плыли по морю, надуваемые все свѣжѣвшимъ вѣтромъ.

Я видѣлъ, какъ воздушные полки стремительно кидались на приступъ, на стѣны нашего сарая, силясь свалить его, и, отбитые, отпрядывали назадъ; а за ними налетали новые, неся впереди себя воронъ, какъ боевыя знамена, и лодки во время прилива... И мнѣ вдругъ стала понятна та сила, которую мы зовемъ движеніемъ.

Привѣтъ вамъ, бурные вѣтры! вы сами—воплощенное движеніе. Привѣтъ вамъ, зловѣщія, черныя птицы, пугающія тру-

совъ, пираты жизни и жильцы могилъ — вы дали мнѣ новое познаніе жизни...

Вороны каркали надъ моей головой. Ища убѣжища, онѣ направляли полетъ свой къ бурно колыхавшимся верхушкамъ деревьевъ въ лѣсу. И при этомъ двигали крыльями съ такимъ явнымъ усиліемъ, что я спрашивалъ себя: неужели имъ также трудно летѣть по вѣтру, какъ и противъ вѣтра?

У самой опушки вѣтеръ снова подхватилъ и закружилъ ихъ. Какъ храбрые пловцы, онѣ, распростерши руки-крылья, ринулись въ самую бурю; иныя съ крикомъ торжества взлетали кверху, большинство спустилось внизъ; въ воздухѣ такъ и рѣяли черныя крылья, а сзади налетали новыя и новыя стаи. На ихъ боевой, задорный крикъ наша собака откликалась ворчаньемъ, а пѣтухи—пронзительнымъ кукареку. Вѣтеръ все крѣпчалъ. Овцы пугливо тѣснились другъ къ дружкѣ; голуби, купавшіеся въ пескѣ, укрылись въ голубятню, куры, хлопая крыльями, бѣжали въ курятникъ. Въ поднебесьѣ недвижно парилъ орелъ, прилетѣвшій съ моря. Его силуэтъ отчетливо врѣзывался въ синій просвѣтъ неба—и въ мои глаза. Но, замѣтивъ, что его увидали, онъ описалъ кругъ, превратился въ точку и скрылся въ тучахъ.

И, когда онъ висѣлъ недвижно въ воздухѣ, и когда описывалъ круги, я не могъ подмѣтить ни одного усилія, ни одного взмаха крыльевъ. Какъ истый царь бури, онъ держался въ воздухѣ безъ всякаго труда, словно высота и ширь сами поддерживали его. Онъ былъ царь бури, не знающій себѣ равнаго въ царственномъ полетѣ.

Я видѣлъ многихъ птицъ во время полета — всѣ онѣ загребали крыльями, какъ веслами; я видѣлъ, какъ ѣдетъ телѣга, какъ плыветъ лодка по водѣ — вездѣ движеніе производилось собственной силой движущагося. Но сегодня я видѣлъ мельницы и паруса, приводимыя въ движеніе вѣтромъ, видѣлъ, какъ сила бури удваивалась, разбиваясь о мертвый сарай, я видѣлъ, какъ та же сила покорно служила царственной волѣ орла.

Какъ только кончилась уборка хлѣба, меня свезли въ городъ. Хейнъ снесъ мой чемоданъ въ легкую повозочку, въ которой онъ долженъ былъ доставить меня на ближайшую станцію желѣзной дороги; мать суетилась, бѣгая изъ кухни къ повозкѣ и обратно и набивая мой дорожный мѣшокъ разными вкусными вещами, собственноручно ею изжаренными и испе-

ченными. А я бродилъ по комнатамъ, прощаясь со всѣми и со всѣмъ, что мнѣ было дорого.

Работники на току по очереди бросали молотить и протягивали мнѣ свои мозолистыя руки. Потомъ, сплюнувъ на сторону, снова брались за цѣпы. Староста ворчалъ:

— Нечего мармеладничать. Ну, прощай, братъ.

Коровы и быки въ конюшнѣ обнюхивали мою руку, прикасаясь къ ней своими мокрыми мордами; лошади поворачивали головы и вопросительно смотрѣли мнѣ вслѣдъ большими, кроткими глазами. Я выпустилъ кроликовъ; всѣ они бросились ко мнѣ, не обращая вниманія на испугъ цыплятъ, разлетѣвшихся въ разныя стороны, и принялись аккуратно, вдоль жилокъ, обгладывать брошенный имъ капустный листъ. Голуби камнемъ падали съ насѣсти и взмывали кверху, ставя крылья въ видѣ *ижицы,* словно старались на прощанье доставить мнѣ удовольствіе красивымъ полетомъ.

Отецъ стоялъ возлѣ меня и смотрѣлъ на меня испытующе. Потомъ, сказалъ, указывая на голубей:

— И полетъ также есть преодолѣніе препятствій, возникающихъ изъ соперничества. Бросайся, какъ птица, опрометью, въ неизвѣстное—можетъ быть, ты и сыщешь свое счастье.

Потомъ вложилъ свою руку въ мою, чего никогда еще не дѣлалъ.

— Я раскажу тебѣ одну исторію—о томъ, какъ одинъ человѣкъ изъ мечтателя сдѣлался *человѣкомъ.* Мечтатель ѣхалъ къ своей невѣстѣ въ Англію; невѣста ждала его на пристани. Пока пароходъ причаливалъ, она кивала ему, махала платкомъ, перегнувшись черезъ перила, и вдругъ—исчезла. Въ страхѣ и тревогѣ онъ прыгнулъ черезъ бортъ и нырнулъ на самое дно—поймалъ за платье утопавшую и вытащилъ ее изъ воды:—онъ спасъ свою жену. Не скоро и цѣной большихъ усилій, но все же сознаніе вернулось къ ней.

Онъ вынулъ свою руку изъ моей руки и коротко закончилъ:

— Думай на чужбинѣ о томъ, какъ твой отецъ нашелъ твою мать—и самого себя.

Съ этими словами онъ вошелъ въ домъ. Хейнъ нетерпѣливо щелкалъ кнутомъ. Мама сунула мнѣ въ карманъ еще что-то, заботливо завернутое въ бумагу. И уже наполовину отвернувшись отъ меня, крикнула по направленію къ птичнику:

— Уймешься ты?!

Это относилось къ насѣдкѣ, которая ударами клюва отгоняла своихъ цыплятъ, которыхъ она уже считала взрослыми,

чтобы безъ помѣхи кокетничать съ нашимъ вторымъ пѣтухомъ, гордо парадировавшимъ передъ нею, распустивъ пышный хвостъ, зелено-синій.

Я вскочилъ въ повозку.

— Прощай, мутти!

— Прощай, мой мальчикъ.

Руки ея были сложены, какъ на молитву; милые глаза проводили меня любовнымъ и тревожнымъ взглядомъ, который я унесъ съ собой на чужбину.

Когда повозка уже тронулась, показалась Каренъ. Крупныя слезы катились по лицу ея и падали въ ведро, которое она несла въ коровникъ. Хейнъ фыркнулъ и отвернулся.

Голуби ворковали; съ тока доносились мѣрные удары цѣповъ.

Мнѣ хотѣлось жить поближе къ морю; отецъ исполнилъ мое желаніе. Я поселился у сестры моего учителя, въ старомъ купеческомъ домѣ, обвѣтренный, съ обвалившеюся штукатуркой, фасадъ котораго чопорно и плотно втиснулся въ линію другихъ такихъ же фасадовъ, отличавшихся одинъ отъ другого лишь гербами на порталахъ, тамъ, гдѣ эти послѣдніе стерлись отъ времени. Моя комната выходила на улицу и была скудно обставлена старинной мебелью съ выцвѣтшей обивкой. Дверь неслышно отворялась; появлялась хозяйка, сѣрая, какъ мышь, и, какъ мышь, безшумная; неслышно скользила по комнатѣ—тамъ вытретъ пыль, тамъ передвинетъ стулъ, и уйдетъ такъ же неслышно, какъ пришла.

Уличный шумъ стучался въ мое окно; прохожіе, экипажи, ломовыя телѣги—все отражалось въ зеркальцѣ, прикрѣпленномъ къ окну, слагаясь въ пеструю картину въ круглой рамкѣ. А послѣ обѣда я самъ выходилъ на улицу и пробирался сконфуженно къ звенящему дѣтскими голосами и пропитанному кухонными запахами дому, гдѣ, въ четвертомъ этажѣ, жилъ мой учитель.

Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ маленькаго сына, Германа, и взрослую дочь Туснельду,—такъ, по его словамъ, звали жену Херуска. «Дивная женщина!—именно такихъ женщинъ мы должны воспитывать». При этомъ учитель ударялъ себя кулакомъ въ грудь и приподнимался на цыпочки, такъ какъ онъ былъ маленькаго росту и тощій, какъ веретено.

— Не правда ли, дитя мое?

— Конечно, папа.

Туснельда мило присѣла и протянула мнѣ кончики пальцевъ.

— Развѣ такъ подаютъ руку?

Она потупила глаза и покраснѣла.

— Надо крѣпко жать руку и при этомъ честно и смѣло смотрѣть прямо въ глаза.

Туснельда взметнула рѣсницы и устремила на меня свѣтло-голубыя звѣзды своихъ глазъ. Мнѣ почудилось, будто углы ея рта насмѣшливо дрогнули, и я забылъ взять протянутую руку.

Учитель уже торопилъ меня:

— Идемъ, мой юный другъ; намъ нельзя терять времени: до экзамена осталось немного.

Съ каждымъ шагомъ въ этомъ обильномъ дѣтьми и кухонными запахами домѣ сердце мое стучало сильнѣе. Растерянно стоялъ я передъ высокой красивой дѣвушкой и давился словами, здороваясь. Дома я злился на себя за свою тупость, ненаходчивость, приготовлялъ чудеснѣйшія, неотразимыя фразы, но стоило мнѣ увидать этотъ кротко-изумленный взмахъ рѣсницъ, и мысли мои разбѣгались, и я не находилъ словъ привѣта.

Въ ожиданіи возвращенія учителя изъ школы мы сидѣли на обитыхъ ядовито-зеленымъ плюшемъ креслахъ съ вязаными антимакассарами, но были скупы на слова. Неожиданно дѣтскій голосъ крикнулъ откуда то снаружи:

— Хочешь, полечу?

Туснельда, поблѣднѣвъ, какъ смерть, вскочила съ мѣста; я однимъ прыжкомъ очутился у окна и распахнулъ его. Маленькій Германъ вылѣзъ изъ окна сосѣдней комнаты на карнизъ, шаткій и шириной всего два фута, цѣпляясь за выступы стѣны добрался до нашего окна и стоялъ теперь надъ пропастью, на головокружительной высотѣ. Я перемахнулъ черезъ подоконникъ, повисъ на немъ, свободной рукой схватилъ безразсуднаго мальчика, притянулъ его къ себѣ и втащилъ въ комнату. Онъ обиженно вырвался изъ моихъ рукъ, сбѣжалъ, вѣрнѣе, кубаремъ скатился съ лѣстницы, кинулся на землю, въ уличную грязь и заревѣлъ благимъ матомъ. Подъѣхалъ экипажъ—Германъ умолкъ и всталъ; но, какъ только экипажъ проѣхалъ мимо, снова кинулся ничкомъ на мостовую и снова поднялъ ревъ.

Я уже хотѣлъ итти за нимъ, когда изъ-за угла вышелъ его отецъ, съ испугомъ поднялъ его и сталъ уговаривать. Туснельда, все время стоявшая въ оцѣпенѣніи, судорожно цѣпляясь за обивку кресла, пошла ему навстрѣчу. Когда ему разсказали

о случившемся, маленькій человѣчекъ чуть съ ума не сошелъ отъ страха и долго безцѣльно бродилъ по комнатамъ, не въ силахъ отъ волненія начать урока. А когда началъ, все равно ничего не вышло, и онъ скоро отпустилъ меня.

Когда я проходилъ черезъ темную переднюю, двѣ руки обвились вокругъ моей шеи, и мягкія губы прижались къ моимъ, цѣлуя беззвучно, но горячо, въ засосъ.

Я вернулся домой, шатаясь, словно пьяный.

Черезъ двадцать часовъ недовѣрчиваго изумленія, трепетнаго блаженства и лихорадочнаго ожиданія, я снова увидѣлъ Туснельду. Она встрѣтила меня холодно-дружественно, какъ всегда, и какъ будто не замѣтила, что я пришелъ на урокъ задолго до назначеннаго часа. Она болтала о погодѣ, о катаньѣ на конькахъ; я смотрѣлъ на нее и все больше падалъ духомъ. То, что я схватилъ за куртку Германа, въ первый моментъ показалось моей неиспорченной душѣ семнадцатилѣтняго юноши вполнѣ естественнымъ и не требовавшимъ благодарности, но поцѣлуй Туснельды превратилъ этотъ естественный поступокъ въ подвигъ, и я ждалъ награды, какъ за подвигъ въ сказкахъ.

Туснельда кликнула брата, и сказала ему, повидимому, безъ насмѣшки:

— Поблагодари же твоего спасителя.

И вышла изъ комнаты. И до прихода отца уже не возвращалась.

Передъ Рождествомъ Туснельда вкрадчиво спросила меня:

— Вѣдь вы проведете праздникъ съ нами?

Конечно, я обрадовался, обѣщалъ не уѣзжать и сейчасъ же написалъ родителямъ, что не могу пріѣхать на Рождество домой, такъ какъ мой учитель хочетъ на Святкахъ исключительно заняться мною. Это была правда, и отецъ позволилъ. Но въ скупыхъ строкахъ его письма мнѣ почудилось подозрѣніе—вѣроятно, подсказанное моей нечистой совѣстью.

На скромно убранномъ столѣ моего учителя въ сочельникъ я нашелъ подарокъ себѣ—галстухъ и книжку о герояхъ, въ томъ числѣ и о Виландѣ, этомъ полуисторическомъ, полумиѳическомъ сѣверномъ Икарѣ, котораго я зналъ и любилъ съ дѣтства. За обѣдомъ мы ѣли жаренаго гуся и пили кисловатое вино. Я думалъ о сердечныхъ письмахъ и рождественскихъ подаркахъ, полученныхъ мной изъ дому, и еще больше о томъ, что мать моя теперь, въ кругу своихъ веселыхъ, щедро одаренныхъ домочадцевъ,

съ грустью смотритъ на пустое мѣсто, на которомъ я семнадцать зимъ находилъ столько подарковъ, дѣлавшимъ меня счастливымъ. Маленькій учитель разглагольствовалъ о принципахъ педагогики и о великихъ традиціяхъ нѣмецкаго народа; его сестра, моя хозяйка, какъ всегда незамѣтная, въ благоговѣйномъ безмолвіи внимала ему; Германъ, распѣвая пѣсни и трубя въ трубу, расхаживалъ вокругъ зажженной елки; Туснельда то и дѣло зѣвала, даже не прикрывая рта.

Дни шли одинъ за другимъ; въ моей душѣ мука и неувѣренность боролись съ любовью. Туснельда еще разъ поцѣловала меня: наскоро, но сильно, горячо, за дверью, въ которую только что вышелъ ея отецъ. А потомъ снова стала неприступной и на всѣ мои умоляющіе взгляды отвѣчала долгимъ и холоднымъ, испытующимъ взглядомъ. Что же это? Или она и меня дурачитъ, какъ дурачитъ своего отца?

Камень за камнемъ распадалось въ прахъ гордое зданіе моихъ надеждъ. Изъ дня въ день я тащился къ нимъ въ домъ, еле волоча ноги, какъ приговоренный къ смерти, и возвращался съ тупымъ уныніемъ въ душѣ, въ которомъ не было даже боли.

Каждый день я видѣлъ въ окно маленькую дѣвочку, которая шла по улицѣ и пѣла, звонкимъ, какъ у жаворонка, голоскомъ свою собственную пѣсенку на свой собственный мотивъ. Она не сворачивала въ сторону ни передъ людьми, ни передъ экипажами; ея громкое пѣніе словно оберегало ее и, какъ звонъ колоколовъ, вносило что-то праздничное въ сутолоку большого портоваго города.

Когда въ мое окно врывалась эта пѣсенка, моя тупая злость переходила въ боль; потребность лихорадочно работать, чтобъ забыться, падала, мысли улетали въ даль и неслись вновь открытыми воздушными путями въ страну непостижимаго.

Надъ рѣкой и городомъ несся желтый шаръ—аэростатъ. Мои желанья и мечты летѣли за нимъ. Не онъ ли то легкое, что поднимаетъ тяжести? Не указываетъ ли онъ избраннымъ путь въ страну обѣтованную? Но куда же онъ летитъ? Безцѣльно, по волѣ вѣтра...

Разочарованный взоръ мой переходилъ отъ шара въ поднебесьѣ на болѣе близкое—на взъерошеннаго воробья, подъ карнизомъ крыши разыскивавшаго насѣкомыхъ. Вотъ онъ вспорхнулъ, развернулъ крылышки; давленіе воздуха снизу поддерживаетъ его. Вправду ли надо быть легче воздуха, чтобы летать?—А нельзя ли,

подобно птицѣ, какъ нибудь уравновѣсить свой вѣсъ съ вѣсомъ воздуха?.. Но близость экзамена заставляла меня гнать отъ себя эти мысли. Передъ Пасхой я выдержалъ его въ качествѣ экстерна. Мой учитель, сдѣлавъ мнѣ надлежащее внушеніе, простился со мною. Туснельда ушла въ гости къ подругѣ и велѣла кланяться мнѣ.

При видѣ родного дома, мое сердце радостно запрыгало въ груди. Высокая сѣрая крыша выглядывала такъ привѣтливо изъ свѣтлой зелени озимей; вспаханныя поля вокругъ ждали сѣва.

Мать вышла ко мнѣ тихая, съ радостнымъ сіяньемъ въ лицѣ. Снимая съ меня ранецъ, онъ озабоченно шепнула мнѣ:

— Что ты такой блѣдненькій, мой бѣдный мальчикъ? Кормили ли тебя тамъ досыта?

— Конечно, муттинька.

Она тихонько погладила мою руку и спросила тономъ просьбы:

— Но теперь ты будешь жить съ нами?

— Да, муттинька, теперь я буду съ вами.

— Если только отецъ захочетъ... Ну, иди къ нему; онъ ждетъ тебя.

Я нашелъ отца въ полѣ. Онъ не сразу повернулся ко мнѣ, такъ какъ осматривалъ пашню, которую угрожало занести пескомъ изъ степи; и рабочій староста тоже не поздоровался со мной, не смѣя сдѣлать этого прежде хозяина. Но младшіе работники, вздымавшіе новь, срывая съ земли дернину, привѣтствовали меня веселыми и грубоватыми шуточками. Затѣмъ и отецъ повернулся ко мнѣ, и мы долго смотрѣли другъ другу въ глаза. Выраженіе лица его смягчилось; онъ ласково протянулъ мнѣ руку.

— Поздравляю тебя съ выдержаннымъ экзаменомъ. Ты уже рѣшилъ что-нибудь насчетъ своего будущаго?

Городъ остался позади меня: лихорадочный кошмаръ и еще не зажившая рана.

— Я хотѣлъ бы быть сельскимъ хозяиномъ и жить вмѣстѣ съ вами.

Отецъ задумчиво смотрѣлъ вдаль. Но возраженій, которыхъ я ждалъ, не послѣдовало.

Онъ сталъ меня разспрашивать, и я разсказалъ, коротко и добросовѣстно, какъ онъ любилъ, о школѣ, о людяхъ, кора-

бляхъ, и своихъ мысляхъ. Когда я запнулся, дойдя до завѣтнаго тайника своего сердца, онъ добрыми глазами посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головой, въ знакъ того, что понялъ, и перешелъ къ другому. Въ благодарность я распахнулъ передъ нимъ послѣднюю звѣздную завѣсу души моей.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, какъ человѣкъ умѣетъ заставить служить себѣ всѣ силы природы и не считать никакой цѣли недостижимой для себя, я не могу повѣрить, чтобы воздушное царство было ему заказано. И по водѣ и по сушѣ мы прокладываемъ все новые и новые пути—почему же мы не летаемъ? И даже не пробуемъ подражать полету птицъ? Эта мысль, отецъ, преслѣдуетъ меня, не даетъ мнѣ покоя.

Отецъ молча остановился на порогѣ дома. И старческимъ, тоскливымъ голосомъ выговорилъ, словно про себя:

— Неужели и свои мысли мы передаемъ нашимъ дѣтямъ? Неужели и тогда во мнѣ жило это нелѣпое желаніе?..

Потомъ положилъ руку мнѣ на плечо и проговорилъ:

— Милый сынъ мой, это—дикіе побѣги, которые надо безжалостно отсѣкать, чтобъ они не повредили плоду.

— Но развѣ дикіе побѣги не питаются соками той же матери земли? Развѣ ихъ нельзя облагородить прививкой?

Онъ покачалъ головой.

— Нашъ трудъ—надъ пашней; наша пища—хлѣбъ. И человѣкъ не долженъ стремиться сдѣлать себя тѣмъ, что Господь создалъ въ пятый день творенія.

— Но въ шестой день Онъ создалъ насъ, по своему образу и подобію, и потому въ груди нашей живетъ стремленіе стать ему равными, творцами.

— Наше стремленіе—вѣра. Да, мы сольемся съ Нимъ, но черезъ смерть. Юность думаетъ, что, взобравшись на горы, она возьметъ небо приступомъ; старость знаетъ, что человѣку во всѣхъ дѣлахъ его положенъ предѣлъ. Юность думаетъ захватить петлей весь міръ; старость видитъ, что петля затягивается у нея самой на шеѣ и, въ концѣ концовъ, удавитъ ее.

Медленно вошли мы въ домъ. Несмотря на яркое солнце міръ смотрѣлъ на насъ мертвыми глазами.

Въ коровникѣ я встрѣтилъ Каренъ. У меня было смутное чувство, что я въ чемъ то виноватъ передъ нею, и я протянулъ ей руку. Она презрительно надула пухлыя губки.

— Спасибо. И ты такой же обманщикъ, какъ всѣ.

Я сердито смотрѣлъ ей вслѣдъ: кто ихъ разберетъ, этихъ дѣвченокъ, что́ у нихъ на умѣ!

Староста взялъ меня съ собою на работу. Мы шли полемъ; кучи навоза къ ночи стали дымиться. Старикъ бормоталъ:

— Вотъ это хорошо, что ты хочешь остаться землепашцемъ.

Я спросилъ, кто теперь пасетъ овецъ. Онъ отвѣтилъ:

— Юргенъ, пастухъ, отбывшій воинскую повинность, и прибавилъ:

— Ну, это теперь уже не работа для тебя.

Нѣтъ, конечно, теперь мнѣ уже не подобало пасти овецъ, но что замѣнитъ мнѣ всю эту прелесть степи — серебряныя весны, румяное лѣто, багряную осень; жужжанье и гудѣнье насѣкомыхъ, пронзительный крикъ зуйки, наперерывъ съ лягушками предсказывающей дождь, звонкую пѣсенку степного жаворонка, и переплетавшіяся со всѣмъ этимъ мои мечты и грезы?.. Неужели все это должно умереть для меня потому только, что оно умерло для моего отца?

Я съ силой воткнулъ заступъ въ землю —и перерѣзалъ пополамъ личинку майскаго жука, мирно спавшаго въ ожиданіи своего воскресенія, съ передними ножками, молитвенно сложенными на груди. Мой трудъ съ перваго же удара заступа принесъ смерть живому существу.

Хейнъ, боронившій неподалеку отъ меня, крикнулъ мнѣ:

— Смотри, кто идетъ.

Къ намъ приближался, видимо, бродяга, съ давно небритой бородой; на немъ было пальто въ накидку; изъ прорванныхъ сапогъ выглядывали пальцы. Онъ нагло оглядѣлъ насъ обоихъ и обратился ко мнѣ:

— Богъ въ помощь.

Подошедшій Хейнъ насмѣшливо отвѣтилъ:

— Знаемъ, знаемъ. Проходи.

Тотъ не обратилъ на него вниманія.

— Не могу ли я здѣсь найти работу?

— А вы что умѣете?

Хейнъ, не дожидаясь отвѣта, затараторилъ за него:

— Дорогу устилать коврами, сорочки снашивать, снѣгъ разгребать лѣтомъ, а зимой рвать вишни.

Бродяга надменно смѣрилъ его взглядомъ. И, снова повернувшись ко мнѣ, преувеличенно учтиво сообщилъ:

— Съ вашего позволенія, я кровельщикъ.

— А гдѣ же у тебя инструменты?

Я отстранилъ рукою Хейна.

— Вы сейчасъ откуда?

— Эту ночь я ночевалъ въ сосѣдней деревнѣ.—Значитъ, можно остаться?

— Надо спросить хозяина. Идемте.

Хейнъ насмѣшливо крикнулъ ему вслѣдъ:

— Погоди ужо́. Влетитъ тебѣ отъ старосты.

Староста терпѣть не могъ бродячихъ мастеровыхъ. Я провелъ бродягу незамѣченнымъ къ матери; та накормила его, дала ему старые отцовскіе сапоги и уже въ приличномъ видѣ повела къ отцу. Такимъ образомъ онъ получилъ пріютъ на ночь и работу на слѣдующій день.

— Смотрите, удеретъ онъ. Не видать вамъ его завтра, какъ своихъ ушей,—смѣялся Хейнъ, знатокъ бродягъ.

Но бродяга не удралъ. На другой день онъ работалъ вмѣстѣ со мною въ полѣ, удобряя уже вспаханную и взбороненную землю, которую я боронилъ. По взрытой темной пашнѣ, шагъ за шагомъ, тяжело ступая, шли мои кони. Упряжные ремни со скрипомъ ходили по взмыленнымъ лошадинымъ бокамъ. Порой ударяясь о камни, желѣзная борона разбивала землю на мельчайшіе комочки. Всякаго рода червяки, жуки, личинки трепыхались, нежданно выброшенныя на свѣтъ; полевыя мышки испуганно кидались въ сторону, бархатно-черный кротъ торопливо рылся своими розовыми лапками, стараясь забраться поглубже. Надъ головой моей съ крикомъ носились вороны; въ поднебесьѣ звенѣлъ жаворонокъ.

На поворотѣ я остановился, засмотрѣвшись на курицу-хохлатку, которая гонялась за воробьями. Они вспорхнули и для преслѣдовательницы сразу превратились въ тѣни, насмѣшливо метавшіяся передъ нею на землю. Я задумался, слѣдя за ихъ полетомъ. Бродяга, видимо, человѣкъ опытный, словно угадывая мои мысли, осторожно молвилъ:

— Я видѣлъ одного человѣка, который леталъ.

Я вздрогнулъ. Работалъ онъ небрежно, и мнѣ казалось, что онъ беретъ примѣръ съ меня и лукаво усмѣхается за моей спиной. Я сердито хлестнулъ коней. Но промолчать не могъ и на слѣдующемъ поворотѣ, вынувъ изъ земли плугъ, чтобы очистить его и повернуть, будто вскользь, спросилъ:

— Гдѣ же это ты видѣлъ летающаго человѣка?

Онъ оперся на заступъ и сталъ разсказывать:

«Было это, помнится, въ 96-мъ году, въ восточныхъ про-

винціяхъ. Остановился я это на ночлегъ, а хозяинъ и спрашиваетъ меня:

— Хочешь, говоритъ, видѣть дурака.

«Я говорю:

— Мало ли я ихъ вижу каждый день?

— Ну, говоритъ: хочешь видѣть птицу?

— Только одну? Да у тебя цѣлый домъ звенитъ отъ птичьяго щебета.

«Онъ смѣется.

— Ну ладно. А все-таки пойдемъ. И гляди въ оба.

«Накинулъ я на себя пальто, пошли мы вмѣстѣ. По сторонамъ дороги, въ тѣни каменистыхъ холмовъ паслись овцы. Я крикнулъ пастуху:

— Эй ты, всезнайка, не видалъ ли птицы, которая на самомъ дѣлѣ не птица, а дуракъ, или я ужъ не знаю что?

«Старикъ поднялъ свой посохъ и указалъ на горы; я въ недоумѣніи зашагалъ дальше. Но сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ мы увидали человѣка, который махалъ намъ руками. Отъ горы отдѣлилось что-то большое-большое и безшумно поплыло по воздуху. Мы давай Богъ ноги. А чудная птица за нами, все ниже и ниже. И видимъ, посерединѣ птицы стоитъ человѣкъ—ну точно Иванъ Царевичъ въ сказкѣ. Однакожъ, это былъ настоящій человѣкъ, такой же, какъ и мы, бѣлокурый такой. Стоитъ и смѣется, что мы такъ струсили. Ну, мы вернулись; собрался народъ, остановили его снарядъ; онъ выпрыгнулъ на землю.

«Издали эта штука походила на летучую мышь съ двумя парами крыльевъ и хвостомъ, точно у ласточки, или на мотылька на человѣчьихъ ногахъ, которыя раскачивались, какъ языки колоколовъ—или на пустую внутри птицу, которая тащила человѣка. Теперь же передъ нами на землѣ лежали только ивовые прутья, обтянутые парусиной. Мы поглядѣли и пошли своей дорогой. А тотъ человѣкъ и его помощники опять потащили чудную птицу на гору».

Окончивъ свой разсказъ и не получивъ отвѣта, онъ раздраженно прибавилъ:

— Ты думаешь: я вру? Анъ нѣтъ, не вру.

Я покачалъ головой. Я вглядывался въ лицо этого человѣка, который видѣлъ чудо: нѣтъ ли знака на его челѣ, слѣда изумленія и восторга во взорѣ? Но нѣтъ. Онъ былъ глубоко равнодушенъ: онъ цѣнилъ въ жизни только то, что могло поддержать его убогое существованіе. Въ тотъ же вечеръ онъ ушелъ отъ насъ, невѣдомо куда, позвякивая въ карманѣ заработанными деньгами

«Странно, думалъ я, устроенъ міръ. Тысячу лѣтъ люди мечтаютъ, томятся; а когда, на тысячу первый годъ, сбудутся мечты, они такъ же мало знаютъ объ этомъ, какъ слѣпой о самоцвѣтномъ камнѣ на его рукѣ. Развѣ и не всѣ мы—жалкіе бродяги, которые живутъ минутой, вымаливая себѣ, какъ милостыню, каждый новый день и часъ? Только мечтатель и дѣйствующій выходятъ изъ границъ времени въ безпредѣльность временъ — въ область чуда, открывающуюся ихъ властному напору.

«Чего же я стою, если подавляю въ себѣ голосъ увѣренности только потому, что онъ похожъ на отголосокъ уже отжитыхъ дней? Пока я тутъ мечтаю и досадую, другой уже рѣшился на рискованный прыжокъ и упражняется въ немъ, какъ въ ремеслѣ, которое можно усовершенствовать. Кто ищетъ неба, долженъ притянуть его къ себѣ на землю: огонь Прометея тлѣетъ и въ кухонномъ очагѣ...

«Проснись, мечтатель! Кони твои нетерпѣливо стучатъ тяжелыми копытами; темная земля жадно дымится. Всѣ ея поры открыты для сѣмянъ; она, какъ мать, дастъ Антею новыя силы, изъ ея материнскаго лона воспрянутъ новые сильные зародыши».

Покончивъ свой рабочій день, я подолгу работалъ въ своей комнатѣ, при свѣтѣ лампы, уносясь мечтою ввысь, на легкомъ шарѣ. Окружающій міръ исчезалъ и возвращался снова, пробуждаемый звяканьемъ уздечки въ стойлѣ, стономъ коровы во снѣ, крикомъ цикадъ, чириканьемъ птички. Безпокойный червякъ точилъ стѣну, и темная древесная пыль сыпалась на мою книгу. Цифры выростали въ стройные ряды, слагались въ формулы, но невидимая рука снова и снова сметала ихъ съ поля зрѣнія...

Когда лампа вся выгорала, я ложился въ постель и думалъ о томъ, что гдѣ то есть люди, думающіе одинаково со мной, питающіе тѣ же надежды, тѣ же честолюбивые замыслы; гдѣ то есть наши учителя, которые куютъ для насъ оружіе сказочныхъ героевъ... И новый день, занимавшійся въ моей тюрьмѣ, казалось, несъ мнѣ новыя возможности.

Степь вновь покрылась серебристымъ пухомъ. Березка, нѣжная, душистая, покачивалась, какъ дѣвушка въ танцѣ. Всѣ птицы воротились; воздухъ ожилъ. Ласточки охотились за насѣкомыми, продѣлывая въ воздухѣ самые рискованные повороты съ помощью

своего вилкообразнаго хвоста. Въ сумерки изъ подъ стрѣхъ слетали летучія мыши и кружили зигзагами около яблонь въ цвѣту, искусно ловя на лету жуковъ. У нихъ строенье тѣла вродѣ человѣческаго, только между пальцевъ перепонка, какъ у дальнихъ ихъ праотцевъ, и для того, чтобъ летать, имъ не нужно ни перьевъ, ни полыхъ костей...

На горизонтѣ виднѣлся сосновый лѣсъ, черный, съ красными стволами. Въ немъ было тихо, какъ въ церкви; зеленый мохъ заглушалъ шаги. Но недвижные стволы жили, молодѣли, выгоняя новыя свѣтло-зеленыя свѣчечки, пересылая другъ другу черезъ пространство зернышки цвѣтени. Кукушка кричала въ лѣсу.

Кукушка, кукушка; долго ли мнѣ еще ждать?..

———

Мать принесла мнѣ въ комнату наполненную доверху лампу.

— Ты теперь жжешь много керосину.

— Да, мутти. По вечерамъ я работаю для себя.

— Мнѣ не хотѣлось бы стѣснять тебя, — ласково сказала она,—но я боюсь, что отецъ не особенно доволенъ этимъ, и староста тоже. Мой милый мальчикъ, не слишкомъ ли ты много надѣешься на себя?

— Нѣтъ, мамочка. Ужъ это, нѣтъ.

— Подумай о своемъ здоровьѣ. Кто цѣлый день трудится, тому нуженъ отдыхъ ночью.

Она разглядывала мои самодѣльныя модели летательныхъ аппаратовъ, и во взглядѣ ея я читалъ сочувствіе, котораго она не выразила словами. И, запинаясь, я сталъ объяснять:

— Эти изогнутыя поверхности могутъ сами собой держаться въ воздухѣ. Крылья приводятся въ движеніе резиновыми шнурочками.

— Но вѣдь эти маленькія штучки не могутъ же поднять человѣка?

— Нѣтъ, мутти: для этого надо построить большой аппаратъ.

— Очень большой? Какой величины?

— Вдвое больше этой комнаты.

— Кто нибудь уже пробовалъ это?

— Многіе.

— И летали?

— Нѣкоторые падали... — Въ глазахъ матери выразился испугъ. Я поспѣшилъ успокоить ее: — Но только потому, что они не умѣли достаточно быстро и сильно двигать крыльями.

— А ты съумѣлъ бы?

— Не знаю. Нашей мышечной силы для этого недостаточно, а машины, которыя до сихъ поръ придумывали, слишкомъ тяжелы.

Плутовская улыбка скользнула по ея лицу.

— Ну, въ такомъ случаѣ, намъ нечего бояться, что ты скоро улетишь отъ насъ.

Довольная, она кивнула мнѣ головкой и ушла. А я снова принялся за работу, недовольный собой. Внизу работницы пѣли пѣсни. Подъ моимъ окномъ два голоса шептались:

— Пойдешь въ воскресенье вечеромъ на танцы?

— Еще не знаю.

— Каренъ!

Это звучало сердито, угрожающе. Каренъ засмѣялась насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетливо.

— Да тебѣ то что? Оставь меня.

— Такъ, значитъ, пойдешь?

— Ну да, Хейнъ, пойду.

Мнѣ было душно въ моей комнаткѣ. Я распахнулъ дверь на чердакъ, служившій мнѣ мастерской. Свѣтъ лампы упалъ на верстакъ, на которомъ вырисовывались рейки самодѣльнаго аэроплана.

Это было въ полдень, на птичникѣ. Насѣдка грѣлась на солнышкѣ, подобравъ подъ себя цыплятъ; изъ подъ крыльевъ ея виднѣлись только маленькія ножки, и мѣстами, любопытныя цыплячьи головки съ блестящими, какъ бусинки, черными глазками. Одинъ цыпленокъ все норовилъ клюнуть мать въ глаза, тупо и пугливо устремленные на солнце.

Надъ моремъ парила чайка; бѣлыя крылья ея сверкали, поднимаясь кверху, а, когда опускались, отъ опущеннаго книзу передняго ребра ихъ падала тѣнь на опереніе. Я слѣдилъ за ея полетомъ и видѣлъ, что, чѣмъ онъ быстрѣй, тѣмъ легче, ибо, раньше, чѣмъ воздухъ уступалъ давленію крыльевъ, она уже перемѣщалась. Потомъ она распростерла крылья, паря въ пространствѣ, и я силился разгадать, почему она, несмотря на встрѣчный вѣтеръ, все же движется впередъ.

Раздумывая объ этомъ, я вошелъ въ курятникъ, гдѣ куры всѣ передрались между собою, такъ что летѣли пухъ и перья, изъ-за излюбленнаго всѣми мѣста кладки яицъ. Старый пѣтухъ любезно отвелъ свою фаворитку на другое мѣсто, и самъ первый усѣлся на него, повидимому объясняя ей, *гдѣ* и *какъ*

нужно нестись. Старая добродушная курица-насѣдка клювомъ подкатывала подъ себя чужія яйца.

Я поднялъ перышко. Ты, обыденное чудо, не будь же нѣмо для меня! Сквозь стержень словно покрытаго нарѣзками ствола просвѣчивала, молочно-бѣлая, его душа. Нѣжныя развѣтвленія всѣ были сцѣплены между собой словно гребешкомъ изъ тончайшихъ рѣсничекъ; передняя часть его, подставляемая вѣтру, пугливо жалась къ стволу; задняя, наоборотъ, расправлялась, какъ знамя, развѣваясь по вѣтру. Слегка раскачивая перышко, я провелъ имъ внизъ по воздуху и явственно ощутилъ сопротивленіе воздуха—почувствовалъ, какъ онъ, скользя по поднятому кончику пера, наклоняетъ его наискось впередъ.

Развѣ самъ я не летаю? Развѣ часть не вростаетъ въ цѣлое, и узкое пространство, населенное жалкими существами,—въ безпредѣльность міровъ? Распрострите же, крылья рукъ моихъ, и парите въ воздухѣ. Моя собственная тяжесть тянетъ меня внизъ и въ то время увлекаетъ впередъ. Вотъ ужъ вѣтеръ, пойманный въ выгибъ пера, яростно напираетъ на него: изъ гнѣва онъ становится моимъ слугой и изъ вражды—силой, взятой отъ моей силы.

Въ воскресенье, послѣ ранней обѣдни, я пробовалъ свои модели на невысокихъ степныхъ буграхъ. Онѣ сильно раскачивались на ходу и кренились на сторону, или переворачивались. Хейнъ, помогавшій мнѣ, вошелъ въ азартъ, и не щадилъ своего праздничнаго платья.

Мы измѣнили положеніе крыльевъ и послѣ обѣда возобновили опыты. Прочіе работники и работницы, спѣшившіе въ село, на танцы, забросали меня шутками. Каренъ громко, насмѣшливо расхохоталась и повисла на рукѣ у Юргена. Хейнъ сконфуженно отошелъ и присоединился къ нимъ. Староста, шедшій послѣднимъ, остановился возлѣ меня и проворчалъ:

— Чего ты, малый, дурака валяешь.

Я промолчалъ, мысленно говоря себѣ: теперь вы браните насъ дураками, а въ будущемъ дураками-то окажетесь вы.

Старикъ взялъ одну изъ моихъ моделей и, разглядѣвъ ее, презрительно выругался нехорошимъ словомъ.

Я вспылилъ и отвѣтилъ рѣзко:

— Что смыслитъ быкъ въ мускатномъ орѣхѣ? Онъ обозлился, швырнулъ хрупкую модель на землю, и она разбилась. Оцѣпенѣвъ отъ неожиданности, я смотрѣлъ на него.

— Погодите же. Вотъ вы увидите: я таки буду летать.

Упрямо закинувъ голову, я шелъ своей дорогой. Надъ душистой степью плавалъ колокольный звонъ. Мельницы, словно благословляя, поднимали свои крестообразныя сложенныя руки-крылья. На блекломъ фонѣ неба трепетали очертанія высокихъ тополей. Болото курилось буроватымъ дымкомъ; на горизонтѣ вырисовывался черный челнокъ, плывущій по черной водѣ.

Изучившій все коварство темнаго болота, я осторожно, съ берега, срѣзывалъ прутья ивъ, растущихъ надъ нимъ. Въ недвижныхъ тростникахъ поблескивали огоньки. Духи съ крикомъ и свистомъ носились надъ топью, клубились, сплетались, свивались въ туманы. Стонъ филина и скрипучій крикъ козодоя непріятнымъ диссонансомъ врывались въ пѣсни соловья и степного жаворонка. Сѣрая куропатка пронзительнымъ пискомъ предостерегала свой выводокъ, предупреждая его о близости враговъ. Изъ заросшихъ камышами заводей стрѣлою, шумно маша крыльями, взвились кверху утки. Я спугнулъ чибиса, и его птенцы съ крикомъ стали летать вокругъ меня, все суживая свои волшебные круги. Бекасъ, растопыривъ крылья, кинулся головою внизъ въ болото, причемъ перья его хвоста вытянулись въ струнку; подскочилъ кверху, снова упалъ и снова, описавъ дугу, поднялся, съ высоты прислушиваясь, пока его самка свистомъ не дала ему знать, что она готова раздѣлить его страсть, тогда онъ камнемъ, со сложенными крыльями, палъ въ въ болото, прямо въ глубину своего счастья.

Томнымъ и густымъ голосомъ кричала выпь, возвѣщая ночи о своемъ любовномъ томленіи.

Всюду любовь; всюду ты манишь къ себѣ, чтобы создать изъ двухъ одно. Я и Ты—въ этомъ мірѣ. Кто ты, одинокій человѣкъ, и вправду ли ты одинокъ?

Изъ чернаго болота на меня смотрѣли мои собственные глаза. Ноги мои отяжелѣли; вязанка ивовыхъ прутьевъ на спинѣ цѣплялась за прибережные кусты, тянувшіеся къ ней. Мнѣ было трудно дышать. Что же такое наше дыханіе: Я—или уже Ты—или одно переливается въ другое. Сосудъ, въ которомъ бродитъ наше Я, форма, заключенная въ другую, большую, цѣпь безъ начала—ужасъ безъ конца: что я такое? И кто такой Я?

Міръ—наша тюрьма: не отъ него ли мы бѣжимъ? Ты, заключающій въ себѣ другое Я, предавшее меня—не ты ли гонишь меня отъ земли? И я былъ полонъ страсти и не смѣлъ коснуться чаши, заключавшей въ себѣ сокровище моей любви, неосвященными устами. И блескъ ея потускнѣлъ, и чужое Ты

ускользнуло отъ меня. Большой холодный городъ изъ тумана киваетъ мнѣ; воспоминанія нахлынули; я стою на невѣрной тропѣ въ болотѣ, и всѣ бездны тянутъ меня къ себѣ.

Любовь всюду поетъ и зоветъ, а мое Я бѣжитъ отъ твоего Ты.

Въ еще зеленой ржи уже алѣли маки; пестрый коверъ на лугу уже готовился къ ранней смерти. Отецъ пришелъ на лугъ, попробовалъ отточенную мною косу и выговорилъ, будто вскользь—но моя воля тотчасъ встала, на борьбу съ его волей:

— Ты строишь летательную машину.

— Да.

Подошла работница, поглядѣла на насъ и отошла; красный платокъ ея горѣлъ, какъ распаленная похоть.

Сдержанно, негромко, отецъ продолжалъ:

— До сихъ поръ я не мѣшалъ тебѣ дѣлать, что ты хочешь, потому что твое свободное время принадлежитъ тебѣ. Въ твои годы всегда жаждешь неба или ада, и, въ концѣ концовъ, все, къ чему мы относимся серьезно, само по себѣ имѣетъ цѣнность, которая и сохраняется для насъ, въ иной формѣ. Все дѣло лишь въ томъ, чтобъ замѣнить неудачную форму во время удачной и естественной. И, если ты, дѣйствительно серьезно относишься къ своей затѣѣ, ты не можешь не видѣть, что ты на ложномъ пути.

— Однако же, былъ человѣкъ, который леталъ.

— Я знаю—и знаю, какъ онъ кончилъ. Онъ убился на смерть.

Рука моя невольно крѣпче стиснула рукоятку косы.

— Но у него есть послѣдователи, ученики, которые усовершенствуютъ начатое имъ.

— У него былъ одинъ лишь ученикъ—и тотъ убился вмѣстѣ съ нимъ.

— Будутъ другіе.

— Я знаю ихъ: всѣ они—подражатели Икару, всѣ до одного. Всѣ ихъ воздушныя птицы, бабочки и драконы—все это только мыльные пузыри, показатели ихъ безсилія. Они обманываютъ самихъ себя. Привязать себѣ крылья еще не значитъ стать птицей. Полетъ должно понимать лишь иносказательно—какъ стремленіе къ Богу.

— Да, ты правъ, отецъ. Здѣсь, на землѣ мы узники, ко-

торые видятъ небо лишь сквозь окошко тюрьмы и рвутся на волю.

Онъ скорбно кивнулъ головою.

— Каждая вещь вѣрна себѣ, и только человѣкъ не знаетъ покоя. Десяти поколѣніямъ эта усадьба была отчимъ домомъ; для нея они трудились, ею жили; одиннадцатому она стала тюрьмой. Какъ я рвался отсюда въ широкій міръ! Я рвался на просторъ, хотѣлъ быть художникомъ; въ моей груди бился пульсъ всего человѣчества; я учился, творилъ, путешествовалъ, но не было во мнѣ настоящаго дарованія, которое бы мнѣ развязало руки, и все время я чувствовалъ себя точно скованнымъ. И, когда дошелъ до отчаянія, милая рука коснулась моихъ цѣпей, и ржавая цѣпь стала цѣпью изъ розъ и обвила мой семейный очагъ.

Суровое лицо отца озарилось улыбкой, въ голосѣ его зазвучали веселыя нотки. Оба мы преклонили нашу гордость и наши сердца передъ тихой, кроткой женщиной, дѣйственная доброта которой сквозила во всемъ, что красило нашъ тяжкій трудъ.

— Я сжегъ свои картины,—продолжалъ отецъ,—и сталъ хозяйничать въ родной усадьбѣ... Такъ я нашелъ себя и свой домъ и тѣшилъ себя мыслью, что сынъ мой уже не будетъ блуждать по ложнымъ путямъ. Тамъ, вдали,—иной міръ, шумный и крикливый, который зоветъ насъ пѣснью морскихъ сиренъ и въ ясныя ночи свѣтитъ намъ заревомъ на горизонтѣ. Его зова уже нельзя заглушить. И потому я послалъ тебя въ этотъ міръ, чтобы вооружить тебя его оружіемъ; чтобъ ты могъ сравнивать и выбирать. И ты выбралъ—его. Не качай головой. Я знаю, ты самъ еще въ себѣ не разобрался. Блескъ города вблизи распался на тысячи рѣзкихъ свѣтовъ пошлой обыденности—и ты бѣжалъ назадъ, къ землѣ, на чистый воздухъ. Но здѣсь тебѣ не ужиться. Пути Провидѣнія неисповѣдимы—я не могъ избавить тебя отъ блужданій. Но, если ужъ намъ суждено блуждать, прежде чѣмъ познать истину, познай же свою истину, прежде чѣмъ будетъ слишкомъ поздно; иди въ міръ, къ людямъ, и пусть у тебя будетъ съ ними все общее: и высокое, и низкое. Вотъ смыслъ твоего стремленья въ высоту. Ты искалъ своего счастья въ небесахъ, и найдешь его въ глубинѣ, внизу. А прочее оставь и отгони желанья. Кто сорветъ съ неба свою звѣзду, тотъ раздробитъ ее.

Какъ серьезенъ и взволнованъ былъ отецъ въ эту минуту! Я чтилъ величіе его рѣшенія—принести всѣ свои надежды въ жертву счастью своего ребенка—моему счастью—но на сердцѣ

у меня стало холодно отъ его словъ. Мнѣ вспомнился бродяга, работавшій со мною на полѣ. Этотъ чужой человѣкъ понялъ меня лучше, чѣмъ родной отецъ.

Угрюмо я отвѣтилъ:

— Не отчій домъ мнѣ тѣсенъ,—я самъ—своя тюрьма и хочу выломать двери тюрьмы. Я бѣденъ и хочу стать богаче— но развѣ станешь богаче отъ того, что сольешься съ другимъ?

— Всѣ мы живемъ идеей, которая владѣетъ нами. Для меня она родина; для тебя—полетъ. Ты хочешь итти одинъ своей дорогой—достаточно ли ты силенъ для одиночества?

Я упрямо тряхнулъ головой. Рѣзкимъ движеніемъ отецъ притянулъ меня къ себѣ и глубоко, пытливо заглянулъ мнѣ въ глаза. Я невольно отвернулся. Тихо, но рѣшительно, онъ выговорилъ:

— Когда осенью аисты потянутся на югъ, уйдешь и ты.

И, не дожидаясь отвѣта, отошелъ. Но слова его все еще звучали въ моихъ ушахъ.

Цѣлыми ночами лежалъ я безъ сна все на той же кровати, на которой я спалъ въ дѣтствѣ, обхвативъ руками голову. Въ ушахъ у меня шумѣло, какъ въ раковинѣ. Я былъ одинокъ и въ то же время не одинъ. Все время я слышалъ чужіе и въ то же время знакомые голоса, которые бранили, или хвалили моего отца. Ни съ однимъ изъ нихъ я не могъ согласиться, хотѣлъ возразить—и не находилъ словъ. Было ли то во снѣ, или на яву, не знаю, но голоса сливались въ какой то хаотическій клубокъ, все уплотнявшійся; онъ приближался и передо мной вставала фигура отца. Я со стономъ отодвигался, она все наступала—казалось, вотъ-вотъ она задавитъ меня—и вдругъ расплывалась.

Я вскакивалъ и пробуждался. Кто же это связываетъ мнѣ руки, уже ощущающія встрѣчное давленіе воздуха? Моя ненависть шептала мнѣ: Ты; моя правда молчала—но я вѣрилъ своей ненависти. Ненависть есть основа всякаго Я, ибо Я, выскользнувъ изъ общности, уже не хочетъ вновь подпасть подъ власть ея и слиться съ нею. А, между тѣмъ, должно возрождаться въ общности, въ Ты любви, и обогащаться ею, какъ всѣмъ, что насъ питаетъ и поддерживаетъ.

Мнѣ, не знающему любви, матерія враждебна; но я согну ее своею волей, я сломаю ее своимъ гнѣвомъ...

Какъ лунатикъ, я выскальзывалъ изъ своей спальни на чердакъ, гдѣ стояли прислоненныя къ стѣнѣ тяжелыя деревянныя крылья, начатыя и брошенныя. Глаза мои, освоившіеся съ

темнотою, высчитывали, прикидывали, примѣряли; но руки, словно въ невидимыхъ цѣпяхъ, висѣли безъ движенія. Шалый свѣтъ, невѣдомо откуда порою проникавшій въ чердачное окно, озарялъ мертвыя, будто спавшія крылья...

О, ночи моего одиночества, о, дни моей ненависти!..

Я наполнялъ свое одиночество тѣмъ, что слѣдилъ за всѣми птицами, и за тѣмъ, какъ онѣ учатъ летать своихъ птенцовъ. Я присматривался къ тому, какъ ласточки кормятъ своихъ маленькихъ, какъ онѣ стремительно улетаютъ и возвращаются въ гнѣздо, слегка поднимаясь передъ тѣмъ, какъ опуститься. Я подбиралъ выпавшихъ изъ гнѣзда желторотыхъ грачей, на пискъ которыхъ слетались на заборъ сотни крикливыхъ стариковъ. Я приручилъ одного цыпленка, желтенькаго съ коричневой полоской на спинѣ, и онъ ходилъ за мною по пятамъ, до тѣхъ поръ, пока возмущенная насѣдка не заклевала его, когда онъ однажды слишкомъ поздно вернулся на насѣстъ.

Съ того дня отецъ сталъ со мной осторожнѣе и ласковѣе; онъ видѣлъ, что я сторонюсь отъ него, чувствовалъ горечь въ моемъ тонѣ, и старался не раздражать меня, объясняя это тѣмъ, что мнѣ трудно разстаться съ своими юношескими мечтами. Моя послѣдняя большая летательная машина валялась, разобранная на части, въ углу чердака. Однажды онъ принесъ мнѣ молодого аиста, упавшаго съ крыши. Онъ вставилъ въ лубки его сломанную ногу, и съ тѣхъ поръ птенецъ, котораго мы назвали Адебаромъ, повсюду, ковыляя, ходилъ за нимъ слѣдомъ, какъ вѣрный вассалъ. Я смотрѣлъ на хромого аиста и съ горечью вспоминалъ отцовскія слова: «Когда аисты соберутся въ путь, и ты уйдешь». Бѣдный хромоножка, ты ужъ никогда не полетишь!

Но время шло, и больная нога сросталась, и нашъ Адебаръ уже начиналъ пробовать свои силы въ полетѣ. Первыя попытки были неуклюжи и забавны. Какъ онъ смѣшно кричалъ отъ радости, когда ему впервые удалось подняться съ земли! И у меня что-то горячей волной прихлынуло къ сердцу. Вотъ вѣдь онъ, одинъ, вдали отъ гнѣзда, и некому научить его летать, и нога у него едва успѣла зажить,—а онъ ужъ силится выполнить свое предназначеніе.

Ежедневно мой аистъ упражнялся въ летаніи, и глаза мои радовались, глядя на него, въ то время, какъ руки мои работали. Его сильныя мышцы, несшія тяжелое тѣло, едва поворачивались

въ суставахъ, но оперенныя крылья глубоко загребали воздухъ съ обѣихъ сторонъ подъ себя. Затѣмъ, быстро развертываясь, принимали косое положеніе съ приподнятымъ и напрягшимся переднимъ бортомъ. Вѣтеръ крѣпчалъ; руки-крылья забирали впередъ; птица подымалась все выше.

Теперь уже ноги и шея ея вытянулись въ одну линію; бѣлыя перья одѣвали тѣло словно чешуйчатымъ панцыремъ. У опушки лѣса аистъ описалъ дугу и повернулъ обратно, видимо дѣлая усилія, чтобы нагнать вѣтеръ, который теперь лишилъ его поддержки встрѣчнаго давленія. Еще взмахъ крыльевъ—и Адебаръ, обезсиленный, спустился на землю, съ выброшенными впередъ ногами и вывороченными крыльями.

Дождавшись, когда вѣтеръ налетѣлъ снова, аистъ взвился высоко надъ вершинами деревьевъ. И тогда крылья его стали недвижны; онъ парилъ въ воздухѣ, скользя спиралью, почти незамѣтно приспособляясь ко всякому напору вѣтра.

Мнѣ вспомнилась смерть двухъ птицъ, которой я былъ свидѣтелемъ. Когда въ дѣтствѣ я въ первый разъ увидѣлъ, какъ служанка рѣжетъ пѣтуха, я, испугавшись, кинулся ей въ ноги, умоляя, чтобъ она не дѣлала этого—обезглавленная птица вырвалась у нея изъ рукъ и заметалась по двору. Я вскрикнулъ и лишился чувствъ. Въ другой разъ, на взморьѣ, охотникъ на моихъ глазахъ застрѣлилъ чайку—она камнемъ упала въ море.

Итакъ, чѣмъ благороднѣй форма, тѣмъ глубже она сливается съ существомъ вещей.

Какъ это случилось, уже не знаю, но только аистъ нашелъ и узналъ своихъ сородичей. Ежедневно онъ леталъ къ нимъ черезъ болото, пока они готовились къ отлету, и, послѣдній разъ, какъ улетѣлъ, ужъ не вернулся. Когда надъ головой моею, въ высотѣ, пронеслась стая аистовъ, мнѣ показалось, что я слышу его прощальный крикъ, и я позавидовалъ ему: глаза мои горѣли отъ слезъ, которыя не хотѣли пролиться.

А здѣсь, внизу, была страда, жатва въ самомъ разгарѣ. Работницы въ синихъ юбкахъ, красныхъ лифчикахъ и бѣлыхъ соломенныхъ шляпахъ, вязали снопы. Розовая степь синѣла на горизонтѣ; въ лѣсу черники было видимо-невидимо, и даже зеленая брусника уже начинала румяниться.

Хейнъ шепнулъ мнѣ:

— Ты слыхалъ: въ Швабской землѣ, говорятъ, пускаютъ большой воздушный корабль?

Я только кивнулъ головой.

— Время приспѣло — собирайте вашу жатву въ житницы.

Я спалъ, лежа на лѣвомъ боку, и видѣлъ свой обычный сонъ. Мои мышцы и сухожилія напрягались и расправлялись, и это было наслажденіемъ. Неровно, толчками, но все же я несся по воздуху. И вдругъ услышалъ голосъ:

— Проснись.

Я стремглавъ полетѣлъ внизъ и очутился посерединѣ комнаты. Голосъ говорилъ:

— Искушайте Бога, повелѣвшаго вамъ: владычествуйте надъ птицами небесными.

Я спросилъ:

— Не Богъ ли искушаетъ насъ?

Голосъ вкрадчиво продолжалъ:

— Раскроются очи ваши и будете вы, какъ боги.

Я испуганно отшатнулся.

— За эти самыя слова мы прокляты и изгнаны изъ рая.

— Чѣмъ былъ бы для васъ рай, еслибъ вы не были изгнаны изъ него?

Я отвѣтилъ:

— Плоскостью безъ глубины, движущейся картиной въ рамкѣ шара, безсмысленной привычкой, утратившей смыслъ.

— А теперь? — торжествующе прозвучалъ голосъ.—Онъ сталъ томленьемъ и гнѣвомъ, тоской и бодрящимъ хлыстомъ, вѣрой въ кольцо, не имѣющее конца и начала и въ источникъ вѣчнаго свѣта.

— Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ?—спросилъ я.

— Окунись въ источникъ всего, гдѣ горитъ творческая искра, и вернись черезъ вѣчность къ пространству и времени.

Я поднялъ творческую искру изъ первоисточника и бросилъ ее въ матерію. И сталъ заклинать матерію.

Я заклиналъ дерево:

— Дерево, мертвое дерево—какъ ты ростешь изъ зерна, развѣтвляясь въ тысячу побѣговъ и изъ земли берешь силу расти къ небу, такъ врасти въ меня своими корнями и расти изъ меня къ моей цѣли—часть моего цѣлаго, сила моей силы.

И мнѣ казалось, что мертвая осина оживаетъ, что въ ней течетъ моя горячая кровь.

Но деревянныя рамы крыльевъ были недвижны и мертвы въ

рукахъ моихъ. Я въ отчаяніи восклицалъ: «Какъ мнѣ оживить васъ, лѣнивыя крылья?». А голосъ издѣвался:

— Развѣ ты хочешь только взлетать на заборы, трепыхаясь, какъ пѣтухъ, спасающійся отъ собачьихъ зубовъ, когда ты орелъ и долженъ царить?

Я возражалъ:

— Какъ можетъ владычествовать безсиліе?

Голосъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Не свойственно ли человѣку противоставить силѣ хитрость?

Я отогналъ отъ себя остатки колебаній и сомнѣній и повелѣлъ ясеневымъ рейкамъ.

— Вѣдь вы же были деревьями, противившимися напору вѣтра. Будьте же крѣпкими, устойчивыми.

И онѣ стали крѣпкими, устойчивыми.

Ивовымъ прутьямъ я грозно крикнулъ:

— Гнитесь или ломайтесь!

Они согнулись и не сломились, а выгнулись дугой подъ давленіемъ соединительныхъ проволокъ, а на концахъ выгнулись кверху, какъ опрокинутые вопросительные знаки, которые должны были въ воздухѣ найти себѣ отвѣтъ.

Я натянулъ на реи промасленный холстъ. И вотъ—у меня выросли крылья, и между нихъ я самъ себѣ казался исполиномъ. Облокотясь локтями па подручники, я схватился руками за поперечную перекладину и перегнулся корпусомъ назадъ: моя птица выпрямилась и взвилась кверху. Сводъ небесный раздался; звѣзды устремились мнѣ навстрѣчу. Я былъ господиномъ вѣтра...

Отворилась дверь. Передо мною стоялъ староста. Мы смѣрили другъ друга взглядомъ. Я чувствовалъ его сиплый голосъ, хотя онъ и былъ беззвученъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь до первыхъ пѣтуховъ?

Такой же беззвучный, вырвался у меня ликующій отвѣтъ:

— Летаю.

Онъ проскрипѣлъ зубами:

— Вѣдь я раздавилъ твою птицу.

— Ты раздавилъ комара—онъ сталъ орломъ. Ты отнялъ у меня игрушку— я не играю больше, а дѣлаю серьезное дѣло, какъ подобаетъ мужчинѣ.

— Зачѣмъ же бѣжишь отъ нашей земли, которая кормитъ тебя?

— Развѣ я бѣгу отъ нея? Развѣ не она бѣжитъ со мною

къ моимъ небесамъ? Чѣмъ выше я поднимаюсь, тѣмъ шире раскидывается земля вокругъ меня; я вижу вселенную.

Старикъ покачалъ головой.

— Глупецъ ты — земля уже разверзлась, чтобы поглотить тебя.

— А ты—червь ползучій — оттого то я и спѣшу подняться надъ нею.

Взоры наши встрѣтились. Старикъ молча повернулся и вышелъ. Занималась заря.

Отецъ уѣхалъ въ городъ, продавать хлѣбъ и, кстати, потолковать съ учителемъ о моемъ будущемъ. Его ждали обратно на слѣдующій день. Я рѣшилъ не откладывать пробы, пока староста не выдалъ меня. Чуть свѣтъ я отыскалъ Хейна.

— Ну, братъ, сегодня лечу.

Онъ замялся, какъ то виновато закашлялся.

— Ты что же? Трусишь? Или тебя сегодня вечеромъ ждетъ кто нибудь?

Онъ покраснѣлъ до корней волосъ.

— Ладно, приду.

Сейчасъ же послѣ ужина, я ушелъ къ себѣ, не смѣя взглянуть въ глаза матери, которая, въ свою очередь, не смѣла ни о чемъ спросить меня. Лежа одѣтый на кровати, я слышалъ звонкій дѣвичій голосъ, распѣвавшій:

— Кристиночка въ саду сидѣла,
Поджидала жениха;
Но не то ей суждено—
Ее русалки въ Рейнѣ ждутъ давно.

Два другихъ голоса подхватили припѣвъ, одинъ визгливый, другой такой низкій, словно мужской басъ. Староста выколотилъ на порогѣ трубку. Это былъ знакъ прочимъ — итти ложиться спать.

Батраки, шумно гутогя между собой, полѣзли на чердакъ надъ конюшней, гдѣ они спали лѣтомъ; работницы учтиво пожелали моей матери доброй ночи.

За моей стѣной возился, укладываясь, староста. Когда онъ, наконецъ, успокоился и захрапѣлъ, я выскользнулъ на чердакъ и выглянулъ въ окно: Хейнъ уже поджидалъ меня и кричалъ по совиному, точно вызывая дѣвушку на свиданіе. Я злобно прошипѣлъ:

— Заткни глотку, дурень. Все равно никто тебя не приметъ за филина.

Онъ обидѣлся. Я шепнулъ:

— Иди помогать.

Черезъ люкъ я спустилъ ему машину, потомъ и самъ спустился съ лѣстницы. Входная дверь скрипнула. На скрипъ со двора выбѣжала мой песъ, умильно помахивая хвостомъ—и, ощетинившись, попятился назадъ.

— Тирасъ. Кушъ!

Онъ легъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Черезъ ворота мы вынесли мою машину.

Между кровавымъ Марсомъ и серебряной Венерой неслось темное облако, предвѣщая бурю. Изъ за края горизонта выплыла луна, круглая, мѣдно-красная. Какъ легко она поднялась и поплыла по темной лазури. Ты, ночной сторожъ усталой земли, странствующій фонарь съ заемнымъ свѣтомъ—посвѣти мнѣ и научи меня плавать, какъ ты!

Темную степь словно окунули въ молоко. Мнѣ почудилось, будто кто-то окликнулъ меня по имени—я ускорилъ шаги. Моя машина, которую мы несли, опрокинувъ ее однимъ крыломъ впередъ, нетерпѣливо вздрагивала, какъ благородный конь, не выносящій насилія надъ собою. Я повернулъ ее иначе, такъ что крылья пришлись въ ширину: она сразу стала какъ будто на нѣсколько фунтовъ легче.

На опушкѣ лѣса мы опустили нашу птицу на землю. Барсукъ испуганно метнулся въ сторону; лисица, кравшаяся по заячьему слѣду, изъ подъ куста наблюдала за нами, поблескивая злыми глазками. Хейнъ поднялъ камень—мгновенно оба звѣрька исчезли.

Дулъ легкій нордъ-остъ, постепенно крѣпчавшій. Мы ждали, стоя возлѣ нашего аэроплана. Хейнъ задумчиво жевалъ стебель травы и, наконецъ, разрѣшился мудрою фразой.

— Воздухъ то, вѣдь, рѣже воды.

Я подтвердилъ:

— Въ семьсотъ семьдесятъ разъ.

Хейнъ опять помолчалъ, потомъ выговорилъ, лукаво взглянувъ на меня:

— Вы вѣдь ученый?

— Да.

— Чего же вы въ мужики-то пошли?

Я не отвѣтилъ. Онъ принялся насвистывать какую-то пѣсенку.

Когда вѣтеръ усилился, мы встащили машину на высокій бугоръ. Я былъ спокоенъ, почти веселъ, рѣшивъ: будь, что будетъ. Заботливо ощупалъ я всѣ перекладины и ивовые прутья, придававшіе гибкость слабо натянутымъ парусиновымъ крыльямъ, которыя должны были вздуваться отъ вѣтра, и тупому вѣерообразному хвосту. Положивъ руки на налокотники, я втянулъ въ себя полной грудью вѣтеръ, дувшій мнѣ въ лицо, и съ дикой радостью устремился ему навстрѣчу. Въ воображеніи я ужъ летѣлъ. Почва ускользала изъ-подъ ногъ моихъ; я повисъ въ воздухѣ, какъ человѣкъ, упавшій съ крыши и уцѣпившійся за желобъ.

Что же это такое? Я вишу въ пространствѣ и раскачиваюсь, какъ языкъ колокола, движимый чужою волей... Внѣ себя, я налегъ на крылья. О радость!—птица двинулась впередъ.—Измѣна; крылья запнулись за землю и не поднимаются.

— Хейнъ!—крикнулъ я, чуть не плача.—Рамы слишкомъ тяжелы.

Я перегнулся корпусомъ назадъ — напрасно; моя машина неудержимо катилась подъ гору. Двѣ тонкихъ аистовыхъ ноги, кровавыхъ, несмотря на мракъ, мелькнули у меня передъ глазами; я сдѣлалъ, какъ аистъ, и съ силой выбросилъ обѣ ноги впередъ. И упалъ на колѣни, чувствуя крылья, трепетавшія подъ моими руками, ощущая землю, боль и удивленіе. Хейнъ помогъ мнѣ встать; въ смущеніи я увидѣлъ, что стою у подножья бугра. Съ колѣней моихъ текла кровь. Я долго, напряженно обдумывалъ свою неудачу.

— Хейнъ, это не рамы—это земля хватаетъ и тянетъ къ себѣ все, что хочетъ ускользнуть отъ нея.

Я говорилъ шепотомъ, втайнѣ боясь, какъ бы меня не подслушала эта земля, которая была не со мной — значитъ, противъ меня.

— Помоги мнѣ.

Хейнъ, блѣдный въ лунномъ свѣтѣ, взмолился:

— Оставь ты это! Будетъ уже.

Въ голосѣ его звучала тревога. Вмѣсто отвѣта, я схватилъ свою машину и понесъ ее снова на вершину холма. Хейнъ нерѣшительно помогалъ мнѣ. Я еще разъ глубоко перевелъ духъ, всей грудью втянулъ въ себя воздухъ. Потомъ велѣлъ Хейну отойти въ сторонку и побѣжалъ, размахивая по

вѣтру обоими крыльями. Хейнъ испуганно кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Не надо! вернись!

Вихрь подхватилъ меня; я закружился въ воздухѣ. Наудачу я парировалъ удары вѣтра. Тѣло мое все содрогалось, словно въ предсмертныхъ судорогахъ и, однакожъ, никогда еще я такъ отчетливо не ощущалъ, что я живу. Я не смотрѣлъ на землю—и зналъ, что она летитъ мнѣ навстрѣчу; я не смотрѣлъ на небо—и зналъ, что оно опускается на меня. Порывъ вѣтра снизу подбросилъ меня вверхъ—крылья мои, дрожа, распластались по одной линіи. Я стоялъ недвижно въ воздухѣ.

Потомъ сталъ скользить наискось впередъ. Встрѣчный вѣтеръ, усилившись, надулъ лѣвое крыло: машина накренилась вправо, словно собираясь описать дугу. Я вспомнилъ аиста... Соблазнившись его примѣромъ, я невольно нагнулся тоже вправо—чтобъ описать свой кругъ, какъ новая звѣзда...

... Это погубило меня. Крылья мои мгновенно подломились, одно подо мною, другое надо мной. Мучительно сладкая судорога свела мнѣ внутренности — передъ глазами запрыгали искры—степь зашумѣла и кинулась на меня — можжевельникъ хлесталъ меня по лицу... Потомъ ударъ—тупая боль—передъ глазами моими завертѣлись искрящіеся темные круги; правую ногу придавила тяжесть. Я летѣлъ, летѣлъ безъ конца, въ какую то бездонную глубь...

Очнулся я, почувствовавъ, что меня несутъ; услыхалъ голосъ старосты, отдававшій приказанія... потомъ снова надвинулся мракъ...

Я лежалъ на большомъ столѣ, въ свѣтлой съ голыми стѣнами комнатѣ, полной инструментовъ и разной формы сосудовъ. Сквозь холодную клеенку я болѣзненно ощущалъ дерево стола, на которомъ было жестко лежать; правую ногу кололи тысячи иголокъ. Я хотѣлъ дотронуться до нея, но надо мной склонилось женское лицо въ бѣлой рамкѣ туго накрахмаленнаго чепца. Женщина держала въ рукахъ синюю бутылочку и капала оттуда по каплѣ какую то жидкость на маску, которую она держала надъ моимъ лицомъ. Я вдыхалъ въ себя сладковатый запахъ; въ глазахъ то темнѣло, то мелькали искры; воля моя ослабла, отупѣла. Женскій голосъ, донесшійся откуда то издали, приказалъ мнѣ считать. Я покорно началъ считать: «Одинъ—два—три». Мой собственный голосъ звучалъ напряженно и доносился до меня какъ будто изъ глубины колодца; потомъ сталъ обрываться.

Рядомъ мужскіе голоса говорили о чемъ то, громко и путано... «Тринадцать»—выдавилъ я изъ себя... «Двадцать восемь»... Я напрягалъ всю силу воли, чтобы поднять отяжелѣвшія вѣки; передо мною двигалась женская спина, надо мною вѣяло свѣжестью молодого дѣвичьяго тѣла—я почувствовалъ, что меня опять несутъ на носилкахъ.

Первымъ моимъ вопросомъ, въ первый проблескъ сознанія, было:

— Вернулся мой аистъ?

Подъ мышкой я ощущалъ холодъ стекла, на лбу горячую руку.

Вяло и медленно я возвращался къ дѣйствительности. У постели сидѣла мать моя; я узналъ ее и слегка приподнялся. Было ли то отраженіе моей собственной блѣдности, но она показалась мнѣ блѣдной, измученной. Слезы хлынули изъ глазъ ея, но уста блаженно улыбались. И я понялъ, что я не одинъ страдалъ, и со стономъ упалъ опять на подушки.

Я снова забывался и снова приходилъ въ себя. Безъ всякой поддержки я плавалъ въ воздухѣ и испуганно вскрикивалъ, когда сильныя руки тянулись ко мнѣ изъ глубины и бородатый мужчина прижималъ меня къ себѣ. Я вырывался, изгибался—демонъ исчезалъ. Появлялись и скрывались фигуры; знакомые голоса шепотомъ о чемъ то спрашивали, и чужіе отвѣчали имъ; часто я оставался совсѣмъ одинъ, наединѣ съ самимъ собой. Во мнѣ была тупая пустота, въ которой лишь изрѣдка вѣяло дыханіемъ жизни. Откуда то издали вкусно пахло съѣстнымъ, и я соображалъ, чѣмъ это пахнетъ. Подъ открытымъ окномъ раздавались чьи то неровные, широкіе шаги: съ закрытыми глазами я видѣлъ безцвѣтную и съежившуюся фигурку пьянаго...

Какъ сладко лежать въ растяжку и мечтать!.. Я попробовалъ вытянуться—ногу мою сдавило точно въ желѣзныхъ тискахъ. Что же это такое? Гдѣ я? Безумный ужасъ охватилъ меня. Неужели же я калѣка и лежу въ больницѣ?

Я съ трудомъ собралъ мысли. Ночь... бугоръ въ степи... крылья, надутыя вѣтромъ... я самъ, висящій въ воздухѣ...

Я пронзительно вскрикнулъ; прибѣжала сестра.

— Сестра, я калѣка?

Она, должно быть, заснула; глаза ея были красны, чепчикъ съѣхалъ на бокъ, бѣлокурые волосы растрепались. Огрубѣлыми отъ работы руками она отмахнулась отъ меня.

— Что вы! Господь съ вами! Все идетъ хорошо. Ногу теперь уже не придется отнимать.

— Меня оперировали?

— Да. Нога у васъ была сломана и раздроблена.

— Я кричалъ?

— Смѣялись.

— А затѣмъ?

— Долгое время вы были безъ сознанія, бредили. Все говорили про аистовъ и про какой-то бугоръ въ степи.

— Здѣсь, у моей койки не сидѣла моя мать?

— Ваши родители часто навѣщали васъ; ваша матушка и теперь въ городѣ—дожидается, пока всякая опасность минуетъ.

— И я не узналъ ея?

— Вы не разъ приподнимались и, сидя, низко кланялись каждому входившему. Но никого не узнавали.

— Спасибо вамъ, сестрица, что вы ходили за мною.

Сестра улыбнулась мнѣ доброй улыбкой. На ея уже немолодомъ лицѣ было начертано самоотреченіе; она пригладила мнѣ волосы съ лаской женщины, которая не можетъ питать къ мужчинѣ иной любви, кромѣ материнской.

И ушла къ другимъ больнымъ, звавшимъ ее.

Въ тотъ же день меня навѣстила мать. Тихо сидѣла она у моего изголовья, и вела тихія рѣчи, гладя мои исхудалыя руки. Она разсказывала о моемъ братѣ, рано умершемъ, и о томъ, какъ послѣ его смерти вся ея любовь и заботы сосредоточились на мнѣ, единственномъ сынѣ.

Пришелъ и отецъ. Онъ коротко спросилъ, какъ я себя чувствую, и скоро ушелъ.

Сердце мое робко влеклось за нимъ. Я оскорбилъ его, тайно давъ волю тому, что онъ считалъ уже покореннымъ, преодолѣннымъ—и онъ видѣлъ въ этомъ испытаніе, ниспосланное ему Богомъ. Я оттолкнулъ отъ себя міръ, чтобы создать иной, мой собственный, и вотъ, лежу, безутѣшный, въ больницѣ, на попеченіи чужихъ людей. Но я не возмущаюсь и не раскаиваюсь; внутри меня пустота, безъ желаній. Мнѣ снился старый сонъ: я былъ на лунѣ; звѣзды шептались и ткали между собой воздушные мосты. Тяжелой стопой я раздавилъ эти мосты, упалъ—и проснулся. Теперь все кончено: сонъ разсѣялся.

Das Buch Kameradschaft.

Überall, wo wir mit Oberfläche unseres Leibes—denn nicht allein die Hand entwickelt diese Eigentümlichkeiten—einen fremden

Körper in Verbindung setzen, verlängert sich gewisserwassen das Bewusstrein unserer persönlichen Existenz bis in die Enden und Oberflächen dieses fremden Körpers hinein, und es entstehen Gefühle teils einer Vergrösserung des eigenen Ich, teils einer uns jetzt möglich gewordenen Form und Grösse der Bewegung, die unseren natürlichen Organen fremd ist, teils eine ingewöhnliche Spannung, Festigkeit oder Sicherheit unserer Haltung.

Lotze «Mikrokosmos».

So schafft sich der Mensch Organe, die, mit Scharfsinn angewendet, neue Weltansichten eröffnen.

Humboldt «Kosmos».

Fahre hin, fahre hin, kleines Gondelschiffchen.

Hauptmann «Und Pippa tanzt».

(Всякій разъ какъ мы приводимъ поверхность нашего тѣла—ибо не одной только рукѣ нашей свойственна эта особенность—въ соприкосновеніе съ постороннимъ тѣломъ, сознаніе нашего личнаго бытія какъ бы выростаетъ, проникая въ поверхность этого посторонняго тѣла, и возникаетъ отчасти чувство расширенія нашего собственнаго Я, отчасти ощущеніе, что теперь для насъ стали доступны такія формы и размѣры движенія, какія раньше были чужды нашимъ прирожденнымъ органамъ, отчасти необычное напряженіе, твердость и увѣренность нашей осанки.

Лоце: «Микрокосмъ».

Такимъ образомъ человѣкъ создаетъ себѣ органы, которые, будучи разумно использованы, открываютъ новые горизонты.

Гумбольдтъ: «Космосъ».

Плыви, плыви, маленькая лодочка!

Гауптманъ: «Пиппа танцуетъ»).

II.

Книга дружбы.

Сожженная степь была окутана мокрымъ туманомъ, въ которомъ тяжело было дышать. Изъ тумана выступала и снова пряталась лошадиная спина; колеса скрипѣли по песку; тѣни ихъ спицъ, въ свѣтѣ фонаря, вращались огромныя, на дорогѣ,

какъ крылья мельницъ призрачной страны. Гдѣ-нибудь вдругъ блеснетъ огонекъ; туманъ выплюнетъ человѣка и снова проглотитъ; издали донесется собачій лай,—и снова замерла жизнь. Въ этомъ влажномъ туманѣ мы блуждали, словно обреченныя души въ безвоздушномъ пространствѣ.

Мать ощупью нашла мою руку. Кругъ крови снова сомкнулся: я снова былъ ребенкомъ, сидѣвшимъ у нея на колѣняхъ, и вѣрная рука ея была моимъ вожатымъ.

Отцовскій домъ выплылъ изъ тумана, словно островокъ во время разлива. Въ воротахъ ждалъ староста; онъ помогъ мнѣ вылѣзть изъ повозки, но я стыдился своего костыля и заковылялъ одинъ къ дому.

Въ окна виденъ былъ огонь, пылающій на очагѣ; изъ дому пахло тепломъ и дымомъ, доносились веселые голоса и стукъ тарелокъ; челядь ужинала. Но когда я появился въ дверяхъ, все вдругъ смолкло. Взоры всѣхъ, сидѣвшихъ за длиннымъ столомъ, устремились на мой костыль, который жегъ мнѣ руку, какъ раскаленное желѣзо. Закусивъ губы, я подошелъ къ отцу. Мы молча пожали другъ другу руки; молча указалъ онъ мнѣ на мое прежнее мѣсто.

И снова меня окуталъ туманъ обособленности. Я искалъ глазами Хейна—но на мѣстѣ его сидѣлъ чужой. Одиноко сидѣлъ я за отцовскимъ столомъ, послѣдній изъ слугъ и бѣднѣйшій наслѣдникъ предъявляющаго свои права прошлаго.

Ни о своей машинѣ, ни о Хейнѣ я не спрашивалъ. Но жить дома мнѣ было не въ моготу, и черезъ недѣлю ушелъ.

Я побывалъ во многихъ школахъ и на многихъ фабрикахъ, стоялъ и за чертежными столами и у паровыхъ котловъ. Ѣздилъ за море сдавать заказанныя машины и радовался, возвращаясь домой, и пѣлъ пѣсни, которыя пѣли у насъ дома батраки за работой. Научился управлять автомобилемъ и чутко прислушивался къ пѣснѣ, которую пѣли колеса мотора. Человѣку наскучило жить среди людей, быть частью цѣлаго; онъ рвется назадъ, къ прежнему своему одиночеству. Идетъ своими путями, ищетъ собственнаго міра, и разъѣзжаетъ по свѣту вольной птицей, на своемъ моторѣ, не знающемъ гнета желѣзныхъ рельсовъ. Сила, загнанная въ крохотное пространство, сама себя несетъ по воздуху, и по землѣ, и по водѣ. Экипажи уже не нуждаются въ лошадяхъ; лодки превратились въ рыбъ и ныряютъ въ предопредѣленную имъ стихію. Только воздухъ еще не покоренъ че-

ловѣкомъ, легкій летательный аппаратъ не выдерживаетъ тяжести вдѣланнаго въ него мотора, а тяжелый—не поднимается. Правда, ходятъ слухи о двухъ братьяхъ-авіаторахъ, которые, будто бы, летаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ; ихъ машина реветъ, какъ медвѣдь, и распускаетъ хвостъ колесомъ, какъ павлинъ. Но, можетъ быть, это только сказки. То, что казалось близкимъ, рукой подать, ускользнуло въ страну волшебныхъ сказокъ для дѣтей.

Я снова былъ на родинѣ; снова видѣлъ бугоръ, предавшій меня, снова переживалъ свое разочарованіе...

Мать моя лежала больная, и во взорѣ ея была смерть. Съ утра до ночи я неотлучно сидѣлъ возлѣ нея; наши уста говорили успокоительныя слова; наши руки плакали, прижимаясь одна къ другой.

Мнѣ пора было уходить. Сознаніе истины бросило меня на колѣни; мы поцѣловались и долго не могли оторваться одинъ отъ другого. Потомъ я вскочилъ на ноги и схватился за ручку двери. Я не хотѣлъ оборачиваться, чтобъ не ослабнуть волей—и все же обернулся, почувствовавъ на себѣ ея умоляющій взглядъ. Съ усиліемъ она подняла съ одѣяла худенькую руку, прощаясь и благословляя.

За притворенной дверью я долго стоялъ, силясь овладѣть собой. Тамъ, въ комнатѣ, плакала мать о своемъ ребенкѣ...

И снова стоялъ я передъ тѣломъ, родившимъ меня. Подъ бѣлой простыней мертвое тѣло было худенькое и нѣжное, какъ у дѣвушки. А лицо желтое, щеки ввались, и поцѣлуй мой застылъ на мертвомъ челѣ. На меня повѣяло сладковатымъ и приторнымъ запахомъ тлѣнія, и я невольно отшатнулся въ трепетѣ передъ холодной, враждебной силой.

Эта пустая оболочка любимой души, этотъ оскверненный алтарь моей вѣры—не были моею матерью.

Мрачный, безъ слезъ, шелъ я за чернымъ гробомъ, и мнѣ казалось, что это не я, а кто-то другой смотритъ со стороны на похороны. Слова падали въ могилу, какъ дождевыя капли въ море; комья земли жестко ударялись о крышку гроба; женщины плакали; дѣти пѣли — пѣли о чужомъ страданіи. Мнѣ вспоминалась далекая ночь, когда смерть была среди насъ и говорила со мной огненными языками. Или и мое страданіе—гробъ и мертвое бремя? То была извѣстная борьба Іакова изъ-за познанія истины, которая, открываясь намъ, повергаетъ насъ ницъ и калѣчитъ. Жизнь сама по себѣ — разлука, завершаемая

смертью. Ибо всякое бытіе черезъ единство возвращается къ измѣнчивой формѣ.

Мое оцѣпенѣніе распалось; рыдая, я кинулся на грудь отца.

Директоръ завода, на которомъ я служилъ, зная, что я интересуюсь воздухоплаваніемъ, поручилъ мнѣ сдать во Франціи первый заказъ оттуда на моторъ для дирижабля, — первый нашъ такой моторъ—прибавивъ:—Кстати изслѣдуйте хорошенько работоспособность управляемаго воздушнаго шара. А до отъѣзда изучите на мѣстѣ наши нѣмецкіе типы дирижаблей. Отъ вашего заключенія зависитъ, займемся ли мы спеціально постройкой моторовъ для дирижаблей.

Онъ что-то отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ и, не глядя на меня, прибавилъ:

— Скоро должны состояться пробные полеты—состязаніе аэростатовъ—постарайтесь принять участіе въ одномъ изъ нихъ.

Ангаръ, огромный, былъ построенъ за городомъ, на равнинѣ, черезъ которую протекала рѣка; вокругъ него тянулось поле. Подобно Полифему, у него на лбу былъ одинъ только большой стекляный глазъ, отражавшій его пустоту. Остовъ воздушнаго корабля, строившагося въ немъ, казался скелетомъ, обтянутымъ кожей. Но сегодня, когда я пришелъ туда, внутри остова качалось что-то желтое, словно канарейка въ слишкомъ просторной клѣткѣ. Вначалѣ маленькій, шаръ быстро росъ, мѣняясь, какъ облако Гамлета или пудель Фауста; резиновая кишка, черезъ которую накачивали газъ, была пуповиной, питавшей его. Винтъ, помѣщенный подъ его острой рыбьей мордой, рули высоты подъ брюхомъ походили на плавники; сзади выпячивался хвостъ; весь онъ напоминалъ большую рыбу. Кишку отвинтили; чудовище, вытащенное на канатахъ изъ ангара, нетерпѣливо билось и рвалось съ привязи: теперь это была птица, соскучившаяся по родной стихіи. И въ то же время это была не птица, и постоянно мѣнявшійся обликъ ея разбивалъ всѣ сравненія, силившіяся втиснуть необычное въ схему привычнаго.

Въ то время, какъ въ гондолѣ усаживался экипажъ дирижабля, на борту испытывали моторъ. Французъ, хозяинъ, сквозь шумъ кричалъ мнѣ:

— Что вы скажете о моемъ воздушномъ кораблѣ?—у васъ, вѣдь, ничего такого нѣтъ.

Вмѣсто отвѣта, я указалъ ему рукою на моторъ, какъ бы говоря: «А это?».

Французъ погладилъ сѣдые усы и выговорилъ:

— На землѣ мы разбиты — теперь мы завоевываемъ воздухъ.

У строителя и пилота на капитанскомъ мостикѣ было напряженное выраженіе лицъ людей, которые поглощены исключительно даннымъ моментомъ и не признаютъ иныхъ цѣлей, кромѣ точнаго выполненія своихъ функцій. Строитель крикнулъ мнѣ въ рупоръ: «Спасибо. Годится».

Я снялъ свой моторъ. Затѣмъ, онъ крикнулъ:

— Уберите шаръ.

Шаръ увезли обратно.

— До свиданья. До вечера.

У строителя было изнуренное лицо, зоркіе, внимательные глаза. Сколько лѣтъ этому человѣку? Двадцать или пятьдесятъ? Его нельзя было назвать ни молодымъ, ни старымъ; онъ весь былъ поглощенъ своей задачей.

Но старикъ, владѣлецъ дирижабля, сидѣвшій рядомъ со мной въ автомобилѣ, мчавшемся со скоростью сорока лошадиныхъ силъ черезъ лѣса и мосты, мимо деревень и пригородныхъ виллъ, восклицалъ съ юношескою пылкостью:

— Въ то время, какъ вы, словно кроты, копаетесь въ землѣ, мы куемъ оружіе нашей будущей славы...

Въ воздухоплавательномъ паркѣ были, словно разостланы по землѣ, круглые палатки. Солдаты натягивали сѣтки на рѣзко желтыя, блестящія мѣдно-красныя и свинцово-синія оболочки шаровъ. Резиновые рукава вздрагивали подъ напоромъ газовъ, со свистомъ проходившихъ по нимъ; оболочки морщились, разбухали, снова опадали, снова разбухали и надувались въ колоссальные грибы. А грибы выростали въ шары, подъ которыми болтались корзины. И корзины, и сѣтки были, словно елка, увѣшанная мѣшками съ баластомъ, подушками, шубами, канатами, спасательными кругами, мѣшками съ провизіей и кислородомъ.

Шары, тяжело колыхаясь, направлялись къ старту, ведомые въ поводу, какъ слоны при переѣздѣ звѣринца. Солдаты, для пробы, то отпускали поводъ, то натягивали его туже. Вы-

бросили одинъ мѣшокъ съ балластомъ, потомъ еще одинъ. Гондола съ сидѣвшими въ ней неожиданно взвилась кверху; ихъ сразу уменьшившіяся фигуры казались куклами въ кукольной лодочкѣ надъ нашими головами, ихъ прощальные жесты—застывшими, какъ на фотографіи.

Первый аэростатъ надъ нашими головами казался шляпкой гвоздя, вбитаго въ небо.

Какъ это красиво: незамѣтно скользить въ воздухѣ, полнымъ торжественнаго ожиданія, какъ дѣти въ рождественскій вечеръ, и, сбросивъ съ себя оковы будней, разглядывать землю, какъ художественное произведеніе Творца. Аэростатъ—покой и наслажденіе. Мы же навязываемъ ему цѣль и смыслъ и вынуждаемъ его служить нашему честолюбію. И не замѣчаемъ, что тѣмъ сами подписываемъ ему приговоръ. Наша воля силится перехитрить вѣтеръ, и вѣтеръ, прежде нашъ любовникъ, нашъ сказочный воздушный конь, становится нашимъ заклятымъ врагомъ.

Нашъ дирижабль, какъ благородный конь передъ бѣгами, весь дрожалъ отъ честолюбія. Мы балансировали въ гондолѣ, стараясь установить равновѣсіе. Пилотъ, положивъ руку на руль высоты и перегнувшись черезъ бортъ такъ, что его рыжая борода билась объ обтянутый матеріей рэлингъ, коротко и властно отдавалъ приказанія:

— Передняя часть перегружена—перейдите сюда, сударь.

— Разрѣшите мнѣ остаться у мотора?—попросилъ я.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ, пусть машинистъ перейдетъ къ намъ.

Машинистъ перешелъ и сталъ рядомъ съ пилотомъ на защищенномъ отъ вѣтра капитанскомъ мостикѣ.

— Вниманіе.—Отпускай. Балластъ. Отпусти еще—такъ. Пускай.

Земля поплыла въ одну сторону, мы въ другую, почти незамѣтно; команда, державшая шаръ, осталась на мѣстѣ съ вытянутыми вверхъ шеями. Двѣ плоскости винта спереди сверкали, какъ два серебряныя солнца; мой моторъ гудѣлъ; холодный вѣтеръ задувалъ и подъ платье, но зябнуть намъ было некогда. Пилотъ былъ весь настороженность и велѣнье; юный рулевой полонъ рвенія и радости риска; я прислушивался къ своему мотору, какъ врачъ къ біенію сердца больного. То и дѣло съ легкимъ трескомъ взрыва вырывался наружу газъ; мѣрно и ритмично стучали крышки клапановъ.

Внизу, подъ нами неслась земля: плоскія горы, прилизан-

ныя пашни, пестрые лѣса и усадьбы съ четкими линіями. Одинъ только нашъ шаръ былъ неподвижной точкой въ несущейся куда-то вдаль вселенной, по ту сторону законовъ тяжести, головокруженія и тяготѣнія, связующихъ насъ на землѣ. И даже тѣнь нашего воздушнаго корабля, какъ тѣнь Шлемиля, освободилась отъ своей зависимости. Она скользила сбоку по полю и забѣгала впередъ. Мы поворачивали—она спотыкалась и тоже поворачивала; мы поднимались выше — она неувѣренно описывала дугу: словно собака, вопросительно прыгающая вокругъ господина.

Внизу люди проводили воскресный день за играми. Словно шарики ртути бѣгали между начерченными мѣломъ линіями; при разсмотрѣніи въ бинокль это оказывались люди въ свѣтлыхъ блузахъ, игравшіе въ футболъ. Въ другомъ мѣстѣ по кругу бѣгали крохотныя лошадки; красныя и голубыя пятнышки на нихъ были всадники—такими представлялись намъ сверху скачки. Передъ нами то и дѣло взмывали аэростаты. Въ безвѣтренномъ воздухѣ они поднимались прямо, «свѣчкой», словно притянутые вверхъ невидимыми канатами, и застывали на одной и той же высотѣ. Небо было словно вымощено ими. Потомъ они начинали описывать круги и улетали съ вѣтромъ, любовно кружившимъ около нихъ, словно отрядъ воиновъ вкругъ обожаемой принцессы.

Вотъ каменный прибой—дома предмѣстья; а тамъ и каменное море, тысячей рукъ машущее намъ; на крышахъ всюду люди. Въ этотъ рельефъ рѣка грязно-бурыми чернилами вписывала свои иниціалы. Изъ тумана четко выступала Эйфелева башня: символъ желѣзнаго вѣка, рвущагося изъ оковъ къ красотѣ.

Городского шума не слышно было за гудѣньемъ мотора. Дома то карабкались на холмы, то сбѣгали съ нихъ; скользили тѣни облаковъ, сверкали на солнцѣ стекла оконъ и острые шпили церквей; мѣстами виднѣлись кудрявые зеленые оазисы—парки. Въ густой сѣти узкихъ шахтъ кипѣла жизнь; люди шли своей дорогой, мимо тысячъ чудесъ, которыя казались имъ естественными и сами собою разумѣвшимися.

Но намъ со стороны все было видно: и электрическія желѣзныя дороги, и дѣти, играющія во дворѣ, и рабочіе, висѣвшіе въ воздухѣ, чиня телеграфные провода. Словно въ сказкѣ, передъ мной раскрывались крыши домовъ, и я видѣлъ все, что дѣлалось внутри. Тамъ умиралъ отецъ, плакали дѣти, рожала женщина, плутовалъ купецъ, говорилъ рѣчь ораторъ, убійца точилъ ножъ, священникъ боролся съ дьяволомъ изъ-за души,

поэтъ творилъ новую пѣснь. И ни одинъ изъ этихъ людей не зналъ, что дѣлается у него за стѣной. Всѣ они были, словно отдѣльные члены гигантскаго тѣла, разложеннаго передъ нами на прозекторскомъ столѣ. Въ жилахъ его текла вода, проведенная развѣтвленіями въ каждый домъ; отбросы попадали въ кишки подземныхъ трубъ; газовые резервуары за городскими воротами питали городъ, какъ и шары надъ нимъ; электрическія проволоки-нервы передавали впечатлѣнія, мысли и слова. Легкое нажатіе пальцемъ на кнопку, пересылающее мою волю по всему земному шару; голосъ, доносящійся до меня за нѣсколько миль, шипѣнье лампы, разгоняющей мракъ вокругъ меня, чужая сила, несущая меня—все это я вдругъ осмыслилъ, назвалъ городомъ, и, захваченный, прислушивался къ мощному біенію его сердца, которому, какъ эхо, откликался мой моторъ. Не та же ли это концентрированная сила и сосредоточенная воля? только здѣсь она зовется машиной; тамъ зовется городомъ; тамъ и здѣсь творческая сила человѣка втискиваетъ мертвую матерію въ одухотворенный кругъ его жизни.

Городъ лежалъ подъ нами окаменѣвшей мыслью.

Гонимые вѣтромъ, мы повернули назадъ и стали спускаться. Я остановилъ моторъ. Брошенный канатъ извивался, какъ хоботъ насѣкомаго, прежде чѣмъ онъ приблизился къ землѣ настолько, что команда могла схватить его. Мы спускались при крикахъ ликованія толпы; носъ гондолы круто поднялся, вслѣдствіе чего вывалились мѣшки съ водянымъ балластомъ. Владѣлецъ дирижабля, сгорая желаніемъ поскорѣй услышать поздравленія своихъ друзей, какъ юноша, перемахнулъ черезъ бортъ и соскочилъ на землю. Вдвойнѣ облегченный и подхваченный вѣтромъ, нашъ дирижабль неожиданно взмылъ кверху, увлекая за собою воздухоплавательную команду. Я бросился впередъ, чтобы перемѣстить центръ тяжести на носъ гондолы; одновременно съ этимъ кто-то снизу подскочилъ и уцѣпился за него же.

— Марія! — крикнулъ незнакомый голосъ.—Цѣпляйся за меня.

Дама, къ которой былъ обращенъ этотъ приказъ, побросала сумочку, зонтикъ и бинокль и, что было силы, повисла на ногахъ зовущаго. Теперь ужъ всѣ спѣшили къ намъ на помощь; носъ гондолы медленно опускался; команда уже стояла на ногахъ—мы были внѣ опасности.

Когда аэростатъ ввезли въ ангаръ, я розыскалъ того, кто первый намъ пришелъ на помощь. Даже въ тотъ тревожный моментъ я разслышалъ что-то особенное въ его возгласѣ; теперь

я сообразилъ: онъ крикнулъ это по нѣмецки. Незнакомецъ уже поворачивалъ свой моторъ, въ которомъ сидѣла его дама, и учтиво отстранилъ мою признательность съ улыбкой, не измѣнившей выраженія его лица, видимо, находившагося въ полномъ подчиненіи у своего владѣльца.

— Да, вы чуть было не улетѣли на небо.

— Вы нѣмецъ?—спросилъ я.

— Швейцарецъ.

Онъ назвалъ себя: Кимъ, инженеръ на французской службѣ. Тогда я вспомнилъ, что слыхалъ о немъ. И моя фамилія была ему знакома. Онъ нѣсколько оттаялъ и представилъ меня своей дамѣ, оказавшейся его сестрой. У нея были тѣ же строгія черты, какъ и у брата. Я шутливо поздравилъ ее съ ея находчивостью и своевременнымъ вмѣшательствомъ.

Она слегка улыбнулась.

— О, я, какъ земля, повисла на немъ, чтобы онъ не улетѣлъ.

Въ сѣрыхъ глазахъ ея, спокойныхъ, какъ гладь степного озера, засвѣтились лукавые огоньки. Я спросилъ тѣмъ же шутливымъ тономъ:

— Вы, повидимому, не сочувствуете нашимъ икаровскимъ стремленіямъ?

Она открыто, ясно посмотрѣла мнѣ въ глаза и отвѣтила:

— Я ничего не имѣю противъ этого, какъ спорта, но не сочувствую тѣмъ, кто гибнетъ не потому, что опасность была сильнѣе ихъ, а потому, что сами они рисковали безразсудно.

Я смутился и промолчалъ; братъ ея утѣшилъ меня.

— Вы коснулись вопроса, въ которомъ мы съ сестрой абсолютно расходимся.

Марія покраснѣла.

— Простите, это, разумѣется, относилось не къ вамъ.

Какъ мягокъ и мелодиченъ могъ быть ея голосъ... Потомъ мы заговорили о другомъ. Я спросилъ Кима:

— Вы работаете надъ постройкою воздушныхъ кораблей?

— До перваго случая полетѣть самому.

Я былъ снова озадаченъ. Его это, повидимому, забавляло; густые усы, его прикрывавшіе ротъ, тряслись, словно отъ сдержаннаго смѣха.

— Зайдите ко мнѣ завтра.

Онъ далъ мнѣ адресъ своего отеля, поклонился и вскочилъ въ автомобиль. Сестра его подала мнѣ руку.

Какъ мягокъ и нѣженъ могъ быть ея голосъ. Милый голосъ, на который онъ похожъ, ужъ отзвучалъ. Какъ смѣлъ и ясенъ ея взглядъ, какая она вся устойчивая, спокойная...

Невольно рядомъ съ нею въ памяти всталъ другой женскій образъ. Послѣ смерти матери Туснельда прислала мнѣ сочувственное письмецо; я отвѣтилъ, поблагодаривъ; тогда пришло второе письмо, гдѣ говорилось объ одиночествѣ, тоскѣ и страсти. Лживое, лицемѣрное письмо — и все же во мнѣ пробудилась заглушенная страсть, какъ бурный вѣтеръ послѣ сковавшей землю зимней ночи. Но теперь это ужъ кончено.

Когда я вышелъ изъ омнибуса передъ указаннымъ мнѣ отелемъ, Кимъ уже сидѣлъ въ своемъ моторѣ, поджидая меня. Къ моему разочарованію, онъ былъ одинъ. Но ждать иного я не имѣлъ права.

Въ тотъ моментъ, когда мы остановились возлѣ испытательнаго поля, съ земли, словно спугнутый, поднялся большой уткообразный ящикъ и грузно упалъ обратно. И меня объялъ трепетъ предчувствія еще большаго чуда: на моихъ глазахъ человѣкъ безъ помощи газа и вспомогательнаго трамплина—бурга, поднялся съ земли, и этотъ первый прыжокъ обусловливалъ собой все будущее. Кольцо сомкнулось и мѣсто естественной эволюціи, длившейся болѣе тысячи лѣтъ, заступила эволюція машины.

Лакей ввелъ меня въ частный кабинетъ директора, и я началъ свой докладъ. Въ машинномъ отдѣленіи кипѣла работа; гудѣнье, свистъ и трескъ заглушали голоса. Мой шефъ все время, что-то отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ, отъ времени до времени быстро, искоса, поглядывая на меня. У него были холодные глаза, умѣвшіе каждаго поставить на надлежащую дистанцію, соотвѣтственно стоимости его въ цифрахъ.

Когда я кончилъ, онъ круто повернулся ко мнѣ и спросилъ.

— Ну что́ же, сто́итъ намъ, по вашему, фабриковать такіе моторы?

— Сто́итъ.

— Значитъ, воздушный корабль имѣетъ будущее?

— Ближайшее—да.

— То есть—что это значитъ?

— Мягкій управляемый аэростатъ, по моему, никогда не будетъ господиномъ воздуха; ему недостаетъ единства двухъ силъ, которыя движутъ его: силы взгоняющей и силы влекущей. Для жесткаго же аэростата, достигшаго этого единства, постоянной опасностью является земля, ибо она тяжелая, а онъ не имѣетъ вѣса и при паденіи расплющивается.

— А съ точки зрѣнія военныхъ надобностей?

— Воздушный корабль представляетъ собою большую и видную цѣль, сплошь изъ взрывчатыхъ и горючихъ матерьяловъ.

— И, тѣмъ не менѣе, вы говорите, что у него есть будущее?

— Я полагаю такъ: что человѣкъ разъ завоевалъ, того ужъ онъ не выпуститъ изъ рукъ. Воздушный путь предуготованъ намъ, какъ наиболѣе совершенная и окончательная форма сообщенія между собой культурнаго человѣчества; и потому мы будемъ держаться управляемаго баллона съ механическимъ двигателемъ—пока не придумаемъ чего нибудь получше.

— И это лучшее?

— Летательный снарядъ.

Директоръ пристально смотрѣлъ на меня.

— Объяснитесь, прошу васъ.

— Идея управляемаго аэростата возникла одновременно съ первымъ полетомъ братьевъ Монгольфьеровъ, и тогда же былъ набросанъ на бумагѣ чертежъ его; трагизмъ этой идеи въ томъ, что въ теченіе цѣлаго столѣтія въ распоряженіи воздухоплавателей не было легкаго мотора, который могъ бы двигать его, а сейчасъ влекущая сила нашихъ бензиновыхъ двигателей оказывается достаточной, чтобы поддерживать въ воздухѣ быстро движущуюся плоскую поверхность и безъ взгоняющей силы газа. Та самая взрывчатость газа, которая дѣлаетъ возможнымъ существованіе воздушнаго шара, она же и упраздняетъ его, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. И, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ, практика пойдетъ вслѣдъ за теоріей, и впослѣдствіи за воздушнымъ шаромъ останется лишь историческое значеніе переходной ступени къ летательному аппарату безъ баллона, наполненнаго газомъ.

— Вы утопистъ.

Самъ не знаю, изъ какихъ тайниковъ памяти у меня вынырнуло воспоминаніе, и я задумчиво выговорилъ:

— Я видѣлъ летающаго человѣка.

— Бразильянца?

— Да. Неужели же это только случайность, что человѣкъ, первый овладѣвшій дирижаблемъ, промѣнялъ его на аэропланъ?

— Но чего же онъ достигъ? Это были только прыжки: онъ приподнимался, но не поднимался по настоящему надъ землею.

— А сказочные полеты американцевъ? Почему бы этой сказкѣ не быть правдой?

— Вздоръ. Bluff.

Но я не сдавался.

— Время летательной машины пришло. Пока ей не хватаетъ только легкаго мотора.

— Еще болѣе легкаго, чѣмъ тотъ, который мы сдѣлали для французскаго аэростата?

— Да, легче того и съ болѣе экономнымъ расходованіемъ энергіи.

Шефъ сразу рѣзкой чертой перечеркнулъ свои замѣтки.

— Подождемъ, пока появятся настоящіе аэропланы. Пока,— вы сами говорите—ближайшее будущее за воздушнымъ кораблемъ; конкуренція народовъ ужъ позаботится о томъ, чтобъ обезпечить ему это будущее. Будутъ строить аэростаты — значитъ, понадобятся и двигатели для нихъ. Чѣмъ больше ихъ погибнетъ отъ войны и бурь—тѣмъ выгоднѣй для фабриканта. Дорогой мой, считаться надо не съ идеалами, а страстями человѣческими.

На это мнѣ нечего было возразить.

Онъ слегка наклонилъ голову.

— Благодарю васъ.

И я вышелъ.

И все же я правильно понялъ завѣтъ моего покойнаго учителя: путь въ высоту ведетъ по несчастнымъ ступенямъ, изъ которыхъ каждая расширяетъ нашу ограниченность.

Мнѣ снова пришлось побывать во Франціи—на этотъ разъ не по порученію дирекціи. Каждый изъ окружавшихъ меня тамъ людей былъ всей душою преданъ новому; у каждаго были свои замыслы, но онъ не дѣлился ими съ прочими. Когда они разговаривали между собой, они говорили объ углахъ паденія, о спиральномъ подъемѣ и планирующемъ спускѣ; когда они сидѣли на своихъ аппаратахъ, перегнувшись корпусомъ впередъ, словно ощупывая противника, они походили на хищныхъ птицъ, которыя съ насѣсти высматриваютъ добычу. И носы у нихъ

были изогнутые, крючковатые, и глаза съ покраснѣвшими вѣками, прямо и зорко, какъ птичьи, вглядывались вдаль.

Когда я подъѣхалъ къ опытному полю, надъ головами нашими парилъ аэропланъ. Сотни рукъ съ восторгомъ тянулись къ нему, но я улыбался, какъ посвященный въ тайну, поражавшую другихъ. Онъ колыхался на невидимыхъ воздушныхъ волнахъ, но не былъ ни птицей, ни дракономъ; въ четкости его сочлененій: въ бѣлыхъ, мягко изогнутыхъ крыльяхъ, въ плоско поставленномъ рулѣ высоты спереди и вертикальномъ рулѣ сзади была гармонія техническихъ необходимостей.

Убѣждало само собою разумѣющееся, заключавшееся въ этомъ необычномъ. И на другомъ, сосѣднемъ полѣ, когда мимо насъ, низко надъ землей пролетѣлъ неуклюжій хвостатый ящикъ, таща подъ собою остатокъ связи съ землей—колеса, неуловимъ и выше всякаго техническаго пониманія красивъ былъ тотъ моментъ, когда аппаратъ отдѣлился отъ земли.

Пѣснь новаго времени звучала въ воздухѣ надъ нами, пѣснь будущаго, полная мощной вѣры; она возвѣщала: родилось новое, иной породы и формы, чѣмъ все, что было до того. Человѣкъ долженъ дорасти до него, перевоспитать себя настолько, чтобъ освоиться съ нимъ; немногіе избранные даннаго часа постепенно увлекутъ за собой новое поколѣніе, которое будетъ уже разсматривать міръ и судить о немъ съ иной точки зрѣнія, болѣе широкой и возвышенной.

Цѣпь невысокихъ горъ надъ озеромъ врѣзывалась острыми зубцами въ массивъ затянутаго тучами, низкаго, гнетущаго неба. Гдѣ-то на югѣ ослѣпительно сверкалъ снѣгъ на вершинѣ окутанной синеватою тѣнью горы. Тамъ дулъ южный вѣтеръ. Лѣса подъ вѣтромъ шумѣли, какъ дождь; пѣнистые гребни валовъ разбивались о лѣсистый берегъ. Но всѣ звуки покрывало густое гудѣнье какъ будто органа.

На звукъ его я шелъ въ это серебряное утро. Впереди меня шли двое туристовъ, сверкая покрытыми инеемъ подошвами; придорожныя сосенки одѣлись въ бѣлое и выстроились въ рядъ, какъ солдаты. Громко каркала ворона.

На просѣкѣ были разбросаны крестьянскіе дворы, на огороженномъ заборомъ большомъ пустырѣ высился сарай, откуда доносился звонкій стукъ молотковъ. На фронтонѣ его, словно медали на груди у ветерана, было прибито съ дюжину щитовъ.

Привратникъ зналъ меня въ лицо съ недавняго осмотра верфи и впустилъ безъ разговоровъ. Кимъ работалъ въ канцеляріи. При видѣ меня его пушистые усы раздвинулись въ улыбку.

— Вы изъ Парижа пріѣхали?

— Почемъ вы знаете?

— Я знаю, *зачѣмъ* вы пріѣхали. Вы правы: теперь пора начинать.

Я подумалъ: знаю ли я самъ, зачѣмъ пріѣхалъ?

Кимъ предложилъ:

— Хотите пообѣдать вмѣстѣ на эспланадѣ?

— Вы развѣ не обѣдаете дома?

— Я живу на противоположномъ берегу и возвращаюсь домой обыкновенно только къ вечеру.

— А ваша сестрица?

— Она дома. Я могу ее вызвать по телефону.

— Если это не обезпокоитъ ее...

— О, нѣтъ. Почему же? Моя сестра очень жалѣла, что давеча не видала васъ.

— Я, вѣдь, былъ здѣсь проѣздомъ, только по дѣламъ.

— Я знаю. Но сейчасъ, вѣдь, вы не по дѣламъ пріѣхали?

— Нѣтъ. Я въ отпуску.

— Отлично. Такъ, значитъ, въ обѣденное время, на эспланадѣ.

Медленно дошелъ я до гавани и просмотрѣлъ расписаніе пароходовъ. Марія могла успѣть пріѣхать, съ 12-часовымъ пароходомъ.

Спокойное, но захватывающее сознаніе своего счастья овладѣло мною. Когда, на второй день знакомства, я нашелъ Кима одного въ моторѣ, я былъ разочарованъ и, подъ вліяніемъ этого разочарованія, увидавшись съ нимъ позже, по дѣламъ службы, говорилъ съ нимъ оффиціальнымъ тономъ и только попросилъ передать поклонъ его сестрѣ. Но вотъ я снова здѣсь и съ перваго же вопроса убѣдился, что и у Маріи было желаніе увидѣться со мной.

Часы тянулись медлительно, въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Наконецъ на зеленоватомъ искрящемся зеркалѣ озера показался пароходъ. Онъ причалилъ: Марія стояла на палубѣ; мы кивнули головой другъ другу, какъ старые друзья. Поздоровавшись, она тотчасъ же попрекнула меня:

— Вѣдь вы были въ нашихъ мѣстахъ—почему же вы не ашли ко мнѣ?

Я горячо оправдывался и въ то же время чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ.

— Я не смѣлъ надѣяться, что вамъ было бы это пріятно, послѣ того, какъ вы на другой же день нашего знакомства скрылись, предоставивъ меня исключительно своему брату.

Опять лукавые кобольды запрыгали въ уголкахъ ея губъ.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло. Развѣ братъ мой не сказалъ вамъ, что въ тотъ день я была приглашена въ наше посольство? Притомъ же—она строго посмотрѣла на меня:—вѣдь вы знаете, что я противъ этой игры человѣческою жизнью.

— Въ такомъ случаѣ, возьмите назадъ вашъ дружескій пріемъ, ибо я здѣсь затѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ вашимъ братомъ, не начать ли намъ строить нѣмецкіе аэропланы.

— Я могла бы догадаться и сама! — сказала она съ горечью. — Вѣдь и знакомствомъ нашимъ я обязана воздушному спорту.

— Для меня авіатика—не спортъ, а мое призваніе.

— Говорили бы ужъ прямо: занятіе.

— Нѣтъ, предназначеніе.

Я видѣлъ, что она была обижена, и никакъ не могъ снова попасть въ тонъ. Въ это время, на счастье, подъѣхалъ ея братъ. Мы пообѣдали на эспланадѣ, среди разноголосицы веселыхъ посѣтителей, торопившихся, словно на праздникъ. Я разсказывалъ о Парижѣ и жаловался:

— Итакъ, насъ опередили.

Кимъ, дѣловитый и осмотрительный, какъ всѣ швейцарцы, возразилъ:

— Техника—не изобрѣтается, а развивается.

И задумался, уйдя въ себя.

— Американскій аппаратъ кажется мнѣ неустойчивымъ: онъ все время наклоняется впередъ, и равновѣсіе приходится поддерживать при помощи руля высоты. А всѣ остальные требуютъ огромной затраты энергіи.

Кимъ отошелъ отъ насъ и присѣлъ къ отдѣльному столику; бѣлый мраморъ стола тотчасъ же покрылся чертежами; карандашъ диспутировалъ самъ съ собою; мы молчали. Когда Кимъ снова подсѣлъ къ намъ, для него вопросъ былъ уже выясненъ.

— Стройте двигатель, я построю вамъ для него аэропланъ.

Разговоръ объ этомъ послѣ стычки съ Маріей, былъ мнѣ тягостенъ.

— Не отложимъ ли мы этотъ разговоръ на завтра?

Но она съ живостью перебила меня:

— Наоборотъ,—вѣдь вы уже имѣли случай убѣдиться, что, когда я цѣпляюсь за него, это оказывается полезнымъ для обоихъ.

Братъ ея весело запротестовалъ:

— Да чего ты, собственно, волнуешься?—я вѣдь остороженъ до трусостм.

— Да, пока тебя не захватитъ цѣликомъ страсть.

— О, во-первыхъ, тутъ рѣчь идетъ только о коммерческомъ предпріятіи.

Вышло такъ, какъ будто я солгалъ его сестрѣ, но я не сердился, что онъ подвелъ меня, такъ какъ это вернуло Маріи хорошее расположеніе духа: сѣрые глаза блеснули мнѣ лукаво и радостно. Кимъ продолжалъ:

— Попробуйте найти кого-нибудь, кто-бъ далъ намъ денегъ.

— А если не найду?

— Тогда начнемъ съ малаго.

— На равныхъ началахъ?

Онъ не сразу отвѣтилъ:

— Да.

Марія кивнула головой.

— Значитъ, строить все-таки будете?

Я украдкой старался поймать ея взглядъ; она не отвернулась. Кимъ вслухъ соображалъ:

— Для опытовъ намъ понадобится ровная мѣстность. Ваша степь годилась бы... или наше озеро.

— На моей родинѣ?..—нѣтъ.

— Тогда, значитъ, здѣсь, на озерѣ. Я думаю такъ: объ землю удариться — очень ужъ жестко; попробуемъ, на всякій случай, приспособить нашу машину такъ, чтобъ она могла и плавать, и будемъ упражняться сперва на водѣ—какъ здѣсь оно уже и дѣлается.

Онъ указалъ рукой на другой берегъ.

— Тамъ моя родина. Тамъ у меня собственный домъ и мастерская; и для васъ можно будетъ нанять тамъ квартирку, недорого. А для первыхъ опытовъ я знаю отличное мѣстечко: четыре квадратныхъ километра, восемьдесятъ метровъ надъ уровнемъ озера.

На улицѣ его ждалъ автомобиль.

— Загляните къ намъ, на опытное поле, — сказалъ онъ мнѣ.—Вѣтеръ улегся, значитъ, аэростатъ можетъ подняться. Я тоже лечу—въ качествѣ пассажира.

— То есть какъ:—въ качествѣ пассажира?

Онъ сердито повелъ плечомъ.

— Мы съ вами — дипломированные, а тамъ — практики, которые ищутъ славы и денегъ. Ну, всего добраго.

Мы остались одни. Марія разсказала мнѣ многое о себѣ и своемъ братѣ. Близкихъ родственниковъ у нихъ не было, и съ тѣхъ поръ, какъ умерли родители, все хозяйство ведетъ она. Я разсказалъ ей о моей матери.

Потомъ мы вмѣстѣ пошли гулять, по направленію къ верфи, и вышли на опушку лѣса. По озеру плыло что-то вродѣ Ноева Ковчега, подпрыгивавшаго отъ каждаго вѣтра. Вокругъ него кишѣли маленькія лодки, какъ рыбы около жестянки изъ подъ консервовъ, плывущей по водѣ. Съ открытой стороны ея выглядывали плавники баллона. На крышѣ ковчега копошились люди, словно муравьи, которые тащатъ мертвую гусеницу. Въ воздухѣ блуждалъ пробный шаръ, не находя надлежащаго направленія. Моторная лодка, сквозь бѣлый дымокъ которой блестѣлъ пропеллеръ, пристала къ мосту; изъ нея выскочилъ человѣкъ, у котораго были четкіе, отрывистые жесты и голосъ, видимо, привыкшій отдавать приказы; борода у него была сѣдая, глаза молодые, у Маріи вырвалось искренно:

— Онъ вѣритъ въ свое дѣло—послѣ каждой проигранной битвы онъ поднимается и снова идетъ къ побѣдѣ.

Это ободрило меня, и я сразу нашелъ нужныя слова.

— Я пріѣхалъ сюда не только по дѣламъ: у меня была еще причина—я надѣялся увидаться съ вами, фрейлейнъ Кимъ.

Она замедлила шаги.

— Надо вамъ отдать справедливость: вы умѣете соединять пріятное съ полезнымъ.

— Марія!

Она мрачно смотрѣла передъ собой въ пространство.

— Почему вы не пришли къ намъ просто, какъ другъ? Зачѣмъ вы вносите къ намъ въ домъ то, противъ чего возстаетъ вся моя природа—можетъ быть, потому, что мнѣ надо бояться этого?

— Потому что это дало мнѣ возможность приблизиться къ вамъ. Но нѣтъ—я не хочу прикрашивать. Я пришелъ за отвѣтомъ на вопросъ, который мучитъ меня съ дѣтства и направилъ всю мою жизнь по опредѣленному пути. Но я не знаю, сталъ ли бы я искать этого отвѣта у вашего брата, еслибъ не та, другая надежда, таившаяся на днѣ моей души.

— Сколько времени мы знакомы?

— Причемъ тутъ время?

— Развѣ временемъ мѣрять чувства... Вы разсказали мнѣ о себѣ; я вамъ разсказалъ о своей матери: послѣ ея смерти въ моемъ сердцѣ пустота.—Марія, не заставляйте мое сердце ждать напрасно.

Руки наши встрѣтились.

На озерѣ аэростатъ задомъ напередъ вылѣзалъ изъ своего футляра, словно ракъ изъ подъ камня. Вода свѣтилась, точно жидкій изумрудъ; небосводъ былъ весь лазурный; только на горизонтѣ воздухъ сливался съ водой, и аэростатъ незамѣтно перешелъ изъ одной стихіи въ другую. Онъ висѣлъ теперь въ воздухѣ, на одной высотѣ съ ангаромъ, тоненькій, какъ прутикъ, свѣтлый и блестящій, словно дивная игрушка, только что вышедшая изъ мастерской Господа Бога. Дно аллюминіевой лодочки, отражаясь въ водѣ озера, отливало зеленью; боковыя лопасти то лѣниво поднимались и опускались, словно весла, вздрагивая отъ толчковъ мотора, то начинали вертѣться быстро-быстро, превращаясь въ диски.

Аэростатъ стремился въ высь, вращаясь вокругъ своей оси; за нимъ, какъ знамя, развѣвался темный дымъ. Онъ становился все меньше и короче и, наконецъ, совсѣмъ потонулъ въ эфирѣ. Только моторы его гудѣли, напоминая о себѣ, то рѣзко, то вдругъ слабо, какъ гудятъ телеграфные столбы на шоссе.

У противоположнаго берега показалась скользящая узенькая, тонкая полоска, потомъ превратилась въ точку, въ шарикъ и, когда поплыла противъ вѣтра, стала похожа на куколку бабочки.

Короткій зимній день быстро угасъ. Отъ горъ остались только силуэты, возлѣ которыхъ призрачной тѣнью плылъ аэростатъ, и, внезапно загорался, окунувшись въ яркое пламя заката.

Я прервалъ молчаніе.

— Въ эту минуту братъ твой летаетъ. Развѣ не хорошо было бы летать вмѣстѣ съ нимъ?

Марія искренно отвѣтила:

— Да.

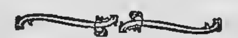
Пароходы бѣгали по озеру и въ то же время какъ будто вросли корнями въ воду; ихъ недоступный другъ—небо словно спустилось ниже, а навстрѣчу ему, изъ глубины водъ, поднялась на поверхность гигантская допотопная рыба. Разукрашенный флагами городокъ на берегу озера, слегка затуманенная перспектива Альпъ, масса пароходовъ и бѣлая дивная птица надъ ними—

все это слагалось въ картину такой божественной красоты, что иные, охваченные умиленіемъ, невольно снимали шляпы.

Я былъ доволенъ и чуждъ желаній. Оба устоя, на которыхъ должна была зиждиться моя жизнь, были заложены.

Съ нѣмецкаго пер. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМО ИЗЪ БУХАРЕСТА.

Странно и непривычно даже видѣть сейчасъ эти толпы наряднаго, кажущагося такимъ безпечнымъ, веселымъ и жизнерадостнымъ подъ лучами жаркаго южнаго солнца народа, слушать то бурную, то замирающую въ тягучихъ и томительныхъ переливахъ музыку румынскихъ оркестровъ на террасахъ вѣчно переполненныхъ кафэ и ресторановъ, читать европейскія газеты и думать, что все оставленное позади, на томъ, «балканскомъ» берегу Дуная, только далекій и кошмарный сонъ!..

Я выѣхалъ изъ Софіи въ Бухарестъ на засѣданія мирной конференціи съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ, напримѣръ, предпринимаютъ не переѣздъ изъ одного города въ другой, изъ одной сосѣдней страны въ другую, а безконечно сложное и трудное путешествіе. Выбраться въ данный моментъ куда нибудь изъ Софіи—задача весьма не легкая. Прежде всего для этого необходимо, послѣ всевозможныхъ хлопотъ и хожденій по канцеляріямъ, получить такъ называемый «открытый листъ» отъ Главнаго Штаба, разрѣшающій свободный выѣздъ изъ города и гарантирующій вашу неприкосновенность во время дороги; затѣмъ нужно запастись отъ коменданта удостовѣреніемъ въ томъ, что «препятствій къ выѣзду нѣтъ», а еще лучше, если такое же удостовѣреніе будетъ выдано начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Софіи. Къ коменданту все же итти необходимо, ибо онъ выдаетъ особыя бумажки съ печатями, подписями и т. д., дающія вамъ право за собственныя деньги купить желѣзнодорожный билетъ въ кассѣ софійскаго вокзала. Кромѣ того, обязательно нужно визировать паспортъ у итальянскаго консула и получить отъ него специальный «laissez passer» для румынской пограничной власти. Но обладаніе всѣми перечисленными выше документами еще не означаетъ, что теперь вы можете сѣсть въ поѣздъ

и поѣхать. Поѣздовъ какъ разъ теперь или нѣтъ совсѣмъ, или очень мало. Ходятъ они по самому фантастическому росписанію и только тамъ, гдѣ нѣтъ румынъ. А такъ какъ послѣдніе, неотступно и упорно подвигаясь съ каждымъ днемъ все ближе къ Софіи, пересѣкли важнѣйшіе болгарскіе желѣзнодорожные пути, то ѣдущимъ за границу приходится дѣлать невѣроятный крюкъ, чтобы добраться до Рущука по мѣстамъ, еще не занятымъ румынскими войсками.

— Ваше счастье, если съ вами лошадей отправятъ, или скотъ какой-нибудь—говорили мнѣ наканунѣ отъѣзда «опытные» люди.— Тогда поѣдете безъ задержекъ по дорогѣ... А если поѣздъ только пассажирскій будетъ—бѣда!..

Когда я явился на вокзалъ, то нашелъ тамъ нѣчто вродѣ если не вавилонскаго столпотворенія, то во всякомъ случаѣ въ родѣ паники послѣ огромнаго пожара. Вся платформа чернѣла и двигалась отъ массы нескончаемо прибывающихъ человѣческихъ головъ; сотни и сотни людей въ яростномъ изступленьи, толкая другъ друга, брали приступомъ стоявшій поѣздъ, лѣзли въ вагонъ сами и толкали впереди себя свои чемоданы, совершенно не заботясь о томъ—есть ли мѣсто, или нѣтъ, женщина ли притиснута тамъ чемоданами въ углу, старикъ ли это, или ребенокъ?.. Очутившись съ билетомъ перваго класса въ коридорѣ третьяго на чьемъ-то деревянномъ ящикѣ, съ торчащими изъ него шляпками внушительныхъ гвоздей, я наконецъ узналъ причину, почему всѣ лѣзутъ въ этотъ поѣздъ съ такимъ ожесточеніемъ?.. Оказалось, что съ нами ѣдетъ нѣкое важное дипломатическое иностранное лицо, и благодаря этой неожиданной случайности мы сможемъ добраться до Рущука (10 часовъ ѣзды при обыкновенныхъ условіяхъ) не черезъ неопредѣленное количество времени, а «кажется» ровно черезъ двое сутокъ!.. Наконецъ все постепенно успокоилось, пришло въ порядокъ или, вѣрнѣе, «утряслось». Не доставшіе мѣста внутри вагона помѣстились на крышѣ. Поѣздъ тронулся.

Подъ немолчное и монотонное гудѣнье его колесъ невольно захотѣлось вспомнить только что пережитое въ Софіи, подвести итоги ежедневнымъ отрывочнымъ и постоянно смѣняющимся впечатлѣньямъ.

Около мѣсяца Софія была фактически на положеніи осажденнаго города. Ложась спать вечеромъ, мы не знали, проснемся ли завтра утромъ во власти уже вступившихъ въ городъ румынскихъ войскъ. А можетъ быть сербы прорвались сквозь линіи болгарскихъ укрѣпленій и скоро то же будутъ здѣсь? Слухи одинъ другого фантастичнѣе передавались съ быстротой необычайной, не смотря на строгое предупрежденіе коменданта о «лицахъ, виновныхъ въ из-

мышленіи и распусканіи тревожныхъ извѣстій» и о карахъ, до военнаго суда включительно, для уличенныхъ въ невоздержанности языка. Но что же оставалось для софійскихъ граждаеъ, кромѣ фантизированья и сплетенъ? Изъ-за отсутствія почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеній мы были лишены иностранныхъ газетъ. Мѣстныя газеты, подъ давленьемъ военной цензуры, писали исключительно лишь на тему, что «все обстоитъ благополучно». Но отовсюду массами прибывающіе бѣглецы и разсказы раненыхъ солдатъ служили явнымъ доказательствомъ систематическаго обмана болгарскаго общественнаго мнѣнія правительствомъ и высшей военной властью. Никто ничего не зналъ, всѣ предполагали самое худшее — неизбѣжное послѣдствіе искусственно приподнятыхъ и затѣмъ неожиданно разбитыхъ при первомъ же столкновеніи съ реальной дѣйствительностью шовинистическихъ надеждъ!—Шапками закидаемъ!—упорно твердили всѣ, кому «сіе вѣдать надлежитъ», говоря о возможности вооруженнаго столкновенія съ бывшими союзниками. Шапками закидаемъ!—изо дня въ день кричала вся безъ исключенія болгарская печать. —Черезъ 10 дней въ Бѣлградѣ!—стали разсуждать и болгарскіе обыватели, набрасывая карандашемъ на столикахъ излюбленныхъ кафэ планы будущихъ, неизмѣнно счастливыхъ для болгарской арміи сраженій и «мышеловокъ», въ которыхъ греки съ сербами будутъ пойманы и истреблены. Увѣренность въ успѣхѣ была настолько велика, что даже разсудительные и умные люди негодовали на Россію за «навязываемый» ею арбитражъ, при которомъ придется volens-nolens идти на разныя уступки. Зачѣмъ намъ арбитражъ, когда мы можемъ взять себѣ все съ бою—возмущались софійскіе политики и, главнымъ образомъ, политиканы. Всякаго, кто посмѣлъ бы усумниться въ возможности для Болгаріи сражаться сразу на два фронта, имѣя позади себя еще враждебно настроенныхъ и угрожающихъ вмѣшательствомъ румынъ, сочли бы дуракомъ или шпіономъ. А между тѣмъ не нужно было быть ни тѣмъ, ни другимъ, чтобы болѣе или менѣе ясно представить себѣ настоящее положеніе вопроса. Для этого необходимо было только снять съ себя шовинистическія и «ура-патріотическія» шоры, мѣшающія смотрѣть по сторонамъ, и оглянуться. Демократическая армія, въ которой принимаетъ участіе весь народъ, имѣетъ свои огромныя преимущества, но также и очень большія неудобства. Такую армію, напримѣръ, нельзя гонять по собственному усмотрѣнію, не давая ей отчета въ томъ, куда ее опять послали и зачѣмъ? Такая армія, если захочетъ, можетъ быть и непремѣнно будетъ мощной и непобѣдимой, а если не захочетъ—приказать ей ничего нельзя!.. Въ данномъ случаѣ болгарская армія—или, вѣрнѣе, состав-

ляющій ее болгарскій народъ—новой войны, хотя бы и за идеалъ объединенія съ «Македонскими братьями», абсолютно не хотѣла. Еще на Чаталджинскихъ позиціяхъ, въ виду Константинополя, туманнымъ и необъятнымъ маревомъ разстилавшагося вдали, мнѣ приходилось говорить съ болгарскими «войниками» на тему о войнѣ и о возвращеніи домой. Выборъ ихъ былъ уже сдѣланъ безповоротно: домой!.. домой!..—вотъ единственнное, отъ чего радостнымъ, теплымъ блескомъ загорались ихъ глаза, о чемъ говорили они много и охотно. Турки—наши вѣковѣчные враги—объяснялъ мнѣ одинъ солдатъ, дважды раненый и дважды вернувшійся обратно въ строй;—съ ними мы теперь покончили. Чего жъ еще? А на все остальное намъ наплевать! Пускай теперь наши дипломаты работаютъ. Мы свой отдыхъ заслужили!—Такія же разсужденія приходилось слышать и въ Софіи. Помню одинъ разговоръ, происходившій въ софійскомъ городскомъ саду, напротивъ кафэ «Болгарія»—обычнаго мѣста засѣданій здѣшнихъ политиковъ и непримиримыхъ «патріотовъ», благоразумно, впрочемъ, уклоняющихся отъ непріятной обязанности самимъ пойти на «бойное поле» за національную идею... Окруженный внимательно слушающей толпой, высокій солдатъ, съ нервнымъ, загорѣлымъ лицомъ и съ крестомъ на груди «за храбрость», ожесточенно спорилъ съ какимъ-то штатскимъ господиномъ.—Ты знаешь, что такое артиллерійскій бой?—горячился солдатъ, размахивая руками и наступая на своего оппонента.—Не знаешь? А я знаю! Я можетъ чудомъ изъ ада цѣлымъ и невредимымъ вырвался—такъ думаешь, легко мнѣ опять туда итти?

— Да съ сербами и греками вѣдь пустяки!—пытался возразить ему тотъ.—Дней 10, не больше—и все кончено!

— А если пустяки — такъ пускай тѣ къ нимъ и идутъ, кому пустяки! — огрызнулся солдатъ. — А то опять все насъ же посылаютъ!..

Настойчивая семимѣсячная пропаганда мѣстной прессы, присутствіе въ болгарскихъ рядахъ массы оставшихся безъ отечества македонцевъ, въ большинствѣ своемъ офицеровъ, и главное—возмутительныя насилія сербовъ и грековъ надъ болгарскимъ населеніемъ въ Македоніи сдѣлали свое дѣло. Болгарская армія двинулась на новыхъ противниковъ, но двинулась безъ необходимаго для побѣды воодушевленія, будучи увѣрена въ томъ, что при добромъ желаніи правящихъ круговъ войну можно было бы предотвратить мирнымъ, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ согласнымъ съ болгарскими стремленіями разрѣшеніемъ вопроса. Часами тянулось изъ Софіи печальное выступленіе. Пасмурныя лица, опущенныя головы, насильственно и фальшиво звучащія по приказу начальства «для

бодрости» веселыя солдатскія пѣсни съ молодецкими выкриками и барабаномъ... Какъ непохожи были эти неохотно шагающіе сѣрыми и утомленными рядами люди на тѣхъ «рвущихся въ бой съ коварными и подлыми союзниками героевъ», о которыхъ писали услужливыя софійскія газеты! Неизбѣжное совершилось: хорошо отдохнувшіе, прекрасно подготовленные сербы и греки систематически начали бить голодныхъ и измученныхъ болгаръ, у которыхъ все валилось изъ рукъ и даже, по свидѣтельству многихъ солдатъ и офицеровъ, не было въ достаточной степени артиллерійскихъ снарядовъ. Получилось нѣчто аналогичное нашей русско-японской войнѣ. Тѣ же чудеса храбрости, совершаемыя солдатами, тѣ же случаи единичныхъ и при другихъ обстоятельствахъ может быть даже выдающихся успѣховъ—только не было побѣды и связаннаго съ ней подъема энергіи въ сражающихся войскахъ...

Первое время софійскія власти, какъ и наши русскія, пытались скрыть настоящее положеніе дѣлъ. Газеты и ихъ вечернія «притурки» (спеціальныя приложенія) воинственно и громко трубили о непрекращающихся побѣдахъ болгарскаго оружія, назначали тѣ или другіе сроки для «окончательной ликвидаціи». Потомъ все какъ-то сразу стихло; о побѣдахъ перестали писать и говорить, но за то съ неменьшимъ ожесточеніемъ бросились искать предполагаемыхъ виновниковъ разгрома. Ихъ оказалось двое—премьеръ-министръ, глава народной партіи Даневъ и Россія. Первый вынужденъ былъ уйти въ отставку, а громы общественнаго негодованія обрушились на послѣднюю безъ всякаго удержу. Изъ «нашей спасителки», «великаго и великодушнаго друга болгарскаго народа—Россія съ чрезвычайной, прямо головокружительной быстротой превратилась въ наичернѣйшую изъ всѣхъ предательницъ, денно и нощно работающую на погибель Болгаріи и на пользу любезной ея сердцу Сербіи. Россія навязала Болгаріи заемъ, когда въ Европѣ ей предлагали въ тысячу разъ болѣе выгодныя условія; Россія подослала румынъ, подучила турокъ занять Адріанополь; русскій посланникъ въ Софіи посовѣтовалъ Даневу оттянуть назадъ войска, чѣмъ воспользовались сербы и греки; Россія все время вела двойственную, коварную игру — словомъ, если бы не было Россіи, все бы обстояло прекрасно и благополучно!..

Но, если военная цензура и сдерживала кое-какъ расходившееся негодованіе софійскихъ журналистовъ — въ частныхъ бесѣдахъ «свобода слова» и, въ особенности, «выраженій» оставалась до такой спепени неприкосновенной, что намъ, нѣкоторымъ «подвернувшимся подъ руку» въ Софіи русскимъ, положительно стало тяжело и непріятно бывать въ обществѣ болгаръ и, особенно, раз-

говаривать съ ними на политическія темы. Здѣсь вообще до сихъ поръ еще плохо отличаютъ россійскую дипломатію отъ русскаго народа и потому, разсердившись на однихъ, «за компанію» обрушились и на другихъ: всѣ, молъ, вы одного поля ягоды! Въ постоянныхъ, яростныхъ до хрипоты бесѣдахъ доставалось на орѣхи и русскому обществу, и русской культурѣ (которой, по мнѣнію многихъ моихъ собесѣдниковъ, совершенно не существуетъ) и рус скому мужику и даже... русской литературѣ, представляющей, какъ категорически утверждаетъ одинъ изъ здѣшнихъ «молодыхъ историковъ-ученыхъ» — слабое подражаніе западно-европейской... Характерно, что больше всѣхъ старались въ этомъ направленіи здѣшніе такъ называемые «руссофилы», изъ которыхъ, одинъ, теперь самый яростный нашъ врагъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принесъ мнѣ свою статью, заканчивавшуюся слѣдующими «прочувствованными» словами: «а мы, болгары, и ложась спать, и вставая, всѣ только и думаемъ, что о нашей матушкѣ—Россіи»!

Монотонно и глухо гудятъ колеса. Поѣздъ тащится впередъ со скоростью дай Богъ, чтобы 10—15 верстъ въ часъ! Особенно мучительны безконечныя стоянки на маленькихъ станціяхъ, гдѣ все уже давнымъ давно съѣдено и выпито и гдѣ приходится стоять иногда часами, или въ ожиданіи какого-нибудь встрѣчнаго поѣзда, или просто «такъ»... Голодные, истомленные пассажиры вылѣзаютъ изъ вагоновъ, спускаются съ крышъ, разминаютъ ноги, тупо и безцѣльно бродятъ по платформѣ. Какое ужасающее обиліе калѣкъ! Мы ѣдемъ уже вторыя сутки—и вокругъ насъ, рядомъ съ нами и навстрѣчу намъ все безногіе, безрукіе, съ обвязанными головами, вышибленными глазами, скрюченные, съ трудомъ опирающіеся на самодѣльные, грубо и на скоро сколоченные костыли. И въ какихъ всѣ грязныхъ и обтрепанныхъ лохмотьяхъ! Сапогъ давно уже и въ поминѣ нѣтъ—все больше болгарскія «царвули» (нѣчто вродѣ нашихъ лаптей), такія живописныя на картинкахъ и такія грязныя и неудобныя вблизи. Отъ самой Софіи до Рущука Болгарія похожа сейчасъ на огромнѣйшій военный госпиталь, въ которомъ грустно и покорно движутся исхудалыя, блѣдныя тѣни, еще недавно бывшія людьми, полными силъ и здоровья. А на каждой станціи ждетъ толпа женщинъ, дѣтей и стариковъ. Всѣ разспрашиваютъ о тѣхъ, кто остался еще на «бойномъ полѣ», разспрашиваютъ жадно и тревожно, боясь проронить малѣйшее слово. Но отвѣты по большей части бываютъ крайне уклончивы и неопредѣленны.—Не знаю!—равнодушно слышится съ крыши вагона на настойчивые разспросы о какомъ-нибудь «Юрданѣ

или Петко изъ пятой роты».—Не видалъ!—И поѣздъ движется дальше, а женщины, дѣти и старики или уходятъ домой до слѣдующаго случая, когда можно будетъ узнать о родныхъ и близкихъ, или остаются тутъ же на станціи въ тоскливомъ и покорномъ ожиданіи. И думается невольно: какъ бы ни былъ великъ грѣхъ демократической страны, толкнувшей свой народъ на скользкій путь дозволеннаго лишь крупнымъ хищникамъ колоніальнаго авантюризма—постигшее ее наказанье несоразмѣрно и жестоко! Кто видѣлъ эти изможденныя лица, горящіе лихорадочнымъ блескомъ глаза людей, возвращающихся домой «за ненадобностью», ибо въ дѣлѣ истребленія себѣ подобныхъ калѣки и увѣчные только лишь мѣшаютъ,—кто знаетъ, что, возвратясь къ себѣ, они, быть можетъ, найдутъ свой домъ сожженнымъ или раззореннымъ, жену, сестру, невѣсту или мать обезчещенными квартировавшими тутъ «возстановителями балканскаго равновѣсія» съ другого берега Дуная—тотъ многое пойметъ въ совершающейся сейчасъ передъ его глазами трагедіи болгарской народной жизни, и сужденія его не будутъ безапелляціонно суровы!..

На румынской сторонѣ начинается уже «не балканская», а «почти что европейская» культура. Комфортабельные рестораны, привѣтливые и уютные кафэ. Все дышетъ спокойствіемъ и самодовлетворенностью.—Блаженны миротворцы!—такъ, чудится, написано на всѣхъ встрѣчающихся лицахъ. Дѣйствительно, было бы странно не быть довольными и не ликовать! Цѣлую провинцію—лучшій и плодороднѣйшій кусокъ болгарской территоріи въ 7500 квадратныхъ километровъ и съ населеніемъ въ 200,000 человѣкъ получили въ видѣ безплатной преміи за миролюбіе и «особыя услуги» всѣмъ воюющимъ сторонамъ. Проходящіе мимо офицеры съ закрученными усиками, въ нарядныхъ, опереточныхъ мундирахъ, смотрятъ гордо и побѣдоносно. Солдаты тоже нарядные и издали смахиваютъ если не на офицеровъ, то во всякомъ случаѣ на карабинеровъ Оффенбаха. И такъ тускло, грустнымъ пятномъ, выдѣляется среди нихъ оборванная и грязная куртка уводимаго куда-то плѣннаго болгарскаго «войника»... И такимъ неожиданно близкимъ и трогательнымъ становится этотъ неизвѣстный мнѣ болгарскій «войникъ» на чужомъ, довольномъ и радостномъ румынскомъ берегу! И хочется крикнуть ему вслѣдъ слова надежды и утѣшенія!

Бухарестъ—красивый паразитъ на тѣлѣ своей же собственной страны. Городъ—желудокъ, поглощающій и переваривающій все самое лучшее и свѣжее изъ того, что она производитъ. Жизнь въ немъ устроена на широкую ногу спеціально для являющихся сюда

покутить и побезобразничать «чокоевъ» (крупныхъ земельныхъ собственниковъ), не знающихъ счета только что полученнымъ съ арендаторовъ деньгамъ и швыряющихъ ими направо и налѣво. Есть въ Бухарестѣ и культурныя учрежденія—залы для общественно-просвѣтительныхъ лекцій, картинныя галлереи, музеи и т. д., но все это скромно прячется за нагло выпяченнымъ впередъ брюхомъ, въ бѣломъ жилетѣ и съ толстой золотой цѣпочкой, довольнаго собой и сытаго «чокоя», который и культуру, и цивилизацію понимаетъ на свой особый ладъ и приспособляетъ къ своему «чокойскому» міровоззрѣнію. Для него, обремененнаго шалыми деньгами, расцвѣлъ пышнымъ цвѣткомъ изящный, веселый и жизнерадостный городъ; для него играютъ эти оркестры на террасахъ роскошныхъ кафэ и ресторановъ, носятся бѣшеные лихачи съ звѣроподобными рысаками и кучерами, одѣтыми въ русскіе кафтаны; для него европейскія улицы съ прекрасной мостовой, оригинальными зданіями, тѣнистыми скверами, парками, садами; для него эти безконечныя вереницы выставляющихъ на показъ свою красоту, элегантность, богатыя платья и брилліанты, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ женщинъ, съ безпокойной и милой искательностью настойчиво заглядывающихъ въ глаза...

Сегодня городъ украшенъ національными флагами по случаю окончательнаго подписанія мирнаго договора. Болгарскіе делегаты, пріѣхавшіе сюда подписывать безпрекословно все, что бы имъ ни дали подписывать, вчера попробовали было упереться въ вопросѣ о Кавалѣ. Но любезный хозяинъ Майореско—предсѣдатель конференціи и сейчасъ, волею случайности, главный арбитръ по балканскимъ недоразумѣніямъ—широкимъ жестомъ указалъ дорогимъ гостямъ на дверь.—Не хотите? Не надо! Можете уйти. Я васъ не задерживаю!—Болгары вспомнили, что румынскіе аванпосты стоятъ по прежнему еще не дальше 8 километровъ отъ Софіи, махнули рукой и подписали, закрывъ глаза... Не все ли равно? Связанному человѣку, которому приставили ножъ къ горлу, не до разсужденій!

Такимъ образомъ «хитроумный Уллисъ» современной Греціи, Венизелосъ, вернется домой еще съ новымъ, пріятнымъ національному самолюбію дипломатическимъ подаркомъ для своихъ согражданъ... Вообще Венизелосъ—«человѣкъ, которому везетъ». Вся его политическая карьера—рядъ ступенекъ, по которымъ онъ поднимался съ необычайной быстротой, покамѣстъ не достигъ своего настоящаго положенія. Теперь Венизелосъ—народный кумиръ Греціи; да и въ Бухарестѣ онъ чрезвычайно популяренъ. Здѣсь его приглашаютъ на расхватъ, за нимъ бѣгаютъ, на него показываютъ паль-

цами, и гдѣ бы онъ ни появился—всюду за нимъ слѣдуетъ почтительный и неотступный шепотъ:—Венизелосъ!.. Венизелосъ!..

Главнѣйшая заслуга Венизелоса передъ Греціей состоитъ въ томъ, что онъ съумѣлъ прекратить раздиравшія страну мелкія междоусобицы партійныхъ шефовъ и придать ея внѣшней политикѣ направленіе, близкое сферѣ французскихъ интересовъ. Франція начинаетъ принимать самое дѣятельное участіе въ греческихъ дѣлахъ, реорганизуетъ греческую армію при помощи своихъ инструкторовъ, помогаетъ Венизелосу освободить запутанные греческіе финансы отъ германскаго контроля. А самъ Венизелосъ въ это время успѣваетъ помирить недовольныхъ и постоянно бунтующихъ офицеровъ съ принцами королевскаго семейства, устанавливаетъ единство дѣйствія между безпорядочными раньше и случайными выступленіями греческихъ революціонеровъ на островахъ Архипелага и греческихъ организацій въ Македоніи. Благодаря стараніямъ Венизелоса—какъ о томъ свидѣтельствуютъ сами болгары—греческія четы въ Македоніи перестали имѣть свой прежній, исключительно разбойничій характеръ. Современная Греція—это я! — съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя Венизелосъ. Да онъ частенько и проговаривается, особенно когда разгорячится въ разговорѣ:—Я этого не хочу!.. т. е. Греція не хочетъ!..

Представители самой старой европейской культуры—или, по крайней мѣрѣ, считающіе себя таковыми,—греки остановились въ Бухарестѣ въ самомъ старомъ «аристократическомъ» отелѣ. По нынѣшнимъ временамъ отель этотъ грязноватъ и тѣсноватъ, съ скверной лѣстницей и темными корридорами—но... noblesse oblige! и противъ традицій спорить трудно... У Венизелоса, разумѣется, уже сидитъ какой-то посѣтитель. Въ ожиданіи секретарь «de son exellcence» проводитъ меня въ одинъ изъ занятыхъ греческой делегаціей номеровъ и начинаетъ занимать разговоромъ. Въ номерѣ, грязномъ и неприбранномъ, безпорядокъ отнюдь не «артистическій». Сиротливо валяются въ углу желтые башмаки съ весьма потертыми подошвами, зіяетъ раскрытая пасть дешевенькаго чемодана, на покрытомъ сомнительной свѣжести вязанной скатертью столѣ разбросаны письма и бумаги. Секретарь — оливковаго цвѣта молодой человѣкъ съ черненькими усиками и точно масломъ подернутыми «томными» глазами, прикладывая руку къ пестрому жилету, такъ и таетъ въ почтительномъ восхищеніи:

— Ахъ, его превосходительство!.. Ахъ—это такой человѣкъ!.. Такой, можно сказать, изумительный человѣкъ! Первая голова въ Европѣ... Вы не повѣрите: съ шести утра уже на ногахъ, собственноручно разбираетъ корреспонденцію, читаетъ газеты... Сегодня въ семь

у него былъ фотографъ. Мы хотимъ поясной портретъ... А въ Греціи, вообразите себѣ—нами все еще недовольны!.. Да вотъ неугодно ли взглянуть...

Онъ торопливо роется въ валяющихся на столѣ бумагахъ и вытаскиваетъ оттуда какое-то письмо.—Сегодня утромъ получили.. Впрочемъ вы по гречески не понимаете... Я вамъ сейчасъ переведу... Письмо оказывается отъ одной черезвычайно сердитой греческой дамы. На четырехъ страницахъ мелкаго почерка дама заранѣе грозитъ Венизелосу проклятіями «всего греческаго народа» и даже смертью, если онъ осмѣлится вернуться въ Грецію, оставивъ «нашу Ѳракію въ рукахъ этихъ варваровъ болгаръ»...

Секретарь небрежно бросаетъ письмо на столъ и пожимаетъ плечами.

— На всѣхъ не угодишь! Ужъ, кажется, мы ли не старались здѣсь въ Бухарестѣ!—Внезапный и рѣзкій звонокъ прерываетъ его разсужденія. Извинившись передо мной, онъ бѣжитъ куда-то вглубь темнаго коридора. Сидѣвшій у Венизелоса посѣтитель уже ушелъ. Меня вводятъ въ пріемный кабинетъ «его превосходительства».

Венизелосъ—ловкій, стройный, прекрасно одѣтый старикъ въ очкахъ и съ сѣдой, кокетливо подстриженной бородкой. Движенья его увѣрены и вкрадчивы; говоритъ громкимъ, звучнымъ голосомъ, привыкшимъ къ огромнымъ помѣщеніямъ и къ митингамъ на открытомъ воздухѣ; иногда бросаетъ на самого себя украдкой быстрый взглядъ въ большое зеркало на противуположной стѣнѣ и послѣ того начинаетъ говорить еще съ большимъ паѳосомъ и воодушевленіемъ.

— Болгары насъ считали за ничтожество... Quantité négligeable!..—Тонкая, самодовольная усмѣшка чуть змѣится подъ усами и исчезаетъ.—Но мы имъ докажемъ, что и съ нами приходится считаться!.. Болгарія была все время единственной помѣхой миру на Балканахъ. Подъ предлогомъ осуществленія своихъ національныхъ задачъ она стремилась просто къ гегемоніи надъ всѣми нами... И почему? Какое право имѣетъ Болгарія считать себя первой среди другихъ балканскихъ государствъ? Развѣ ея культура выше и солиднѣе сербской, или нашей? Или ея военный кулакъ тяжелѣе и грознѣе, чѣмъ у насъ? Послѣднія событія доказали съ полной очевидностью несостоятельность болгарскихъ притязаній. Болгарія получила отъ насъ жестокій урокъ...—Но онъ ею вполнѣ заслуженъ...

И Венизелосъ живыми, быстрыми штрихами набрасываетъ передо мной картину будущихъ, обще-балканскихъ отношеній.— Отнынѣ миръ обезпеченъ. При малѣйшей попыткѣ болгаръ къ реваншу—снова Сербія, Греція, Черногорія и Румынія поднимутся, какъ одинъ человѣкъ... Въ сущности—балканскій союзъ не умеръ:

онъ только перемѣнилъ свою форму. Всѣ перечисленные выше балканскія государства, включая сюда и Албанію, образуютъ извѣстнаго рода блокъ между собой. Постепенно, посредствомъ договоровъ, таможенныхъ соглашеній, можетъ быть, даже установленія одинаковой монетной системы, мы еще болѣе сблизимся и объединимся... Кто знаетъ? Конечно — сейчасъ Болгарію мы къ себѣ не приглашаемъ. Но мѣсто для ея среди насъ уже оставлено... Когда она пойметъ свои интересы—а это непремѣнно случится рано или поздно—тогда она придетъ къ намъ, и все происшедшее между нами будетъ забыто навсегда!..

Выходя отъ любезно провожающаго меня до дверей кабинета «сплетателя словъ хитроумныхъ», я на порогѣ столкнулся съ явившейся къ своему національному герою депутаціею отъ румынскихъ грековъ. Такія депутаціи являются къ Венизелосу ежедневно. Каждаго, самаго захудалаго компатріота онъ очаруетъ и обласкаетъ, дастъ карточку съ надписью «уважающій васъ Венизелосъ», приметъ букетъ цвѣтовъ, если поднесутъ, обнадежитъ насчетъ «Великой Греціи», которая не сегодня-завтра должна осуществиться—и отпуститъ окончательно уловленныхъ въ свои крѣпкія дипломатическія сѣти. Депутаты, пришедшіе сегодня—всѣ, какъ на подборъ—молодецъ къ молодцу—широкоплечіе, рослые, съ физіономіями, на которыхъ написаны безпредѣльная преданность и уваженіе. Съ ними «дядька Черноморъ», въ видѣ огромнѣйшаго бородатаго попа съ развѣвающимися изъ-подъ скуфейки сѣдыми пышными кудрями. Громыхая каблуками по паркету, какъ табунъ загоняемыхъ лошадей, вновь пришедшіе скромно размѣстились возлѣ порога кабинета Венизелоса «по росту», и предводительствующій ими попъ, выступивъ на шагъ впередъ, сладкимъ голосомъ началъ какое-то привѣтственное чтеніе.

«Parvenus» въ современной европейской исторіи и въ культурѣ, сербы избрали въ Бухарестѣ своей резиденціей съ иголочки новенькій отель стиля Модернъ, гдѣ все отлакировано, все блеститъ, гдѣ чрезмѣрная позолота рѣжетъ глаза и лѣпные потолки невольно поражаютъ своею удручающею пестротой. На твердыхъ «гигіеническихъ» диванчикахъ шумливо и радостно болтаютъ сербскіе делегаты и журналисты. Въ бѣлоснѣжной и тоже покрытой свѣжимъ лакомъ пріемной главы делегаціи, Пашича, сравнительная тишина. Тамъ въ кожаномъ, глубокомъ креслѣ сидитъ маленькій старикъ съ большой бородой, съ высокимъ, умнымъ лбомъ и осторожно прищуренными хитрыми глазами... Это и есть Пашичъ—второй послѣ Венизелоса герой бухарестской мирной конференціи и «самая лу-

кавая лисица во всей Сербіи», по опредѣленію его политическихъ противниковъ въ Бѣлградѣ.

Если карьера Венизелоса—сплошное тріумфальное шествіе подъ эгидой богини счастья и удачи, то въ карьерѣ Пашича много непріятныхъ и тягостныхъ страницъ, воспоминаніе о которыхъ для облеченнаго властью человѣка—только лишняя обуза!

Кѣмъ только не былъ въ теченіе своей долгой жизни этотъ сидящій сейчасъ передо мной съ довольнымъ и важнымъ видомъ представительный маленькій старикъ! Ученикъ Лаврова и пріятель Бакунина, онъ мечталъ когда-то о созданіи балканской федеративной республики, но, замѣшанный въ дѣло объ убійствѣ сербскаго князя Михаила Обреновича, перешелъ на положеніе эмигранта. При Миланѣ, амнистированный и вернувшійся на родину, онъ работаетъ въ пользу болгаро-сербскаго сближенія. Заподозрѣнный королемъ въ покушеніи на его особу, онъ опять бѣжитъ за границу и заочно приговаривается къ смертной казни. При Александрѣ Пашичъ снова амнистированъ, снова принимаетъ горячее участіе въ сербскихъ общественныхъ дѣлахъ, но король держитъ его въ черномъ тѣлѣ и мѣшаетъ его способностямъ развернуться. Только послѣ уничтоженія въ Сербіи династіи Обреновичей и при нынѣшнемъ королѣ Петрѣ Пашичъ выходитъ изъ тѣни на первый планъ, гдѣ и остается вплоть до настоящаго момента. Давно уже сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей своей страны, онъ представляетъ собой любопытный образчикъ рѣдкой приспособляемости къ постоянно мѣняющимся требованіямъ окружающей среды: когда было нужно — соціалистъ, бунтарь, анархистъ, идеалистъ, затѣмъ трезвый житейскій практикъ, онъ прошелъ черезъ всѣ цвѣта и оттѣнки соціально-общественнаго спектра, пока не успокоился на наиболѣе выгодномъ сейчасъ цвѣтѣ торжествующаго и безпощаднаго имперіализма. Но характерно, что Пашичъ въ Сербіи всѣмъ чужой, и даже единомышленники его имѣютъ съ нимъ только лишь строго дѣловыя, отнюдь не дружественныя сношенія!..

Пашичъ тоже весьма доволенъ подписаннымъ сегодня мирнымъ договоромъ.—О Македоніи намъ безпокоиться нечего!—съ любезной откровенностью заявляетъ онъ.—Болгарскіе революціонеры и комитаджи намъ не опасны... Это при туркахъ можно было держать Македонію въ состояніи постоянной революціи; при современной сербской полиціи все это очень быстро прекратится. Да и сами македонцы больше мечтаютъ объ отдыхѣ и о спокойной, мирной жизни, чѣмъ о присоединеніи къ болгарамъ. Въ сущности тамъ вѣдь ни болгаръ, ни сербовъ нѣтъ, а есть только племена, славянскаго происхожденія, легко и охотно могущія принять отпечатокъ той

славянской народности, которая будетъ надъ ними господствовать. Болгаріи удалось при помощи пропаганды и четничества придать свой обликъ нѣкоторымъ македонцамъ. Мы сдѣлаемъ съ ними то же самое, тѣмъ болѣе, что теперь намъ не смогутъ больше всовывать палки въ колеса разные болгарскіе епископы, учителя и прочіе пропагандисты!

Делегатовъ отъ только что окургуженной «союзническими» ножницами Болгаріи я засталъ собирающимися на какой-то изъ начавшейся еще вчера безконечной серіи банкетовъ. По ироніи судьбы людямъ, собственными руками подписавшимъ отреченіе отъ своихъ завѣтнѣйшихъ плановъ и надеждъ, приходится теперь принимать участіе въ торжествахъ именно по поводу крушенія этихъ плановъ...

Въ качествѣ гостей, которые «не взыщутъ», болгарскихъ делегатовъ помѣстили въ отелѣ не менѣе грязномъ, чѣмъ у грековъ, но безъ «традицій аристократизма» и, такомъ же аляповатомъ, какъ у сербовъ, но безъ всякихъ «гигіеническихъ диванчиковъ» и современнаго стиля... Роль болгарскихъ делегатовъ здѣсь трудная и ничего пріятнаго въ себѣ не содержитъ. Прежде всего—это открытое постоянное признаніе въ собственныхъ своихъ ошибкахъ, или, вѣрнѣе—жестокая расплата за совершенные сообща, при молчаливомъ попустительствѣ однихъ и непосредственномъ участіи другихъ, грѣхи противъ принциповъ и идеаловъ истиннаго демократизма. Начатая при непосредственномъ подъемѣ энтузіазма широкихъ народныхъ массъ война за освобожденіе единоплеменной Македоніи отъ турецкаго ига—очень скоро и незамѣтно превратилась въ простую завоевательную и территоріальную авантюру. Неуклонно «слѣдящая» и строгая военная цензура помѣшала общественному мнѣнію страны замѣтить этотъ неожиданный сюрпризъ—и общенаціональные идеалы постепенно уступили романическимъ фантазіямъ на тему о «Великой Болгаріи», о болгарскомъ Цареградѣ, о замѣнѣ полумѣсяца крестомъ на Святой Софіи... Увлекшись Ѳракіей, перестали оглядываться на Македонію, изъ-за которой, собственно говоря, и загорѣлся весь сыръ-боръ. А тамъ уже происходило что-то неладное, и сербы еще въ декабрѣ прошлаго года настойчиво стали поговаривать о «компенсаціяхъ» за адріанопольскія услуги. На нихъ, какъ и на внезапно зашевелившихся румынъ особаго вниманія не обратили—у насъ вѣдь договоръ въ карманѣ!.. А если заартачатся—перебросимъ отъ Чаталджи дивизію-другую, и конецъ!.. Непрекращающіеся военные успѣхи, особенно взятіе Адріанополя, еще больше укрѣпили эту увѣренность въ правильности выбраннаго политическаго пути, это не считающееся съ реальными условіями историческаго момента самообольщеніе...

— Вотъ подписали все, что намъ подсунули!—уныло говоритъ

мнѣ глава делегаціи, Тончевъ. Теперь одна лишь надежда на ревизію договора со стороны великихъ державъ.—Онъ недовѣрчиво качаетъ сѣдой головой и послѣ паузы смотритъ на часы съ тяжелымъ вздохомъ.—А вы меня уже, пожалуйста, извините—мнѣ на банкетъ пора итти!..

Въ огромномъ залѣ съ зеркальными стѣнами все фраки, фраки, мундиры, эполеты, ордена... На убранной цвѣтами и искусственными пальмами эстрадѣ статуя генія мира съ протянутой рукой, въ которой, кажется, или оливковая вѣтвь, или что-то въ этомъ родѣ. Гремитъ и разливается бурными каскадами румынскій оркестръ. Впереди извѣстный въ Бухарестѣ скрипачъ. Съ нависшими на лобъ курчавыми волосами и потной отъ напряженья, бритой физіономіей, онъ старается, повидимому, изо всѣхъ силъ... Скрипка рыдаетъ, плачетъ и звонко смѣется подъ смычкомъ въ его проворныхъ рукахъ. Оживленно и весело стучатъ десятки и десятки ножей и вилокъ о тарелки. Повсюду усердно жующія челюсти, почтенныя лысины, сверкающія при отраженномъ въ зеркальныхъ стѣнахъ блескѣ электрическихъ люстръ. Какъ на резиновыхъ подошвахъ скользятъ по паркету корректнѣйшіе, выдрессированные лакеи, ничѣмъ не отличающіеся въ своихъ безукоризненныхъ фракахъ отъ большинства присутствующихъ гостей... Сегодня празднуется счастливое окончаніе кровавой, такъ долго затянувшейся трагедіи на Балканахъ: мы на торжественномъ банкетѣ города Бухареста въ честь делегатовъ мирной конференціи и представителей иностранной прессы... При доносящихся съ эстрады то бурно пламенныхъ, то заунывно нѣжныхъ звукахъ, подъ несмолкаемый аккомпаниментъ стучащихъ вилокъ и ножей, пестро и весело сливающійся съ общимъ гуломъ разговоровъ—не хочется какъ-то думать о тѣхъ поляхъ, уже теперь забытыхъ и далекихъ, гдѣ можетъ быть еще лежатъ гніющіе, неубранные человѣческіе трупы, гдѣ сотни, тысячи, десятки тысячъ озвѣрѣлыхъ и измученныхъ людей стоятъ другъ противъ друга въ ожиданіи новаго сигнала къ самоистребленью. Но этого сигнала не дадутъ! Геній мира съ простертой и куда-то показывающей рукой смотритъ на насъ загадочно и равнодушно съ своей эстрады. Суетливый господинъ во фракѣ со звѣздой приказываетъ музыкантамъ замолчать. Встаетъ изящный, элегантный Венизелосъ и по бумажкѣ начинаетъ читать, должно быть, «заключительную рѣчь»... Слова: прогрессъ, цивилизація, гуманность—сквозь осторожный гулъ упорныхъ разговоровъ и непрекратившійся, хотя теперь и секретный, стукъ но-

жей и вилокъ о тарелки звучитъ такъ странно и неумѣстно въ этой залѣ... За Венизелосомъ подымается Тончевъ. Болгарскій делегатъ взволнованъ. Пенснэ все время скользитъ и падаетъ съ носа, мѣшаетъ говорить. Онъ благодаритъ любезныхъ хозяевъ за радушное гостепріимство—но рѣчь его отнюдь не горькая иронія, а самыя сладкія увѣренья въ взаимной и отнынѣ вѣчной дружбѣ между Бухарестомъ и Софіей!

Отяжелѣвшіе отъ рѣчей и шампанскаго «дорогіе гости» переходятъ въ гостиную. Тамъ поданы кофе, ликеры и сигары. Оркестръ является то же вслѣдъ за нами и по очереди играетъ національные гимны сперва союзныхъ, послѣ воевавшихъ и теперь уже снова какъ будто пріятельски расположенныхъ другъ къ другу балканскихъ государствъ... Всѣ поспѣшно поднимаются со своихъ мѣстъ и стоя, въ почтительныхъ позахъ, выслушиваютъ гимны. Въ это время нѣсколько необыкновенно элегантныхъ господъ, съ орхидеями и дорогими гвоздиками въ бутоньеркахъ, съ нескрываемой жадностью, оглядываясь по сторонамъ, набиваютъ себѣ сигарами карманы. Въ опустошенныхъ сигарныхъ ящикахъ, между разноцвѣтными бутылками съ ликеромъ, сиротливо остаются лишь по двѣ, по три штуки... Господа съ независимымъ видомъ теряются въ толпѣ.

Я ухожу съ банкета подъ звуки прерываемаго бурными аплодисментами, румынскаго національнаго гимна. Почему-то все, о чемъ говорилъ сейчасъ Венизелосъ и къ чему онъ наклеилъ такіе яркіе ярлыки, въ родѣ «цивилизаціи, гуманности, прогресса», потускнѣло въ моей памяти и остались въ ней только эти нарядные господа во фракахъ, простирающіе, озираясь, жадныя руки къ плохо положеннымъ чужимъ сигарамъ. И, совершенно необъяснимо почему, мнѣ показалось вдругъ—не символъ ли это всей только что закончившейся мирной конференціи въ Бухарестѣ?...

А. Дерепталь.

ГЕРМАНСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ.

(Съѣздъ германской соціалъ-демократической партіи въ Іенѣ 14-го—21-го сентября н. ст.)

Въ статьѣ «Наканунѣ», помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», я указалъ на назрѣвающія глубокія перемѣны въ политической жизни Германіи и на новыя задачи, выдвигающіяся при этомъ, для германской соціалъ-демократіи. Съ этой точки зрѣнія нынѣшній ея съѣздъ представляетъ особый интересъ. Самая проблема, въ томъ видѣ, въ какомъ она намѣчена въ упомянутой статьѣ, правда, не фигурировала въ порядкѣ дня съѣзда; но главнѣйшіе вопросы, если глубже въ нихъ вникнуть, и почти всѣ дебаты на съѣздѣ, если проанализировать ихъ до конца, сводятся къ этой проблемѣ, какъ къ своему общему знаменателю. На это и указывали нѣкоторые ораторы; уже при открытіи съѣзда это звучало въ привѣтственныхъ рѣчахъ, какъ основной мотивъ оперы въ ея увертюрѣ. «Какъ использовать силы партіи, чтобы уже сейчасъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, въ существующемъ строѣ, имѣть плодотворное вліяніе на законодательство»?

Вопросъ естественный. Но давно ли его постановка считалась недопустимой ересью?—Соціалъ-демократія работаетъ для будущаго, не для настоящаго времени! Пускай мертвые хоронятъ мертвыхъ!—Эти лозунги еще очень недавно господствовали среди соціалъ-демократовъ. А теперь вопросъ о задачахъ соціалъ-демократіи въ существующемъ государственномъ строѣ считается почти всей партіей важнѣйшей очередной проблемой и оппортунистическая тактика соц.-дем. парламентской фракціи оффиціально признана партейтагомъ! Очевидно, что въ германской соціалъ-демократіи произошелъ глубокій переломъ. И нынѣшній партейтагъ санкціонировалъ его. Въ этомъ его крупное внутреннее значеніе, несмотря на его тусклую внѣшность.

Партейтагъ прошелъ въ общемъ очень тускло, но за то необыкновенно дѣловито. Дѣловитой германская соціалъ-демократія, впрочемъ, всегда была и въ пору наибольшаго увлеченія идеологіей; но теперь она стала, кромѣ того, *реалистичной,* какъ по своимъ политическимъ задачамъ, такъ и по своей парламентской тактикѣ.

Реализмъ сталъ ея партійнымъ лозунгомъ, до такой степени, что въ словѣ, посвященномъ памяти Бебеля, представитель центральнаго комитета партіи, Молкенбуръ, напомнилъ и подчеркнулъ, какъ особую заслугу славнаго покойнаго витязя, что онъ былъ реальнымъ политикомъ. И прибавилъ: пускай замѣтятъ это наши противники, утверждающіе, будто наши предложенія въ рейхстагѣ преслѣдуютъ только агитаціонныя цѣли».

Дѣловитость германской соціалъ-демократіи имѣетъ твердую опору въ образцовой организаціи партіи, построенной на прочномъ, широкомъ фундаментѣ, управляемой многочисленнымъ штабомъ опытныхъ организаторовъ-спеціалистовъ своего дѣла, всецѣло себя ему посвятившихъ («бюрократовъ партіи», какъ ихъ называютъ недовольные ими крайніе элементы соціалъ-демократіи). Организація охватила около четвертой части всѣхъ соціалъ-демократическихъ избирателей. Въ концѣ марта она насчитывала, какъ видно изъ отчета, представленнаго съѣзду главнымъ комитетомъ партіи, «партейфорштандомъ», 982.850 членовъ, немного меньше милліона. Это—огромная сила, какой не имѣетъ, кажется, въ настоящее время ни одна политическая партія въ мірѣ. Доходы партіи составили въ отчетномъ году 1.469.718 марокъ, превысивъ расходы на 400 тысячъ марокъ, такъ что партія могла отложить кругленькую сумму въ запасъ, «на черный день». Партія владѣетъ уже огромнымъ состояніемъ, размѣры котораго, однакоже, извѣстны только немногимъ посвященнымъ. Пышно развилась партійная пресса. Однѣхъ ежедневныхъ газетъ партія насчитываетъ въ настоящее время *девяносто*. Подписчиковъ соціалъ-демократическихъ изданій, включая и еженедѣльные органы, было къ концу отчетнаго года 1.465.212. Центральный органъ, «Vorwärts», имѣлъ 157.100 подписчиковъ; спеціальное изданіе для женщинъ, еженедѣльникъ «Die Gleichheit»—112.000, юмористическій еженедѣльникъ «Der Wahre Jakob»»—371.000 подписчиковъ!

Уже эти голыя цифры указываютъ на огромныя силы германской соціалъ-демократіи, но полнаго представленія объ ихъ размѣрахъ онѣ не даютъ. Онѣ относятся только къ политической организаціи, но рядомъ съ послѣдней и въ тѣсномъ общеніи съ нею работаютъ экономическія организаціи, достигшія въ своей области еще большихъ успѣховъ. Мы и о нихъ должны упомянуть въ введеніи къ отчету о дебатахъ партейтага, такъ какъ вліяніе руководителей экономическихъ организацій германской соціалъ-демократіи на ея политическую партію весьма значительно, а въ извѣстныхъ случаяхъ является *рѣшающимъ*. Такимъ оно было и въ томъ вопросѣ, который больше всего занималъ нынѣшній партейтагъ —

въ вопросѣ о *всеобщей забастовкѣ*. Декретировать ее помимо профессіональной организаціи рабочаго класса невозможно, а послѣдняя теперь расположена къ этому менѣе чѣмъ когда-либо. И вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Экономическая организація рабочаго класса развивается въ Германіи, какъ и въ другихъ передовыхъ странахъ, одновременно въ двухъ направленіяхъ, захватывая его интересы какъ со стороны производства, такъ и со стороны потребленія. Условія производства или труда составляютъ предметъ заботъ профессіональныхъ союзовъ, условія потребленія — предметъ заботъ потребительныхъ коопераций. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи нѣмецкіе рабочіе достигли поразительныхъ результатовъ.

По опубликованному въ началѣ сентября отчету генеральной комиссіи соціалъ-демократическихъ профессіональныхъ союзовъ за 1912 г., число членовъ этихъ союзовъ достигло къ концу года огромной цифры 2.559.781. Доходы организаціи (членскіе взносы, спеціальные сборы и пр.) составили въ этомъ году *80.235.575 марокъ* (37.146.099 рублей). Такъ какъ израсходовано было въ этомъ году только 61.105.675 мар., то организація могла отчислить въ запасный капиталъ почтенную сумму въ $18^1/_2$ милліоновъ марокъ. Запасный капиталъ организаціи составляетъ въ настоящее время 80.797.786 марокъ.

«Центральный союзъ нѣмецкихъ потребительныхъ обществъ» (Zentralverband Deutscher Konsumvereine), близкій какъ по составу своихъ членовъ, такъ и по своимъ основнымъ тенденціямъ къ соціалъ-демократіи (кооперативы, обслуживающіе другіе классы, объединены въ другомъ союзѣ) насчитывалъ въ концѣ 1912-го года 1.483.811 членовъ и имѣлъ въ теченіе этого года оборотъ въ *602.979.099 марокъ*.

Ограничиваюсь этими цифрами, воздерживаясь отъ комментаріевъ. И безъ нихъ ясно, что организаціи, достигшія такихъ результатовъ упорной борьбой цѣлаго поколѣнія, не легко рѣшатся сразу поставить все на карту въ рискованной игрѣ. Какъ организаціи, преслѣдующія чисто практическія задачи, работающія въ рамкахъ существующаго строя и достигшія при этомъ значительныхъ результатовъ, онѣ вообще мало расположены къ революціонной идеологіи, пренебрежительно относящейся къ будничной практикѣ, вдохновляемой и руководящейся лозунгомъ «Коммунистическаго Манифеста», по которому при революціи рабочій классъ «не потеряетъ ничего, кромѣ своихъ цѣпей, а выиграетъ цѣлый міръ!» —«Er hat nichts zu verlieren, als seine Ketten, und eine Welt zu gewinnen!»—Этотъ пламенный лозунгъ «Коммунистическаго Мани-

феста», зажигавшій сердца пролетаріата полвѣка тому назадъ, очевидно не можетъ разсчитывать на живой откликъ въ организаціяхъ, созданныхъ потомъ и кровью милліоновъ самоотверженныхъ тружениковъ,—въ организаціяхъ, обладающихъ великолѣпными учрежденіями и огромными капиталами.

На это и указывалось въ предшествовавшей партейтагу газетной полемикѣ. «Мы далеко отошли отъ времени коммунистическаго манифеста. За это время мы кое чего добились. О насъ нельзя уже говорить, что намъ нечего терять, кромѣ цѣпей. Мы не хотимъ легкомысленно рисковать всѣмъ, что добыли съ такимъ трудомъ: не хотимъ играть va banque»! — Такъ говорили противники революціонныхъ выступленій, не обусловленныхъ крайней необходимостью. А сторонники такихъ выступленій возражали, что всѣ эти завоеванія никакого серьезнаго значенія не имѣютъ, что все это обманъ и самообманъ, что придавать имъ большое значеніе и дорожить ими могутъ только мѣщане, маленькіе буржуа...

Таковъ, въ бѣглыхъ чертахъ, общій фонъ картины, развернувшейся на партейтагѣ.

Партейтагъ состоялся въ Іенѣ, маленькомъ, но знаменитомъ тюрингенскомъ городкѣ, славномъ своими традиціями и своей ролью въ исторіи нѣмецкой литературы и науки. Весь въ зелени, окруженный цвѣтущимъ Тюрингенскимъ Лѣсомъ, городокъ этотъ крайне располагаетъ къ тихой, плодотворной работѣ. Такъ, повидимому, и работаютъ здѣсь мѣстные соціалъ-демократы. Промышленность здѣсь еще слабо развита, фабричныхъ рабочихъ немного, но они прекрасно организованы и пользуются великолѣпнымъ народнымъ домомъ, построеннымъ для рабочихъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, проф. Аббе, гдѣ и засѣдалъ парламентъ германской рабочей партіи. Тотчасъ по пріѣздѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги, чувствовалось, что здѣсь представителямъ труда не отказываютъ въ почетѣ и уваженіи: вокзалъ разукрашенъ зелеными гирляндами въ честь соціалъ-демократическихъ гостей. Въ мѣстномъ муниципалитетѣ представители рабочихъ играютъ значительную роль и являются до извѣстной степени хозяевами города.

Прекрасный залъ засѣданій партейтага декорированъ со вкусомъ, безъ кричащихъ излишествъ. На заднемъ фонѣ богиня свободы указываетъ дорогу рабочему; впереди бюстъ основателя первой рабочей партіи въ Германіи Фердинанда Лассаля; у каѳедры бюстъ недавно закрывшаго свои уста великаго ея трибуна Августа Бебеля. Залъ переполненъ до того, что для столовъ нѣтъ мѣста;

остались только стулья, тѣсно сдвинутые. Больше трехъ тысячъ человѣкъ собрались на торжество открытія партейтага.

Началось торжество привѣтственнымъ хоромъ рабочей пѣвческой капеллы, подъ аккомпаниментъ мѣстнаго городскаго оркестра, послѣ чего произнесъ привѣтственное слово представитель мѣстной соціалъ-демократической организаціи, Леберъ. Затѣмъ взялъ слово представитель центральнаго комитета германской соціалъ-демократической партіи, Молкенбуръ. Эта рѣчь была вся посвящена недавно скончавшемуся вождю партіи, Бебелю.

«Нѣтъ больше Бебеля! Такой ударъ, такая боль, какихъ немного было у пролетаріата! Гдѣ бы на всемъ земномъ шарѣ ни сходились сознательные пролетаріи, вездѣ поминаютъ этого человѣка, чествуемаго во всѣхъ странахъ, какъ одинъ изъ лучшихъ борцовъ. Выраженія сочувствія получены не только изъ всѣхъ европейскихъ странъ, не только изъ сѣверной и южной Америки, но также изъ Африки, Австраліи и, что особенно трогательно, изъ русскихъ тюремъ, въ которыхъ изнемогаютъ борцы за свободу»!

Искренней, душевной болью была проникнута эта рѣчь, и такое же чувство охватило всѣхъ присутствовавшихъ, стоя выслушавшихъ всю длиную рѣчь.

Но, отдавая долгъ покойному, представитель руководившаго комитета въ то же время не забывалъ и другихъ своихъ обязанностей, и въ характеристикѣ Бебеля особенно подчеркнулъ тѣ черты, которыя, по убѣжденію нѣкоторыхъ вождей партіи, должны служить образцомъ для нея. Эта поминальная рѣчь была въ то же время и программной.

Съ Бебелемъ ораторъ встрѣтился въ первый разъ на *объединительномъ* конгрессѣ соціалъ-демократической партіи въ 1875 г.) на которомъ была выработана новая программа. «Почти ни одно предложеніе этой программы—замѣтилъ Молкенбуръ,—не удовлетворяло его (Бебеля).—*Но единство нѣмецкаго пролетаріата было для него выше всѣхъ сомнѣній.* Онъ зналъ, что единство пролетаріата составляетъ первое условіе всѣхъ будущихъ побѣдъ».

Затѣмъ ораторъ указалъ на заслуги Бебеля по отношенію къ соціальному законодательству и на его борьбу съ «нигилистическими тенденціями въ партіи. Бебель не пренебрегалъ и маленькими дѣлами. «Никогда Бебель не упускалъ изъ виду настоящаго!.. Онъ былъ реальнымъ политикомъ въ лучшемъ смыслѣ слова».

Тутъ мы, очевидно, имѣемъ передъ собою основныя черты не только дѣятельности покойнаго вождя, но также и программы нынѣшнихъ руководителей партіи. Единство, единство во что бы то ни стало, никакихъ «нигилистическихъ» экспериментовъ, никакого «пут-

шизма»; реальная политика, соціально-политическое законодательство.—«Соціально-политическое законодательство застоялось въ Германіи. Одной изъ ближайшихъ задачъ партіи будетъ снова пустить его въ ходъ», прямо заявилъ Молкенбуръ въ заключеніи своей рѣчи.

Съѣздъ отнесся къ этой рѣчи съ большимъ сочувствіемъ. Затѣмъ выборы предсѣдателей, секретарей и разныхъ спеціальныхъ коммиссій. Предсѣдателями были избраны Эбертъ и Бакъ.

Конституированный такимъ образомъ партейтагъ выслушалъ прежде всего гостей, съѣхавшихся изъ разныхъ странъ, чтобы передать германской соціалъ-демократіи привѣтствія и пожеланія своихъ организацій. Говорили Пернерсторферъ отъ имени австрійской соц.-демократіи, Кейръ-Гарди отъ имени англійской рабочей партіи, Трейлстра отъ голландской партіи, Вандерсмиссенъ отъ бельгійской партіи. Былъ также представитель русской соціалъ-демократіи.

Этими привѣтствіями закончилось первое засѣданіе съѣзда. Дѣловыя занятія начались на другой день, въ понедѣльникъ.

Первое дѣловое засѣданіе было открыто предсѣдателемъ ровно въ 9 ч. утра. Утвердивъ порядокъ дня, партейтагъ приступилъ къ обсужденію перваго пункта отчета центральнаго комитета («партейфорштанда»). Отчетъ былъ опубликованъ въ партійной печати еще въ іюлѣ; докладчикъ ограничился только краткими дополнительными объясненіями къ нему и остановился главнымъ образомъ на вопросѣ объ общей партійной тактикѣ и на снова оживившейся въ послѣднее время агитаціи въ пользу всеобщей забастовки для завоеванія всеобщаго избирательнаго права въ Пруссіи. Докладчикомъ былъ членъ рейхстага Шейдеманъ, одинъ изъ лидеровъ парламентской фракціи, имѣвшій репутацію радикальнаго, «лѣваго» соціалъ-демократа. Но въ своей рѣчи онъ далъ рѣшительный и рѣзкій отпоръ непримиримымъ «лѣвымъ». Агитацію въ пользу всеобщей забастовки онъ объявилъ совершенно несвоевременной и крайне опасной. Это мнѣніе—сказалъ онъ,—не только форштанда, но и всѣхъ другихъ руководящихъ комитетовъ рабочихъ организацій. Всеобщая забастовка составляетъ послѣднее, крайнее средство борьбы, «ultima ratio». Прежде чѣмъ обратиться къ крайнему, опасному средству, надо испробовать всѣ другія. Тутъ докладчикъ прямо указалъ на путь соглашенія съ буржуазіей. «Мы должны—сказалъ онъ,—объявить всей буржуазіи: вотъ мы теперь серьезно приступаемъ къ тому дѣлу, которое, по вашимъ словамъ, вамъ также дорого: къ борьбѣ за равенство, къ борьбѣ за свободное избирательное право! Мы должны объявить: мы боремся за то, что

нужно не одной соціалъ-демократіи, а всему народу». Другая, насильственная тактика была бы въ настоящее время, *недемократичной*: «Мы пока въ меньшинствѣ, хотя и очень значительномъ; нельзя требовать, чтобы большинство дѣлало политику меньшинства, нельзя принуждать его къ тому насильственнымъ образомъ».

Тутъ явственно зазвучали ноты, считавшіяся раньше «ревизіонистскими». Докладчикъ предостерегалъ противъ «необдуманныхъ выступленій», противъ... «глупостей» (keine Dummheiten!), напомнивъ, что «наилучшая подготовка къ рѣшительной борьбѣ за интересы демократіи и соціализма—*просвѣщеніе и организація* (Aufklärung und Organisation).

Такимъ тономъ форштандъ давно не говорилъ съ крайними лѣвыми соціалъ-демократической партіи, имѣвшими до недавняго времени большое вліяніе въ руководящихъ сферахъ партіи. Теперь форштандъ рѣшительно отстранился отъ нихъ. Исходъ борьбы на партейтагѣ имѣетъ, поэтому, крупное значеніе.

Ораторы лѣвой могли отвѣтить Шейдеману только на другой день, такъ какъ понедѣльникъ партейтагъ посвятилъ разнымъ практическимъ вопросамъ, не имѣющимъ общаго значенія. Мы о нихъ не упоминаемъ, они для русскаго читателя относительно малоинтересны. На другой день первымъ ораторомъ по вопросу о всеобщей забастовкѣ выступилъ Эдуардъ Бернштейнъ, «отецъ ревизіонизма». Ему почти ничего не оставалось добавить къ рѣчи докладчика. Онъ выразилъ свое полное согласіе въ этомъ вопросѣ съ форштандомъ, формулировавъ свою точку зрѣнія въ слѣдующихъ словахъ: «Мы создали организаціи, развившіяся мало по малу до размѣровъ *государства въ государствѣ*... Это надо крѣпко охранять, на этомъ надо дальше строить. Не дадимъ себя втянуть въ движеніе, которое при нынѣшнихъ условіяхъ можетъ отвлечь отъ этого, на радость нашимъ врагамъ».

Главнымъ ораторомъ лѣвой была *Роза Люксембургъ*. Она говорила съ большимъ подъемомъ и имѣла большой ораторскій успѣхъ. Но по существу она едва ли склонила на свою сторону кого-либо изъ ея противниковъ. Ея сторонники устроили ей бурную овацію; ея противники пришли въ крайнее негодованіе. Ея нападки на форштандъ и въ особенности на Шейдемана были крайне рѣзки, доходя мѣстами до личныхъ оскорбленій. Шейдеманъ—сказала она между прочимъ,—просто неспособенъ понять ея точку зрѣнія. Это, конечно, большая дерзость, но, объективно говоря, тутъ есть крупица истины. Обѣ стороны говорятъ на разныхъ языкахъ, не понимаютъ другъ друга. Поэтому и Шейдеманъ былъ правъ, когда онъ на цитату Люксембургъ изъ «Фауста»:

„Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir!“

отвѣтилъ перефразированной цитатой изъ «Торквато Тассо:»

„Ich freu mich aber nicht, wenn kluge Frauen sprechen,
So dass man nicht klar verstehen kann, wie sie es meinen!

Шейдеманъ говорилъ о конкретныхъ, реальныхъ данныхъ, о взаимныхъ соотношеніяхъ борящихся силъ; онъ считалъ, взвѣшивалъ, измѣрялъ. А Люксембургъ не хочетъ ни считать, ни измѣрять; ея сфера—невѣсомый *духъ*, энтузіазмъ, увлеченіе, вѣра.

«Товарищи, только ясная, рѣзкая революціонная тактика можетъ закалить духъ народныхъ массъ! Массы жаждутъ свѣжаго вѣтерка въ нашей партійной жизни; онѣ желаютъ, чтобы борьба приняла живой, острый тонъ; имъ надоѣло слышать, что только парламентаризмъ является спасительнымъ средствомъ! Партія не должна ждать, пока массы потащутъ ее за собою; она должна подготовлять массы, придавая всей тактикѣ революціонное направленіе!... Надо вызвать въ народныхъ массахъ воодушевленіе и самоотверженность, тогда и неорганизованная масса пойдетъ за организаціями!»...

Таковы главныя положенія рѣчи Розы Люксембургъ, если можно называть положеніями призывы и императивы.

Какъ мало было убѣдительнаго въ этомъ для другой стороны, показала рѣчь представителя профессіональной рабочей организаціи, Густава Бауэра, выступившаго вслѣдъ за Розой Люксембургъ. Онъ съ первыхъ же словъ заявилъ: «Я тщетно ждалъ, чтобы она хоть чѣмъ-нибудь обосновала свою резолюцію». А на ея революціонные призывы этотъ представитель $2^1/_2$ милліоновъ организованныхъ рабочихъ категорически заявилъ: «Мы отвергаемъ это революціонное прожектерство. Только дисциплина и воспитаніе массъ въ крѣпко сплоченныхъ организаціяхъ могутъ привести къ улучшенію положенія рабочихъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи».

Этими рѣчами позиціи обѣихъ сторонъ были ясно очерчены; мы можемъ, поэтому, воздержаться отъ изложенія рѣчей другихъ ораторовъ. Говорили еще, изъ наиболѣе видныхъ членовъ партіи: Франкъ и Давидъ—за резолюцію форштанда, Карлъ Либкнехтъ, Ледебуръ и Клара Цеткина—за резолюцію Люксембургъ.

При голосованіи резолюція Люксембургъ была отвергнута 333 голосами противъ 142, а резолюція форштанда принята почти единогласно. Послѣ пораженія Люксембургъ къ резолюціи форштанда присоединились также ея сторонники; только Клара Цеткина и Ледебуръ непримиримо голосовали противъ, да еще нѣсколько членовъ

воздержались отъ подачи голоса. Побѣда противниковъ революціонныхъ экспериментовъ была полная.

Принятая резолюція гласитъ:

«Постановленіемъ іенскаго партейтага 1905 г., подтвержденнымъ Маннгейскимъ партейтагомъ 1906 г., широкое примѣненіе массовой забастовки признано однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, не только для отпора посягательствамъ на существующія народныя права, но и для завоеванія новыхъ правъ для народа.

«Отвергая массовую забастовку какъ вѣрное и во всякое время примѣнимое средство устраненія соціальныхъ золъ въ смыслѣ анархической концепціи, партейтагъ въ то же время выражаетъ свое убѣжденіе, что рабочіе должны внести въ борьбу за политическое равноправіе всю свою силу. Политическая массовая забастовка можетъ быть приведена только въ полномъ единеніи всѣхъ органовъ рабочаго движенія, сознательными въ классовомъ отношеніи массами, воодушевленными конечными цѣлями соціализма, готовыми на всякія жертвы. Поэтому партейтагъ вмѣняетъ членамъ партіи въ обязанность неутомимо работать для развитія политической и профессіональной организаціи.

«Завоеваніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права для всѣхъ представительныхъ учрежденій составляетъ одно изъ элементарныхъ условій борьбы за освобожденіе пролетаріата. Трехклассовое избирательное право не только ставитъ неимущихъ въ положеніе безправныхъ, но стѣсняетъ ихъ во всѣхъ ихъ стремленіяхъ улучшить свои условія жизни; оно отдаетъ господство въ законодательствѣ злѣйшимъ врагамъ профессіональнаго движенія и соціальнаго прогресса.

«Поэтому партейтагъ призываетъ безправныя массы напречь всѣ свои силы въ борьбѣ противъ трехклассоваго избирательнаго права, помня, что побѣда въ этой борьбѣ безъ большихъ жертвъ невозможна».

Здѣсь каждое слово тщательно взвѣшено и крайне осторожно выражено. Но основная мысль вполнѣ ясна: анархическимъ поползновеніямъ данъ рѣшительный отпоръ.

Тяжелое пораженіе, постигшее ультра-радикальныхъ соціалъ-демократовъ въ вопросѣ о всеобщей забастовкѣ, подавляюще подѣйствовало на ихъ настроеніе. Они, можетъ быть, могли бы получить нѣкоторый реваншъ на другой день при обсужденіи тактики парламентской фракціи, дѣйствительно очень далеко зашедшей въ своемъ оппортунизмѣ; но ихъ боевая энергія совершенно упала. Вызвавшая большіе протесты въ печати и на собраніяхъ ультра-оппортунистическая тактика фракціи по отношенію къ новому воен-

ному закону, сразу увеличившему составъ дѣйствующей арміи на полтораста тысячъ человѣкъ, не получила на партейтагѣ должной оцѣнки. Роза Люксембургъ молчала, Клара Цеткина молчала, Карлъ Либкнехтъ—также; изъ видныхъ представителей этой группы выступилъ только Ледебуръ, съ нѣкоторыми замѣчаніями, не нашедшими никакого резонанса. Между тѣмъ, грѣхъ фракціи въ этомъ дѣлѣ весьма серьезный и чреватый крупными послѣдствіями. Вмѣсто того, чтобы со всей энергіей выступить противъ чудовищныхъ требованій милитаризма, фракція усмотрѣла свою главную задачу въ томъ, чтобы возложить расходы, вызываемые этими требованіями, на буржуазію и косвенно содѣйствовала побѣдѣ милитаризма. Эту тактику, безпримѣрную въ исторіи соціалъ-демократіи, фракція оправдываетъ тѣмъ, что побѣда правительства все равно была неизбѣжна. Но такія оправданія, всегда очень рискованныя, менѣе всего допустимы по отношенію къ милитаризму. И тѣмъ не менѣе «дальновидные» радикалы пропустили это безъ надлежащаго протеста, и партейтагъ молча одобрилъ тактику фракціи. Борьба возгорѣлась только по поводу одной частности въ этой тактикѣ, сравнительно второстепенной: голосованія фракціи за подоходные имущественные налоги на покрытіе новыхъ военныхъ расходовъ. Но этотъ вопросъ обсуждался позднѣе, въ связи съ общей налоговой политикой партіи.

По окончаніи обсужденія отчета парламентской фракціи, не вызвавшаго серьезныхъ возраженій, съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о средствахъ борьбы съ безработицей. Этотъ вопросъ имѣетъ, помимо своего общаго значенія, большой актуальный интересъ, въ виду наступившей заминки въ промышленной дѣятельности и ожиданія новаго кризиса. Уже теперь число безработныхъ весьма значительно, доходя въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности до размѣровъ большого бѣдствія; такъ, въ строительной промышленности число безработныхъ составляло даже во время строительнаго сезона около 18—20% всѣхъ рабочихъ этой отрасли.

Докладчикомъ по вопросу былъ членъ баварскаго ландтага Іоганнесъ Тиммъ. Предложенная докладчикомъ резолюція требуетъ: 1) немедленной организаціи общественныхъ работъ для удовлетворенія нынѣшней нужды, и 2) установленія государственнаго страхованія отъ безработицы для общей борьбы съ этимъ зломъ. Дебаты сосредоточились на послѣднемъ требованіи. Государственное страхованіе отъ безработицы уже существуетъ, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ странахъ,—пока въ ограниченныхъ размѣрахъ, въ видѣ опыта. Въ Англіи страхованіе охватываетъ въ настоящее время $2^1/_2$ милліона рабочихъ. Въ Даніи застрахованы 21% женщинъ и

59% мущинъ, работающихъ въ промышленности. Наибольшее вниманіе обратилъ на себя опытъ Бельгіи, т. наз. «гентская система», при которой въ расходахъ принимаютъ участіе община и профессіональные союзы, а завѣдываніе дѣломъ находится въ рукахъ послѣднихъ. Эта система въ Германіи введена уже въ 11 городахъ. За нее высказался также партейтагъ. Значительныхъ разногласій не было; резолюція принята была единогласно.

Радикальствующіе не приняли участія въ этихъ преніяхъ. Ихъ такіе вопросы не интересуютъ; ихъ сфера—haute politique. Они все болѣе и болѣе удаляются отъ реальныхъ интересовъ и основъ современнаго рабочаго движенія и, можно сказать, становятся *чуждыми* ему. Едва ли составляетъ чистую случайность, что знаменосцемъ этого направленія является въ настоящее время иностранка—варшавянка Роза Люксембургъ. Противники этого направленія прямо и называютъ его въ полемикѣ «русскимъ» и «нигилистическимъ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно, правда, имѣло на своей сторонѣ и Бебеля и Каутскаго, но въ послѣднее время они отошли отъ него. Нынѣшній партейтагъ былъ для этого направленія Седаномъ, можно также сказать—«Іеной»... Оно потерпѣло полное пораженіе также во второмъ боевомъ вопросѣ—относительно налоговой политики соціалъ-демократіи, къ которому съѣздъ перешелъ на четвертый день своихъ занятій.

Докладчиками по вопросу о налоговой политикѣ были Вурмсъ, ближайшій помощникъ Каутскаго по редакціи «Neue Zeit», и Зюдекумъ, одинъ изъ наиболѣе умѣренныхъ представителей ревизіонизма. По своимъ исходнымъ точкамъ зрѣнія оба докладчика далеки другъ отъ друга, но въ практическомъ выводѣ они были *вполнѣ солидарны*; оба рѣшительно отстаивали правильность тактики соціалъ-демократической фракціи рейхстага, поддержавшей своимъ голосованіемъ установленіе имперскаго подоходнаго налога для покрытія новыхъ военныхъ налоговъ. Противъ этого выступила та же самая группа, которая боролась съ тактикой партейфорштанда въ вопросѣ о всеобщей забастовкѣ—и потерпѣла еще горшее пораженіе, чѣмъ въ томъ случаѣ. Партейтагъ не только высказался подавляющимъ большинствомъ 336 голосовъ противъ 140 за резолюцію докладчиковъ, но сверхъ того еще выразилъ парламентской фракціи полное довѣріе, давъ ей такимъ образомъ carte blanche для будущаго. Крайняя лѣвая заняла въ этомъ случаѣ чисто догматическую позицію, требуя неуклоннаго проведенія традиціоннаго лозунга: «этому строю ни одного человѣка, ни одного гроша!». Большинство партейтага признало необходимымъ, не связывая себя непреклонной догмой, *рѣшать практическіе вопросы пра-*

ктически, отъ случая къ случаю, въ зависимости отъ данныхъ реальныхъ интересовъ рабочаго класса. Въ данномъ случаѣ фракція была убѣждена, что, поддерживая прямой подоходный налогъ, падающій всей своей тяжестью на имущіе классы, она спасаетъ рабочій классъ отъ новыхъ косвенныхъ налоговъ, львиная доля которыхъ была бы возложена на плечи неимущихъ. Партейтагу, такимъ образомъ, была предложена слѣдующая дилемма: мертвая догма или живая практическая политика. Неудивительно, что подавляющее большинство отдало предпочтеніе послѣдней. Въ дѣйствительности проблема далеко не имѣла столь простого характера, но крайніе лѣвые сами придали ей такую форму.

Вслѣдствіе этого остались почти незатронутыми многіе важные вопросы. Могла ли фракція вызвать провалъ всего новаго военнаго законопроекта, и что она должна была для этого сдѣлать? Могла ли и должна ли была фракція довести до роспуска рейхстага?

Несомнѣнно, что боязнь роспуска сыграла значительную роль въ образѣ дѣйствій соціалъ-дамократической фракціи (въ первый разъ, кажется, за все время ея существованія). Этому новаторству едва ли можно сочувствовать, въ особенности, если принять во вниманіе огромное, *міровое* значеніе новой побѣды милитаризма въ Германіи. Но въ отношеніи страха передъ роспускомъ рейхстага, повидимому, и у радикальныхъ членовъ фракціи «рыльце въ пуху». Поэтому они не могли сражаться на этой почвѣ и выѣхали на своемъ старомъ конькѣ: «завѣты», «традиціи», «догма»...

Дебатами о налоговой политикѣ главный интересъ нынѣшняго партейтага былъ исчерпанъ. Часть делегатовъ тотчасъ же уѣхала. Остальные пункты программы не имѣли большого значенія, кромѣ выборовъ главнаго комитета партіи—«партейфорштанда». Но исходъ послѣднихъ былъ для всѣхъ предрѣшенъ. Предсѣдателями были избраны Гаазе и Эбертъ, членами—избранники прошлогодняго партейтага, почти безъ оппозиціи. Только одна освободившаяся вакансія члена комитета вызвала партійную борьбу, закончившуюся опять-таки пораженіемъ лѣвыхъ.

Въ субботу, 20-го сентября, партейтагъ былъ закрытъ, при обычномъ одушевленіи, рѣчью предсѣдателя, формулировавшаго въ общихъ чертахъ главные результаты нынѣшняго съѣзда и заявившаго съ особымъ удареніемъ, что, несмотря на частичныя разногласія, цѣлость соціалъ-демократической партіи остается непоколебимой, и единство партіи всѣми безъ исключенія признается высшимъ благомъ, которое надо блюсти, какъ зѣницу ока: «соединеніе всѣхъ

силъ партіи для солидарной работы составляетъ корень нашей мощи и нашихъ успѣховъ!»

Дѣйствительно, этотъ партейтагъ закрѣпилъ цѣлость партіи, разсѣявъ очень распространенныя опасенія и ожиданія, что внутренній кризисъ, вызванный быстрымъ ростомъ партіи и измѣненіями, происшедшими во внѣшнихъ политическихъ условіяхъ и внутреннихъ стремленіяхъ соціалъ-демократіи, приведетъ къ большимъ потрясеніямъ, можетъ быть—къ полному распаду. Кризисъ разрѣшился благополучно. Я говорю: «разрѣшился», потому что считаю, что на этомъ партейтагѣ многолѣтній споръ между «ревизіонистами» и «ортодоксами», между т. наз. «бернштейніанцами» и т. наз. «марксистами»,—между приверженцами плодотворной, реальной работы и поклонниками чистой абстрактной идеи,—что этотъ споръ фактически теперь почти разрѣшенъ для германской соціалъ-демократіи. Германская соц.-демократическая партія теперь окончательно повернула на путь реальной политики. Одобренная партейтагомъ, тактика с.-д. фракціи рейхстага зашла на этомъ пути даже слишкомъ далеко, такъ далеко, что самъ «отецъ ревизіонизма», Эдуардъ Бернштейнъ, отказался слѣдовать за ней! Политика фракціи по отношенію къ возмутительному новому военному закону была до такой степени узко-оппортунистична, что, сознаюсь, и я, отнюдь не считающій оппортунизмъ смертнымъ грѣхомъ, возрадовался, когда услышалъ, что страшный Гоффманъ (извѣстный подъ кличкой «Гоффманъ Десяти Заповѣдей«) обѣщаетъ задать фракціи «порядочную потасовку» («anständig verhauen»), которая, однако, почему-то и у него не вышла!

Эта тактика привела къ тому, что первый рейхстагъ, въ которомъ соціалъ-демакратическая партія является самой сильной (110 депутатовъ, больше четвертой части всего состава рейхстага!), въ которомъ она дѣйствительно можетъ играть значительную реально-политическую роль,—этотъ рейхстагъ вполнѣ одобрилъ самое значительное домогательство милитаризма со временъ основанія имперіи. Если этотъ результатъ оппортунистической тактики не испугалъ германскую соціалъ-демократію, и партейтагъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ выразилъ фракціи свое полное довѣріе, безъ малѣйшихъ оговорокъ, то это указываетъ на такой сильный уклонъ въ сторону реально-политической тактики, что обратнаго поворота въ скоромъ времени ожидать нельзя.

Это, очевидно, не случайная побѣда одного направленія надъ другимъ, а прямой результатъ исторической эволюціи, естественный продуктъ развитія соціалъ-демократической партіи, праздновавшей

въ этомъ году свой пятидесятилѣтній юбилей. Какъ бы нарочно для того, чтобы показать, какъ мало яснаго въ этой знаменательной эволюціи, обстоятельства сложилось такъ, что въ самомъ остромъ вопросѣ—о гососовaніи фракціи за имущественный налогъ на покрытіе военныхъ расходовъ,—Эд. Бернштейнъ занялъ отрицательную позицію, а Карлъ Каутскій—положительную, т. е. «ревизіонистскую»... Вліяніе теоретиковъ на партію вообще очень ослабѣло; рѣшающее вліяніе перешло къ практическимѣ дѣятелямъ, къ руководителямъ организацій, политическихъ и экономическихъ.

Особенно знаменательно все усиливающееся вліяніе *экономической организаціи*, профессіональныхъ союзовъ. На исходъ спора о демонстративной всеобщей забастовкѣ организація профессіональныхъ союзовъ имѣла рѣшающее вліяніе. Выступленіе ихъ представителя на партейтагѣ (Густава Бауэра) было до того внушительно и рѣшительно, что послѣ него резолюція Люксембургъ уже заживо была похоронена. Какимъ тономъ говорилъ онъ объ этой резолюціи и ея авторѣ! «Революціонная фразеологія», «звонкія фразы»; «если товарищъ Люксембургъ воображаетъ, что вожди профессіональныхъ союзовъ придутъ на ея собранія, чтобы спорить съ нею о ея теоріяхъ, то ей долго придется дожидаться!» «Профессіональные союзы имѣютъ готовый штемпель для такихъ ораторовъ: «L. S.» (Lasst schmäfzen!») Это «L. S.» (по русски: «П. Б.»—пусть болтаютъ!) было убійственно! Если чисто рабочая организація, охватывающая всѣ сознательные элементы рабочаго класса, классовая рабочая организація въ полномъ смыслѣ слова, самая могущественная изъ всѣхъ соціалъ-демократическихъ организацій, такъ относится къ «истиннымъ марксистамъ», строющимъ всѣ свои надежды на проясненіи классоваго самосознанія, то на чемъ же могутъ они теперь опираться?

Рабочій классъ уходитъ отъ нихъ, уже ушелъ. Рабочая партія освободилась отъ гегемоніи марксистской ортодоксіи. Въ этомъ—историческое значеніе нынѣшняго партейтага. Поэтому онъ, несмотря на свою тусклую внѣшность, имѣетъ глубокій смыслъ.

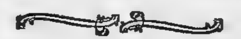
Это былъ первый партейтагъ безъ Бебеля—и каждый, кому извѣстно великое значеніе его дѣятельности для германской соціалъ-демократіи, спроситъ, какъ отразилось его отсутствіе на характерѣ партейтага?—Отсутствіе этого пламеннаго трибуна, въ которомъ огонь водушевленія и любви къ народному дѣлу всегда горѣлъ яркимъ пламенемъ, зажигая всѣ сердца вокругъ,—отсутствіе этого единственнаго человѣка, конечно, живо чувствовалось. Его смерть бросила тѣнь на партейтагъ. Но на внутреннемъ содержаніи занятій партейтага и на характерѣ его рѣшеній оно существенно не отразилось. Участіе Бебеля несомнѣнно сдѣлало бы настроеніе

съѣзда болѣе повышеннымъ, болѣе яркимъ, но его основной тенденціи не измѣнило бы; пораженіе ультра-радикаловъ, вѣроятно, было бы еще болѣе рѣшительнымъ, болѣе яркимъ, потому что Бебель также стоялъ на восторжествовавшей точкѣ зрѣнія и очень рѣшительно выступилъ бы противъ анархистскихъ поползновеній. Это подтверждаетъ, между прочимъ, письмо Бебеля къ Молкенбуру, незадолго передъ смертью, въ которомъ онъ дѣлаетъ указанія на матеріалъ изъ исторіи партіи, способный «свернуть шею», какъ онъ выражается, спору относительно налоговой политики, и обѣщаетъ, если только будетъ въ состояніи, выступить съ этимъ матеріаломъ на партейтагѣ. Это былъ самый драматическій моментъ для «истинныхъ соціалъ-демократовъ» группы Люксембургъ, когда Молкенбуръ, при напряженномъ вниманіи всего партейтага, читалъ это письмо покойнаго вождя,—по мнѣнію оратора, послѣднее, написанное имъ передъ кончиной...

Поворотъ германской соціалъ-декократіи на новую дорогу получилъ такимъ образомъ какъ бы загробное благословеніе ея вождя.

Берлинъ, 12 (25-го) сентября.

Р. Бланкъ.

КЪ ПОЛОЖЕНІЮ РАБОЧАГО КЛАССА ВО ФРАНЦІИ.

(Письмо изъ Парижа).

Три фактора, не лишенные нѣкоторой связи между собою, опредѣляютъ въ капиталистическомъ обществѣ положеніе рабочаго класса и уровень его благосостоянія: достигнутая степень производительности труда; соотношеніе между размѣрами національнаго производства и численностью рабочаго класса; степень организованности послѣдняго. Чѣмъ выше производительность труда, чѣмъ выше спросъ на трудъ; чѣмъ организованнѣе рабочій классъ, тѣмъ лучше его положеніе, тѣмъ выше оплата труда и тѣмъ лучше соціальныя и моральныя условія, въ которыхъ онъ поставленъ. Экономическій и политическій прогрессъ страны прямо отражается на улучшеніи положенія труда; въ экономически и политически отсталыхъ странахъ трудъ угнетенъ. Таково общее положеніе.

Францiя—страна, достигшая высокой степени экономическаго процвѣтанія и политическаго развитія, и потому можно было-бы ожидать, что уровень благосостоянія рабочаго въ ней относительно высокъ. Этого однако нѣтъ. Рабочій день взрослаго рабочаго во Франціи вообще длиненъ; почти нигдѣ и ни въ одной области производства онъ не спускается ниже 10 часовъ чистой работы. Его оплата только для квалифицированныхъ рабочихъ поднимается выше пяти франковъ въ день, спускаясь, особенно въ провинціи, очень часто до $3^1/_2$ и 3 франковъ.

Причины этого явленія очень разнообразны и сложны. Укажу главнѣйшія. Это, прежде всего, ростовщическій характеръ французскаго капитала. По исчисленіямъ извѣстнаго экономиста Лизиса, изъ 22 милліардовъ франковъ, составляющихъ чистый доходъ французскаго капитала за послѣднія 10-ть лѣтъ, 16 милліардовъ фр. экспортированы заграницу, и только 6 употреблены на нужды промышленности и торговли внутри страны. Французскій капиталистъ считаетъ болѣе выгоднымъ помѣщать свои деньги въ иностранныхъ займахъ и въ акціи иностранныхъ промышленныхъ предпріятій, приносящихъ отъ 4 до 8%, чѣмъ непосредственно затрачивать ихъ въ производство. Въ личныхъ моихъ бесѣдахъ съ французскими капиталистами мнѣ пришлось въ объясненіе этого явленія встрѣчаться всего чаще съ ссылкой на два обстоятельства: на затруднительность конкурировать на международномъ рынкѣ съ иностранной «дешевкой», съ низкосортнымъ иностраннымъ товаромъ, и на требовательность избалованнаго и революціонно-настроеннаго французскаго рабочаго. Обѣ эти ссылки едва-ли заслуживаютъ особаго вниманія. Далеко не всѣ продукты французскаго производства высокосортны; далеко не весь французскій пролетаріатъ настроенъ революціонно и требователенъ выше мѣры. Напротивъ, громадный процентъ французскихъ рабочихъ неорганизованъ и потому мало способенъ къ планомѣрной и упорной борьбѣ за улучшеніе своего положенія; онъ часто довольствуется, поэтому, очень малымъ. Слабое развитіе французской промышленности и ростовщическій характеръ французскаго капитала было-бы вѣрнѣе поставить въ связь съ другими моментами: съ прочностью мелкаго крестьянскаго землевладѣнія и узостью французскаго рабочаго рынка, заставляющею предпринимателей уже теперь прибѣгать къ иностранному рабочему—итальянскому, чешскому, румынскому, польскому и т. д.,—и, во вторыхъ, съ малою предпріимчивостью француза, съ его боязнью риска, съ его глубокимъ индивидуализмомъ, т. е. съ комплексомъ культурно-бытовыхъ факторовъ.

Такъ или иначе, но экспортъ французскаго капитала за гра-

ницу имѣетъ своимъ послѣдствіемъ прочность мелкаго и средняго производства, не встрѣчающаго конкуренціи въ производствѣ крупномъ и технически совершенно оборудованномъ, и потому технически отсталаго. Ниже мы познакомимся съ образцами жестокой эксплоатаціи труда въ этихъ экономически и технически отсталыхъ предпріятіяхъ.

Тѣсный размѣръ рабочаго рынка во Франціи явился-бы моментомъ благопріятствующимъ улучшенію положенія труда, если-бы онъ не уравновѣшивался, во первыхъ, употребленіемъ иностраннаго труда, во вторыхъ—широкимъ распространеніемъ домашняго производства на службѣ промышленности. Марсель, Ліонъ, С.-Этьенскій каменноугольный и желѣзный районъ кишатъ итальянскими рабочими, сѣверо-восточный каменноугольный и желѣзодѣлательный районы—тѣми-же итальянцами, славянами разныхъ наименованій, бельгійцами и нѣмцами. Наплывъ иностранныхъ рабочихъ, помимо того, что онъ понижаетъ размѣръ заработной платы, отчасти вслѣдствіе меньшей культурности и большей нищеты пришельцевъ, отзывается вредно на положеніи труда еще и потому, что препятствуетъ объединенію и организаціи рабочихъ. Въ каменноугольныхъ копяхъ департамента Па-де-Калэ, на желѣзодѣлательныхъ заводахъ департамента Мёрты-и-Мозеля, которые я посѣтилъ, различные «народы»—или, вѣрнѣе различные «языки»—живутъ особыми поселками, почти безъ общенія другъ съ другомъ. Администрація даетъ имъ отдѣльныя группы домовъ въ рабочихъ поселкахъ и ставитъ ихъ отдѣльно на работу. И какой-нибудь русинъ, чехъ или пьемонтинецъ, проработавъ годъ на французскихъ копяхъ, встрѣчается со своими французскими товарищами по работѣ только въ кабакѣ за бутылкой—или въ дракѣ.

— «Эти чужестранцы, особенно съ востока, изъ Австріи и Россіи, для насъ настоящее наказаніе, — говорилъ мнѣ секретарь синдиката угольщиковъ въ Барлэнѣ, въ Па-де-Калэ. Во первыхъ, почти никто изъ нихъ не понимаетъ нашего языка. Сговориться съ ними, поэтому, очень трудно. Во вторыхъ, уровень ихъ потребностей и ихъ развитія гораздо ниже нашего. Въ третьихъ, уйдя далеко отъ своихъ мѣстъ въ поискахъ за работой, они робки. Имъ только пригрози расчетомъ, они сапоги агентовъ компаніи лизать будутъ»...

Еще болѣе гибельное для благосостоянія рабочихъ вліяніе имѣетъ раздача работы на домъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ она имѣетъ мѣсто,—такъ какъ берутъ ее не только профессіональные рабочіе, но и крестьяне, для которыхъ она служитъ подсобнымъ промысломъ въ періоды свободные отъ сельскохозяйственныхъ работъ. Конкуренція крестьянъ въ области конфекціонной

промышленности сбиваетъ заработную плату парижской профессіональной работницы до двадцати пяти су и даже до франка въ день!

Экспортъ капитала за границу, относительно слабое развитіе крупной промышленности и стойкость средней и мелкой, обыкновенно технически отсталой, обиліе пришлыхъ рабочихъ изъ странъ низкой культуры, раздача работы въ деревню—все это причины экономическаго свойства, понижающія во Франціи положеніе труда. Къ нимъ необходимо присоединить вліяніе двухъ моментовъ соціально-политическаго характера: безграничное господство буржуазіи во Франціи и интенсивность революціоннаго теченія въ средѣ французскихъ рабочихъ,—интенсивность, обусловленная всей бурной исторіей Франціи въ XIX вѣкѣ, естественная, неизбѣжная, и тѣмъ не менѣе вредная прежде всего самому рабочему классу.

Если я говорю о безграничномъ господствѣ буржуазіи во Франціи, я не хочу этимъ сказать, что во Франціи нѣтъ аристократіи. Аристократія есть, она живетъ, но живетъ какъ обломокъ «стараго порядка», въ надеждѣ возродиться подъ эгидой короля, «du roy», въ союзѣ съ церковью. Она не имѣетъ настоящей политической силы, потому что стоитъ въ формальномъ и принципіальномъ противорѣчіи съ республикой. Она не у власти и не можетъ стать у власти безъ государственнаго переворота. Обреченная на постоянную оппозицію, она ничего не можетъ дать пролетаріату, и въ лучшемъ случаѣ должна ограничиваться ролью соблазнителя, не пользующагося довѣріемъ соблазняемаго. Устраненная положеніемъ вещей съ политической арены, французская аристократія, естественно ушла въ единственную открытую для нея сферу экономической дѣятельности. Но такъ какъ историческій процессъ обезземелилъ ее къ началу XIX-го столѣтія, то экономическая дѣятельность ея приняла общебуржуазный характеръ. Политически и религіозно отдѣленная отъ республиканской буржуазіи, она экономически близка ей, и въ борьбѣ имущихъ классовъ съ пролетаріатомъ дѣйствуетъ въ постоянномъ блокѣ съ буржуазіей. Въ то время какъ въ Англіи и въ Германіи борьба двухъ господствующихъ классовъ, изъ которыхъ каждый заинтересованъ въ поддержкѣ трудовыхъ массъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ частичное удовлетвореніе нуждъ рабочаго, находящее свое выраженіе въ «соціальныхъ законахъ»,—во Франціи для аналогичнаго процесса нѣтъ соотвѣтственныхъ условій. Здѣсь имущій блокъ цѣликомъ противупоставленъ пролетаріату, и въ этомъ разгадка соціально-реакціоннаго—въ предѣлахъ возможности, характера третьей республики,—и недостаточной охраны ею труда. Многочисленный и объединенный рабочій классъ могъ бы, конечно, добиться законодательной охраны своихъ насущныхъ интересовъ и у объединеннаго

противника. Но экономическая структура Франціи противодѣйствуетъ многочисленности и сплоченности рабочаго класса, разобщеннаго, кромѣ того, политически. Значеніе этого послѣдняго фактора съ большой яркостью обнаружено заявленіемъ, поданнымъ въ Совѣтъ Всеобщей Конфедераціи Труда секретарями тридцати трехъ синдикатовъ. Конфедерація приглашается здѣсь сойти съ политической почвы, на которой она въ послѣдніе годы укрѣпилась, на почву исключительно экономической борьбы. Мотивируется это заявленіе тѣмъ, что революціонная, антимилитаристская и саботажная тактика, усвоенная Конфедераціей, не встрѣчаетъ сочувствія всего пролетаріата. Синдикаты, принявшіе ярко политическую окраску, пустѣютъ; члены ихъ, не раздѣляющіе крайнихъ воззрѣній, дезертируютъ, и пролетаріатъ расщепляется, вмѣсто того чтобы объединяться.

Въ моемъ распоряженіи нѣтъ цифровыхъ данныхъ, съ помощью которыхъ можно было-бы установить размѣры бѣгства изъ синдикатовъ, и данныхъ этихъ получить негдѣ, такъ какъ Конфедерація Труда ихъ не сообщитъ никому. Но случайно нѣкоторыя цифры проникаютъ въ «большую публику». Одна изъ нихъ опредѣляетъ убыль членовъ синдиката металлистовъ, потерявшаго 40 проц. своихъ членовъ; другая—убыль членовъ синдиката строительныхъ рабочихъ, насчитывавшаго въ прошломъ году свыше 50,000 человѣкъ, въ нынѣшнемъ же году—всего 26,000. Но, очевидно, и въ другихъ синдикатахъ ряды рѣдѣютъ съ той же интенсивностью: иначе тридцать три секретаря, не сдѣлали-бы своего заявленія. Нельзя сомнѣваться и въ причинахъ бѣгства: онѣ вполнѣ опредѣленно и точно изложены въ заявленіи секретарей, а равно и въ докладѣ Мергейма—секретаря синдиката металлистовъ и главнаго иниціатора поворота къ «экономизму»,—представленномъ недавно собранію членовъ организаціи. «Синдикальная организація—сказано въ этомъ докладѣ—можетъ охватить тѣмъ бо̀льшую часть рабочихъ профессій, чѣмъ исключительнѣе она служитъ профессіональнымъ интересамъ; если же кромѣ защиты профессіональныхъ интересовъ поднимается еще и политическое знамя, синдикальная организація теряетъ свою привлекательность для всѣхъ, кто подъ этимъ знаменемъ итти не хочетъ». Это и случилось съ французскимъ синдикализмомъ, растерявшимъ большинство рабочихъ, чуждыхъ революціонизму и анархизму. Въ этихъ условіяхъ и экономическая борьба синдикатовъ не можетъ быть ведена съ успѣхомъ.

Я счелъ необходимымъ остановиться на изложеніи причинъ, совмѣстнымъ дѣйствіемъ которыхъ объясняется невысокій уровень благосостоянія французскаго рабочаго во многихъ отрасляхъ производства, потому что безъ этихъ предварительныхъ указаній

необъяснимо и непонятно было-бы противорѣчіе между общимъ экономическимъ процвѣтаніемъ Франціи и достигнутою ею степенью политическаго развитія—и тою по истинѣ тяжелой картиной положенія труда во Франціи, которая развернется передъ нами ниже.

Начнемъ съ крупной промышленности; остановимся на текстильной отрасли ея, центромъ которой является Лилль. По даннымъ министерства труда въ текстильной промышленности Франціи занято всего 825,000 рабочихъ, въ томъ числѣ 381,480 мужчинъ 339,465 женщинъ и 103, 956 дѣтей обоего пола. Средній заработокъ мущины-ткача, прядильщика—16 франковъ въ недѣлю, при десятичасовомъ рабочемъ днѣ (чистой работы); чернорабочіе получаютъ лишь 12 фр. Заработокъ женщинъ гораздо ниже: на сѣверѣ онъ рѣдко поднимается выше 9 фр. въ недѣлю для прядильщицъ, въ Ронкѣ, около Туркуана, составляя всего 15 фр. за двѣ недѣли, т. е. за 120 часовъ труда, а иногда спускаясь до 12 фр. Дѣвочки и подростки-ученицы, употребляемыя для подсобныхъ работъ, получаютъ 3 фр. въ недѣлю, мальчики—около франка въ день. Вообще средній дневной заработокъ семьи ткача, въ которой работаютъ отецъ, мать и часто кто-нибудь изъ дѣтей, равняется для семьи изъ пяти членовъ 4,98 фр., для семьи изъ 6 членовъ—5,06 фр., для семьи болѣе чѣмъ съ шестью членами—5,53 фр. Словомъ, заработокъ никогда не достигаетъ франка въ день на члена семьи.

Средняя продолжительность работы—10 часовъ въ сутки, за исключеніемъ извѣстныхъ періодовъ оживленія, когда рабочій занятъ добавочные часы, и періодовъ угнетенія, когда въ извѣстныхъ отдѣлахъ фабрики работаютъ по 3—4 дня въ недѣлю, или работа прекращается совсѣмъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ начинается въ рабочей семьѣ формальная голодовка.

Гигіеническія условія текстильныхъ фабрикъ вообще плохи. Рабочій работаетъ въ атмосферѣ, полной растительной пыли и теплаго пара, особенно въ чесальняхъ и прядильняхъ. И хотя со времени Жюля Симона, описывавшаго, сорокъ лѣтъ тому назадъ, положеніе текстильныхъ фабрикъ сѣверной Франціи въ ужасающихъ краскахъ, многое улучшилось,—продолжительность труда сократилась, многія фабрики устроили бетонные или цементные полы,—тѣмъ не менѣе гигіеничсскія условія труда неудовлетворительны, чтобы не сказать больше. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ, собранныхъ докторомъ Кальмэттъ въ его докладѣ Медицинской Академіи, и докторомъ Верхагэ, директоромъ общества Preventorium, имѣю-

щаго цѣлью борьбу съ туберкулезомъ въ рабочей средѣ. Отъ 14,28% до 54,54% всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ текстильномъ производствѣ, страдаютъ болѣзнями дыхательныхъ путей. Величина процента колеблется по отраслямъ производства. Изъ проработавшихъ 3 года на фабрикѣ—больны 7,1%, шесть лѣтъ—11,8%, 10 лѣтъ—33,82%. На сто человѣкъ, страдающихъ болѣзнями дыхательныхъ путей, *57,27 больны туберкулезомъ*. Среди прядильщицъ 42% страдаютъ анеміей въ ярко выраженной формѣ. Причины заболѣванія: общая — негигіеничность обстановки; частныя—недостаточное питаніе и чрезмѣрное физическое напряженіе. По даннымъ Preventorium'а отъ 71 до 76,7% случаевъ заболѣваніи туберкулезомъ обусловлены недостаточностью питанія, и отъ 97,4 до 98,2—избыточнымъ физическимъ напряженіемъ (surménage), особенно у женщинъ-матерей, которыя, придя домой съ работы, принуждены обмывать, обшивать и т. д. дѣтей, вообще многочисленныхъ въ рабочихъ семьяхъ. И всетаки дѣти рабочихъ особенно, когда мать вынуждена тоже работать на фабрикѣ,—т. е. въ многодѣтныхъ семьяхъ,—страдаютъ отъ полнаго недостатка ухода; смертность между ними громадна. У дѣвушекъ-матерей она достигаетъ 60%, вообще—40%. Большинство дѣтей умираетъ отъ гастрическихъ заболѣваній, какъ результата плохого питанія и отсутствія ухода и медицинской помощи.

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ я не имѣю возможности подробно остановиться ни на положеніи жилищнаго вопроса, ни на культурно-бытовыхъ условіяхъ жизни рабочаго. Но конечно и квартира, и „бытъ“ рабочаго стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ нищенскимъ размѣромъ его заработка. На квартиру въ старыхъ, зараженныхъ и неблагопріятныхъ домахъ рабочіе въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Рубэ, тратятъ отъ 9,50 фр. до 13,50 фр. въ мѣсяцъ, тѣснясь обыкновенно въ одной комнатѣ. Единственнымъ мѣстомъ отдыха, развлеченія и общественной жизни является кабакъ. Не даромъ-же въ томъ-же Рубэ на 110,000 жителей насчитывается *2,000* кабаковъ!

Всѣ вышеприведенныя цифровыя данныя краснорѣчивы только для тѣхъ, кто привыкъ имѣть дѣло съ цифрами и понимать ихъ языкъ. Позвольте мнѣ, поэтому, иллюстрировать ихъ картинкой, взятой изъ книги Леона и Мориса Боннефъ, лучшихъ французскихъ изслѣдователей быта рабочихъ: „La vie tragique des travailleurs“.

«Лилль. Улица Филиппъ-де-Комминъ.—Грязная сѣрая улица, залитая дождемъ. Узкій черный проходъ, гдѣ обоими локтями трешься, проходя, о стѣны; темная лѣстница безъ перилъ; во второмъ этажѣ дверь. Мы стучимъ въ нее; намъ отвѣчаетъ чуть

слышный голосъ. Входимъ: удушливый, трудно опредѣляемый запахъ—запахъ болѣзни,—стѣсняетъ намъ дыханіе, не смотря на то, что окошко отворено. Нашъ проводникъ спрашиваетъ у насъ въ полголоса:

— Сколько лѣтъ на вашъ взглядъ этой женщинѣ?

— Лѣтъ сорокъ пять, пятьдесятъ...

— Только двадцать шесть!

Передъ нами на колченогомъ стулѣ женщина въ лохмотьяхъ; она безостановочно кашляетъ и плюетъ. Она такъ худа, что плечи выступаютъ острыми углами, и хребетъ ясно рисуется сквозь кофту. Встать она не можетъ. Размѣръ комнаты—три аршина на шесть; половина ея занята кроватью, около которой двѣ люльки. Около стола заржавленный желѣзный очагъ. Эта женщина—мать пяти дѣтей, изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ семь лѣтъ. Она передъ нами: дикіе глаза, всклокоченные волосы. Она не ходила и не ходитъ въ школу, такъ какъ на ней лежитъ обязанность ходить за младшими. Поэтому она остается съ матерью, пьетъ изъ ея стакана, дышетъ воздухомъ, полнымъ бациллами.... Отцу тридцать два года. Онъ конюхъ на прядильной фабрикѣ. Въ пять часовъ утра онъ уходитъ убирать и кормить лошадей и возвращается въ 7 часовъ вечера. Получаетъ онъ 18 франковъ въ недѣлю,—и на это должна жить вся семья. Отецъ, мать и пятеро дѣтей живутъ въ одной комнатѣ; здѣсь готовятъ обѣдъ, здѣсь ѣдятъ. Супруги и двое старшихъ дѣтей спятъ въ постели, трое младшихъ—въ люлькахъ. Прежде, когда мать могла стоять на ногахъ, въ этой же комнатѣ производилась и стирка бѣлья—и больной, и здоровыхъ. Теперь Preventorium взялъ на себя стирку бѣлья; онъ же даетъ литръ молока въ день для дѣтей, кило мяса на семью въ мѣсяцъ. Но средства Preventorium'а очень скромны.

«Эта женщина—въ послѣдней стадіи чахотки; она умретъ въ ближайшемъ будущемъ. Когда-то она была прядильщицей льна. Причина болѣзни: переутомленіе, матеріальныя лишенія и дурныя условія труда.

«Улица Роблецъ. Узкій проходъ приводитъ насъ на маленькій квадратный внутренній дворикъ, полный отбросовъ; ручеекъ грязной и сальной воды сочится по его рединѣ. Поднимаемся въ четвертый этажъ.

На порогѣ комнаты мы встрѣчаемъ молодую худенькую и хорошенькую женщину; стоя на колѣняхъ, она моетъ мыломъ кирпичныя плиты пола. Это и есть больная. Она поднимается, конфузливо улыбается и, вытирая передникомъ руки, сзываетъ своихъ ребятъ, которые на четверенкахъ и ползкомъ копошатся у насъ въ

ногахъ. Комната, въ которую мы входимъ, составляетъ все помѣщеніе семьи. Въ глубинѣ постель, около — колыбель. Въ ней живутъ 8 человѣкъ: отецъ, мать и шестеро дѣтей. Женщинѣ 30 лѣтъ, старшему ребенку тринадцать, младшему нѣтъ года. Одинъ умеръ отъ туберкулезнаго менингита. Отецъ служитъ чернорабочимъ на ткацкой фабрикѣ; онъ зарабатываетъ 2,5 франка за 10 часовъ работы. Семья не имѣетъ никакихъ другихъ источниковъ дохода, не получая ни откуда помощи, и на эти деньги должны питаться, одѣваться, оплачивать квартиру восемь душъ. Всѣ они не только спятъ, готовятъ пищу и живутъ въ этой комнатѣ, съ окномъ, выходящимъ на гнилой внутренній дворикъ, но и стираютъ въ ней же бѣлье. На веревкѣ, протянутой подъ потолкомъ, виситъ бѣлье и при нашемъ посѣщеніи, и подъ нимъ лужицы отъ стекающихъ капель. Родители и пятеро дѣтей спятъ въ одной кровати. Лѣтомъ часть семьи переселяется на поле. Мы поднимаемъ одѣяло, закрывающее постель: оказывается, что простынь подъ нимъ нѣтъ.

— Когда родился четвертый,—говоритъ намъ женщина,—мы продали простыни и никакъ не могли собраться обзавестись съ тѣхъ поръ новыми...

— Чѣмъ вы питаетесь? Чѣмъ питается вашъ мужъ?

— Питаемся рагу... да, рагу изъ картофеля, рѣпы, иногда капусты и гороха.

— Мясомъ?

— О, никогда!

Эта женщина больна туберкулезомъ въ начальной формѣ. Хорошее питаніе, свѣжій воздухъ, жизнь безъ заботъ и утомленія—и она была-бы несомнѣнно спасена. Но она останется въ своемъ чуланѣ, и скоро умретъ въ немъ. Она это знаетъ и помирилась съ неизбѣжнымъ. И намъ такъ-же тяжело смотрѣть на эту молодую и еще крѣпкую женщину, осужденную на близкую смерть, какъ на человѣка, присужденнаго къ смертной казни, наканунѣ приведенія приговора къ исполненію.

— Чему приписываете вы вашу болѣзнь?—спрашиваемъ мы.

— Нищетѣ. Я была еще совсѣмъ ребенкомъ, когда начала работать. Я работала тюль въ Калэ. Съ тѣхъ поръ какъ я вышла замужъ, *я ни разу не ѣла досыта.*

И затѣмъ безъ малѣйшей ироніи:

— Когда получаешь два съ половиной франка на восемь человѣкъ, надо жить скупо, чтобы обернуться...

Дѣти всегда при матери, въ самомъ тѣсномъ общеніи съ нею. Ихъ зараженіе кажется неизбѣжнымъ.

«Опять улица Роблецъ. Дворикъ настолько тѣсный, и потому

темный, что въ комнатахъ, выходящихъ окнами на дворъ, огонь зажигается въ два часа дня. Въ углу куча навоза, образовавшагося изъ домашнихъ отбросовъ. Входимъ на лѣстницу безъ перилъ, всю окутанную бѣлымъ туманомъ: итальянцы гипсовщики занимаютъ первый этажъ, гдѣ и фабрикуютъ статуетки, и это производство наполняетъ весь домъ мелкой гипсовой пылью. Въ четвертомъ этажѣ, въ маленькой комнатѣ, сидя на постели, насъ ожидаетъ нашъ больной — маленькій, тощій, скрюченный человѣчекъ съ свистящимъ голосомъ, еле слышнымъ. И понятно, почему; этотъ голосъ приходитъ издалека—съ края могилы.

Ему тридцать два года. Онъ былъ чесальщикомъ льна. Онъ зарабатывалъ свои «восемнадцать франковъ въ недѣлю». Но вотъ уже годъ, какъ онъ ничего не можетъ дѣлать. Онъ даже не имѣетъ силъ спуститься внизъ, чтобы подышать «чистымъ» воздухомъ на улицѣ. Въ комнатѣ столъ, стулъ и постель, на которой онъ спитъ съ женою и съ шестилѣтнимъ сыномъ въ ногахъ. Чѣмъ живетъ это семейство? Жена работаетъ въ прядильнѣ и зарабатываетъ 10,50 фр. въ недѣлю. Это все.

— «Кто знаетъ, долго ли она еще проработаетъ?»—говорилъ намъ мужъ. И его глухой, надрывающійся сухимъ кашлемъ голосъ такъ страшенъ, что не хочется больше его слышать. И не спрашиваешь больше, стыдясь за заданные вопросы»...

«Вообще,—резюмируетъ Боннефъ,—жилищныя условія посѣщенныхъ нами рабочихъ семей всюду тождественны: въ громадномъ большинствѣ случаевъ одна комната для трехъ, четырехъ, восьми человѣкъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ и остальныя условія жизни. Вслѣдствіе недостаточности заработной платы, рабочая семья питается почти исключительно овощами и картофелемъ, и не въ состояніи возстановить тратъ, обусловленныхъ работой, и вырастить дѣтей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и условія труда. Десять часовъ для женщинъ, десять, одиннадцать, иногда больше—для мужчинъ, всегда истощенныхъ и переутомленныхъ. На лицо, такимъ образомъ, всѣ условія для развитія болѣзней, и въ особенности туберкулеза».

Докторъ Верхааге пишетъ съ своей стороны.

«Съ особой силой бѣдствіе обрушивается на тѣхъ, кого безработица, временное заболѣваніе, старость и другія причины ставятъ въ невозможность работать. Все-таки должно отмѣтить, что туберкулезъ коситъ не однихъ безработныхъ, а также мужчинъ и женщинъ, работающихъ безостановочно, но не получающихъ взамѣнъ своихъ трудовыхъ усилій и своей свободы даже минимума, необходимаго для жизни».

Обойдемъ, за недостаткомъ мѣста, положеніе рабочихъ въ дру-

гихъ отрасляхъ крупнаго производства,—на заводахъ желѣзодѣлательныхъ, сталелитейныхъ, стеклянныхъ, въ добывающей промышленности. Иногда—какъ напр. на стеклянныхъ заводахъ оно—немногимъ лучше, чѣмъ въ текстильной промышленности. Въ желѣзодѣлательной промышленности оплата труда выше, но самый трудъ тяжелѣе и опаснѣе. Надо было бы написать книгу, чтобы хотя бѣгло обозрѣть всѣ области крупнаго производства; удовольствуемся поэтому изложеннымъ, и перейдемъ къ средней промышленности, взявъ на выдержку два-три производства.

Остановимся прежде всего на фабрикахъ, обрабатывающихъ каучукъ. Наиболѣе существенной операціей при обработкѣ каучука является его вулканизація, устраняющая чувствительность каучука къ температурнымъ измѣненіямъ и измѣняющая его консистенцію. Существуетъ много способовъ вулканизаціи, между прочимъ — нѣсколько почти вполнѣ безвредныхъ для здоровья рабочихъ, производящихъ эту операцію. Извѣстный ученый Анри Пуанкарэ предложилъ для вулканизаціи смѣсь сѣры съ гидратомъ извести; Шапель, бывшій секретарь патрональнаго синдиката каучуковыхъ фабрикантовъ, предложилъ вмѣсто сѣро-углерода смѣсь минеральнаго легкаго масла (1 литръ) съ хлоратомъ сѣры (12 гр.), съ послѣдовательной обработкой концентрированнымъ растворомъ поташа. Способъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ технически, но онъ требуетъ нѣсколько болѣе времени, чѣмъ обычный. Вотъ это-то обстоятельство—нѣсколько болѣе медленный темпъ обработки и нѣкоторое увеличеніе издержекъ—побуждаетъ фабрикантовъ прибѣгать къ другимъ способамъ производства, въ высокой степени губительнымъ для здоровья рабочихъ. Но извѣстно, что нѣтъ товара болѣе дешеваго, чѣмъ здоровье и жизнь человѣка.

Среди такихъ способовъ наиболѣе распространенные: смѣшеніе каучука съ сѣрой въ извѣстномъ количественномъ отношеніи и послѣдовательное нагрѣваніе до высокой температуры, или обработка каучука и пропитанныхъ каучукомъ тканей сѣроуглеродомъ. Листовой каучукъ, а ровно и всѣ предметы, сдѣланные изъ тонкаго слоя каучука или имѣющіе въ своей основѣ ткань, лишь пропитанную каучукомъ, проходятъ черезъ обработку сѣроуглеродомъ. Въ большихъ деревянныхъ бакахъ, наполненныхъ сѣроуглеродомъ—притомъ низшаго качества, заключающимъ много примѣсей, усиливающихъ его вредное дѣйствіе,—и хлоратомъ сѣры, рабочіе, среди которыхъ много женщинъ, мочатъ подлежащія обработкѣ издѣлія—соски, каучуковыя подушки, мячи, баллоны, внутреннія велосипедныя и автомобильныя шины, подмышники, непромокаемые карманы, капсюли и т. п. Подвергнутые въ теченіе извѣстного времени предметы вынимаютс-

изъ открытыхъ баковъ и развѣшиваются въ мастерской, чтобы сѣроуглеродъ успѣлъ стечь; потомъ они высушиваются окончательно съ помощью талька, порошкомъ котораго издѣлія обильно посыпаются. При фабрикаціи калошъ изъ листовъ вулканизованнаго путемъ примѣси сѣры каучука выкраиваются подошвы, задники и переднія части; чтобы склеить ихъ между собой и наклеить на подкладку употребляютъ растворъ каучука опять таки въ сѣроуглеродѣ. Этотъ послѣдній растворъ ставится въ закрытомъ сосудѣ около рабочаго; тотъ кистью достаетъ нужное ему количество, и быстро закрываетъ сосудъ. Тѣмъ не менѣе помѣщеніе все пропитано сѣроуглеродомъ, испаряющимся изъ сосуда при открываніи, съ кисти и съ свѣжесклеенной калоши. При выдѣлкѣ непромокаемыхъ тканей матерія, свертывающаяся съ одного вала и навертывающаяся на другой, нагрѣтый, поливается изъ особаго резервуара тонкимъ слоемъ раствореннаго въ сѣроуглеродѣ каучука, разравниваемаго особыми ножами. Проходя нѣсколько нагрѣтыхъ валовъ, сѣроуглеродъ испаряется, и весь воздухъ пропитанъ имъ.

Извѣстно, что воздухъ, заключающій въ себѣ $^1/_2{}^0/_0$ сѣроуглерода настолько вреденъ, что можетъ считаться безусловно непригоднымъ для дыханія. Воздухъ мастерскихъ содержитъ очень часто гораздо большій процентъ, а работникамъ, имѣющимъ дѣло съ свѣженамоченными издѣльями, приходится вдыхать ядъ полными легкими. Естественно, что очень скоро они начинаютъ проявлять всѣ признаки отравленія. Болѣзнь начинается періодомъ возбужденія, какъ у пьянаго; за этимъ слѣдуетъ глубокое угнетеніе. Появляется сначала сравнительно легкое недомоганіе—судороги въ ногахъ, боль и біеніе въ вискахъ, иногда рвота. Болѣзнь растетъ; появляются жестокія мигрени, слабѣютъ мускулы, особенно ногъ, теряется аппетитъ, наступаетъ безсонница, раздражительность, умъ тупѣетъ. «Отравленный сѣроуглеродомъ рабочій теряетъ не только вкусъ къ жизни, но и способность отзываться на какую-либо матеріальную или интеллектуальную радость жизни; онъ перестаетъ быть человѣкомъ. Это только несчастная полуживая машина, которая страдаетъ и производитъ».

— Кончая работу,—разсказывалъ доктору Боннефону одинъ каучуковый рабочій,—я думаю объ одномъ: лечь, вытянуться, не думать ни о чемъ. Бѣда въ томъ, что баба моя пристаетъ и мѣшаетъ. «Ѣшь», говоритъ. Я долженъ ѣсть ея стряпню. Чепуха. Потому что сѣра вѣдь питаетъ...

Если рабочій въ этой стадіи болѣзни можетъ бросить каучуковое производство, онъ имѣетъ еще шансы выздоровѣть. Но мѣнять работу не легко, и сдѣлать это удается рѣдко. Болѣзнь поэтому

прогрессируетъ. Тѣло теряетъ чувствительность; ноги полупарализованы; раздражательность увеличивается; появляются галюцинаціи, навязчивыя идеи, припадки бѣшенства; предъ нами сумасшедшій.

Законъ 1893-го года требуетъ, чтобы въ заведеніяхъ, употребляющихъ сѣроуглеродъ, были устроены аспираторы, удаляющіе стекающіе книзу тяжелые пары его. Такихъ аспираторовъ нѣтъ ни на одной изъ каучуковыхъ фабрикъ. Приспособленія, предохраняющія работника отъ вдыханія вредныхъ газовъ и паровъ изобрѣтены—но они стоютъ сравнительно дорого, и примѣненіе ихъ рѣдко и недостаточно. И если самый каучукъ весь пропитанъ кровью негровъ и дикарей Бразиліи, то каучуковыя издѣлія куплены физическимъ и душевнымъ здоровьемъ тысячъ европейскихъ рабочихъ. Таковъ фактъ.

Отъ каучука перейдемъ къ камню. Округъ Ля-Фертэ въ департаментѣ Сены и Марны славится своимъ кремневымъ камнемъ, дающимъ лучшій матеріалъ для мукомольныхъ жернововъ. Съ нимъ конкурируетъ округъ Эпернонъ въ департаментѣ Эры и Луары. Около 15,000 чел. заняты въ этихъ двухъ округахъ ломкой и обработкой камня. Твердый, кристалическій камень съ трудомъ поддается обработкѣ. Съ стальнымъ зубиломъ и тяжелымъ молоткомъ въ рукахъ работникъ съ величайшимъ напряженіемъ рубитъ камень въ облакѣ мелкой кристалической пыли, къ которой примѣшиваются мельчайшіе обломки стали зубила... Острая пыль прорѣзаетъ кожу, проникаетъ сквозь платье, вдыхается легкими, и всюду на живомъ тѣлѣ оставляетъ мелкія рваныя раны. Проницающая сила кремневыхъ и стальныхъ осколковъ охотно демонстрируется рабочими слѣдующимъ образомъ: рядомъ съ тесчикомъ камня ставится закупоренная пробкой бутылка; къ вечеру на днѣ ея находятъ слой въ 4 милиметра толщиной мелкой пыли, на половину состоящей изъ кремня, на половину изъ стали. Разсматривая ее въ лупу, можно убѣдиться, что каждый мельчайшій осколокъ съ своими острыми краями есть настоящій ножъ въ миніатюрѣ. Всѣ рабочіе, занятые обработкой камня, работаютъ безъ масокъ, безъ аспираторовъ или какихъ-либо другихъ предохранительныхъ приборовъ. Работа тяжела; плата—сдѣльная; надо заработать свои 4—5 фр. въ день, а для этого надо работать упорно; интенсивная работа вызываетъ интенсивное дыханіе,—а аспираторъ мѣшаетъ дышать и слѣдовательно тормозитъ работу. Работаютъ безъ масокъ въ кремнево-стальной пыли—и харкаютъ кровью. Въ результатѣ послѣ пятнадцатилѣтней работы на камнѣ 8 человѣкъ изъ десяти больны чахоткой въ послѣднемъ градусѣ. Почти никто изъ тесчиковъ камня не переживаетъ сорокалѣт-

няго возраста. Когда братья Боннефы посѣтили Ля-Фертэ, «старшинѣ» тесчиковъ—т. е. рабочему всего дольше проработавшему на камнѣ,—было 36 лѣтъ!

Люди работаютъ—и мрутъ, какъ мухи; отца смѣняетъ сынъ, чтобы къ тридцати годамъ улечься въ свою очередь на кладбищѣ—и никому въ «Прекрасной Франціи» такой порядокъ вещей не кажется непозволительнымъ. Усовершенствованные аспираторы, приборы, устраняющіе доступъ пыли, машинная обработка камня—дороги, а жизнь дешева; у рабочаго класса не хватаетъ энергіи и политическаго вліянія. И все идетъ по-старому.

Но гораздо хуже еще положеніе работника и особенно работницы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ мелкой промышленности. Весной настоящаго года лига «Молодой Республики»—католико-демократическая организація, руководимая Маркомъ Савиньэ—устроила въ Парижѣ небольшую выставку произведеній конфекціонной промышленности и такъ называемыхъ articles de Paris («парижскихъ бездѣлушекъ»). При каждой вещи — табличка со слѣдующими данными: продажная цѣна въ магазинѣ; количество труда (въ часахъ), потребнаго для изготовленія; поштучная оплата труда; дневной заработокъ работницы при работѣ на дому. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ. Дамскія батистовыя съ кружевомъ блузки, цѣной отъ 6 до 9 франковъ. Опытная работница дѣлаетъ блузку въ 1½ часа; получаетъ за блузку 4 су,—въ часъ 14 сантимовъ. За 12-часовой рабочій день немножко больше полутора франка.—Нарядная кофточка, цѣной отъ 15 до 25 фр., требуетъ 2 часовъ работы; поштучная плата 7 су; часовая оплата труда 18 сантимовъ; дневной заработокъ—около 2 франковъ. Передникъ «фантази»; цѣна въ магазинѣ 6 фр. 50 с. Отнимаетъ 4 часа работы; поштучная оплата 6 су; рабочая плата за часъ—7½ сант., дневной заработокъ—90 сантимовъ, т. е. меньше 35 коп. Дѣтскія платья — три - четыре часа работы, оплачиваемые пятью или восемью су. Дневной заработокъ—1 фр. или 1 фр. 20 сант. Издѣлія изъ жести на проволокѣ—чертики, стриженные барашки и т. п.: часовая оплата труда 6 сант.; дневной заработокъ 70 сантимовъ. Золотыя и бисерныя буквы для траурныхъ надписей — 4 су за сотню буквъ; изготовленіе сотни требуетъ 3½ часовъ; заработокъ 6 сант. въ часъ; 70 сант. въ день. Флажки національныхъ цвѣтовъ, употребляемые при патріотическихъ празднествахъ и спеціально въ день 14 іюля, когда республика празднуетъ разрушеніе Бастиліи и побѣду народа надъ монархіей: работница изготовляетъ 6 дюжинъ въ день, получаетъ за работу *45 сант.*

Быть можетъ, эти цифры искусственно подобраны? Составляютъ исключеніе? Наконецъ, просто выдуманы? Обратимся, поэтому, къ

другому источнику—къ работамъ бр. Боннефъ и къ изданіямъ рабочихъ синдикатовъ.

Въ Парижѣ швеи дѣлятся на двѣ категоріи: однѣ работаютъ въ мастерскихъ, другія у себя на дому. Работающія въ мастерскихъ имѣютъ свою аристократію—закройщицъ, особенно искусныхъ мастерицъ, обладающихъ изысканнымъ вкусомъ; ихъ заработокъ поднимается до 70 с.—1 фр. въ часъ. Но средняя швея получаетъ не больше 5 фр. въ день, подшвейка,—la seconde main—отъ 2,5 до 3 фр. Этотъ относительно высокій заработокъ зато непроченъ. Январь, февраль, іюль и августъ — мертвые мѣсяцы; швеи сидятъ безъ работы и безъ заработка. Съ конца февраля до іюня, съ конца сентября до Рождества работа интенсивна—и рабочій день достигаетъ 14, 15, даже 18 часовъ.

Надо, однако, отмѣтить, что въ большинствѣ мастерскихъ, готовящихъ платье и бѣлье на средняго небогатаго покупателя, господствуетъ не подденная, а поштучная плата. Поштучно, конечно, оплачивается и работа отдаваемая на домъ. И такъ какъ число желающихъ имѣть работу громадно, то цѣны сбиваются до невозможнаго. Боннефъ приводитъ слѣдующіе, напр., «факты изъ жизни». Работница, занятая въ мастерской поденно и получавшая за день 3 фр. 75 сант., принуждена была покинуть ательэ и взять работу на домъ; она работала 17 дней надъ изготовленіемъ бѣлья для приданаго, и получила *14 фр.*! Ея заработокъ въ ательэ, при поденномъ расчетѣ за ту же работу, равнялся бы 63,75 фр.

На пониженіе поштучной платы при раздачѣ на домъ оказываетъ громадное вліяніе то обстоятельство, что между заказчикомъ и рабочимъ обыкновенно втискивается посредникъ. Всѣ платья, все бѣлье, продаваемыя въ громадныхъ магазинахъ—Au printemps, Louvre, Au bon marché, Galeries Lafayette и др.—сдаются рабочимъ чрезъ посредство подрядчиковъ, посредниковъ. При этомъ получается слѣдующая исторія: нарядная шемизетка, напр. «Merveilleux», продается въ магазинѣ за 29 фр. Она поставляется магазину посредникомъ, получающимъ за нее 18,75 фр. Матерія для нея стоитъ 6,75 фр., отдѣлка — 2 фр. Посредникъ платитъ работницѣ 4 фр. и пользуется барышемъ въ 6 фр. съ шемизетки. Работница же затрачиваетъ на изготовленіе ея два дня. Итакъ: стоимость матеріала—8,75 фр., стоимость работы—4 фр., барышъ посредника—6 фр., валовой барышъ магазина—11 фр. 25 с.

При такой нищенской оплатѣ труда, профессіональная работница, чтобы жить, принуждена растягивать до невозможнаго предѣла свой рабочій день, особенно въ то счастливое время, когда работа на лицо. Зарегистрованы случаи, когда въ мелкихъ мастер-

скихъ и на дому швеи работаютъ по 20 часовъ въ сутки и даже по 28 часовъ безостановочно, чтобы, проспавъ нѣсколько часовъ, вновь браться за иглу. Фабричный надзоръ борется, конечно, съ незаконнымъ удлинненіемъ рабочаго дня въ мастерскихъ, хотя, при недостаточномъ числѣ инспекторовъ и инспектрисъ и при выработанной системѣ обхода закона со стороны патроновъ, борьба эта замѣтныхъ результатовъ не даетъ. Но что можетъ сдѣлать инспекція въ защиту работницы, шьющей ночи напролетъ у себя на дому? Вѣдь онъ не можетъ увеличить ей поштучную плату.

Сбиваетъ поштучную плату парижской швеи конкуренція не только парижскихъ же работницъ, но и провинціальныхъ, особенно сельскихъ. Въ Парижѣ можно, напр., имѣть пиджачную пару изъ матеріи «подъ трико» за 9,45 фр. Мужское пальто—за 12 фр. Бархатную мужскую пару за 17,85 фр., панталоны за 2,85 фр. Дѣтскіе костюмы за 1,95 фр. Эти на смѣхъ дешевыя цѣны обязаны своимъ существованіемъ дешевизнѣ «провинціальнаго» труда. Однимъ изъ центровъ этого дешеваго провинціальнаго труда является городъ Аміэнъ. Здѣсь свыше 1000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, заняты портняжной работой на дому, получая за работу пиджака—50 сант. (19 коп.), за работу панталонъ—25 сант., жилета—25 сант.! При этихъ низкихъ цѣнахъ заработокъ женщины не превышаетъ франка въ день, мужчины—1,50 фр. Въ окрестностяхъ Оксерра, гдѣ швейную работу берутъ на домъ крестьянки, занятыя ею во время свободное отъ полевыхъ работъ, дневной заработокъ не поднимается выше 60—75 сант. Въ окрестностяхъ Тулузы работницы, дѣлающія панталоны, зарабатываютъ около 40 сант. Въ Эльбефѣ, по отчету фабричнаго инспектора, въ двухъ торговыхъ домахъ, занимающихъ свыше 250 швей, за дюжину мужскихъ рубашекъ платятъ, смотря по сорту, отъ 90 сант. до 1,50 франка.

Возьмемъ ли мы другія профессіи — цвѣточницы, работницы пера и т. д.,—всюду мы найдемъ ту-же низкую оцѣнку труда, объясняемую главнымъ образомъ тѣмъ, что для очень большого числа работницъ шитье, фабрикація цвѣтовъ и т. д. составляетъ подсобный промыселъ. Очевидно, тѣ изъ работницъ, которыя живутъ исключительно работой, не имѣя другихъ источниковъ для жизни, существовать на свой заработокъ не могутъ. По необходимости швея, цвѣточница, вообще независимая женщина-работница Парижа и другихъ значительныхъ городовъ становится проституткой. Голодная смерть или проституція—такова дилемма, изъ которой для женщины-работницы, занятой во многихъ отрасляхъ мелкой промышленности, нѣтъ выхода.

Было-бы, конечно, неправильно обобщать приведенные нами

факты и утверждать, что весь рабочій классъ Франціи влачитъ несчастное существованіе, образцы котораго приведены выше, и вымираетъ отъ анеміи, туберкулеза и другихъ болѣзней на почвѣ голода и переутомленія. Напротивъ, та борьба, которую рабочій классъ, и особенно его организованная часть, почти сто лѣтъ ведетъ во Франціи за улучшеніе своего матеріальнаго и соціальнаго положенія, дала весьма замѣтные результаты,—но не во всѣхъ отрасляхъ труда. Какъ видно изъ ряда вышеприведенныхъ примѣровъ, внѣ этихъ успѣховъ и пріобрѣтеній остались тѣ отрасли труда, въ которыхъ или не требуется спеціальнаго умѣнья, или оно требуется лишь въ незначительной степени. Трудъ ткача, камнетеса, точильщика, каучучника, швеи, даже цвѣточницы—простъ, не требуетъ долгой выучки, знаній, спеціальнаго, нелегко пріобрѣтаемаго искусства. Все это—отрасли, стоящія на границѣ между трудомъ чернорабочаго и трудомъ квалифицированнымъ. Люди ими занятые, стоятъ въ волшебномъ кругѣ, выходъ изъ котораго затруднителенъ: они плохо оплачиваются, работаютъ много и долго, и слишкомъ плохо оплачиваются, слишкомъ долго и много работаютъ, чтобы съ успѣхомъ вести общественную борьбу за лучшее положеніе, борьбу, требующую времени, денегъ и усилій мысли. У квалифицированнаго рабочаго во Франціи больше и времени и денегъ, онъ обладаетъ значительнымъ развитіемъ: неудивительно, поэтому, что онъ въ силахъ не только стремиться къ лучшему положенію, но и достигать его, въ зависимости отъ мощи и, такъ сказать, плотности тѣхъ рабочихъ организацій, къ которымъ онъ принадлежитъ. Такъ напр., поденная плата электрическихъ рабочихъ колеблется около десяти франковъ, рабочихъ по металлу—отъ 8 до 15 фр. Желѣзнодорожные синдикаты добились даже для входящихъ въ ихъ составъ чернорабочихъ минимальной платы въ Парижѣ—въ 5 фр., въ провинціи—въ 4,5 фр.

Но о положеніи дѣлъ въ республикѣ надо судить не по этимъ высшимъ нормамъ рабочаго «благополучія», въ созданіи которыхъ буржуазія играла роль тормаза, а по низшимъ. Пусть значительная часть рабочаго класса живетъ и трудится въ относительно благопріятныхъ условіяхъ,—тѣмъ не менѣе фактъ на лицо: значительная часть того-же класса влачитъ нищенское существованіе, голодаетъ, переутомляется, вымираетъ раньше времени, вслѣдствіе истощенія и профессіональныхъ болѣзней, а работница стоитъ передъ альтернативой: смерть или проституція.

Могутъ сказать: эти явленія—не спеціально французскія, а всемірныя. Нѣтъ страны, въ которой бы въ нашъ капиталистическій вѣкъ трудъ стоялъ бы въ лучшихъ условіяхъ. Положимъ, что

такъ. Пусть даже въ Англіи и Германіи, не говоря уже о Россіи, трудъ, самый напряженный, не для всѣхъ обезпечиваетъ удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Все-таки угнетенное положеніе труда во Франціи если и не является само по себѣ специфическимъ, то имѣетъ специфическія послѣдствія, вытекающія изъ того обстоятельства, что Франція—безсословная и демократическая республика.

Тамъ, гдѣ, какъ у насъ вь Россіи, сословность и привилегія возведены въ основной принципъ общественной жизни, гдѣ юридически существуютъ граждане перваго и второго порядка—законныя и незаконныя дѣти общаго отечества, гдѣ не только фактически, но по праву народъ дѣлится на чистую публику и чернь,—тамъ угнетенное положеніе труда и рабочаго составляетъ естественный плодъ и логическій выводъ изъ основъ общественнаго и государственнаго быта.

Но тамъ, гдѣ всѣ юридически равны и свободны, гдѣ самое имя добытой общими усиліями формы государственности — res publica—возлагаетъ на государство обязанность заботы объ общественномъ и общемъ благѣ, — тамъ фактическое существованіе паріевъ и илотовъ составляетъ не только бьющее въ глаза глубокое внутреннее противорѣчіе, но и нетерпимое и нестерпимое зло. Такимъ именно зломъ и признается оно тѣми, въ общемъ просвѣщенными соціальными низами, которые близки по своему соціальному положенію къ только что описаннымъ нами группамъ рабочаго класса. И здѣсь-то и заключается разгадка того революціоннаго настроенія французскаго пролетаріата, которое часто объясняется революціоннымъ прошлымъ Франціи или темпераментомъ французской націи. Темпераментъ—темпераментомъ; революціонная традиція — традиціей: но если-бы въ настоящемъ, въ окружающей дѣйствительности не существовало фактора, дѣйствующаго постоянно и съ большою силой, — традиція забылась бы, а темпераментъ нашелъ бы выраженіе въ другихъ сферахъ и инымъ образомъ.

Бѣлоруссовъ.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ ВЪ НОВОЙ КНИГѢ П. Б. СТРУВЕ.

Цѣль моей замѣтки заключается не въ рецензированіи книги П. Б. Струве «Хозяйство и Общество». Это уже отчасти сдѣлано въ статьѣ А. А. Кауфмана, появившейся въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Я имѣю въ виду остановиться исключительно на нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросахъ, разсматриваемыхъ авторомъ, чтобы попытаться выяснить отношеніе его взглядовъ къ существующимъ ученіямъ и высказать тѣ критическія замѣчанія и недоумѣнія, которыя эти взгляды вызываютъ во мнѣ.

П. Б. Струве—смѣлый мыслитель и въ то же время блестящій и оригинальный писатель. Если прибавить къ этому то, что онъ обладаетъ совершенно исключительной по своей широтѣ и разносторонности эрудиціей, то станетъ понятнымъ интересъ, возбуждаемый его книгой. Она будитъ мысль и заставляетъ подвергать критической провѣркѣ положенія, считавшіяся вполнѣ установившимися и какъ будто не подлежащими сомнѣнію, а на самомъ дѣлѣ часто оказывающіяся не болѣе какъ шаткими гипотезами или укоренившимися предразсудками. Критическій характеръ изысканій г. Струве составляетъ главное достоинство теоретической части его работы. Но если отрѣшиться отъ интересной, иногда блестящей формы изложенія и остановиться на внутреннемъ содержаніи теоретическихъ взглядовъ автора, то многое въ его книгѣ, что съ перваго взгляда кажется новымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается довольно близкимъ къ уже существующимъ мнѣніямъ; самая же постановка вопросовъ и предлагаемыя рѣшенія вызываютъ иногда серьезныя недоумѣнія, корень которыхъ лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что авторъ, увлекаясь выпуклой формулировкой своей мысли и философской стороной изслѣдуемыхъ проблемъ, недостаточно останавливается на ихъ экономической сторонѣ и въ этомъ направленіи не продумываетъ своихъ положеній до конца.

Первый теоретическій вопросъ, разсматриваемый г. Струве, относится къ понятію хозяйства. Авторъ очень рѣшительно возстаетъ противъ господствующихъ взглядовъ, сущность которыхъ онъ усматриваетъ въ томъ, что экономисты признаютъ такъ называемые единичное хозяйство и народное видами родового понятія хозяйства,

между тѣмъ какъ народное хозяйство по своей природѣ не имѣетъ ничего общаго съ хозяйствомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Авторъ опредѣляетъ хозяйство какъ «субъективное, телеологическое единство раціональной экономической дѣятельности или хозяйствованія». Народное же хозяйство характеризуется отсутствіемъ именно того, что характерно для хозяйства: оно не имѣетъ субъекта и чуждо телеологическому началу. Это, по выраженію г. Струве, «псевдохозяйство»—«лишенная телеологическаго единства, стихійно слагающаяся система отношеній между хозяйствами».

Что же новаго въ этихъ взглядахъ? Опредѣленіе хозяйства совпадаетъ по существу, если не по формулировкѣ, съ общепринятымъ опредѣленіемъ «единичнаго» хозяйства; что же касается народнаго хозяйства, то и оно обычно опредѣляется, опять-таки по существу, а не по формулировкѣ, приблизительно такъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве. Чтобы убѣдиться въ томъ, что въ самомъ содержаніи опредѣленій автора не заключается ничего новаго, достаточно взять на выдержку опредѣленія единичнаго и народнаго хозяйствъ изъ любого руководства политической экономіи.

Возьмемъ для примѣра хотя бы курсъ А. И. Чупрова. Единичнымъ хозяйствомъ онъ называетъ «совокупность или замкнутый кругъ хозяйственныхъ, экономическихъ дѣйствій, руководимыхъ единой волей». Это типичное опредѣленіе, встрѣчающееся съ тѣми или другими оттѣнками у огромнаго большинства современныхъ и старыхъ экономистовъ: на немъ сходятся Вагнеръ, Дитцель, Филипповичъ, Гармсъ и многіе другіе. Не трудно видѣть, что оно содержитъ въ себѣ всѣ элементы опредѣленія хозяйства по г. Струве: субъектъ, телеологическое начало, единство. Говоря о народномъ хозяйствѣ экономисты, въ томъ числѣ и Чупровъ, подчеркиваютъ существенныя отличія его отъ единичнаго хозяйства: отсутствіе единой воли, одного главы (субъекта). Они видятъ въ немъ совокупность единичныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собою обмѣномъ и другими хозяйственными и иными узами. Возьмемъ, напр., Вагнера. «Народное хозяйство—говоритъ онъ,—въ его исторически сложившейся и фактически существующей формѣ, нигдѣ не имѣетъ во главѣ руководящаго субъекта хозяйства и права. Оно является мыслимымъ какъ замкнутое цѣлое понятіемъ совокупности связанныхъ между собою раздѣленіемъ труда и находящихся во взаимномъ общеніи другъ съ другомъ на почвѣ опредѣленнаго хозяйственнаго правопорядка (гражданскій и публичный правопорядокъ) самостоятельныхъ единичныхъ хозяйствъ у народа, организованнаго въ государство (или союзное государство) или объединеннаго государственно-хозяйственными мѣрами въ хозяйственное цѣлое («таможенный союзъ»): это органи-

ческая совокупность, а не механическое сосуществованіе единичныхъ хозяйствъ».

Это тяжеловѣсное опредѣленіе, также являющееся типическимъ (по существу) для господствующихъ воззрѣній, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы того понятія народнаго хозяйства, какъ псевдохозяйства, которое мы встрѣчаемъ у г. Струве.

Экономисты, какъ видно изъ сказаннаго, не только ясно представляютъ себѣ признаки единичнаго хозяйства, съ одной стороны, и народнаго—съ другой, но они отчетливо формулируютъ и точки отличія того и другого. Тѣмъ не менѣе г. Струве правъ въ своихъ упрекахъ господствующему ученію въ томъ отношеніи, что оно, сознавая различіе природы единичнаго и народнаго хозяйствъ, пытается подвести эти принципіально различныя понятія подъ одно родовое понятіе хозяйства. Правда, большинство экономистовъ или обходитъ этотъ вопросъ, или же только молчаливо допускаетъ такое соподчиненіе понятій единичнаго и народнаго хозяйствъ общему и всеобъемлещему понятію хозяйства. Но можно привести примѣры и открытой постановки вопроса на эту почву. Такимъ примѣромъ служитъ тотъ же Вагнеръ, который въ своемъ руководствѣ: Grundlegung der Politischen Oekonomie пытается установить родовое понятіе хозяйства и подвести подъ него, въ качествѣ видовыхъ понятій, единичное, народное и міровое хозяйства. Такая система если не открыто, то молчаливо принимается почти всѣми экономистами. Она вошла въ привычку и поддерживается рутиной, несмотря на заключающееся въ ней внутреннее противорѣчіе. Г. Струве очень тонко подмѣтилъ послѣднее и предлагаетъ устранить его, признавъ, разъ навсегда, что народное хозяйство—не хозяйство, а псевдохозяйство и потому въ экономической систематикѣ должно занять мѣсто не подъ понятіемъ хозяйства, а въ другомъ классѣ наименованій. Для экономистовъ, не пытавшихся, подобно Вагнеру и нѣкоторымъ другимъ, напр. Линдвурму, отправляться отъ общаго понятія хозяйства, соображенія г. Струве являются логическимъ обоснованіемъ того, чему они фактически слѣдовали, недостаточно продумывая вопросъ со стороны систематики [1]).

Отчасти, но уже не вполнѣ, къ той же области систематики относятся и соображенія г. Струве объ основныхъ типахъ хозяйственнаго строя. Онъ устанавливаетъ три такихъ типа. Это—совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ, система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ

---

[1]) Опредѣленія хозяйства по существу я здѣсь не касаюсь. Замѣчанія, которыя можно было бы сдѣлать по этому предмету, относились бы не къ одному г. Струве.

и общество-хозяйство или общество, организованное въ хозяйственномъ отношеніи какъ субъективное, телеологическое единство. Первый типъ соотвѣтствуетъ укладу натуральнаго или самодовлѣющаго хозяйства и не вызываетъ по существу никакихъ недоумѣній. Тоже самое можно сказать и относительно третьяго типа: и здѣсь дѣло сводится къ названію или къ терминологіи. По поводу термина «общество-хозяйство», конечно, можно спорить, но это вопросъ второстепеннаго значенія, на которомъ я не буду останавливаться. Иное дѣло—второй типъ. О какомъ взаимодѣйствіи здѣсь идетъ рѣчь? Взаимодѣйствіе взаимодѣйствію рознь. Негритянскія племена, поддерживающія между собою регулярныя мѣновыя отношенія, находятся въ условіяхъ хозяйственнаго взаимодѣйствія—и современное народное хозяйство тоже построено на взаимодѣйствіи. Однако, въ первомъ случаѣ никакого хозяйственнаго строя нѣтъ, а во второмъ онъ несомнѣнно существуетъ. Валенъ фактъ взаимодѣйствія, но еще важнѣе его соціальные продукты, возникающія на почвѣ психическаго или, по выраженію Тарда, междупсихическаго общенія устойчивыя связи между людьми, дѣлающія изъ совокупности индивидуумовъ соціальное цѣлое.

Г. Струве по существу не отрицаетъ этого. Онъ признаетъ, что общество, хотя и не представляетъ единства, каковымъ является государство, тѣмъ не менѣе есть «реальное цѣлое, основанное на взаимодѣйствіи элементовъ и имѣющее свою особую жизнь рядомъ съ жизнью «составляющихъ» его индивидовъ и группъ» (стр. 40). Но, по мнѣнію автора, всѣ эти черты общества получаютъ свое выраженіе въ понятіи системы. Сказанное относится и къ народному хозяйству, которое есть нечто иное, какъ общество, разсматриваемое съ хозяйственной стороны. Но можно ли утверждать, что всякое взаимодѣйствіе есть система и что всякая система представляетъ органически связанное дѣло? Случайное, поверхностное взаимодѣйствіе, напр. между торгующими другъ съ другомъ первобытными племенами, едва ли можно назвать системой, а съ другой стороны, система взаимодѣйствующихъ элементовъ сама по себѣ еще не опредѣляетъ природы того цѣлаго, которое эти элементы представляютъ въ своей совокупности. Если лѣсъ и составляетъ систему—какъ утверждаетъ г. Струве, ссылаясь на спеціалистовъ по лѣсоводству,—то все же между лѣсомъ и человѣческимъ обществомъ, въ частности—народнымъ хозяйствомъ, существуетъ глубокое различіе, котораго никакъ нельзя игнорировать. Взаимодѣйствіе лѣсныхъ породъ, изъ которыхъ состоитъ лѣсъ, сводится къ физическому вліянію ихъ другъ на друга, въ отличіе отъ психическаго общенія людей въ обществѣ. Поэтому взаимодѣйствіе деревьевъ не даетъ никакихъ

продуктовъ соціальнаго характера, которые между тѣмъ получаются при длительномъ и интенсивномъ общеніи людей, и не даетъ поэтому права говорить о лѣсѣ то, что г. Струве говоритъ объ обществѣ, называя его реальнымъ цѣлымъ, имѣющимъ свою особую жизнь.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что подъ типъ взаимодѣйствующихъ хозяйствъ подойдутъ и такіе случаи взаимодѣйствія, гдѣ отсутствуетъ система, и такіе, гдѣ система хотя и существуетъ, но не приводитъ къ возникновенію соціальнаго цѣлаго, и, наконецъ, случаи, гдѣ послѣднее возникаетъ какъ продуктъ взаимодѣйствія. Классификація типовъ хозяйственнаго строя, предлагаемая г. Струве, логически безупречна, но она недостаточна.

Кстати замѣчу, что въ связи съ изслѣдованіемъ понятія народнаго хозяйства авторъ затрагиваетъ рядъ интересныхъ вопросовъ, находящихся на рубежѣ экономики и соціологіи, и отчасти относящихся къ послѣдней не менѣе, если не болѣе, чѣмъ къ первой. Таковъ, напр., вопросъ о «персонификаціи» народнаго хозяйства, которую онъ справедливо считаетъ логически недопустимой. Конечно, нельзя отожествлять народнаго хозяйства въ его современномъ видѣ съ хозяйствомъ какъ телеологическимъ единствомъ. Мнѣ кажется, однако, что экономисты гораздо меньше повинны въ этомъ грѣхѣ, чѣмъ можно было бы заключить по упрекамъ г. Струве. Напротивъ, перенося нѣкоторыя понятія единичнаго хозяйства (напр. имущества, дохода и пр.) на народное хозяйство, они постоянно подчеркиваютъ существенное различіе между указанными понятіями, разсматриваемыми съ различныхъ точекъ зрѣнія. Къ тому же, если логическая правильность подобныхъ сближеній можетъ быть оспариваема, то практически они не приносили ущерба научному знанію, потому что изъ нихъ, въ сущности, не дѣлалось никакихъ выводовъ: они служили скорѣе для подчеркиванія разницы въ природѣ единичнаго и народнаго хозяйствъ, чѣмъ для обоснованія какихъ-либо теоретическихъ положеній. Тѣмъ не менѣе для экономики чрезвычайно важно выяснить соціологическую природу народнаго хозяйства и соотношеніе между нимъ и хозяйствами, изъ совокупности которыхъ образуется соціальное цѣлое. Съ этимъ связанъ и вопросъ объ «интересахъ» народнаго хозяйства въ цѣломъ, также затронутый, но только мимоходомъ, въ книгѣ г. Струве, да и многія другія не менѣе важныя проблемы. Къ сожалѣнію, вопросы этой категоріи освѣщены авторомъ недостаточно, но они сильно выдвинуты имъ—и въ этомъ одна изъ его заслугъ.

Отправляясь отъ своей классификаціи типовъ хозяйственнаго строя, Струве пытается установить и соотвѣтственныя экономическія

категоріи. Таковы категоріи чистаго хозяйствованія, или просто хозяйственныя, междухозяйственныя и соціальныя.

Категоріи чистаго хозяйствованія выражаютъ «экономическія отношенія всякаго хозяйствующаго субъекта къ внѣшнему міру». Эти отношенія, говоритъ авторъ, существуютъ всюду, гдѣ есть хозяйствующіе субъекты, гдѣ есть хозяйственная дѣятельность. Основными категоріями этото рода являются: потребность, цѣнность (субъективная) и трудъ. «Что касается междухозяйственныхъ категорій, то онѣ вытекаютъ изъ взаимодѣйствія автономныхъ хозяйствъ». Къ этимъ двумъ категоріямъ присоединяется еще третья группа соціальныхъ категорій. Онѣ выражаютъ явленія, вытекающія «изъ соціальнаго неравенства находящихся во взаимодѣйствіи хозяйствующихъ людей». Самъ авторъ признаетъ, что его раздѣленіе экономическихъ категорій въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ общепринятыми дѣленіями на «естественныя» и «соціальныя» или »абстрактныя» («логическія») и «историческія»; но онъ находитъ, что оно заслуживаетъ предпочтенія какъ логически болѣе ясное и точное, а потому и методологически для догматическихъ или систематическихъ цѣлей политической экономіи болѣе плодотворное. Поясняя свою мысль, г. Струве высказываетъ предположеніе, что съ помощью предложеннаго имъ раздѣленія экономическихъ категорій можно избѣгнуть «превратнаго смѣшенія вопросовъ историческаго развитія формъ хозяйственной жизни съ догматическимъ анализомъ экономическихъ факторовъ капиталистическаго общества, въ которомъ явленія и отношенія хозяйственныя, междухозяйственныя и соціальныя сплетаются и переплетаются въ сложную сѣть».

Съ этой послѣдней точки зрѣнія раздѣленіе на логическія и историческія категоріи, установленное Родбертусомъ, не менѣе ясно и опредѣленно, чѣмъ то, которое предлагается г. Струве. Его недостатокъ заключается, правда, въ томъ, что, строго говоря, и такъ называемыя логическія категоріи историчны. Однако, степень общности логическихъ категорій настолько велика, что ихъ можно признать «надъ-историческими» и противопоставлять историческимъ категоріямъ, не рискуя вызвать этимъ какія-либо серьезныя недоразумѣнія. Съ другой стороны, терминологія г. Струве отъ такихъ недоразумѣній не гарантируетъ. Противопоставленіе хозяйственныхъ категорій междухозяйственнымъ приводитъ, напр., къ тому, что цѣна оказывается междухозяйственной, но не хозяйственной категоріей. Не странно ли это?

Подъ хозяйственными категоріями авторъ разумѣетъ, въ сущности, категоріи изолированнаго хозяйства, т. е. «внутрихозяйственныя», которыя только и могутъ быть противопоставляемы «междухозяй-

ственнымъ». Не лучше ли въ такомъ случаѣ исходить отъ хозяйственныхъ категорій, какъ общаго понятія, и подраздѣлять ихъ на индивидуально-хозяйственныя и общественно-хозяйственныя, разумѣя подъ первыми такія, которыя могутъ быть выведены исключительно изъ психики и дѣйствій индивидуумовъ, а подъ вторыми—категоріи, необходимо предполагающія общеніе людей между собою?

Вопросы, на которыхъ я остановился выше, относятся главнымъ образомъ къ области систематики и терминологіи. Въ этой части своего труда г. Струве касается по существу экономическихъ явленій только мимоходомъ, постольку, поскольку это необходимо для уясненія предлагаемыхъ имъ измѣненій въ систематизаціи экономическихъ понятій и экономической терминологіи.

Къ иному порядку разсужденій относятся мысли, высказываемыя авторомъ относительно цѣнности и цѣны. Здѣсь дѣло идетъ уже о разрѣшеніи теоретической проблемы по существу, и притомъ проблемы первостепенной важности.

Прежде всего необходимо устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть у читателя книги г. Струве по поводу развиваемыхъ имъ взглядовъ. Отдѣльныя мѣста его сочиненія могутъ, пожалуй, дать поводъ предполагать, будто онъ вычеркиваетъ изъ круга понятій политической экономіи цѣнность и замѣняетъ ее понятіемъ цѣны. Мысль автора, какъ я понимаю ее, не такова. Она заключается въ слѣдующемъ.

Существуетъ представленіе, будто цѣна есть нечто иное, какъ выраженіе или отраженіе объективной цѣнности товаровъ, которая въ свою очередь представляетъ какъ бы матеріальную субстанцію, опредѣляемую внѣобмѣннымъ факторомъ—трудомъ. Согласно этому ученію объективная цѣнность составляетъ «вещную» основу цѣны: разъ дана первая, то дана и вторая.

Такую точку зрѣнія г. Струве признаетъ безусловно невѣрной; и въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться, если понимать объективную цѣнность въ вышеуказанномъ смыслѣ. Но это пониманіе основано исключительно на ученіи Маркса о цѣнности и цѣнѣ, изложенномъ въ III томѣ «Капитала», и только къ этому ученію цѣликомъ и примѣнимы возраженія г. Струве.

Не берусь судить, насколько близка проводимая авторомъ аналогія между теоріей трудовой цѣнности и схоластическимъ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ. Полагаю, однако, что и безъ помощи этой аналогіи вполнѣ обосновывается тотъ тезисъ, что понятіе объективной цѣнности или субстанціи цѣнности, «которое создалъ Марксъ» (слова г. Струве), должно быть отвергнуто. Авторъ приходитъ къ этому выводу путемъ философскаго анализа; но для эко-

номиста онъ столь же неизбѣжно вытекаетъ и изъ понятія цѣнности и цѣны, какъ психологическихъ явленій. Съ тѣхъ поръ какъ политическая экономія вникла въ психологическую природу цѣнности и окончательно утвердилась на этой точкѣ зрѣнія, для попытокъ построить матеріалистическую теорію цѣнности (матеріализація цѣнности) разъ навсегда отрѣзанъ путь. Поэтому вполнѣ справедливо, что никакого опроверженія теоріи Маркса, поскольку она, какъ замѣчаетъ г. Струве, является погоней за «вещнымъ» ядромъ цѣнности, теперь уже не нужно. Никто и не опровергаетъ этой теоріи, по той причинѣ, что никто не защищаетъ ея, по крайней мѣрѣ серьезно и въ томъ видѣ, какъ ее формулируетъ г. Струве.

Я не буду останавливаться на критикѣ самой этой формулировки, хотя полагаю, что, имѣя подъ собою почву въ ученіи Маркса о цѣнности и цѣнѣ, она тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ только одну сторону этого ученія, не выражая полной его характеристики и не добираясь до его корней, которые все же лежатъ въ психикѣ индивидуума.

Какъ бы то ни было, совершенно ясно и безспорно, что матеріалистическое пониманіе цѣнности, съ построеніемъ на немъ теоріи цѣны, должно быть разсматриваемо теперь, что и признано уже политической экономіей, какъ ein überwundener Standpunkt.

Но изъ того, что г. Струве отвергаетъ марксовское ученіе объ объективной цѣнности въ вышеприведенной формулировкѣ, вовсе еще не слѣдуетъ, будто онъ отвергаетъ вообще категорію цѣнности. Онъ не можетъ отвергать этой категоріи уже по одному тому, что признаетъ категоріи чистаго хозяйствованія, въ числѣ которыхъ цѣнность безспорно занимаетъ подобающее ей мѣсто и не можетъ быть замѣнена цѣною.

Авторъ формулируетъ свою точку зрѣнія въ слѣдующихъ положеніяхъ: «никакой общей субстанціи и никакого равенства, предшествующаго обмѣну, нѣтъ и быть не можетъ. Совершенно ясно, что съ этой точки зрѣнія цѣнность вовсе не управляетъ цѣнами. Образованію цѣнъ предшествуютъ въ конечномъ счетѣ только психическіе процессы оцѣнки. Цѣнность образуется изъ цѣнъ» (стр. 91). Эти положенія, взятыя сами по себѣ, вызываютъ недоумѣніе. Если образованію цѣнъ предшествуютъ психическіе процессы оцѣнки, то это значитъ, что цѣнѣ предшествуетъ субъективная цѣнность. Но въ такомъ случаѣ какая же цѣнность образуется изъ цѣнъ? Дѣло разъясняется слѣдующимъ образомъ.

Психическіе акты оцѣнки реализуются въ цѣнахъ въ отдѣльныхъ мѣновыхъ актахъ. Каждый случай цѣны составляетъ конкрет-

ное и вполнѣ индивидуальное явленіе эмпирической дѣятельности, которая въ цѣломъ слагается изъ множества такихъ явленій. Изъ индивидуальныхъ же цѣнъ въ свою очередь образуются «типическія цѣнности». Подъ этимъ понятіемъ г. Струве разумѣетъ то, что теорія статистики называетъ «субъективной средней». Такая средняя не составляетъ результата обработки ряда статистическихъ чиселъ, какимъ является, напр., ариѳметическая средняя. Субъективная средняя—это наиболѣе частый «нормальный» случай. «Относительно наиболѣе частая «нормальная» величина явленія—поясняетъ свою мысль авторъ, ссылаясь на Zizek'а,—запечатлѣвается въ умѣ наблюдателя какъ опытный фактъ и потому всякое свѣдущее лицо въ состояніи безъ дальнѣйшаго расчета показать такую величину».

Такимъ образомъ типическая цѣнность есть нечто иное, какъ наиболѣе часто встрѣчающаяся, «нормальная» цѣна. Она не представляетъ собою выведенной путемъ ариѳметическаго расчета средней, а является реально существующей величиной, которую мы признаемъ средней потому, что она всего чаще повторяется въ эмпирической дѣйствительности.

Процессъ, съ помощью котораго выясняется средняя въ изложенномъ смыслѣ цѣна, авторъ называетъ оцѣнкой, характеризуя ее какъ объективный фактъ. «Она производится—говоритъ онъ,—не съ точки зрѣнія потребностей, вкусовъ, интересовъ, мнѣній даннаго оцѣпивающаго субъекта, а съ точки зрѣнія общаго мнѣнія. Такая оцѣнка есть не субъективное сужденіе, а объективная экспертиза. Она должна выражать и уловлять «всеобщую оцѣнку». Но именно потому она не можетъ быть явленіемъ первичнымъ. Для того, чтобы была возможна такая объективная оцѣнка, на лицо долженъ быть матеріалъ болѣе или менѣе значительнаго количества субъективныхъ оцѣнокъ, и при томъ реализовавшихся въ цѣны. Конечно, мы можемъ представить себѣ множество субъективныхъ оцѣнокъ, не дошедшихъ до реализаціи, не отвердившихся въ цѣны. Таковы, напр., спрашиваемыя или предлагаемыя цѣны вообще, въ частности на биржѣ. Но оцѣнки, не реализовавшіяся въ цѣны, во 1-хъ, по своему реальному значенію уступаютъ реализованнымъ цѣнамъ, а потому, во 2-хъ, и не запечатлѣваются въ памяти, такъ какъ эти послѣднія. Поэтому безъ особой ошибки можно принять, что типическая цѣнность есть отвержденіе реализованныхъ цѣнъ, а не всѣхъ вообще субъективныхъ оцѣнокъ» (стр. 95).

Таково въ существенныхъ чертахъ ученіе г. Струве о цѣнности оцѣнокъ, или, какъ онъ выражается, о цѣнѣ цѣнности. Самъ онъ придаетъ особенное значеніе устанавливаемому имъ понятію цѣнности, которое онъ характеризуетъ какъ эмпирическое, въ частно-

сти статистическое. Цѣнность, по его опредѣленію, «есть понятіе своеобразнаго, неосознаннаго, такъ сказать сырого статистическаго мышленія». Онъ полагаетъ, что «такое пониманіе цѣнности углубляетъ это понятіе и въ то же самое время остается на строго эмпирической почвѣ» (XXXIII и сл.).

Итакъ, г. Струве устанавливаетъ два понятія цѣнности: субъективную, которую онъ называетъ субъективной оцѣнкой, и типическую, которую онъ подводитъ подъ статистическое понятіе субъективной средней и которую можно было бы назвать соціальной оцѣнкой. Соціальная оцѣнка образуется непосредственно изъ цѣнъ, которыя въ свою очередь представляютъ реализованныя субъективныя оцѣнки.

Это ученіе не только не отрицаетъ, но прямо признаетъ, что цѣна выводится изъ субъективной цѣнности. Въ этомъ отношеніи оно только воспроизводитъ мысль австрійской школы, твердо и опредѣленно установившей и выразившей положеніе, согласно которому цѣна можетъ быть выведена только изъ понятія субъективной цѣнности. Мнѣ думается, что это положеніе должно быть признано теперь не вызывающимъ никакихъ сомнѣній. Проблема цѣны сводится къ объясненію того, какъ изъ субъективной цѣнности или субъективныхъ оцѣнокъ возникаетъ цѣна. И въ этомъ вся сложность задачи.

По моему убѣжденію, процессъ образованія цѣнъ изъ субъективныхъ оцѣнокъ или субъективныхъ цѣнностей далеко не такъ прямолинеенъ, какъ это представлялось, напр., Бемъ-Баверку. Онъ совершается длиннымъ, окольнымъ путемъ, выясненіе котораго и составляетъ едва ли не самую важную задачу экономической теоріи.

Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи г. Струве не даетъ никакихъ объясненій. Онъ и не затрогиваетъ указаннаго вопроса, ограничиваясь простымъ констатированіемъ факта: субъективныя оцѣнки реализуются въ цѣнахъ. Но независимо отъ того, какъ происходитъ эта реализація, необходимо было бы помнить, что такое эти реализованныя изъ субъективныхъ оцѣнокъ цѣны?

Изъ изложенія г. Струве выходитъ какъ будто, что такія цѣны непосредственно отражаютъ индивидуальныя оцѣнки: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ покупки и продажи субъективныя оцѣнки сторонъ выражаются въ цѣнѣ, на которой онѣ сходятся. Но вѣдь это не такъ. Отдѣльные мѣновые акты не составляютъ индивидуальныхъ явленій; они возникаютъ на почвѣ общественныхъ отношеній и вытекающія изъ нихъ цѣны составляютъ продукты сложнаго взаимодѣйствія индивидуальныхъ и соціальныхъ факторовъ (соціальныхъ въ общеупотребительномъ смыслѣ, т. е. общественныхъ). И въ чи-

слѣ послѣднихъ имѣютъ первостепенное, сплошь и рядомъ рѣшающее значеніе социальныя оцѣнки.

Конкретная цѣна въ такихъ случаяхъ — только отраженіе соціальной оцѣнки; поэтому строить послѣднюю на первой, значитъ игнорировать ихъ взаимодѣйствіе. Авторъ совершенно упускаетъ изъ вида этотъ фактъ и все время разсуждаетъ такъ, какъ еслибы матеріаломъ для образованія соціальныхъ оцѣнокъ или, по его терминологіи, типическихъ цѣнностей, были цѣны, какъ явленія индивидуальнаго порядка, изъ которыхъ путемъ статистическаго отбора формируется типическая цѣнность. Но если цѣны, которыя предполагаются у Струве индивидуальными, на самомъ дѣлѣ представляютъ только частные случаи соціальныхъ оцѣнокъ, то вопросъ до чрезвычайности осложняется. Тогда проблема образованія соціальныхъ оцѣнокъ оказывается нисколько не разрѣшенной.

Выдвигая «сингуляристическую» точку зрѣнія Струве обращаетъ вниманіе экономистовъ на очень важную сторону проблемы цѣнности и цѣны. Но онъ не выясняетъ предѣловъ дѣйствія сингуляристическаго момента и его отношенія къ соціальному моменту. Пусть типическія цѣнности образуются изъ конкретныхъ цѣнъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что послѣднія не формируются подъ дѣйствіемъ соціальныхъ факторовъ, вліяющихъ на отдѣльные случаи мѣны и опредѣляющихъ субъективныя оцѣнки объективными нормами (издержки производства и пр.). Не слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго положенія и того, что субъективныя оцѣнки и конкретныя цѣны въ извѣстныхъ предѣлахъ, на практикѣ очень широкихъ, не являются простымъ отраженіемъ соціальныхъ оцѣнокъ или типическихъ цѣнностей. Этого сложнаго взаимодѣйствія г. Струве совершенно не разъясняетъ.

Еще нѣсколько словъ о типической цѣнности. Это понятіе само по себѣ не представляетъ ничего новаго. Это та же объективная цѣнность, но не въ марксовскомъ смыслѣ матеріальной субстанціи, а въ смыслѣ общепринятой оцѣнки, которая не противополагается субъективной цѣнности, а вытекаетъ изъ нея, какъ изъ первоисточника (напр. у Неймана въ Schönberg's Handbuch). Соображенія г. Струве о типической цѣнности показываютъ, что и онъ, несмотря на свою сингуляристическую точку зрѣнія, не обошелся безъ такого понятія цѣнности, которое всего правильнѣе назвать внѣиндивидуальнымъ, но сущность котораго довольно точно опредѣляется и понятіемъ объективнаго. И для г. Струве существуетъ цѣнность субъективная и объективная. Только въ отличіе отъ Маркса, какъ онъ понимаетъ его, онъ строитъ объективную цѣнность на базисѣ психологическаго субъективизма.

Мысль г. Струве о статистическомъ характерѣ операцій, съ помощью которыхъ изъ конкретныхъ цѣнъ образуется типическая цѣнность, остроумна и интересна. Она разъясняетъ одну изъ стадій оцѣночнаго процесса, на которомъ строится экономика. Но и только. Явленіе цѣнности-цѣны далеко не исчерпывается образованіемъ субъективной средней съ помощью операцій статистическаго характера.

Моя замѣтка касается только нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ П. Б. Струве, и, разумѣется, не имѣетъ претензіи дать полную оцѣнку его книги. Свой взглядъ на это безспорно выдающееся изслѣдованіе я уже изложилъ въ печати [1]) и здѣсь повторять его не буду. Замѣчу только, что каковы бы ни были разногласія критики съ авторомъ книги «Хозяйство и цѣна», научное значеніе ея этими разногласіями не можетъ быть поколеблено. Большая заслуга П. Б. Струве состоитъ въ томъ, что онъ ставитъ на обсужденіе рядъ основныхъ вопросовъ политической экономіи и направляетъ экономическую мысль на критическій пересмотръ проблемъ первостепенной важности.

А. Мануиловъ.

ПО ВОПРОСУ О ЛЕКЦІОННОЙ СИСТЕМѢ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ.

Когда я читалъ въ августовской книгѣ «Вѣстника Европы» статью г. П. П. «Къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи», у меня невольно возникло желаніе отозваться на нее, притомъ сейчасъ же, пользуясь лѣтнимъ досугомъ, отсутствіемъ въ такое время всякихъ «очередныхъ» и «спѣшныхъ» дѣлъ. Когда, однако, дочитавъ статью до конца, я ознакомился съ содержаніемъ редакціоннаго примѣчанія къ статьѣ, заключающаго въ себѣ наиболѣе вѣрныя возраженія на мысли г. П. П. о лекціонномъ способѣ преподаваніи, я подумалъ, что, можетъ быть, сказаннаго довольно, и дальше спорить не стоитъ.

Г-нъ П. П. не первый возстаетъ въ печати противъ лекціоннаго способа преподаванія въ высшей школѣ. Самъ онъ говоритъ о

[1]) „Русскія Вѣдомости" отъ 4 сентября с. г.

страшномъ «рецептѣ» проф. Казанскаго, предлагающаго замѣнить чтеніе лекцій особаго рода вдалбливаніемъ учебника въ головы студентовъ. Мнѣ припоминается по этому поводу другой рецептъ, намѣченный нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ попечителемъ учебнаго округа: онъ предлагалъ замѣнить лекціи систематически расположенными по программѣ курса рефератами студентовъ по источникамъ и главнымъ пособіямъ. Въ свое время этотъ проектъ былъ подробно разобранъ покойнымъ Сергѣевичемъ. Еще болѣе заявленій о безполезности и даже вредѣ лекціонной системы можно было бы привести изъ разныхъ студенческихъ журналовъ, которыхъ столько начиналось и по разнымъ причинамъ закрывалось въ послѣдніе годы. Аргументація во всѣхъ случаяхъ, приблизительно, одна и та же: это—система устарѣлая, ибо къ чему тогда изобрѣтеніе книгопечатанія; лекціи не нужны, разъ существуютъ книги; слушаніе лекцій—занятіе пассивное, тогда какъ въ занятіяхъ наукой нужны активность, самодѣятельность, личная иниціатива. Въ студенческой прессѣ раздавались даже голоса противъ руководимыхъ преподавателями семинаріевъ, въ пользу научныхъ кружковъ, въ которыхъ хозяевами являются сами студенты, а преподаватели должны быть лишь своего рода техническими экспертами. Однимъ изъ аргументовъ выставляется и абсентеизмъ студентовъ изъ аудиторій, фактическое непосѣщеніе лекцій—за ихъ безполезностью.

Что въ студенческой массѣ очень распространено мнѣніе о безполезности слушанія лекцій, только-де отнимающаго время отъ самостоятельной научной работы, это—несомнѣнный фактъ. Молодые люди, вступающіе въ высшую школу, съ первыхъ же дней общенія съ старшими товарищами, слышатъ это со всѣхъ сторонъ и часто принимаютъ это не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію, особенно если и другія причины толкаютъ ихъ на то же. Можно даже сказать, что здѣсь лежитъ одинъ изъ источниковъ студенческаго абсентеизма, наряду съ другими причинами, каковы лѣнь или малый интересъ къ наукѣ у однихъ, неспособность другихъ внимательно слушать въ продолженіе нѣкотораго времени, зарабатываніе средствъ къ существованію у третьихъ, иногда—тѣ или иные недостатки преподаванія лекторовъ. На тему посѣщенія или непосѣщенія лекцій мнѣ приходилось разговаривать съ студентами, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ я печатно защищалъ лекціонную систему въ книжкѣ: «Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса». Когда потомъ Л. І. Петражицкій и В. М. Гессенъ писали о томъ же, я могъ только имъ сочувствовать, какъ не могъ не отне-

стись сочувственно къ редакціонному примѣчанію, которымъ сопровождается статья г. П. П.

Возвращаюсь къ этой статьѣ. Мысленный отказъ мой отъ намѣренія возразить былъ непродолжительнымъ, такъ какъ къ тому, что отъ себя сказала редакція журнала, помѣщая статью, многое еще можно прибавить.

Прежде всего два слова о самомъ авторѣ. Онъ самъ рекомендуетъ себя, какъ недавняго еще студента (кончилъ курсъ въ 1908 г.), говорящаго на основаніи недавняго личнаго опыта, и какъ лицо, оставленное при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, т. е. какъ человѣка, для котораго вопросъ имѣетъ не одинъ теоретическій интересъ. Я не буду уменьшать значеніе личнаго опыта г. П. П. ссылкою на то, что этотъ опытъ относится къ такому времени, когда университетская жизнь была у насъ въ полномъ разстройствѣ, и головы молодежи были заняты не наукой, не лекціями. Душевныя переживанія новичка-студента, увлеченіе первыми лекціями, реакція противъ него, «сомнѣнія во всемъ, начиная съ самого себя», возникновеніе отрицательнаго отношенія къ лекціямъ и исканіе новыхъ путей для пріобрѣтенія знаній—все это относится къ студенческой психологіи и въ нормальные годы, и на статьѣ г. П. П. даже ничѣмъ не отразился тотъ фактъ, что время его пребыванія въ университетѣ было особенное. Я указываю на время окончанія г. П. П. университетскаго курса въ виду его недавности: авторъ статьи писалъ ее подъ свѣжими впечатлѣніями своихъ студенческихъ годовъ, и въ этомъ отношеніи его заявленія имѣютъ еще студенческій характеръ. Я упомянулъ выше, что за послѣднее время въ разныхъ студенческихъ органахъ вопросъ о лекціонной системѣ обсуждался и многое изъ того, что сказано г. П. П., напомнило мнѣ студенческія статьи на эту тему. Опять не для опороченія взглядовъ автора говорю я это. Наоборотъ, я считаю очень цѣннымъ матеріаломъ для обсуждаемаго вопроса и личныя студенческія переживанія, и толки въ студенческой средѣ. Чѣмъ больше будетъ такого матеріала, тѣмъ лучше, и въ этомъ отношеніи планомѣрныя анкеты въ студенческой средѣ, какія дѣлаются за послѣднее время, могутъ быть особенно полезны. Нужно только въ такихъ анкетахъ правильно поставить вопросъ объ отношеніи къ лекціямъ, разработавъ съ большими деталями вопросъ о причинахъ непосѣщенія лекцій. Эти причины могутъ лежать и въ самихъ студентахъ [1]), на что указано

[1]) Нерѣдко лекціи посѣщаются, но неаккуратно. Случается, что изъ двухъ слѣдующихъ одна за другою лекцій одного и того же профессора постоянно на одной бываетъ въ полтора и даже въ два раза больше, чѣмъ

выше, и въ профессорахъ (манкированіе лекцій, небрежность въ подготовкѣ къ нимъ, считываніе съ тетрадки, шаблонность изложенія, отсутствіе дара слова и т. п.), отчасти и въ самой системѣ.

Но г. П. П.—не только недавній студентъ, но и человѣкъ, самъ готовящійся стать профессоромъ, съ полнымъ недовѣріемъ къ существующей системѣ. Въ ней, дѣйствительно, не мало пережитковъ старины и рутины. Конечно, съ аргументомъ отъ существованія печатнаго слова, дѣлающаго лекціи ненужными, согласиться нельзя, и уже одно то, что при существованіи печатныхъ книгъ, лекціи все-таки находятъ слушателей, лишаетъ аргументъ его силы: значитъ, лекціи, какъ-никакъ, кому-то и для кого-то нужны и продолжаютъ посѣщаться, сколько бы ни доказывали ихъ ненужность. Здѣсь не мѣсто распространяться о разницѣ между слушаніемъ живого слова и чтеніемъ книги, между изложеніемъ предмета въ курсѣ лекцій, читаемыхъ въ извѣстные сроки, съ постоянными напоминаніями о прочитанномъ и съ новыми его разъясненіями, или въ печатной книгѣ, въ которой всякія повторенія были бы только скучны. Я оставляю, поэтому, безъ разсмотрѣнія вопросъ о педагогическомъ значеніи именно лекціонной формы. Отмѣчу только одно. Въ былыя времена у насъ лекціи слушателями записывались, какъ это и теперь еще дѣлается на Западѣ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда я былъ студентомъ, этотъ обычай еще существовалъ, но съ появленіемъ литографированныхъ курсовъ сталъ выходить изъ употребленія. Зачѣмъ, спрашивали студенты, мы будемъ записывать лекціи, когда у насъ есть литографированныя записки? Дальнѣйшій вопросъ былъ такой: зачѣмъ мы будемъ слушать профессора, когда можемъ прочесть его лекціи въ литографированномъ видѣ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ французскій профессоръ, присутствовавшій на моей лекціи въ университетѣ, былъ очень удивленъ, видя, что въ аудиторіи ни одинъ человѣкъ не записываетъ. Въ одно ухо влетаетъ, въ другое вылетаетъ. И это касается одинаково какъ того, что можно найти въ какой-либо книгѣ, такъ и того, чего напрасно было бы искать въ книгахъ; напр., время отъ времени я посвящаю значительную часть годичнаго своего курса исторіографіи французской революціи. Книги съ такимъ содержаніемъ нѣтъ и на французскомъ языкѣ (кромѣ сильно устарѣвшей книжки

на другой: одна кажется или слишкомъ раннею (напр., отъ 10 до 11 ч. у.), или слишкомъ позднею (напр., отъ 3 до 4 ч.). Бываетъ также, что студентъ имѣетъ урокъ во время одного часа и приходитъ только на второй. Я не разъ въ разговорахъ со студентами сравнивалъ такое слушаніе съ чтеніемъ въ какой-либо книгѣ только четныхъ или нечетныхъ страницъ.

Жане), но никто никогда не записываетъ того, что говорится съ каѳедры.

Учебники—учебниками, лекціи—лекціями: одни съ другими не должны вступать въ конкуренцію. И штудированіе учебниковъ, и чтеніе монографій, и слушаніе лекцій, все имѣетъ *свое* значеніе. Вѣдь и хорошіе учебники, общіе курсы какой-либо науки, вырабатываются путемъ чтенія лекцій. Но я согласенъ съ авторомъ въ томъ, что лекціи не должны стремиться къ замѣнѣ учебниковъ. Я всегда немножко удивляюсь, когда вижу, что на какой-либо предметъ отводится 4—5—6 часовъ въ недѣлю. Считая въ учебномъ году около 22 недѣльныхъ часовъ и полагая, что въ «академическій» часъ можно наговорить minimum на двѣнадцать печатныхъ страницъ, мы получаемъ, что одной недѣльной лекціи въ году соотвѣтствуетъ около 16—17, minimum 15 печатныхъ листовъ, а четырехчасовому курсу—томъ почти въ тысячу страницъ. Я думаю, что для устнаго преподаванія нѣтъ надобности въ такомъ обиліи матеріала: дѣло не въ томъ, чтобы перечитывать до конца, а въ томъ, чтобы углубляться въ предметъ, не въ подробномъ описаніи и повѣствованіи, а въ основательномъ разсужденіи. Студенты не должны скучать на лекціяхъ; все то, что должно быть взято памятью, гораздо лучше предоставить имъ штудировать по учебникамъ. Конечно, многое здѣсь зависитъ отъ предмета; я не говорю о тѣхъ, изложеніе которыхъ требуетъ демонстрацій.

Г-нъ П. П. не требуетъ абсолютнаго исключенія лекцій. Онъ только противъ общихъ, систематическихъ курсовъ, столь легко замѣняемыхъ, по его мнѣнію, учебниками. Въ томъ-то и дѣло, что задача лекцій вовсе не въ томъ, чтобы замѣнять учебники. Самъ авторъ признаетъ, что задача высшаго образованія не догматическая, а критико-познавательная. Между тѣмъ, каждый учебникъ по существу дѣла долженъ быть догматиченъ; вся критико-познавательная задача высшаго образованія составляетъ естественную область лекцій, дающихъ общія, основныя понятія науки, излагающихъ разныя теоріи по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, подвергающихъ эти общія теоріи или какіе-либо спеціальные взгляды критикѣ и т. д. Въ своей статьѣ г. П. П. допускаетъ только лекціонное изложеніе новостей въ наукѣ и небольшіе спеціальные курсы; но это возможно лишь для удовлетворенія потребностей очень небольшого числа слушателей. Хорошо сообщать студентамъ послѣднія слова науки, но нужно, чтобы слушатели уже были знакомы съ тѣмъ, что въ наукѣ сдѣлано. «Частный курсъ по излюбленному и особенно разработанному лекторомъ вопросу» тоже дѣло хорошее,

но для немногихъ, способныхъ спеціально заинтересоваться и уже подготовленныхъ общимъ курсомъ. Напримѣръ, я могъ бы въ данную минуту читать такой курсъ по исторіи парижскихъ секцій въ эпоху революціи, которую изучаю по архивнымъ матеріаламъ, но слушаніе такого курса могло бы быть вполнѣ интересно для очень немногихъ. При такой постановкѣ лекцій студенческая масса осталась бы совсѣмъ безъ лекціоннаго преподаванія.

Итакъ, изгонять изъ университетскаго преподаванія чтеніе систематическихъ общихъ курсовъ не приходится, но вопросъ о томъ, какой они должны имѣть характеръ, заслуживаетъ теоретическаго обсужденія. Между прочимъ, нужно имѣть въ виду и совершающуюся нынѣ эволюцію отъ курсовой къ предметной системѣ. Прежде я зналъ, что въ аудиторіи у меня сидятъ студенты такого-то курса, т. е. столько-то лѣтъ учившіеся въ университетѣ или только-что вступившіе, и потому я зналъ, въ какомъ тонѣ, на какой высотѣ держать изложеніе. При предметной системѣ меня можетъ слушать и начинающій, и кончающій, и то, что для одного—впервые узнаваемая новость, для другого—нѣчто извѣстное-переизвѣстное. Впрочемъ, по моему предмету—по всеобщей исторіи—общіе курсы, въ смыслѣ полнаго объема науки, и невозможны.

Развитію практическихъ занятій, на необходимости которыхъ особенно настаиваетъ г. П. П., слѣдуетъ содѣйствовать всѣми мѣрами. По отношенію къ нимъ тоже приходится иногда бороться со взглядомъ нѣкоторыхъ студентовъ, видящихъ въ нихъ чисто формальное требованіе и думающихъ, что обязательность участія въ нихъ есть покушеніе на свободу ученія. Какъ бы ни назывались эти занятія, просто ли «практическими», или семинаріями и просеминаріями, организація ихъ—дѣло трудное. Во-первыхъ, нуженъ большой преподавательскій составъ для руководства отдѣльными группами, изъ которыхъ каждая не можетъ быть многочисленной, а это особенно трудно на такихъ многолюдныхъ факультетахъ, какъ юридическій, на которомъ учился г. П. П. На историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета каждый студентъ обязанъ въ теченіе курса участвовать въ четырехъ просеминаріяхъ, и поэтому каждый годъ должно быть организовано достаточное число такихъ практическихъ занятій съ максимальнымъ количествомъ въ 30 человѣкъ въ каждой группѣ; но на этомъ факультетѣ и студентовъ много меньше, чѣмъ на юридическомъ, и преподавательскій персоналъ съ приватъ-доцентами болѣе многочисленный. Во-вторыхъ, практическія занятія на обоихъ факультетахъ требуютъ отъ руководителей большой опытности, а отъ студентовъ—значительной подготовки въ смыслѣ начитанности. Принимать для уча-

стія въ практическихъ занятіяхъ повышеннаго типа (въ семинаріяхъ) возможно только студентовъ съ нѣкоторою спеціальною подготовкою, иногда только послѣ коллоквіума. Очень часто только въ концѣ участники начинаютъ какъ слѣдуетъ цѣнить эти занятія, понимать ихъ значеніе и приносимую ими пользу. Впрочемъ, и самъ г. П. П. понимаетъ трудности, сопряженныя съ такими занятіями. Онъ считается причиной неуспѣха отношеніе къ дѣлу иныхъ профессоровъ, видящихъ въ немъ лишь «достаточно скучную дополнительную обязанность»; но многіе профессоры, убѣжденные въ пользѣ этихъ занятій, могутъ отозваться, что и среди студентовъ иные смотрятъ на свое участіе въ работѣ, какъ на выполненіе чисто формальнаго требованія. Если бы такой взглядъ сталъ укореняться, то создалась бы традиція не лучше той, по которой вообще лекцій слушать не стоитъ. Во всякомъ коллективѣ устанавливаются свои обычаи и возникаютъ временныя моды (какъ, наприм., мода на какого-либо лектора въ теченіе нѣкотораго времени).

Критикуя лекціонную систему, г. П. П. касается и экзаменовъ. Между прочимъ, онъ задаетъ полемическій вопросъ, не было ли бы откровеннѣе превратить университетскія аудиторіи въ камеры для экзаменовъ—по учебникамъ, проходимымъ на дому. Такая опасность, несомнѣнно, существовала бы, если бы былъ приведенъ въ исполненіе планъ тѣхъ, которые требуютъ для учащихся права экзаменоваться въ теченіе учебнаго года, когда кто почувствуетъ себя готовымъ по тому или другому предмету. Незанимающіеся студенты, лекцій, конечно, не посѣщающіе, рѣдко чувствуютъ себя готовыми и охотно откладываютъ («закладываютъ», какъ говорятъ теперь) свои экзамены, а занимающіеся, вѣчно готовясь, и совсѣмъ забросили бы лекціи. Кое-какіе опыты были, и они указываютъ на то, что приготовленіе къ экзаменамъ бываетъ одною изъ причинъ абсентеизма студентовъ и на лекціяхъ, и на практическихъ занятіяхъ.

Ихъ, этихъ причинъ, вообще много, и я не брался ихъ всѣ перечислять, какъ не брался указывать на педагогическія мѣры борьбы съ ними, имѣя въ виду, конечно, не какіе-либо скорпіоны. Въ самой статьѣ г. П. П. я могъ найти кое-что на этотъ счетъ. Онъ самъ, напр., вспоминаетъ, что въ свое время для него послѣ первыхъ «понятныхъ» лекцій шелъ рядъ трудныхъ лекцій, въ которыхъ многаго онъ прямо-таки не постигалъ. Такое же непониманіе того, что дѣлается въ аудиторіи, часто, прибавлю я, обнаруживается и на практическихъ занятіяхъ. Авторъ винитъ здѣсь частью свою неподготовленность, частью неумѣнье иныхъ профессоровъ доступно

излагать свои мысли. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я буду ходить на лекціи, разъ я пересталъ ихъ понимать?

Въ общемъ вопросѣ о преподаваніи въ высшей школѣ накопилась масса частныхъ вопросовъ, властно требующихъ разрѣшенія. Къ ихъ числу принадлежатъ и тѣ, которые поставлены въ статьѣ г. П. П. Еще недавно профессура высшей школы мечтала о профессорскихъ съѣздахъ для обмѣна взглядовъ по вопросамъ, возбуждаемымъ текущею практикою высшаго образованія. Будемъ, по крайней мѣрѣ, обмѣниваться своими мыслями въ печати.

Н. Карѣевъ.

ОТЧЕГО СЕКТАНТЫ БѢГУТЪ ИЗЪ РОССІИ?

Мнѣ доставлена рукопись одного молодого крестьянина-сектанта, которая въ значительной степени можетъ служить отвѣтомъ на поставленный выше вопросъ.

Авторъ рукописи, крестьянинъ М., разсказываетъ въ ней о тѣхъ злоключеніяхъ, которыя посыпались на него съ того самаго момента, какъ онъ, оставивъ православіе, принялъ ученіе евангельскихъ христіанъ и началъ «проповѣдывать» это ученіе.

Просто, безъискуственно, съ эпическимъ спокойствіемъ говоритъ М. о тѣхъ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыя выпали на его долю за то, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ знакомить людей съ воспринятой имъ «божественной истиной». Какъ человѣкъ глубоко религіозный, онъ всѣ свои доводы, всѣ свои слова обыкновенно подкрѣпляетъ ссылками на Евангеліе и другія книги священнаго писанія; его рукопись испещрена ссылками на тексты. Она представляетъ тѣмъ большій интересъ, что все разсказанное въ ней имѣло мѣсто въ самые послѣдніе годы—въ періодъ времени съ 1909-го до 1913-го года, т.-е. за время дѣятельности 3-й Государственной Думы, которая, какъ извѣстно, ставила себѣ въ особую заслугу свои заботы объ укрѣпленіи въ Россіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти.

Срокъ небольшой, всего четыре года, но посмотрите: сколько горя, сколько всякаго рода невзгодъ, мытарствъ и гоненій пришлось испытать автору записокъ за эти четыре года!

Свой разсказъ М. ведетъ съ 1907-го года, когда онъ въ поискахъ

работы пріѣхалъ въ Крымъ и здѣсь поступилъ на службу въ имѣніе одного землевладѣльца Ялтинскаго уѣзда. Живя здѣсь, онъ въ слѣдующемъ году познакомился съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ евангельскихъ христіанъ, глубоко заинтересовался ихъ ученіемъ и началъ усердно посѣщать ихъ собранія.

«Въ концѣ года,—пишетъ онъ,—я былъ обращенъ на истинный путь жизни, такъ какъ до того времени я жилъ безбожно, предавался грѣху (Еф., 2-я глава, 12 ст.). Но Господу было угодно обратить меня, и я былъ обращенъ Словомъ Божіимъ».

Почувствовавъ себя обладателемъ великой религіозной истины, которая должна спасти всѣхъ людей, обновить ихъ жизнь, авторъ рукописи естественно стремится подѣлиться этой истиной съ окружающими его людьми. «Въ теченіе 1908-го года—пишетъ онъ—я почти не проповѣдывалъ никому и ничего, такъ какъ еще не рѣшался выступать публично, стыдился и смущался. Но въ 1909-мъ году я усердно посѣщалъ собранія вѣрующихъ и началъ произносить передъ ними проповѣди. Въ 1910-мъ году я началъ выступать съ проповѣдью въ разрѣшенныхъ собраніяхъ».

И хотя секта евангельскихъ христіанъ вполнѣ легализована, тѣмъ не менѣе переходъ въ нее отнюдь не проходитъ безнаказанно для М. Лишь только фактъ его «обращенія» сдѣлался извѣстнымъ администраціи имѣнія, въ которомъ онъ служилъ, какъ немедленно послѣдовала суровая расправа съ «еретикомъ».

«Тогда-же—пишетъ М.—я былъ вызванъ къ помѣщику, который чрезъ своего слугу объявилъ мнѣ слѣдующее: либо оставить исповѣдуемую мною вѣру и служить въ его имѣніи, или-же тотчасъ-же покинуть мою должность. Послѣднее я принялъ, но первое отвергъ съ пренебреженіемъ».

Потерявъ «за вѣру» мѣсто, М. оказался на улицѣ. Но этимъ дѣло не ограничилось. На другой-же день послѣ увольненія М. отъ службы, къ нему пріѣхалъ священникъ Ц., съ цѣлью вернуть его «въ лоно православной церкви».

«Я попросилъ священника,—пишетъ М.—указать мнѣ мои заблужденія на основаніи слова Божія. Но этимъ путемъ онъ не могъ ничего указать мнѣ. Въ присутствіи православныхъ священникъ старался выпытать отъ меня: какъ я называю иконы? Я отвѣтилъ ему:—иконами.—А она не идолъ?—спрашивалъ протоіерей.—Зачѣмъ мнѣ её такъ называть? Пусть она носитъ то названіе, какое есть—икона.—А поклоняться иконамъ можно или нѣтъ?—Кому напримѣръ?—Намъ, православнымъ.—Сколько хотите. Только я не буду имъ кланяться, потому что въ писаніи о нихъ ничего не сказано.—«И

многое другое спрашивалъ священникъ, но мнѣ удавалось отвѣчать ему однимъ словомъ Божіимъ.

«Видя, что попытки его не увѣнчиваются успѣхомъ, онъ сталъ поносить нашу Евангельскую вѣру, при чемъ сказалъ:—Кто у васъ изъ хорошихъ людей? Возьмите перваго въ Херсонской губерніи, откуда вытекла эта штунда—Рябошапку. Кто онъ былъ? Молва говоритъ, что онъ былъ воръ, кралъ воловъ. А потомъ увѣровалъ и сдѣлался пресвитеромъ.

«Я не удержался, чтобы не отвѣтить на сей кощунственный по моему взгляду поступокъ и быстро отвѣтилъ:—«Это вѣрно, что среди евангельскихъ христіанъ не найдется ни одного, кто бы родился праведникомъ, и мы всѣ въ большинствѣ грѣшники: если не воры, то пьяницы и т. п. Но это-то и удивительно, что пьяницы и воры каются, начинаютъ вѣрить Слову Божію и со временемъ дѣлаются пресвитерами, а у васъ нерѣдко происходитъ совсѣмъ наоборотъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ книга пророка Iезекіиля, глава 34-ая.

«И я прочиталъ ему эту главу, гдѣ сказано: «горе пастырямъ, которые пасли себя самихъ! не стадо-ли должны пасти пастыри? Вы ѣли тукъ, и волною одѣвались, откормленныхъ овецъ закалали, а стадо не пасли. Слабыхъ не укрѣпляли, и больной овцы не врачевали... а правили ими съ насиліемъ и жестокостію. И разсѣялись онѣ безъ пастыря, и разсѣявшись сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому», т. е. дьяволу».

Священникъ уѣхалъ. Не чувствуя себя, очевидно, въ силахъ путемъ собесѣдованія и диспута убѣдить своего противника, онъ избралъ для этого иной путь. «Спустя семь дней, 11-го февраля 1910-го года,—пишетъ М.,—я вмѣстѣ съ другими братьями былъ вызванъ въ Ялту генераломъ Думбадзе. Онъ называлъ дрянью и гадостью всѣ наши проповѣди и наше пониманіе относительно ученія Господа, и затѣмъ выразился такъ: Я очищу отъ этой язвы весь крымскій берегъ, а васъ съ кровью смѣшаю!..

«Всѣхъ вызванныхъ было, вмѣстѣ со мной, 22 человѣка. Нѣкоторыхъ изъ нихъ генералъ отпустилъ домой, взявъ отъ нихъ подписку въ томъ, чтобы въ теченіе 7 сутокъ они убрались изъ предѣловъ Ялты. А меня и исполняющаго должность пресвитера и еще одного брата и сестру приказалъ посадить въ тюрьму.

«Намъ пришлось просидѣть въ тюрьмѣ семь сутокъ. Было ужасно тяжело. На пятыя сутки столоначальникъ принесъ бумагу и предложилъ намъ подписаться. Братья, которые сидѣли со мной, хотѣли это сдѣлать, но я ихъ удержалъ и попросилъ столоначальника прочесть бумагу. Когда онъ прочелъ, то мы отказались подписаться, ибо тамъ было сказано, что мы—политическіе и потому

онъ, Думбадзе, этапнымъ порядкомъ выдворяетъ насъ на родину. Когда мы отказались, то вопреки закону за насъ, какъ бы за неграмотныхъ, было приказано расписаться сидѣвшимъ съ нами ворамъ.

«Во время нашего страданія община успѣла подать два прошенія: одно на имя бывшаго въ то время таврическаго губернатора Новицкаго, а другое—министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпину. Г. Новицкій немедленно отмѣнилъ высылку на родину и призналъ возможнымъ ограничиться только высылкой насъ изъ Ялты. Вслѣдствіе этого на 6-ой день съ насъ снялъ допросъ ротмистръ жандармскаго управленія, а на 7-ой день насъ отправили подъ конвоемъ на пароходъ и выслали изъ Ялты.

«Я и братья остановились въ г. Севастополѣ, ожидая распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ на посланную ему общиной телеграмму министръ отвѣтилъ: «приму энергичныя мѣры къ разслѣдованію». Но въ виду того, что никакого разслѣдованія долгое время не было, мы рѣшили, оставивъ Севастополь, перебраться въ Одессу, что и сдѣлали.

«Въ Одессѣ я вдругъ читаю въ газетѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ прислалъ вице-директора полиціи Зуброва (?) съ другими чинами полиціи разслѣдовать причины высылки евангельскихъ христіанъ. При этомъ сообщалось, что результатъ оказался въ нашу пользу и что вслѣдствіе этого всѣмъ намъ разрѣшено вернуться.

«Но чрезъ нѣсколько дней, а именно въ ночь на 15 апрѣля 1910 года, въ половинѣ второго часа ночи, дверь моей квартиры, несмотря на засовъ, была снята безъ моей помощи, и въ квартиру вошелъ жандармскій полковникъ, съ подполковникомъ, двумя жандармами, двумя городовыми и двумя дворниками. Мнѣ, перепуганному чуть не до сумасшествія, было объявлено, что я арестованъ.

«Меня усадили на стулъ и начали шарить по квартирѣ, перерывая и бросая на полъ вещи. Но при этомъ ничего обнаружено не было, кромѣ библіи, писемъ и фотографіи, на которой были сняты всѣ одесскіе (евангельскіе) христіане, въ томъ числѣ и я. Впослѣдствіи всѣ письма были мнѣ возвращены. Меня отвели въ участокъ, гдѣ было прочитано мнѣ изъ протокола, что я предаюсь военному окружному суду за оскорбленіе Его Императорскаго Величества, котораго—по словамъ священника Ц., я будто-бы поносилъ. Я ужаснулся, ибо это была явная клевета. Послѣ того утромъ я былъ отведенъ въ тюрьму, гдѣ получилъ одиночную камеру, какъ политическій. Сижу въ тюрьмѣ двѣ недѣли. Вдругъ вызываютъ меня. Ротмистръ читаетъ обвиненіе. Меня обвиняютъ четыре человѣка—свидѣтели. Черезъ полтора мѣсяца снова вызываютъ: обвиняютъ уже 6 человѣкъ. Черезъ четыре мѣсяца вызвали; оказывается 11 чело-

вѣкъ меня обвиняютъ, а на пятомъ мѣсяцѣ двухъ скинули, осталось 9 человѣкъ. А эти два человѣка могли бы дать хорошія показанія въ мою пользу.

«Просидѣлъ въ тюрьмѣ пять мѣсяцевъ. А «дѣло» мое только ходило по инстанціимъ: то къ прокурору Одесской судебной палаты, то къ прокурору окружного суда, и я не могъ понять: куда мнѣ обратиться, кто бы могъ меня выпустить изъ тюрьмы хотя на поруки. А ходило дѣло потому, что свидѣтели все время путали, и показанія ихъ были противорѣчивы. Нѣкоторые говорили, что я люблю Евангеліе и живу по написанному въ немъ, только не вѣрю въ обряды. А другіе говорили, что я не вѣрю ни во что и ругаю правительство. Поэтому дѣло мое разбили на двое: первое—по политическому обвиненію,—въ судебную палату, а второе, по религіозному—въ окружной судъ. Послѣ такого раздѣленія мнѣ предложили свободу до суда за сто рублей залога, которой я и пользовался семь мѣсяцевъ.

«Но, отпустивъ по первому—политическому—дѣлу подъ залогъ, начальство по второму—религіозному—дѣлу учинило надо мной полицейскій надзоръ. 22 апрѣля въ г. Симферополѣ разбиралось мое политическое дѣло по обвиненію меня въ оскорбленіи Его Императорскаго Величества. Сословные представители, признавъ меня не уважительнымъ къ особѣ Государя Императора, приговорили къ четыремъ мѣсяцамъ крѣпости. Прокуроръ-же меня не обвинялъ, когда предсѣдатель предложилъ ему. Такъ какъ мнѣ засчитали предварительное заключеніе, то я былъ освобожденъ.

«Только во время разбора этого дѣла на судѣ для меня разъяснилось, какъ именно возникло обвиненіе меня въ оскорбленіи Государя Императора. Оказалось, что священникъ Ц. послѣ бесѣды со мной, когда я ему сказалъ, что «овцы достались всякому звѣрю полевому» (Іезекіиля, 34 гл., ст. 5), тотчасъ же донесъ жандармскому офицеру, что подъ звѣремъ я будто бы понимаю Государя. И какъ я на судѣ ни доказывалъ, что мы, евангельскіе христіане, признаемъ Государя (Римл., 8 гл., 1 ст.; первое посланіе Петра 2 гл., 12, 14 и 17 ст.; Притчи Соломона, 8 гл., 15, 16 ст.; Даніила, 2 гл., 21 ст.) и что возведенное на меня обвиненіе — сущая клевета [1]), я всетаки былъ приговоренъ къ четыремъ мѣсяцамъ крѣпости.

---

[1]) Полная искренность этихъ заявленій М., какъ евангельскаго христіанина, не можетъ быть заподозрѣна. Отношеніе евангельскихъ христіанъ къ властямъ слѣдующимъ образомъ формулируется въ ихъ катехизисѣ: „Мы вѣруемъ, что нѣтъ власти не отъ Бога; сущія-же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію

«Передъ самымъ процессомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось по дѣламъ съѣздить не надолго въ Петербургъ. Изъ Ялты тотчасъ-же дали знать, чтобы меня арестовали, какъ скрывающагося отъ суда, между тѣмъ какъ этого не было, и я своевременно явился къ разбору дѣла. Тѣмъ не менѣе, когда я вернулся снова въ Одессу черезъ три недѣли, меня арестовали и доставили по этапу въ Ялту. Здѣсь меня заключили въ тюрьму, въ общую камеру, въ которой мнѣ пришлось просидѣть 11 сутокъ. Было въ высшей степени отвратительно по случаю всевозможныхъ больныхъ арестантовъ, съ которыми приходилось ѣсть изъ одной чашки.

«Когда на 11-ый день мнѣ удалось увидѣть судебнаго слѣдователя, то онъ объяснилъ мнѣ, что меня прислали изъ Одессы, во-первыхъ, для того, чтобы учинить здѣсь въ Ялтѣ полицейскій надзоръ, который былъ назначенъ надо мной, а во-вторыхъ потому, что получилось разрѣшеніе мнѣ жить въ Ялтѣ.

«Это меня немного возмутило: я уже устроился въ Одессѣ, получилъ тамъ занятія, какъ вдругъ меня арестовываютъ и снова, разоривши, этапомъ доставляютъ въ Ялту, гдѣ 11 сутокъ содержатъ въ тюрьмѣ. Выйдя изъ заключенія, я скитался голоднымъ и не могъ найти никакой работы, такъ какъ мнѣ не давали паспорта.

«Наконецъ въ концѣ іюля я поступилъ на работу къ г-жѣ А. Но недолго мнѣ пришлось жить здѣсь: черезъ полтора мѣсяца, въ сентябрѣ того же 1911-го года, приказомъ генерала Думбадзе я былъ снова высланъ изъ предѣловъ Ялты на время чрезвычайной охраны. Я отправился въ Севастополь. Но и тамъ читаю въ севастопольской газетѣ, что ялтинская полиція проситъ имѣть меня на глазахъ.

«Зимою 1911-го года я былъ посланъ своими единовѣрцами на третій всероссійскій съѣздъ евангельскихъ христіанъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, прописалъ паспортъ. Черезъ нѣсколько дней просятъ пожаловать въ сыскное отдѣленіе. Въ сопровожденіи агента былъ доставленъ. Начальникъ Филипповъ милымъ тономъ заявилъ

установленію". („Вѣроученіе евангельскихъ христіанъ", СПБ., изданіе Всероссійсскаго союза евангельскихъ христіанъ, стр. 40). Среди послѣдователей этого ученія большой популярностью пользуется „гимнъ—молитва *за Государя* и обновленную Россію", который начинается такъ:

Отецъ любви!
Благослови
Земли родной Царя!
Прекрасная заря
Закона Твоего
Да свѣтитъ въ дни Его

мнѣ:—А мы васъ уже цѣлый годъ разыскиваемъ по ялтинскому дѣлу.

«Я отвѣтилъ, что я только четыре мѣсяца какъ изъ Ялты, гдѣ жилъ открыто, не думая скрываться. Въ доказательство своихъ словъ представилъ паспортъ, на которомъ были отмѣтки о пропискѣ. Начальникъ удивился этому, но затѣмъ сказалъ:—Все же, г. М., вамъ придется путешествовать въ Ялту этапнымъ порядкомъ.

«Я попросилъ начальника дать телеграмму въ Ялту судебному слѣдователю. Онъ согласился, но до полученія отвѣта я былъ арестованъ и посаженъ въ общую арестантскую камеру при сыскномъ отдѣленіи, вмѣстѣ съ ворами. Черезъ двое сутокъ получилась телеграмма изъ Ялты отъ судебнаго слѣдователя, который писалъ: «Прошу не задерживать Н. Г. М.». Только послѣ этого меня выпустили изъ арестантской.

«Далѣе по второму дѣлу, возбужденному противъ меня—религіознаго характера—я былъ вызванъ въ судъ 5 мая 1912-го года въ г. Севастополь, гдѣ было на лицо 10 обвинителей, за исключеніемъ священника Ц., который прислалъ медицинское свидѣтельство; но показанія его приняли заочно. Но судъ, по милости Бога, въ 6 часовъ вечера вынесъ оправдательный вердиктъ. На судѣ Господь позволилъ мнѣ говорить о моемъ упованіи.

«Послѣ суда я отъѣхалъ въ Псковъ съ полною радостью. Но вскорѣ радость эта омрачилась, такъ какъ черезъ мѣсяцъ надо мной въ Псковѣ учинили полицейскій надзоръ вслѣдствіе того, что прокуроръ остался недоволенъ приговоромъ суда и подалъ кассацію.

«Да и теперь видно, что меня не желаютъ оставить въ покоѣ. 31-го декабря 1912-го года я пришелъ въ городское полицейское управленіе къ полиціймейстеру затѣмъ, чтобы заявить ему о вечерѣ любви, который устраивался общиною евангельскихъ христіанъ. На это полиціймейстеръ отвѣтилъ мнѣ такъ:

— Вечеръ я разрѣшаю, а вамъ объявляю, что противъ васъ я возбуждаю уголовное преслѣдованіе за то, что вы въ своихъ проповѣдяхъ позволяете себѣ говорить, что спасти человѣка никто не можетъ: ни Петръ, ни Іоаннъ, ни Павелъ, а только Христосъ. Въ этомъ я предусматриваю оскорбленіе православныхъ святыхъ и потому буду ходатайствовать, чтобы васъ выслали изъ Пскова. Мнѣ донесли, что вы вчера, 30 декабря, произносили такую проповѣдь.

«30-го декабря на нашемъ молитвенномъ собраніи мной дѣйствительно были прочитаны слѣдующія мѣста изъ священнаго писанія: Дѣянія, 4—12 ст.; 1-ое посл. Коринф. 1 гл. 13 ст.; Іезикіиля, 14 г.; 14—16 ст.; Матѳея, 11—28; Іоанна 10 гл. 9 ст...»

На этомъ обрывается печальная повѣсть крестьянина М.—по

всѣмъ видимостямъ честнаго, правдиваго человѣка, хорошаго работника, мирнаго, лояльнаго гражданина, вся вина котораго состоитъ только въ томъ, что онъ горячо стремится понимать евангеліе, понимать ученіе Христа такъ, какъ диктуетъ ему его совѣсть и разумъ, не дѣлая тайны изъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. И вотъ, за это и только за это онъ со всѣхъ сторонъ подвергается безконечнымъ преслѣдованіямъ, буквально отравляющимъ его жизнь. Невиннѣйшаго человѣка травятъ, какъ какого-нибудь опаснаго, закоренѣлаго злодѣя и преступника.

Назойливый полицейскій надзоръ, ночныя нашествія жандармовъ, обыски, аресты, допросы, грубыя оскорбленія и издѣвательства со стороны разныхъ «чиновъ», крупныхъ и мелкихъ, дутыя, ложныя, клеветническія обвиненія, мыканіе по судамъ, административныя высылки, скитанія по этапамъ, сидѣніе за желѣзными рѣшетками въ арестантскихъ клоповникахъ, «вмѣстѣ съ ворами»,—вотъ изъ чего слагается жизнь «евангельскаго христіанина» въ современной, конституціонной Россіи.

Подсчитайте, сколько разъ на протяженіи этихъ четырехъ лѣтъ М. за свои религіозныя убѣжденія лишался мѣста, службы и работы, сколько разъ онъ былъ обысканъ, арестованъ, сколько разъ подвергался допросамъ, сколько времени провелъ въ тюрьмахъ, сколько разъ его судили, сколько разъ гоняли по этапу!..

Такъ живется простому, почти рядовому крестьянину, который осмѣлится въ дѣлѣ религіи не считаться съ тѣмъ, что ему властно и назойливо предлагается миссіонерами. И это, конечно, отнюдь не исключеніе, не единичный случай. Напротивъ, на основаніи свѣдѣній, появляющихся въ печати, а также на основаніи имѣющихся въ нашихъ рукахъ матеріаловъ, мы считаемъ себя въ правѣ съ увѣренностью утверждать, что это—общее правило.

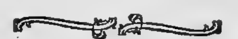
Если таковы условія жизни послѣдователей секты *признанной* русскимъ правительствомъ и *легализованной*, то легко себѣ представить то мучительство, которому подвергаются въ «обновленной» Россіи послѣдователи сектъ, объявленныхъ «особенно вредными», изувѣрными или безнравственными. Въ статьѣ «Религіозныя гоненія при обновленномъ строѣ» [1]) нами были приведены многочисленные факты суровыхъ преслѣдованій, которымъ подверглась секта, извѣстная подъ именемъ «Новаго Израиля», съ того самого момента, когда, по настоянію духовныхъ властей, она была отнесена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ къ числу «изувѣрныхъ и безнравственныхъ сектъ». Съ какой легкостью въ послѣднее время зачисляются

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1911 г., августъ.

у насъ секты въ рубрику «особенно-вредныхъ»—это болѣе или менѣе извѣстно.

Можно ли удивляться, послѣ этого, что мирные люди, привыкшіе къ терпѣнію и покорности, постепенно приходятъ къ убѣжденію о невозможности жить и работать при подобныхъ условіяхъ. Можно ли удивляться тому, что коренные русскіе люди, жители селъ и деревень, въ отчаяніи бросаютъ родину, бросаютъ Россію и бѣгутъ за океанъ, въ далекую Америку, о которой еще недавно они не имѣли никакого представленія, но которую теперь начинаютъ воспѣвать въ своихъ стихахъ и гимнахъ, какъ «страну свободы и мира»?..

А. Пругавинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Боязнь революціи и новый взглядъ на нее.—Бодрыя, свѣтлыя надежды на кооперацію. — Сельско-хозяйственный всероссійскій съѣздъ въ Кіевѣ.— Новая трудовая интеллигенція въ Россіи.—Голоса агрономовъ о правительствѣ, земствѣ и нуждахъ страны.—Парламентъ общественнаго мнѣнія въ Кіевѣ. — Значеніе съѣздовъ нынѣшняго лѣта.

На Невскомъ проспектѣ встрѣтился мнѣ одинъ молодой экономистъ.

— А знаете,—сказалъ онъ серьезно и одушевленно послѣ обычныхъ привѣтствій,—я пришелъ къ заключенію, что если новая революція и будетъ, то она не окажется такой хаотичной, кровавой, стихійно-бунтарской, какъ я раньше опасался!

Я слушалъ его съ особымъ вниманіемъ. Онъ былъ изъ тѣхъ подлинныхъ ученыхъ, которые напряженно изучаютъ жизнь въ тиши кабинета, среди полокъ, задавленныхъ книгами, предъ грудой статистическихъ матеріаловъ, но изучаютъ съ искренней пытливостью, съ постояннымъ волненіемъ и состраданьемъ.

Отъ такихъ наблюдателей ускользаетъ, вѣроятно, живое, красочное трепетанье жизни, но зато, можетъ быть, для нихъ не рѣдко снимается будничный туманъ, и открываются широкія линіи далекаго горизонта.

Молодой экономистъ, между прочимъ, непрерывно думалъ о революціи. Изучая пути яснаго, мирнаго развитія человѣчества, онъ, конечно, боялся революціи, какъ страшатся землетрясенія, которое

опрокинетъ жилища, зальетъ лавой поля, убьетъ и перекалѣчитъ людей. Но зналъ онъ также, что такія стихійныя явленія, какъ революція, словами не отпугнешь и слабой силой отдѣльныхъ людей не остановишь. Новой-же русской революціи онъ потому въ особенности боялся, что послѣ долгой, мстительной реакціи, послѣ пережитыхъ годовъ всеобщаго раздраженія и взаимнаго озлобленія, ему казались возможными, почти неизбѣжными взрывы стихійнаго, безпорядочнаго протеста, съ неосмысленнымъ бунтарствомъ толпы, съ отсутствіемъ организованности, съ самоубійственнымъ калѣченьемъ и затоптаньемъ государственныхъ силъ. Боялся онъ этого искренно и непрерывно объ этомъ размышлялъ.

И вотъ, теперь любопытно было узнать, что повернуло его размышленія на новый, бодрый путь.

— Оказывается, напрасно мы думали,—говорилъ онъ,—что въ странѣ апатія, распаденіе общественныхъ силъ, отсутствіе организованности. Напрасно боялись, что при новой грозѣ будетъ еще хуже отъ полной растерянности и дезорганизованности. Теперь я, знаете-ли, начинаю надѣяться, что все обойдется благополучно. Пойдемъ впередъ безъ крови и безъ бунта. Большая, спокойная, организованная сила выросла.

— А именно?—спросилъ я.

— Кооперація. Замѣчательное явленіе. Совѣтовалъ бы у многимъ вглядѣться въ это явленіе, изучить его и посвятить емя свои силы.

И пока мы шли до Публичной библіотеки, куда экономистъ направлялся для занятій, онъ съ искреннимъ жаромъ говорилъ о коопераціи, о ея быстромъ, повсемѣстномъ расцвѣтѣ, о бодрыхъ надеждахъ, которыя она въ немъ воскресила.

— Силы стали правильно организоваться. Оказывается, мы способны для культурной, общественной, организованной работы.— вотъ что важно. Это прямо спасительно,—говорилъ онъ, прощаясь со мной предъ массивной дверью библіотеки.

«Вотъ что сдѣлалъ кіевскій всероссійскій кооперативный съѣздъ!»—съ улыбкой думалъ я, идя отъ библіотеки.

Ростъ кооперативнаго движенія и значеніе его для общественной жизни Россіи—не тайна, на дняхъ лишь открытая. Объ этомъ пишутъ въ газетахъ и журналахъ уже нѣсколько лѣтъ. Между прочимъ, послѣ большой поѣздки по Россіи, которую мнѣ удалось совершить зимой 1908—1909 г., начавшійся ростъ коопераціи былъ отмѣченъ мной и въ «Вѣстникѣ Европы» (въ апрѣльскомъ провинц. обозр. 1909-го года).

Кіевскій съѣздъ собралъ въ яркій фокусъ всѣ громадные

результаты коопераціи за послѣдніе годы, и этотъ блестящій итогъ поразилъ всѣхъ, а въ особенности людей, стоявшихъ отъ кооператіи далеко и интересовавшихся ею только теоретически.

Показывали мнѣ недавно частное письмо одного крупнаго общественнаго дѣятеля. При шквалѣ 1906-го года онъ былъ отброшенъ,—вмѣстѣ съ другими цѣнными или, вѣрнѣе, безцѣнными для Россіи людьми, — отъ земской и государственной работы. Жизнь въ послѣдніе годы шла для него тускло и томительно. На внутреннюю жизнь Россіи смотрѣлъ онъ безрадостно. И вотъ, показываютъ его восторженное письмо, полное бодрости и воскресшей вѣры въ Россію. Письмо написано изъ Кіева, послѣ кооперативнаго съѣзда, на которомъ авторъ письма присутствовалъ съ перваго до послѣдняго дня. Онъ радуется и удивляется успѣхамъ коопераціи, видитъ въ ней знаменательный, оздоровляющій признакъ для всей Россіи, пишетъ подробно о важности этой неожиданной организаціи, разросшейся съ изумительной быстротой по странѣ, и бодро замѣчаетъ, что лично для себя онъ нашелъ теперь прекрасное примѣненіе силъ: работу для коопераціи.

Энтузіазмъ молодого экономиста и автора отмѣченнаго письма довольно понятенъ. Всѣхъ искреннихъ, болѣющихъ душой за Россію людей тяготилъ, конечно, мракъ реакціи, казалось — безпросвѣтно, надолго нависшій надъ страной. Терзало крушеніе общественныхъ надеждъ (даже самыхъ малыхъ, легко осуществимыхъ и естественныхъ), а всего болѣе удручало явное пониженіе общественнаго пульса, сказавшееся въ разгромѣ земствъ, въ закрытіи профессіональныхъ обществъ, въ повсемѣстной унылости и усталости, въ разложеніи политическихъ группъ, въ общемъ пессимистическомъ разбродѣ мнѣній, во взаимныхъ безплодныхъ укорахъ, въ преувеличенныхъ самообвиненіяхъ.

И вотъ, оказывается, неслышно (для стоявшихъ въ сторонѣ) выросла новая, немалая организованная сила—кооперація. Выросла, вопреки неблагопріятной атмосферѣ, вымораживавшей всѣ другія общественныя почки, выросла рядомъ съ земскимъ безлюдьемъ, выросла при расцвѣтѣ всякихъ охранъ, при полномъ размахѣ карательной и пресѣкательной энергіи администраціи.

Въ волненіе должна привести уже одна мысль: Кто создалъ такую планомѣрную, повсемѣстную сѣть организованныхъ общественныхъ ячеекъ? Интеллигенція? Но если она смогла свершить въ короткое время такую громадную всероссійскую работу, то какая же, значитъ, были ошибка считать интеллигенцію ослабѣвшей, упавшей духомъ, отброшенной отъ дѣла!

Если же обошлось безъ особой помощи интеллигенціи, если

кооперація создалась, главнымъ образомъ, по почину и усиліями самихъ крестьянъ, то еще лучше: значитъ, въ крестьянствѣ назрѣло общественное сознаніе, явилась общественная иниціатива, быстро пріобрѣтены общественные навыки и, очевидно, быстро нарождается собственная интеллигенція.

Разумѣется, въ развитіи коопераціи дѣйствовали,—говоря книжнымъ словомъ,—оба фактора. Оба они радостны, оба заставляютъ бодро смотрѣть впередъ. Но значительнѣе, все же, второй, т. е. пробужденіе деревни къ сознательной общественной жизни и быстрое созданіе деревней собственныхъ организацій, успѣшно справляющихся съ новымъ, сложнымъ дѣломъ.

Поэтому неудивительно, что широкая картина кооперативной жизни, развернувшаяся на кіевскомъ съѣздѣ, воспламенила вѣрой и энергіей многихъ общественныхъ работниковъ.

До чего это увлеченіе коопераціей дошло у нѣкоторыхъ дѣятелей, показываетъ характерный докладъ предсѣдателя центральнаго общества сельскаго хозяйства, г. Брунста. Докладъ былъ прочитанъ въ Кіевѣ на всероссійскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Въ докладѣ предлагается—не много, не мало,—требовать передачи всей земской экономической дѣятельности сельскимъ кооперативамъ! И любопытно, что, хотя предложеніе было, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, отвергнуто, но въ преніяхъ выступали ораторы и съ горячимъ сочувствіемъ докладу. «Земство, говорятъ, уже сыграло свою роль,—телеграфируетъ корреспондентъ «Русскаго Слова»;—пусть даетъ дорогу кооперативу. Сегодня на докладѣ Брунста одинъ изъ агрономовъ заявилъ, что современное земство въ области агрономіи изжило себя. Идетъ новая громадная сила кооператива. Какъ примѣръ, онъ представилъ случай, когда для созыва одного земскаго съѣзда понадобился годъ; раньше не могли получить разрѣшенія. Земство пришло въ упадокъ. Одинъ изъ агрономовъ отмѣтилъ рознь кооператива съ земствомъ. Земство, напримѣръ, испортило кооперативамъ коммерческое дѣло—покупку машинъ—своимъ широкимъ кредитомъ населенію. Кооперативы теперь говорятъ земству: пусть оно броситъ свои экономическія мѣропріятія и передастъ ихъ всецѣло намъ!—Идея доклада Брунста такая: земство должно оставить себѣ культурную дѣятельность, а экономическую—передать кооперативамъ. Земство въ своихъ ограниченныхъ экономическихъ мѣропріятіяхъ занимается филантропіей въ то время, когда нужно воспитывать въ населеніи самодѣятельность и хозяйскій расчетъ».

Конечно, возразить на докладъ въ защиту земства можно было многое, много и возражали. Но даже такой, напримѣръ, крупный земскій дѣятель, какъ кн. Дм. И. Шаховской, свое возраженіе заклю-

чилъ слѣдующей мягкой оговоркой. «Наша кооперація,—сказалъ онъ,—дѣло слабое. Когда она будетъ сильной и объединится въ союзъ коопераціи, тогда земство отдастъ ей экономическія мѣропріятія. До сихъ же поръ земство не можетъ уступить своего мѣста».

Отъ подобной оговорки кооперація можетъ гордо поднять голову: ее уже ставятъ почти рядомъ съ земствомъ, т. е. съ первѣйшей, до сего времени, общественной организаціей въ Россіи.

Значительнымъ общественнымъ явленіемъ былъ и сельско-хозяйственный съѣздъ, работавшій въ Кіевѣ въ первой половинѣ сентября. На съѣздѣ къ послѣднимъ днямъ собралось свыше 1000 членовъ, и это большое число интеллигентныхъ представителей съ разныхъ мѣстъ Россіи, въ связи съ важными общегосударственными вопросами, затронутыми и разработанными на съѣздѣ, выдвигаетъ сельско-хозяйственный съѣздъ въ первый рядъ среди многочисленныхъ съѣздовъ нынѣшняго года. Интересенъ составъ участниковъ съѣзда. Преобладали агрономы (свыше 300 членовъ). Очень мало было землевладѣльцевъ и очень мало крестьянъ. Были, кромѣ агрономовъ, профессора, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, управляющіе имѣніями, различнаго рода служащіе въ сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ и т. д. Это былъ скорѣе всего съѣздъ сельско-хозяйственной интеллигенціи, «третьяго элемента». Обиліе агрономовъ говоритъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о появленіи въ Россіи новой трудовой интеллигенціи, и притомъ интеллигенціи, народившейся нѣсколько страннымъ путемъ: при помощи правительства. Увлеченная землеустроительствомъ (по отрубно-хуторской системѣ) администрація усердно насаждала и поощряла въ послѣдніе годы агрономію. Въ то же движеніе вовлечены были правительствомъ и правыя земства.

На кіевскомъ съѣздѣ встрѣтили молодую армію агрономовъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: не скажется ли въ нихъ «казенный» духъ? Опасенія быстро разсѣялись. Агрономы, дѣйствительно, раздѣлились на двѣ партіи — защитниковъ и противниковъ общины—и споры были ожесточенные, но раздѣленіе было въ плоскости марксизма и народничества; защитники единоличнаго хозяйства были далеки въ своихъ выводахъ отъ плановъ правительства, подвергая острой критикѣ бюрократическую земельную реформу и способы ея проведенія.

Политическое настроеніе членовъ съѣзда сказалось ярко, когда агрономъ Мацѣевичъ упомянулъ о нижегородской рѣчи г. Салазкина по поводу скорѣйшаго осуществленія манифеста 17-го октября и предложилъ собранію присоединиться къ этому пожеланію. Собраніе отвѣтило на это предложеніе бурными аплодисментами.

Затѣмъ единогласно было принято слѣдующее постановленіе:

«Секція общественной агрономіи признаетъ, что тотъ громадный отвѣтственный трудъ по возрожденію нашей агрономической культуры, который возложенъ правительствомъ, земствомъ и населеніемъ на агрономовъ, можетъ быть осуществленъ наиболѣе полно при неуклонномъ проведеніи въ жизнь началъ манифеста 17-го октября».

Корреспондентъ «Русскаго Слова» телеграфируетъ по этому поводу: «Большое удовлетвореніе чувствуютъ члены съѣзда отъ сознанія того, что они исполнили свой гражданскій долгъ, заявивъ открыто, что Россіи надо вернуться на путь манифеста 17-го октября. Вспоминая объ этомъ отрадномъ фактѣ, нѣкоторые подчеркиваютъ, что общее собраніе, принявшее такую резолюцію, состоялось подъ предсѣдательствомъ чиновника вѣдомства земледѣлія, г. Крюкова, и въ своемъ составѣ имѣло много чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе резолюція прошла единогласно. Значитъ, требованіе манифеста является требованіемъ не одной земской оппозиціи, а голосомъ всѣхъ, въ комъ еще не уснуло чувство долга передъ родиной. Ясно, что къ такому голосу нельзя не прислушаться».

Приходятъ въ голову и такія мысли: марксисты и народники объединяются съ чиновниками и представителями россійскаго купечества на общемъ заявленіи объ осуществленіи намѣченныхъ 17-го октября реформъ. Явленіе довольно знаменательное для нашего времени. Это не значитъ, что лѣвыя партіи отказались отъ прежнихъ большихъ требованіяхъ или о нихъ забыли. Но, видимо, политическій горизонтъ проясняется—пережитый опытъ отрезвилъ и обострилъ политическое зрѣніе, стали ясны ступени соціально-политическаго достиженія; и вотъ, мудрая трезвость указываетъ на первую ступень, которую перешагнуть можно дружно и объединенно всей общественной Россіи.

Казенное землеустройство разбиралось и критиковалось на многихъ засѣданіяхъ секцій и общихъ собраній съѣзда. Корреспондентъ «Русскаго Слова» даетъ такое краткое резюме настроенія съѣзда по отношенію къ землеустройству. «Въ вопросѣ критики землеустройства съѣздъ далъ большіе результаты. Вся землеустроительная кампанія была разобрана и подвергнута осужденію. Осудили ее не только земцы и сельскіе хозяева, но, своимъ молчаніемъ, и сами землеустроители. Всѣ уѣзжаютъ съ одной мыслью, что дальше такое землеустройство продолжаться не можетъ. Ярко подчеркнуто было основное положеніе, что оставаться при прежнемъ недовѣріи къ обществу и его служителямъ невозможно, иначе мы не выйдемъ изъ тупика, который грозитъ великими потрясеніями. Было по достоинству оцѣнено современное земство, и необходимость его

преобразованія стала еще болѣе очевидной. Что касается положительныхъ знаній, то многимъ земствамъ на съѣздѣ было чему поучиться. Углублены были нѣкоторые вопросы, — напримѣръ вопросъ объ изученіи хозяйствъ. Доклады профессоровъ Косинскаго и Челинцева, статистика Мухина и агронома Минина несомнѣнно дадутъ большой толчокъ впередъ сельско-хозяйственной мысли».

Очевидно, многимъ агрономамъ въ нынѣшнихъ земствахъ работать довольно тяжко. Поэтому на съѣздѣ къ земству было отношеніе не только суровое и непріязненное, но даже преувеличенно враждебное. Это особенно сказалось въ засѣданіи секціи общественной агрономіи. «Вчерашнее засѣданіе,—говоритъ корреспондентъ «Русскаго Слова»,—было посвящено вопросу о передачѣ дѣла землеустройства земству. Нѣкоторые ораторы предлагали, по образцу Германіи, передать землеустроительное дѣло особымъ учрежденіямъ, въ которыхъ должны засѣдать судьи, чиновники и представители крестьянства. Цѣлый рядъ ораторовъ высказывается противъ передачи дѣла земству; настоящее земство—узко-сословное. Предсѣдатели земскихъ управъ часто состоятъ предсѣдателями землеустроительныхъ комиссій, отнюдь не къ пользѣ послѣднихъ. Общественная же физіономія многихъ земствъ ясна изъ ряда вынесенныхъ земствами постановленій о борьбѣ съ хулиганствомъ посредствомъ розогъ. Такому земству нельзя передавать дѣла землеустройства».

Пришлось на защиту если не земства, то нѣкоторыхъ условій земской работы, выступить кн. Д. И. Шаховскому. «Конечно,—сказалъ онъ примирительно,—земство должно быть преобразовано. Само населеніе не довѣритъ нынѣшнему земству такого важнаго дѣла, какъ землеустройство. Но въ земствѣ есть драгоцѣнное свойство—гласность и свобода критики, чего нѣтъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Свобода критики не въ журналахъ, а среди населенія. Ораторъ противъ учрежденій съ участіемъ судей и чиновниковъ. Правительственныя комиссіи съ участіемъ земцевъ, это—одна растрата земскихъ силъ, такъ какъ тамъ все дѣлается по приказанію губернатора. Въ общемъ, всѣ дебаты свелись къ такому постановленію: такъ дальше продолжаться не можетъ. Необходимо полное преобразованіе землеустроительнаго дѣла».

Корреспондентъ «Рѣчи» пробуетъ охарактеризовать два главныхъ теченія на съѣздѣ. «Наиболѣе характерныя черты,—пишетъ онъ,—опредѣляющія два близкихъ, по демократической основѣ, теченія общественно-агрономической мысли, сводятся нѣкоторыми ораторами къ слѣдующимъ штрихамъ. Сѣверяне полагаютъ, что только свободная Россія станетъ богатой; южане, напротивъ,

думаютъ, что только богатая Россія получитъ и политическія свободы. У сѣверянъ преобладаетъ стремленіе къ объединенію, нивеллировкѣ, централизаціи. Южане же болѣе склонны поддерживать индивидуализмъ. Первые имѣютъ дѣло съ общиннымъ, вторые—съ подворнымъ землевладѣніемъ на правѣ собственности. Одни работаютъ на богатомъ черноземѣ, другіе—на бѣдныхъ, сравнительно, почвахъ. Но тѣ и другіе констатируютъ, что вслѣдствіе быстраго увеличенія въ нѣсколько разъ экономическаго персонала и наблюдающейся всюду эволюціи замѣны идеалистовъ практиками, преобладаетъ ремесленно-техническій типъ агронома, агронома-службиста, занятаго осуществленіемъ программы-минимумъ и не помышляющаго ни о чемъ другомъ, кромѣ будничной дѣловой работы. Часто въ преніяхъ звучитъ мотивъ, что для населенія гораздо полезнѣе культурный ростъ, чѣмъ лишенныя реальной силы политическія выступленія и ссылки на общія условія безправія. Говорятъ, что культурная агрономія сама по себѣ — большое политическое дѣло, потому что она вмѣстѣ съ техническими знаніями вноситъ и свѣтъ въ среду имущаго крестьянства, и что ставка на сильныхъ приведетъ къ такому же разочарованію ея авторовъ, какъ и ихъ разсчеты на крестьянъ при составленіи перваго избирательнаго закона».

Изъ этой замѣтки явствуетъ, что агрономы въ трезвой самокритикѣ не пощадили и себя, не пожелавъ выдать всей быстро растущей арміи агрономическаго персонала безупречной идейной аттестаціи. Это и естественно: нельзя-же ждать въ сотняхъ и тысячахъ рядовыхъ работниковъ повышеннаго идеальнаго или программно-идейнаго отношенія къ жизни.

Важно то, что даетъ въ общей суммѣ своей работы эта новая массовая интеллигенція и каковъ главный уклонъ ея труда. А въ этомъ отношеніи можно быть, кажется, спокойнымъ: ведется-ли агрономическая работа съ той или иной идейной окраской или просто прививаются къ населенію новые пріемы и навыки культурной обработки земли—общая польза несомнѣнна.

Корреспондентъ «Рѣчи» отмѣчаетъ два-три главныхъ момента работъ сельско-хозяйственнаго съѣзда. «Въ непосредственной связи съ текущимъ землеустройствомъ,—пишетъ онъ,—находится и проектъ главнаго управленія землеустройства о предѣлахъ дробленія мелкой земельной собственности, которому былъ посвященъ подробный докладъ въ соединенныхъ секціяхъ съѣзда. Какъ видно изъ этого доклада, министерство, по собственному признанію, только недавно хватилось, что безъ установленія предѣловъ дробленія большинство отрубныхъ и хуторскихъ участковъ, черезъ одно-два поколѣнія, также распылится на полосы, и получится еще бо́льшая путаница

въ землевладѣніи и землепользованіи, чѣмъ бывшая до разверстанія. Надвигающаяся опасность свести на-нѣтъ всю громоздкую землеустроительную работу и затрату около ста милліоновъ рублей побудила главное управленіе землеустройства поспѣшить съ составленіемъ смѣлаго, но весьма неудачнаго проекта, встрѣтившаго рѣшительное осужденіе со стороны всероссійскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда. Мотивы, приведшіе секціи, согласившіяся принципіально съ докладчикомъ, къ признанію проекта несостоятельнымъ, сводятся къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ, предложеннымъ докладчикомъ и переданнымъ для составленія резолюціи въ комиссію.

а) Проектъ о мѣрахъ къ ограниченію дробленія мелкой земельной собственности совершенно опредѣленно стремится освободить отъ земли всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ земельными участками, меньшими предѣльной нормы, считая такіе участки «призракомъ собственности».

б) Предѣльныя нормы дробленія, проектируемыя главнымъ управленіемъ землеустройства, какъ не опирающіяся на широкое сельско-хозяйственное обслѣдованіе и не считающіяся съ дѣйствительными размѣрами землевладѣнія разныхъ категорій крестьянскихъ дворовъ,—надо признать произвольными и преувеличенными.

в) Наиболѣе дѣйствительной мѣрой къ предупрежденію дробленія могутъ быть расширеніе землевладѣнія крестьянъ путемъ пріобрѣтенія, при содѣйствіи Государственнаго банка и общественныхъ союзовъ, частновладѣльческихъ земель, и переселеніе на земли казенныя.

г) Проектируемый институтъ преимущественныхъ наслѣдниковъ находится въ противорѣчіи съ наслѣдственнымъ обычнымъ правомъ.

д) Исключеніе изъ наслѣдственной массы, подлежащей оцѣнкѣ, живого и мертваго инвентаря, а также всѣхъ построекъ, несогласно съ правомъ равнаго наслѣдованія, а чрезвычайное обремененіе наслѣдственнаго участка ипотечнымъ долгомъ для денежныхъ выплатъ сонаслѣдникамъ приведетъ къ принудительной продажѣ за долги, въ размѣрахъ еще болѣе опасныхъ, чѣмъ само дробленіе.

Въ общемъ вся землеустроительная политика получила на съѣздѣ оцѣнку, хотя и далеко не полную, но все-таки достаточную для того, чтобы настаивать на производствѣ опирающагося на независимое обслѣдованіе пересмотра всей системы.

Отрицательная оцѣнка съѣздомъ землеустроительной политики хотя и чужда была какихъ-либо политическихъ выпадовъ, но совпаденіе по времени резолюцій съѣзда съ постановкой памятника

творцу этой политики дѣлаетъ такое постановленіе съѣзда важнымъ политическимъ актомъ.

Въ области соціальной политики, съѣздомъ былъ выдвинутъ вопросъ чрезвычайной государственной важности—о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и въ особенности объ обезпеченіи ихъ труда. Число травматическихъ поврежденій превышаетъ семьдесятъ тысячъ въ годъ! Съ сельско-хозяйственныхъ машинъ при отправленіи въ Россію снимаются всѣ предохранители. Правовое положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ хуже чѣмъ положеніе фабричныхъ. Поэтому экономическая секція съѣзда признала необходимымъ: а) пересмотръ положенія о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; б) учрежденіе инспекціи по охранѣ сельско-хозяйственнаго труда; в) государственное страхованіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на случай болѣзни и поврежденія здоровья отъ несчастныхъ случаевъ, а также страхованіе инвалидности и старости. Разработку вопроса рѣшено передать въ вольное экономическое общество».

Съѣздъ разсмотрѣлъ десятки докладовъ, коснувшихся земельнаго хозяйства Россіи со всѣхъ сторонъ (вплоть до русско-германскаго торговаго договора). Постановка, обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ носили общегосударственный характеръ. И невольно являлась мысль при чтеніи въ газетахъ отчетовъ о съѣздѣ, что члены съѣзда, въ сущности, молодо, горячо и энергично совершаютъ парламентскую работу. Съѣздъ поставилъ, освѣтилъ и отчасти рѣшилъ существенно-важные для Россіи вопросы, до которыхъ четвертая Дума, вѣроятно, не скоро доберется черезъ залежи «вермишели» и проволочно-бюджетныя преграды.

Еще больше на тѣ же мысли объ общественномъ парламентѣ мнѣній вызываютъ всѣ, въ совокупности, съѣзды, бывшіе нынѣшнимъ лѣтомъ въ Россіи. Истекшее лѣто было вообще чрезвычайно богато съѣздами. Въ одномъ Кіевѣ ихъ, кажется, было свыше двѣнадцати. И многіе изъ нихъ не только по названію, но по дѣйствительному значенію были «всероссійскими».

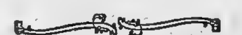
Признакъ, во всякомъ случаѣ, знаменательный, что послѣ долгаго приглушеннаго молчанія и рядомъ съ безсильной Думой вдругъ раздались многочисленные, свѣжіе общественные голоса на съѣздахъ. Какъ на военныхъ смотрахъ, на съѣздахъ была, во-первыхъ, показана большая общественная работа, уже сдѣланная въ странѣ (что для многихъ оказалось оздоровляющимъ сюрпризомъ), а во-вторыхъ, общественное мнѣніе сразу и тысячами организованныхъ голосовъ заговорило о практическихъ и политическихъ нуждахъ страны.

Было-бы ошибочно думать, что коллективное мнѣніе такого

громаднаго числа представителей разныхъ мѣстностей Россіи прошло безслѣдно. Въ сущности, ни одно мнѣніе, кѣмъ-либо высказанное или напечатанное, не пропадаетъ безъ слѣда въ жизни. Кристаллизованное-же мнѣніе глубокихъ слоевъ населенія, выраженное на съѣздѣ тысячами общественныхъ представителей, неизбѣжно сгустить общественную волю въ странѣ.

Все яснѣе становится, что, несмотря на длящійся мракъ реакціи, старый порядокъ отступаетъ въ глубь исторіи, а голосъ общественной воли крѣпнетъ и, въ концѣ концовъ, получитъ главное властвованіе надъ жизнью.

И. Жилкинъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

«Пусть люди снисходительно отнесутся къ той, которой, можетъ быть, непосильно было съ юныхъ лѣтъ нести на слабыхъ плечахъ высокое назначеніе—быть женой генія и великаго человѣка».

Этими примиренными, трогательными словами напутствуетъ гр. Софья Андреевна Толстая изданіе писемъ Льва Николаевича къ ней за долгій, почти полувѣковой періодъ ихъ совмѣстной жизни, начиная съ письменнаго предложенія, переданнаго ей въ день ея ангела, 17 сентября 1862 г., и кончая письмами изъ Телятниковъ лѣтомъ 1910 г., за пять мѣсяцевъ до кончины великаго писателя. Не хватаетъ только шести послѣднихъ писемъ, связанныхъ съ уходомъ Льва Николаевича изъ дому, для которыхъ, какъ сказано въ предисловіи, «еще не настало время», хотя два изъ нихъ уже опубликованы въ книжкѣ г. Ксюнина «Уходъ Толстого» (1911 г.). Въ той же книжкѣ впервые мы прочитали и вторично печатаемое теперь Софьей Андреевной письмо отъ 8 іюня 1897 г., въ которомъ Левъ Николаевичъ извѣщаетъ жену о своемъ рѣшеніи уйти изъ дому, разъясняетъ мотивы этого рѣшенія и прощается съ семьей. Письмо это, сообразно съ волей Толстого, было передано по адресу только послѣ его кончины.

Письма мужа Софья Андреевна публикуетъ теперь какъ матеріалъ для суда надъ ея семейной жизнью. Но призванъ ли кто-нибудь быть судьей въ этой интимной драмѣ, закончившейся столь необычайно? Да и нуженъ ли вообще тутъ какой-нибудь судъ? О

самыхъ сокровенныхъ сторонахъ жизни Толстого всѣ были давно уже освѣдомлены съ полной точностью и подробностью. И не только потому, что къ Ясной Полянѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій были прикованы взоры всего міра и ничто въ ней совершавшееся не могло укрыться отъ людского любопытства, но еще и потому, что самъ Толстой, въ силу органическихъ особенностей его писательской и человѣческой индивидуальности, разсказывалъ въ своихъ твореніяхъ обо всемъ, что касалось его самого и его близкихъ, то подъ покровомъ легко проницаемой художественной условности, а то и совсѣмъ неприкрытно, особенно въ послѣдній періодъ его жизни. Оглядываясь теперь назадъ, мы ясно видимъ, что всѣ писанія Толстого носятъ характеръ автобіографіи и семейной хроники. Поэтому и о семейномъ бытѣ его и, въ частности, объ его отношеніяхъ съ женой мы давно уже знали такъ много, что теперь врядъ ли возможно прибавить къ нашему знанію что-либо существенное. Біографъ Толстого, П. И. Бирюковъ, цитирующій, между прочимъ, неоднократно и изданныя теперь письма, раскрылъ уже въ «Войнѣ и Мирѣ» нѣкоторыя весьма интимныя признанія автора касательно его семейной обстановки. Въ «Аннѣ Карениной» семейная жизнь Левина оказывается столь же близкимъ отраженіемъ Яснополянской дѣйствительности 60-хъ и 70-хъ годовъ, какъ близки религіозныя исканія героя къ идейнымъ и психологическимъ процессамъ, совершавшимся тогда въ душѣ автора. Дальше пошли еще болѣе жуткія признанія, вплоть до ошеломляющей откровенности въ набросках драмы: «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», опубликованной во II-мъ томѣ посмертныхъ произведеній Толстого. Что можно прибавить ко всему этому необъятному, исчерпывающему матеріалу, кромѣ докучныхъ точекъ надъ і, ни на іоту не мѣняющихъ смысла написаннаго? Охотники становиться судьями между мужемъ и женой, клеймить безплодными и бездушными приговорами людей, изнемогающихъ подъ бременемъ сложныхъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій духа и жизненнаго уклада, давно уже изрекли свои подьяческіе вердикты, и врядъ ли новый сборникъ писемъ Толстого заставитъ ихъ измѣнить обвинительные акты.

На эту книгу надо смотрѣть не какъ на матеріалъ для суда надъ кѣмъ-бы то ни было, а какъ на новый путь къ общенію съ огромной и глубоко своеобразной индивидуальностью геніальнаго художника, тщетно стремившагося подчинить стихійность въ себѣ самомъ и въ окружающемъ мірѣ раціонально устанавливаемымъ нормамъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна борьба Толстого съ однимъ изъ самыхъ глубокихъ и прекрасныхъ его инстинктовъ,—

съ стремленіемъ къ художественному творчеству. Въ 1882 г., поглощенный богословскими работами, онъ, однако, признается: «Приходятъ все мысли о поэтической работѣ. И какъ бы я отдохнулъ на такой работѣ! Какъ задумаю объ этомъ, такъ точно какъ задумаю о лѣтнемъ купаньѣ». Въ 1887 г. опять тоже признаніе: «Хочется скорѣе перемѣнить работу. Хочется художественной». Особенно ярко сказывается аскетическое насилованіе творческаго генія въ письмахъ 1896 г.: «Все бьюсь надъ однимъ мѣстомъ о грѣхахъ... Хочется писать другое, но чувствую, что долженъ работать надъ этимъ... Если кончу, то въ награду займусь тѣмъ, что начато и хочется». Какъ ни тщился Толстой подавить въ себѣ художника во имя высшихъ, какъ ему казалось, цѣлей, а художникъ въ немъ жилъ и даже умѣлъ находить для себя новую силу въ занятіяхъ Толстого, вызываемыхъ его моральными идеалами. Толстой шелъ къ мужикамъ, чтобы нравственно перевоспитать себя, а его художественный стиль отъ этого выигрывалъ: «Отъ общенія съ профессорами—многословіе, труднословіе и неясность. Отъ общенія съ мужиками—сжатость, красота языка и ясность». Вотъ гдѣ секретъ того поразительнаго языка, которымъ написаны повѣсти Толстого, опубликованныя уже послѣ его кончины: Пушкинъ учился русскому языку у московскихъ просвиренъ, Толстой—у яснополянскихъ мужиковъ... Тотъ же инстинктъ художника заставлялъ Толстого жадно приглядываться ко всему разнообразію жизненныхъ явленій, и жутко иногда становится отъ этого холоднаго, зоркаго, безстрастнаго, почти безчеловѣчнаго взгляда наблюдателя. «Третьяго дня былъ въ больницѣ на операціи: палецъ отрѣзали отмороженный». Въ сосѣдней деревнѣ былъ пожаръ; сгорѣло десять человѣкъ дѣтей и взрослыхъ. «Сапожникъ съ женой найдены сгорѣвшими подъ печкой, куда они забились отъ страха. Я теперь жалѣю, что я не посмотрѣлъ». И только. Ни проблеска иного чувства передъ страшнымъ бѣдствіемъ...

Стихійная подоснова натуры Толстого ни въ чемъ, можетъ быть, не сказывалась ярче, какъ въ той власти, которую имѣла надъ его настроеніями жизнь природы. На лонѣ ея забывалъ онъ всѣ свои сомнѣнія и боренія, заботы и страданія; нѣчто могучее, величавое и торжественное поднималось изъ самой глубины его существа навстрѣчу зовамъ космоса и наполняло все его сердце ликующей хвалой. «Нынче утромъ вышелъ въ 11 часовъ и опьянѣлъ отъ прелести утра. Тепло, сухо, кое-гдѣ съ глянцемъ тропинки, трава вездѣ, то шпильками, то лопушками лѣзетъ изъ-подъ листа и соломы; почки на сирени, птицы поютъ уже не безтолково, а уже что-то разговариваютъ, и въ затишьѣ, и на углахъ домовъ, вездѣ, у навоза жужжатъ пчелы» (1882 г.). «Погода нынче изъ всѣхъ

дней: гроза, жара, соловьи, фіалки, на половину зеленый лѣсъ — такъ весело, хорошо въ Божьемъ мірѣ!» (1887 г.). «Шелъ пѣшкомъ, радуясь на красоту Божьяго міра. Трава уже въ четверть, фіалки отцвѣтаютъ, баранчики сплошные, рожь идетъ въ трубку, овсы зеленые кое-гдѣ; на черемухѣ готовъ цвѣтъ и побѣги въ два вершка, осина и ранній дубъ одѣваются. Тепло, влажно, соловьи, кукушки» (1894 г.). Съ особенной силой поднялъ и помчалъ Толстого май 1897 г. Онъ ѣхалъ изъ Москвы «вялымъ и слабымъ. Но необыкновенная красота весны нынѣшняго года въ деревнѣ разбудитъ мертваго. Жаркій вѣтеръ ночью колышетъ молодой листъ на деревьяхъ, и лунный свѣтъ и тѣни, соловьи повыше, пониже, подальше, поближе, сразу и синкопами, и вдали лягушки, и тишина, и душистый, жаркій воздухъ—и все это вдругъ, не во время, очень странно и хорошо. Утромъ опять игра свѣта и тѣней отъ большихъ, густо одѣвшихся березъ прешпехта по высокой уже, темнозеленой травѣ, и незабудки, и глухая крапивка, и все—главное, маханье березъ прешпехта такое же, какъ было, когда я, 60 лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ красоту эту. Очень хорошо и не грустно, потому что ничего позади этого не воображаю, а хорошо»...«Продолжается безумная іюльская погода: ландыши, желтые розаны, сирень; въ лѣсу, какъ въ іюлѣ, выѣдешь то въ свѣжій, то въ жаркій, стоячій воздухъ». И на буйный, «безумный» пиръ стихій въ природѣ откликнулась жаркая стихія и въ груди самого Толстого. Вотъ письмо его къ женѣ отъ 13 мая, съ характерной помѣткой: «Читай одна», и сопровождаемое такимъ поясненіемъ Софьи Андреевны: «послѣ того, какъ я на два дня съѣздила въ Ясную Поляну повидаться съ мужемъ, сыномъ Львомъ и его женою Дорой, и дочерью Таней»: «Оставила ты своимъ пріѣздомъ такое сильное, бодрое, хорошее впечатлѣніе, слишкомъ даже хорошее для меня, потому что тебя сильнѣе недостаетъ мнѣ. Пробужденіе мое и твое появленіе (раннимъ утромъ чуднаго майскаго дня—примѣчаніе Софьи Андреевны)—одно изъ самыхъ сильныхъ, испытанныхъ мною, радостныхъ впечатлѣній, *и это въ 69 лѣтъ отъ 53-лѣтней женщины*!... Нынче два раза была чудесная гроза съ молніями. Лѣто спѣшитъ жить—сирень уже блѣднѣетъ, липа заготавливаетъ цвѣтъ, въ глубинѣ сада въ густой листвѣ горлинки и иволга, соловей подъ окнами удивительно музыкальный. И сейчасъ ночь, яркія, какъ обмытыя, звѣзды, и послѣ дождя запахъ сирени и березоваго листа»... Какая пѣснь торжествующей весны, какая сліянность въ жизни природы и жизни человѣка... Спѣшитъ жить... уже блѣднѣетъ... сейчасъ ночь...

И меньше, чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ этого восторга— «никогда мною не полученное письмо, а отданное на храненіе князю Николаю Леонидовичу Оболенскому съ тѣмъ, чтобы письмо это было передано мнѣ послѣ смерти Льва Николаевича, что и было исполнено въ точности»: «Дорогая Соня, уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ; уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая, что лишу дѣтей, пока они были малы, хотя того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же жить такъ, какъ я жилъ эти 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ соблазны, къ которымъ я привыкъ, и которыми окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что давно хотѣлъ сдѣлать—уйти»...

Двѣ правды жили и боролись въ душѣ Толстого. Одна была правда наивная, земная. Она звала къ радости, заставляла любить природу, жену, семью, хозяйственный благобытъ, пчельникъ, конскій заводъ, «телку красоты несравненной», и барскую усадьбу, и ея преданія, заставляла вѣрить въ сны и въ примѣты, уносила въ сферу поэтическаго творчества и художественнаго наслажденія. Другая правда звала къ подвигу самоотреченія во имя нравственнаго совершенствованія и служенія людямъ. Обѣ эти правды одинаково глубоко коренились въ натурѣ Толстого, но сознаніе его безсильно было проникнуть въ тѣ первозданныя глубины его личности, гдѣ всѣ корни встрѣчаются, переплетаются и сливаются въ единое, согласное, всеобъемлющее и всепримиряющее. Ему казалось, что только вторая правда есть дѣйствительная правда, а первая есть ложь и соблазнъ. Для логики Толстого это представлялось безспорнымъ, хотя на практикѣ его идеи оказывались бездѣйственными даже для него самого, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ свою неполноту и необходимость новыхъ усилій чувства и сознанія, новыхъ исканій. Толстой не пошелъ по пути ищущихъ. Типичный догматикъ, онъ неколебимо вѣровалъ въ свою систему и во имя ея тщетно стремился переломить не только свою личность и свою жизнь, но и весь историческій ходъ жизни человѣчества. Это были усилія титанической натуры, но они ни на шагъ не приблизили его къ тому, чего по истинѣ жаждала душа его—къ кроткому свѣту любви и примиренности...

Едва ли не самымъ цѣннымъ плодомъ литературнаго урожая нынѣшняго года надо признать романъ Бориса Зайцева: «Далекій

край» (20-й и 21-й Альманахи «Шиповника»). Это—повѣсть о свободной юности. Герои и героини романа проходятъ передъ нами въ юную пору своей жизни, отъ 17 до 23-хъ лѣтъ (развитіе фабулы охватываетъ около пяти годовъ), и на всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ жизни лежитъ печать полной свободы отъ идейныхъ, теоретическихъ шоръ. Ни въ настроеніяхъ, ни въ поступкахъ, ни въ поискахъ линіи жизненной дѣятельности нѣтъ никакого насильственнаго подлаживанія индивидуальности подъ внѣшне воспринятыя нормы, моральныя или политическія. Вышла въ жизнь эта молодежь безъ всякаго опредѣленнаго, готоваго символа вѣры, и чужими, ненужными, безплодными кажутся ей осмысленія жизни, завѣщанныя традиціей или налагаемыя энтузіастическимъ признаніемъ старшихъ сверстниковъ. Вышли эти юноши и дѣвушки въ самый разгаръ освободительнаго движенія, слышатъ громъ споровъ марксистовъ и народниковъ, модернистовъ и шестидесятниковъ, переживаютъ демонстраціи и «свободную эстетику», революцію и вооруженное возстаніе, сами болѣе или менѣе принимаютъ активное участіе во всемъ этомъ, но не внѣшій кодексъ подсказываетъ имъ ихъ дѣянія, а внутреннее чувство, и правда, которою они живутъ, добывается не объективно убѣдительными разсужденіями и доказательствами, а въ сосредоточенной глубинѣ субъективныхъ, интимныхъ переживаній. Въ непосредственномъ чувствѣ, не въ систематическомъ изученіи, находитъ Зайцевъ источникъ истинной мудрости, и потому такъ любовно прикованъ его взоръ къ юности съ неуспѣвшимъ еще остыть темпераментомъ, съ несмявшеюся индивидуальностью, съ полнокровнымъ чувствомъ. Оттого для него такъ значительны всѣ ея порывы и сердечные перебои, пусть даже непослѣдовательные, часто нелѣпые въ своихъ проявленіяхъ или дѣтски-легкомысленные, безъ оглядки назадъ, безъ заглядыванія впередъ, но всегда раскрывающіе сущую, не надуманную правду души человѣческой. Оттого съ улыбкой, хотя доброй и ласковой, какъ о чемъ-то безвозвратно оставшемся позади, говоритъ онъ о людяхъ отвлеченнаго догмата, которые представляются ему уже по существу, не по внѣшнимъ только проявленіямъ, наивными, незрячими, по верху плавающими.

«... Нѣсколько бородачей. Казалось, волосы росли у нихъ изъ глазъ. Большинство было въ провинціальныхъ сюртукахъ, у нѣкоторыхъ изъ-подъ брюкъ рыжѣли голенища сапогъ. Это и были народники». И молодой студентъ Петя, «прислушиваясь къ ихъ книжнымъ выраженіямъ, лишь сильнѣе ощущалъ, что *правда—та, безъ которой человѣкъ не можетъ жить,—не у нихъ* и не у Бемъ-Баверковъ». А гдѣ же? Вотъ гдѣ. «Въ старинное окно, съ полукругомъ вверху, была видна Нева, Исакій и Зимній дворецъ. Шелъ снѣгъ,

было тихо, и бѣлый покровъ на Невѣ казался такимъ *истиннымъ*, нерушимо-чистымъ». Вотъ гдѣ истинное, правдивое; не въ догматѣ, а въ настроеніи, вырастающемъ въ душѣ, когда она отдается созерцанію природы. И получивъ намекъ въ этомъ направленіи отъ «истиннаго» снѣга на Невѣ, Петя рвется туда, гдѣ «истинное» царитъ безраздѣльно, не заслонено городскими домами, словами и метаніями, гдѣ, слѣдовательно, и правда души звучитъ особенно полнозвучно: «Петя вздохнулъ. Хорошо бы проѣхаться въ деревню, на санкахъ, вдохнуть запахъ лѣса подъ инеемъ». И только что отдался онъ этому настроенію, какъ рядомъ съ нимъ является другое воплощеніе правды— Ольга Александровна, къ которой Петю приковываетъ чистая, нѣжная и робкая *любовь*, и которая позже скажетъ ему: «Этотъ вечеръ, звѣзды, спящія птицы, коростель, роса, май... вотъ гдѣ *правда*».

Суть тутъ, конечно, не въ природѣ, какъ таковой. Суть въ способности человѣка переживать горячій подъемъ настроенія при соприкосновеніи съ природой. Есть въ душѣ человѣческой такая, гдѣ-то въ глубинѣ обитающая сила, которая можетъ по временамъ засыпать; тогда онъ живетъ только поверхностью своего существа, только частицей своей силы, тогда могутъ взять надъ нимъ власть всякіе миражи и ложности. Но при соприкосновеніи съ природой онъ весь до дна пробуждается, всѣ силы его духа мобилизуются,—и падаютъ прочь оковы призрачнаго рабства. Конечно, есть такіе несчастные, заживо умершіе, у которыхъ эта глубина души, эта сила вывѣтривается, у которыхъ «сердце пустое», какъ говоритъ Ольга Александровна. Они и мимо природы пройдутъ съ тупымъ равнодушіемъ, такими же безсильными, какъ всегда.

Для нихъ и солнцы, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!

И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Такіе не почувствуютъ правды вечера и мая, снѣга на Невѣ и бѣга на санкахъ черезъ лѣсъ. Но такихъ не спасутъ и «Бемъ-Баверки». Впрочемъ, намъ сейчасъ нѣтъ надобности заниматься безнадежными живыми мертвецами (которыхъ, кстати сказать, врядъ-

ли много на свѣтѣ): они остаются внѣ поля зрѣнія нашего писателя. Его герои—люди съ яркимъ и глубокимъ темпераментомъ, способные ощущать себя органическимъ звеномъ въ «великой мистеріи природы», возстановлять въ общеніи съ ней свою душевную силу и зрячесть. У Пети, запутавшагося въ разныхъ умозрѣніяхъ, «являлось чувство глубокой правоты, когда вечеромъ онъ сидѣлъ въ полѣ на копнѣ клевера, въ лучахъ солнца танцовали мушки, вдали красныя бабы убирали сѣно, когда, безмолвныя и великія, разстилались русскія поля, въ убогой деревушкѣ блестѣло алмазомъ стекло. Душистымъ вечеромъ гасло солнце, надъ скромной страной зажигались звѣзды. Ихъ языкъ былъ отчасти понятенъ. Все, что онѣ говорили—было за какую-то большую правду, вышечеловѣческую, вмѣстить которую цѣликомъ не дано». Степанъ, запутавшійся въ террорѣ, обагрившій руки въ дѣтской крови, такъ оскудѣваетъ духомъ, такъ обезсиливаетъ, что «ничего не любитъ, ему ничего не надо, и вовсе онъ даже не революціонеръ: лучше всего ему просто пустить себѣ пулю въ лобъ». Но дивная природа итальянской Ривьеры творитъ чудо, воскрешаетъ этого Лазаря. «Степанъ слушалъ пѣніе птицы, смотрѣлъ на дѣвочку, и сердце его смягчалось. Онъ ничего не думалъ, не рѣшалъ, что ему надо дѣлать. Но у него было ощущеніе, что жизнь понемногу входитъ въ его душу. Ему казалось, что давно надо было попасть сюда, много надо было смотрѣть солнца моря, вдыхать этого свѣтлаго воздуха и чему-то настоящему учиться». И онъ научается: постигаетъ верховную истину и красоту Голгоѳы и радостно повторяетъ этотъ божественный подвигъ.

Себя настоящаго, себя въ полномъ объемѣ силъ, помогаетъ человѣку найти точно также и любовь. Вотъ буйно декадентствующая, вѣчно неистовая дѣвушка Лизавета. «Во всѣхъ ея движеніяхъ, улыбкѣ—была своя *правда*». Какая? «Одно только нужно—любить... Безъ любви я умру, во мнѣ самой солнце должно быть». И когда ея влюбленность встрѣчается съ отвѣтнымъ чувствомъ Пети, выростаетъ такая могучая сила, что они вознесены на высоту, гдѣ самое сокровенное ясно зримо, гдѣ самое невмѣстимое вмѣщается. «Праздникъ свѣта и счастья, когда все существо человѣческое полно огня, который, какъ говорятъ, сходитъ съ неба». «Петѣ казалось, что сейчасъ онъ—часть чудесной симфоніи, свѣтлой и мажорной. Всѣ вокругъ идутъ, тысячи людей спѣшатъ, ѣдутъ, чувствуютъ, мыслятъ—*всѣ въ ритмѣ одного пульса, и этотъ пульсъ—Жизнь*».

Да, только при свѣтѣ небеснаго огня, вспыхнувшаго въ сердцѣ, видитъ человѣкъ конечную, логически необлемлемую и невыразимую, правду единой міродержавной силы, всепроникающей и всемогущей, и сознаетъ себя таинственно сопричастнымъ ей въ моменты

пламеннаго озаренія своего, когда бодрствуютъ всѣ силы души его до послѣдней ея глубины. И во всемъ, что сдѣлаетъ человѣкъ, повинуясь голосу такого всеисчерпывающаго порыва, будетъ высшая правда, хотя бы и противорѣчило это ходячимъ правдамъ, поросшимъ жуткимъ для насъ мохомъ изстариннаго авторитета. «Можетъ быть, да—измѣна. Пусть. Онъ зналъ только, что та же жизнь, что ставила ему западни, заставляла падать, ошибаться, страдать—теперь дохнула океанійскимъ вѣтромъ. Хорошо или нехорошо онъ поступаетъ—такъ надо. И если надо, то значитъ—хорошо». Такъ думаетъ Петя, когда, охваченный любовью къ Лизаветѣ, вспоминаетъ свою первую любовь къ Ольгѣ Александровнѣ. И почти тѣми же словами думаетъ Степанъ, отдавшись страсти къ Вѣрочкѣ и зная, что непрочна эта привязанность. «Онъ не понималъ теперь самъ, хорошо онъ сдѣлалъ или плохо, но было очевидно, что иначе не могъ поступить».

Научившись не судить, а просвѣтленно принимать въ душу содѣянное имъ самимъ, не страшась «огромности отвѣта», человѣкъ научается и во всемъ ходѣ жизни видѣть ту же высшую правду, какъ бы страшно и мучительно ни было для сердца совершающееся. «Что-же, такъ надо, надо жить, все испытать, надо ждать»,—говоритъ жена Степана, охваченная тягостнымъ предчувствіемъ надвигающагося крушенія ея счастья. «Ничего. Значитъ такъ надо», повторяетъ Степанъ, сознавая, что не дано никогда свершиться его самымъ завѣтнымъ прекраснымъ мечтамъ о полнотѣ личнаго счастья. На той же нотѣ: «Такъ надо»—заканчивается и весь романъ:

— Умеръ Алеша, умеръ Степанъ,—сказалъ Петя, прислонившись къ плечу Лизаветы.—Милый другъ, мы остались съ тобою вдвоемъ. Видишь, какъ безпредѣльна, сурова и печальна жизнь. Намъ надо итти въ ней... туда, къ тому предѣлу, который переступимъ въ свое время и мы».

Въ этихъ словахъ есть грусть, но нѣтъ горечи, нѣтъ упрека, и еще менѣе—вызова жизни. Петино сердце умудрились уже до того предѣла, когда невозможно противополагать себя жизни, когда слишкомъ глубоко познана и суровая, карающая, и благостная сторона ея, когда стала она любимой. Когда-то Степанъ позналъ свое единство съ темнымъ народомъ въ пору голоднаго бунта «и почувствовалъ, что, все равно, это его кровное, родное, и если бы въ темнотѣ своей эти люди и убили его, онъ не измѣнилъ бы имъ». Такъ и Петя теперь не можетъ измѣнить жизни, какъ бы ни повергала она его; онъ будетъ служить ей, ибо въ дни его пламенныхъ юныхъ прозрѣній прочувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что бездна жизни, при всѣхъ ея мукахъ,—«свѣтлая бездна», и туманныя дали бытія, въ конечныхъ своихъ итогахъ,—благостны для сердца, пламенѣющаго любовью.

Зайцевъ цѣленъ въ своей вѣрѣ въ очищающую и просвѣтляющую силу юнаго пламени. Изъ такихъ же переживаній, какъ тѣ, которыя выковали индивидуальность Пети, слагается для него и сила, выковывающая правду въ жизни общества. Его повѣсть о свободной юности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и повѣсть о нашемъ освободительномъ движеніи, которое, въ его пониманіи, живо было тою же силой, что созидала и души его героевъ. «Въ томъ,—часто нелѣпомъ и дѣтскомъ, что тогда происходило, всегда присутствовалъ *буйный подъемъ молодости*. Онъ покрывалъ собой банальность фразъ, несоразмѣрность притязаній. Онъ, въ концѣ концовъ, *только этотъ психическій подъемъ*—устрашилъ власть: каковы были дѣйствительныя силы революціи, знаетъ всякій». Это былъ «электрическій ударъ, молніей освѣтившій Россію, показавшій все величіе братскихъ чувствъ и всю бездну незрѣлости, въ которой находилась страна,—и, что бы потомъ ни говорили, начавшій въ исторіи родины новую эпоху». Этотъ порывъ, какъ и всякій порывъ, не могъ не быть мгновеннымъ и, истративъ свою силу, смѣнился «новой, острой и» нѣсколько больной струей жизни, когда кажется, что нѣчто отжито. когда склонны къ разочарованіямъ, гонятся за ощущеніями, *маленькой* любовью, и надъ всѣмъ усталымъ и опустошеннымъ, виситъ девизъ: «carpe diem». На смѣну неустойчивой, но пророческой юности выступили «незыблемые устои» исторической дряхлости. Незыблемые, какъ могильные камни. Но вѣдь и на могильныхъ плитахъ сабинскихъ царей подъ Капиталійскимъ холмомъ выросли впослѣдствіи колонны республиканскаго Форума...

Такъ мчится потокъ жизни въ романѣ Зайцева, то радостно творческій, то трагически гнетущій сердце, принимаетъ душа его дары и удары—и сколь больше ударовъ, чѣмъ даровъ. Но безпредѣльны скрытыя въ жизни и въ духѣ возможности. И та же сила которая распинаетъ Богочеловѣка, дѣлаетъ Его язвы символомъ вѣчной побѣды духа надъ страданіемъ и смертью...

Я остановился лишь на нѣкоторыхъ чертахъ романа Бориса Зайцева, и то, о чемъ я не успѣлъ сказать, не менѣе вдумчиво и содержательно, чѣмъ то, о чемъ я сказалъ. Но всего исчерпать нельзя: Зайцевъ заставляетъ читателя останавливаться то въ раздумьи, то въ восторгѣ чуть не надъ каждой деталью своего чудеснаго созданія.

Нѣчто общее съ умиленно-примирительнымъ отношеніемъ къ жизни, такъ типичнымъ для Бориса Зайцева, чувствуется мнѣ и въ томъ разрѣшеніи жизненныхъ бореній, которое даетъ напечатанная въ «Русской Мысли» повѣсть О. П. Руновой: «Лунный свѣтъ».

Г-жа Рунова—не новичекъ. Если не ошибаюсь, ея подпись

встрѣчалась въ журналахъ уже давно, а года два тому назадъ она выпустила отдѣльный сборникъ своихъ разсказовъ подъ заглавіемъ: «Летящія тѣни». Но все, что она писала до сихъ поръ, не привлекало особенно пристальнаго вниманія. Послѣдняя же повѣсть г-жи Руновой положительно интересна, представляя какъ бы окончательное раскрытіе одной изъ темъ, занимавшихъ писательницу уже и ранѣе и намѣчавшихся ею въ различныхъ варіантахъ.

Въ разсказахъ г-жи Руновой, проникнутыхъ лиризмомъ, искреннимъ и острымъ по переживанію, но далеко не всегда умѣющимъ найти для себя достаточно яркую и свободную отъ условностей форму выраженія, много жуткой горечи; источникъ ея—въ противорѣчіи между требованіями чуткой, красивой, но не сильной, пассивной души и тѣмъ тягостнымъ калѣченьемъ жизни, которое на каждомъ шагу создается условіями нашего быта. Два результата этихъ условій особенно глубоко поражаютъ героинъ г-жи Руновой: положеніе крестьянъ и положеніе женщины.

Вотъ дѣвочка, дочь помѣщика (разсказъ «Они») случайно подслушала тоску крестьянина по его загубленной жизни, его отчаяніе, его ненависть къ «панскому племени», «заѣдающему» вѣкъ его и его дѣтей,—и останавливается, пораженная. «Сознаніе тяжелой вины наваливалось на мои дѣтскія, дрожащія плечи. Непобѣдимая жалость врѣзывалась въ смятенную душу и ложилась на нее неизгладимыми, огненными чертами. Я въ первый разъ поняла, кто «они», и кто я». Эта тяжесть будетъ давить плечи барышни всю жизнь; она должна что-нибудь сдѣлать для «нихъ», она должна загладить вѣковую неправду, подойти къ «нимъ», побѣдить эту бездну справедливой ненависти. И она пойдетъ, но не найдетъ пути черезъ бездну къ ихъ сердцамъ, окажется безсильной сломить ихъ вѣками воспитанное недовѣріе и злобу. Какъ бы ни отдавалась она на служеніе «имъ», но она всегда окажется, не только въ ихъ сознаніи, но и въ своемъ смутномъ и жуткомъ внутреннемъ чувствѣ, связанною какой-то проклятой тайной связью съ тѣми, кто сейчасъ производитъ экзекуціи надъ взбунтовавшимися противъ своей лютой доли крестьянами, и кто для нея безмѣрно отвратителенъ, какъ все грубое и гнусное. Ей ничего не останется, какъ только уѣхать изъ деревни, и потомъ она увидитъ «ихъ» только издалека, въ окружномъ судѣ или за рѣшеткой арестантской камеры на пароходѣ, и до нея донесется укоръ, сказанный съ «безысходной грустью»:

— Хорошо тебѣ раскатываться-то!..

А вотъ другая сфера жизни. Разсказъ «Неправда». Молодая, жаждущая счастья и радости дѣвушка принуждена тяжелой работой поддерживаетъ мать и младшихъ братьевъ. Неслышно проходятъ годы,

надвигается старость,—и безвозвратно уходятъ мечты. Суровая дѣйствительность глядитъ ей прямо въ глаза. «Она была обобрана, ограблена. Пропала жизнь. Единственная, никогда, никогда не повторяющаяся... Проклято то общество, въ которомъ матери и младшіе братья, чтобы они могли жить, должны вонзать зубы въ живое тѣло дочери и сестры; то общество, въ которомъ мужчины не могутъ имѣть семьи и размножаютъ публичные дома... Будь прокляты путы, лежащія на женщинѣ, рабскіе кандалы, сковывающіе все ея тѣло и душу»...

Но трагедія не разрѣшается и въ томъ случаѣ, когда дѣвушка своевременно встрѣтила мужчину, который захотѣлъ и смогъ «имѣть семью», и стала его женой. Этотъ варіантъ г-жа Рунова затронула въ разсказѣ «Пастораль», взявъ матеріаломъ для художественнаго опыта мѣщанскія убогія души. Тотъ же варіантъ, но уже въ болѣе интеллигентной обстановкѣ, съ гораздо большей психологической полнотой и глубиной и съ весьма ощутительнымъ прогрессомъ въ художественной техникѣ, изслѣдуется ею въ «Лунномъ свѣтѣ».

Семейная женщина подъ сорокъ лѣтъ, одаренная красивымъ, сильнымъ, устойчивымъ тѣломъ и полнозвучной, многострунной душой, оглядывается на прожитую жизнь. Въ дѣтствѣ и юности она полна была сказочныхъ грезъ и предчувствій, огромныхъ и прекрасныхъ. Драгоцѣнныя творческія возможности были заложены въ ней, но онѣ не пригодились: потребовалась жена, мать, хозяйка; жизнь размѣнялась на бытъ, индивидуальность подогнулась подъ шаблонъ, захирѣла, исказилась,—и въ результатѣ обезсилѣла настолько, что тѣ самыя цѣли, ради которыхъ она самоотрекалась и насиловала себя, оказалось ей не по плечу. Заботы о внѣшнемъ, матеріальномъ, ставъ основной цѣлью семейнаго союза, вытѣснили изъ него духовную подоснову, превратили его въ бездушную, неживую, внутренне безсильную и бездѣйственную форму, въ источникъ огрубѣнія и разврата. Этотъ внутренній распадъ, эту ложь семьи, при сохраненіи общепринятыхъ формъ, рисуетъ г-жа Рунова съ полной правдивостью и той простотой, которая безмѣрно сильнѣе потрясаетъ, чѣмъ всякія мелодраматическія подчеркиванія и усугубленія. Яркой антитезой къ этому скудному, пошлому семейному быту встаетъ картина огромнаго, всю душу захватывающаго чувства, которое овладѣваетъ героиней повѣсти уже на закатѣ ея жизни. Для передачи этой вечерней влюбленности, безкорыстной и неразделенной, для выраженія всѣхъ сложныхъ перебоевъ чувства, переживаемыхъ Еленой Всеволодовной, отъ ослѣпительной радости до бездны отчаянія, г-жа Рунова умѣетъ найти свои слова, свои образы, трогательные и вѣрно говорящіе, часто неожиданные и тѣмъ болѣе

краснорѣчивые. Совсѣмъ не шаблонно, какъ-то по своему, хотя опять-таки совсѣмъ просто и естественно, построена и вся линія, по которой развиваются перипетіи повѣсти, самая ея фабула. Превосходенъ и заключительный аккордъ, сливающій въ единую гармонію «безмѣрную скорбь и безграничное счастье» и звучащій хвалой любви и жизни. Трагедія чуткой женской души, поруганной унизительной властью быта, находитъ тутъ свое разрѣшеніе—не въ объективной побѣдѣ надъ бытомъ, который остается непоколебленнымъ, а въ субъективномъ, внутреннемъ освобожденіи ея, разъ она, несмотря на весь внѣшній гнетъ, можетъ пережить чувство, до дна вскрывающее ея силы, и сохранить это потаенное сокровище до конца дней своихъ.

Подавляющее большинство современныхъ писателей отличаются, такъ сказать, статичностью дарованія. Они выходятъ въ жизнь съ нѣкоторымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, запасомъ идей и образовъ, обнаруживаютъ ихъ сразу же и полностью въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, а затѣмъ, неспособные къ дальнѣйшему внутреннему росту, продолжаютъ повторять то же самое во все болѣе и болѣе слабыхъ, разжиженныхъ и омертвленныхъ варіантахъ. Наша писательница, наоборотъ, уже значительно продвинулась впередъ по сравненію съ своими болѣе ранними опытами. Двинется ли она еще дальше, предсказать трудно: лирическія дарованія въ этомъ отношеніи не особенно надежны.

С. Адріановъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— И. И. Замотинъ. Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая. 1846—1881. Варшава, 1913. Стр. III+333. Ц. 2 р.

Авторъ настоящей книги предпринялъ систематическій пересмотръ сужденій русской критики о Достоевскомъ, давно необходимый для болѣе точнаго опредѣленія отношеній къ великому писателю русской критики въ ея цѣломъ, а съ нею и всего русскаго общества. Отдѣльныя сужденія ея могутъ быть грубо ошибочны и случайны, но въ цѣломъ голосъ критики является выраженіемъ коллективнаго мнѣнія, съ которымъ необходимо серьезно считаться. При изученіи этого коллективнаго мнѣнія раскрываются, съ нѣкоторою неожиданностью, весьма цѣнныя данныя для характеристики

общественнаго и литературно-критическаго сознанія въ данный моментъ, для сужденій о развитіи и ростѣ самого писателя и его литературной манеры. Своею работою г. Замотинъ сдѣлалъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу о Достоевскомъ, конечно, не идущій въ сравненіе съ случайными сборниками критическихъ статей, какихъ не мало имѣется на книжномъ рынкѣ о различныхъ писателяхъ. Въ обзорѣ не упущено, сколько мы могли замѣтить, ничего существеннаго изъ обширной критической литературы о Достоевскомъ. Болѣе интересныя и своеобразныя статьи, хотя бы мало извѣстныхъ и забытыхъ критиковъ, статьи, иногда трудно находимыя, цитируются мѣстами весьма подробно. Въ сводкѣ г. Замотина всплываютъ многія забытыя сужденія объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, необыкновенно характерныя для даннаго момента общественности. Такъ, книга напоминаетъ, напр., что «Записки изъ Мертваго Дома» были поводомъ къ ряду замѣтокъ, имѣвшихъ въ виду прежде всего чисто практическую цѣль реформы каторги, картина которой въ запискахъ Достоевскаго возбуждала живо чувства ужаса и негодованія. Чрезвычайно интересно для характеристики момента, напр., и все то, что говорилось въ печати по поводу знаменитой рѣчи Достоевскаго на пушкинскомъ празднествѣ. Напрасно только г. Замотинъ не дешифровалъ здѣсь все то, что дальними намеками говорилось о необходимости для Россіи въ первую очередь свободныхъ общественно-политическихъ учрежденій, о «скитальцахъ» русской интеллигенціи, подъ которыми разумѣлись иными критиками—революціонеры, и пр. Критика Достоевскаго, въ итогѣ выводовъ автора, была въ то же время страженіемъ основныхъ борющихся настроеній и идей русскаго общества. При этомъ была подробно выясняема вся идеологія Достоевскаго, и самъ онъ разносторонне освѣщенъ, какъ художникъ въ его пріемахъ творчества. Вопреки ходячему теперь мнѣнію, что Достоевскій въ свое время не былъ «понятъ», г. Замотинъ находитъ не безъ основанія, что вся его идеологія нашла еще при жизни «содержательное и иногда даже глубокое истолкованіе». При этомъ критикою были установлены «тѣ общепріемлемые, нейтральные пункты въ его идеалѣ, на которыхъ сходились представители различныхъ направленій общественной мысли и которые составляютъ неоспоримо цѣнную часть идейнаго наслѣдства, оставленнаго Достоевскимъ».

Общій итогъ мнѣній критики объ особенностяхъ художественной манеры Достоевскаго сводится авторомъ къ слѣдующей любопытной, заслуживающей особаго вниманія, формулѣ: «въ художественномъ творчествѣ Достоевскаго должны быть изучаемы не столько цѣлыя художественныя творенія, длительныя и развитыя драмати-

ческія дѣйствія, широкія картины жизни, сложные характеры и образы, сколько отдѣльные художественно-психологическіе этюды, эскизы, эпизоды, главы, миніатюры, разбросанные по его романамъ и другимъ произведеніямъ, и заключающіе въ себѣ детальную работу художника-психолога надъ той или другой изъ его величавыхъ идей, надъ тѣмъ или другимъ, попавшимъ въ поле его наблюденій, явленіемъ душевной жизни, массовой или индивидуальной; совокупность такихъ отдѣльныхъ изученій, посвященныхъ небольшимъ самостоятельнымъ частямъ творческой работы писателя, дастъ возможность историку литературы построить въ цѣломъ видѣ какъ собственную идеологію писателя, такъ и тѣ сокровенныя глубины человѣческой психики, которыя онъ пытался озарить свѣтомъ своего идеала». Это было, по мнѣнію г. Замотина, какъ бы завѣщаніемъ для посмертной критики Достоевскаго, которая должна быть представлена въ дальнѣйшемъ обзорѣ критической литературы объ авторѣ «Братьевъ Карамазовыхъ». Новѣйшая критика о Достоевскомъ (г. Переверзевъ) стала очень высоко цѣнить не только отдѣльные статическіе моменты его творчества, но также и общую динамику его произведеній, полныхъ своеобразной и необыкновенно интенсивной жизни и стремительнаго движенія, въ чемъ современники не успѣли, видимо, разобраться, подавленные и ошеломленные грандіозностью его творчества. Выхода второй части книги г. Замотина можно ожидать съ интересомъ. Указатель именъ, приложенный къ книгѣ, облегчаетъ возможность справокъ, но, кромѣ собственныхъ именъ писателей, въ него слѣдовало бы включить также и заглавія упоминаемыхъ въ книгѣ произведеній Достоевскаго, и имена разбираемыхъ героевъ и типовъ.—Желательно было бы также дополнить обзоръ критическихъ отзывовъ тѣми, которые разсѣяны въ перепискѣ многихъ современниковъ Достоевскаго. Не слишкомъ многочисленные отзывы эти иногда выражаютъ сказанное въ печати тѣмъ или другимъ критикомъ съ недомолвками—рѣзче и сильнѣе. Таковы, напр., отзывы въ письмахъ Бѣлинскаго. Отзывы Тургенева, ничего не печатавшаго о Достоевскомъ, Льва Толстого и др., конечно, также стоили бы особаго вниманія въ полномъ обзорѣ критическихъ мнѣній о Достоевскомъ.

— Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. С.-Петербургъ, 1913. Книгоиздательство «Огни». Стр. VII+174. Цѣна 1 р. 25 к.

Дневникъ сестры знаменитыхъ славянофиловъ, Константина и Ивана Аксаковыхъ, не представляетъ новости. Онъ былъ почти пол-

ностью опубликованъ въ журналѣ «Минувшіе Годы» за 1908 годъ. Вступленіе къ отдѣльному изданію говоритъ о «значительныхъ сокращеніяхъ», сдѣланныхъ въ журнальной редакціи. Взявъ на себя трудъ сравнить оба текста, мы убѣдились, что если сокращенія были мѣстами значительны по объему, то нельзя сказать того же о содержаніи пропущенныхъ мѣстъ. Въ дневникѣ было выпущено на разныхъ страницахъ лишь по нѣскольку строкъ, содержащихъ намеки на столкновенія между Иваномъ Аксаковымъ и его семейными; извѣстно, что Иванъ Аксаковъ до шестидесятыхъ годовъ далеко не былъ солидаренъ въ своихъ взглядахъ со старшимъ братомъ; затѣмъ выпущены немногія рѣзкія выраженія о высокопоставленныхъ лицахъ и совершенно мелкія подробности домашней жизни (видѣли того-то, былъ тотъ-то—ничѣмъ незамѣчательные люди); опущено было и изложеніе нѣкоторыхъ писемъ Ивана Аксакова, какъ опубликованныхъ давно полностью. Новостью въ дневникѣ за 1855 годъ являются обширныя, но весьма мало интересныя собственныя разсужденія автора дневника о внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи съ европейскими державами, слухи о ходѣ дѣлъ въ осажденномъ Севастополѣ, разсужденія, часто очень наивныя, о причинахъ его сдачи (много разъ повторяется подозрѣніе объ «измѣнѣ» и предательствѣ то Нессельроде, то Горчакова) и т. п.

Въ общемъ, отдѣльное изданіе дневника Аксаковой въ полномъ видѣ ничего къ общественному содержанію его не прибавило. Оцѣнка этого содержанія уже по достоинству сдѣлана послѣ перваго выхода дневника въ свѣтъ: дневникъ передаетъ очень рельефно тревоги и колебанія общественнаго настроенія въ концѣ царствованія Николая I и началѣ новаго царствованія; онъ является показателемъ, до какой степени уронила себя въ общественномъ мнѣніи вся николаевская система, и даетъ много матеріала для характеристики семьи Аксаковыхъ.

Въ предисловіи къ книгѣ еще читаемъ: «Отражая ярко и полно своеобразную и привлекательную личность автора, дневникъ позволяетъ вписать новую страницу въ исторію русской женщины», и далѣе приводится характеристика ея, сообщенная ея племянницей. Именно яркаго выраженія личности автора, мы, однако, не нашли въ дневникѣ. Дѣло въ томъ, что весь дневникъ носитъ чисто «внѣшній» характеръ. Онъ относится къ тому времени, когда Вѣра Сергѣевна, въ возрастѣ 35—36 лѣтъ, совершенно отказалась уже отъ мечты о личной женской жизни, и ушла, съ одной стороны, въ религіозность, о которой мы знаемъ по дневнику только внѣшнюю сторону: посѣщеніе съ маменькой церквей, посты и пр.,—съ другой—въ міръ общественныхъ интересовъ. Но она повторяетъ, рабски

большей частью, мнѣнія старшаго брата, и если чѣмъ своеобразна, то исключительно прямолинейностью фанатика, съ какою осуждаетъ—иногда пуская то осла, то подлеца—не нравящихся ей людей, подозрѣвая «измѣну» и пр.—Въ приложеніи напечатаны замѣтки В. С. Аксаковой о послѣднихъ встрѣчахъ съ Гоголемъ, также уже появившіяся въ «Минувшихъ Годахъ». Къ книгѣ приложено нѣсколько новыхъ портретовъ-рисунковъ—автора дневника и ея родителей; имѣется и указатель именъ.

Ч. В—ій.

— Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, подъ редакціей Н. И. Коробки, въ 9 т. Изданіе т—ва «Дѣятель». Т.т. I—III. СПБ. 1912—1913 Ц. за все изд. 15 р. 75 к.

До самаго послѣдняго времени у насъ, за малымъ исключеніемъ, не было сколько-нибудь хорошихъ изданій сочиненій даже самыхъ видныхъ и замѣчательныхъ писателей, а тѣмъ болѣе второстепенныхъ. Сочиненія такихъ писателей, какъ, напримѣръ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, до сихъ поръ издаются безъ редакторовъ, изученіе ихъ текста даже еще не началось. Цѣлый рядъ другихъ писателей, хотя и изданы подъ наблюденіемъ редакторовъ, но очень плохо: редакторы, своеобразно понимая свои задачи, считали себя вправѣ выбрасывать тѣ или иныя произведенія, соединять отрывки изъ нихъ въ одно цѣлое, самовольно исправлять авторскій текстъ, вносить въ окончательную редакцію варіанты первоначальныхъ, придумывать заглавія произведеній и т. п. Извѣстны и такіе случаи, когда редакторы выдавали текстъ за провѣренный по рукописямъ, хотя на самомъ дѣлѣ этой провѣрки не производилось. За послѣднее время у насъ начали обращать все болѣе и болѣе вниманія на изслѣдованіе текста писателей, стали появляться одинъ за другимъ серьезныя изданія ихъ сочиненій, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ забота объ установленіи точнаго и правильнаго ихъ текста. Это—очень отрадное, знаменательное явленіе, заслуживающее быть отмѣченнымъ, обѣщающее благотворно отразиться на изученіи исторіи русской литературы, подвести подъ нее болѣе прочныя, научныя основанія; изслѣдованіе текста писателей, установленіе его, хорошія изданія ихъ сочиненій являются тѣмъ непремѣннымъ фундаментомъ, на которомъ только и можетъ строиться серьезное изученіе ихъ творчества, въ которомъ заключается залогъ успѣшности этого изученія. Вышедшія въ послѣднее время новыя изданія сочиненій писателей не равноцѣнны по качеству работъ редакторовъ, въ нихъ примѣнены различные методы, обнаруживается еще неустойчивость въ методологическомъ отношеніи, иногда имѣются крупные

недостатки, но они важны какъ опыты, которые даютъ цѣнный матеріалъ для построенія, пока еще такъ мало разработанной, методологіи изученія текста, для выработки единыхъ принциповъ въ этой важной области. Среди этихъ появившихся за послѣднее время изданій, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія въ методологическомъ отношеніи изданіе сочиненій Гоголя подъ редакціей Н. И. Коробки, въ девяти томахъ, изъ которыхъ пока вышло три.

Какъ извѣстно, самымъ лучшимъ изъ изданій Гоголя считается 10-е, вышедшее въ 1889 г. подъ редакціей Тихонравова, законченное въ 1896—1897 г.г. Шенрокомъ. Это изданіе было признано сразу же настолько авторитетнымъ, установившимъ окончательно Гоголевскій текстъ, что провѣрка работы Тихонравова и Шенрока признавалась излишней редакторами послѣдующихъ изданій, которые ограничивались простой перепечаткой Тихонравовскаго изданія, причемъ текстъ его подвергался въ той или иной мѣрѣ сокращеніямъ, иногда же и искаженію. Такимъ образомъ, Тихонравовское изданіе попрежнему оставалось наиболѣе полнымъ и лучшимъ. Оно съ каждымъ годомъ стало появляться въ продажѣ все рѣже и рѣже, и теперь купить его довольно трудно. Послѣ выхода этого изданія появилось довольно значительное количество новыхъ матеріаловъ о Гоголѣ, оставшихся недоступными или неизвѣстными Тихонравову и Шенроку. Кромѣ того, недавно Г. П. Георгіевскій («Памяти Жуковскаго и Гоголя», изд. Академіи Наукъ, СПБ. 1908—1909), просмотрѣвшій Гоголевскія рукописи, бывшія въ рукахъ Тихонравова и Шенрока, обнаружилъ, что онѣ не были вполнѣ использованы ими, что они прошли мимо довольно цѣннаго матеріала. Все это дѣлало очереднымъ появленіе новаго серьезнаго изданія Гоголя, въ которомъ была бы критически провѣрена вся работа Тихонравова и Шенрока, использованы матеріалы, какъ бывшіе въ ихъ распоряженіи, но оставленные ими безъ вниманія, такъ и опубликованные послѣ выхода ихъ изданія.

Опытъ въ этомъ направленіи былъ уже сдѣланъ В. В. Каллашемъ, выпустившимъ въ 1908—1909 г.г. довольно хорошее изданіе Гоголя. В. В. Каллашъ, положивъ въ основу своего изданія Тихонравовскій и Шенроковскій текстъ, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ отнесся къ нему критически, въ виду чего его изданіе не удовлетворяло вполнѣ создавшейся потребности провѣрить всю работу Тихонравова и Шенрока. Это впервые сдѣлано теперь Н. И. Коробкою, который очень серьезно отнесся къ Гоголевскому тексту, подвергнулъ его тщательному изученію и критически провѣрилъ текстъ Тихонравова и Шенрока, давъ ему серьезную оцѣнку въ методологическомъ отношеніи. Въ этомъ заключается главнѣйшее

историко-литературное значеніе изданія Н. И. Коробки. Въ изданіи сочиненій писателя самое главное—методологическая сторона, тѣ методы, которые примѣнены редакторомъ къ изслѣдованію и установленію текста. Большинство редакторовъ уклоняются отъ точнаго формулированія своихъ методовъ, не даютъ общаго критическаго обзора текста редактируемаго писателя, что сразу же дало бы возможность составить представленіе о степени критическаго отношенія редактора къ этому основному вопросу, о качествѣ изданія съ методологической точки зрѣнія. Въ противоположность многимъ другимъ редакторамъ, Н. И. Коробка прежде всего даетъ въ своемъ изданіи небольшой, но содержательный, являющійся, несомнѣнно, продуктомъ долгаго и внимательнаго изученія Гоголя, обзоръ его текста, суммируя въ немъ результаты своей работы надъ изслѣдованіемъ Тихонравовскаго изданія, точно и опредѣленно формулируя примѣненные методы. Гоголевскій текстъ имѣетъ много особенностей, и поэтому всесторонне оцѣнить методы Н. И. Коробки, дать подробную критику текста его изданія можетъ только спеціально изучавшій Гоголевскій текстъ, но и неспеціалисты въ этой области могутъ видѣть, что эти методы хорошо продуманы редакторомъ, что имъ въ общемъ правильно поставленъ методологическій вопросъ, что онъ подошелъ къ установленію Гоголевскаго текста съ необходимой въ научномъ изслѣдованіи осмотрительностью и осторожностью. Вездѣ очень серьезно относясь къ своимъ задачамъ, примѣняя обдуманные методы, Н. И. Коробка, къ сожалѣнію, иногда отступаетъ отъ принциповъ научнаго изданія сочиненій писателей, требующихъ непосредственной провѣрки редакторомъ каждаго текста, независимо отъ того, какъ бы хорошо въ отношеніи тщательности работы ни зарекомендовалъ бы себя издатель, напечатавшій впервые этотъ текстъ. Такъ, Н. И. Коробка напечаталъ нѣкоторыя произведенія, опубликованныя Г. П. Георгіевскимъ въ упомянутой выше работѣ, безъ провѣрки по подлиннымъ рукописямъ, по тексту, данному Г. П. Георгіевскимъ, хотя рукописи эти вполнѣ доступны всякому изслѣдователю.

О полнотѣ изданія Н. И. Коробки судить еще нельзя, такъ какъ оно не закончено, но уже три вышедшихъ тома по своему составу полнѣе предыдущихъ изданій. Отдѣлъ варіантовъ въ изданіи довольно обширенъ, но въ этомъ отношеніи изданіе не полно, въ немъ приведены только важнѣйшіе. Въ изданіи сочиненій Гоголя желательна наибольшая полнота варіантовъ, такъ какъ у него большинство ихъ въ томъ или иномъ отношеніи интересны для характеристики его своеобразной творческой работы и оригинальныхъ художественныхъ пріемовъ, цѣнны для изученія его языка.

Поэтому нельзя не пожалѣть, что въ отношеніи вариантовъ разсматриваемое изданіе не полно, такъ какъ это уменьшаетъ его научное, историко-литературное значеніе. Но, несмотря на все это, изданіе Н. И. Коробки, по своей серьезности, по методологической постановкѣ текстуальныхъ вопросовъ является цѣннымъ вкладомъ и ему должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи изученія Гоголевскаго текста.

Въ настоящее время къ изданіямъ сочиненій писателей предъявляется требованіе, чтобы они не только давали критически установленный, точный авторскій текстъ, но являлись бы одновременно и матеріаломъ для изученія писателя, были бы богато комментированы. Въ этомъ отношеніи изданіе Н. И. Коробки уступаетъ, напримѣръ, академическимъ изданіямъ Кольцова, Лермонтова, Грибоѣдова, но, всетаки, даетъ цѣнные комментаріи, въ которыхъ редакторъ проявилъ хорошее знаніе Гоголевской исторіографіи: въ изданіи помѣщенъ общій очеркъ жизни и творчества Гоголя, библіографическій указатель, хронологическая канва, статьи о каждомъ крупномъ циклѣ произведеній Гоголя и примѣчанія. Въ этихъ статьяхъ и примѣчаніяхъ данъ разнообразный, цѣнный историко-литературный и текстуальный матеріалъ. Не вполнѣ удовлетворяетъ общій очеркъ жизни и творчества Гоголя. Отъ Н. И. Коробки, какъ одного изъ видныхъ у насъ знатоковъ Гоголя, можно было ожидать больше, чѣмъ онъ далъ въ этомъ очеркѣ. Не удовлетворяетъ также и библіографическій указатель. Мы не требуемъ отъ него хотя бы относительной полноты, принимая во вниманіе, что цѣль его, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ, — облегчить лишь читателю первые шаги къ серьезному изученію Гоголя. Но даже становясь на эту точку зрѣнія, нельзя было не отмѣтить, напримѣръ, полезной именно въ этомъ отношеніи книги В. В. Каллаша: «Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ» (М., 1909). Съ пропускомъ въ библіографическомъ указателѣ цѣлаго ряда важныхъ въ какомъ-либо отношеніи работъ о Гоголѣ можно было бы примириться, если бы, съ цѣлью помочь читателю, были бы указаны всѣ тѣ труды, въ которыхъ онъ самостоятельно могъ бы найти перечень литературы о Гоголѣ, но и здѣсь пропущено такое важное библіографическое пособіе, какъ «Источники словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова, въ которыхъ данъ подробный перечень Гоголевской литературы до 1900 г. Нельзя было также не отмѣтить хаотической, несовершенной, но, все-таки, безусловно полезной библіографической работы А. Лебедева — «Поэтъ-христіанинъ. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ» (Саратовъ, 1911).

А. Фоминъ.

— С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Писатель-гражданинъ—Гоголь. Изд.-во «Прометей». Спб. 1913 г.

Во второй томъ сочиненій С. А. Венгерова вошли его этюды о Гоголѣ, частью издававшіеся уже, частью появляющіеся впервые. Въ первомъ изъ очерковъ: «Писатель-гражданинъ», авторъ подходитъ къ Гоголю съ своей обычной, вообще свойственной ему въ исторіи русской литературы точки зрѣнія. Гражданственность и учительство, вѣрность общественнымъ прогрессивнымъ завѣтамъ и традиціямъ, это—красная нить, проходящая у С. А. Венгерова черезъ всю нашу литературу; въ этомъ онъ видитъ ея силу, главное значеніе и «очарованіе». Вотъ почему для него особенно важно установить ту же красную нить въ творчествѣ Гоголя и признать его родоначальникомъ русской литературной гражданственности. «Задача настоящаго этюда—говоритъ С. А. Венгеровъ—извлечь изъ писемъ Гоголя, столь тщательно изданныхъ В. И. Шенрокомъ, новыя доказательства того, что духовное существо Гоголя было прямо переполнено гражданскими стремленіями и при томъ вовсе не такъ безсознательно, какъ обыкновенно принято думать»... Значеніе Гоголя для русской литературы, по С. А. Венгерову, очень велико, едва ли не больше Пушкина. «Великій представитель великаго народа, Гоголь выразилъ въ своей тоскѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи самосознанія этого народа. Будь его тоска его личнымъ недугомъ, или свойствомъ,—онъ бы ею никого не заразилъ, а если бы кого и заразилъ, то къ невыгодѣ. Но на самомъ дѣлѣ гоголевская тоска по общественномъ и нравственномъ совершенствѣ, подъ конецъ разошедшаяся съ лучшею частью общества въ путяхъ достиженія, но не въ силѣ и свойствахъ самого порыва, явилась творческимъ началомъ всей послѣдующей русской литературы»... Сопоставляя дальше пушкинское и гоголевское начало (по поводу спора, отъ кого пошла русская литература: отъ Пушкина или отъ Гоголя) С. А. Венгеровъ повидимому считаетъ гоголевское начало не только равноцѣннымъ пушкинскому, но и болѣе вліятельнымъ въ русской литературѣ, болѣе соотвѣтствующимъ ея основному духу. («Новѣйшая русская литература, съ ея «святымъ недовольствомъ», съ ея лихорадочной порывистостью, не могла пойти отъ Пушкина»). Новая критика, не считающая возможнымъ свести все значеніе русской литературы къ ея гражданственности, врядъ ли согласится съ С. А. Венгеровымъ въ томъ, что «тоска по идеалу» является основнымъ, исчерпывающимъ мотивомъ русской литературы, и едва ли признаетъ *частное* гоголевское начало равноцѣннымъ *общему*—пушкинскому... Но присущую ему точку зрѣнія С. А. Венгеровъ защищаетъ очень убѣдительно и обстоятельно, давая по-

путно множество интереснаго матеріала для характеристики Гоголя и его драмы. Между прочимъ, С. А. Венгеровъ первый, съ спокойною объективностью и безстрастіемъ историка взглянулъ на «Переписку съ друзьями». Въ его глазахъ это документъ большой искренности и весьма знаменательный, ярко отражающій эпоху 40-хъ годовъ, хотя и въ «кривомъ зеркалѣ». «По существу авторъ не только не остался глухъ къ голосу времени, а чрезвычайно ярко отразилъ всю его тревогу, всѣ, какъ тогда осторожно выражались, «филантропическія» настроенія. Но отразилъ,—какъ отражаетъ кривое зеркало»... По мнѣнію С. А. Венгерова «какъ ни уродливо-нелѣпы предлагаемые «Перепискою» рецепты врачеванія общественныхъ ранъ, но тутъ все-таки была настоящая программа активнаго общественнаго «добротолюбія». И съ этой точки зрѣнія «Переписка» одно изъ самыхъ яркихъ проявленій русской «гражданской» мысли». Всѣ комментаріи и соображенія С. А. Венгерова отличаются тонкостью и значительностью, заставляя проникать въ глубину предмета. Уже одинъ этотъ первый этюдъ, несмотря на нѣкоторую свою тенденціозность, дѣлаетъ книгу С. А. Венгерова серьезнымъ вкладомъ въ литературу о Гоголѣ.

Однако этотъ «старый» Гоголь С. А. Венгерова невольно блѣднѣетъ и отступаетъ передъ тѣмъ другимъ живымъ Гоголемъ, который вырисовывается на страницахъ его второго очерка: «Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни». Уже самый протестъ авторитетнаго критика противъ шаблоновъ и мертвыхъ этикетокъ, загромоздившихъ нашу литературу, знаменателенъ и заслуживаетъ сочувствія. Конечно, всякій сознательный читатель Гоголя, вдумавшись, едва ли назоветъ его «реалистомъ», однако, рутинныя опредѣленія, въ родѣ «великій реалистъ», «глава натуралистической школы» и пр. все же впитываются въ душу съ дѣтства и мѣшаютъ самокритикѣ. Поэтому заглавный тезисъ С. А. Венгерова для многихъ будетъ открытіемъ. Въ первомъ очеркѣ у С. А. Венгерова всѣ опредѣленія Гоголя отличаются абстрактностью и при томъ тенденціозно бьютъ въ одну точку. «Гоголь принадлежалъ къ самымъ экстатическимъ натурамъ своего времени»... «По психологическому рисунку своему, это былъ настоящій монахъ, угрюмый, серьезный, всегда отданный думамъ высшаго порядка». Здѣсь же, во второмъ этюдѣ такихъ категорическихъ характеристикъ читатель не встрѣтитъ, но за то въ этихъ страницахъ онъ почувствуетъ подлиннаго сложнаго Гоголя съ его загадочной душой, жаждущей творчества, Гоголя, который гипнотизируетъ силой изобразительности и яркостью красокъ, заставляетъ принимать свои уродливыя сказки и шаржи за быль. Это—прежде всего Гоголь-южанинъ, *украинецъ*, не знавшій

«Великой Россіи» и глядѣвшій на нее глазами «иностранца». Во взглядѣ на ту важную роль, которую сыграло въ творчествѣ Гоголя его малорусское происхожденіе и «малороссійское міроотношеніе», С. А. Венгеровъ высказываетъ совершенно особый взглядъ, расходящійся съ большинствомъ изслѣдователей Гоголя, которые видятъ въ немъ только писателя общерусскаго. Въ небольшой главѣ: «Россія и Малороссія въ изображеніи Гоголя» С. А. Венгеровъ говоритъ: «Достоевскій говоритъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» о человѣколюбцѣ, который любилъ все человѣчество, но не любилъ людей въ отдѣльности. Про Гоголя можно опредѣленно сказать, что онъ горячо и пламенно любилъ Россію въ цѣломъ, но совершенно не любилъ ни русскихъ людей, ни русской природы. А вотъ для Малороссіи, для малорусскаго быта, для малорусской природы, звѣроподобнаго Тараса Бульбы Гоголь имѣлъ въ сердцѣ своемъ неизсякаемый родникъ любви и снисходительности. Украину Гоголь окуталъ поэтическимъ флеромъ, а Россія для него одна лишь мерзость запустѣнія, мертвое царство мертвыхъ душъ»... Чисто малорусская природа «Ревизора» для С. А. Венгерова несомнѣнна. «Провинцію Гоголь, конечно, могъ изобразить только свою родную, миргородскую, нѣжинскую, полтавскую. Тотъ реально-житейскій фонъ, безъ котораго немыслимо даже самое типовое изображеніе, данъ не общерусскою дѣйствительностью, а малорусскою. Конечно, дѣйствіе происходитъ не въ безцвѣтномъ русскомъ уѣздномъ городишкѣ Чухломѣ, а именно въ Нѣжинѣ или даже Миргородѣ, гдѣ сквозь хохлацкую лѣнь и наружное добродушіе опредѣленно пробивается и южная возбужденность. Острой суетливости Добчинскаго и Бобчинскаго, темпераментности четы Сквозникъ-Дмухановскихъ и, вообще, той повышенной нервности, благодаря которой гипнозъ Хлестаковщины такъ блистательно удался, въ обычномъ русскомъ городишкѣ не встрѣтишь». Въ этюдѣ о Гоголѣ-ученомъ С. А. Венгеровъ опровергаетъ, по его мнѣнія, «абсолютно-несправедливую легенду» о научномъ дилеттантизмѣ Гоголя. «Пусть онъ и неудачный историкъ, и еще болѣе неудачный географъ, но интересъ и призваніе къ наукѣ имѣли глубочайшіе корни въ его духовномъ существѣ». Кромѣ того, въ книгѣ С. А. Венгерова подробно разсказанъ эпизодъ столкновенія Бѣлинскаго и Гоголя на почвѣ «Переписки съ друзьями» и приведены въ новой редакціи съ подробными комментаріями письма—Бѣлинскаго къ Гоголю и отвѣтное Гоголя.

Несмотря на разновременность и разнохарактерность этюдовъ С. А. Венгерова о Гоголѣ, книга его отличается обычной внутренней цѣльностью, которая достигается у нашего изслѣдователя сама собой, благодаря его исключительной любви къ русской литературѣ, насквозь проникающей всѣ его труды. Е. Колтоновская.

— Е. Эпштейнъ. Эмиссіонные и кредитные банки въ новѣйшей эволюціи народнаго хозяйства. Спб. 1913.

Авторъ этой брошюры поставилъ себѣ задачей разъяснить, почему господствующая теорія и практика денежнаго обращенія и эмиссіоннаго дѣла, установившаяся при опредѣленныхъ экономическихъ условіяхъ и при сравнительно медленномъ темпѣ промышленнаго развитія, перестала отвѣчать требованіямъ современной хозяйственной жизни, характерными признаками которой являются, съ одной стороны, вліятельная роль банковъ и биржи, съ другой — крайне быстрое накопленіе капиталовъ въ матеріальной формѣ и въ формѣ бумажныхъ цѣнностей разнаго рода. Авторъ хотѣлъ показать, какъ слѣдуетъ бороться съ этимъ несоотвѣтствіемъ. Гигантскій ростъ народно-хозяйственныхъ и финансовыхъ оборотовъ и участвующихъ въ нихъ капиталовъ предъявляютъ такія требованія къ денежному обращенію, которыя не могутъ быть удовлетворены дѣйствующей эмиссіонной системой, основанной на принципѣ выпуска денежныхъ знаковъ въ соотвѣтствіи съ металлическимъ резервомъ эмиссіонныхъ банковъ. Во всѣхъ почти цивилизованныхъ государствахъ періодически повторяются, поэтому, затрудненія при ликвидированіи платежей. Банковые дѣльцы предлагаютъ бороться съ этими затрудненіями мѣрами ограниченія кредитныхъ операцій, биржевой спекуляціи и т. п. Г. Эпштейнъ считаетъ болѣе радикальнымъ средствомъ лѣченія болѣзни упраздненіе эмиссіонной системы, основанной на металлическомъ покрытіи, и замѣну ея системой «выпуска въ экстренныхъ случаяхъ единственно раціональныхъ, абсолютно обезпеченныхъ и автоматически погашающихся денежныхъ знаковъ, покрытыхъ срочными обязательствами безусловно экономическаго происхожденія», не поясняя, какимъ образомъ это могло-бы быть осуществлено въ дѣйствительности и лишь ссылаясь на примѣръ французскаго банка, эмиссіи котораго не ограничиваются, по закону, размѣрами металлическаго фонда. Предлагая французскую систему эмиссіи всѣмъ высокоразвитымъ капиталистическимъ странамъ и ссылаясь на факты идеальнаго выполненія французскимъ банкомъ эмиссіонныхъ операцій, авторъ забываетъ разсмотрѣть естественно возникающую при встрѣчѣ съ этимъ фактомъ мысль—не объясняется-ли безопасность французской эмиссіонной системы тѣмъ, что, по его собственному признанію, торгово-промышленная жизнь Франціи не представляетъ того оживленія и напряженія, какое характерно для другихъ капиталистическихъ странъ, и не повело-ли-бы примѣненіе этой системы въ послѣднихъ странахъ къ нарушенію золотого обращенія? Его аргументація является, поэтому, незаконченной.

— В. Ѳ. Тотоміанцъ. Теорія, исторія и практика потребительной кооперацiи. Изданіе 3-е, совершенно переработанное и значительное дополненное. Спб. 1913.

Потребительная кооперація является одной изъ наиболѣе старыхъ и распространенныхъ въ Россiи и на Западѣ, и новое дополненное изданіе книги В. Ѳ. Тотоміанца по данному предмету прямо отвѣчаетъ, поэтому, настоятельной потребности имѣть новѣйшія свѣдѣнія о развитіи этого учрежденія. Въ книгѣ излагается исторія и современное состояніе потребительныхъ обществъ въ семнадцати цивилизованныхъ государствахъ, а также исторія и организація международнаго кооперативнаго союза (которому почему-то присваивается французское наименованіе «альянсъ»); даются свѣдѣнія объ интересномъ, но малоизвѣстномъ движеніи среди покупателей изъ привилегированнаго общества къ побужденію производителей пріобрѣтаемыхъ ими предметовъ и торговцевъ ими къ созданію сносныхъ условій труда для рабочихъ и приказчиковъ; излагаются различныя теоріи кооперацiи, различныя мнѣнія о политическомъ и классовомъ ея нейтралитетѣ, разсматриваются типы, предѣлы и перспективы потребительной кооперацiи, равно какъ и значеніе потребленія для теоріи политической экономіи и для соціальной политики. Какъ и всѣ вообще сочиненія г. Тотоміанца, эта книга отличается слабостью систематизацiи и обиліемъ описательнаго, подчасъ довольно мелкаго цифроваго и не цифроваго матеріала. При этомъ авторъ широко пользуется выдержками изъ различныхъ источниковъ, не всегда ихъ согласуя, вслѣдствіе чего у него можно, напримѣръ, встрѣтить ссылку «на вторую четверть нынѣшняго столѣтія» (с. 100) не какъ на грядущее, а какъ на прошедшее или отнесеніе къ «послѣднему времени» начала девяностыхъ годовъ (с. 122). Особенно много мѣста отводится исторіи потребительной кооперацiи и описанію отдѣльныхъ, преимущественно болѣе крупныхъ обществъ; сравнительно съ этимъ свѣдѣнія о современномъ положеніи потребительной кооперацiи и цифровая ея характеристика въ большинствѣ случаевъ представляются очень скудными. Такъ напр., 323 русскихъ потребительныхъ общества характеризуются только со стороны числа членовъ, оборота, прибыли и капитала, въ общихъ итогахъ для всѣхъ обществъ (с. 277), и не указываются различія въ этомъ и другихъ отношеніяхъ обществъ разныхъ категорій.

Не ограничиваясь и безъ того обширной задачей, г. Тотоміанцъ отвелъ мѣсто въ своей книгѣ совсѣмъ постороннему предмету — значенію потребленія и его организацiи для теоріи политической экономіи и для соціальной политики. Что могъ дать по этому вопросу авторъ—легко предвидѣть уже потому, что ему отведено всего шесть

страницъ. Теорія, къ тому же, не составляетъ спеціальности г. Тотоміанца, и его заключенія, напр., по теоріи цѣнности основаны чуть-ли не на простомъ недоразумѣніи. Въ общемъ, однако, нельзя не привѣтствовать появленія его труда въ такое время, когда кооперація вообще и потребительная въ частности привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Напрасно къ этой книгѣ, изобилующей цифрами, не приложено листа опечатокъ: наличность ихъ усматривается даже при сравнительно бѣгломъ просмотрѣ.

— Современныя педагогическія теченія. Составили П. Ѳ. Каптеревъ и А. Ф. Музыченко. Москва. 1913.

Предисловіе къ этой книгѣ какъ-будто написано лицомъ, незнакомымъ съ ея содержаніемъ. Книга эта,—говорится въ немъ,—«даетъ характеристику нѣкоторыхъ типичныхъ теченій современной педагогики. При этомъ статья А. Ф. Музыченко останавливается преимущественно на педагогическихъ теоріяхъ, а статья П. Ѳ. Каптерева—преимущественно на *педагогической практикѣ*, какъ она сказалась и сказывается въ постановкѣ нашего начальнаго образованія и средней школы». Непосредственное знакомство съ содержаніемъ книги показываетъ, однако, иное. Статья г. Музыченко трактуетъ, дѣйствительно, о педагогическихъ теоріяхъ, статья-же г. Каптерева посвящена не педагогической, а политическо-административной сторонѣ школьнаго дѣла въ Россіи. Она повѣствуетъ о воскресныхъ школахъ шестидесятыхъ годовъ, о земской и средней школѣ почти исключительно со стороны тѣхъ стѣсненій, какія налагались на образованіе властью, и тѣхъ ограниченій, какія ставились ею земской и общественной иниціативѣ. Авторъ довольно подробно останавливается затѣмъ на движеніи протеста въ началѣ текущаго столѣтія противъ «издавна сложившагося отношенія государства къ народному образованію» и излагаетъ, наконецъ, исторію и современное положеніе вопроса объ обязательномъ и всеобщемъ начальномъ обученіи въ Россіи. Спеціально-педагогической стороны школьнаго дѣла—того, что составляетъ содержаніе статьи г. Музыченко,—г. Каптеревъ не касается; но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что его статья не представляетъ интереса. Напротивъ того, воспроизведеніе прошлыхъ подвиговъ министерства народнаго просвѣщенія въ наши дни усиленныхъ репрессій въ школьномъ дѣлѣ вполнѣ своевременно. Эта тема не подходитъ только къ заголовку разсматриваемаго нами труда.

«Ученикъ—не ваза, которую должно наполнить, но очагъ, который нужно раздуть»: эта фраза изъ другой статьи книги «Современныя педагогическія теченія» могла-бы служить эпиграфомъ къ

обзору теченій въ области педагогической мысли на Западѣ и въ Америкѣ, составляющему содержаніе статьи. Статья эта занимается, впрочемъ, главнымъ образомъ педагогическими теченіями въ Германіи. Начинается она очеркомъ первой серьезной попытки научнаго обоснованія педагогики, принадлежащей извѣстному философу Гербарту и имѣющей наибольшее распространеніе въ Германіи. Педагогика Гербарта исходитъ изъ положенія, что представленія составляютъ основу не только умственной жизни, но и чувства и воли человѣка, и сводитъ, поэтому, воспитаніе цѣлесообразной выработкѣ точныхъ представленій путемъ правильныхъ методовъ обученія. Противъ этого ученія возстали въ новѣйшее время два направленія педагогической мысли: индивидуалистическое и соціальное. Первое направленіе оттѣсняетъ въ процессѣ воспитанія представленія на заднiй планъ, стремится развить творчество, чувство и волю человѣка, въ отношеніи методовъ достиженія поставленной цѣли, возстаетъ противъ обязательныхъ пріемовъ преподаванія, допускаетъ отступленія отъ дѣйствительности, ради приспособленія преподаваемаго предмета къ пониманію ребенка, и мѣрой годности преподавателя считаетъ не усвоеніе той или иной опредѣленной системы, а способность приспособляться къ настроенію и индивидуальности учащагося, педагогическій тактъ. Соціальная педагогика вооружается противъ индивидуализма гербартіанцевъ, разсматривающаго воспитываемаго субъекта независимо отъ общества, и утверждаетъ, что задачей школы должно быть воспитаніе ребенка для работы согласно съ общей созидательной дѣятельностью человѣчества. Г. Музыченко не даетъ дальнѣйшаго развитія взглядовъ этого направленія; онъ ограничивается указаніемъ, что не представленія, а воля—которою направляется интеллектъ, фантазія и чувство—составляетъ главный предметъ заботы педагога соціальной школы. Въ новѣйшее время появилось теченіе, пытающееся основать педагогику на біологическихъ данныхъ. Направленіе это, связанное съ именемъ извѣстнаго естествоиспытателя Геккеля, лучшимъ образовательнымъ средствомъ считаетъ освѣщеніе преподаваемыхъ предметовъ съ точки зрѣнія эволюціи, какъ всеобщаго закона жизни; во главу учебныхъ предметовъ оно ставитъ природовѣдѣніе, а цѣль образованія видитъ «въ развитіи самостоятельнаго мышленія и въ ознакомленіи съ естественной связью явленій», результатомъ чего будетъ «выработка цѣлаго стройнаго міросозерцанія и углубленіе въ принципъ единства міра».

Кромѣ этихъ главныхъ, принципіальныхъ направленій педагогической мысли въ Германіи, г. Музыченко знакомитъ своихъ читателей съ различными другими теченіями: съ теченіемъ экспериментальнымъ, строющимъ зданіе педагогики на научномъ изслѣдованіи психо-

логіи ребенка; съ такъ называемой трудовой школой, представляющей, собственно говоря, «не направленіе, а методическій принципъ, къ которому самостоятельно пришли представители различныхъ направленій»; съ свободной школой и нѣкоторыми другими попытками преобразованія школьнаго дѣла. Отдѣльная глава посвящена вопросу о реформѣ женскаго образованія въ Германіи и вопросу о совмѣстномъ обученіи мужчинъ и женщинъ. Изложены авторомъ различныя педагогическія теченія далеко не одинаково подробно; наибольшее вниманіе удѣлено имъ системѣ Геккеля и трудамъ гербартіанца Рейна.

Новыя педагогическія теченія на Западѣ не остались безъ вліянія на русскую педагогическую мысль. Вопросы воспитанія болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе общества; педагогическія изданія усердно пропагандируютъ и разрабатываютъ ту или другую новую систему, и попытка г. Музыченко дать систематическій обзоръ по возможности всѣхъ, народившихся хотя-бы только въ одной Германіи новыхъ педагогическихъ идей—несмотря на краткость изложенія—должна быть признана вполнѣ своевременной.

В. В.

— Кн. В.И. Масальскій. Туркестанскій край. Томъ XIX-й изданія А. Девріена «Россія». Съ 206 рисунками. Спб., 1913. Ц. 5 руб. 50 коп.

Знакомство русскихъ широкихъ круговъ съ азіатскими окраинами нашего отечества является довольно поверхностнымъ и представляетъ удѣлъ или спеціалистовъ, или лицъ непосредственно въ томъ заинтересованныхъ. Ограниченность свѣдѣній русскаго читателя происходитъ въ большинствѣ случаевъ отъ отсутствія сочиненій общедоступныхъ и въ тоже время охватывающихъ всѣ стороны жизни окраинъ. Въ этомъ отношеніи превосходное описаніе Туркестана, кн. Масальскаго, вполнѣ отвѣчаетъ своей задачѣ и заполняетъ чувствительный пробѣлъ въ нашей литературѣ, касающейся познанія Россіи. Въ одномъ, правда, очень объемистомъ томѣ дано представленіе о всѣхъ сторонахъ Туркестанскаго края, который, въ противоположность другимъ окраинамъ Россіи, можно назвать русской колоніей въ истинномъ, англійскомъ смыслѣ этого термина. Орографія и гидрографія, климатъ, животный и растительный міры, исторія и распредѣленіе населенія, бытъ и культура его, промыслы и занятія, пути сообщенія и подробное описаніе всѣхъ городовъ и населенныхъ мѣстъ изложены въ этой энциклопедической книгѣ съ удивительной полнотой и въ строгомъ историческомъ порядкѣ, что весьма облегчаетъ читателя разобраться въ массѣ описаній. Для лицъ, не имѣющихъ какого-либо спеціальнаго интереса по отношенію къ

современному Туркестану, наиболѣе интересной главой является общій очеркъ историческихъ судебъ края, имѣвшаго столь важное значеніе въ міровой исторіи. Въ этомъ сжатомъ очеркѣ передъ читателемъ проходитъ картина безчисленныхъ переселеній народовъ, начиная отъ персовъ, китайцевъ и тюрковъ, и кончая ордами монголовъ Чингисъ-хана и Тамерлана; всѣ они по очереди разоряли этотъ край, настолько богатый, что послѣ всякаго нашествія онъ снова возрождался, часто лишь для того, чтобы снова подвергнутся полному разрушенію.

Большой интересъ представляетъ также описаніе исторіи завоеванія Туркестана русскими, произведеннаго, подобно завоеванію Индіи англичанами, очень небольшими, сравнительно, силами, благодаря болѣе всего удивительной устойчивости русскаго солдата и организаціонной и колонизаторской дѣятельности такихъ людей, какъ ген. Кауфманъ, Скобелевъ, Анненковъ, Черняевъ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, картина этой дѣятельности во всей полнотѣ извѣстна, повидимому, очень мало среди широкой публики.—Очень подробно разсмотрѣны въ книгѣ кн. Масальскаго и всѣ современные животрепещущіе вопросы Туркестана, какъ отвлеченно-научные (въ родѣ вопроса о происхожденіи Узбоя, считаемаго одними высохшимъ русломъ Аму-Дарьи, впадавшей нѣкогда въ Каспійское море, а другими—за остатокъ узкаго морского канала, соединявшаго Аральское море съ Каспіемъ), такъ и практическіе — вопросъ объ ирригаціи Голодной степи, развитіи хлопководства въ Ферганѣ и проч. Для тѣхъ, кто желалъ бы путешествовать по Туркестану, незамѣнимымъ является послѣдній отдѣлъ, посвященный описанію всѣхъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ этого обширнаго и разнообразнаго края. Весьма интересенъ, наконецъ, историческій очеркъ постройки Средне-Азіатской ж. д. и той огромной борьбы съ техническими трудностями, съ барханами, съ отсутствіемъ воды и проч., которая велась при ея проложеніи, особенно въ Закаспійской области, сѣрымъ русскимъ солдатомъ-труженикомъ.

Обширный указатель (47 стр.) литературы о Туркестанѣ является важнымъ добавленіемъ къ превосходно изданной книгѣ, снабженной отличными рисунками и картами.

— Ст. Гулишамбаровъ. Къ сорокалѣтію уничтоженія невольничества въ Средней Азіи. Асхабадъ, 1913.

Въ началѣ сентября этого года умеръ извѣстный ученый, проф. востоковѣдѣнія въ университетѣ Буда-Пешта, Вамбери. Въ 1861—63 г.г. онъ совершилъ, подъ видомъ мусульманскаго дервиша, очень

опасное въ то время путешествіе по Передней Азіи. Во время этого, полнаго приключеній, путешествія Вамбери посѣтилъ и независимыя тогда ханства Средней Азіи—Хиву и Бухару—и обратилъ особенное вниманіе на язву тогдашняго строя этихъ странъ: рабство. Въ невольники обращалась тогда вся добыча людьми отъ набѣговъ бухарцевъ и хивинцевъ на сосѣднія персидскія и русскія владѣнія. Ужасное положеніе этихъ плѣнниковъ-рабовъ было обрисовано Вамбери очень яркими красками. Лишь со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Среднюю Азію и съ паденіемъ независимости Хивы и Бухары, 40 лѣтъ тому назадъ, былъ положенъ конецъ невольничеству въ Туркестанѣ: по договору съ русскимъ правительствомъ хивинскій ханъ принужденъ былъ закрыть свой невольничій рынокъ 12 іюня 1873 г., а бухарскій—28 сентября того же года. По случаю 40-лѣтія столь важнаго въ жизни Туркестана событія г. Гулишамбаровъ, въ рядѣ статей въ мѣстной ташкентской газетѣ, ознакомилъ туземныхъ читателей съ описаніемъ невольничества въ Ср. Азіи по даннымъ Вамбери. Статьи эти изданы теперь отдѣльной брошюрой. Вообще намъ до сихъ поръ еще мало извѣстны исторія и положеніе рабовладѣнія въ русскихъ азіатскихъ окраинахъ. Брошюра г. Гулишамбарова, напоминая о 40-лѣтнемъ юбилеѣ уничтоженія здѣсь рабства, даетъ нѣсколько интересныхъ, очень тяжелыхъ картинъ, ужасы которыхъ превосходятъ факты «Пошехонской Старины».

А. Щ.

— Mémoires du comte Roger de Damas (1787—1806), publiés et annotés par Jacques Rambaud. Парижъ 1912.

Лицамъ, занимающимся русской исторіей конца XVIII в., интересно будетъ узнать, что профессоромъ Бордосскаго университета Ж. Рамбо (сыномъ извѣстнаго Альфреда Рамбо) изданы мемуары, въ значительной части имѣющіе отношеніе къ нашему прошлому. Роже де-Дама, авторъ этихъ мемуаровъ, родившійся въ 1765 г., двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношей, въ 1787 г., безъ разрѣшенія старшихъ, уѣхалъ изъ Франціи, чтобы принять участіе во второй турецкой войнѣ Екатерины II. Его участіе въ этой войнѣ относится къ періоду времени отъ взятія Очакова, въ концѣ 1788 г., до взятія Измаила, въ концѣ 1790 г. Между кампаніями онъ велъ свѣтскій образъ жизни, то въ главной квартирѣ Потемкина, то въ Вѣнѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ Екатериной II. Когда кончилась русско-турецкая война, на родинѣ молодого полковника — этотъ чинъ былъ имъ полученъ въ Россіи,—происходили событія, которыя заставили его, какъ дворянина и роялиста, стать на защиту падавшей монархіи. Въ 1791 г.

Дама оставилъ Россію и поступилъ въ эмигрантскую армію будущаго Карла X. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ въ 1792 г. опять пріѣхалъ въ Россію. Въ рукописи, съ которой сдѣлано изданіе, четыре тетради, изъ которыхъ первая озаглавлена: «Mémoires sur la Russie, sur la guerre contre les Turc de 1787 à 1791». Здѣсь Дама очень подробно разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Россіи, начиная съ той «незабвенной» минуты, когда онъ очутился «dans cette pitoyable ville d'Elisabethgorod» (Елисаветградъ), гдѣ онъ встрѣтился съ Потемкинымъ и другими военачальниками. Авторъ мемуаровъ даетъ краткія характеристики лицъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Иногда въ мемуарахъ попадаются интересные эпизоды, въ родѣ, напр., разсказа о знакомствѣ съ Суворовымъ. Дама признается, что готовъ былъ видѣть въ немъ сумасшедшаго (...j'avais affaire à un fou). Вѣроятно, спеціалисты военной исторіи не безъ любопытства прочтутъ замѣчанія Дама относительно тогдашней русской арміи, военной жизни, стычекъ съ непріятелемъ и т. п. Среди военныхъ дѣйствій велись иногда разговоры на политическія темы. Дама приводитъ, напр., слова Потемкина по поводу извѣстія о созывѣ во Франціи генеральныхъ штатовъ: «думаете ли вы—сказалъ онъ Дама,—что когда соберутся генеральные штаты, вашъ король будетъ обѣдать, въ какой захочетъ часъ? Увѣряю васъ, что онъ лишь тогда будетъ ѣсть, когда они ему позволятъ, и будь я на его мѣстѣ, я велѣлъ бы отрѣзать господину Неккеру голову поближе къ плечамъ, чтобы не было большой бѣды для его страны, а можетъ быть и для всей Европы». Вообще въ мемуарахъ немало чертъ, характеризующихъ Потемкина, къ которому авторъ стоялъ близко и съ которымъ въ февралѣ 1789 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Попавъ въ высшее общество русской столицы, Дама чувствовалъ себя какъ въ Парижѣ: «ce n'est ni par les costumes, ni par les manières, ni par la langue, même par l'accent que je pus me croire dans une assemblée hors de Paris», говоритъ авторъ. Онъ описываетъ свою первую встрѣчу съ императрицей, наговорившей ему кучу любезностей по поводу его подвиговъ на войнѣ, говоритъ о разговорѣ съ будущимъ Павломъ I, которому тоже былъ представленъ, распространяется о блескѣ Екатерининскаго двора, о его нравахъ. Дама вообще отличался большою наблюдательностью, и многія его замѣчанія о людяхъ и учрежденіяхъ весьма интересны. Наприм., онъ называетъ сенатъ «le timide observateur et enregistreur des volontés de l'impératrice: онъ подписалъ бы свое собственное уничтоженіе, если бы отъ него этого потребовали. Авторъ былъ достаточно посвященъ и въ подробности внѣшней политики Екатерины II, чтобы понять, наприм., почему она оказала графу д'Артуа, брату Людовика XVI, такой, а

не иной пріемъ. Нужно прибавить, что Дама—очень недурной разсказчикъ, и страницы его мемуаровъ очень легко читаются одна за другой. Редакторъ изданія, проф. Рамбо, снабдилъ текстъ необходимыми примѣчаніями.

Н. Карѣевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Константинопольскій мирный договоръ.—Положеніе балканскихъ государствъ.—Сербія и Албанское возстаніе.—Греція и греко-турецкіе переговоры.—Печальная роль европейской дипломатіи.—Воинственные порывы въ разныхъ странахъ.—Перспектива междоусобной войны въ Англіи.

Мирный договоръ между Турціею и Болгаріею подписанъ въ Констатинополѣ 15 (28)-го сентября, при чемъ взаимныя отношенія сторонъ оказались уже совершенно иными, чѣмъ при окончаніи турецко-болгарской войны. Турки играли уже роль побѣдителей, а не побѣжденныхъ; они ставили свои условія и требованія, съ которыми по неволѣ мирились болгарскіе уполномоченные. Недавняя жестокая вражда какъ будто исчезла, подъ вліяніемъ новѣйшихъ испытаній. Болгарія, разбитая своими коварными союзниками, почувствовала возможность сближенія съ Турціею на почвѣ совмѣстной активной непріязни къ Греціи и Сербіи. Это чувство раздѣлялось и турецкимъ правительствомъ, которое съ своей стороны разсчитывало воспользоваться настроеніемъ болгаръ для болѣе успѣшнаго противодѣйствія греческимъ притязаніямъ. Совѣщанія уполномоченныхъ велись вообще въ дружелюбномъ тонѣ; генералъ Савовъ и великій визирь обмѣнивались любезностями, выражая твердую рѣшимость возстановить между обѣими націями «отношенія добраго сосѣдства и прочной дружбы». Болгары потеряли почти всѣ свои завоеванія во Ѳракіи и получили только небольшую часть Эгейскаго побережья, съ незначительною гаванью Дедеагачъ, вмѣстѣ съ кускомъ Македоніи, уступленнымъ Болгаріи по бухарестскому миру.

Въ общемъ, и Болгарія не имѣетъ основанія жаловаться на Турцію, и Турція обнаружила миролюбіе и достаточную уступчивость по отношенію къ Болгаріи. Если идея «великой Болгаріи» потерпѣла крушеніе, то не въ силу противодѣйствія турокъ или сочувствующихъ имъ великихъ державъ, а исключительно по винѣ самихъ болгарскихъ правителей, вовлекшихъ страну въ преступную

и безсмысленную войну съ союзниками. Теперь подводятся уже печальные итоги страшнаго кроваваго кошмара, свирѣпствовавшаго на Балканахъ съ конца сентября прошлаго года до конца іюня настоящаго года. По оффиціальнымъ даннымъ. Болгарія потеряла въ войнѣ съ Турціею 313 офицеровъ и 29.784 солдатъ убитыми, и 915 офицеровъ и 52.550 солдатъ ранеными; сверхъ того пропало безъ вѣсти 3.139 солдатъ и два офицера. Въ войнѣ съ Сербіей и Греціей погибло 260 болгарскихъ офицеровъ и 14.602 солдатъ, ранено 816 офицеровъ и 15.305 солдатъ, пропало безъ вѣсти 69 офицеровъ и 4.560 солдатъ. Всего въ обѣихъ войнахъ убито 44.316 болгарскихъ солдатъ и 573 офицера, ранено 67.855 солдатъ и 1.731 офицеръ, пропало безъ вѣсти 7.699 солдатъ и 71 офицеръ. Итого пострадало 122.245 болгаръ, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества,—цифра колоссальная для небольшого народа, насчитывающаго около $4^1/_2$ милліона человѣкъ. Если сосчитать еще число убитыхъ и раненыхъ турокъ, грековъ, сербовъ и черногорцевъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что послѣднія балканскія войны стоили больше крови, чѣмъ многія изъ крупнѣйшихъ европейскихъ войнъ. Въ числѣ этихъ жертвъ было сравнительно мало представителей регулярной арміи; огромное большинство состояло изъ лицъ разныхъ профессій, включая почти всю интеллигенцію; въ скромныхъ солдатскихъ мундирахъ попадались часто выдающіеся болгарскіе ученые, университетскіе профессора, извѣстные общественные дѣятели и писатели; это былъ цвѣтъ болгарскаго народа, и гибель такой сотни тысячъ человѣкъ долго еще будетъ чувствоваться страною, какъ тяжелая историческая катастрофа. Потребуются десятилѣтія упорной культурной работы, чтобы изгладить или смягчить послѣдствія этихъ жестокихъ событій. Мысль о предстоящей великой работѣ составляетъ для болгаръ единственный практическій выводъ изъ испытанныхъ ими бѣдствій. Болгары терпѣливо переносятъ постигшіе ихъ удары; они не жалуются на судьбу, не предаются унынію, не обвиняютъ даже своихъ неудачныхъ правителей, кромѣ развѣ Данева, и угрюмо готовятся къ ликвидаціи и упорядоченію совершившихся перемѣнъ. Истощенные страшнымъ кровопролитіемъ, болгары не въ состояніи думать о возмездіи; они надѣются залечить свои раны, возстановить свои силы и упрочить свое положеніе безъ дальнѣйшихъ рискованныхъ предпріятій. Они по необходимости жаждутъ мира, и имъ, по всей вѣроятности, чужды тѣ планы злобной мести, которые такъ усердно и настойчиво приписываются имъ сербскими и греческими патріотами.

Въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ Болгарія, находятся

Сербія и Греція. Обѣ эти страны переживаютъ теперь острый періодъ военной славы, національнаго самодовольства и самообольщенія. Государство съ населеніемъ въ три-четыре милліона становится вдругъ предметомъ усиленнаго вниманія и ухаживанія великихъ державъ; спичъ греческаго короля Константина, произнесенный въ Берлинѣ, въ честь германской арміи и ея вождей, возводится на степень важнаго политическаго событія, горячо обсуждается въ Европѣ въ теченіе цѣлой недѣли и вызываетъ серьезное огорченіе и безпокойство во Франціи. Король Константинъ, получивъ отъ своего шурина, императора Вильгельма II, фельдмаршальскій жезлъ, заявилъ по этому поводу, что своими военными успѣхами и побѣдами Греція обязана главнымъ образомъ германской военной школѣ, великимъ примѣрамъ и традиціямъ германской арміи, которымъ неуклонно слѣдовали руководители греческихъ войскъ; въ данный моментъ онъ какъ будто забылъ, что дѣйствительными инструкторами греческихъ войскъ и организаторами ихъ штабовъ были французскіе офицеры, съ генераломъ Эйду во главѣ. Французы обидѣлись; король старался загладить свою неловкость франкофильскимъ тостомъ, сказаннымъ въ Парижѣ и не произведшимъ, однако, успокоительнаго впечатлѣнія на публику. Оказалось, по словамъ короля, что Греція своими военными побѣдами обязана также блестящимъ французскимъ образцамъ и наставникамъ и что главнѣйшей заботою греческой націи и ея правительства является поддержаніе близкихъ традиціонныхъ связей съ Франціею. Послѣ почтительныхъ выраженій благодарности по адресу Германіи, эти кислосладкія фразы о французской дружбѣ могли считаться запоздалыми и искусственными; такъ и отнеслась къ нимъ парижская пресса, и само греческое правительство нашло нужнымъ дополнить ихъ оффиціальными увѣреніями, которыя должны были удовлетворить французскую дипломатію. Инцидентъ былъ тѣмъ болѣе непріятенъ для Франціи, что еще недавно она чуть ли не разошлась съ Россіею изъ-за своихъ хлопотъ о присоединеніи Кавалы къ Греціи. Во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе имѣло поводъ убѣдиться, что великія державы чрезвычайно интересуются отзывами о нихъ греческаго короля и соперничаютъ между собою въ пріобрѣтеніи его симпатій.

Въ сознаніи своего повышеннаго международнаго вѣса Греція значительно подняла тонъ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, и въ частности—въ мирныхъ переговорахъ съ Турціею; она отказывалась дѣлать какія-либо уступки даже во второстепенныхъ вопросахъ, не останавливаясь передъ рискомъ опасныхъ осложненій; возникала уже вѣроятность новой балканской войны,

третьей по счету. Грецiя не соглашалась оставить за Турцiею тѣ изъ числа Эгейскихъ острововъ, которые расположены близъ Дарданеллъ и у малоазiатскаго побережья; она ссылалась на то, что рѣшенiе судьбы этихъ острововъ зависитъ отъ Европы, согласно пятой статьѣ лондонскаго трактата, тогда какъ для Турцiи указанный трактатъ пересталъ существовать. Грецiя настаивала, далѣе, на томъ, чтобы доходы вакуфныхъ имѣнiй въ уступленныхъ ей мѣстностяхъ шли на пользу тѣхъ же вакуфовъ, а не въ распоряженiе центральной турецкой власти; наконецъ, она требовала, чтобы всѣ жители присоединенной территорiи, не исключая природныхъ турокъ, признавались греческими подданными съ момента аннексiи. Между тѣмъ положенiе Турцiи существенно измѣнилось со времени подписанiя окончательнаго мира съ Болгарiею. Противъ Сербiи возстали албанцы, и Турцiя прiобрѣла свободу дѣйствiй по отношенiю къ Грецiи; турецкая армiя, непрерывно пополняемая въ своемъ составѣ, являлась теперь главною рѣшающею силою на Балканахъ, послѣ демобилизацiи войскъ отдѣльныхъ балканскихъ государствъ. Военная партiя въ Константинополѣ толкаетъ правительство на путь немедленной военной расправы съ Грецiею, чтобы завладѣть обратно Салониками и Кавалой. И въ самомъ дѣлѣ, турки имѣли бы большiе шансы успѣха, еслибы двинули противъ грековъ свои сосредоточенныя силы, освободившiяся во Ѳракiи. Грецiя какъ будто не сознаетъ этой перемѣны и играетъ съ огнемъ; она не торопится покончить со спорными вопросами и рискуетъ потерять очень многое, изъ-за желанiя добиться отъ турокъ такихъ уступокъ, на которыя они могли бы согласиться только въ качествѣ побѣжденныхъ. Турки перестали чувствовать себя побѣжденными, незамѣтно перешли на положенiе побѣдителей; это обстоятельство упорно упускалось изъ виду греческими патрiотами и дипломатами. Греки слишкомъ круто распоряжались въ занятыхъ ими областяхъ и на столько возбудили противъ себя мѣстныхъ мусульманъ, что мысль о военномъ заступничествѣ Турцiи представлялась вполнѣ правдоподобною. Роли перемѣнились, въ ущербъ Грецiи, а греки этого не замѣчали.

Столь-же самоувѣренно, какъ Грецiя, дѣйствуетъ и Сербiя. Сербскiй министръ-президентъ Пашичъ, о которомъ прежде едва упоминалось въ заграничной печати, сдѣлался сразу однимъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей Европы; его поѣздки въ Вѣну или въ Парижъ усердно комментируются газетами; онъ даетъ аудiенцiи журналистамъ, и его разсужденiя передаются во всѣ концы мiра по телеграфу; онъ излагаетъ свои взгляды на отношенiя Сербiи къ Австро-Венгрiи и къ другимъ державамъ—и заинтересованныя сферы внимательно прислушиваются къ его отзывамъ, ста-

раясь извлечь изъ нихъ соотвѣтственные практическіе выводы. Сербскіе государственные люди и солидарные съ ними патріоты заговорили суровымъ языкомъ Бисмарка, когда предстояло опредѣлить характеръ и направленіе правительственной дѣятельности въ завоеванной части Македоніи; они находили, что только «желѣзомъ и кровью» можно укрѣпить владычество сербовъ надъ непокорными туземцами, болгарами и албанцами. Крутыя мѣры устрашенія заставили массу жителей удалиться въ сосѣднія страны и подготовили почву для обширнаго вооруженнаго возстанія въ пограничныхъ съ Албаніею областяхъ. Албанскіе отряды вступили въ предѣлы предназначенной сербамъ территоріи, заняли нѣкоторые пограничные пункты, оттѣснили и разсѣяли небольшіе сербскіе гарнизоны, по обыкновенію прибѣгая къ большимъ жестокостямъ. Сербія имѣла законное право послать свои войска противъ албанцевъ и вытѣснить ихъ изъ своихъ владѣній; но прежде чѣмъ предприняты были необходимыя оборонительныя дѣйствія, сербская оффиціозная пресса единодушно выразила рѣшимость безпощадно расправиться съ возставшими. «Въ потокахъ крови—говорила газета «Пьемонтъ»—должно быть потоплено возстаніе; нуженъ сокрушительный ударъ, чтобы уничтожить албанцевъ, которыхъ подняли противъ Сербіи». Другая газета—«Политика»—полагаетъ, что «теперь не время дипломатствовать: карающая рука должна безпощадно опуститься на виновныхъ, и возставшіе должны быть уничтожены. Надо безъ замедленія, безъ жалости, судить и карать албанцевъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Кто изъ зачинщиковъ будетъ взятъ съ оружіемъ, подлежитъ наказанію по военному праву, и приговоръ для албанцевъ можетъ быть только одинъ—смерть». «Мали журналъ» говоритъ, что надо съ корнемъ вырвать всѣ зачатки возстанія [1]). Всѣ органы сербской печати наперерывъ другъ передъ другомъ требуютъ примѣненія драконовскихъ мѣръ противъ албанцевъ. Откуда у сербовъ эта прямолинейная жестокость противъ чужихъ народностей, не желающихъ подчиняться сербскому господству? Никому изъ сербскихъ журналистовъ не приходило въ голову остановиться надъ вопросомъ, правильно ли дѣйствовали сербы при занятіи мѣстностей, населенныхъ албанцами и болгарами, и разумно ли было съ самаго начала возлагать всѣ надежды на систему устрашенія. Озлобленіе туземцевъ противъ сербовъ не могло возникнуть безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Съ обѣихъ сторонъ совершались вопіющія звѣрства, которыхъ не скрывали и

[1]) Приводимъ эти цитаты со словъ вѣнской газеты «Neues Wiener Tageblatt» (отъ 27-го сентября).

оффиціозныя газеты. Албанцы разрушали сербскія села и истребляли ихъ жителей; сербы выжигали албанскія и болгарскія поселенія, вѣшали и разстрѣливали попадавшихся «четниковъ», избивали всѣхъ заподозрѣнныхъ въ сочувствіи возстанію, не исключая стариковъ и женщинъ. При обратномъ занятіи сербами городовъ и мѣстечекъ, захваченныхъ албанцами, происходили такіе ужасы, что газетные отчеты не считаютъ возможнымъ вдаваться о нихъ въ подробности. Послѣднія битвы при Дибрѣ, какъ сказано въ этихъ отчетахъ, по страшному кровопролитію превосходятъ все, что совершалось на Балканахъ за послѣдніе годы. «Съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ сражались люди на улицахъ города; каждый домъ приходилось завоевывать отдѣльно. Когда албанцы разстрѣляли всѣ свои патроны, они защищались дубинами; на улицахъ свирѣпствовали одиночные бои; число убитыхъ превышаетъ тысячу съ обѣихъ сторонъ. Городъ Дибра почти совершенно разрушенъ». Въ тоже время оффиціально сообщается изъ Бѣлграда извѣстіе о благополучномъ вступленіи сербскихъ войскъ въ Дибру и Охриду, 30 (17-го) сентября. Какой смыслъ имѣетъ это торжественное вступленіе въ разрушенный, опустѣвшій, наполненный лишь трупами городъ? Чѣмъ сильнѣе и полнѣе расправа сербовъ съ албанцами, тѣмъ непримиримѣе будетъ вражда послѣднихъ къ сербамъ, и взаимное ожесточеніе будетъ расти по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и примѣненія той же устрашающей сербской политики. Сербія принуждена жить въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Албаніей; ни проглотить, ни уничтожить ее она не можетъ, а потому, по здравому смыслу, она не должна была бы принимать на себя непосильную задачу искорененія или усмиренія воинственной албанской народности въ предѣлахъ завоеванной сербами территоріи. Сербія не на столько велика и могущественна, чтобы внушать сосѣдямъ спасительный страхъ; ея попытки пугать непокорныхъ угрозами сокрушительнаго возмездія не обѣщаютъ ей прочнаго мира. Подражая великимъ державамъ въ способахъ воздѣйствія на болѣе слабые народы, небольшія балканскія государства сами создаютъ для себя серьезныя опасности въ будущемъ. При такой системѣ взаимной національной борьбы неизбѣжны хроническія кровавыя столкновенія и волненія на Балканахъ—а Сербія, какъ и Греція и Болгарія, настоятельно нуждается въ прочномъ мирѣ. Къ сожалѣнію, европейская дипломатія не напоминаетъ объ этомъ балканскимъ государствамъ, а напротивъ, сама преклоняется предъ военными успѣхами такихъ побѣдителей, какъ сербы и греки. Неумѣренныя заграничныя похвалы и чествованія, въ родѣ подношенія фельдмаршальскаго жезла

поощряютъ манію величія даже въ умахъ трезвыхъ государственныхъ людей, въ родѣ Венизелоса и Пашича.

Такъ называемое возстаніе албанцевъ противъ Сербіи есть, въ сущности, война Албаніи противъ непомѣрно выросшаго и возвеличеннаго сербскаго государства. Въ сообщенной нашему министерству иностранныхъ дѣлъ обстоятельной нотѣ отъ 15 (28)-го сентября сербское правительство цѣлымъ рядомъ фактовъ удостовѣряетъ, что возстаніе было подготовлено извнѣ и организовано въ автономной Албаніи при прямомъ или косвенномъ содѣйствіи болгаръ. Въ своемъ обращеніи къ великимъ державамъ Сербія справедливо указываетъ на то, что, устроивъ самостоятельную Албанію и заставивъ сербовъ удалить оттуда свои войска, Европа взяла на себя отвѣтственность за сохраненіе албанцами спокойствія и мира относительно сосѣднихъ странъ. Въ виду отсутствія этихъ гарантій и заботъ со стороны Европы, сербы имѣютъ право и обязанность сами принять необходимыя мѣры для обезпеченія безопасности своихъ границъ и для этого вновь занять извѣстные стратегическіе пункты въ пограничныхъ мѣстностяхъ Албаніи. Временное албанское правительство, имѣющее свою резиденцію въ Валонѣ, подъ номинальнымъ главенствомъ Кемаль-бея, успѣло уже заявить, что оно вовсе не устраивало возстанія и не участвовало въ его организаціи; но руководителями дѣла были несомнѣнные албанскіе вожди, не менѣе авторитетные, чѣмъ самъ Кемаль-бей, и, быть можетъ, даже болѣе вліятельные, хотя и не занимающіе офиціальныхъ должностей въ составѣ албанскаго правительства. Албанская армія въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, съ отличнымъ вооруженіемъ и съ артиллеріею, не могла, конечно, собраться противъ Сербіи при помощи частныхъ средствъ и усилій, безъ ближайшаго участія органовъ и представителей существующаго номинально албанскаго государства. Если это государство въ той или другой формѣ угрожаетъ сербамъ, то оно можетъ подвергнуться извѣстнымъ оборонительнымъ или карательнымъ мѣрамъ, противъ которыхъ безполезно было бы протестовать. Въ возстаніи участвовали и македонскіе болгары, мѣстные жители, имѣвшіе много поводовъ взяться за оружіе противъ сербскаго режима; имъ могли сочувствовать болгары изъ Софіи, но это еще не значитъ, что софійское правительство принимало какое-либо участіе въ ихъ воинственномъ предпріятіи. Сербы опасались мѣстныхъ болгаръ и на первыхъ-же порахъ напустили на нихъ бывшихъ четниковъ или «комитаджіевъ»; тѣ тотчасъ устраивали погромы въ намѣченныхъ мѣстахъ, разрушали болгарскія жилища, поджигали ихъ или бросали въ нихъ ручныя бомбы, причемъ никому изъ жителей не давалось пощады. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обитатели даннаго села подозрѣвались въ сно-

шеніяхъ съ возставшими, производилась массовая экзекуція надъ всѣми жителями, въ томъ числѣ и женщинами; такъ поступлено, напримѣръ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ мѣстечкѣ Кавадаръ, гдѣ сорокъ стариковъ и женщинъ было вырѣзано на томъ основаніи, что въ волосахъ одной изъ женщинъ нашлось письмо преступнаго или подозрительнаго содержанія. Еще во время сербской оккупаціи Албаніи издавались приказы, предписывавшіе истреблять всѣхъ мужчинъ старше пятнадцати лѣтъ и разрушать всѣ дома въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершено кѣмъ-либо нападеніе на сербскихъ солдатъ. Подобные факты засвидѣтельствованы корреспондентами такихъ газетъ какъ «Times» и «Daily Telegraph». Эти систематическія звѣрства служатъ достаточнымъ объясненіемъ повальнаго возстанія македонскихъ албанцевъ и болгаръ. Правда, бѣлградское официозное бюро категорически опровергаетъ всѣ подобныя свѣдѣнія, называя ихъ тенденціозными вымыслами; но эти голословныя опроверженія не могутъ быть признаны убѣдительными. Нельзя отрицать, что на Балканахъ всѣ народности—и турки, и болгары, и греки, и сербы,—запятнали себя неслыханными жестокостями.

Европейская дипломатія не обнаруживала особеннаго интереса къ этимъ кровавымъ событіямъ, и если она выказала нѣкоторое безпокойство по поводу албанскаго возстанія, то только потому, что Сербія намекала на возможность занятія нѣкоторыхъ стратегическихъ пограничныхъ пунктовъ въ Албаніи, въ видахъ самозащиты. Этого нарушенія не установленныхъ еще албанскихъ границъ не могли допустить ни Австро-Венгрія, ни Италія. Албанцы могутъ воевать, но Албанія должна остаться неприкосновенною. Албанцы могутъ нападать на Сербію и опустошать ея территорію, но сербы не должны, при преслѣдованіи ихъ, вторгаться въ албанскіе предѣлы. Такая односторонняя охрана Албаніи въ ущербъ Сербіи можетъ только поощрять албанскіе набѣги и погромы, но отнюдь не содѣйствовать водворенію мира на Балканахъ. Многое говорилось и предпринималось отъ имени Европы съ цѣлью новаго прочнаго устройства балканскихъ дѣлъ—и почти все устроенное оказывалось безплоднымъ или фиктивнымъ. Въ маѣ подписанъ былъ въ Лондонѣ окончательный мирный договоръ между Турціею и воевавшими съ нею четырьмя балканскими государствами,—договоръ, старательно выработанный при участіи представителей великихъ державъ. Что осталось теперь отъ этого дипломатическаго акта? По этому акту Турція теряла почти всю Ѳракію съ Адріанополемъ, а судьбу всѣхъ турецкихъ острововъ въ Эгейскомъ морѣ, кромѣ Крита, предоставляла на усмотрѣніе великихъ европейскихъ державъ; теперь, на глазахъ той же Европы и съ ея молчаливаго одобренія, Турція безъ войны вновь утвердила свою

власть надъ Ѳракіей и Адріанополемъ, а объ островахъ Эгейскаго моря сама ведетъ переговоры съ Греціею, готовясь устроить ихъ судьбу по своему, помимо Европы. Никогда еще европейская дипломатія не проявляла такого безсилія и не доходила до такой явной и полной несостоятельности, какъ въ настоящее время, по поводу балканскихъ дѣлъ. Она принимала авторитетныя рѣшенія, которыхъ не могла и не хотѣла поддержать; она отказывалась отъ своихъ собственныхъ заявленій и обязательствъ, когда имъ противорѣчили совершившіеся факты, выдвинутые небольшими балканскими государствами; она оставляла безъ вниманія и протеста такіе безчеловѣчные способы военной расправы, которые признавались варварскими и недопустимыми для цивилизованныхъ народовъ задолго до Гаагскихъ конференцій. Все новѣйшее гуманное движеніе въ области международнаго права остается, очевидно, безплоднымъ, безрезультатнымъ; оно проходитъ мимо реальной политической жизни, нисколько не вліяетъ на военныя событія и вовсе не отражается на политикѣ великихъ державъ. Впрочемъ, трудно себѣ представить, въ какой формѣ дипломатія могла бы успѣшно реагировать противъ массовыхъ жестокостей и погромовъ, совершаемыхъ на войнѣ или подъ предлогомъ войны,—ибо самая война есть только система организованныхъ массовыхъ избіеній, жестокостей и погромовъ. На войнѣ считается дозволеннымъ все то, что признается нужнымъ и полезнымъ для безопасности арміи и для достиженія поставленныхъ ей цѣлей—а въ разгарѣ боя, въ минуты страшнаго риска и кроваваго возбужденія, самые мирные по натурѣ люди легко превращаются въ безсознательныхъ звѣрей. Дипломатія могла бы все-таки напоминать кому слѣдуетъ объ установленныхъ правилахъ войны, особенно когда воюющія стороны не принадлежатъ къ числу могущественныхъ военныхъ государствъ; но европейскіе кабинеты на этотъ разъ прониклись какимъ-то духомъ фатализма при оцѣнкѣ способовъ веденія войны на Балканахъ, такъ какъ вѣроятно заранѣе сознавали безполезность вмѣшательства въ этомъ отношеніи.

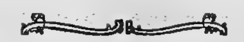
Воинственные инстинкты часто съ неожиданною силою пробуждаются и тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать—среди людей и народовъ глубоко культурныхъ, при господствѣ прочнаго мира и безопасности. Политическія и партійныя страсти доводятъ умы до ослѣпленія, при которомъ всякіе ужасы кажутся возможными и даже неминуемыми. Такое положеніе мы видимъ въ Англіи, гдѣ солидные общественные дѣятели, и притомъ консерваторы, съ серьезнѣйшимъ видомъ устраиваютъ военное возстаніе въ проте-

стантской провинціи Ирландіи—Ольстерѣ, организуютъ чуть ли не стотысячную революціонную армію, дѣлаютъ смотры этимъ импровизированнымъ войскамъ и назначаютъ заранѣе временное ольстерское правительство, на случай принятія и введенія въ дѣйствіе билля объ ирландской автономіи. Ольстерскіе протестанты не желаютъ подчиняться будущему ирландскому парламенту, который въ большинствѣ будетъ состоять изъ католиковъ; они рѣшили, будто бы, съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права и вольности. Въ предстоящую сессію ирландскій билль долженъ быть въ третій разъ внесенъ въ палату общинъ, и для утвержденія его не понадобится уже согласіе палаты лордовъ, такъ что этотъ крупный реформаторскій актъ станетъ наконецъ закономъ. За неимѣніемъ дальнѣйшихъ легальныхъ средствъ борьбы, ольстерцы угрожаютъ междоусобною войною. Исполнительный комитетъ временнаго правительства составленъ изъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ, въ родѣ герцога Аберкорна, лорда Лондондерри, лорда Эннеслея, лорда Кленвильяма, лорда Дэртрея, лорда Дерамора, лорда Денлита, лорда-мэра города Бельфаста, цѣлаго ряда членовъ парламента, промышленныхъ дѣятелей, представителей адвокатуры и другихъ свободныхъ профессій. Душою всего предпріятія является извѣстный лондонскій адвокатъ, сэръ Эдуардъ Кэрсонъ, избранный главою исполнительнаго комитета. Правительство пока не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ этой революціонной затѣи, упорно считая ее политическимъ фарсомъ, имѣющимъ цѣлью напугать робкіе умы и вызвать общественное движеніе противъ ненавистной консерваторамъ реформы.

Либеральные министры предлагаютъ спокойно дождаться того момента, когда герцогъ Аберкорнъ, лордъ Лондондерри и ихъ единомышленники, подъ предводительствомъ сэра Эдуарда Кэрсона, выступятъ въ походъ съ своею арміею противъ законныхъ властей и учрежденій, назначенныхъ или одобренныхъ королемъ. Согласно англійскому закону, соотвѣтствующему нашей пресловутой 129-ой статьѣ уголовнаго уложенія, Кэрсонъ и его соратники могли бы съ полнымъ основаніемъ быть привлечены къ судебной отвѣтственности за систематическіе и откровенные призывы къ бунту: они не возбуждали и не разсуждали, а именно призывали къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. Но англійскіе правители и судьи не расположены прибѣгать къ уголовному преслѣдованію за одно возбужденіе умовъ, пока это возбужденіе не разсчитано на совершеніе какого-нибудь преступнаго акта. До сихъ поръ вся шумная кампанія ольстерскихъ патріотовъ могла быть истолкована какъ безвредная политическая забава, въ родѣ тѣхъ примѣрныхъ

парламентовъ, которые существуютъ въ разныхъ англійскихъ городахъ для упражненія въ парламентскомъ краснорѣчіи и дѣлопроизводствѣ. Съ этой точки зрѣнія «исполнительный комитетъ», съ отдѣльными его органами, и армія волонтеровъ съ ея начальниками, генералъ-лейтенантомъ сэромъ Ричардсономъ, представляются простой бутафоріей, на которую не стоитъ обращать вниманія.

Не всѣ, однако, либералы раздѣляютъ этотъ оптимистическій взглядъ. Многіе думаютъ, напротивъ, что движеніе охватываетъ значительную часть населенія Ольстера и пользуется широкими симпатіями въ Англіи, что сами руководители его будутъ не въ силахъ ограничить послѣдствія своей агитаціи и найдутъ себя вынужденными итти дальше, чѣмъ предполагали первоначально. Если-же произойдетъ столкновеніе съ войсками и окажутся жертвы, то это нанесетъ сильнѣйшій ударъ не только либеральной партіи, но и великой, такъ долго ожидаемой ирландской реформѣ. Эти опасенія побуждаютъ нѣкоторыхъ либеральныхъ дѣятелей усиленно хлопотать о созывѣ конференціи изъ вождей обѣихъ партій для выработки соглашенія, безобиднаго для Ирландіи и пріемлемаго одинаково какъ для либераловъ, такъ и для уніонистовъ. Весьма пространное, подробно мотивированное воззваніе въ этомъ родѣ было напечатано въ «Times» бывшимъ либеральнымъ лордомъ-канцлеромъ, лордомъ Лорборномъ. Но Кэрсонъ рѣшительно отклонилъ мысль о предположенной конференціи, если остается въ силѣ основной принципъ ирландскаго гомруля; съ другой стороны, и предводитель ирландскихъ націоналистовъ, Джонъ Редмондъ, нашелъ дальнѣйшія партійныя совѣщанія безполезными, такъ какъ огромное большинство ирландцевъ никогда не откажется отъ отдѣльнаго парламента для Ирландіи, со включеніемъ Ольстера. Оппозиція твердо стоитъ за назначеніе новыхъ парламентскихъ выборовъ, чтобы дать странѣ возможность прямо высказаться по вопросу о гомрулѣ; правительство и либеральная партія находятъ, что избиратели достаточно ясно выразили свою волю при послѣднихъ выборахъ и что настоящая палата вполнѣ компетентна въ рѣшеніи стараго и жгучаго спора. Такимъ образомъ, наканунѣ осуществленія великой реформы, которой заодно съ ирландцами добивались лучшіе британскіе прогрессисты, предстоитъ еще серьезный и, надо полагать, послѣдній кризисъ, связанный съ вѣковымъ ирландскимъ вопросомъ.

П. А. СТОЛЫПИНЪ И ОБЪЕДИНЕННОЕ ДВОРЯНСТВО.

I.

По случаю постановки памятника П. А. Столыпину въ газетахъ сдѣлана была попытка отмѣтить творческую сторону его дѣятельности. Указывали на то, что имъ проведены указъ 9-го ноября, произведшій цѣлую революцію въ системѣ крестьянскаго землевладѣнія, и указъ 3-го іюня, радикально измѣнившій нашу избирательную систему. Вліяніе этихъ указовъ на весь ходъ развитія нашей государственности несомнѣнно весьма велико. Но можно спросить себя: въ какой мѣрѣ П. А. Столыпину принадлежитъ иниціатива обѣихъ «реформъ»? Объединенное дворянство открыто заявило притязаніе на то, что творческая мысль въ обоихъ случаяхъ принадлежала ему, а не покойному министру. И притомъ эти притязанія высказаны были не въ послѣднее время, изъ желанія оспаривать лавры «богатыря русской мысли», а нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда эти лавры еще казались спорными.

Въ февралѣ 1911 и въ мартѣ 1912 г. на засѣданіяхъ объединеннаго дворянства нѣкоторыя лица прямо заявляли, что и законъ 3-го іюня, и указъ 9-го ноября обязаны своимъ происхожденіемъ почину дворянства. «Жизнь намъ говоритъ—заявилъ Н. Е. Марковъ,—что если бы дворяне не вступились въ дѣла государственныя, если бы русское дворянство не оставило въ сторонѣ толстые томы свода законовъ и не съѣхалось бы въ Петербургъ, не возвысило бы свой мощный и благородный голосъ, то многое въ Россіи стало бы иначе, чѣмъ теперь есть. *Даже актъ 3-го іюня былъ подсказанъ извѣстнымъ постановленіемъ здѣшняго собранія*. Я, конечно, не смѣю говорить, что именно наше постановленіе повлекло за собою актъ 3-го іюня; такъ дерзновенно я не смѣю думать. Тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что предположеніе, которое было осуществлено впослѣдствіи въ законодательномъ порядкѣ, задолго до третьяго іюня было высказано на съѣздѣ благороднаго дворянства».

Съ такою же откровенностью дворянинъ Павловъ въ 1912 г. указалъ на то, что и указъ 9-го ноября внушенъ былъ правительству никѣмъ инымъ, какъ объединеннымъ дворянствомъ. «Шесть

лѣтъ тому назадъ мы, объединенное дворянство, и ранѣе Московскій и Саратовскій съѣзды землевладѣльцевъ поставили ребромъ вопросъ о собственности въ то время, когда великолѣпные министры освобожденія въ лицѣ Кутлера и компаніи, проводили принудительное отчужденіе земли. Въ 1906 г., мы, имѣя противъ себя, кромѣ улицы, массу сановниковъ, сильнѣйшихъ враговъ, установили общее положеніе о правѣ собственности, блистательно разрѣшили вопросъ экономическаго строя деревни, утвердили это положеніе о собственности и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ услышали, что правительство идетъ параллельно съ съѣздомъ въ лицѣ своихъ представителей, борясь съ Думой». Такія заявленія весьма цѣнны: они позволяютъ раскрыть тотъ сословный, классовый источникъ, изъ котораго вытекло и обращеніе народнаго представительства въ дворянское, и насильственное расторженіе общиннаго землевладѣнія, съ усиленіемъ пролетаризаціи народныхъ массъ.

Необходимо воздать каждому должное и не возлагать на плечи одного бремя мѣропріятій, измышленныхъ сознательно цѣлымъ сословіемъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе активной его частью, въ интересахъ самого этого сословія. Разумѣется, что и при отсутствіи такихъ откровенно высказанныхъ притязаній гг. Маркова и Павлова, историку не трудно было бы обнаружить «скрытые факторы» переживаемой нами контръ-революціи. Для этого достаточно было бы сопоставить тѣ взгляды, какіе высказывались въ правительственныхъ сферахъ при первоначальномъ обсужденіи нашихъ Основныхъ Законовъ, съ тѣми, которые восторжествовали при изданіи указа 3-го іюня. Никакого сомнѣнія въ причастности дворянства къ рѣзкой перемѣнѣ положенія, занятаго правительствомъ по отношенію къ крестьянству, не остается послѣ такаго сравненія. Вотъ что говорилось въ 1906 г.: «крестьяне—элементъ по преимуществу консервативный, оплотъ престола и самодержавія. Нельзя опираться на сословіе дворянское, такъ какъ оно распадается, и опорой можетъ быть крестьянство. Оно не колеблетъ самодержавія, не требуетъ уступокъ; несомнѣнно, крестьяне—опора престола, они держатъ на плечахъ всю Россію, имъ въ Думѣ должно быть отведено достойное мѣсто. Надо прямо опредѣлить, что 44% членовъ Думы избирается крестьянами изъ своего сословія... Необходимо обезпечить присутствіе крестьянамъ въ Думѣ, какъ элемента консервативнаго. Объ устойчивую стѣну консервативныхъ крестьянъ разобьются всѣ волны краснорѣчія передовыхъ элементовъ... Крестьянъ можно уподобить цѣнному балласту, который придаетъ устойчивость кораблю—Думѣ въ борьбѣ со стихійными теченіями и увлеченіями общественной мысли... Крестьяне представляютъ безъ сомнѣнія элементъ консерва-

тивный, въ которомъ будущая Дума очень нуждается. Сто милліоновъ народа не заражено властолюбивыми похотями и не стремится къ народоправству... Историческія преданія твердо держатся въ одномъ крестьянствѣ. Даже въ настоящее время физіономія крестьянства осталась неизмѣнной. Не то сталось съ дворянствомъ».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими взглядами, нашъ первый избирательный законъ предписалъ производство выборовъ отъ крестьянства на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ въ первую очередь, при чемъ участвовать въ нихъ могли только уполномоченные отъ волостей. Теперь, условія радикально измѣнились и выборъ члена Думы изъ числа уполномоченныхъ отъ волостей производится составомъ всѣхъ прибывшихъ въ губернское избирательное собраніе выборщиковъ. Такимъ образомъ частные землевладѣльцы, въ средѣ которыхъ преобладаютъ дворяне, въ концѣ концовъ рѣшаютъ вопросъ о томъ, кому быть истолкователемъ крестьянскихъ требованій. А если искать объясненіе такой рѣзкой перемѣны, то ее, какъ мнѣ кажется, всего легче найти въ тѣхъ заявленіяхъ, какія не разъ дѣлаемы были на съѣздахъ уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ отъ 32-хъ губерній. При обсужденіи адреса, который объединенное дворянство намѣрено было послать Государю, князь Дм. Цертелевъ настаивалъ на необходимости сосредоточить все вниманіе не на аграрномъ, а на политическомъ вопросѣ. Онъ предлагалъ дворянству высказаться за самодержавіе, но не настаивать теперь же на роспускѣ Думы; «она должна существовать до тѣхъ поръ—заявлялъ онъ—пока мы не будемъ увѣрены, что соберется лучшая, въ которой революціонныя партіи—соціалъ-демократы и анархисты—не получатъ преобладанія. Въ нашемъ адресѣ надо указать, что Дума не есть выразительница народныхъ желаній, потому что она заранѣе была подготовлена, потому что карты были подтасованы».

«Положеніе наше,—жаловался А. А. Кирѣевъ,—положеніе всего Россійскаго дворянства, пошатнулось, понизилось, потому что мы слишкомъ легко отказались отъ нашей исторической роли, добровольно пошли за чужими вождями, стали молиться чужимъ богамъ. Смягчающимъ нашу вину обстоятельствомъ можетъ быть признано то, что монархическій строй, которому мы изъ рода въ родъ служили вѣрой и правдой, самъ пошатнулся, самъ добровольно, безъ всякой вѣской причины, сошелъ съ своего историческаго пути и умалился до неузнаваемости... Но мы все еще крѣпкая корпорація, вокругъ которой могутъ сгруппироваться консервативныя силы страны... Мы должны стать на сторону правительства и всѣми силами поддержать его... Спѣшу добавить, что это ничуть не доказываетъ, чтобы мы имѣли малѣйшую охоту возстановить прежній бюро-

кратическій строй, столь блистательно доказавшій свою негодность». Такое предложеніе не удовлетворяетъ лишь незначительное меньшинство, которое въ лицѣ г. Хотяинцева настаиваетъ на принятіи собраніемъ адреса слѣдующаго содержанія: «Царь-Государь, Батюшка! Не снимай съ себя самовольно бремя правленія Твоимъ народомъ, не умаляй власти Твоей... Имѣй на соборѣ совѣтъ съ землей твоей, но не дѣлись съ нею властью. Тебѣ одному вручена она отъ Бога».

«Только крѣпость правительства удерживаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ всѣ тѣ враждебныя силы, которыя на насъ надвигаются.—Для насъ нужно это сильное правительство — заявилъ Р. Н. Кованько. — Мы рѣшились себя защищать, защищать свою собственность и правительство насъ поддержитъ». «Одно теперь спасеніе—въ непреклонной волѣ монарха,—заявляетъ дворянинъ Павловъ.—Дворянство не потеряло надежды, что Государь воспользуется своимъ священнымъ, царственнымъ правомъ и повелитъ народу прекратить пагубную, внутреннюю борьбу и насиліе. Опомнится народъ и прекратитъ неслыханный разбой, безсмысленно и безцѣльно натравленный на малочисленное дворянское сословіе».

Дворянинъ К. М. Гриммъ высказываетъ опасеніе, какъ бы въ случаѣ преждевременнаго роспуска Думы сорокъ два человѣка лѣвой партіи не вздумали сказать народу: мы все дѣлали для того, чтобы добиться земли, а насъ распустили. «Народъ вѣритъ лѣвой партіи. Уже и теперь крестьяне не желаютъ покупать земли и ждутъ рѣшенія Думы. Дума имѣетъ громадное значеніе, потому что выдвинула на первый планъ земельный вопросъ и этой землей манитъ крестьянина».

«Политическіе выборы,—утверждаетъ дворянинъ Ознобишинъ,—во всѣхъ странахъ основаны на лжи и обманѣ. Если Думу распустятъ и выберутъ другую, то результаты будутъ тѣ же, такъ какъ одинаковыя условія вызываютъ тѣ же послѣдствія».

«Центръ тяжести всего нестроенія—говоритъ Н. Е. Марковъ,—есть земельный вопросъ. Если онъ будетъ разрѣшенъ удачно, то царская власть можетъ дѣлать что угодно: народъ будетъ на ея сторонѣ».

Дворянинъ Зыбинъ указываетъ, что причина неудачнаго состава Думы лежитъ въ неудачно созданной системѣ выборовъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ заявленій нетрудно, какъ мнѣ кажется, прійти къ заключенію, что аграрная революція запугала дворянство, что не рѣшаясь ходатайствовать о возстановленіи прежняго строя, изъ ненависти къ бюрократіи, оно въ то же время возложило всѣ надежды на верховную власть и созванный ею земскій соборъ, въ которомъ дворянству обезпечена была бы возможность

широкой защиты его интересовъ. Не указывая прямо, въ какомъ направленіи долженъ быть измѣненъ выборный законъ, оно настаивало на той мысли, что дѣйствовавшая при выборахъ система—причина того, что «мечтою о землѣ враги русской государственности пріобрѣли возможность завоевать слѣпое довѣріе крестьянъ и, возбуждая низменные инстинкты, поднять крестьянскія массы на безсознательную борьбу».

II.

Связь между указомъ 9-го ноября и программой, выставленной съѣздомъ объединеннаго дворянства, еще болѣе бросается въ глаза. То разрушеніе общины, которое является прямой задачей указа, нигдѣ въ мірѣ не обходилось безъ столкновенія экономическихъ интересовъ, какъ въ средѣ самихъ аграрныхъ коммунъ, такъ и въ отношеніяхъ къ нимъ всѣхъ сословій, владѣющихъ землею. Въ книгѣ, написанной мною много лѣтъ тому назадъ и озаглавленной: «Сельская община, причины, ходъ и послѣдствія ея разложенія», эта мысль положена была въ основу всѣхъ соображеній, высказанныхъ по поводу исчезновенія имущественной нераздѣльности какъ родовыхъ, такъ и общинныхъ и семейныхъ союзовъ. Я иллюстрировалъ ее примѣрами Индіи, Мексики, Перу и, наконецъ, Алжира.

Въ другой моей работѣ: «О причинахъ разложенія сельской общины во французской Швейцаріи», та же мысль обоснована матеріаломъ, доставленнымъ мнѣ средневѣковыми и позднѣйшими по времени грамотами кантона Ваадтъ. Въ «Экономическомъ ростѣ Европы» я старался привлечь въ доказательство той же мысли матеріалъ какъ изъ нѣмецкой и итальянской Швейцаріи, такъ и изъ Франціи и Англіи. Въ работѣ доктора Франца Кристофа объ общинныхъ земляхъ или альмендахъ Пруссіи [1]), также не разъ указывается на вліяніе, какое столкновеніе экономическихъ интересовъ оказываетъ на замѣну коллективныхъ формъ пользованія индивидуальной собственностью. Классовая борьба нерѣдко отодвигается изслѣдователями на второй планъ въ виду той роли, какую, по преимуществу съ середины XVIII-го вѣка и начавшагося развитія капиталистическаго хозяйства сыграло ученіе экономистовъ о томъ, что совмѣстное пользованіе землею является препятствіемъ къ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ и условіемъ меньшей производительности земледѣлія. Но такъ какъ процессъ разложенія земледѣльческой

[1]) Die ländlichen Gemeindegüter in Preussen. 1906.

общины начался еще въ эпоху господства не только трехпольнаго, но и двухпольнаго хозяйства, то, очевидно, нельзя возложить всю отвѣтственность за упраздненіе мірскихъ пользованій исключительно на экономическую доктрину XVIII-го и XIX-го столѣтій, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ вѣкѣ въ противовѣсъ ей создалась и другая, благопріятная сохраненію имущественной нераздѣльности общинъ, главнымъ образомъ по соображеніямъ соціальнаго, но отчасти и экономическаго характера.

Общераспространенность того явленія, что первобытный аграрный коммунизмъ исчезаетъ подъ вліяніемъ столкновенія экономическихъ интересовъ, оправдывается и по отношенію къ Россіи. Положеніе 19 февраля 1861 г. предоставило крестьянамъ право послѣ уплаты выкупныхъ платежей настаивать на своемъ выдѣленіи изъ общины. Оно предвидѣло также тотъ случай, когда въ средѣ самой общины скажется желаніе покончить съ нераздѣльностью и перейти если не къ личной собственности, то къ семейной или дворовой. Для такого рѣшенія достаточно было простого большинства. Въ царствованіе Александра II-го, несмотря на такую возможность положить конецъ нераздѣльности, крестьянство почти не пользовалось предоставленнымъ ему правомъ выхода, прежде всего, разумѣется, потому, что у него не имѣлось достаточныхъ средствъ для окончательной расплаты съ казной. Въ слѣдующее царствованіе произошелъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый сдвигъ, прежде всего связанный съ тѣмъ, что значительная часть выкупныхъ платежей была выплачена. Правительство было озабочено обнаружившейся перемѣной; благодаря вмѣшательству всесильнаго въ то время К. П. Побѣдоносцева—горячаго сторонника «міра»—изданъ былъ указъ 14 декабря 1893 г., затормозившій дальнѣйшій выходъ крестьянъ изъ общины, между прочимъ, требованіемъ, чтобы постановленіе на счетъ перехода къ раздѣлимости было принято не менѣе, какъ двумя третями всѣхъ членовъ сельской общины. Это не остановило внутренняго процесса разслоенія общины, но заставило его вылиться не въ формѣ мобилизаціи земли въ средѣ общинъ путемъ купли-продажи, а въ формѣ негласныхъ договоровъ и соглашеній между людьми, поставленными въ необходимость или желающими уйти изъ деревни, и тѣми, кто готовъ былъ принять на себя, вмѣстѣ съ ихъ надѣлами, и слѣдующіе съ этихъ надѣловъ платежи. Измѣненія въ составѣ фактическихъ пользователей вызывались то задолженностью, то переходомъ къ ремесленной, промышленной или торговой дѣятельности, то переселеніемъ на новыя мѣста жительства. Крестьянскій дворъ передавалъ свой надѣлъ, въ большинствѣ случаевъ, не безвозмездно; только предварительная задолженность могла заставить дворъ отка-

заться отъ всякаго имущественнаго эквивалента. Какъ только указомъ 9-го ноября 1906 г. открыта была возможность ликвидировать сложившіяся такимъ образомъ отношенія; сразу, въ первые же годы, слѣдовавшіе за указомъ, явилось значительное число желающихъ раздѣла. Въ 1907 г. болѣе двухсотъ восемнадцати тысячъ селеній высказались за раздѣлъ, а въ два слѣдующихъ затѣмъ, въ первый—840 тысячъ съ лишнимъ, во второй— почти 650 тысячъ. Съ этого времени цифра настаивающихъ на раздѣлѣ падаетъ почти на половину: въ 1910 г. ходатайствъ подобнаго рода всего можно насчитать 348,336, а въ первой половинѣ слѣдующаго года—всего 114,447.

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ самой общинѣ стало происходить разслоеніе. Но какими причинами, спрашивается, вызывался самый этотъ процессъ? Мы имѣемъ сравнительно мало данныхъ для сужденія о томъ, какія теченія побуждали крестьянъ къ выходу изъ нераздѣльности. Сельско-хозяйственный опросъ, предпринятый въ министерство С. Ю. Витте, не даетъ на этотъ счетъ необходимыхъ данныхъ. Приходится довольствоваться тѣмъ, что собрано отдѣльными изслѣдователями въ отдѣльныхъ областяхъ Россіи. Въ числѣ общинъ, ранѣе другихъ заявившихъ о своемъ желаніи выйти изъ нераздѣльности еще до изданія указа 9-го ноября, стоятъ нѣкоторыя села Псковской губерніи, въ частности—Холмскаго уѣзда. Псковская губернія примыкаетъ къ Лифляндіи, гдѣ мірское землевладѣніе неизвѣстно и гдѣ значительная затрата капитала подняла земледѣліе на значительную высоту. Примѣръ сосѣдей, повидимому, увлекъ крестьянъ во многихъ частяхъ Псковской губерніи. На основаніи данныхъ, собранныхъ г. Кисляковымъ на мѣстахъ, можно придти къ заключенію, что восемь общинъ Холмскаго уѣзда сознательно преслѣдовали одну и ту же цѣль—упраздненіе черезполосицъ и соединеніе въ одинъ участокъ паевъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ и принадлежащихъ къ одному и тому же надѣлу. Въ нѣкоторыхъ приводимыхъ г. Кисляковымъ актахъ раздѣла прямо значится: «находя самымъ выгоднымъ и удобнымъ по сельскому хозяйству, всѣ единогласно постановили находящуюся въ нашемъ общинномъ пользованіи землю распредѣлить на постоянные подворные участки, соразмѣрно имѣемымъ каждымъ изъ насъ душевымъ надѣламъ» [1]).

Подобныя же мысли были высказываемы крестьянами Смоленской губерніи, въ 1902 г., членамъ земской комиссіи, производившей разслѣдованіе о томъ, какъ относятся сельскіе воздѣлыватели земли къ мірскому владѣнію. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ жа-

[1]) К. М. Кисляковъ. «Раздѣлъ общинныхъ земель въ Холмскомъ у. Псковской губ.», Псковъ, 1907.

ловались на то, что нераздѣльность является препятствіемъ къ лучшему воздѣлыванію почвы, что крестьянинъ не рѣшается произвести необходимыя издержки при переходѣ къ болѣе интенсивному земледѣлію изъ страха, какъ бы его надѣлъ не перешелъ въ чужія руки при ближайшемъ передѣлѣ. Жаловались и на то, что при разбросанности полосъ, входящихъ въ составъ одного надѣла, крестьянинъ теряетъ немало времени при переносѣ работы съ одного мѣста на другое. Недовольство вызывало также то обстоятельство, что при системѣ открытыхъ полей и отсутствіи загородей скотъ травитъ поля и луга. Но наряду съ этими и нѣкоторыми иными соображеніями экономическаго характера, представлялись и другія, свидѣтельствующія о борьбѣ въ средѣ самой общины. Бѣднѣйшіе не разъ заявляли, что изъ нераздѣльности выгоду извлекаютъ тѣ, у кого много скота: она позволяетъ имъ посылать его на землю сосѣдей послѣ уборки хлѣбовъ. Отмѣчу тотъ фактъ, что однохарактерныя заявленія можно встрѣтить въ наказахъ сельскихъ приходовъ Франціи въ 1789 году. Наименѣе зажиточные, слывшіе подъ названіемъ manouvriers, т. е. работающихъ исключительно руками (мы бы сказали: батраки), настаивали на томъ, что богатѣи, называвшіеся пахарями («laboureurs») обременяютъ общіе выпасы своимъ скотомъ и одни извлекаютъ выгоду изъ тѣхъ порядковъ, при которыхъ всѣ земли послѣ уборки поступаютъ въ общее пользованіе [1]).

Тѣми же наименѣе зажиточными крестьянами Смоленской губерніи высказывались слѣдующія мысли насчетъ выгодъ нераздѣльности. Пока она держится, дѣти крестьянъ могутъ быть увѣрены въ томъ, что не лишатся своей части въ землепользованіи. Всякій новый передѣлъ, (а не одинъ коренной), всякая даже простая «свалка и навалка» платежей и повинностей необходимо будетъ считаться съ тѣми перемѣнами, которыя произошли въ численномъ составѣ двора; увеличенъ будетъ надѣлъ тѣхъ дворовъ, у которыхъ число членовъ возрасло на счетъ тѣхъ, у которыхъ въ этомъ отношеніи послѣдовала убыль. Сторонники сохраненія мірского пользованія высказывали опасеніе, что при окончательномъ раздѣлѣ земли болѣе другихъ нуждающіеся продадутъ свои надѣлы полностью или отчасти и сдѣлаются нищими, а въ настоящихъ условіяхъ они даже при малоземельи извлекаютъ изъ мірскихъ порядковъ ту выгоду, что ихъ скотъ пасется «на толокѣ» или «нарѣ», на немногихъ еще уцѣлѣвшихъ выпасахъ и пустопорожней землѣ. Разъ возведены будутъ

---

[1]) Данныя на этотъ счетъ можно найти въ моей книгѣ: «О происхожденіи мелкой собственности во Франціи».

загороди—всѣ эти пользованія прекратятся; придется удовольствоватся только тѣмъ количествомъ, которое имѣется на отрубѣ. Бѣдняку надо будетъ въ концѣ концовъ разстаться и съ быками, и съ лошадьми, а это равносильно для него прекращенію хозяйства [1].

Въ своей оцѣнкѣ выгодъ мірскихъ порядковъ землевладѣнія, крестьяне отправлялись отъ той точки зрѣнія, что при нихъ всѣ «рты» надѣлены одинаковымъ правомъ на полученіе паевъ. Но это, разумѣется, не единственная форма мірского пользованія. Во многихъ селеніяхъ землю при передѣлѣ получаютъ одни совершеннолѣтніе, одни годные къ службѣ. Въ такихъ случаяхъ обремененныя малолѣтними дѣтьми семьи не получаютъ тѣхъ прибавокъ, о которыхъ упомянуто было выше. Ихъ интересы приносятся въ жертву тѣмъ дворамъ, въ которыхъ имѣется большое число совершеннолѣтнихъ или «рекрутскихъ душъ». И въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ земля разверстана между одними плательщиками налоговъ, крестьянскіе дворы поставлены въ разныя условія, независимо отъ числа составляющихъ ихъ членовъ. Всѣ эти различія во внутреннемъ распорядкѣ вліяютъ и на ту оцѣнку, какую даютъ ему въ разныхъ мѣстностяхъ крестьяне. Вотъ почему въ однихъ селахъ на сторонѣ міра стоятъ менѣе зажиточные, въ другихъ—наоборотъ. Очень часто тѣ, которыхъ называютъ «кулаками», т. е. которые успѣли уже накопить нѣкоторый капиталъ, высказываются за окончательный раздѣлъ, въ надеждѣ, что задолжавшіе имъ крестьяне расплатятся съ ними уступкой своихъ надѣловъ. Однимъ словомъ, русская деревня далеко не представляла картины той гармоніи интересовъ, на которой настаивали оптимисты крестьянскаго быта. Рознь между «хозяйственнымъ мужичкомъ» или кулакомъ, часто слывущимъ подъ названіемъ «міроѣда», и среднимъ крестьяниномъ весьма значительна и далеко не представляетъ преходящаго явленія.

Но если по указаннымъ причинамъ крестьяне далеко не придерживались одного и того же мнѣнія по вопросу о мірскомъ землевладѣніи, то объединенное дворянство проникнуто къ нему безусловной враждебностью. За исключеніемъ немногихъ славянофиловъ, готовыхъ повторять слова, якобы сказанныя нѣкогда Кошелеву графомъ Кавуромъ: «Россія завоюетъ міръ своей сельской общиной, освободившей ее отъ пауперизма и пролетаріата», — дворянство, какъ цѣлое, враждебно системѣ періодическихъ передѣловъ. Независимо отъ всякой теоріи, рядъ интересовъ чисто хозяйственныхъ легко объясняетъ эту предвзятость. Насколько крестьянинъ является

---

[1]) См. *Чернышевъ*. «Что думали крестьяне объ общинномъ землевладѣніи наканунѣ указа 9 ноября», (СПБ. 1912, стр. 31—37).

владѣльцемъ надѣла, его нельзя поставить въ отношеніе къ помѣстному хозяйству въ ту матеріальную зависимость, въ какой находится, скажемъ, въ Англіи сельскій батракъ—«labourer», не имѣющій ни кола, ни двора, получающій свою усадьбу отъ собственника или фермера и живущій исключительно заработкомъ. Крестьянинъ не всегда пойдетъ къ помѣщику на полевую работу, а займется прежде всего уборкой собственнаго поля. При обсужденіи въ 1861-мъ году губернскими комитетами и ихъ уполномоченными условій выхода крестьянъ на свободу раздавались голоса въ пользу введенія въ Россіи англійской системы батрачества, какъ обезпечивающей помѣстьямъ постоянный трудъ пролетаризированныхъ массъ. Въ то же время въ средѣ помѣщиковъ нѣкоторое время преобладало теченіе, неблагопріятное свободѣ переселенія крестьянъ, а потому и мирившееся съ политикой, затруднявшей выходъ изъ общины. Это теченіе опять таки вызвано было себялюбивымъ расчетомъ: нежеланіемъ лишиться дешевыхъ рабочихъ и выгодныхъ арендаторовъ. Общинный крестьянинъ смотритъ на заработокъ у помѣщика какъ на прибавку къ доходу, получаемому имъ отъ земли, а при снятіи помѣщичьихъ участковъ въ аренду ни во что цѣнитъ свой собственный трудъ. При такихъ условіяхъ мірскіе надѣлы оказывали русскимъ землевладѣльцамъ ту же услугу, какую англійскимъ—денежная помощь, щедро расточавшаяся публичной благотворительностью, особенно до реформы 1834 г. и сокращенія размѣровъ «призрѣнія нищихъ» внѣ стѣнъ рабочаго дома (Outdoor relief). Такая система позволяла англійскимъ лендлордамъ держать заработную плату ниже уровня издержекъ существованія. Недостающее пополнялось средствами, доставляемыми приходскимъ налогомъ въ пользу нищихъ.

Въ послѣднее время наше помѣстное дворянство прекратило свое прежнее противодѣйствіе переселеніямъ и увидѣло въ нихъ одно изъ средствъ удовлетворить земельную нужду крестьянства, которой оно не отрицаетъ, но лишь насколько такая нужда носитъ мѣстный характеръ; общаго же малоземелья крестьянъ дворяне не признаютъ. Съ перемѣной своего отношенія къ переселенію дворянство еще болѣе стало настаивать на вредѣ мірского землевладѣнія, обвиняя его прежде всего въ томъ, что, создавая въ крестьяствѣ увѣренность въ матеріальномъ обезпеченіи, оно вызываетъ въ немъ ту лѣнь, которая парализуетъ интенсивность его труда и невыгодно отражается на хозяйственныхъ оборотахъ помѣщика. Къ этимъ обвиненіямъ за послѣднее время присоединилось еще одно: земельная община заподозрѣна въ томъ, что она поддерживаетъ въ крестьянствѣ коммунистическія пристрастія, или, какъ выражаются члены объединеннаго дворянства, благодаря нѣкоторому

смѣшенію понятій — идею соціализма. Мысль о томъ, что земля должна принадлежать ея воздѣлывателямъ, и государство обязано обезпечить ее подрастающимъ поколѣніямъ—тотъ источникъ, откуда, будто бы, и вытекло теченіе, благопріятное принудительному отчужденію помѣщичьихъ земель съ цѣлью удовлетворить «земельный голодъ» крестьянства. Въ тѣсной связи съ общиннымъ землевладѣніемъ стоятъ, по мнѣнію объединеннаго дворянства, и крестьянскіе бунты, обрушившіеся на помѣстное сословіе въ 1906-мъ году.

Въ адресѣ Государю члены объединеннаго дворянства 29 губерній объявляютъ, что аграрный вопросъ поднятъ былъ внутренними врагами государства. «Стремясь къ политическому и экономическому превосходству, враги русской государственности пытаются завоевать мечтою о землѣ слѣпое довѣріе крестьянъ и, возбуждая низменные инстинкты, поднять крестьянскія массы на безсознательную борьбу. Проповѣдь отчужденія земли скрываетъ за собою и служитъ первымъ шагомъ къ побѣдѣ идеи соціализма, отвергающаго всякую собственность. На пути къ осуществленію этой идеи въ Россіи стоитъ частное землевладѣніе, защищая собою и неприкосновенность крестьянскаго землевладѣнія, а потому полное уничтоженіе землевладѣнія необходимо для соціализма въ виду дальнѣйшей возможности легко упразднить и собственность крестьянъ, отдавъ потомъ весь народъ, обезземеленный и обнищавшій, въ руки международнаго капитала [1]).

Не останавливаясь на фантастичности послѣдняго вывода, отмѣтимъ только тотъ фактъ, что дворянство считаетъ общину виновникомъ распространенія соціалистическихъ идей, съ которымъ произвольно смѣшивается и идея добавочнаго надѣленія крестьянъ землею, путемъ выкупа казною части помѣщичьихъ земель. Эта мысль красною нитью проходитъ и въ основныхъ положеніяхъ по аграрному вопросу, выработанныхъ комиссіей съѣзда или, вѣрнѣе, однимъ изъ ея членовъ, занимающимъ въ настоящее время выдающееся положеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этихъ положеніяхъ говорится, между прочимъ, что неизбѣжнымъ спутникомъ всѣхъ политическихъ революцій были предложенія о раздѣлѣ частныхъ недвижимостей между лицами, обрабатывающими землю своимъ трудомъ. Такъ было, будто бы, во Франціи и въ Германіи, въ первой въ 1830, 48 и 71 годахъ, во второй—въ 1849-мъ году. Послѣ освобожденія крестьянъ и у насъ было сильное движеніе въ пользу «Чернаго передѣла»; оно повторилось послѣ заключенія Берлинскаго трактата, наконецъ, послѣ неудачной войны съ Японіей.

---

[1]) Труды 1-го съѣзда, второе изд., приложеніе VII, стр. 144—145.

Составитель докладной записки утверждаетъ, что врагами нашей государственности и сторонниками соціалистическаго строя преслѣдуется уничтоженіе всякой частной собственности на землю, что къ этому одинаково направлены аграрные проекты какъ партіи народной свободы, такъ и трудовой группы. Отмѣна права собственности отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ на надѣльную землю будетъ лишь вопросомъ короткаго времени. Если право собственности на землю будетъ уничтожено, то это будетъ лишь первымъ шагомъ къ уничтоженію всѣхъ остальныхъ видовъ имущества: на городскія недвижимости, на промышленныя и фабричныя предпріятія, денежные капиталы и т. д.—однимъ словомъ, первымъ шагомъ къ соціалистическому строю.

При обсужденіи этихъ положеній въ собраніи объединеннаго дворянства, отдѣльными ораторами постоянно подчеркивалась связь общиннаго землевладѣнія, аграрной революціи, проектовъ обязательнаго выкупа помѣщичьихъ земель и соціализма. «Надо взять быка за рога,—говоритъ баронъ Пилларъ фонъ-Пильхау,—и начать съ упраздненія общины, которая есть разсадникъ соціалистическихъ бациллъ». Дворянинъ Н. А. Павловъ заявляетъ: «Мы, земельные дворяне, знаемъ ходъ теперешней народной болѣзни. Борьба съ соціализмомъ необходима, а орудіе противъ него одно—собственность. Благодаря правительству и соціализму, страна наша стала страною лѣни». «Надо отмѣной общины вселить въ народѣ сознаніе собственности», утверждаетъ В. Л. Кушелевъ. «У насъ община, т. е. начало соціализма, уничтожила понятіе собственности,—настаиваетъ князь А. В. Урусовъ;—поэтому-то нигдѣ мы и не видимъ такого безцеремоннаго ея нарушенія, какъ въ Россіи; необходимо упразднить общину и укоренить въ народѣ понятіе собственности». «Крестьяне не отъ того волнуются,—говоритъ Л. С. Кисловскій,—что нуждаются въ землѣ; причиной всѣхъ волненій была преступная агитація, и вся опасность представляется намъ только со стороны соціализма, который внушаетъ массамъ, что необходимо отобрать землю у богатыхъ и отдать бѣднымъ». «Почему соціализмъ въ западной Европѣ не имѣетъ такого успѣха, какъ у насъ,—спрашиваетъ К. М. Гриммъ; — а потому, — отвѣчаетъ онъ, — что тамъ жизнью развито чувство собственности, между тѣмъ какъ у насъ этого чувства нѣтъ... Уничтоженіе общины было бы, поэтому, благодѣтельнымъ шагомъ для крестьянства. Государство должно итти именно по этому пути, если оно хочетъ положить конецъ соціализму». Дворянинъ Павловъ жалуется, что «у насъ (т. е. у дворянъ) осталась только третья часть земли, которую мы любили и любимъ, а передъ нами встаетъ вопросъ объ отчужденіи и этой земли. Я

любилъ свою страну до послѣднихъ мѣсяцевъ; но я долженъ признать, что это страна лѣни. Наша болѣзнь—не бѣдность, а лѣнь. Отчего колонизація Сибири идетъ такъ медленно? Отъ лѣни. Отчего аграрный вопросъ? Отъ лѣни». Единственнымъ спасеніемъ князь Н. Б. Щербатовъ считаетъ свободу выхода изъ общины и переселеніе. П. В. Поповъ, повторяя ранѣе сказанное другими, говоритъ: «Община—одно изъ тѣхъ золъ, откуда проистекаютъ неправильные взгляды крестьянъ на землю. Мы находимъ, поэтому, что она должна быть безусловно уничтожена». То же повторяютъ на всѣ лады и другіе члены собранія. Упраздненіе общины, по мнѣнію князя Урусова, «поведетъ къ созданію многочисленнаго класса собственниковъ, которые сдѣлаются союзниками дворянства въ дѣлѣ защиты его имущественныхъ интересовъ. Необходимо образовать лигу земельныхъ собственниковъ безъ различія сословій».

Община находитъ вообще мало заступниковъ въ средѣ собравшихся. Одинъ Ушаковъ, изъ Ярославской губерніи, указываетъ на ея соціальныя выгоды, предсказывая въ то же время, что при ея упраздненіи начнется разрывъ связи народа съ землей, да и исчезнетъ то тѣсное общеніе между отдѣльными дворами, какое вызывается совмѣстной жизнью въ предѣлахъ одного и того же селенія. Дворянинъ Полтавской губ. Бразоль хотя и не отстаиваетъ общину, но не считаетъ возможнымъ возложить на нее отвѣтственность за аграрные безпорядки: вѣдь они начались въ Полтавской губ., въ которой община неизвѣстна. Но эти отдѣльные голоса теряются въ массѣ тѣхъ, которые видятъ въ общинѣ очагъ соціализма и настаиваютъ на необходимости содѣйствовать переходу крестьянъ къ частной собственности; она сдѣлаетъ возможнымъ переселеніе страдающихъ малоземельемъ на свободныя земли государства. Въ адресѣ Государю дворяне обѣщаютъ «не бросать своихъ гнѣздъ, до конца выдержать трудную борьбу съ революціей, работать надъ постепеннымъ просвѣтленіемъ затуманеннаго и обольщеннаго сознанія крестьянъ, товарищей на общей нивѣ труда».

III.

Если сопоставить то, что говорилось на собраніяхъ объединеннаго дворянства въ пользу упраздненія общины, съ преніями, имѣвшими мѣсто въ палатахъ при обсужденіи указа 9-го ноября, то придется отмѣтить повтореніе врагами общины многихъ изъ числа тѣхъ положеній, которыя высказаны были объединеннымъ дворянствомъ. Эти пренія были особенно серьезны въ комиссіи, избран-

ной Государственнымъ Совѣтомъ и открывшей свои засѣданія въ октябрѣ 1909-го года. Въ Думѣ указъ 9-го ноября былъ пополненъ нѣкоторыми статьями, еще рѣзче обнаружившими систематическій походъ дворянства противъ мірской собственности. Такъ, предложено было считать перешедшими къ частному землевладѣнію всѣ тѣ общины, въ которыхъ не было передѣла за послѣдніе 24 года. Комиссіи Государственнаго Совѣта удалось создать въ собраніи теченіе, благопріятное отмѣнѣ этой прибавки. Большинство избранной комиссіею Государ. Совѣта подкомиссіи нашло, что «такое правило представляетъ повелительное требованіе закона о переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія къ личной собственности. Но такое начало принужденія является совершенно новымъ въ нашемъ крестьянскомъ землевладѣніи... Все предшествующее законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи, выходъ изъ общины цѣлыхъ селеній или отдѣльныхъ домохозяевъ всегда ставило въ зависимость отъ воли общества или домохозяина... Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр., въ центральныхъ губерніяхъ, общинная форма землевладѣнія доживаетъ свой вѣкъ, то на востокѣ Европейской Россіи общинный строй еще вполнѣ соотвѣтствуетъ правосознанію населенія, а жители Восточной Сибири не доросли еще до общинныхъ формъ землевладѣнія, и держатся болѣе первобытныхъ способовъ, напр. заимочнаго землепользованія. Тамъ общинѣ, можетъ быть, предстоитъ еще упрочиться и развиться». Меньшинство подкомиссіи отмѣчало еще болѣе рѣзко тотъ фактъ, что проектъ «узаконяетъ пріемы искусственнаго и по существу насильственнаго разрушенія строя земельной общины, издавна существующаго въ Россіи и во многихъ случаяхъ отвѣчающаго быту и интересамъ крестьянскаго населенія. Такіе пріемы недопустимы независимо отъ принципіальнаго отношенія къ общинной формѣ землевладѣнія. Какъ бы ни относиться къ ней, нельзя признать правильной такую земельную политику, которая неизбѣжно поведетъ къ обезземеленію болѣе или менѣе значительной части нашего крестьянства. При ограниченномъ и безъ того приложеніи труда крестьянъ внѣ земледѣлія, послѣдствіемъ явится усиленіе безработицы и нищеты». По отношенію къ ст. первой, признававшей, что общества и селенія, не производившія общихъ предѣловъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ, тѣмъ самымъ признаются перешедшими къ частному землевладѣнію, сказано: «такое предположеніе не отвѣчаетъ дѣйствительности. Всѣмъ извѣстно существованіе частичныхъ передѣловъ или такъ называемой скидки и навалки душъ. Распространеніе такихъ частичныхъ передѣловъ устраняло потребность въ общихъ, такъ что отсутствіе послѣднихъ не можетъ служить признакомъ умиранія общиннаго начала въ сознаніи населенія».

Противники общины не отрицали того, что при свободномъ выдѣлѣ изъ нея нѣкоторая часть крестьянъ оторвется отъ земли и потеряетъ съ нею связь. Но они не видѣли въ этомъ бѣды, утверждая, что часть разорвавшихъ съ землею будетъ служить матеріаломъ для правильно организованнаго земледѣлія, а часть найдетъ работу на мѣстахъ, въ среднихъ и крупныхъ хозяйствахъ, нуждающихся въ наемномъ трудѣ.

Когда открылись пренія въ общемъ собраніи Госуд. Совѣта, противники общины пустили въ ходъ не одни экономическія соображенія, но и соображенія, такъ сказать, соціальнаго и политическаго характера. Предсѣдатель совѣта министровъ откровенно призналъ, что при изданіи указа 9-го ноября имѣлась въ виду и борьба съ революціей. «Смута политическая, революціонная агитація, приподнятыя нашими неудачами—сказалъ онъ,—начали пускать корни въ народѣ, питаясь смутою гораздо болѣе серьезной, смутою соціальной, развившейся въ нашемъ крестьянствѣ. Отсюда естественный выходъ — необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излѣчить коренную болѣзнь, давъ возможность крестьянству выйти изъ бѣдности, изъ невѣжества, изъ земельнаго нестроенія. На законъ 9-го ноября надо смотрѣть съ угла зрѣнія соціальнаго». П. А. Столыпинъ не отстаивалъ того добавленія, какое было предложено Думою, и полагалъ, что нѣтъ основанія считать перешедшими къ частной собственности общины, въ которыхъ 24 года не было передѣловъ. «Измѣненіе существующаго порядка по отношенію къ нимъ—справедливо думалъ онъ,—вызвало бы среди крестьянъ лишь волненіе, недоумѣніе». Его увѣренность въ томъ, что и безъ такой прибавки указъ 9-го ноября поведетъ къ упраздненію общиннаго землевладѣнія, сказалась въ пророчествѣ, что «при успѣшной работѣ» лѣтъ черезъ двадцать, общины въ Россіи тамъ, гдѣ она уже отжила свой вѣкъ, почти не будетъ.

Проф. Мануиловъ, говоря вслѣдъ за этой рѣчью, имѣлъ полное право сказать слѣдующее: «Никто не сомнѣвается въ томъ, что настоящій законопроектъ направленъ противъ общиннаго землевладѣнія, и что такая мѣра мотивируется тѣмъ, что община есть зло, и что ее слѣдуетъ упразднить возможно скорѣе». Бехтѣевъ, ранѣе принимавшій участіе въ засѣданіяхъ объединеннаго дворянства, заявилъ, что указъ 9 ноября нуженъ для раскрѣпощенія крестьянъ и укрѣпленія принципа собственности. Но онъ въ то же время справедливо настаивалъ на томъ, что отсутствіе знаній есть главная причина нашихъ неурожаевъ и что поэтому упраздненіемъ общины мы еще не достигнемъ высокаго сельско-хозяйственнаго уровня. «Далѣе— сказалъ онъ,—намъ говорятъ, необходимо какъ можно скорѣе упразд-

нить общину, потому что община явилась причиною погромовъ, которыя мы только что переживали. Но вѣдь община существуетъ не со вчерашняго дня; слѣдовательно, погромы не имѣютъ никакой связи съ общиной».

Тѣмъ, кто подобно мнѣ, предвидѣли, что послѣдствіемъ начатаго правительствомъ и продолженнаго Думою похода противъ общины будетъ ростъ сельскаго пролетаріата, противники общины возражали, что, «несомнѣнно, безземельные крестьяне, съ проведеніемъ въ жизнь указа 9-го ноября, явятся; но обезземеленіе нѣкоторыхъ крестьянъ еще не есть безусловное зло. Вѣдь въ какія руки перейдетъ земля? Говорятъ—въ руки кулаковъ или такъ называемыхъ міроѣдовъ. Во всякомъ случаѣ кулаки и міроѣды — люди стойкіе, люди крѣпкіе, люди трудолюбивые. Они безъ всякаго сомнѣнія вложатъ капиталъ въ свое хозяйство, а отъ этого хозяйства сдѣлаются болѣе интенсивными. Бывшіе владѣльцы надѣловъ, продавшіе ихъ кулакамъ-міроѣдамъ, найдутъ возможность приложить къ землѣ свои руки».

Такимъ образомъ члены объединеннаго дворянства, попавшіе въ Госуд. Совѣтъ, нисколько не отрицали, что послѣдствіемъ закона будетъ нѣкоторый разрывъ народа съ землей. Но они привѣтствовали такое явленіе, какъ способное, между прочимъ, увеличить контингентъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ или батраковъ. Мотивъ, выставленный въ собраніяхъ объединеннаго дворянства, противъ общины какъ противъ разсадника уравнительныхъ идей, отстаивался и въ средѣ Госуд. Совѣта докладчикомъ комиссіи Красовскимъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Я не могу не указать на крайне вредное значеніе основного начала общиннаго пользованія—на уравненіе долей. Замѣтьте, что уравнительное начало въ общинѣ находится въ прямой и непосредственной связи съ представленіемъ, съ которымъ такъ недавно приходилось считаться россійской государственности—съ представленіемъ о томъ, что земля ничья, что земля Божья, что кто желаетъ трудиться на землѣ—и исключительно, конечно, крестьянинъ (потому что по понятіямъ россійскаго крестьянина трудится на землѣ только онъ, а тотъ, кто прилагаетъ къ землѣ своей разумъ, свой капиталъ, тотъ не трудится)—имѣетъ неотъемлемое право не только получить столько земли, сколько ему нужно, но и получить годную землю взамѣнъ той, которую онъ испортилъ. Между началомъ уравненія и соціальными теоріями, провозглашающими: каждому по его потребностямъ, но, отнюдь, конечно, не по его заслугамъ,—существуетъ неразрывная родственная связь. Если въ понятіяхъ извѣстнаго субъекта твердо вкоренилось убѣжденіе, что тотъ, у кого больше, чѣмъ у него, долженъ, хотя бы

по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, уступить этотъ излишекъ, если, не взирая на усиленіе своего сосѣда, улучшающаго свой участокъ, дѣлающаго на немъ какія-нибудь насажденія, этотъ субъектъ твердитъ: сади, улучшай, будетъ время, отберутъ у тебя, поровняютъ,—то такой человѣкъ представляетъ собою матеріалъ, вполнѣ подготовленный для воспріятія тѣхъ соціальныхъ идей, широкая распространенность коихъ среди нашего крестьянства явилась для многихъ сюрпризомъ, но къ которымъ нашъ имущественно-безправный крестьянинъ-общинникъ былъ исподволь подготовленъ господствующими при общинѣ земельными порядками».

Я полагаю, что нѣтъ подобности продолжать этотъ рядъ выдержекъ изъ стенографическаго отчета засѣданій верхней палаты. И приведеннаго достаточно, чтобы показать общность положеній, защищаемыхъ по вопросу о мірскомъ пользованіи объединеннымъ дворянствомъ и, по крайней мѣрѣ, частью сторонниковъ общины въ средѣ Государственнаго Совѣта. Нельзя, конечно, отрицать того, что между ораторами, выступавшими въ дебатахъ въ пользу законопроекта, многіе—въ томъ числѣ представители западныхъ губерній и царства Польскаго, — имѣли въ виду по преимуществу экономическія невыгоды, связанныя съ чрезполосицей, съ длинноïольемъ, съ возможностью перехода паевъ въ чужія руки при новомъ передѣлѣ. Такихъ критиковъ общины, разумѣется, не касается проводимая здѣсь параллель. Но, что рядомъ съ ними, многіе ораторы имѣли въ виду упраздненіемъ общины искоренить самый источникъ всякаго уравнительнаго движенія—въ этомъ, какъ я полагаю, не останется сомнѣнія у каждаго, кто прочтетъ приведенныя цитаты.

Никто, повидимому, не считался съ тѣмъ фактомъ, что соціалъ-демократія постоянно высказывалась отрицательно и по отношенію къ мірскому владѣнію, и по отношенію къ семейной нераздѣльности. На это и было указано мною. «По весьма понятной причинѣ и община, и дворовое владѣніе являются препятствіемъ къ той пролетаризаціи массъ, которая необходима людямъ, полагающимъ, что окончательный строй общества будетъ установленъ борьбою классовъ, въ которой пролетаризованный крестьянинъ пойдетъ объ руку съ городскимъ пролетаріемъ-рабочимъ. И вотъ къ нимъ то будетъ сдѣланъ тотъ призывъ, который едва ли услышатъ наши крестьяне, еще сидящіе на землѣ и еще не пролетаризованные—призывъ: пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Итакъ, вмѣсто того, чтобы думать, что послѣдствіемъ сохраненія общиннаго землевладѣнія и семейной нераздѣльности будетъ ростъ рабочей партіи, ставящей въ своей программѣ классовую борьбу и, въ концѣ концовъ, диктатуру пролетаріата, можно прійти къ совершенно обрат-

ному заключенію». Никто не сталъ считаться съ моимъ заявленіемъ, и въ собраніи снова раздались голоса въ пользу упраздненія общины, какъ рассадника соціализма.

Дѣло Столыпина торжествовало, но съ тѣмъ вмѣстѣ осуществились и откровенно выраженныя желанія объединеннаго дворянства.

Максимъ Ковалевскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Кіевскіе съѣзды.—Признаки и показатели общественнаго сдвига.—Несбывшіяся ожиданія.—Съ чего началъ и чѣмъ кончилъ городской съѣздъ?—Продленіе «охраны» и исключительныя полномочія, какъ общая норма.—Синодъ о дѣлѣ аѳонскихъ монаховъ.—И. Я. Фойницкій †.—Пятидесятилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».

Въ теченіе всего сентября вниманіе общественныхъ и политическихъ круговъ принадлежало Кіеву. Мѣсяцъ начался съ открытія памятника П. А. Столыпину. Одновременно происходили два съѣзда, на которые, впрочемъ, никто ни у кого не спрашивалъ разрѣшенія и участникамъ которыхъ не приходилось оглядываться на полицейскихъ чиновниковъ: «съѣздъ» министровъ и съѣздъ націоналистовъ и октябристовъ. Немного позже былъ «первый всероссійскій сельскохозяйственный съѣздъ», а едва онъ закрылся—приступилъ къ занятіямъ, тоже «всероссійскій», съѣздъ городскихъ дѣятелей. На послѣдніе дни сентября назначено слушаніе дѣла Бейлиса.

Ни съѣздъ министровъ, само собою разумѣется, ни съѣздъ націоналистовъ и октябристовъ не были съѣздами въ точномъ и обычномъ смыслѣ. Но поскольку общественно-политическіе термины уже давно получили у насъ своеобразный смыслъ и поскольку основное значеніе нашихъ създовъ заключается отнюдъ не въ итогахъ ихъ работъ, а въ выявленіи настроенія данныхъ слоевъ,—постольку и о сентябрьскомъ пребываніи министровъ въ Кіевѣ можно говорить, какъ о съѣздѣ. При открытіи памятника министры выслушали рѣчь В. Н. Коковцова и немедленно удалились. Члены Думы говорили рѣчи въ ихъ отсутствіи. Это, въ сущности, былъ самый яркій моментъ, рядомъ съ которымъ блѣднѣетъ то, что нѣ-

которые министры почтили своимъ присутствіемъ устроенное Кіевскими и пріѣзжими націоналистами торжественное собраніе въ память П. А. Столыпина, а также блѣднѣютъ любезные полунамеки, полуколкости, которыми обмѣнялись В. Н. Коковцовъ и председатель Думы М. В. Родзянко. Объяснять нежеланіе министровъ слушать рѣчи членовъ Думы у подножія памятника весеннимъ конфликтомъ изъ-за словъ г. Маркова, конечно, не приходится. Въ Кіевъ пріѣзжала не Дума, въ лицѣ уполномоченныхъ на то делегатовъ, а отдѣльные ея члены, входящіе въ составъ двухъ наиболѣе близкихъ къ правительству фракцій. И тѣхъ же самыхъ ораторовъ, день спустя, министры нарочно пришли слушать. Но тутъ, на собраніи, и министры, и говорившіе ораторы, были людьми частными. А тамъ, на площади, было оффиціальное торжество. И министры отмѣтили, что рѣчью В. Н. Коковцова оно окончилось. По адресу Думы они снова и снова подчеркнули, что званіе члена Думы не создаетъ права ни на какія оффиціальныя выступленія. Такимъ образомъ получился фактъ, свидѣтельсвующій, насколько углубилось то отношеніе къ Думѣ, которое пятью годами «послушанія» «воспитали», по выраженію А. И. Гучкова, октябристы. Этотъ фактъ имѣлъ въ Кіевѣ и нѣсколько мелочныхъ, но чрезвычайно характерныхъ иллюстрацій. Губернаторъ запретилъ, напримѣръ, полицеймейстеру встрѣтить на вокзалѣ М. В. Родзянко и не послалъ предсѣдателю Думы приглашенія на обѣдъ, такъ какъ предсѣдатель, немедленно по пріѣздѣ, не сдѣлалъ ему визита. И только отказъ всѣхъ членовъ Думы быть на обѣдѣ заставилъ губернатора признать и исправить свою безтактность. Такъ эволюціонировало то, теперь забытое, отношеніе къ предсѣдателю Государственной Думы, которое встрѣчалъ отовсюду покойный С. А. Муромцевъ. Большинство третьей Думы «воспитывало» уваженіе къ выборному законодательному учрежденію ежедневнымъ вѣрнымъ «послушаніямъ». И воспитало...

Парламентскаго объединенія думскихъ націоналистовъ съ думскими октябристами у памятника П. А. Столыпину не произошло. Да и на чемъ могло произойти объединеніе? Не оппозиціонныя парламентскія группы могутъ объединяться только вокругъ законодательной дѣятельности, т. е. вокругъ законопроектовъ или законодательныхъ предположеній, еще не вылившихся въ законную форму, но въ главныхъ чертахъ вполнѣ опредѣлившихся. Гдѣ же сейчасъ такіе законопроекты или такія законодательныя предположенія? Въ багажѣ правительства имѣются законопроекты объ обузданіи печати, объ усиленіи надзора за кредитными операціями и нѣсколько однородныхъ, искоренительнаго типа. Изъ предположеній—есть предположенія о розгахъ. Въ багажѣ націоналистовъ нѣтъ ничего,

кромѣ совершенно неопредѣленныхъ разговоровъ о реформѣ мѣстнаго самоуправленія. Въ багажѣ октябристовъ имѣются еще болѣе неопредѣленныя мечты о томъ, что пора наконецъ вспомнить о манифестѣ, дата котораго стоитъ на ихъ знамени. Въ заключительный моментъ кіевскаго городского съѣзда А. И. Гучковъ констатировалъ «параличъ всего государственнаго организма, тяжелый застой законодательнаго творчества и глубокое разстройство управленія». Съѣздъ встрѣтилъ эти слова апплодисментами, а представитель полиціи объявилъ—ему, А. И. Гучкову!—предостереженіе. Когда же А. И. Гучковъ напомнилъ о началахъ, «возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября», представитель полиціи потребовалъ закрытія засѣданія.

По сообщеніямъ газетъ, съѣздъ сдѣлалъ А. И. Гучкову за его слова цѣлую «овацію». Не будемъ останавливаться на томъ, что «оваціи» за слова о «параличѣ государственнаго организма», о «застоѣ законодательнаго творчества» и о «глубокомъ разстройствѣ управленія» выпали на долю того, кто болѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой, повиненъ въ послѣ-конституціонномъ возвратѣ въ стародавній до-конституціонный тупикъ. Разъ тупикъ констатированъ главою октябристовъ, о какомъ же парламентскомъ объединеніи, въ цѣляхъ очередной творческой законодательной работы, можетъ сейчасъ итти рѣчь среди членовъ Думы, принадлежащихъ къ союзу 17 октября? Никогда еще за всѣ послѣ-конституціонные годы не ощущалось такъ сильно, какъ въ настоящій моментъ, что Дума стала пятымъ колесомъ государственнаго механизма. Каковъ бы ни былъ законъ 3-го іюня, каковы бы ни были пріемы, которыми правительство добилось даннаго состава четвертой Думы,—Дума, всетаки, представляетъ собою русскую общественность. Для русской же общественности снова вернулось одно возможное объединеніе: оппозиціонное.

П. А. Столыпинъ искалъ опоры сначала въ октябристахъ, затѣмъ въ націоналистахъ. Въ комъ ищетъ опоры нынѣшнее министерство? Оно ясно показываетъ, что стоитъ выше потребности въ опорѣ не только общественной, но и парламентской. По сознанію министерства, надобности въ законодательныхъ реформахъ нѣтъ. Зачѣмъ онѣ? Успокоеніе вѣдь наступило. А не нужны законодательныя реформы—всѣ парламентскія фракціи равно чужды и не нужны исполнительной власти. И на психикѣ членовъ Думы это не можетъ не отразиться. Оппозиціонныя ноты послышались даже въ словахъ г. Савенка. А сколько членовъ Думы въ теченіе лѣта сложили полномочія то вслѣдствіе избранія въ предсѣдатели уѣздной земской управы или въ городскіе головы, то «по семейнымъ обстоятельствамъ». Въ итогѣ

года пребыванія въ Думѣ люди увидѣли, что въ роли предсѣдателя земской управы или городского головы въ родномъ захолустьѣ они болѣе могутъ сдѣлать и принести пользы, нежели въ роли членовъ Думы. Едва ли можетъ быть болѣе грустный «итогъ» для «обновленнаго» строя.

И время созыва сельско-хозяйственнаго и городского съѣздовъ, пріуроченное къ открытію памятника П. А. Столыпину, и мѣсто ихъ созыва, и наименованіе съѣздовъ «всероссійскими», на подобіе «всероссійскаго національнаго союза»,—словомъ, всѣ внѣшнія обстоятельства отнюдь не предвѣщали тѣхъ бодрыхъ и яркихъ политическихъ завѣреній и требованій, которыя не только прозвучали, а положительно прогремѣли изъ Кіева. Предсказанія съѣздамъ, напротивъ, дѣлались самыя пессимистическія. Устроителемъ сельско-хозяйственнаго съѣзда было Кіевское земство —земство 87-ой статьи, сплошь находящееся во власти націоналистовъ. Устроителемъ городского съѣзда была Кіевская городская дума, нѣсколько менѣе, правда, охваченная націоналистическими тенденціями, но получившая разрѣшеніе на устройство съѣзда подъ условіемъ строгой фильтраціи представителей городовъ и еще болѣе строгаго соблюденія уже формулированной программы. Кромѣ того, естественно было ожидать, что на съѣздахъ останутся тѣ земскіе и городскіе гласные и тѣ члены Государственной Думы, которые будутъ привлечены открытіемъ памятника, и что имъ будетъ принадлежать руководящая роль. Они и остались, но не за собою повели съѣзды, а, какъ А. И. Гучковъ, сами подчинились единодушному и дѣйствительно «всероссійскому» настроенію, такъ гулко откликнувшемуся въ Кіевѣ.

Читая отчеты о сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, казалось, что перечитываешь старыя газеты, вѣрнѣе—старые номера зарубежнаго «Освобожденія», съ отчетами о московскомъ аграрномъ съѣздѣ 1901-го года или о петербургскомъ кустарномъ 1902-го года. Мысль участниковъ съѣзда работала совершенно такъ, какъ и двѣнадцать лѣтъ назадъ. Говорились тѣ же самыя рѣчи, полныя безнадежности по адресу бюрократіи, административной власти и Петербурга. Одинъ ораторъ сказалъ крылатое слово, такое знакомое и памятное тѣмъ, кто принималъ участіе въ съѣздахъ времени Сипягина и Плеве. Онъ возражалъ противъ ходатайствъ и просьбъ, ибо «наши просьбы—одно сотрясеніе воздуха, которое до Петербурга все равно не долетитъ». Красной нитью черезъ доклады и пренія проходили требованія объ уравненіи крестьянъ съ другими сословіями, о реформѣ земскаго избирательнаго права, о всесословной волости, объ осво-

божденіи деревни отъ начальнической опеки. Какъ указаніе положительнаго характера, снова была выдвинута идея общественной самодѣятельности, единственно способной вывести страну изъ тупика и, въ частности, разрѣшить если не земельный, то землеустроительный вопросъ. Такъ и думалось, что вотъ-вотъ раздастся формула: «впредь до созыва свободно избранныхъ» и т. д. Но этой формулы въ 1901 и 1902 г.г. еще не было. Она явилась на два-три года позднѣе.

Городской съѣздъ былъ непосредственно посвященъ выясненію финансоваго положенія городовъ и состоялъ исключительно изъ гласныхъ городскихъ думъ. А городскіе гласные, кромѣ одного Петербурга—почти сплошь домовладѣльцы. Поэтому, прежде чѣмъ участники съѣзда отдались политическому настроенію, они немало времени вращались вокругъ классовыхъ интересовъ собственниковъ городскихъ недвижимостей. Настроеніе, вылившееся въ «оваціяхъ» словамъ А. И. Гучкова, члены съѣзда едва-ли въ томъ самомъ напряженіи привезли съ собою съ мѣстъ. Отчеты скорѣе заставляютъ думать, что политическая оппозиціонность наростала въ нихъ уже въ Кіевѣ. Отчасти—по мѣрѣ того, какъ, слушая и вдумываясь, забота о мостовыхъ и лужахъ въ родномъ городѣ переходила въ мысль о тѣхъ препятствіяхъ общаго свойства, которыя давятъ всякій культурный общественный починъ. Отчасти и, пожалуй, главнымъ образомъ—подъ вліяніемъ предсѣдательскихъ окриковъ, останавливавшихъ всякій намекъ на необходимость реформы городового положенія.

Кіевскій городской съѣздъ началъ съ привѣтственныхъ телеграммъ предсѣдателю совѣта министровъ и министру внутреннихъ дѣлъ и съ воплей о субсидіяхъ, а окончилъ резолюціей: «Первый всероссійскій съѣздъ представителей городовъ заявляетъ: 1) что незамедлительное и полное осуществленіе намѣченныхъ съѣздомъ мѣропріятій, въ связи съ кореннымъ пересмотромъ городового положенія, является насущной необходимостью и единственнымъ выходомъ для сколько-нибудь серьезнаго улучшенія финансоваго положенія городскихъ управленій и условій городской жизни; 2) что проведеніе въ жизнь этой программы встрѣчаетъ самыя серьезныя препятствія въ современныхъ политическихъ условіяхъ, въ тяжеломъ застоѣ законодательнаго творчества, въ глубокомъ разстройствѣ управленія и въ отношеніи правительственной власти къ органамъ самоуправленія, и 3) что дальнѣйшее промедленіе въ осуществленіи необходимыхъ реформъ и уклоненіе отъ началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября, грозитъ странѣ тяжкими потрясеніями и гибельными послѣдствіями». Послѣ телеграммъ, въ первый день съѣзда посланныхъ В. Н. Коковцову и Н. А. Маклакову, эта

резолюція, встрѣченная бурей восторга въ послѣдній день его, особенно знаменательна.

Классовые интересы городскихъ представителей получили яркое отраженіе при обсужденіи двухъ вопросовъ: о размѣрѣ процента, взимаемаго въ государственный доходъ съ городскихъ недвижимостей, и о выдѣленіи городовъ изъ земской организаціи. Не менѣе характерно, съ данной точки зрѣнія, и то, что съѣздъ обошелъ полнымъ молчаніемъ законъ 1910-го года о попудномъ сборѣ съ привозимыхъ и вывозимыхъ грузовъ на замощеніе городскихъ подъѣздныхъ путей.

Новый законъ, установившій обложеніе городскихъ недвижимостей въ размѣрѣ шести процентовъ съ чистаго дохода, былъ крайне непріязненно встрѣченъ городскими думами, особенно большихъ городовъ. Въ первый же годъ его примѣненія отовсюду посыпались заявленія, что налогъ на нѣкоторыя имущества внезапно увеличился въ десять и двадцать разъ, что обложеніе стало непосильнымъ и что домовладѣльцамъ грозитъ разореніе. Тѣ же жалобы и тотъ же плачъ, въ сущности, повторялись и на съѣздѣ. Съѣздъ категорически поддержалъ уже возбужденныя городами ходатайства о пониженіи процента съ шести до трехъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, не замѣчая, что впадаетъ въ противорѣчіе, съѣздъ выставилъ программное требованіе «дней свободы» о скорѣйшемъ введеніи подоходнаго налога. Но мыслимъ ли переходъ отъ системы косвенныхъ налоговъ къ прямому обложенію безъ переоцѣнки объектовъ обложенія и безъ ея приближенія къ ихъ дѣйствительной стоимости? Увеличеніе платежей въ десять и въ двадцать разъ явилось результатомъ отнюдь не высоты взимаемаго процента, а того, что въ отношеніи городскихъ недвижимыхъ имуществъ у насъ до сихъ поръ обложеніе разсчитывалось на основаніи архаическихъ оцѣнокъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ дѣйствительной цѣнностью, ни съ дѣйствительной доходностью. И оцѣночныя работы, произведенныя въ городахъ податной инспекціей въ 1910 и 1911 гг., а равно законъ, въ силу котораго онѣ были произведены, составляютъ не что иное, какъ первый шагъ къ введенію въ будущемъ подоходнаго налога. Кромѣ того, подобный протестъ былъ бы понятенъ со стороны владѣльцевъ внѣгородской недвижимости, которые, въ общемъ правилѣ, ни на кого платимыхъ налоговъ не перелагаютъ и перелагать не могутъ. Домовладѣльцы же — особенно въ большихъ городахъ — уже съ лихвой учли всѣ шесть процентовъ по новому закону повсемѣстнымъ поднятіемъ квартирной платы.

Включеніе городовъ въ земскую организацію—вопросъ для городского самоуправленія старый. Какія бы сомнѣнія онъ ни воз-

буждалъ въ примѣненіи къ столицамъ и наиболѣе крупнымъ городамъ, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ городамъ онъ ставится безъ всякихъ основаній. Многіе уѣздные города и немалое число губернскихъ живутъ уѣздами. Много ли у насъ уѣздныхъ городовъ, имѣющихъ самостоятельное торговое значеніе? Общимъ типомъ нашего уѣзднаго города съ десятью или пятнадцатью тысячами населенія служитъ городъ, являющійся административнымъ и торговымъ центромъ только того уѣзда, который носитъ его названіе. Урожай въ уѣздѣ—благоденствуетъ городъ. Голодаетъ уѣздъ—падаетъ оживленіе въ городѣ. При такихъ условіяхъ, участіе города въ удовлетвореніи потребностей уѣзда имѣетъ несомнѣнное экономическое оправданіе. И освобожденіе городовъ отъ земскаго обложенія было бы явною несправедливостью, подсказанной узко-классовымъ пониманіемъ интересовъ городскихъ плательщиковъ.

Законъ о попудномъ сборѣ имѣетъ ту особенность, что право установленія сбора, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, законодательная власть переуступила власти министра внутреннихъ дѣлъ. Въ результатѣ, одни изъ городовъ уже два года пользуются сборомъ, а другіе, находящіеся въ одинаковыхъ условіяхъ и одновременно представившіе требуемые справки и планы работъ, никакъ не могутъ добиться то окончательнаго разрѣшенія, то благопріятнаго отзыва губернатора. Такой беспримѣрный продуктъ творчества третьей Думы не можетъ не останавливать на себѣ вниманія городовъ, тонущихъ въ непролазной грязи,—городовъ, подобныхъ Майкопу, о которомъ его представитель, г. Иваненковъ, разсказалъ на съѣздѣ слѣдующій эпизодъ. Въ Майкопѣ, по словамъ г. Иваненкова, распоряженіемъ начальника Кубанской области, установленъ на содержаніе полиціи, сверхъ общаго, особый налогъ, за невзносъ котораго неисправные плательщики подвергаются карамъ (!): заключенію въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ или штрафу до трехъ тысячъ рублей [1]). «Мы ничего—продолжалъ ораторъ,—не можемъ тратить на просвѣщеніе и на благоустройство. Только въ этомъ году въ смѣту удалось внести 9.000 руб. на засыпку лужъ въ нашемъ городѣ. Вы спросите, почему сразу такую ассигнованіе? Но тутъ намъ помогъ «счастливый» случай. Въ нашемъ городѣ въ лужѣ утонулъ монахъ»... Но о законѣ, спеціально существующемъ для «засыпки лужъ», ни г. Иваненковъ, ни другіе, говорившіе на ту же тему, не вспомнили. Купечество уѣздныхъ городовъ, т. е. главная масса мѣстныхъ домо-

---

[1]) Г. Иваненковъ, справедливо полагалъ, что безъ документальнаго доказательства ему не повѣрятъ. А потому онъ запасся нотаріальной копіей содержащаго въ себѣ это распоряженіе обязательнаго постановленія. Копія пріобщена къ матеріаламъ съѣзда.

владѣльцевъ, смотритъ на попудный сборъ какъ на новую тяготу, падающую исключительно на него.

Отчеты съѣзда сплошь пестрятъ курьезнѣйшими сообщеніями, иллюстрирующими блага административной опеки. Тотъ же г. Иваненковъ въ одномъ изъ засѣданій говорилъ: «Въ нашемъ городѣ городского головы нѣтъ, члена управы нѣтъ. Куда ни кинь —все нѣтъ да нѣтъ, потому что никого администрація не утверждаетъ. Можете себѣ представить,—у насъ даже не утвержденъ кандидатъ въ товарищи директора городского банка»... Фразу оборвалъ представитель полиціи. Онъ всталъ и объявилъ: «Дѣлаю первое предостереженіе!». Г. Иваненковъ продолжалъ: «Допустимъ, городъ Майкопъ получилъ милліонъ. Что дѣлать, когда всюду—одинъ клинъ? Исполнители администраціей такъ просѣиваются»... Представитель полиціи вновь поднялся и сдѣлалъ второе предостереженіе. «Дайте сказать самое главное—взмолился г. Иваненковъ—наши исполнители»... «Лишаю васъ слова!»—объявилъ предсѣдатель...

Реформа городового положенія оффиціально поставлена на очередь. Городская группа Государственной Думы разослала во всѣ города опросные листы. Министерство внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, собираетъ свѣдѣнія и готовитъ законопроектъ. Печать трактуетъ вопросъ непрерывно и безпрепятственно: еще ни одинъ редакторъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ и не платилъ штрафовъ за мысль о томъ, что необходимы земская и городская реформы. Мало того: и содержаніе реформы, въ смыслѣ освобожденія органовъ самоуправленія отъ административнаго гнета и отъ попечительной опеки предуказано, ибо указъ 12 декабря 1904 года никакимъ послѣдующимъ актомъ никогда отмѣняемъ не былъ. А на съѣздѣ предлагалось изыскивать способы улучшенія финансоваго положенія городовъ не иначе, какъ въ предположеніи, что дѣйствующее городовое положеніе неприкосновенно. За указаніями, что безъ его коренного измѣненія нечего и думать о городскомъ благоустройствѣ, слѣдовали предостереженія и лишеніе слова. При всемъ усиліи невозможно понять, чѣмъ руководствовалась центральная администрація, обусловившая разрѣшеніе съѣзда подобнымъ запретомъ.

Уже въ теченіе многихъ лѣтъ ежегодно, въ началѣ сентября, публикуется о продленіи на годъ дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ въ рядѣ губерній и городовъ. Въ послѣдніе годы къ словамъ «на одинъ годъ» неизмѣнно прибавляется: «или по день изданія новаго закона объ исключительныхъ положеніяхъ, если законъ этотъ воспослѣдуетъ ранѣе 4 сентября слѣдующаго года». Когда эта при-

бавка явилась впервые, съ нею связывалось ожиданіе, что въ теченіе года будетъ наконецъ отмѣнено «временное» положеніе, непрерывно дѣйствующее съ 1881-го года. Но теперь ни у кого уже такихъ ожиданій не сохранилось. Можно сказать съ увѣренностью, что до 4-го сентября 1914-го года новаго закона издано не будетъ.

Въ нынѣшнемъ году, нѣсколько ранѣе указа о продленіи дѣйствія исключительныхъ законовъ, «освѣдомительное бюро» оповѣстило, что совѣтъ министровъ призналъ «соотвѣтственнымъ» снять положеніе усиленной охраны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и, между прочимъ, въ такихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, какъ Казань, Самара и Кишиневъ. Но Н. А. Маклаковъ былъ совершенно правъ, когда, если вѣрить газетамъ, онъ говорилъ депутаціи «союза русскаго народа», чтобы союзники со снятіемъ охраны не связывали никакихъ имъ присущихъ опасеній. Усиленная охрана въ Самарѣ, въ Казани и т. д. снята, но охранныя полномочія административной власти, въ ихъ главныхъ чертахъ, остались. Они остались въ силѣ и тамъ, гдѣ даже никогда усиленная охрана не была вводима и гдѣ, однако, губернаторы, на основаніи правилъ охраны, издавали и издаютъ обязательныя постановленія, жандармы производили и производятъ обыски и аресты, а военные суды постановляли и постановлятъ смертные приговоры.

Въ указѣ, опубликованномъ 4 сентября, имѣются двѣ оговорки: 1) «сохранить на означенный въ п. 1 срокъ полномочія, указанныя въ ст. 15 и п. 1 ст. 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія по принадлежности: за генералъ-губернаторами—варшавскимъ и кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ, войсковымъ наказнымъ атаманомъ Войска Донского; губернаторами»—и далѣе идетъ перечень всѣхъ губерній, не объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны; 2) «сохранить въ мѣстностяхъ Имперіи, кои въ исключительномъ положеніи не объявлены, на упомянутый въ п. I срокъ дѣйствіе ст. 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія».

При такихъ, неизмѣнно изъ года въ годъ повторяемыхъ оговоркахъ, разница между мѣстностями, объявленными и необъявленными въ исключительномъ положеніи, уже давно сдѣлалась, въ значительной мѣрѣ, номинальной, а «охранныя» правоограниченія управляемыхъ, съ одной стороны, и «охранныя» полномочія управляющихъ—съ другой, стали общей правовой нормой. Объявлена ли мѣстность въ положеніи усиленной охраны, или нѣтъ,—губернаторъ одинаково можетъ обращать къ своему разсмотрѣнію дѣла объ «озорствѣ», штрафовать газеты, сажать редакторовъ подъ

арестъ и удалять «неблагонадежныхъ» отъ службы въ общественныхъ установленіяхъ. Вѣшать по приговорамъ военныхъ судовъ можно повсемѣстно. Вся разница, въ отношеніи военной подсудности, заключается лишь въ томъ, что въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи, право преданія гражданъ военному суду принадлежитъ не мѣстной власти, а министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи.

Трудно представить себѣ самаго ревностнаго защитника вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія, который бы съ чувствомъ удовлетворенія прочелъ такъ долго ожидавшееся синодское опредѣленіе по дѣлу аѳонскихъ монаховъ. «Долженъ признаться,—писалъ князь Мещерскій,—что я за свою долгую жизнь не читалъ чего-либо, оглашеннаго именемъ церкви въ защиту ея интересовъ, что внушало бы къ себѣ недовѣріе, какъ слово, и такъ болѣзненно умаляло уваженіе разума къ своей церкви, какъ появившееся на дняхъ официальное разъясненіе происходившей подъ командою архіепископа Никона, члена россійскаго Синода, расправы въ Аѳонскомъ монастырѣ». Опредѣленіе начинается съ изложенія тѣхъ мѣръ духовнаго воздѣйствія на «имябожниковъ» (сами себя они называютъ «имяславцами», и ранѣе «имяславцами» же называлъ ихъ синодъ), которыя принимались, независимой отъ синода, мѣстной церковной властью. «Всѣ эти мѣры, однако, — говорится далѣе, — оказались безуспѣшными, а принять другія, болѣе дѣйствительныя мѣры, греческая церковная власть, вслѣдствіе разности языка и національности, не могла». Итакъ, въ вопросѣ вѣроученія, въ чисто догматическомъ спорѣ, синодъ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія на заблуждающихся противополагаетъ другія, «болѣе дѣйствительныя». Думается, что на этомъ можно поставить точку и не излагать, почему, по объясненію синодскаго опредѣленія, были призваны и введены въ монастырь солдаты, почему были пущены въ ходъ пожарныя трубы...

Стоитъ развѣ отмѣтить, какъ опредѣленіе оперируетъ съ цифрами. Сначала доказывается, что большинство монаховъ сохранило вѣрность православію и что имябожники составляли меньшинство, сильное не численностью, а тѣмъ, что «во главѣ упорствующихъ стояли лица, получившія, опираясь на имябожническое движеніе, власть и стремившіяся всѣми способами сохранить ее», а также тѣмъ, что «среди нихъ были опытные агитаторы, иногда съ уголовнымъ прошлымъ, умѣвшіе держать путемъ обмана легковѣрную и невѣжественную толпу въ слѣпомъ повиновеніи». Въ этомъ мѣстѣ опредѣленія говорится: послѣ прибытія «Донца», «численность православныхъ дошла

до двухъ третей всего состава монашествующихъ», т.-е. до двухъ третей изъ 1700 человѣкъ. А далѣе, когда опредѣленіе оправдываетъ принятіе «рѣшительныхъ» мѣръ, сказано: «при охранѣ солдатъ съ 14 по 17 іюня въ монастырѣ была произведена перепись православныхъ и имябожниковъ. Первыхъ оказалось 661, вторыхъ—517, а 360 къ переписи не явились». Эти неявившіеся очевидно къ православнымъ себя не причисляли... Снова приведемъ слова кн. Мещерскаго: «очень грустное впечатлѣніе производитъ такое, оглашенное въ печати, правительственное сообщеніе, которое въ своемъ изложеніи не имѣетъ убѣдительной силы правды и, вызывая въ читателѣ сомнѣніе въ правдивости изложенія, въ то же время ослабляетъ авторитетъ привительства. Тѣмъ сильнѣе это грустное впечатлѣніе, когда оно исходитъ отъ авторитета церкви и происходитъ отъ такого церковнаго слова, которое не только не даетъ читающему оное довѣрія къ правдѣ, но колеблетъ самый авторитетъ церкви»...

Покойный Иванъ Яковлевичъ Фойницкій былъ однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и самостоятельныхъ, въ научномъ отношеніи, русскихъ криминалистовъ. Еще юношей, только сошедшимъ со школьной скамьи, онъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, выдвинулъ идею о личномъ состояніи преступности, какъ центральномъ вопросѣ уголовнаго права. Теперь эта идея лежитъ въ основѣ цѣлой такъ называемой соціологической школы; она создала новую научную дисциплину—уголовную политику, вокругъ нея образовался международный союзъ криминалистовъ съ Листомъ, Гауэри и Ванъ-Гамелемъ во главѣ. Но въ то время она едва намѣчалась въ литературѣ, и И. Я. Фойницкій едва ли былъ не первымъ, давшимъ ей опредѣленную формулировку. Когда международный союзъ образовался, И. Я. къ нему немедленно примкнулъ и организовалъ русскую группу.

Перу И. Я. принадлежитъ рядъ капитальныхъ трудовъ: «Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ», «Курсъ уголовнаго права, часть особенная» и двухтомный, чрезвычайно тщательно разработанный «Курсъ уголовнаго судопроизводства». Масса статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ уголовнаго права и процесса имъ была помѣщена въ спеціальныхъ и въ общихъ журналахъ и въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона. Одна его статья «Патронатъ на Западѣ» была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» (1878 г., январь). Общій складъ его мысли былъ гуманный и опредѣленно-прогрессивный. Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ смертной казни; какъ процессуалистъ,—горячимъ сторонникомъ суда присяжныхъ.

Въ послѣдніе годы И. Я. Фойницкій писалъ мало и стоялъ въ сторонѣ отъ проявленій общественности. Въ политическомъ движеніи онъ никакого участія не принималъ и, какъ сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, давалъ свою подпись подъ всѣ новѣйшія «разъясненія». Но это ничуть не помѣшало министерству народнаго просвѣщенія нанести ему ничѣмъ не заслуженный ударъ. Весною нынѣшняго года И. Я. былъ освобожденъ отъ занятія штатной профессорской каѳедры въ петербургскомъ университетѣ и оставленъ лишь въ званіи заслуженнаго профессора, т. е. на положеніи пенсіонера. Съ 1904 по 1909 годъ И. Я. былъ гласнымъ петербургской городской думы. Какъ гласный, онъ принималъ ближайшее участіе въ дѣлахъ общества патроната и въ организаціи особаго суда для малолѣтнихъ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Четверть вѣка тому назадъ, когда исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени основанія «Русскихъ Вѣдомостей», мы писали въ одной изъ общественныхъ хроникъ «Вѣстника Европы»: «Эту газету часто называли и называютъ *профессорскою*, въ видѣ насмѣшки или упрека. Мы думаемъ, на оборотъ, что это—почетный титулъ. Онъ знаменуетъ собою серьезное, многостороннее образованіе, глубокое уваженіе къ наукѣ, вѣрность идеаламъ, стремленіе къ свѣту и свободѣ. Всѣ эти качества не имѣютъ, быть можетъ, большой рыночной цѣны, но они высоко поднимаютъ газету надъ общимъ уровнемъ періодической печати. Они помогаютъ ей плыть противъ теченія, не увлекаясь ни модными вѣяніями, ни господствующими взглядами. Они предохраняютъ ее отъ служенія и вашимъ, и нашимъ, отъ рѣзкихъ переходовъ съ одной стороны на другую, отъ неразборчивости въ выборѣ средствъ, отъ угожденія низменнымъ или испорченнымъ вкусамъ, отъ погони за сенсаціоннымъ матеріаломъ, отъ полемики, переходящей въ личную перебранку. «Русскія Вѣдомости» оставались вѣрными самимъ себѣ въ хорошія и дурныя времена, при попутномъ и противномъ вѣтрѣ... Чуждая народничанья и національничанья, газета предана дѣйствительнымъ интересамъ русскаго народа; она изучаетъ ихъ во всѣхъ сферахъ жизни, выдвигаетъ ихъ на первый планъ, постоянно работаетъ надъ ихъ охраной». Пятнадцать лѣтъ спустя, оглядываясь на сорокалѣтнюю дѣятельность «Русскихъ Вѣдомостей», мы съ радостью отмѣтили тотъ фактъ, что «серьезность» газеты не помѣшала ей пріобрѣсти широкую популярность и что не повредили ей и перенесенныя ею невзгоды—запрещенія розничной продажи, подчиненіе, на основаніи

«временныхъ» правилъ 1882-го года, предварительному цензурному просмотру. Мы желали «Русскимъ Вѣдомостямъ» благополучно дожить до того момента, «когда перестанутъ быть возможными подобныя случайности и начнется, наконецъ, новый періодъ въ исторіи нашей печати».

Новый періодъ въ исторіи русской печати начался, но освобожденія отъ «случайностей» онъ ей не принесъ: измѣнился только ихъ внѣшній обликъ. Послѣднее десятилѣтіе далось «Русскимъ Вѣдомостямъ» не легче, чѣмъ предшествующія. Чтобы пройти черезъ него не только уцѣлѣвшей, но и нравственно невредимой, газетѣ нужны были именно тѣ свойства, которыя обезпечили за «Русскими Вѣдомостями» выдающееся мѣсто среди органовъ русской прессы. Широко пользуясь той сравнительной, въ сущности крайне ограниченной свободой, которую доставили печати событія 1905-го года, «Русскія Вѣдомости» идутъ своей дорогой, не склоняясь ни передъ властью, ни передъ партіями, не угождая толпѣ, не форсируя и не понижая тона, не измѣняя своихъ требованій отъ слова, раздающагося на ихъ страницахъ. Имъ пришлось понести, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, тяжелыя потери: удалился за границу и вскорѣ умеръ А. И. Чупровъ, убиты Іоллосъ и Герценштейнъ, скончался В. Е. Якушкинъ, скончался многолѣтній редакторъ и вдохновитель газеты В. М. Соболевскій—но духъ ея не умираетъ и не слабѣетъ. Бодрою, полною жизни она переступаетъ ту черту, до которой еще не доживало, у насъ въ Россіи, ни одно прогрессивное періодическое изданіе.

Два мѣсяца тому назадъ, говоря о чествованіи В. Г. Короленка, мы замѣтили, что для всесторонней его оцѣнки долго недоставало одного: злобныхъ нападеній со стороны тѣхъ литературныхъ и общественныхъ круговъ, чья ненависть—необходимое дополненіе къ истинной славѣ. На долю «Русскихъ Вѣдомостей» эта ненависть выпала давно: уже въ девятидесятыхъ годахъ она принимала самыя рѣзкія формы, выражаясь, напримѣръ, въ литературномъ «допросѣ съ пристрастіемъ». «Како вѣруеши»?—спрашивали газету ея принципіальные враги, очень хорошо понимая опасность отвѣта—и не меньшую, быть можетъ, опасность молчанія. Теперь повтореніе такихъ пріемовъ было бы несвоевременно, но нашелся другой выходъ: послѣ юбилея «Русскихъ Вѣдомостей» въ «Новомъ Времени» появились *три* посвященныя имъ статьи г. Розанова. Кто знаетъ манеру этого писателя, тому нетрудно угадать, въ какую форму вылилась подъ его перомъ накоплявшаяся въ теченіи многихъ лѣтъ злоба.

К. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

В. Т. Анофріева. Исторія развитія и дѣятельности потребительнаго общества при фабрикѣ товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова Сынъ и К°. Москва, 1913 г.

Этотъ, если не ошибаемся, первый печатный трудъ руководимаго І. М. Гольдштейномъ семинарія при московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, посвященный исторіи и современному состоянію одного изъ старѣйшихъ и крупнѣйшихъ нашихъ потребительныхъ обществъ, составленъ на основаніи докладовъ, протоколовъ собраній и другихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ документовъ о дѣятельности общества въ разные періоды его жизни и на основаніи словесныхъ сообщеній автору со стороны участниковъ потребительнаго общества, въ числѣ основателей котораго находился и отецъ г-жи Анофріевой. Кромѣ цифровыхъ данныхъ и краткихъ сухихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ докладовъ и протоколовъ, г-жа Анофріева имѣла поэтому возможность оживить свой трудъ многими фактами бытового характера, и написала не безынтересную страницу къ исторіи кооперативной кооперацiи въ Россіи.

Жилища бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. Баку, 1913 г.

Рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района можно считать находящимися въ привилегированномъ положеніи въ томъ смыслѣ, что они были въ послѣднее время предметомъ довольно внимательнаго изученія: «Рабочій день, заработная плата, забастовочное движеніе, бюджеты, увѣчность, заболѣваемость промысловаго населенія изслѣдованы тщательно и детально». Исключеніе составляютъ жилищныя условія рабочихъ, и такъ какъ совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ, которому принадлежала большая часть вышеуказанныхъ изслѣдованій, уклоняется отъ изученія этого предмета, то за изслѣдованіе жилищъ бакинскихъ рабочихъ взялось профессіональное общество механическаго производства г. Баку, пригласившее для этого опытныхъ мѣстныхъ статистиковъ, гг. Фролова, Стопани, Смирнова и врача Фейнберга. Ими была составлена очень подробная программа вопросовъ (свыше 300), по которой была изслѣдовано болѣе 1700 квартиръ. Названный въ заголовкѣ этой замѣтки трудъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторые итоги этого изслѣдованія и состоитъ изъ текста, таблицъ и діаграмъ, изображающихъ густоту населенія въ хозяйскихъ казармахъ, въ частныхъ артельныхъ (для одинокихъ) и въ частныхъ семейныхъ, объемъ въ нихъ воздуха, количество свѣта, матеріалъ пола, прочность стѣнъ и потолковъ, распространеніе сырыхъ и холодныхъ квартиръ, а также квартиръ, имѣющихъ особыя кладовыя, кухни, столовыя, прачешныя, бани и сушильни для бѣлья. По разносторонности охваченныхъ признаковъ это, если не ошибаемся, первое изслѣдованіе даннаго рода.

В. В.

Jahrbücher der Philosophie. Eine kritishe Uebersicht der Philosophie der Gegenwart. Herausgegeben in Gemeinschaft mit zahlreichen Fachgenossen von M. Frischeisen-Köhler. 1-er Iahrgang. Berlin, 1913.

«Ежегодники философіи», первый томъ которыхъ появился въ этомъ году, ставятъ себѣ задачей—какъ указываетъ въ предисловіи редакторъ новаго изданія—дать систематическій и критическій обзоръ современнаго состоянія философіи. Это не библіографическій ежегодникъ, какъ издаваемый А. Руге съ 1910 г. «Philosophie der Gegenwart», а сборникъ написанныхъ спеціалистами статей, посвященныхъ отдѣльнымъ философскимъ дисциплинамъ и ихъ успѣхамъ за послѣдніе годы.

Новый ежегодникъ, по замыслу участниковъ его, не предназначается для популя-

ризированіи философіи, а для установленія живого обмѣна между философіей и другими науками. Но его съ пользою, несомнѣнно, прочтетъ и всякій интересующійся философіей, ибо онъ значительно помогаетъ оріентироваться въ пестрой и сложной картинѣ необыкновенно разросшейся за послѣднее время философской литературы.

Первый томъ «Ежегодниковъ» посвященъ изслѣдованіямъ, касающимся методовъ и основъ отдѣльныхъ наукъ. Въ него вошли статьи о теоріи познанія и логикѣ (Э. Кассирера), о натурфилософіи (Р. Генигсвальда), о принципѣ относительности (М. Лауэ), о проблемѣ времени (М. Фришейзенъ-Келера), о философіи органическаго (Ю. Шульца), объ основныхъ вопросахъ психологіи (І. Кана), о соціологіи, эстетикѣ и т. д. Въ концѣ книги приложенъ списокъ реферизованныхъ книгъ.

Слѣдующіе томы «Ежегодниковъ» будутъ посвящены проблемамъ практической философіи, метафизики и философіи религіи.

П. Ю.

Rosa Luxemburg. Die Akkumulation des Kapitals. Berlin, 1913. Стр. 446.

Трактатъ извѣстной дѣятельницы германской соціалъ-демократіи заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе и критику экономическихъ теорій, касающихся процесса накопленія капитала, начиная съ Кенэ и Адама Смита до новѣйшихъ марксистскихъ споровъ. Для русскихъ читателей книга г-жи Розы Люксембургъ особенно интересна по обилію ссылокъ на нашу экономическую литературу, которой посвященъ даже цѣлый, довольно значительный отдѣлъ (стр. 339—398): тутъ разобраны взгляды Воронцова (В. В.), Николая — она, П. Б. Струве, проф. Булгакова и М. И. Туганъ-Барановскаго.

К. А. Кузнецовъ. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVII вв.). Владивостокъ, 1913 г. Стр. III+213. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ книгѣ собраны историко-критическіе этюды, посвященные наиболѣе характернымъ представителямъ и истолкователямъ политической идеологіи Англіи въ эпоху перехода отъ стараго режима къ новому. Г. Кузнецовъ излагаетъ содержаніе трактатовъ Фортескью, Гукера, Эліота, Ламберта, Паркера, Твисдена, Джона Нокса и другихъ, причемъ попутно приводитъ свѣдѣнія о самихъ авторахъ, ихъ жизни и дѣятельности. Книга напечатана, какъ значится на обложкѣ, по опредѣленію конференціи Восточнаго института въ Владивостокѣ.

С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Перев. съ санскритскаго. Спб., 1913 г. Стр. VII+285+VII. Цѣна 2 р. 50 к.

Трудъ г. Эльмановича дѣлаетъ доступнымъ нашей читающей публикѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ законодательно-бытовыхъ памятниковъ древней индійской письменности. Законы Ману, написанные на классическомъ санскритѣ, переведены г. Эльмановичемъ съ подлинника, причемъ принимались во вниманіе существующіе французскіе и англійскіе переводы, а также труды извѣстныхъ ученыхъ спеціалистовъ, въ томъ числѣ нашего проф. С. К. Булича. Вмѣсто введенія помѣщена въ началѣ книги небольшая статья К. Кельнера «объ индійской семьѣ языковъ», а въ концѣ приложенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ и техническихъ названій, упомянутыхъ въ текстѣ.

Л. С.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив. Родной языкъ. Маленькая хрестоматія. Изд. 2-ое. Спб., 1914 г. Цѣна 20 коп.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. III. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Акаёмовъ, Н. Ѳ. Итальянская грамматика. Варшава, 1913 г. Цѣна 1 р.

Амфитеатровъ, А. В. 1812 годъ. Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Башмаковъ, Александръ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Беранже. Пѣсни. Ред. П. Когана. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Бородкинъ, М. Даль зоветъ. Литературныя поминки по гр. А. А. Голенищевѣ - Кутузовѣ. Харьковъ, 1913 г.

Бремъ. Жизнь животныхъ. Томъ 8-ой. Птицы. Спб.. 1913 г.

Бузескулъ, В. П. Сергѣй Викторовичъ Соловьевъ. (Некрологъ). Спб., 1913 г.

Бурже, Поль. Собраніе сочиненій подъ ред. П. С. Когана. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бухановы, И. и Г. Разсказы. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Бѣликовъ, Б. Д. Охрана дѣтскаго труда въ Германіи. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Бѣлявскій. Ф. Іудаизмъ и христіанство. Очерки по исторіи культуры. IV. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Воробьевъ, К. Я. О земельной оцѣнкѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ по гор. Пензѣ. Симбирскъ, 1913 г.

Гамбурцевъ, А. С. Оспопрививаніе. Руководство для гг. студентовъ и акушерокъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Генкель, А. Поѣздка на Иматру. Спб., 1913 г. Цѣна 15 коп.

Голубевъ, Вас. С. По земскимъ вопросамъ. 1901 — 1911. Посмертное изданіе. Томъ I. Спб., 1913 г. Цѣна за два тома 5 руб.

Гуро, Е., Крученыхъ, А., Хлѣбниковъ, В. Трое. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Денисовъ, Я. А. Значеніе исторіи греческой литературы. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

— Понятіе объ исторіи греческой литературы. Харьковъ, 1912 г.

Драгеймъ-Срѣтенская, І. Безсрочный. Казань, 1913 г. Цѣна 1 руб.

— Подъ ракитой. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Дрентельнъ, Н. С. Физическіе опыты въ начальной школѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Евреиновъ, Н. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Т. I. Спб., 1913 г.

Езерскій, Н. Ѳ. Общедоступные очерки политической экономіи. Вып. I. Спб., 1914 г. Цѣна 40 коп.

Кантъ, И. I. Объ извѣстной поговоркѣ: «Это, можетъ быть, вѣрно въ теоріи, но не годится для практики». II. О мнимомъ правѣ лгать изъ человѣколюбія. Пер. Над. Вальденбергъ. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Карѣевъ, Н. Революціонные комитеты парижскихъ секцій (1793—1795). Спб. 1913 г. Цѣна 40 коп.

Клычковъ, Сергѣй. Потаенный садъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Кофодъ, А. Русское землеустройство. Изд. 2-ое. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Кузьминъ, И. О. Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ

въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Курловъ, Е. Вторая книга разсказовъ. Изд. 2-ое. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Лабулэ, Эдуардъ. Абдаллахъ. Арабская сказка. Москва, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Лысковъ, И. П. Теорія словесности въ связи съ данными языковѣдѣнія и психологіи. Общій курсъ. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб. 50 к.

Львова, Н. Старая сказка, Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Майнотъ, Чарлзъ Седжвикъ. Современныя проблемы біологіи. Москва, 1913 г. Цѣна 60 к.

Мелиховъ, В. А. Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Мейеръ, Георгій и *Легглеръ, Николай.* Глубокое дыханіе. Стихотворенія. Москва, 1913 г. Цѣна 95 коп.

Михаэлисъ, Каринъ. Книга о любви. Москва. 1913 г. Цѣна 75 коп.

Мозалевскій, Викторъ. Фантастическіе разсказы. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Надеждинъ, П. П. Теорія поэзіи. Учебное руководство. Тула, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Никольскій, Н. М. Древній Вавилонъ. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Нордау, Максъ. Собраніе сочиненій. Т. 7 и 8. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Островская, М. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб.

Панюринъ, Г. Для дѣтей. Разсказы, сказки и пьесы. Вып. 5-ый. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Пеніонжкевичъ, К. Б. Основанія анализа безконечно-малыхъ. Изд. 2-ое. Сумы, Харьк. губ. Цѣна 1 руб.

Пираловъ, А. С. Краткій очеркъ кустарныхъ промысловъ Кавказа. Спб., 1913 г.

Райнери, Джіованни Антоніо. Педагогика въ пяти книгахъ. Томъ I. Москва, 1913 г.

Рамзай, Вильямъ, Элементы и электроны. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Росницкій, Н. А. Повѣсть о моей любви. Стихи. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Россійскій, М. А. Стихотворенія. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о горахъ. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Рубинштейнъ, М. М. Очерки педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Русовъ, Н. Н. Повѣсти. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Рюле, Отто. Основные вопросы воспитанія. Пер. И. Степанова. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Синклеръ, Уптонъ. Собраніе сочиненій. Т. IV, Царь Мидасъ. Пер. съ англ. З. Журавской. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Содди, Ф. Матерія и энергія. Москва, 1913 г. Цѣна 70 коп.

Стоянъ, П. Е. Краткій толковый словарь русскаго языка. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Shoesmith, Vernon, M. Пріемы изслѣдованія кукурузы. Пер. Е. и Б. Усовскихъ, подъ ред. В. В. Таланова. Екатеринославъ, 1912 г.

Темкины, Б. и *М.* Русскій учитель. Руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ школѣ и дома. Часть II. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Усовскій, Б. Сноповязальный шпагатъ и растенія, идущія на его производство, Харьковъ, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Флурнуа, проф. Принципы религіозной психологіи. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Фрейбе, Отто. Практическое ученіе о погодѣ. Пер. Ѳ. Е. Волошина, съ пред. профессора В. А. Михельсона. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Шагинянъ, Марізта. Orientalia. Изд. 2-ое. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Шепелевъ, И. Настроенія. Стихотворенія. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Шоломовичъ, А. С. Наслѣдственность и физическіе признаки вырожденія у душевно-больныхъ и здоровыхъ. Казань, 1913 г.

Харламовъ, Н. Грѣхопаденіе. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Храповицкій, В. А. Розы Діаны. Драматическая фантазія въ трехъ дѣйствіяхъ. Екатеринославъ, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Эльснеръ, Владиміръ. Выборъ Париса. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

— Пурпуръ Киѳеры. Москва, 1913г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ѳедоровъ, А. М. Собраніе сочиненій. Т. VIII. Солнце жизни. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Альманахи Изд-ва «Шиповникъ». Книга 21-ая. Спб., 1913 г., Цѣна 1 руб. 25 коп.

Библіографическія извѣстія. № 1. Москва, 1913 г.

Бюллетень хлопковаго комитета. № 4. Спб., 1913 г.

Вѣстникъ Еврейской Общины. № 1. Спб., 1913 г.

Ежегодникъ статистическаго отдѣленія Нижегородской губ. зем. управы за 1910—1911 гг. Нижній Новгородъ, 1913 г.

Календарь Харьковскаго губ. земства на 1913 г. Харьковъ, 1913 г.

Кооперація среди евреевъ. Сост. подъ ред. І. А. Блюма и Л. С. Зака. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Кустарные промыслы въ Харьковской губ. по даннымъ изслѣдованія 1912 года. Харьковъ, 1913 г.

Матеріалы для оцѣнки земель Тульской губ. Т. І. Новосильскій уѣздъ. Вып. І. Тула, 1912 г.

Отчетъ об-ва библіотековѣдѣнія за пятый годъ его существованія. Спб., 1913 г.

Отчетъ объ общественныхъ работахъ, исполненныхъ Тобольской переселенческой организаціей въ продовольственную кампанію 1911—1912 г. Томскъ, 1913 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб., 1913 г.

Очеркъ состоянія животноводства въ Харьковской губ. Харьковъ, 1913 г.

Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ. 1862—1910 гг. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губ. Самарскій уѣздъ. Самара, 1913 г.

Русское Библіографическое общество. Доклады и отчеты. Вып. II. Спб., 1913 г.

Сводныя данныя за 5-лѣтіе 1906—1910 г. о поденныхъ и сроковыхъ платежахъ, объ уборкѣ хлѣбовъ и о базарныхъ цѣнахъ на продукты полеводства. Изд. Харьковской губ. зем. управы. Харьковъ, 1913 г.

Современное хозяйство города Москвы. Изд. московскаго гор. управленія подъ ред. И. А. Вернера. Москва, 1913 г.

Статистическій справочникъ по Харьковской губ. Харьковъ, 1911 г.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ общей ред. К. И. Ксидо и М. К. Соколовскаго. Вып. IX. Спб., 1913 г.

Страхованіе рабочихъ въ Россіи и на Западѣ. Т. І. Вып. І. Подъ ред. Б. Г. Данскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Труды Харьковскаго Об-ва сельскаго хозяйства. Вып. VI. Харьковъ, 1913 г.

Универсальная библіотека. № 823-824. Шатобріанъ. Атала. Ренэ. № 845—848. Алоисъ Ирасекъ. Псоглавцы. Историч. пов. Перев. съ чешскаго. К. Дятлева. № 864—866. Жюль Вернъ. Вокругъ луны. Москва, 1913 г. Цѣна каждаго №-ра 10 коп.

Фракція прогрессистовъ въ 4-ой Гос. Думѣ. Сессія І. 1912—1913 г. Вып. второй. Спб., 1913 г.

Футуристъ „Гилея“. Дохлая луна. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юридическія извѣстія. № 1. Юрьевъ, Лифл. губ., 1913 г. Цѣна 25 коп.

ПОПРАВКА.

Въ сентябрьской книжкѣ, въ статьѣ Р. Бланка «Наканунѣ» просимъ исправить слѣдующія существенныя опечатки:

	напечатано:	должно быть:
стр. 256, строка 16-ая сверху	соціалъ-либеральную	національ-либеральную.
стр. 259, строка 15—14 снизу	національ-радикаловъ	національ-либераловъ.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Журнальный фондъ ...ковской обл. библиотеки

